К. О. Б. ИМЕНИ Д. И. ДАВЫДОВА.

8630.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ-ПОЛИТИКИ-ЛИТЕРАТУРЫ.

ТРИДЦАТЬ-СЕДЬМОЙ ГОДЪ. — КНИГА 6-я.

ІЮНЬ, 1902.

ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 л., 28.

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІЯ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА, ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО.

КНИГА 6-я. — ІЮНЬ, 1902.

Стр.

I.—РОССІЯ И ВСЕЛЕНСКАЯ ПАТРІАРХІЯ, послѣ крымской войны—1856—1860 гг.—По неизданнымъ матеріаламъ.—VIII-IX.—Окончаніе.—**Кн. Г. Т.** 469

II.—КУЛЬТУРНОЕ БОЛОТО.—Повѣсть.—III-VIII.—Окончаніе.—**Н. Покровскаго.** 508

III.—ЭРАЗМЪ МОНТАНУСЪ. — Комедія Людвига Гольберга.—Съ датск. **А. и П. Ганзенъ.** 555

IV.—МОЙ РОМАНЪ.—Часть первая.—**Софьи Витте.** 604

V.—СТИХОТВОРЕНІЯ.—**Е. Гн.** 672

VI.—ГОРОДСКОЕ УПРАВЛЕНІЕ ВЪ ГУБЕРНІЯХЪ ЦАРСТВА ПОЛЬСКАГО.—I-VI.—**А. Сулиговскаго** 675

VII.—СТИХОТВОРЕНІЯ.—I. Изъ Виктора Гюго: „Презрѣніе".—II. Изъ Ж. Роденбаха: 1. Идеалъ. 2. Одиночество. 3. На стражѣ.—**О. Михайловой** . . . 698

VIII.—БАБУШКИНА ВНУЧКА.—Повѣсть.—XVIII-XXVII.—Окончаніе.—**Н. П. Анненковой-Бернаръ** 702

IX.—КИМЪ.—Романъ.—Kim, by R. Kiepling.—I-III.—Съ англ. **П—на С—ва** . . 746

X.—СОНЕТЫ:—I. Въ паркѣ Медичи.—II. Виночерпій. — III. Баллада.—**А. Ротштейнъ** 801

XI.—СТАРЫЙ КАПИТАНЪ.—Разсказъ.—**Н. Сѣверова** 803

XII.—ХРОНИКА.—Иностранные капиталы въ Россіи.—Б. Ф. Брандтъ, Иностранные капиталы и ихъ вліяніе на экономическое развитіе страны.—**В. В.** 817

XIII.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Правительственныя сообщенія. — Разобщенность различныхъ классовъ населенія и ея результаты.—Еще о мелкой земской единицѣ. — Рѣчь управляющаго мин. народн. пр. и комментаріи къ ней въ печати.—Отчетъ по вѣдомству православнаго исповѣданія за 1898-й годъ.—Церковно-приходскія школы и школы грамоты.—Квартирныя деньги чиновъ полиціи 834

XIV.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Поѣздка президента Лубе въ Россію.—Оффиціальные тосты.—„Франко-русскія" манифестаціи и „патріотическая" печать. — Внутреннія дѣла во Франціи. — Дѣло Эмберъ.—Отмѣна закона объ охранѣ въ Эльзасѣ-Лотарингіи. — Рѣчь графа Голуховскаго и русско-австрійское соглашеніе 857

XV.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Арс. Кадлубовскій, Очерки по исторіи древне-русской литературы—житія святыхъ.—М. Бородкинъ, Славянофильство Тютчева и Герцена. — Мэтью Арнольдъ, Задачи современной критики.—А. П.—М. Н. Капустинъ и его переписка съ А. А. Борзенко.—Z.—Новыя книги и брошюры 874

XVI.—НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.—I. W. Jensen, Wilhelm Raabe.—II. Brieux, La petite amie.—**З. В.** 891

XVII.—ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.—Новый фазисъ въ исторіи одного изъ старѣйшихъ русскихъ журналовъ.—„Русскія рѣчи" обновленнаго „Русскаго Вѣстника" какъ вкладъ въ сокровищницу реакціонной печати. — Нѣчто о „сердечности" и „твердости".—Судьба трехъ земскихъ ходатайствъ.—Новыя назначенія.—С. А. Рачинскій † 904

XVIII.—БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ. — В. Д. Спасовичъ, Замѣтки о проектѣ земскаго управленія для 13 не-земскихъ губерній. — П. Таннери, Первые шаги древне-греческой науки, перев. Э. Радлова и Г. Церетели, съ пред. А. И. Введенскаго. — Шиповъ, П., капитанъ, Русская одежда. — Н. Азбелевъ, Единство въ устройствѣ вселенной.—И. И. Игнатовичъ, Помѣщичьи крестьяне наканунѣ освобожденія. — Русскій Біографическій Словарь: Павелъ преподобн.—Петръ (Илейка).

XIX.—ОБЪЯВЛЕНІЯ.—I-IV; I-XII стр.

Подписка на второе полугодіе и третью четверть 1902 года.

(См. условія подписки на послѣдней страницѣ обертки.)

Коломенская общественная библіотека имени И. И. Лажечникова.

РОССІЯ

и

ВСЕЛЕНСКАЯ ПАТРІАРХІЯ

ПОСЛѢ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ.

1856—1860 гг.

По неизданнымъ матеріаламъ.

Журнальный фонд Московской обл. библиотеки

Окончаніе *).

VIII. — Печальное положеніе константинопольской церкви и окончаніе работъ церковно-народнаго собранія.

Пока въ Петербургѣ обсуждался вопросъ о томъ, какъ отнестись къ церковнымъ осложненіямъ на Востокѣ, константинопольское церковно-народное собраніе уже заканчивало свои труды, подвергая вторичному пересмотру проектъ устава церковнаго управленія. Совершенно неожиданную поддержку для себя собраніе нашло въ лицѣ александрійскаго патріарха Каллиника. Приглашеніе, посланное вселенскою патріархіею главамъ восточныхъ церквей, принять участіе въ обсужденіи церковныхъ реформъ, было единодушно отклонено всѣми іерархами. Повторительное приглашеніе константинопольской церкви также не встрѣтило успѣха. Между тѣмъ въ турецкую столицу прибылъ по

*) См. выше: май, стр. 5.

своимъ дѣламъ александрійскій патріархъ Каллиникъ. Познакомившись съ положеніемъ дѣла на мѣстѣ, блаженнѣйшій Каллиникъ убѣдился, что, вслѣдствіе проявленной вселенскимъ патріархомъ неустойчивости и слабости въ управленіи церковью, положеніе его стало крайне шаткимъ и что святѣйшему Кириллу врядъ ли суждено долго оставаться на вселенскомъ престолѣ. Александрійскій патріархъ, повидимому, не чуждъ былъ мысли самъ занять мѣсто своего константинопольскаго собрата. Въ видахъ пріобрѣтенія популярности, онъ внезапно объявилъ себя горячимъ сторонникомъ церковныхъ преобразованій. Когда депутація собранія явилась къ нему лично повторить приглашеніе, онъ не только согласился принять послѣднее, но, прибывъ въ собраніе, произнесъ рѣчь, въ которой признавалъ прежнія свои предубѣжденія лишенными основанія, восхвалялъ работы собранія и благодарилъ за оказанную ему честь. Каковы бы ни были личные мотивы, побуждавшіе александрійскаго патріарха измѣнить свое отношеніе къ константинопольскому собранію, присоединеніе его къ послѣднему оказало серьезную услугу дѣлу преобразованія, явившись нравственной поддержкой въ трудныя минуты, которыя переживала вселенская патріархія.

Положеніе патріархіи во всѣхъ отношеніяхъ можно было считать критическимъ. Въ средѣ высшей іерархіи происходили раздоры. Со всѣхъ сторонъ приходили тревожныя вѣсти о волненіи, охватывавшемъ православную паству, и объ успѣхахъ инославной пропаганды. Жители города Кукушъ, салоникскаго вилайета, отпали отъ православія. Мѣстный епархіальный епископъ, грекъ Мелетій, своимъ корыстолюбіемъ возбудилъ неудовольствіе паствы, состоявшей изъ болгаръ. Жалобы населенія на Мелетія были признаны справедливыми. Патріархія смѣстила его. Князь Лобановъ поддержалъ ходатайство болгаръ о назначеніи епископа ихъ національности и даже заручился обѣщаніемъ вселенскаго патріарха и салоникскаго митрополита на посвященіе въ епископы болгарскаго архимандрита Парѳенія, бывшаго преподавателемъ болгарской школы въ Фанарѣ и лично извѣстнаго нашему посланнику. Вмѣсто того въ послѣднюю минуту на вакантную каѳедру опредѣленъ былъ епископъ г. Платамоны—природный грекъ. Тогда населеніе г. Кукуша обратилось къ настоятелю католической церкви въ Салоникахъ, лазаристу Тюроку, выражая желаніе признать главенство папы подъ условіемъ, чтобы имъ предоставлена была свобода богослуженія на болгарскомъ языкѣ и ничѣмъ не нарушены были православные догматы и обряды.

Это была первая серьезная вспышка давно подготовлявшагося движенія среди болгаръ къ отдѣленію отъ вселенской патріархіи съ цѣлью образованія самостоятельной народной церкви. Константинопольскій синодъ рѣшилъ послать въ Кукушъ настоятеля болгарской церкви въ Фанарѣ, Иларіона, епископа in partibus, поручивъ ему разслѣдовать дѣло и привести его къ мирному окончанію. Прибывъ на мѣсто, Иларіонъ доносилъ въ патріархію, что положеніе крайне серьезно. Католическая пропаганда, не теряя времени, принялась за работу, и одновременно съ посланцемъ патріархіи въ Кукушъ пріѣхали изъ Константинополя директоръ іезуитскаго коллежа патеръ Борэ, съ нѣсколькими миссіонерами, которые съ почетомъ встрѣчены были горожанами.

Подъ впечатлѣніемъ опасности и побуждаемая донесеніями Иларіона, патріархія предписала ему предложить населенію свою собственную кандидатуру, если онъ согласенъ; если же нѣтъ, то Парѳенія. За отказомъ Иларіона надлежало назначить Парѳенія. Между тѣмъ патріархія медлила исполненіемъ своего обѣщанія, подыскивая способъ, какъ бы избѣжать столь непріятнаго для нея прецедента. Посвященію въ епископы Парѳенія противился салоникскій митрополитъ, въ округѣ котораго находилась каѳедра Кукуша. Не малаго труда стоило нашему посланнику настоять на хиротоніи Парѳенія. Наконецъ вселенскому патріарху и митрополиту артскому удалось уговорить салоникскаго митрополита прекратить свое противодѣйствіе.

Сообщая о состоявшемся, наконецъ, назначеніи Парѳенія, князь Лобановъ отмѣчалъ принципіальную важность этого факта. Впервые въ епархію съ славянскимъ населеніемъ назначался славянинъ. Церковь константинопольская какъ бы порывала съ своимъ старымъ племеннымъ предразсудкомъ и признавала народное начало въ управленіи церковномъ. Въ этомъ сказывалось, по мнѣнію кн. Лобанова, благодѣтельное вліяніе терпимости, которою проникнуто церковно-народное собраніе, а также синодъ, въ которомъ не засѣдаютъ болѣе геронты [1]). Къ сожалѣнію, оптимистическимъ взглядамъ русскаго посланника не суждено было оправдаться. Большинство греческаго духовенства было далеко отъ духа національной терпимости. Новопосвященному епископу, послѣ тяжелой борьбы съ прочими греческими архіереями салоникскаго округа и самимъ митрополитомъ, вскорѣ пришлось ходатайствовать о выдѣленіи своей епархіи изъ салоникской метро-

[1]) Депеша кн. Лобанова, Пера, 31 октября (12 ноября), 1859 г.

поліи и непосредственномъ подчиненіи патріархіи. Инцидентъ закончился, однако, благополучно, и населеніе, получивъ удовлетвореніе въ своихъ требованіяхъ, вернулось въ лоно православія.

Проискамъ католическихъ миссіонеровъ въ Кукушѣ открыто содѣйствовалъ французскій консулъ, вопреки соглашенію, состоявшемуся между нами и Франціей въ Штутгартѣ, и противно смыслу извѣстнаго циркуляра графа Валевскаго къ консульскимъ агентамъ на Востокѣ. Участіе Франціи въ католической пропагандѣ сказывалось въ цѣломъ рядѣ случаевъ, которые дѣлали его несомнѣннымъ. Неудача, постигшая дѣятельность миссіонеровъ въ Кукушѣ, нисколько не ослабила ихъ рвенія. Въ своей борьбѣ противъ православія католики старались пользоваться слабыми сторонами греческаго духовенства и шли на встрѣчу всѣмъ желаніямъ православной паствы, которая не привыкла къ подобному отношенію со стороны своихъ пастырей. Въ Македоніи наиболѣе дѣятельными были лазаристы, во главѣ съ упомянутымъ выше патеромъ Тюрокомъ—настоятелемъ католическаго храма въ Салоникахъ. Вскорѣ послѣ кукушскаго инцидента, въ Константинополѣ было получено извѣстіе о новомъ отпаденіи: жители полуострова Кассандріи, близъ Аѳона, перешли въ латинство. Какъ и въ Кукушѣ, ближайшей причиной отпаденія было давнишнее недовольство паствы своимъ епископомъ. Послѣдній, несмотря на многочисленныя злоупотребленія и вымогательства, продолжалъ оставаться на своемъ посту, благодаря заступничеству за него въ Константинополѣ вліятельныхъ епископовъ. Настолько своевременно было предпринятое церковно-народнымъ собраніемъ уничтоженіе системы эфоріи! Французскій консулъ Г. Тиссо, ультрамонтанъ по убѣжденію, какъ и большинство консульскихъ агентовъ, которыхъ Франція посылаетъ на Востокъ, всѣми силами способствовалъ успѣху пропаганды. Разъѣзжая по странѣ, онъ прислушивался къ жалобамъ сельскаго населенія, изнывавшаго подъ бременемъ поборовъ. Для миссіонерской дѣятельности была подготовлена самая подходящая почва. Отъ новообращенныхъ не требовалось сначала никакого отреченія отъ догматовъ и обрядовъ православной церкви, и присоединеніе ихъ къ латинству обусловливалось лишь признаніемъ главенства папы. Вмѣстѣ съ тѣмъ, они добивались свободы богослуженія на родномъ языкѣ; перемѣна вѣроисповѣданія освобождала ихъ отъ поборовъ греческаго духовенства и ставила ихъ подъ покровительство Франціи. Этой послѣдней приманкой съ особымъ успѣхомъ пользовались миссіонеры тамъ, гдѣ не было русскаго консульскаго учрежденія. Положеніе христіанской райи,

страдающей отъ гнета мусульманскаго правительства и притѣсненій своего собственнаго духовенства, было въ такихъ мѣстностяхъ безвыходнымъ, и потребность въ чьемъ-либо дѣятельномъ покровительствѣ вынуждала цѣлыя села переходить въ католичество.

Наиболѣе значительные размѣры это движеніе приняло на Критѣ. Внутренніе раздоры, терзавшіе населеніе острова, давали поводъ къ постояннымъ угнетеніямъ со стороны турецкихъ властей. Не находя нигдѣ защиты, сто-тридцать, а по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ—двѣсти православныхъ семействъ торжественно присоединились къ католичеству, слѣдуя убѣжденіямъ монаховъ-капуциновъ, которые сулили имъ покровительство Франціи. Когда новообращенные явились къ французскому консулу, послѣдній принялъ ихъ благосклонно, но заявилъ, что не можетъ считать ихъ состоящими подъ покровительствомъ Франціи до тѣхъ поръ, пока не испроситъ на то разрѣшеніе своего посла въ Константинополѣ.

Извѣщенный о случившемся, князь Лобановъ поспѣшилъ объясниться съ Тувенелемъ. Послѣдній самымъ положительнымъ образомъ завѣрилъ его, что никогда не входило въ виды французскаго правительства пользоваться религіозными вопросами для своего вліянія на Востокѣ; что французскіе агенты въ Турціи имѣли назначеніемъ защищать принципъ свободы совѣсти, безъ различія вѣроисповѣданія. Оказывая покровительство католическимъ священнослужителямъ, какъ подданнымъ Франціи или папы, французское правительство постоянно предписываетъ своимъ агентамъ оставаться въ сторонѣ отъ дѣла пропаганды. „Мы не поощряемъ ее,—добавилъ онъ,—точно такъ же, какъ не можемъ стараться *препятствовать* ей, чтобы не подвергнуть себя громамъ Ватикана“ [1]).

Въ подтвержденіе своихъ словъ Тувенель прочелъ своему собесѣднику донесеніе французскаго консула въ Канеѣ, а также инструкціи, которыми онъ снабдилъ послѣдняго. На основаніи этихъ данныхъ князь Лобановъ склоненъ былъ повѣрить чистосердечности французскаго посла. Довѣріе его было, повидимому, нѣсколько поколеблено повтореніемъ въ различныхъ мѣстностяхъ одного и того же факта,—а именно, что во всѣхъ случаяхъ отпаденія населенія отъ православія успѣхъ пропаганды былъ связанъ съ именемъ Франціи.

[1]) Nous ne la favorisons pas, ajouta-t-il, mais en revanche nous ne pouvons pas non plus chercher à *l'empêcher* sans nous exposer aux foudres du Vatican. (Dépêche du prince Lobanow, Péra, le 29 Décembre (10 Janvier) 1859—60 г.).

Послѣ разговора съ Тувенелемъ, русскій посланникъ не замедлилъ обратить серьезное вниманіе вселенскаго патріарха на прискорбное положеніе дѣлъ на Критѣ. Святѣйшій Кириллъ казался удрученнымъ; по его словамъ, отовсюду приходили вѣсти о побѣдахъ католицизма. Сознавая слабость свою бороться собственными средствами противъ сильнаго противника, патріархъ указывалъ, между прочимъ, на желательность учрежденія на Критѣ русскаго консульства. Съ другой стороны, турецкое правительство съ тревогой слѣдило за соучастіемъ Франціи въ дѣятельности миссіонеровъ. Вполнѣ равнодушные къ религіозной сторонѣ вопроса, турки обращали вниманіе лишь на политическое значеніе прозелитизма. Всюду приманкой служило покровительство Франціи; слишкомъ быстрое возростаніе этой державы среди населенія вызывало опасенія Порты. Обычная политика послѣдней побуждала ее искать въ соперничествѣ державъ гарантію устойчивости и равновѣсія во внутреннихъ своихъ дѣлахъ. Вслѣдствіе этого идея учрежденія русскаго консульства на Критѣ съ полнымъ сочувствіемъ встрѣчена была турецкимъ правительствомъ. Въ свою очередь, императорское министерство поспѣшило назначить на новый постъ консула въ Канеѣ г. Дендрино, умнаго и опытнаго агента, главной задачей котораго было склонить отпавшихъ вновь вернуться въ лоно православія, оказывая населенію возможную поддержку въ предѣлахъ умѣреннаго благоразумія. Такимъ образомъ исполнено было ходатайство вселенскаго патріарха, авторитетъ котораго былъ сильно поколебленъ за послѣднее время.

Къ сожалѣнію, патріархъ Кириллъ не умѣлъ пользоваться обстоятельствами, чтобы упрочить свое положеніе на подобающей высотѣ. Чувствуя, что почва съ каждымъ днемъ уходитъ у него изъ-подъ ногъ и противная ему партія усиливается, патріархъ сталъ вербовать въ синодъ членовъ съ предосудительной репутаціей, надѣясь въ лицѣ обязанныхъ ему людей найти вѣрную опору, чтобы сохранить за собою свой постъ. Въ это время въ Константинополѣ находились трое епископовъ, вызванныхъ изъ своихъ епархій для производства надъ ними слѣдствія по различнымъ обвиненіямъ. Ихъ-то патріархъ и пригласилъ участвовать въ синодѣ, освободивъ собственной властью отъ всякаго дальнѣйшаго судебнаго разбирательства. Тщетно пытались члены церковнаго-народнаго собранія отклонить его отъ этого рѣшенія. Точно такъ же поступилъ патріархъ и въ другомъ во-

просѣ, въ которомъ собраніе было непосредственно заинтересовано.

Логоѳетъ Аристархи уже давно несочувственно относился къ дѣлу церковнаго преобразованія. Положеніе, которое онъ занималъ въ церковныхъ дѣлахъ въ силу своей должности, было крайне вліятельное при старыхъ порядкахъ. Новый уставъ, создававшій особый свѣтскій органъ—смѣшанный народный совѣтъ, тѣмъ самымъ ограничивалъ сферу вліянія логоѳета. Кромѣ того, новыя правила о патріаршихъ выборахъ имѣли въ виду стѣснить обычную агитацію отдѣльныхъ вліятельныхъ мірянъ.

Желая предотвратить столь неблагопріятный для него оборотъ дѣла, логоѳетъ сталъ внушать оттоманскому министру иностранныхъ дѣлъ, что, въ общемъ, работы церковно-народнаго собранія направлены къ изъятію церковнаго управленія изъ-подъ власти и наблюденія правительства. Подъ вліяніемъ этихъ внушеній, Фуадъ-паша выразилъ желаніе, чтобы собраніе довѣрительно сообщало ему свои акты, по мѣрѣ ихъ пересмотра. Когда собраніе не сочло возможнымъ удовлетворить желанію министра, вселенскій патріархъ, пользуясь предоставленной ему, въ этомъ отношеніи, нѣкоторой свободой дѣйствій, не преминулъ передать Фуаду, по секрету и отъ своего имени, документы, съ которыми тотъ желалъ ознакомиться. Аристархи обратилъ преимущественное вниманіе Фуадъ-паши на желательныя измѣненія въ регламентѣ патріаршихъ выборовъ, съ цѣлью предоставить Портѣ руководящее въ этомъ дѣлѣ значеніе. Такъ онъ предлагалъ, чтобы выборы производились изъ числа трехъ кандидатовъ, указываемыхъ Портою. При этомъ, конечно, самъ логоѳетъ, какъ посредникъ между правительствомъ и церковью, пріобрѣлъ бы первенствующее вліяніе на исходъ выборовъ.

Заслуживъ расположеніе Порты своею угодливостью, Аристархи пользовался близостью къ власти, чтобы производить давленіе на членовъ собранія для достиженія своекорыстныхъ цѣлей. Въ проектѣ устава было опредѣлено, что на будущее время должность логоѳета будетъ считаться почетнымъ званіемъ и не будетъ оплачиваться. Вмѣстѣ съ тѣмъ лично за г. Аристархи сохранялось присвоенное ему содержаніе, пока онъ будетъ занимать настоящую свою должность. Послѣдній не удовлетворился, однако, этимъ постановленіемъ и потребовалъ себѣ прибавки. Въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій, посвященныхъ окончательному пересмотру устава, онъ распространился о личномъ вліяніи, которымъ пользовался въ правительственныхъ кругахъ. Въ заключеніе онъ заявилъ, что, „добившись въ теченіе

своей многолѣтней дѣятельности смѣщенія десяти патріарховъ и болѣе пятидесяти епископовъ, онъ съумѣетъ и теперь испросить у Порты фирманъ, который заставитъ трепетать непокорныхъ членовъ собранія".

Дерзкая выходка логоѳета возъимѣла дѣйствіе, и члены собранія тутъ же подписали добавочную статью, въ силу которой содержаніе логоѳета было увеличено во вниманіе къ его заслугамъ [1]).

Въ принятомъ рѣшеніи не участвовалъ д-ръ Ст. Каратеодори. Прибывъ на слѣдующее засѣданіе, онъ произнесъ громовую рѣчь, упрекая собраніе въ превышеніи своихъ полномочій. Оно призвано было установить разъ навсегда порядокъ управленія и опредѣлить обязанности логоѳета, безотносительно къ лицу, которое въ данную минуту занимаетъ эту должность. Входить въ оцѣнку чьихъ-либо заслугъ оно не имѣло права. Къ тому же, вѣрно Аристархи не забылъ вознаградить себя въ свое время, смѣстивъ столько патріарховъ и епископовъ, ибо извѣстно, во что обходится назначеніе на эти мѣста. Пристыженные рѣчью Каратеодори, члены собранія уничтожили принятое на предыдущемъ засѣданіи постановленіе. „Способно ли такое собраніе составить правила благоустройства,—недоумѣвалъ митрополитъ Филаретъ.—И составляемыя имъ правила будутъ ли приняты съ такимъ уваженіемъ, которое покоряло бы имъ совѣсти, и побуждало къ вѣрному исполненію оныхъ?" [2])

Тревожные признаки неурядицы, начинавшей проникать въ церковно-народное собраніе къ концу его работъ, обнаруживались съ каждымъ днемъ все сильнѣе. Продолжая, несмотря на свое изгнаніе, интриговать противъ преобразованія, геронты добились наконецъ своего, посѣявъ раздоры между самими членами собранія. Подъ вліяніемъ ихъ внушеній, митрополиты адріанопольскій, деметрійскій и селиврійскій, засѣдавшіе въ собраніи, стали склоняться на сторону реакціи и замышлять, какъ бы нанести ударъ дѣлу реформы. Тогда геронты, которые вступили въ соглашеніе съ названными митрополитами черезъ посредство особаго довѣреннаго агента, внушили имъ мысль по-

---

[1]) Не довольствуясь вліяніемъ на церковныя дѣла, логоѳетъ Аристархи умѣлъ пользоваться своимъ положеніемъ для всевозможныхъ политическихъ интригъ. Онъ поддерживалъ связи не только съ Портою, но и съ иностранными посольствами, смотря потому, которое изъ нихъ въ данную минуту было въ силѣ.

Въ 1855 году французскій посолъ Тувенель записалъ со словъ бывшаго великаго визиря Мегметъ-Али-паши разсказъ о томъ, какую роль сыгралъ Аристархи въ неудачныхъ переговорахъ кн. Меньшикова передъ крымской войной.

[2]) Записка отъ 23-го мая 1860 г.

дать Портѣ оффиціальный протестъ противъ актовъ церковно-народнаго собранія и добиться распоряженія правительства о передачѣ выработаннаго церковнаго устава на пересмотръ совѣта всѣхъ патріарховъ, находящихся въ должности и на покоѣ, а равно и геронтовъ, какъ старшихъ епископовъ въ порядкѣ іерархіи. Ходили слухи, что, на случай удачи задуманнаго плана, геронты ассигновали милліонъ піастровъ для дальнѣйшей агитаціи противъ преобразованія.

Для успѣха дѣла геронтамъ нужно было также заручиться поддержкою какого-либо признаннаго въ церковномъ мірѣ авторитетнаго лица. Въ это время въ одномъ изъ пригородныхъ мѣстечекъ на Босфорѣ проживалъ на покоѣ бывшій вселенскій патріархъ Григорій. Своей суровой монашескою жизнью и высокими нравственными достоинствами этотъ іерархъ стяжалъ себѣ широкую популярность среди православнаго населенія столицы. Къ нему и обратились геронты черезъ посредство халкедонскаго митрополита, также геронта, который, будучи удаленъ съ прочими сотоварищами изъ Константинополя, имѣлъ, однако, своимъ законнымъ мѣстопребываніемъ азіатскій берегъ Босфора. Переправившись, вопреки запрещенію Порты, на европейскую сторону Босфора въ Арнаутъ-Кіой, митрополитъ халкедонскій навѣстилъ поселившагося тамъ св. Григорія. Въ бесѣдѣ съ почтеннымъ іерархомъ хитрый геронтъ постарался возбудить въ немъ недовѣріе къ работамъ церковно-народнаго собранія. Святѣйшій Григорій былъ извѣстенъ своею приверженностью къ стариннымъ обрядовымъ формамъ церковнаго устройства. Зная это наиболѣе чувствительное мѣсто своего собесѣдника, митрополитъ халкедонскій обратилъ его вниманіе на пагубныя нововведенія, проектированныя собраніемъ, грозившія нарушить старинный складъ церковнаго устройства. Подготовивъ этимъ приступомъ благопріятную, какъ ему казалось, почву, митрополитъ халкедонскій предложилъ св. Григорію, отъ имени всѣхъ геронтовъ, а также логоѳета Аристархи, содѣйствовать возведенію его на патріаршій престолъ. При этомъ Григорій долженъ былъ заранѣе выдать письменное обязательство, что послѣ своего избранія онъ опротестуетъ всѣ постановленія церковно-народнаго собранія, какъ противныя канонамъ и интересамъ церкви.

Лукавое предложеніе геронтовъ не имѣло, однако, никакого успѣха. Святѣйшій Григорій отвѣчалъ, что достоинство и преклонный возрастъ заставляютъ его желать прежде всего покоя съ работами церковно-народнаго собранія онъ знакомъ только по наслышкѣ, и потому не считаетъ возможнымъ подвергнуть

ихъ голословному осужденію. Отвергнувъ сдѣлку, предложенную геронтами, патріархъ посовѣтовалъ ихъ посланцу не прибѣгать къ столь предосудительнымъ пріемамъ. Давая этотъ совѣтъ, св. Григорій и не подозрѣвалъ, что въ то время какъ геронты подсылали къ нему своего сообщника, они на самомъ дѣлѣ имѣли въ виду возвести въ патріаршій санъ вовсе не его, а брусскаго митрополита, который только-что случайно освободился отъ суда за свои преступныя дѣянія.

Не болѣе удачны были попытки геронтовъ побудить корпораціи столичныхъ ремесленниковъ подать коллективный протестъ въ Порту противъ актовъ собранія. Они натолкнулись на отказъ перскаго хорепископа содѣйствовать своимъ вліяніемъ возбужденію съ этой цѣлью волненія среди греческаго населенія Константинополя.

Всѣ эти происки породили, однако, глухое броженіе въ столичномъ духовенствѣ и среди вліятельныхъ мірянъ. Многіе опасались, что патріархъ перешелъ въ лагерь противниковъ реформы; въ кружкахъ, близко стоявшихъ къ патріархіи, ждали съ напряженнымъ вниманіемъ засѣданія церковно-народнаго собранія, на которомъ должно было состояться подписаніе всѣми членами новаго устава, для передачи его на утвержденіе Порты.

Засѣданіе это имѣло мѣсто 5-го (17-го) февраля 1860 года. Св. Кириллъ предложилъ всѣмъ членамъ собранія подписать акты и заявилъ, что самъ онъ, въ качествѣ предсѣдателя, долженъ только легализировать подписи прочихъ членовъ. Митрополиты адріанопольскій, деметрійскій и силеврійскій, думая, что патріархъ склонился на сторону оппозиціи, заявили, что они согласны подписать акты только послѣ предсѣдателя. Тогда всѣ члены собранія, боясь новой измѣны св. Кирилла, стали уговаривать его подписать акты. Послѣ нѣкоторыхъ колебаній, патріархъ заявилъ, что признаетъ всѣ акты собранія вполнѣ законными и согласными съ своими личными убѣжденіями; принимая во вниманіе, что они касаются вопросовъ административнаго, а не духовнаго порядка, онъ уступаетъ желанію собранія и подпишетъ первый.

Не ожидавшій подобнаго заявленія отъ патріарха, митрополитъ адріанопольскій настолько растерялся, что приложилъ свою подпись вслѣдъ за св. Кирилломъ. Но когда послѣ него дошла очередь до двухъ остальныхъ его сообщниковъ, оба они наотрѣзъ отказались подписывать акты, и въ рѣзкихъ выраже-

ніяхъ протестовали противъ законнаго значенія этого документа. Къ нимъ присоединился адріанопольскій митрополитъ, поздно спохватившійся, заявивъ, что онъ уничтожаетъ только-что данную имъ подпись; этотъ іерархъ передалъ предсѣдателю собранія письменный протестъ противъ актовъ, нарушающихъ будто бы церковные каноны.

Протестъ былъ громогласно прочитанъ александрійскимъ патріархомъ. Онъ былъ подписанъ тремя вышеназванными митрополитами, а также нѣкоторыми епископами, которые вовсе не состояли членами собранія.

Въ немъ было сказано, что, въ виду важности предположенныхъ преобразованій, акты собранія должны быть подвергнуты пересмотру синклита всѣхъ патріарховъ и опытныхъ епископовъ; подписавшіе заявляли, что тождественный протестъ поданъ ими въ Порту.

Чтеніе протеста произвело въ собраніи цѣлую бурю.

Самъ патріархъ, котораго подозрѣвали въ сообщничествѣ съ оппозиціей, казалось, не ожидалъ подобной выходки со стороны ея членовъ. Онъ разразился рѣзкими упреками противъ трехъ митрополитовъ, обвиняя ихъ въ измѣнѣ по отношенію не только собранія, но и правительства, ибо они пріобщили къ своему протесту лицъ, постороннихъ дѣлу преобразованія, и, слѣдовательно, нарушили тайну, въ которой обязаны были держать всѣ труды церковно-народнаго собранія. Мало того, они преступили правила церковной дисциплины, обратившись къ Портѣ безъ разрѣшенія вселенскаго патріарха, и выказали явную недобросовѣстность своимъ протестомъ противъ совокупности актовъ, которые всѣ въ отдѣльности были подписаны ими, по мѣрѣ того, какъ выработывался по частямъ проектъ церковнаго уложенія. Установивъ виновность трехъ митрополитовъ, патріархъ объявилъ имъ въ томъ же засѣданіи, что они не могутъ болѣе участвовать въ собраніи и что онъ приказываетъ имъ отбыть немедленно въ свои епархіи. Св. Кириллъ добавилъ, что это наказаніе не соотвѣтствуетъ, въ сущности, тяжести преступленія, совершеннаго тремя епископами, которыхъ по церковнымъ канонамъ слѣдовало бы лишить сана.

Протестомъ трехъ митрополитовъ не исчерпались, однако, инциденты засѣданія 5-го февраля. Гораздо болѣе серьезный и глубокій расколъ обнаружился среди представителей православной паствы, засѣдавшихъ въ церковно-народномъ собраніи.

Съ самаго открытія собранія славянскіе делегаты, которыхъ было только трое, не переставали дѣятельно противодѣйство-

вать всему, что, по ихъ мнѣнію, въ предлагаемыхъ преобразованіяхъ, носило слишкомъ греческій характеръ. Впервые имъ дана была возможность заявить гласно о своихъ нуждахъ и указать на соотвѣтствующія злоупотребленія. Славянскіе делегаты чувствовали свою отвѣтственность передъ земляками, еслибы упустили этотъ единственный до сихъ поръ случай. Глухая племенная вражда, раздѣлявшая грековъ и славянъ, внушала послѣднимъ опасеніе, что своимъ громаднымъ численнымъ превосходствомъ въ собраніи греки воспользуются, чтобы закрѣпить въ церкви свое исключительное вліяніе. Присланные изъ славянскихъ земель делегаты были къ тому же далеко не столь образованны и подготовлены къ предстоявшей имъ задачѣ, какъ нѣкоторые изъ представителей греческаго клира и мірянъ. Тѣ изъ греческихъ членовъ собранія, которые были главными проводниками новаго преобразованія, откровенно или нѣтъ, утверждали, что они желаютъ привести къ примиренію племенныя разногласія въ церкви. И дѣйствительно, въ новомъ уставѣ проведены были постановленія, которыя имѣли въ виду удовлетворить нѣкоторымъ требованіямъ славянъ. Такъ, напримѣръ, было признано обязательнымъ для полученія епископской каѳедры знаніе кандидатомъ языка, на которомъ говорило большинство населенія данной епархіи.

Кромѣ того, вмѣнено было въ обязанность синода обратить особое вниманіе на раздававшіяся по временамъ со стороны болгаръ жалобы относительно отправленія богослуженія и принять мѣры къ справедливому ихъ удовлетворенію.

Эти постановленія исходили, быть можетъ, изъ вполнѣ искреннихъ побужденій, но они составлены были въ слишкомъ общихъ выраженіяхъ и носили характеръ неопредѣленныхъ обѣщаній. Греческіе іерархи не сознавали, насколько серьезны были успѣхи народнаго движенія среди славянъ, и не понимали, что прошло время, когда можно было держать разноплеменную паству въ повиновеніи, не удовлетворяя ея справедливымъ запросамъ. Все это и породило между обѣими сторонами расколъ, который рѣзко обозначился въ роковомъ засѣданіи 5-го февраля. Поводомъ къ разногласію послужилъ вопросъ о ликвидаціи долга патріархіи. Собраніе постановило погасить его, распредѣливъ его между всей паствой. Это рѣшеніе вызвало энергичный протестъ славянскихъ делегатовъ, въ виду того, что главная тяжесть долга падала бы на славянъ. Послѣдніе превосходили своею численностью всѣ прочія народности, входившія въ составъ патріархіи, а между тѣмъ славяне не только не получали

никакихъ выгодъ отъ понесенныхъ затратъ, но имъ даже не извѣстно было, на какіе предметы пошли всѣ эти деньги. Несмотря на убѣжденія прочихъ членовъ, что отъ совершенныхъ доселѣ злоупотребленій греки пострадали не менѣе другихъ племенъ, и что церковно-народное собраніе имѣло задачей установленіе такого порядка, при которомъ немыслима была бы прежняя неурядица,—славянскіе делегаты остались при своемъ мнѣніи, отказываясь участвовать въ уплатѣ стараго долга.

Во время спора представитель Тырнова, хаджи Николи, неожиданно выступилъ съ проектомъ возстановленія независимой болгарской іерархіи, члены которой должны были бы выбираться самой паствою. Но болгарскому представителю было замѣчено, что разсмотрѣніе ходатайства болгаръ выходитъ изъ круга дѣятельности церковно-народнаго собранія, которое обязано руководствоваться программою, предложенною ему Портою, и что болгарамъ надлежитъ обратиться непосредственно къ турецкому правительству съ просьбой снестись по этому предмету съ вселенскою патріархіею. Видя, что заявленіе тырновскаго представителя оставлено собраніемъ безъ послѣдствій, всѣ славянскіе делегаты отказались подписать акты.

Такимъ образомъ, оппозиція противъ постановленій, выработанныхъ церковно-народнымъ собраніемъ, исходила изъ двухъ противоположныхъ источниковъ: консервативной партіи, не желавшей никакихъ измѣненій въ старомъ строѣ, и славянъ, требовавшихъ радикальныхъ преобразованій въ церковномъ устройствѣ.

Вмѣсто того, чтобы усмотрѣть въ этомъ обстоятельствѣ указаніе на неудовлетворительность достигнутыхъ результатовъ, князь Лобановъ, возлагавшій большія надежды на благодѣтельныя для славянъ послѣдствія реформы, осуждалъ поведеніе болгарскаго делегата. Пригласивъ къ себѣ нѣкоторыхъ вліятельныхъ болгаръ, проживавшихъ въ Константинополѣ, онъ выразилъ имъ свое неудовольствіе по поводу происшедшаго и старался внушить имъ, насколько неумѣстнымъ являлся съ ихъ стороны протестъ противъ дѣятельности церковно-народнаго собранія, работы котораго „столь несомнѣнно благопріятствовали дѣлу славянъ“.

На слѣдующій день послѣ описаннаго засѣданія, депутація собранія, съ александрійскимъ патріархомъ во главѣ, явилась къ министру иностранныхъ дѣлъ и передала ему оффиціально акты. Депутаты заявили, что въ своихъ работахъ собраніе строго сообразовалось съ желаніями правительства и интересами населенія; для выполненія своей задачи оно должно было столкнуться

со многими личными интересами, которые пострадали отъ прекращенія прежней неурядицы. Враги реформы распространяли повсемѣстно невѣрныя представленія о занятіяхъ собранія, которое доселѣ лишено было возможности разсѣевать ихъ, храня въ строгой тайнѣ свои работы. Самымъ лучшимъ отвѣтомъ на многочисленныя нареканія было бы обнародованіе новаго устава, и потому депутаты ходатайствовали передъ Портою ускорить по возможности его утвержденіе, тѣмъ болѣе, что многіе члены собранія, прибывшіе изъ дальнихъ мѣстностей, тяготились долговременнымъ пребываніемъ въ столицѣ.

Передавъ Портѣ свои акты, собраніе понимало, что дѣло далеко не кончено. Нужно было добиться утвержденія устава турецкимъ правительствомъ безъ допущенія значительныхъ измѣненій въ текстѣ. Мало надѣясь на настойчивость своего предсѣдателя, члены собранія разсчитывали только на поддержку русской миссіи, которая совѣтовала имъ энергично противиться всякимъ редакціоннымъ поправкамъ и вставкамъ. Съ цѣлью связать патріарха Кирилла съ дѣломъ реформы, собраніе представило ему меморандумъ, въ которомъ требовало снестись съ Портой относительно наказанія трехъ митрополитовъ, зачинщиковъ протеста. Святѣйшій Кириллъ ничего не боялся до такой степени, какъ личной отвѣтственности въ какомъ-либо рѣшительномъ шагѣ. Послѣ перваго своего движенія, когда, поддавшись вліянію большинства церковно-народнаго собранія, онъ въ публичномъ засѣданіи обрушился съ упреками на трехъ митрополитовъ, патріархъ вновь перемѣнилъ свое отношеніе къ оппозиціи.

Повинуясь внушеніямъ синода, онъ передалъ Портѣ представленный ему меморандумъ, причемъ не только не поддержалъ его личнымъ ходатайствомъ, но тономъ своего обращенія давалъ понять турецкому правительству, что ожидаетъ отъ него скорѣе снисхожденія къ провинившимся іерархамъ.

Такое поведеніе возъимѣло свое дѣйствіе. Въ виду отсутствія единодушія между собраніемъ и его предсѣдателемъ, турецкіе министры стали поговаривать о различныхъ измѣненіяхъ въ проектѣ устава. Въ отвѣтъ на обращеніе патріарха съ упомянутымъ меморандумомъ Порта предложила ему простить виновныхъ епископовъ и не подвергать ихъ никакимъ взысканіямъ. Тогда патріархъ Кириллъ рѣшилъ, что для него представляется удобный случай уклониться въ будущемъ отъ нареканій обѣихъ враждебныхъ партій въ церковномъ вопросѣ, и заявилъ въ собраніи, что, не будучи въ состояніи удовлетворить разнообразнымъ требованіямъ, онъ твердо рѣшилъ подать въ отставку.

Какъ ни мало довѣрія внушалъ святѣйшій Кириллъ членамъ собранія, тѣмъ не менѣе рѣшеніе его повергло ихъ въ крайнее смущеніе. Выходъ въ отставку вселенскаго патріарха въ такую минуту, когда рѣшалась участь церковнаго преобразованія, былъ бы несомнѣнно торжествомъ оппозиціи и новый уставъ никогда не былъ бы утвержденъ Портой. Но смущеніе делегатовъ продолжалось на этотъ разъ недолго. Святѣйшій Кириллъ такъ же легко отмѣнялъ свои рѣшенія, какъ и принималъ ихъ, дѣйствуя всякій разъ подъ вліяніемъ послѣдняго внушенія. Безъ труда удалось уговорить его отсрочить свое намѣреніе подать въ отставку до болѣе благопріятной минуты.

Между тѣмъ, быть можетъ подъ вліяніемъ указаній логоѳета Аристархи, Порта обратила особое вниманіе на ту часть новаго регламента, въ которой опредѣлялись отношенія между патріархомъ и правительствомъ. При старомъ порядкѣ всякій вновь избранный патріархъ утверждался въ своей должности особымъ бератомъ, въ которомъ перечислены были обязанности новаго представителя церкви и православнаго народа передъ гражданской властью. Въ бератѣ предусматривалась возможность нарушенія патріархомъ его долга вѣрноподданнаго и признавалось за Портой право смѣстить его въ этомъ случаѣ. Полагая, что новый уставъ призванъ замѣнить прежнюю регламентацію отношеній церкви къ государству, Порта негласно настаивала передъ членами собранія, чтобы они внесли въ уставъ статью, признающую права Порты, которыя доселѣ оговаривались ею въ бератахъ. Турецкіе министры обѣщали, въ случаѣ согласія собранія на эту уступку, утвердить уставъ, не предъявляя никакихъ иныхъ требованій.

Инсинуаціи Порты встрѣтили рѣшительный отпоръ со стороны членовъ собранія. У турокъ было одно серьезное средство воздѣйствія, которое осложняло положеніе. Это средство дано было правительству епископами, подписавшими протестъ противъ актовъ церковно-народнаго собранія. Опираясь на свою некомпетентность въ вопросахъ каноническаго права, Порта, съ кажущейся безпристрастностью, могла угрожать членамъ собранія, что передастъ разборъ возникшаго разногласія трибуналу высшихъ іерарховъ церкви. Только этого и добивалась оппозиція; но аргументы своихъ противниковъ члены собранія отражали тѣмъ же оружіемъ. Они поставили на видъ Портѣ, что если новый трибуналъ не одобритъ актовъ церковно-народнаго собра-

нія, то послѣднее будетъ въ правѣ апеллировать къ высшей церковной власти—вселенскому собору. Между тѣмъ, члены собранія хорошо понимали, что мысль о созваніи въ Константинополь представителей всѣхъ восточныхъ церквей не могла быть принята турками иначе, какъ съ крайнимъ несочувствіемъ. У нихъ должно было явиться опасеніе, что Россія воспользуется этимъ случаемъ, чтобы упрочить свое вліяніе въ дѣлахъ мѣстныхъ восточныхъ церквей. Это было вѣское соображеніе, которое нѣсколько смягчало настойчивость Порты, но тѣмъ не менѣе положеніе оставалось неопредѣленнымъ.

Турецкій министръ иностранныхъ дѣлъ повѣрялъ русскому посланнику, насколько щекотливо положеніе его правительства, призваннаго судить въ церковномъ дѣлѣ между двумя сторонами. На самомъ дѣлѣ этимъ обстоятельствомъ Фуадъ-паша ловко пользовался, чтобы оттягивать время и продолжать настаивать на включеніи въ уставъ желаемой статьи.

Въ поискахъ за удовлетворительнымъ исходомъ изъ затрудненій, члены собранія обратились къ князю Лобанову, прося его совѣта и поддержки. Изъ совмѣстнаго обсужденія съ ними вопроса русскій посланникъ вынесъ убѣжденіе, что требованіе Порты не было, въ сущности, чрезмѣрнымъ. Въ глазахъ турецкаго правительства вселенскій патріархъ былъ не только старшимъ священнослужителемъ православнаго вѣроисповѣданія, но и главою православнаго народа. Правительству важно было убѣдиться въ томъ, что въ границахъ дарованной ему власти дѣятельность даннаго лица, занимающаго патріаршій престолъ, не противорѣчитъ интересамъ государства. На этомъ основаніи турецкое правительство не разъ пользовалось своимъ правомъ смѣщать вселенскихъ патріарховъ. Несмотря на возможность произвола, трудно было оспаривать это право, основанное на несомнѣнномъ политическомъ характерѣ высшаго іерарха церкви.

Съ другой стороны, представители православной общины могли съ полнымъ основаніемъ воздержаться отъ санкціонированія права, принадлежавшаго Портѣ. Чтобы согласить интересы церкви и правительства, князь Лобановъ совѣтовалъ членамъ собранія дать понять Портѣ, что въ ихъ задачу совсѣмъ не входило опредѣленіе политическихъ отношеній между церковью и государствомъ. Они заняты были только упорядоченіемъ внутренняго церковнаго строя. Поэтому свои оговорки Порта можетъ формулировать въ актѣ утвержденія новаго устава, въ тѣхъ же выраженіяхъ, которыя приводятся обыкновенно въ бератѣ новоизбранному патріарху. По мнѣнію Лобанова, указанный способъ

представлялъ самое удачное рѣшеніе вопроса. Съ одной стороны соблюдалось достоинство Порты, а съ другой—отвѣтственность передъ церковью за признаніе столь несимпатичнаго принципа слагалась съ церковно-народнаго собранія.

Совѣтъ князя Лобанова встрѣтилъ полное сочувствіе со стороны членовъ константинопольскаго собранія, которые не замедлили привести его въ исполненіе.

Такимъ образомъ, благодаря примирительному воздѣйствію русскаго посланника, казалось, устранено было главнѣйшее препятствіе къ утвержденію устава; но Порта, по обыкновенію, медлила передъ тѣмъ, чтобы принять безповоротное рѣшеніе.

Довѣріе, установившееся между русской миссіей и членами церковно-народнаго собранія, выразилось въ одномъ любопытномъ фактѣ. Англійскій посолъ Бульверъ съ неудовольствіемъ наблюдалъ за участіемъ, которое принимала Россія въ церковныхъ дѣлахъ, но онъ не могъ помѣшать этому. Англійское посольство перестало внушать страхъ патріархіи, какъ въ первое время послѣ войны.

22470

Попытки великобританскаго представителя завязать близкія сношенія съ вселенской патріархіей оканчивались до сихъ поръ неудачно. И вотъ теперь, услыхавъ, что Порта медлитъ утвержденіемъ устава, несмотря на оффиціозныя представленія русской миссіи, Бульверъ усмотрѣлъ въ этомъ обстоятельствѣ удобный случай, чтобы подорвать вліяніе Россіи въ константинопольской церкви. Онъ подослалъ довѣренныхъ лицъ къ нѣкоторымъ изъ епископовъ, засѣдавшихъ въ собраніи, предлагая свое содѣйствіе, съ цѣлью добиться отъ турецкихъ министровъ утвержденія устава, и заранѣе ручался за успѣхъ своихъ представленій. Посланные Бульвера обратились раньше всѣхъ къ артскому митрополиту Софронію. Вѣжливо отклонивъ сдѣланное ему предложеніе, Софроній заявилъ, что члены собранія не утратили надежду на утвержденіе устава, несмотря на проволочку въ этомъ дѣлѣ, но что еслибы, паче чаянія, они натолкнулись на отказъ правительства, собраніе сочло бы своимъ долгомъ обратиться къ заступничеству пяти великихъ державъ, подписавшихъ парижскій трактатъ, причемъ, конечно, не былъ бы обойденъ и англійскій посолъ. О своемъ отвѣтѣ артскій митрополитъ не замедлилъ сообщить товарищамъ, которые послѣдовали его примѣру, когда къ нимъ обратились посредники Бульвера съ тѣмъ же порученіемъ.

Обо всемъ происшедшемъ митрополитъ не преминулъ поставить въ извѣстность и русскаго посланника, съ которымъ, какъ

мы уже видѣли, онъ поддерживалъ самыя близкія отношенія. Такимъ образомъ, вмѣсто того, чтобы повредить вліянію русской миссіи въ константинопольскомъ церковномъ мірѣ, неудачная попытка англійскаго посла послужила скорѣе поводомъ къ нѣкоторому нравственному удовлетворенію нашей миссіи.

Тѣмъ временемъ князю Лобанову пришлось испытать разочарованіе съ совершенно неожиданной стороны. Дѣятельность его подверглась упрекамъ тѣмъ болѣе непріятнымъ для его самолюбія, что они исходили изъ самаго авторитетнаго источника.

Наше духовное вѣдомство давно уже съ неодобреніемъ относилось къ образу дѣйствій императорской миссіи, находя, что послѣдняя оказываетъ слишкомъ большую поддержку свѣтскому элементу въ вопросѣ преобразованія противъ іерархическаго начала, которое въ Петербургѣ нѣсколько ошибочно склонны были отождествлять съ геронтіей. Митрополитъ Филаретъ, глубже и шире обнимавшій вопросы нашей церковной политики на Востокѣ, въ свою очередь, хотя и не сочувствовалъ геронтамъ, однако находилъ много значительныхъ недочетовъ и промаховъ въ новомъ церковномъ уложеніи. Не всегда безусловно одобряя дѣятельность миссіи, онъ однако относился къ ней болѣе снисходительно и понималъ всю трудность и щекотливость положенія нашихъ дипломатическихъ представителей въ ихъ сношеніяхъ съ восточными церквами. Но въ послѣдній періодъ работъ церковно-народнаго собранія и когда шли переговоры съ Портою объ утвержденіи новаго устава, высокопреосвященный Филаретъ склоненъ былъ согласиться съ точкой зрѣнія нашего духовнаго вѣдомства. Ему казалось, что русская миссія въ дѣлѣ преобразованія допустила нѣкоторыя существенныя ошибки и что пересмотръ актовъ собранія нельзя не признать желательнымъ. Такое мнѣніе московскій митрополитъ составилъ себѣ на основаніи извлеченій изъ константинопольскихъ депешъ, которыя ему были доставлены. Когда записки митрополита Филарета, содержавшія критику дѣйствій нашей миссіи, были сообщены князю Лобанову, послѣдній убѣдился, что данныя, на которыя онѣ ссылались, не соотвѣтствовали дѣйствительности. Вскорѣ выяснилось, что извлеченія изъ депешъ были сдѣланы невѣрно и что митрополитъ былъ введенъ въ заблужденіе. Высокопреосвященный Филаретъ не замедлилъ признать свою невольную ошибку, и въ послѣдующей запискѣ заявилъ, что, ознакомившись въ вѣрномъ свѣтѣ съ положеніемъ дѣлъ въ Константинополѣ, онъ полагаетъ, что при данныхъ обстоятельствахъ дѣятельность миссіи была вполнѣ пра-

вильной, и не настаиваетъ болѣе на новомъ пересмотрѣ актовъ церковно-народнаго собранія.

Пока возникшее недоразумѣніе еще не выяснилось, князь Лобановъ, получивъ незаслуженное порицаніе, счелъ долгомъ вновь представить отчетъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ въ дѣлѣ церковнаго преобразованія. Оправдываясь отъ взводимыхъ на него обвиненій, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ сѣтовалъ, что, несмотря на его неоднократныя ходатайства, нашъ святѣйшій синодъ ни разу не счелъ возможнымъ выразить непосредственное свое отношеніе къ дѣлу предпринятаго въ константинопольской церкви преобразованія. „Однакоже открытая и искренняя поддержка со стороны св. синода,—замѣчалъ онъ,—дала бы мнѣ въ эту минуту неоспоримую силу къ предупрежденію всего того зла, которое, какъ я очень опасаюсь, въ непродолжительномъ времени, развернется передъ моими глазами". Повидимому, князь Лобановъ желалъ бы, чтобы поддержка нашего синода выразилась лишь въ самыхъ общихъ благопожеланіяхъ. Это видно изъ слѣдующаго затѣмъ мѣста его „объясненія", но не правъ ли былъ въ такомъ случаѣ митрополитъ Филаретъ, настаивавшій на неумѣстности оффиціальнаго вмѣшательства русской церкви въ дѣла вселенской патріархіи? „Императорская миссія,—писалъ Лобановъ,—и теперь, какъ и прежде, не считаетъ себя въ правѣ и не имѣетъ возможности вступаться въ рѣшеніе каноническихъ вопросовъ и давать по этому поводу восточной церкви непрошенные совѣты, *хотя бы даже отъ имени церкви россійской*". Далѣе князь Лобановъ даетъ объясненія тѣмъ пунктамъ новаго регламента, которыя вызвали замѣчанія митрополита Филарета. Затѣмъ слѣдуетъ оправданіе во взведенныхъ на миссію обвиненіяхъ.

„Я поддерживалъ церковно-народный совѣтъ своимъ нравственнымъ вліяніемъ только по отношенію къ общему духу всей его дѣятельности.

„Въ этомъ смыслѣ я принялъ его сторону не только въ послѣдній періодъ трудовъ его, но съ самаго начала и во все продолженіе оныхъ, потому что во всей его дѣятельности, какъ мнѣ казалось, проводилась одна главная мысль, неизмѣнно остававшаяся вѣрною самой себѣ: примирить духовенство съ народомъ, ограничить произволъ и того и другого, установить порядокъ и твердый церковный авторитетъ, вмѣсто прежняго безначалія и безпорядковъ. Этой мысли принесены уже были въ жертву личные интересы геронтовъ; и всякое дѣйствіе, которое имѣло бы въ виду возвращеніе имъ прежняго значенія въ церкви, казалось мнѣ предосудительнымъ для православія. Посему я не могъ одо-

брить ни протеста меньшинства духовныхъ членовъ совѣта, къ коему присоединились еще четыре архіерея синода, какъ тѣсно связаннаго съ тайными происками геронтовъ; ни пересмотра актовъ совѣта на основаніяхъ, предложенныхъ Портѣ протестовавшими, т. е. чтобы пересмотръ этотъ произведенъ былъ самими же геронтами, личными врагами совѣта. При всемъ томъ, еслибы народное собраніе не имѣло на своей сторонѣ законное представительство высшаго церковнаго авторитета, я могъ бы и долженъ былъ бы воздержаться отъ нравственной ему поддержки. Но въ немъ съ начала до конца предсѣдательствовалъ вселенскій патріархъ, верховный представитель правъ греческой церкви и народа, утвердившій своимъ участіемъ и подписью всѣ его акты. Я долженъ былъ уже по самой этой причинѣ принять его сторону, дабы не выходить изъ предѣловъ самой строгой законности.

„Но, защищая народное собраніе, я избѣгалъ положительнаго ходатайства въ пользу его предъ турецкимъ правительствомъ, предоставляя ему самому вѣдаться съ Портою собственными силами, такъ какъ дѣло его не касалось насъ непосредственно, а между тѣмъ затрогивало самые живые интересы греческой церкви и народа, въ которыхъ онъ былъ лучшій судья. Депеши мои служатъ доказательствомъ, что въ рѣдкихъ случаяхъ объясненій моихъ съ Портою по церковнымъ вопросамъ турецкіе министры сами заговаривали со мною объ этихъ дѣлахъ, не дожидаясь моего вызова. Я твердо увѣренъ, что еслибы личныя мои объясненія съ ними могли быть облечены оффиціальною силою мнѣнія россійской церкви, то дѣло совѣта уже было бы окончательно выиграно, тогда какъ теперь оно близко къ паденію“ [1]).

Опасенія князя Лобанова насчетъ неблагопріятнаго окончанія дѣла церковнаго преобразованія были внушены ему тревожнымъ состояніемъ, въ которомъ находилась константинопольская церковь. Въ то время какъ церковно-народное собраніе ожидало со дня на день утвержденія Портою своихъ актовъ, вселенскую патріархію постигли новыя испытанія, настолько серьезныя, что передъ ними вопросъ о скорѣйшемъ введеніи въ дѣйствіе устава отодвинутъ былъ на нѣкоторое время на задній планъ.

3-го апрѣля 1860 года, въ ночь на Свѣтлое Христово Воскресеніе, во время богослуженія въ болгарской церкви въ Фанарѣ, епископъ Иларіонъ, уступая шумнымъ требованіямъ молящихся,

---

[1]) Письмо кн. Лобанова къ князю Горчакову отъ 24 мая 1860 г.

не помянулъ имени вселенскаго патріарха. Это происшествіе послужило сигналомъ къ отпаденію болгаръ отъ патріархіи и, какъ извѣстно, къ образованію впослѣдствіи самостоятельной болгарской церкви. Мы не будемъ вновь разсказывать уже извѣстныя изъ другихъ изслѣдованій подробности неудачныхъ переговоровъ, окончившихся, двѣнадцать лѣтъ спустя, провозглашеніемъ болгарской схизмы [1]. Замѣтимъ только, что однимъ изъ ближайшихъ послѣдствій происшествія 3-го апрѣля былъ окончательный выходъ въ отставку святѣйшаго Кирилла. Въ періодъ сиротства вселенскаго престола Порта утвердила только ту часть новаго устава, которая касалась патріаршихъ выборовъ. Турецкіе министры вынудили предварительно отъ церковно-народнаго собранія включеніе статьи, дающей правительству право вычеркнуть изъ списка кандидатовъ, представленнаго ему до выборовъ, не болѣе трехъ лицъ. Порта намѣревалась при первомъ же случаѣ воспользоваться этимъ правомъ, но, уступая представленіямъ русской миссіи, она согласилась соблюсти въ полнотѣ свободу голосованія. Первый опытъ примѣненія на практикѣ новаго устава далеко не отвѣтилъ, однако, надеждамъ русскаго посланника на благія послѣдствія церковнаго преобразованія. Несмотря на корректный образъ дѣйствій турецкаго правительства, выборы прошли крайне бурно. Для предотвращенія уличной смуты были разставлены отряды турецкихъ солдатъ во дворѣ патріархіи и смежныхъ улицахъ. Но въ средѣ самаго высшаго духовенства столкновеніе интригъ и интересовъ достигло такого сильнаго напряженія, что въ первомъ засѣданіи нѣкоторые архіереи, къ соблазну присутствовавшихъ мірянъ, подрались между собою.

Въ результатѣ избраннымъ оказался митрополитъ кизическій Іоакимъ. Это былъ одинъ изъ геронтовъ, противникъ всякаго преобразованія, обнаружившій крайнюю неподатливость и узость во взглядахъ на предстоявшія ему задачи. Со вступленіемъ его на патріаршій престолъ, довѣріе и близость, начинавшія было укрѣпляться между великой церковью и русской миссіей, уступили мѣсто холодной натянутости отношеній. Князь Лобановъ настаивалъ на скорѣйшемъ приведеніи въ дѣйствіе новаго уложенія въ полномъ объемѣ. Новый патріархъ открыто выражалъ желаніе подвергнуть коренному пересмотру акты церковно-народнаго собранія. Что касается турецкаго правительства, оно радовалось всякому раздору, дробившему силу и единство право-

---

[1]) См. Тепловъ: Греко-болгарскій церковный вопросъ, Спб. 1889 г.; Т. Филипповъ: Современные церковные вопросы, Спб. 1882 г.

славія. Но, съ другой стороны, дальновидные турецкіе политики не безъ тревоги смотрѣли на усиливавшееся броженіе среди болгаръ, которые, подъ прикрытіемъ церковнаго спора, несомнѣнно стремились къ національному и политическому обособленію. Въ распрѣ грековъ и болгаръ турки желали бы сохранить равновѣсіе между обѣими сторонами. Возвращеніе къ прежнему режиму въ константинопольской церкви вновь водворило бы въ ней дезорганизацію, и тогда болгарамъ не трудно было бы достичь чрезмѣрныхъ успѣховъ. Вслѣдствіе этого турецкіе министры заявили патріарху, что уставъ выработанъ съ соблюденіемъ всѣхъ законныхъ условій, и потому они не преминутъ утвердить его, подвергнувъ нѣкоторыя его статьи цензурѣ съ точки зрѣнія государственно-политической [1]). Убѣжденіе князя Лобанова въ дѣйственной силѣ новаго церковнаго уложенія не было сильно поколеблено происшествіемъ 3-го апрѣля. Еще раньше, когда болгарскій делегатъ открыто заявилъ въ собраніи о вожделѣніяхъ своихъ соотечественниковъ, русскій посланникъ, какъ мы видѣли, сѣтовалъ на то, что болгары становятся въ оппозицію преобразованію, главная задача котораго состоитъ въ примиреніи племенныхъ разногласій. Но послѣ 3-го апрѣля событія быстро шли одно за другимъ. Во время патріаршихъ выборовъ, несмотря на то, что дѣйствовалъ новый регламентъ, царила полная неурядица, выразившаяся въ самыхъ прискорбныхъ фактахъ. Когда же новому патріарху, тотчасъ по избраніи, пришлось стать лицомъ къ лицу съ болгарскимъ вопросомъ—русскій посланникъ могъ убѣдиться въ томъ, насколько не соотвѣтствовали всѣ сдѣланныя до тѣхъ поръ великою церковью уступки славянамъ—размѣрамъ движенія, которое охватило болгаръ, и насколько мало сознавало высшее духовенство серьезность положенія.

Истощивъ безъ результата всѣ средства убѣжденія и воздѣйствія на неуступчиваго патріарха Іоакима, князь Лобановъ почувствовалъ, что ни одно изъ ожиданій, возлагавшихся имъ на церковное преобразованіе, не оправдалось. Подъ вліяніемъ этой мысли, имъ овладѣло горькое разочарованіе и даже уныніе. Католическая пропаганда дѣлала быстрые успѣхи среди славянъ. Потерявъ надежду добиться отъ патріарха согласія на образованіе самостоятельной болгарской іерархіи, нѣкоторые передовые болгарскіе дѣятели провозгласили присоединеніе къ уніи. Передавая извѣстіе это въ Петербургъ, князь Лобановъ далъ про-

[1]) Уставъ, выработанный константинопольскимъ церковно-народнымъ собраніемъ, былъ утвержденъ султаномъ въ 1861 году, но вступилъ въ дѣйствіе лишь въ слѣдующемъ году. Уставъ этотъ дѣйствуетъ и понынѣ въ константинопольской церкви.

сторъ накопившейся у него противъ вселенской патріархіи горечи. „Всѣ мои усилія потерпѣли крушеніе вслѣдствіе преступной бездѣятельности патріарха“,—писалъ онъ кн. Горчакову. „Мои предчувствія на его счетъ во время выборовъ, къ сожалѣнію, слишкомъ вѣрно осуществились. Чѣмъ сильнѣе, хотя и тщетно, старался я толкнуть его на путь уступокъ и преобразованій, который одинъ лишь могъ бы спасти его авторитетъ, тѣмъ болѣе глубоко чувствую я теперь себя обезнадеженнымъ. Это признаніе, которое еще нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ я считалъ бы святотатственнымъ, невольно вырывается у меня теперь. То крайнее испытаніе, въ которомъ погибло дѣло константинопольской церкви, не оставляетъ у меня никакой надежды въ будущемъ. Поддерживая во время оно, наперекоръ всѣмъ, преобразованія, выработанныя народнымъ совѣтомъ, я надѣялся увидать конецъ неслыханнымъ злоупотребленіямъ, которыя тревожатъ съ нѣкотораго времени спокойствіе церкви, но зло тѣмъ глубже укоренилось, что порчей пораженъ высшій слой духовенства“ [1]).

Въ сущности, пессимизмъ князя Лобанова въ данномъ случаѣ былъ нѣсколько преувеличенъ. Положеніе было крайне серьезное, но со стороны католической пропаганды опасность была не настолько велика, какъ это казалось въ первую минуту нашему посланнику. Какъ ни стремились болгары къ самостоятельной народной церкви, идея уніи не могла быть популярной среди массы, и заявленіе вожаковъ имѣло главной цѣлью произвести впечатлѣніе на патріархію и на русскую миссію. Съ этой стороны замыселъ ихъ можно признать удачнымъ. Послѣ чрезмѣрныхъ надеждъ на благія послѣдствія преобразованія, русскаго посланника постигло не менѣе чрезмѣрное разочарованіе въ жизнеспособности вселенской патріархіи. Странно было ожидать, чтобы результаты реформы могли тотчасъ же сказаться, когда новое уложеніе не было еще даже утверждено Портою. Самая радикальная реформа не могла сразу измѣнить нѣкоторыхъ традиціонныхъ особенностей высшей греческой іерархіи.

Само по себѣ новое уложеніе страдало, какъ мы видѣли, многими недостатками. Хотя ихъ отнюдь нельзя поставить въ упрекъ русской миссіи, которая могла лишь косвенно вліять на ходъ занятій константинопольскаго собранія, однако нельзя не замѣтить, что, широко поощряя дѣло реформы, наши дипломa-

---

[1]) Lettre particulière du prince Lobanow au prince Gortschakow le 21 Décembre (Janvier) 1860/1.

тическіе представители такъ или иначе способствовали установленію нѣкоторыхъ особенностей въ церковномъ управленіи, которыя оказались впослѣдствіи не вполнѣ для насъ благопріятными.

Каковы бы ни были недостатки новаго церковнаго уложенія, съ другой стороны было бы несправедливо отрицать и его достоинства. Наиболѣе вопіющимъ злоупотребленіямъ, которыя находили себѣ защиту въ геронтіи и эфоріи, былъ положенъ разъ навсегда конецъ вмѣстѣ съ учрежденіями, которыя служили имъ оплотомъ. Стремленіе упорядочить отношенія между клиромъ и мірянами въ провинціяхъ нашло себѣ выраженіе въ цѣломъ рядѣ статей, въ которыхъ опредѣлялись обязанности епархіальнаго духовенства, равно и размѣры и форма его содержанія.

Такимъ образомъ, если новому уставу не удалось примирить между собою разноплеменные интересы паствы, за то онъ съ большимъ успѣхомъ выполнилъ другую часть своей задачи, примиривъ интересы паствы и пастырей въ тѣхъ областяхъ, которыя остались вѣрны вселенской патріархіи.

IX.—Націонализмъ и церковь

Начало болгарскаго раскола и окончаніе работъ константинопольскаго церковно-народнаго собранія—вотъ два факта, которыми открывается новый періодъ въ исторіи нашей церковной политики на Востокѣ.

Мы видѣли, какія надежды возлагались русскимъ посланникомъ на результаты задуманнаго преобразованія, и какое горькое разочарованіе послѣдовало вскорѣ за тѣмъ. Вмѣсто обѣщанной эры примиренія племенныхъ интересовъ, въ церкви наступила эпоха острой вражды между ними. Подъ вліяніемъ возникшаго на церковной почвѣ національнаго вопроса въ столь рѣзкой формѣ, характеръ отношеній нашихъ съ вселенской патріархіей съ этихъ поръ нѣсколько измѣняется. Мы все еще продолжаемъ оказывать самое широкое покровительство православію на Востокѣ, но вѣроисповѣдный принципъ, бывшій дотолѣ краеугольнымъ камнемъ отношеній нашихъ съ православными народностями Турціи, окрашивается мало-по-малу примѣсью другого политическаго принципа—національнаго.

Чтобы ясно понять связь новаго періода нашей церковной политики съ прошедшимъ, и такимъ образомъ опредѣлить значеніе переходной эпохи, съ которой мы познакомились, бросимъ общій взглядъ на характеръ отношеній Россіи къ церкви и православнымъ народностямъ Турціи до и послѣ крымской войны.

Съ самаго начала дѣятельнаго своего участія въ восточныхъ дѣлахъ, русская политика оставалась вѣрна принципу покровительства христіанскому населенію Турціи. Такое единство въ направляемыхъ усиліяхъ помимо широкихъ средствъ, которыми располагала Россія, черпая въ трактатахъ юридическую основу для своего дѣйствованія, значительно облегчало успѣшное выполненіе намѣченной задачи. Для русской политики на Востокѣ существовало два рѣзко отличающихся одинъ отъ другого міра: христіанскій и мусульманскій. Оба міра эти по своей вѣрѣ и складу были глубоко чужды и враждебны другъ другу, и нужно было первый спасать и ограждать отъ притѣсненій второго.

Пробужденіе идеи національности, охватившее Европу въ началѣ XIX столѣтія, коснулось и народностей, входившихъ въ составъ оттоманской имперіи. Движеніе это въ западной Европѣ было естественной реакціей послѣ французской революціи, исторически-необходимымъ моментомъ народнаго самосознанія. На Востокѣ національность, забитая и угнетенная турецкимъ игомъ, никогда не играла первенствующей роли. Отдѣльныя національныя группы были для этого слишкомъ слабы. Самая идея національности была поглощена болѣе широкой количественно идеей *вѣроисповѣданія*. Принадлежность къ послѣднему объединяла различныя народности въ одну націю—*милетъ*. Тѣмъ не менѣе, принесенное извнѣ движеніе получило на Востокѣ быстрое распространеніе.

Не слѣдуетъ смѣшивать этого первоначальнаго движенія съ позднѣйшими проявленіями его, выродившимися въ узкій націонализмъ. Лишь въ недавнее сравнительно время, вмѣстѣ съ успѣхами, достигаемыми балканскими государствами, мы замѣчаемъ среди нихъ развитіе крайняго сепаратизма, который побуждаетъ иногда эти государства относиться другъ къ другу съ большей враждой, чѣмъ къ общему ихъ мусульманскому врагу. Вначалѣ же среди восточныхъ христіанъ господствовало естественное народное движеніе къ независимости и къ освобожденію отъ нестерпимаго ига турокъ. Здѣсь не было ничего враждебнаго къ подобнымъ же попыткамъ другихъ народностей. Съ своей стороны русское правительство, которое во всю первую половину XIX столѣтія съ нескрываемымъ несочувствіемъ относилось къ націоналистическимъ вѣяніямъ въ западной Европѣ, въ концѣ концовъ, скрѣпя сердце, должно было поддержать подобное же движеніе на Востокѣ: для Россіи націоналистическій принципъ здѣсь заслонялся болѣе широкимъ вѣроисповѣднымъ

принципомъ, въ силу котораго она и помогала своимъ единовѣрцамъ въ ихъ стремленіи къ освобожденію.

Трактатами бухарестскимъ 1812 года и адріанопольскимъ 1829 г. Сербія и княжества Молдавія и Валахія получили независимое управленіе. Это было первымъ шагомъ къ полному отдѣленію ихъ отъ Турціи. Вскорѣ послѣ того Греція провозгласила свою независимость, которая подтверждена была лондонской конвенціей 1832 года. Такъ постепенно отпадали отъ Турціи области, которыя по своему географическому положенію и единству племенного состава болѣе прочихъ подготовлены были къ самостоятельному существованію.

Оказывая защиту всѣмъ имъ въ равной мѣрѣ, Россія оставалась вѣрною своей исторической роли—покровительницы христіанъ. Сила ея и обаяніе были достаточно велики, чтобы сглаживать возникавшія племенныя разногласія, и въ мѣстностяхъ, остававшихся подъ властью султана, православіе продолжало служить объединяющимъ и скрѣпляющимъ началомъ. Такъ длилось, пока вліяніе Россіи на Востокѣ не колебалось, но возростало, и народности не столько въ самихъ себѣ, сколько въ ней видѣли источникъ будущаго своего благосостоянія. Но глухое броженіе постепенно росло, проникаясь вѣяніями съ Запада. Первое наиболѣе рѣзкое проявленіе національзма на Востокѣ обнаружилось въ эпоху греческаго возстанія.

Движеніе, охватившее Грецію раньше всѣхъ остальныхъ мѣстностей Турціи, восприняло не мало искусственныхъ элементовъ, которые наложили свою печать на всю послѣдующую культуру греческаго королевства. Само по себѣ населеніе Греціи представлялось лишь простымъ этнографическимъ матеріаломъ, въ которомъ мало было характерныхъ національныхъ особенностей. Сочувствіе Европы къ страданіямъ греческаго народа разогрѣвалось воспоминаніемъ о великомъ прошломъ Эллады. Это было въ эпоху господства романтизма на Западѣ. Передовымъ грекамъ, получившимъ воспитаніе въ Европѣ, льстила мысль о томъ, что вся европейская цивилизація зиждется на основахъ, созданныхъ ихъ предками. Традиціи древней языческой Греціи—этой учительницы всего человѣчества—таково было красивое знамя, которое удовлетворяло природному самолюбію грековъ и давало кажущееся содержаніе слабо развитому національному самосознанію.

Въ сущности говоря, между современниками Фидія, Платона и Софокла и населеніемъ Греціи черезъ двадцать слишкомъ вѣковъ послѣ расцвѣта классической эпохи давно уже утрачена была

кровная связь. Обитатели Греціи въ XIX столѣтіи, если принять во вниманіе всѣхъ многочисленныхъ завоевателей, утверждавшихся въ этой странѣ и вносившихъ свою кровь въ ея населеніе, были лишь незаконнорожденными наслѣдниками древнихъ эллиновъ. Но, какъ бы то ни было, они оставались наслѣдниками послѣднихъ, и ихъ преемственность ощутительно выражалась въ двухъ фактахъ, имѣвшихъ большое значеніе: въ языкѣ и памятникахъ искусства. Какъ скоро сознана была эта преемственность, явилось желаніе сдѣлать связь между настоящимъ и прошлымъ еще болѣе наглядною и ощутительною. Началась искусственная пурификація живого языка, съ цѣлью приблизить его къ древнегреческому; литература и публицистика стали проводниками стремленій, желавшихъ сочетать древнія традиціи, завѣщанныя языческимъ прошлымъ страны, съ требованіями новаго времени, навѣянными знакомствомъ съ современной демократической Европой. Культурный и государственный строй молодого греческаго королевства, явившійся результатомъ этого двойственнаго стремленія, сохранилъ на себѣ печать странной амальгамы. Положенныя въ основу его начала не имѣли глубокаго корня, но были пригодны для цѣлей пропаганды эллинизма, удовлетворяя, съ одной стороны, сильно развитому тщеславію грековъ, а съ другой—стремленію къ свободѣ, которая вскорѣ выродилась въ самыя разнузданныя демократическія формы, вслѣдствіе отсутствія историческаго воспитанія и нравственной дисциплины въ народѣ.

Осуществившаяся мечта грековъ о самостоятельномъ и независимомъ государствѣ нисколько не способствовала выработкѣ самобытной народной культуры, которая продолжала оставаться подражательною. Наслѣдіе древней Эллады оказалось въ этомъ отношеніи скорѣе гибельнымъ, чѣмъ плодотворнымъ для современныхъ левантинцевъ, которымъ оно пришлось не подъ силу. Рабская подражательность либо произведеніямъ классической древности, либо новѣйшимъ европейскимъ образцамъ убиваетъ всякую самобытность какъ въ искусствѣ, такъ и въ литературѣ.

Языкъ литературный, далекій отъ живой народной рѣчи, страдаетъ чрезмѣрной искусственностью и мертвенностью. Силою теченія современный свѣтскій строй греческаго королевства далеко уклонился отъ того общаго вначалѣ большинству христіанскихъ народностей на Востокѣ склада, которому всегда покровительствовала Россія и въ основѣ котораго лежало православіе.

Новые политико-культурные идеалы и несбыточныя притязанія, подкрѣпляемыя ссылкою на исторію древней Греціи, нашли

свое выраженіе въ такъ называемой „великой идеѣ“ (μεγάλη ἰδέα), приверженцы которой враждебно относятся къ Россіи, считая ее помѣхой на пути осуществленія своей мечты. Съ своей стороны до самаго послѣдняго времени русское правительство не переставало оказывать великодушную помощь королевству, и выручало его изъ грозившихъ ему тяжкихъ бѣдствій, хотя, понятно, оно не могло сочувствовать политикѣ приключеній, которой слишкомъ склонна была поддаваться страна, предводимая демагогами.

Грековъ королевства нельзя отождествлять съ греками Турціи. Издавна они были поставлены въ совершенно различныя условія, и во многомъ это повліяло на различіе въ самомъ складѣ ихъ воззрѣній.

Въ силу обстоятельствъ ихъ политическіе интересы часто совпадали. Это и было причиной того, что въ представленіяхъ Европы и тѣ и другіе нерѣдко смѣшиваются, хотя по существу между ними кроется внутреннее культурное различіе.

Послѣ отдѣленія Греціи и провозглашенія ея независимости, въ предѣлахъ оттоманской имперіи продолжало оставаться многочисленное греческое населеніе. Это послѣднее, благодаря врожденной предпріимчивости и ловкости, захватило въ свои руки главную часть туземной промышленности и торговли и, заполонивъ столицу и торговые центры имперіи, представляетъ весьма важный элементъ въ Турціи. Если греки королевства называютъ себя преемниками древнихъ эллиновъ, то греки, живущіе въ Турціи, едва-ли не съ бо́льшимъ основаніемъ считаютъ себя потомками византійцевъ.

Точкой отправленія для первыхъ служатъ Аѳины, для вторыхъ—Константинополь. Какъ у грековъ королевства предметомъ національной гордости является полуразрушенный Акрополь съ Парѳенономъ, такъ турецкіе греки почитаютъ высшимъ памятникомъ родного искусства храмъ св. Софіи, обращенный мусульманами въ мечеть. Между тѣми и другими существуетъ общая черта: отуманенные величіемъ прошлаго, они не отдаютъ себѣ отчета въ тѣхъ историческихъ событіяхъ, которыя совершенно измѣнили положеніе вещей съ тѣхъ поръ и сдѣлали одинаково невозможнымъ возвращеніе къ этому прошлому, какъ невозможно отрицаніе и уничтоженіе всего пройденнаго исторіей пути. Отсюда—несбыточныя иллюзіи и мечтанія, порождающія „великія идеи“ [1]).

---

[1]) Тонкій наблюдатель народной жизни на Востокѣ, К. Н. Леонтьевъ такъ характеризуетъ различіе между культурными типами современныхъ политическихъ

И все же нельзя не признать, что византійская идея по внутреннему содержанію болѣе жизненна, чѣмъ идея эллинская. Это зависитъ, конечно, отъ того, что историческіе факты, въ которыхъ она черпаетъ свои основы, ближе по времени и по духу къ современнымъ условіямъ, чѣмъ языческое прошлое Эллады. Преемственная связь съ византійской имперіей никогда не была порвана. Она свято и нерушимо хранилась въ церковно-національномъ учрежденіи вселенской патріархіи.

Греческое духовенство часто упрекали въ испорченности, невѣжествѣ и косности. Быть можетъ, упреки эти во многихъ отношеніяхъ бывали справедливы, хотя иногда и преувеличены. Но нельзя забывать, что и оно должно было испытать на себѣ тяжелыя послѣдствія мусульманскаго ига, которое не могло благодѣтельно отзываться на покоренныхъ. Съ другой стороны, несмотря на всѣ неблагопріятныя условія и на всѣ недостатки своего духовенства, вселенская патріархія въ продолженіе четырехъ съ половиной вѣковъ, истекшихъ со времени паденія византійской имперіи, ни разу не погрѣшила противъ чистоты и неприкосновенности православнаго вѣроученія, ревниво оберегая его отъ постороннихъ вторженій.

Сила идеи восторжествовала надъ человѣческими слабостями тѣхъ, кто призваны были служить ея носителями и проводниками. Вмѣстѣ съ религіознымъ содержаніемъ православія патріархія охраняла съ неменьшимъ рвеніемъ тѣ историческія національныя формы, въ которыхъ оно выражалось въ эпоху византійской имперіи. Этой послѣдней важной особенностью обусловливается слабая сторона вселенской патріархіи. По странному внутреннему противорѣчію сила ея и вліяніе, какъ показала дальнѣйшая исторія, оказались въ тѣсной связи съ состояніемъ могущества оттоманской имперіи. Завоевавъ Константинополь и Балканскій полуостровъ, турки на много вѣковъ затормазили естественный историческій процессъ среди покоренныхъ народностей. Лишь благодаря такому застою, вселенской патріархіи,

дѣльцовъ, аѳинянина и константинопольскаго грека: „Тонкій, осторожный, обдумчивый фанаріотъ гораздо больше баринъ съ виду, больше способенъ къ серьезной политикѣ, гораздо лучше воспитанъ въ общественномъ отношеніи, чѣмъ аѳинскій двигатель. Аѳинянинъ образованный—это что такое? Немножко риторъ древній, немножко парижскій демагогъ, немного аферистъ; немного коломенскій моншеръ и mauvais genre, когда примется любезничать съ дамами. Онъ все еще вѣритъ слѣпо, что грекъ умнѣе всѣхъ на свѣтѣ, что греческая нація—единственный въ исторіи фениксъ, который до конца свѣта будетъ еще нѣсколько разъ возрождаться, чтобы осыпать человѣчество цвѣтами и питать его плодами своего генія“. („Востокъ, Россія и Славянство“. Т. I, стр. 199).

въ свою очередь, удалось безъ измѣненія сохранить тѣ національныя формы, въ которыхъ кристаллизировалось религіозное содержаніе православія. Съ ослабленіемъ турецкаго могущества, забитыя и угнетенныя народности начали постепенно оживать. Вселенская патріархія не съумѣла сразу стать въ надлежащія отношенія къ новымъ вѣяніямъ. Вмѣсто того, чтобы признать ихъ законность и взять въ свои руки направленіе движенія, въ которомъ церковный элементъ игралъ столь значительную роль, патріархія враждебно отнеслась ко всѣмъ національнымъ стремленіямъ. Она видѣла въ нихъ нарушеніе установленныхъ нормъ церковной жизни и не захотѣла, различивъ содержаніе религіи отъ формъ ея выраженія, согласиться на измѣненіе послѣднихъ. А между тѣмъ пробудившійся духъ народный настойчиво требовалъ бо̀льшей свободы и съ особой ожесточенностью сталъ нападать на чуждыя для него формы, въ которыхъ стремились закабалить церковное богослуженіе.

При такихъ условіяхъ началась борьба между вселенской патріархіей и нѣкоторыми православными народностями, входившими въ ея составъ. Ближайшимъ толчкомъ къ ней послужило ослабленіе русскаго вліянія на Востокѣ послѣ крымской войны. Ударъ, нанесенный Россіи этой войной, былъ великъ, но для современниковъ нашего пораженія и въ особенности для восточныхъ христіанскихъ народностей, полагавшихъ до тѣхъ поръ всю надежду на русскаго царя, оно естественно представлялось еще въ преувеличенномъ видѣ. Казалось, что Россія долгіе годы не оправится и должна оставить свой прежній образъ дѣйствій на Востокѣ, покинувъ своихъ младшихъ братьевъ на произволъ судьбы. Хотя настроеніе это было временнымъ и вскорѣ пришлось всѣмъ убѣдиться, что изъ перенесенной борьбы Россія вышла ослабленной, но полной могучихъ средствъ къ обновленію и укрѣпленію, но на первыхъ порахъ, когда свѣжо было униженіе парижскаго трактата, оно породило весьма важныя послѣдствія. Славянскіе вожаки, думая, что на Россію нечего разсчитывать, съ тѣмъ большей силой обратились къ пропагандѣ націонализма между соотечественниками, призывая ихъ къ самобытной народной жизни. Встрѣчая первую помѣху на пути въ лицѣ патріархіи, они вступили въ борьбу съ нею, отстаивая право на національныя формы богопочитанія въ богослуженіи и іерархіи. Въ этой борьбѣ и вселенская патріархія, отстаивая старыя византійскія формы, въ свою очередь все болѣе и болѣе пріобрѣтала національную греческую окраску.

Болгарское движеніе захватило въ расплохъ какъ великую

церковь, такъ и русскую миссію. И греческіе іерархи, и наши дипломаты давно знали о таившемся среди славянъ броженіи. Ошибка тѣхъ и другихъ заключалась въ томъ, что броженіе это они приписывали главнымъ образомъ недовольству по поводу существующихъ въ церкви злоупотребленій.

Они думали, устранивъ причину недовольства, прекратить и самое броженіе. Отсюда—надежда, которую высказывалъ артскій митрополитъ и раздѣлялъ князь Лобановъ, что преобразованія откроютъ новую эру въ жизни церкви. Если надеждамъ этимъ не суждено было осуществиться, то именно потому, что новыя преобразованія, устраняя многія злоупотребленія, удовлетворяли лишь отрицательнымъ требованіямъ славянъ и оставляли въ сторонѣ ихъ положительныя чаянія. Новое уложеніе не только не внесло слово примиренія въ церковную жизнь, но возбудило лишь разочарованіе въ недовольныхъ и побудило ихъ инымъ путемъ добиваться осуществленія своихъ завѣтныхъ стремленій къ церковной автономіи, какъ первому шагу къ болѣе полной политической самостоятельности. Вмѣсто того, чтобы сознать необходимость считаться съ вполнѣ законнымъ національнымъ движеніемъ болгаръ и удовлетворить его въ предѣлахъ справедливости, патріархія продолжала оставаться на чисто-юридической точкѣ зрѣнія, не желая добровольно поступаться своими каноническими правами. Для русской политики являлось крайне труднымъ вопросомъ, какое положеніе занять въ борьбѣ. До тѣхъ поръ Россія была покровительницей православія вообще, т.-е. придерживалась чисто вѣроисповѣднаго принципа. Теперь приходилось выбирать между двумя сторонами, изъ которыхъ каждая оставалась на почвѣ православія, продолжая вести церковно-національный споръ. Нельзя было стать въ борьбу противъ патріархіи, съ которой связывали насъ вѣковыя преданія, начиная съ самаго принятія черезъ ея посредство христіанства. Но нельзя было оттолкнуть отъ себя единокровныя народности, вліяніе на которыя представляло важнѣйшій элементъ нашей политики на Востокѣ.

Возможно ли согласовать два столь противоположныхъ требованія—вотъ вопросъ, который задала себѣ русская дипломатія уже черезъ нѣсколько мѣсяцевъ со дня возникновенія греко-болгарскаго конфликта. Послѣ неудачныхъ попытокъ склонить Іоакима III къ уступчивости, князю Лобанову казалось, что нельзя болѣе надѣяться на существенный результатъ отъ посредничества миссіи между вселенской патріархіею и болгарами. Подъ вліяніемъ глубокаго разочарованія въ высшемъ греческомъ духовенствѣ, русскій посланникъ приходилъ къ мысли,

что на патріархію врядъ-ли можно продолжать расчитывать какъ на вѣрный факторъ нашей восточной политики. Съ этой точки зрѣнія конфликтъ утрачивалъ для него свое непосредственное церковное значеніе и представлялся національнымъ споромъ между греками и болгарами.

„Нѣсколько лѣтъ тому назадъ,—писалъ онъ въ декабрѣ 1860 года,—когда мы просили патріархію о назначеніи епископовъ, говорящихъ по-болгарски или болгарскаго происхожденія, о дозволеніи служить литургію на славянскомъ языкѣ,—мы были во главѣ движенія. Съ тѣхъ поръ оно опередило насъ, и мы очутились внѣ его. Хотя возникновеніемъ своимъ это движеніе обязано пробужденію болгарской національности, однако, еслибы въ то время константинопольская патріархія дала доказательство своей доброй воли и уступила бы нашимъ просьбамъ, — болгарская національность, не встрѣчая препятствій на религіозной почвѣ, перешла бы на почву политическую и стала бы развиваться въ смыслѣ не враждебномъ великой церкви. Но дѣло не такъ обошлось, и я не стану возвращаться къ тѣмъ фактамъ, которые убѣдили въ концѣ концовъ болгаръ, что имъ рѣшительно не на что разсчитывать отъ греческой патріархіи. Въ настоящую минуту нельзя надѣяться на примиреніе, и если мы хотимъ сохранить наше политическое вліяніе на болгаръ и управлять ихъ послѣдующимъ развитіемъ, мы не можемъ продолжать, какъ нынѣ, держать равновѣсіе между обѣими сторонами. Мы должны безъ промедленія высказаться или за болгаръ, т.-е. въ пользу отдѣленія церкви, или за грековъ,—въ пользу единства церкви. Всякій средній способъ между этими двумя рѣшеніями навлекъ бы на насъ подозрѣніе одновременно обѣихъ сторонъ. Мы уже стали внушать это подозрѣніе, но мы еще можемъ вновь отвоевать наше вліяніе.

„Нашъ выборъ былъ бы крайне легкимъ, если бы, высказываясь за болгаръ, мы тѣмъ самымъ не присуждали себя къ полной утратѣ сочувствія со стороны грековъ,—я разумѣю подъ этимъ одинаково клиръ и мірянъ, грековъ Турціи и эллинскаго королевства. Я долженъ прибавить, что въ этомъ отношеніи зло уже совершилось: сторонники Запада въ Греціи неустанно эксплоатируютъ предпочтеніе, оказываемое Россіею славянамъ, и хотятъ убѣдить грековъ, что въ лицѣ Россіи они должны видѣть не покровительницу, а лишь врага ихъ свободы, ревнивую соперницу ихъ вліянія на турецкихъ единовѣрцевъ; все это повторяется ежедневно въ аѳинскихъ журналахъ и въ „Британской Звѣздѣ“—греческомъ журналѣ, который издается въ Лондонѣ.

Къ тому же необыкновенная политическая удача, выпавшая на долю Пьемонта, и принципы, провозглашенные лордомъ Росселемъ, вскружили голову всѣмъ грекамъ, и ихъ взоры естественно привлечены скорѣе въ сторону Запада, чѣмъ Россіи".

Приведенныя строки изъ письма князя Лобанова интересны тѣмъ, что въ нихъ намѣчены главные элементы всего послѣдующаго развитія конфликта, возникшаго на церковной почвѣ. Конечно, такого рода постановка вопроса, которую мы здѣсь впервые встрѣчаемъ, зависѣла главнымъ образомъ отъ обстоятельствъ данной минуты. Несомнѣнно развитіе націонализма на Востокѣ вступало въ новый важный фазисъ. Не одни болгары, но и греки были охвачены этимъ все усиливавшимся движеніемъ. Несомнѣнно также, что въ данную минуту представители высшаго духовенства въ Константинополѣ были увлечены вѣяніемъ эллинизма. Тѣмъ не менѣе, едва ли правильно было сводить возникшій конфликтъ къ одному лишь спору между греками и болгарами.

Самое основаніе конфликта было каноническое. Каково бы ни было личное настроеніе представителей церкви, которые не соглашались удовлетворить требованіямъ болгаръ, въ отказѣ ихъ нельзя было усмотрѣть одно лишь проявленіе враждебнаго славянамъ эллинизма. Помимо этого, въ спорѣ замѣшаны были интересы каноническаго права, въ которыхъ великая церковь выказывала всегда несговорчивость. Если сохраненіе нашего вліянія на болгаръ было важно для нашей политики, то на чашу вѣсовъ слѣдовало класть не только симпатіи грековъ, но и каноническія права восточнаго православнаго духовенства. Въ такомъ видѣ дилемма относительно выбора представлялась гораздо болѣе серьезною. Независимо отъ симпатіи къ тому или другому племенному началу, вѣроисповѣдный принципъ покровительства православію на Востокѣ былъ до тѣхъ поръ краеугольнымъ камнемъ нашей политики. Если, сообразно новымъ требованіямъ, признавалось полезнымъ замѣнить этотъ принципъ другимъ, націоналистическимъ, то слѣдовало произвести эту замѣну сознательно, а не обманывать себя тѣмъ, будто вопросъ состоитъ въ выборѣ между греками и болгарами.

Ошибка нашей дипломатіи состояла именно въ этой безсознательной замѣнѣ вѣроисповѣднаго принципа націоналистическимъ. Безсознательность эта была причиною нетвердости въ направленіи. Не желая порывать съ церковью и боясь упустить изъ рукъ вліяніе на болгаръ, наша политика пришла къ тому печальному результату, отъ котораго предостерегалъ князь Лобановъ. Мы стали внушать подозрѣніе обѣимъ сторонамъ, но не

грекамъ и болгарамъ, которыхъ въ своемъ письмѣ имѣлъ въ виду русскій посланникъ, а болгарамъ и великой церкви; что касается до грековъ, то они стали прямо враждебно относиться къ намъ.

Слѣдуетъ замѣтить также, что на указанную постановку вопроса повліяло то обстоятельство, что въ данную минуту католическая пропаганда внушала самыя серьезныя опасенія нашимъ дипломатамъ. Какъ показали послѣдующія событія, опасенія эти были преувеличены. Привязанность къ православію настолько свойственна низшему населенію на Балканскомъ полуостровѣ, что массовое обращеніе въ католицизмъ не можетъ имѣть здѣсь прочнаго успѣха. Какъ мы уже видѣли изъ примѣровъ прозелитизма въ Македоніи, населеніе способно было сначала соблазниться приманкою матеріальныхъ выгодъ, связанныхъ съ переходомъ въ католичество, но вскорѣ затѣмъ возвращалось въ лоно православія. Вотъ почему успѣхи католической пропаганды на Востокѣ обусловливаются лишь упорной культурной борьбою.

Дипломатіи нашей надлежало выказать больше твердости по отношенію къ нѣкоторымъ неосновательнымъ притязаніямъ болгарскихъ вожаковъ,—тогда ей легче было бы удержать руководство народнымъ движеніемъ и поставить его въ такія рамки, при которыхъ съ большимъ успѣхомъ можно было бы надѣяться придти къ мирному соглашенію со вселенскою патріархіею. Чтобы сохранить въ своихъ рукахъ направленіе болгарскаго движенія, не нужно было, какъ предлагалъ князь Лобановъ, махнувъ рукою на патріархію, перейти всецѣло на сторону болгаръ. Россія должна была стать выше партій и не покидать традиціонной твердой почвы своей политики, которая зиждилась на вѣроисповѣдномъ принципѣ. Поступивъ иначе и выступивъ защитницей болгарскихъ стремленій, русская дипломатія все-таки не пріобрѣла этой дорогою цѣною должнаго авторитета среди болгаръ и руководительства движеніемъ. Послѣ первыхъ требованій, выставленныхъ болгарскими вожаками, послѣдовали новыя. Покинувъ прежнюю твердую почву и продолжая покровительствовать болгарамъ, русская дипломатія приведена была къ необходимости одновременно оказывать поддержку неканоничному учрежденію болгарской экзархіи и стараться о томъ, чтобы не порвалась окончательно наша собственная связь со вселенскою патріархіею. Послѣдняя, видя насъ на сторонѣ своихъ соперниковъ, естественно обратила свой взоръ на Аѳины, которыя поспѣшили придти къ ней на помощь. Для греческаго королевства представлялся желанный случай заставить служить церковь задачамъ эллинистической пропаганды. Такимъ образомъ, произошелъ

союзъ между сторонниками эллинизма и византинизма,—союзъ, враждебный Россіи. Съ нашей стороны крупною ошибкой было допустить подобное соединеніе двухъ по существу различныхъ культурныхъ направленій, при томъ въ такой моментъ, когда являлась возможность путемъ осторожной и безпристрастной политики разъединить дѣло церковное отъ постороннихъ націоналистическихъ происковъ. Если во главѣ церковной іерархіи часто стояли люди, проникнутые враждебными намъ націоналистическими тенденціями,—тѣмъ не менѣе нельзя было принципіально отождествлять церковь съ эллинизмомъ. Въ средѣ духовенства вселенской патріархіи не умирало сознаніе истинно-церковныхъ интересовъ, и были лица, которыя стояли выше племенныхъ стремленій.

Въ одинъ изъ наиболѣе жгучихъ фазисовъ греко-болгарскаго церковнаго спора, на патріаршій престолъ вступилъ Григорій VI. Это былъ одинъ изъ самыхъ достойныхъ іерарховъ константинопольской церкви въ минувшее столѣтіе. Высокія личныя качества его, казалось, давали ему наибольшее право на почетный титулъ, усвоенный верховному начальнику этой церкви. Условіемъ своего согласія на избраніе святѣйшій Григорій поставилъ: 1) содѣйствіе церкви къ тому, чтобы добиться отъ Порты возвращенія прежнихъ привилегій, дарованныхъ вселенскимъ патріархамъ, и 2) пересмотръ новаго церковнаго устава. Первому драгоману русскаго посольства вновь избранный патріархъ высказалъ замѣчательный взглядъ на отношенія, которыя должны существовать между вселенскимъ престоломъ и Россіей.

„Я былъ воспитанъ и возросъ, — сказалъ онъ,—въ мысли, что наша церковь можетъ ждать помощи лишь отъ Россіи. Въ мое время не было болгарскаго вопроса; была лишь великая церковь, попеченіе о которой имѣла Россія. Нынѣ многіе утверждаютъ, что всѣ симпатіи Россіи принадлежатъ болгарамъ. Лично я питаю убѣжденіе, что Россія не лишитъ патріархію своей мощной поддержки“. [1]).

Высказанный святѣйшимъ Григоріемъ взглядъ вполнѣ соотвѣтствовалъ традиціямъ русской восточной политики, отъ которыхъ послѣдняя ни въ какое время не могла сознательно отречься. Покровительство православію на Востокѣ совпадаетъ съ религіозными симпатіями благочестивыхъ русскихъ людей, но, какъ принципъ политическій, оно имѣетъ своимъ основаніемъ не чувства, а расчетъ. Защита и распространеніе дан-

[1]) Dépêche de l'aide de camp général Ignatieff, Péra, 14 (26) Février, № 42.

наго вѣроисповѣданія ради него самого во имя одного чистаго религіознаго начала можетъ быть дѣломъ отдѣльныхъ лицъ или религіозныхъ ассоціацій. Но покровительство тому же вѣроисповѣданію, осуществляемое правительствомъ въ его внѣшней политикѣ, можетъ исходить лишь изъ сознанія дѣйствительнаго государственнаго интереса. Такимъ именно интересомъ и вдохновлялась наша традиціонная политика, покровительствуя церкви и православію на Востокѣ [1]). Разсчетъ былъ таковъ. Съ большинствомъ населенія Турціи у Россіи существуетъ связь единовѣрія. Покровительствуя православію, мы скрѣпляемъ эту связь и пріучаемъ населеніе видѣть въ Россіи его естественную защитницу. Престижъ, пріобрѣтаемый Россіею среди громаднаго числа подданныхъ султана, есть сильное орудіе воздѣйствія на турецкое правительство въ настоящемъ; но престижъ этотъ имѣетъ громадное значеніе и для будущаго въ виду всегда возможныхъ на Востокѣ измѣненій, хотя бы Россія менѣе, чѣмъ какая-либо держава, могла желать въ непосредственномъ будущемъ нарушенія statu quo въ Турціи.

Суждено ли Турціи быть долговѣчной, или же произойдетъ въ недалекомъ будущемъ расчлененіе ея,—въ обоихъ этихъ случаяхъ судьба турецкихъ областей Балканскаго полуострова сохранитъ первостепенный интересъ для Россіи. Этимъ обусловлена въ настоящемъ культурная миссія русской дипломатіи на Востокѣ, которая состоитъ въ укрѣпленіи связей Россіи съ христіанскимъ его населеніемъ. До послѣдней войны, когда подготовлялось освобожденіе славянскихъ народностей, подъ вліяніемъ запросовъ данной минуты могла являться склонность дать преобладаніе въ политикѣ принципу національному надъ вѣроисповѣднымъ. Хотя и въ то время перемѣна нашего традиціоннаго направленія вызываетъ сожалѣніе, тѣмъ не менѣе тогда въ ея пользу можно было привести болѣе или менѣе серьезныя соображенія. Но въ настоящее время мы имѣемъ дѣло на Балканскомъ полуостровѣ съ самостоятельными славянскими государствами. Они образовались изъ мѣстностей съ наиболѣе опредѣленнымъ этнографическимъ составомъ населенія. Оставшіяся за Турціей европейскія области, какъ-то Македонія и Эпиръ, не обладаютъ этой опредѣленностью. Разграничить эти мѣстности по племеннымъ различіямъ крайне трудно. Если мы будемъ придерживаться здѣсь національнаго принципа, то мы либо возстановимъ противъ себя

[1]) См. мемуаръ: „О будущихъ отношеніяхъ нашихъ съ восточною церковью“, врученный Бутеневу вмѣстѣ съ общей инструкціей при назначеніи его въ Константинополь.

всѣ мелкія балканскія государства, за исключеніемъ того, которое примемъ подъ свое покровительство; либо впадемъ въ непослѣдовательность, поощряя попеременно національную пропаганду то одного, то другого государства. Въ присутствіи происходящей нынѣ ожесточенной борьбы между всѣми этими пропагандами Россіи подобаетъ придерживаться принципа, который былъ бы выше всѣхъ этихъ племенныхъ распрей и могъ быть примѣнимъ одинаково ко всѣмъ заинтересованнымъ сторонамъ. Этого требуютъ достоинство и прямые интересы Россіи. Объединяющимъ и примирительнымъ началомъ, о которомъ идетъ рѣчь, можетъ служить вѣроисповѣдный, а не національный принципъ. Иначе говоря, чрезъ представителей церкви, а не чрезъ дѣятелей національной пропаганды можемъ мы осуществлять наше вліяніе въ православныхъ областяхъ Турціи.

Не будемъ, однако, скрывать отъ себя серьезныхъ препятствій, которыя встрѣчаются на этомъ пути. Первое и самое трудное изъ нихъ заключается въ существованіи не-канонической болгарской экзархіи, которую мы не можемъ однако отвергнуть. Думать о примиреніи болгаръ съ патріархіей было бы въ настоящее время, къ сожалѣнію, празднымъ занятіемъ. Отдѣлившись отъ константинопольской церкви, болгары сохранили въ неприкосновенности основы православнаго вѣроученія. Но они пришли постепенно къ сознанію въ томъ, что отдѣленіе это доставитъ имъ неисчислимыя выгоды въ политическомъ отношеніи, и они не ошиблись въ разсчетѣ. Экзархія представляетъ въ настоящую минуту самое могущественное орудіе болгарской пропаганды въ Македоніи, и нѣтъ основанія предполагать, чтобы болгары добровольно отказались отъ столь выгоднаго для нихъ обособленія, которому въ глубинѣ души завидуетъ не одинъ сербъ. Имѣя своимъ основаніемъ вполнѣ опредѣленную политическую задачу, обособленіе экзархіи будетъ существовать до тѣхъ поръ, пока участь Македоніи не рѣшится въ томъ или другомъ смыслѣ. Весьма вѣроятно, что вслѣдъ за тѣмъ болгары первые будутъ искать примиренія съ патріархіей и уничтожатъ препятствіе къ этому, перенеся каѳедру экзарха изъ Константинополя въ другой городъ.

Но все это есть лишь предположеніе относительно болѣе или менѣе отдаленнаго будущаго. Можемъ ли мы въ настоящемъ разсчитывать на возстановленіе прежнихъ искреннихъ и довѣрчивыхъ отношеній съ нами вселенской патріархіи, и не послужитъ ли къ тому препятствіемъ, между прочимъ, существованіе экзархіи, которой мы не отказываемъ косвенно въ признаніи,

несмотря на провозглашеніе болгарской схизмы константинопольскимъ соборомъ 1872 года?

Какъ ни основательны эти соображенія, въ пользу сближенія съ нами патріархіи имѣются не менѣе вѣскія данныя. Прежде всего матеріальная необезпеченность послѣдней и широкая помощь русской благотворительности должны бы склонить патріархію къ уступчивости. Не слѣдуетъ, однако, преувеличивать значеніе этого способа воздѣйствія. Великая церковь доказала не разъ, что у нея есть высшіе интересы, которыми она не поступится ради временныхъ выгодъ. Поэтому въ сношеніяхъ съ нею слѣдуетъ примѣнить иной образъ дѣйствій. Прошлаго воротить нельзя, точно такъ же, какъ нельзя не считаться съ фактомъ экзархіи. Но если наша церковь не считаетъ возможнымъ отвергнуть ее, слѣдуя примѣру патріархіи, то это не мѣшаетъ намъ выражать искреннюю скорбь о происшедшемъ расколѣ и желать прекращенія столь ненормальнаго положенія. Намъ отнюдь не слѣдуетъ поощрять борьбу, которую ведетъ экзархія противъ патріархіи въ Македоніи. Мало того, намъ надлежитъ сдѣлать первый шагъ къ сближенію съ великой церковью, открыто и искренно выражая готовность всемѣрно поддерживать ее, оставаясь вѣрными всѣмъ нашимъ исконнымъ традиціямъ.

Чтобы сближеніе Россіи со вселенскою патріархіею было вполнѣ дѣйствительно и плодотворно, необходимы, однако, взаимныя искренность и довѣріе. Для насъ необходимы гарантіи въ томъ, что высшее управленіе церкви будетъ обладать устойчивостью, твердостью и будетъ такъ же свободно отъ націоналистическихъ тенденцій, какъ и наше отношеніе къ ней. Выполненію этихъ условій препятствуетъ настоящая организація церковнаго управленія патріархіи.

Мы ознакомились съ тѣмъ, при какихъ условіяхъ вырабатывалась эта организація и какіе недостатки были въ ней допущены. Припомнимъ главнѣйшіе изъ нихъ.

Прежде всего слѣдуетъ отмѣтить отсутствіе единства и дробленіе высшей церковной власти между тремя плохо связанными между собою инстанціями: патріархомъ, синодомъ и постояннымъ смѣшаннымъ совѣтомъ. Кромѣ этого, каждое изъ перечисленныхъ учрежденій въ отдѣльности имѣетъ свои слабыя стороны. Положеніе патріарха не довольно самостоятельно и прочно. Онъ не несетъ единоличной отвѣтственности за направленіе церковныхъ дѣлъ и смѣщеніе его слишкомъ легко обставлено. Составъ синода неустойчивъ и въ средѣ его нѣтъ достаточно опытныхъ членовъ. Наконецъ, постоянный смѣшанный совѣтъ, вслѣдствіе

принятаго способа избранія его членовъ, легко служитъ проводникомъ греческихъ націоналистическихъ тенденцій въ церковное управленіе.

Однимъ изъ главныхъ условій возстановленія нормальныхъ отношеній между Россіей и вселенскою патріархіею, повидимому, должно быть устраненіе недостатковъ церковной организаціи, выработанной въ 1858—1860 годахъ. Въ этомъ, быть можетъ, заключается одновременно какъ требованіе нашей церковной политики, такъ и жизненная задача, предстоящая самой патріархіи. Только въ совпаденіи ихъ взаимныхъ интересовъ можно почерпать надежду на установленіе въ будущемъ между великою церковью и Россіею тѣхъ отношеній, выразителями коихъ были нѣкогда патріархъ Григорій и митрополитъ Филаретъ.

Кн. Г. Т.

Константинополь, 1902.

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

КУЛЬТУРНОЕ БОЛОТО

ПОВѢСТЬ.

Окончаніе.

III *).

Въ ресторанѣ у Контана—Экземскаго не оказалось; но онъ могъ еще пріѣхать, и Бородавкинъ, въ ожиданіи его, сѣлъ обѣдать въ отдѣльномъ кабинетѣ. Ему хотѣлось пока быть одному, чтобы никто не разстроилъ сложившійся у него въ головѣ планъ учрежденія акціонерной компаніи; онъ поручилъ старшему гарсону, m-r Voldemar'у, слѣдить, не пріѣдетъ ли Экземскій, и тогда немедленно пригласить его въ кабинетъ. Бородавкинъ очень скучалъ въ своемъ кабинетѣ и по временамъ заглядывалъ въ общій залъ, хотя тамъ никого не было, потому что главная торговля ресторана происходила въ другомъ, большомъ залѣ; онъ очень жалѣлъ, что не пообѣдалъ дома.

„Что̀ Леничка?—думалъ онъ иногда съ болью въ сердцѣ:—что̀-то нашелъ у него докторъ"?

Но немедленно онъ успокоивалъ себя мыслью, что болѣзнь должна быть пустая, созданная скорѣе всего пылкимъ воображеніемъ жены, которая могла ошибиться даже въ счетѣ градусовъ жара. Однако, для Бородавкина явилось и развлеченіе. Какой-то хорошо угостившійся господинъ пришелъ въ залъ и началъ вальсировать одинъ; послѣ онъ взялъ откуда-то половую щетку и вальсировалъ съ нею, держа ее какъ ружье у солдата. Лакеи

*) См. выше: май, 183 стр.

и самъ Voldemar смотрѣли на его причуды, не стѣсняя его. M-r Voldemar даже подошелъ къ полу-отворенной въ ту минуту двери въ кабинетъ Бородавкина, вѣроятно чтобы занять его разговоромъ, и, указывая на пьянаго, сказалъ:

— C'est un moscovite.

— Какое безобразіе!—замѣтилъ Бородавкинъ:—надо его вывести.

— Зачѣмъ? онъ ничего дурного не дѣлаетъ!—отвѣчалъ Voldemar.

— Но это—неприлично.

— Конечно, но пока онъ никому не мѣшаетъ.

— А вы не боитесь, что вашъ ресторанъ потеряетъ свою репутацію приличнаго мѣста?

— Но вѣдь онъ одинъ, это нашъ гость, онъ у себя; ресторанъ здѣсь ни при чемъ,—объяснялъ Voldemar.

— Однако, это общій залъ.

— Вамъ этотъ господинъ мѣшаетъ?

— Почемъ вы знаете, можетъ быть и мѣшаетъ,—загадочно сказалъ Бородавкинъ.

— А, если мѣшаетъ, тогда другое дѣло.

Тутъ вдругъ Voldemar преобразился, принялъ воинственный видъ жандарма, строго подошелъ къ пьяненькому и такъ взялъ его въ руки, что пьяненькій показался передъ нимъ какъ кроликъ передъ удавомъ, готовымъ пожрать его: пьяненькій со своей щеткой былъ торжественно выведенъ Voldemar'омъ изъ зала.

„Къ чему я это сдѣлалъ?—подумалъ Бородавкинъ:—вѣдь этотъ человѣкъ мнѣ не мѣшалъ? Но нѣтъ, нельзя это допускать, это позоритъ Контана,—одинъ изъ нашихъ лучшихъ ресторановъ".

Въ русскомъ человѣкѣ есть черта: боязнь свободныхъ дѣйствій у другого; въ этомъ случаѣ Бородавкинъ обнаружилъ у себя эту черту; ею вызывается много недоразумѣній, напримѣръ, на окраинахъ.

Кончивъ обѣдъ, Бородавкинъ задумалъ ѣхать въ „Аркадію", увеселительный садъ, гдѣ въ тотъ день въ театрѣ назначено было чрезвычайное представленіе „премьеръ-гала"; такимъ наборомъ французскихъ словъ садовые антрепренеры зазываютъ къ себѣ русскую публику.

„Аркадія"—одно изъ старинныхъ мѣстъ развлеченій петербургской публики; довольно сказать, что на этомъ мѣстѣ было увеселительное заведеніе „Искусственныя минеральныя воды" Ивана Ивановича Излера; тутъ же работали Сѣтовъ, великій Лентовскій; былъ, кажется, здѣсь и Егаревъ; теперь дѣйствуютъ Але-

ксандровъ и Поляковъ, а скоро, конечно, явится тутъ и Тумпаковъ; все это—замѣчательные дѣятели, создавшіе общественныя развлеченія, чего тщетно добиваются разные клубы, комитеты и дамы-патронессы. Весело ли у этихъ господъ, полезны ли эти увеселенія—хорошо неизвѣстно, но они—во вкусѣ петербургской публики, а это уже много значитъ. Рядомъ съ „Аркадіей" нѣсколько разъ пытались создать „Ливадію",—хоть и съ русскимъ названіемъ и съ лучшимъ положеніемъ на берегу Невы, а мѣсто не влекло къ себѣ петербургскаго человѣка: его все тянетъ или на мѣсто, избранное Излеромъ, или на Крестовскій, тоже старинное мѣсто гулянья, знаменитое когда-то казенными фейерверками. Ни въ чемъ русскій такъ не консервативенъ, какъ въ развлеченіяхъ; вотъ почему водка такъ мила простолюдину, а винтъ—интеллигенту. Изъ видныхъ дѣятелей въ „Аркадіи" надо упомянуть еще увеселителя Ниццы и Петербурга, Рауля Львовича Гинцбурга; съ его легкой руки, привились у насъ на сценѣ садовыхъ театровъ пьесы особаго рода—„Обозрѣнія Петербурга" (Revues).

Сумерки начинались, но еще было очень свѣтло, когда Бородавкинъ пріѣхалъ въ „Аркадію"; въ саду было мало публики; на открытой сценѣ шло представленіе, но Бородавкинъ даже не взглянулъ на открытую сцену, а прямо направился къ закрытому театру. Въ особомъ домикѣ съ надписью: „касса", продавались билеты въ театръ, а за спиной кассира стоялъ директоръ закрытаго театра „Аркадія"—Самуилъ Дженэйро, въ первый разъ прибывшій въ Петербургъ услаждать публику и поставившій себѣ задачей—превзойти въ этомъ Рауля Гинцбурга. Дженэйро, по происхожденію русскій еврей, жилъ въ городѣ Петроковѣ, назывался тамъ Самуиломъ Вайсвассеромъ, портняжничалъ, а въ свободное время, на вечеринкахъ, игралъ на скрипкѣ для танцевъ. Когда евреи стали переселяться въ Америку и въ Африку, онъ, вмѣстѣ съ другими, поѣхалъ въ Бразилію. Тамъ портное ремесло его, при тепломъ климатѣ, не оказалось особенно нужнымъ; Вайсвассеръ заработывалъ болѣе скрипкой, чѣмъ иголкой. Наконецъ, онъ совсѣмъ сдѣлался музыкантомъ, игралъ въ оркестрѣ. Изъ оркестра на сцену хоть и высоко, но цѣпкій человѣкъ не затрудняется препятствіями; Вайсвассеръ сталъ пѣть въ оперѣ. Теперь мы видимъ его уже антрепренеромъ оперной труппы подъ именемъ Дженэйро; онъ составилъ себѣ эту фамилію изъ названія столицы Бразиліи—Ріо-Жанейро.

Увидя, что Бородавкинъ подошелъ къ кассѣ, Дженэйро приблизился къ окну.

— Привѣтъ вамъ, г. Бородавкинъ! — сказалъ онъ по-французски. — Благодарю за честь, что сегодня къ намъ пожаловали.

— А что у васъ будетъ сегодня? — спросилъ Бородавкинъ.

— Вы не знаете, вы не читали афишу? Вы счастливы, вы попадаете на великолѣпный спектакль; теперь еще рано, а то я бы не могъ дать вамъ вашу ложу, она была бы уже продана; сегодня у меня будетъ весь Петербургъ.

— Что же это у васъ будетъ: „Контролеръ спальныхъ вагоновъ"?

— Это не нашъ genre, — гордо отвѣчалъ Дженэйро: — сегодня — опера, чудная опера, которая сто лѣтъ не сходитъ со сцены.

— У, какое старье!

— Это ничего, нынче хорошая музыка стала какъ сигара: чѣмъ старше, тѣмъ лучше; впрочемъ, я вамъ рекомендую не столько оперу, какъ исполненіе. Сегодня идетъ „Лучія ди-Ламмермуръ", и Лучію поетъ...

— А будетъ у васъ сегодня Экземскій?

— Непремѣнно будетъ.

Бродя по саду, Бородавкинъ самъ наткнулся на Экземскаго.

— А! — воскликнулъ онъ: — вотъ случай! сегодня я встрѣчаю васъ во второй разъ. А когда вы мнѣ пришлете уставъ?

— Уставъ готовъ, — отвѣчалъ Экземскій.

— Завтра пришлете?

— Ну, хоть не завтра, — я его долженъ еще хорошо просмотрѣть, — а на дняхъ пришлю его вамъ.

— Пожалуйста, скорѣе; я окончательно рѣшилъ — быть акціонерному обществу.

— Ну, и прекрасно, всѣ теперь это дѣлаютъ, — говорилъ Экземскій; — это пріятное занятіе, надо что-нибудь дѣлать. Но здѣсь мы не будемъ больше объ этомъ говорить; я сегодня представлю вамъ здѣсь одну прелестную женщину.

— Я ее видѣлъ гдѣ-нибудь?

— Нѣтъ; она всего два или три дня какъ пріѣхала откуда-то...

Въ это время раздался звонокъ, призывающій публику въ театръ.

— Идемъ въ театръ, вѣроятно тамъ ее найдемъ, — сказалъ Экземскій.

Экземскій сѣлъ въ ложу Бородавкина.

— Гдѣ же ваша красавица? — спросилъ Бородавкинъ.

— Я еще ее не вижу, — отвѣчалъ Экземскій, осматривая театръ.

— Что̀ же это, вы—ея секретарь?—спросилъ Бородавкинъ, улыбаясь.

— Я вашъ секретарь,—подмигивая, отвѣчалъ Экземскій.

Театръ былъ небольшой, какъ всѣ лѣтніе театры, но публики было много. Судя по театру и по труппѣ, едва ли можно было тутъ ожидать чего-либо хорошаго; но публика имѣла какой-то особый характеръ; всѣ очевидно были довольны, что пришли въ театръ, всѣ не ждали ничего особеннаго; многіе пришли въ театръ, какъ Бородавкинъ, не зная, что̀ даютъ на сценѣ; другіе хотя и слышали, что идетъ „Лучія", не знали, что̀ это, опера или оперетка; многіе искали въ театрѣ только знакомыхъ, и почти всѣ убивали въ театрѣ время до ужина. Театръ съ своей стороны готовился что-то представить; оркестръ былъ увеличенъ до двадцати человѣкъ приглашеніемъ военныхъ музыкантовъ; сверхъ того, въ оркестрѣ сидѣла арфистка; капельмейстеръ былъ во фракѣ и бѣломъ галстухѣ.

Сыграли интродукцію, занавѣсъ поднялся, и первая картина прошла гладко, тѣмъ болѣе, что никто не слушалъ, что̀ поютъ на сценѣ; всѣ ждали появленія примадонны и перваго тенора, директора Дженэйро. Во второй картинѣ декорація изображала садъ ночью, тѣмъ болѣе чудный, что на сценѣ было такъ темно, что ничего не было видно. Соло на арфѣ произвело хорошее впечатлѣніе,—арфа всегда нравится, даже разбитая. Бланшъ Делисъ была встрѣчена залпомъ апплодисментовъ и поднесеніемъ капельмейстеромъ изящнаго букета. Когда она запѣла, нигдѣ не слышно было ничего неладнаго, но нельзя было опредѣлить, что̀ она пѣла? Это не была музыка „Лучіи", а что-то изъ нея сдѣланное; вездѣ, гдѣ у пѣвицы не хватало голоса, она брала такую ноту, которая была ей удобнѣе; въ трудныхъ мѣстахъ пѣвица не пѣла, за нее продолжалъ арію оркестръ; конца аріи она совсѣмъ не пѣла,—конецъ завершался шумнымъ финаломъ оркестра. Публика слушала пѣвицу, и такъ какъ фальшивыхъ нотъ нигдѣ не было, пѣвица нигдѣ не оборвалась, сама была красива, платье на ней было хорошее и финалъ очень шумный, то, по окончаніи сцены, театръ разразился апплодисментами.

Бородавкинъ слышалъ „Лучію" на большихъ сценахъ, однако, не помня ничего, слушалъ и здѣсь—все какъ слѣдуетъ, и онъ усердно апплодировалъ.

— Музыка показалась мнѣ какою-то новою, — обратился Бородавкинъ къ Экземскому.

— Я не признаю оперной музыки,—отвѣчалъ Экземскій.

— Какъ такъ?

— Да такъ. Сама по себѣ музыка—безсмыслица; я ее признаю только въ балетѣ, за обѣдомъ, на парадѣ.

Когда вышелъ Дженэйро въ роли Эдгарда, апплодисменты длились нѣсколько минутъ; ему поднесли лавровый вѣнокъ; онъ долго стоялъ съ поникшей головой, прижимая руку къ сердцу. Замѣчательно, что нигдѣ нѣтъ для артистовъ такихъ восторговъ, какъ на лѣтнихъ сценахъ; если брать эти восторги за чистую монету, пришлось бы признать на лѣтнихъ сценахъ величайшее процвѣтаніе искусства. Байрейтъ, съ его лѣтнимъ Вагнеровскимъ театромъ, тоже при этомъ на мысль приходитъ. Въ сущности, это все не восторги отъ искусства, а игра публики въ театръ; какъ дѣти смотрятъ на бумажный театръ и апплодируютъ для своей потѣхи, то же самое дѣлается публикой въ лѣтнихъ театрахъ; газеты поддерживаютъ эту потѣху, потому что рецензенты ловятъ при этомъ рыбу въ мутной водѣ. Апоѳеозомъ этихъ лѣтнихъ игръ является обыкновенно бенефисъ „учредителя" увеселительнаго мѣста, какъ эти господа себя величаютъ. Учредителя чествуютъ превыше всякаго артиста. Подношенія на сценѣ дѣлаютъ ему всѣ его служащіе, труппа, первые сюжеты и поставщики припасовъ для буфета; изъ публики подношенія идутъ отъ личныхъ пріятелей учредителя; подношенія отъ служащихъ, артистовъ и поставщиковъ слѣдуетъ назвать „окладными сборами". Сверхъ того, артисты за такой вечеръ ничего не получаютъ; другими словами, учредитель не додаетъ имъ жалованья. Достойно удивленія, что публикѣ нравятся эти бенефисы учредителей; она приходитъ въ театръ толпами и неистово апплодируетъ виновнику торжества; здѣсь, собственно, публика апплодируетъ обиранію слабыхъ сильнымъ. Искусство чуждо театру въ такіе спектакли.

Съ партіей Эдгарда на сценѣ „Аркадія" случилось то же, что съ партіей Лучіи—музыка оказалась фальсифицированною; тѣмъ не менѣе публика была въ восторгѣ.

— Молодецъ Дженэйро,—говорилъ Бородавкинъ,—чистый итальянецъ!

Бородавкинъ выразилъ Экземскому желаніе, послѣ спектакля, пригласить Бланшъ Делисъ и Дженэйро на ужинъ.

— Подождите пока,—отвѣчалъ Экземскій,—сначала надо найти ту даму, о которой я вамъ говорилъ.

— Одно другому не мѣшаетъ; и ее пригласимъ.

Экземскій пошелъ въ садъ искать Эмму, которая въ тотъ вечеръ, по его назначенію, должна была пріѣхать на всякій случай въ „Аркадію"; наконецъ онъ ее нашелъ въ бесѣдѣ съ молодымъ человѣкомъ; безъ церемоніи онъ подозвалъ Эмму къ себѣ

и увелъ ее въ театръ, гдѣ посадилъ въ пустую ложу; очевидно, Экземскій распоряжался въ театрѣ, какъ дома.

Второй актъ начался прямо со второй картины, со сцены свадьбы. Музыку здѣсь нельзя было безцеремонно измѣнять, но зато исполненіе не представляло для этихъ артистовъ особыхъ трудностей: два баса, хоръ и оркестръ вынесли второй актъ на своихъ плечахъ; Дженэйро проклялъ Лучію, какъ слѣдуетъ; восторгъ публики былъ полный; вся эта публика была согласна, что опера у Дженэйро идетъ превосходно.

Когда, послѣ спектакля, Бородавкинъ пошелъ на сцену приглашать Бланшъ Делисъ и Дженэйро ужинать, Экземскій повелъ Эмму въ ресторанъ. Эмма не особенно понравилась Бородавкину, тѣмъ не менѣе была приглашена ужинать.

— Слушай,—говорилъ Эммѣ Экземскій:—этотъ господинъ, Бородавкинъ, милліонеръ.

— Милліонеръ!—съ восторгомъ повторила Эмма.

— Но, ради Бога, держи себя прилично, чтобы онъ не догадался, откуда ты; лучше говори меньше; если я, во время ужина, наступлю тебѣ на ногу, это будетъ знакъ, что ты завралась; тогда будь осторожна.

Явился Бородавкинъ, ведя подъ руку Бланшъ Делисъ; въ бутоньеркѣ у него былъ бѣлый цвѣтокъ изъ букета пѣвицы; Дженэйро слѣдовалъ сзади.

— Позвольте представить вамъ мадемуазель Эмму,—говорилъ Бородавкинъ, подводя Бланшъ къ Эммѣ.

— Мадемуазель—артистка?—спросила Бланшъ.

— Нѣтъ, но очаровательная женщина,—отвѣчалъ Бородавкинъ;—къ сожалѣнію, она говоритъ только по-нѣмецки.

Бланшъ посмотрѣла на Дженэйро, какъ бы спрашивая, слѣдуетъ ли ей быть въ обществѣ дамы, которая только очаровательна? Дженэйро осмотрѣлъ Эмму съ видомъ знатока и видимо аппробовалъ ее.

— Это иностранка,—сказалъ онъ:—очень пріятно познакомиться; къ счастью, я владѣю нѣмецкимъ языкомъ.

Эмма ободрилась, принявъ Дженэйро за соотечественника.

Сѣли за столъ, подали кушанье. Начались похвалы исполнителямъ оперы.

— Вы не можете въ нынѣшней m-lle Бланшъ узнать прежнюю,—объяснялъ Дженэйро;—я ее встрѣтилъ въ Ріо-Жанейро, угадалъ ея голосъ, сталъ учить ее и пріобрѣлъ ее для настоящей оперы. Вѣдь вотъ вашъ Фигнеръ,—онъ прежде совсѣмъ пѣть не умѣлъ; жена сформировала въ немъ пѣвца.

Дженэйро не спускалъ глазъ съ Эммы, оцѣнивая ея красоту, молодость, грацію; Экземскій подозрительно на нихъ посматривалъ и сомнѣвался, хорошо ли онъ сдѣлалъ, что привелъ Эмму на этотъ ужинъ: Бородавкинъ ею совсѣмъ не занимается.

— Вы не поете?—спросилъ Эмму Дженэйро.

— Нѣтъ.

— Напрасно; голосъ есть у каждаго человѣка; я васъ выучу пѣть,—хотите? Можетъ быть, вы не будете примадонной, но пѣть въ театрѣ вы непремѣнно можете. Вы не имѣете ли желанія поступить въ театръ?

— Въ театръ, какъ это?—спросила Эмма, не понимая хорошо, о чемъ ее спрашиваютъ.

— Играть на сценѣ, вотъ какъ вы насъ видѣли сегодня; прежде мы дѣлали что-нибудь другое, а теперь я—актеръ, пѣвецъ, директоръ театра.

— Такъ вы директоръ, вы сами господинъ директоръ?—восторженно твердила Эмма, представляя себѣ, что директоръ, это—какое-то высшее существо.

— Да, я директоръ.

— Но развѣ я могу быть актрисой?

— Можете; я все изъ васъ сдѣлаю.

Дженэйро увлекся Эммой, и тутъ же рѣшилъ въ умѣ, что не долженъ упускать изъ рукъ такую пташку.

— Вы только не выдавайте моей тайны,—шепталъ Эммѣ Дженэйро,—а я открою вамъ, что эта пѣвица, которой вы сегодня восхищались, была прачкой, стирала бѣлье; я ее обучилъ пѣнію, и теперь она—примадонна.

Глаза Эммы блестѣли отъ радостныхъ мечтаній; показать себя, блистать, было ея завѣтною мечтой; а гдѣ же можно лучше блистать, какъ не въ театрѣ?

„Онъ мнѣ все дѣло испортитъ,—думалъ Экземскій, наблюдая за Дженэйро,—онъ не понимаетъ здѣсь своей роли“.

Бородавкинъ былъ вполнѣ занятъ Бланшъ.

— Я слышалъ много Лучій, но никогда „Лучія“ не нравилась мнѣ такъ, какъ сегодня,—говорилъ онъ;—я слышалъ Патти; конечно, у ней дивный голосъ, но души нѣтъ, а вы пѣли душевно; мы, русскіе, выше всего ставимъ душу,—дайте намъ душу, душу!

— Дайте намъ тысячу душъ, вотъ это было бы хорошо!—сказалъ Экземскій.—Удружили, нечего сказать! лишили Россію душъ.

— Ха, ха, ха, вишь, чего захотѣлъ!—смѣялся Бородавкинъ.—Ахъ, вы, чиновники, мастера вы въ самомъ дѣлѣ; вернете вы эти души Россіи, вернете, бездушные вы люди!

— Намъ до этого не дожить,—вздохнулъ Экземскій,—а будетъ это.

— Оставимъ Патти, я не имѣю къ ней претензіи,—сказала Бланшъ,—но скажите мнѣ, вѣдь я вѣрно пѣла?

— Ничего этого мы знать не хотимъ,—кричалъ Бородавкинъ, изрядно выпившій:—вы показали намъ душу,—вотъ что дорого.

— Посмотрите вы на ту простую душу, что тамъ сидитъ!—шепталъ Экземскій Бородавкину, указывая на Эмму.

— Нельзя теперь, при этой; съ той мы послѣ поговоримъ,—тихо отвѣчалъ Бородавкинъ.

„Скорѣе бы ушли эти артисты, арфисты, аферисты,—думалъ Экземскій;—нужно—къ дѣлу, а это—бездѣлье".

Пили много, ужинъ приходилъ къ концу.

— Жизнь артиста тяжела, — сказалъ Экземскій, улучивъ паузу въ общемъ разговорѣ;—вотъ скоро m-lle Бланшъ встанетъ и запоетъ намъ: „bona sera, miei signori"!

— Да, я очень устала, вы угадали мое намѣреніе.

— Посидите еще,—будетъ дивный крюшонъ моего изобрѣтенія,—говорилъ Бородавкинъ.

— Въ другой разъ, г. Бородавкинъ, теперь я не могу,—сказала Бланшъ.

— Г. директоръ, неужели нельзя m-lle Бланшъ остаться на крюшонъ?—обратился Бородавкинъ къ Дженэйро.

— Поздно, это правда,—отвѣчалъ онъ,—но развѣ можно отказать что-нибудь композитору крюшона!

— Я самъ и буду его составлять,—сказалъ Бородавкинъ.—Скорѣй—вина, фруктовъ, все для моего крюшона!—крикнулъ онъ прислугѣ.

Когда все было подано и вино съ фруктами было въ вазѣ, Бородавкинъ торжественно скомандовалъ:

— Теперь—гомара!

— Гомара въ крюшонъ!—воскликнула Бланшъ.

— Мы его тамъ утопимъ,—пріятно улыбаясь, сказалъ Бородавкинъ.

Взявъ за клещи огромнаго, уже вареннаго краснаго гомара, Бородавкинъ торжественно опустилъ его въ вазу съ виномъ. Когда присутствующіе увидѣли въ крюшонѣ на фруктахъ это красное чудовище, съ длинными усами и черными глазами, всѣ расхохотались и дивились полету русской фантазіи.

— Это безподобно!—воскликнула Бланшъ.

— Это крюшонъ-акваріумъ,—сказалъ Дженэйро.

— Wunderschön!—произнесла Эмма.

— Кто вамъ далъ эту идею?—спросилъ Экземскій.

— Одинъ поваръ,—отвѣчалъ Бородавкинъ: — гомаръ сваренъ въ винѣ, его можно ѣсть.

Гомаръ, однако, никому не понравился.

— Это потому, что поздно,—сказалъ Бородавкинъ:—этимъ крюшономъ надо начинать день, послѣ кутежа, опохмеляться.

— Надо назвать этотъ крюшонъ какъ-нибудь, — сказалъ Экземскій:—еслибы гомаръ не былъ сваренъ, крюшонъ слѣдовало бы назвать: „à la bête noire",—это какъ разъ для опохмеляющихся.

— Теперь его можно назвать: „à l'éminence rouge",—сказалъ Дженэйро.

— Cruchon des peau-rouges,—сказала Бланшъ и расхохоталась.

— Назовите его вашимъ именемъ,—сказалъ Экземскій.

— Я не желаю давать мое имя никакому напитку,—отвѣчалъ Бородавкинъ,—я не поощряю пьянства.

— Чѣмъ же пьянство интеллигента не почтенно? — возразилъ Экземскій:—вѣдь вотъ же вы теперь пьяны, а мы васъ уважаемъ.

Всѣ расхохотались.

— Какъ вы можете говорить, что я пьянъ!—крикнулъ Бородавкинъ.

— Я же говорю правду.

— Оставьте вашу правду! Что̀ за правда въ ресторанѣ, съ друзьями!—сказалъ Бородавкинъ.

— Какіе же это друзья?—хохоталъ Экземскій:—здѣсь у васъ одинъ другъ, это—я.

— Нѣтъ, вы-то и есть мой врагъ, — горячился Бородавкинъ.—Чиновникъ—нашъ врагъ, врагъ дѣла и капитала; мы—земскіе люди, а вы—чиновникъ, вы насъ изводите своими отношеніями и формальностями.

— Ха, ха, ха! — смѣялся Экземскій: — что̀ у трезваго на умѣ, то у пьянаго на языкѣ.

Бланшъ любовалась на задоръ двухъ пріятелей; Дженэйро, обратясь къ Эммѣ и указывая на ссорящихся амфитріоновъ, сказалъ:

— Вы видите, что̀ это за люди; они теперь напились и ругаются,—вы на нихъ не надѣйтесь; ихъ надо обирать—и ничего больше; если вы теперь сойдетесь съ ними, они воспользуются вами и скоро прогонятъ; а идите ко мнѣ въ театръ,—они всѣ

будутъ у вашихъ ногъ; я изъ васъ сдѣлаю звѣзду. Теперь не уѣзжайте съ ними, останьтесь здѣсь. Примадонна скоро уйдетъ; я ее провожу и опять вернусь сюда; я постараюсь ихъ заговорить, а вы въ это время незамѣтно уйдите; гарсонъ будетъ васъ ждать за дверью и проведетъ васъ въ вашу комнату.

Бланшъ стала прощаться и ушла съ Дженэйро, но онъ скоро вернулся.

„Каковъ, вернулся!—подумалъ Экземскій, слѣдившій за всѣми движеніями директора.—Ну, сударь, не долго ты здѣсь будешь, мы сейчасъ уѣдемъ".

— Позвольте мнѣ,—сказалъ Дженэйро,—теперь, когда знаменитая артистка, г-жа Делисъ, удалилась, — и мы не можемъ поклоняться искусству, предложить тостъ за талантъ другого рода. Есть много талантовъ, и одинъ изъ нихъ—красота, а такой красоты, какъ у фрейлейнъ Эммы, я давно не встрѣчалъ; теперь красавица, истинная, увлекательная красавица—большая рѣдкость; такія красавицы стали рѣдки, какъ бразильскіе брилліанты; куда дѣлась красота, отчего этотъ даръ неба сталъ такъ рѣдокъ, это—задача выше моего пониманія. И потому нельзя не придти въ восторгъ отъ такой красавицы, какъ фрейлейнъ Эмма. Выпьемъ за ея здоровье!

— Ура, ура!—крикнулъ Бородавкинъ, поднимая бокалъ.

— Знаете ли, господа,—продолжалъ Дженэйро:—за вашимъ ужиномъ мы сдѣлали большое дѣло: я ангажирую фрейлейнъ Эмму въ мою труппу.

— Это что̀ еще такое? Кто вамъ позволитъ? — спросилъ Экземскій.

— Она сама согласна.

— Она всему повѣритъ,—говорилъ Экземскій по-французски, чтобы Эмма не понимала его.

— Прекрасно, прекрасно,—сказалъ Бородавкинъ:—быть артисткой—это лучшая карьера для красавицы. Что̀ же она у васъ будетъ дѣлать,—пѣть?

— Увидимъ послѣ,—отвѣчалъ Дженэйро;—теперь она будетъ только учиться. Я ручаюсь вамъ, господа, что къ концу сезона, въ мой бенефисъ, вы увидите Эмму на сценѣ, и вы будете подносить ей букеты и подарки.

Пока амфитріоны бесѣдовали, Дженэйро простился съ ними и ушелъ, перемигнувшись съ Эммой.

Эмма вслѣдъ за нимъ также незамѣтно исчезла изъ комнаты. Экземскій и Бородавкинъ хотѣли-было къ ней обратиться, и — никого не нашли.

— Куда она дѣвалась?

— Вышла куда-нибудь,—спокойно замѣтилъ Экземскій.

— Она, кажется, глупа?—рѣшилъ Бородавкинъ.

Прошло нѣкоторое время—Эммы все не было. Экземскій послалъ узнать, куда дѣвалась дама изъ кабинета.

— Ну ее! поѣдемъ одни,—говорилъ Бородавкинъ, едва стоя на ногахъ.

— Погодите, я самъ разузнаю,—сказалъ Экземскій и вышелъ.

— Фу ты пропасть! — сказалъ Бородавкинъ и свалился на подушки дивана, гдѣ сидѣлъ; онъ сталъ храпѣть.

Экземскій пришелъ съ пустыми руками. Эммы нигдѣ не было...

Былъ уже четвертый часъ ночи; полиція явилась съ требованіемъ очистить заведеніе.

Бородавкину теперь оставалось: сѣсть въ коляску и ѣхать. Свѣжій воздухъ еще болѣе помутилъ его голову...

— Зачѣмъ мы уѣхали?—говорилъ онъ, несясь въ коляскѣ по Каменноостровскому проспекту.—Назадъ, назадъ!

— Да полноте, Иванъ Петровичъ, ужъ поздно!—уговаривалъ Экземскій.

— Это онъ, Дженэйро, ее спряталъ.

— Да его тутъ и не было, когда она пропала.

— Такъ я ничего не понимаю, что̀ тутъ произошло,—сказалъ растерянно Бородавкинъ.

— Я не понимаю, что̀ вы тутъ хотите понимать?

— А то, отчего мы, русскіе люди, хорошіе, честные, богатые, съ душой, мы чествуемъ, угощаемъ, платимъ за все, кланяемся и восхищаемся ими, а они дѣлаютъ съ нами, что̀ хотятъ?

— Гдѣ же вы это видѣли?—спрашивалъ Экземскій.

— Да вотъ сейчасъ, развѣ этого не было? Они ее заговорили, увели, всѣ наѣлись, напились, взяли деньги за свой глупый театръ, мы же имъ за это кланялись,—и мы остались ни съ чѣмъ, при пиковомъ интересѣ.

— Это потому, что̀ мы съ вами выпили,—смѣясь, сказалъ Экземскій.

— Да они больше насъ пили. И Бланшъ пила, и онъ пилъ. Господи, какъ онъ пилъ!—какъ бездонная бочка. Это меня бѣситъ, потому что это повторяется постоянно, вездѣ, на каждомъ шагу, на товарахъ, на курсѣ, въ банкахъ, на заводахъ, въ школахъ; вездѣ мы богаты, способны, добры, и вездѣ мы—пассъ, пассъ и пассъ, а они вездѣ—большой шлемъ—и берутъ его какъ по писанному; а если мы объявимъ шлемъ, то—безъ многихъ.

— Ну, гдѣ же, гдѣ же это видано!—важно отвѣчалъ Экзем-

скій.—Теперь Россія вездѣ предписываетъ законы; торговый договоръ съ Германіей...

— Хоть вы-то молчите!—крикнулъ Бородавкинъ:—ничего вы не понимаете; договоръ есть, да толку нѣтъ; у насъ договоръ и больше ничего, а у нихъ—эпизоотія наша, недовѣріе къ намъ—и этимъ вяжутъ намъ руки; то свиней или гусей можно везти черезъ границу, то нельзя; все такъ, какъ у насъ сегодня: кланялись, угощали, и—ничего не вышло.

— Такъ зачѣмъ же вы угощали? Вы жалуетесь, какъ маленькій ребенокъ,—изящно проговорилъ Экземскій;—надо быть выше этого.

— Фразы, фразы! Я знаю, отчего вы ихъ защищаете; вы тоже, какъ и они, враги наши; да, вы—враги наши, чиновники бездушные, безголовые.

— Ха, ха, ха, ужъ и тутъ чиновники явились! Послушайте, Иванъ Петровичъ, будьте мужчиной, берите примѣръ съ нѣмцевъ; у нихъ тоже есть чиновники и формальности, но они ихъ не проклинаютъ.

— А я проклинаю!—гремѣлъ Бородавкинъ.—Тамъ формальности обезпечиваютъ порядокъ, а у насъ онѣ тормазъ; въ вашихъ рукахъ они тормазъ, вы насъ ими душите.

— Какъ же это формой душить можно?

— Можно. Не разъ я отъ нея страдалъ. Разъ огромное дѣло пропало у меня изъ-за того, что прошеніе было не такъ написано; а послѣ оказалось, что было написано отлично, только чиновникъ ничего не понималъ.

— И все это вы ораторствуете изъ-за дѣвчонки!

— Какъ изъ-за дѣвчонки?—закричалъ Бородавкинъ.—Эта дѣвчонка—вздоръ, но тяжело, что насъ окручиваютъ вездѣ, вездѣ намъ мѣшаютъ. Я широко смотрю на вещи, у меня сердце обливается кровью.

— Изъ крюшона съ гомаромъ,—насмѣшливо сказалъ Экземскій.

— А, изъ крюшона? А ты изъ него пилъ,—горячился Бородавкинъ;—его ты понялъ, а меня не понимаешь, потому что ты—чиновникъ, ничего понять не хочешь, это тебѣ невыгодно; ты работать не хочешь, а пить крюшонъ—выгодно. Если такъ—вонъ отсюда!

— Что̀ вы, что̀ вы, вы заговариваетесь!—лепеталъ вдругъ испугавшійся Экземскій.

— Вонъ изъ моей коляски, если вы меня не понимаете!

— Ну, ну, успокойтесь, я понимаю.

— Ничего вы не понимаете... Егоръ, стой! мы его высадимъ.

— Да что вы, далеко еще до города,—взмолился Экземскій.

— Не потерплю ни минуты.

Коляска остановилась.

— Да какъ же я теперь домой доберусь?—здѣсь нѣтъ ни одного извозчика,—говорилъ Экземскій.

— А мнѣ какое дѣло? Вы меня не понимали, и я васъ не понимаю.

— Mais, Иванъ Петровичъ, devant le cocher...

— Не понимаю вашего французскаго языка,—пожалуйте!—рѣшительно прибавилъ Бородавкинъ, указывая спускъ на мостовую.

Экземскій вылѣзъ изъ коляски, и чуть хотѣлъ обернуться и просить, чтобы его опять посадили обратно, какъ услышалъ обращеніе Бородавкина къ кучеру:

— Пошелъ, живо!

Лошади тронулись, и коляска скрылась во мглѣ ранняго утра.

Экземскій осмотрѣлся—нигдѣ не было видно извозчика; узнавъ мѣстность, онъ, однако, увидѣлъ, что ему долго придется идти пѣшкомъ, потому что онъ былъ на Аптекарскомъ, у Карповскаго моста. Поднявъ воротникъ, надвинувъ цилиндръ на лобъ и засунувъ руки въ карманы, держа тутъ же и палку, онъ пошелъ впередъ, разсуждая такъ:

— Да, Пушкинъ правъ: русскій бунтъ будетъ всегда безсмысленный и безпощадный; намъ еще далеко до образованія; у насъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника толстосумъ выбрасываетъ на улицу—и ничего не подѣлаешь...

Пріѣхавъ домой, первое, что Бородавкинъ увидѣлъ на столѣ въ своемъ кабинетѣ, была записка жены о болѣзни ребенка; онъ взялъ-было записку, но, не читая, оставилъ:

— Нѣтъ, теперь читать не буду, еще тамъ найду что-нибудь страшное; до утра, все равно, не перемѣнится.

Тутъ онъ раздѣлся, легъ и немедленно крѣпко уснулъ. Проснулся поздно; первое, за что онъ принялся, была записка жены: жаръ у ребенка еще былъ сильный, но докторъ сказалъ, что нѣтъ ничего опаснаго. Бородавкинъ набожно перекрестился. Теперь онъ началъ припоминать, гдѣ онъ былъ наканунѣ и что съ нимъ случилось. Прежде всего онъ вспомнилъ, какъ высадилъ Экземскаго изъ коляски.

„Скверная штука! — думалъ Бородавкинъ. — Но что онъ сдѣлаетъ? Ему даже нельзя дѣло поднять изъ такого обстоятельства. Я его высадилъ изъ моей коляски не въ полѣ, а въ го-

родѣ, за то, что онъ со мной дурака ломалъ. Учить меня хотѣлъ! А поссоримся съ нимъ—и прекрасно. Уставъ онъ долженъ мнѣ представить, а самъ онъ мнѣ для акціонерной компаніи не нуженъ; дай я ему акціи,—онъ за нихъ денегъ не внесетъ".

Бородавкинъ съ неудовольствіемъ признавался самъ себѣ, что весь вчерашній день прошелъ у него глупѣйшимъ образомъ: утромъ онъ прятался отъ Экземскаго, вечеромъ—искалъ его, а ночью—разошелся съ нимъ; между всѣмъ этимъ путались: проектъ акціонерной компаніи, больной ребенокъ, театръ, ужинъ и какая-то дѣвочка.

„Ну, вчера былъ несуразный день; теперь примусь за дѣло,—успокоивалъ себя Бородавкинъ.—Я сохраню дѣтямъ, что̀ получилъ отъ отца, деньги въ печь не бросаю, дѣло развиваю. Мой сынъ будетъ другой человѣкъ, онъ будетъ иначе образованъ; я пошлю его за границу, учиться; онъ поведетъ дѣло иначе, твердою рукою, какъ какой-нибудь англичанинъ или американецъ".

Бородавкинъ отправился на половину жены. Видъ ребенка испугалъ его: жаръ еще былъ сильный, дитя страдало и дичилось отца, какъ будто понимало, что отецъ ему не поможетъ.

— Что̀ за болѣзнь, что̀ докторъ сказалъ?

— Засореніе желудка,—отвѣчала жена.

— Когда докторъ будетъ опять?

— Около двухъ часовъ.

Длинная перспектива ждать доктора не понравилась Бородавкину.

— Гдѣ ты вчера былъ?—спросила жена.—Я посылала къ тебѣ въ два часа ночи, ты еще не пріѣзжалъ.

— Я игралъ въ карты въ клубѣ,—скромно отвѣчалъ Бородавкинъ.

— Сынъ боленъ, а онъ въ клубѣ до бѣлаго дня въ карты играетъ!

— А развѣ жаръ у него уменьшился бы, еслибъ я дома сидѣлъ? А я хоть игралъ въ карты, но въ то же время говорилъ кое съ кѣмъ о дѣлахъ.

— Ты затѣваешь что-нибудь?

— Я хочу преобразовать заводъ на акціонерномъ началѣ.

— Что̀ же, это будетъ лучше?

— Ого! Это мнѣ откроетъ широкіе горизонты,—сказалъ Бородавкинъ съ убѣжденіемъ:—теперь всѣ такъ дѣлаютъ; это придастъ солидность предпріятію и сдѣлаетъ его общественнымъ.

Бородавкинъ простился съ женой и самъ себѣ удивлялся, какъ онъ такъ ясно и положительно объяснялъ женѣ то, чего самъ еще не видѣлъ.

„Какая будетъ наша первая встрѣча съ Экземскимъ? — думалъ онъ.—Поѣду къ Кюба, тамъ найду его, увидимъ".

Инцидентъ въ коляскѣ Экземскій ликвидировалъ очень ловко, представивъ его въ иномъ освѣщеніи. Онъ увѣрялъ Бородавкина, что долженъ былъ оставить его коляску, потому что Бородавкинъ, отъ излишне выпитаго вина, былъ просто неприличенъ. Бородавкинъ не призналъ за собой вины, но не спорилъ; мирныя отношенія возобновились.

IV.

Если ѣхать изъ центра Петербурга за городъ, тогда мало-по-малу улицы теряютъ свой величественный видъ, дома становятся меньше и меньше; между домами являются свободныя пространства, закрытыя съ улицы заборами; каменные дома начинаютъ перемѣшиваться съ деревянными, и чѣмъ дальше, тѣмъ деревянныхъ домовъ становится больше. Наконецъ, будетъ и такъ, что дома занимаютъ меньше мѣста, а сады и огороды—больше, мѣстность принимаетъ сельскій видъ. Только городовые и околоточные надзиратели на улицѣ показываютъ, что и эта сельская мѣстность—еще городъ, его пригородный участокъ.

На одной изъ такихъ окраинъ города огромное мѣсто было занято запыленными и задымленными строеніями разнаго вида, высокими и низкими, съ крышами остроконечными и круглыми, надъ которыми поднимались десятки заводскихъ трубъ; дымъ разстилался здѣсь черною тучею надъ всѣми зданіями, а бѣлыя струи пара, вырываясь изъ паровыхъ котловъ, тамъ и сямъ сверкали на этой черной картинѣ. Отсюда раздавался на всѣ сосѣднія мѣста грохотъ падающаго на землю желѣза, свистки паровыхъ машинъ, глухіе удары гигантскихъ молотовъ, а по временамъ, за стеклянными, какъ въ оранжереяхъ, стѣнами этихъ черныхъ и дымныхъ зданій, вдругъ сверху до низу вспыхивало пламя, какъ бы отъ страшнаго пожара, освѣщая на нѣсколько минутъ зданіе, и такъ же внезапно погасало, погружая это мѣсто опять въ дымъ и черноту.

Это былъ желѣзодѣлательный и механическій заводъ Бородавкина, подъ фирмою: „Волынскій механическій и мѣдно-прокатной заводъ". Названіе это, отъ ближней деревни Волынкиной, сохранилось съ давняго времени; теперь заводъ имѣлъ

другое назначеніе; такъ мѣдь въ немъ не прокатывалась, т.-е. на заводѣ не было мѣднаго производства, хотя для заводскихъ издѣлій употреблялось много мѣди. Еще дѣдъ Бородавкина, разбогатѣвшій на винныхъ откупахъ прежняго времени, купилъ небольшую часть того мѣста, на которомъ теперь стоитъ заводъ, съ небольшимъ на немъ заводомъ какого-то иностранца, изготовлявшимъ мѣдныя трубы и небольшія машины. У дѣда и отца Бородавкина заводъ преобразился, мѣдное дѣло было оставлено, заводъ началъ выдѣлывать желѣзо и сталь всѣхъ сортовъ, а при Бородавкинѣ, и съ новымъ директоромъ завода Каневскимъ, производство развилось еще болѣе, на заводѣ начали строить вагоны, разныя машины и даже паровозы.

Хотя Бородавкинъ всѣмъ говорилъ, что избралъ Каневскаго директоромъ завода, но это не совсѣмъ вѣрно; Каневскій сталъ во главѣ завода совершенно случайно; Бородавкину принадлежитъ заслуга, что онъ не мѣшалъ Каневскому; трудно было и не довѣрять человѣку, если все шло хорошо. Когда прежній директоръ завода обобралъ Бородавкина и бросилъ его, Бородавкинъ не зналъ, кого поставить на его мѣсто; онъ не зналъ близко ни одного изъ начальниковъ цеховъ или отдѣловъ завода; да никто изъ нихъ и не брался за это дѣло, требующее разнообразныхъ познаній; къ тому же заводъ былъ въ запутанномъ положеніи, ему грозило паденіе. Бородавкинъ, разъѣзжая по Европѣ, будто бы съ промышленною цѣлью, а въ сущности для развлеченія, встрѣтилъ гдѣ-то на заводахъ русскаго, изучавшаго желѣзное дѣло, какъ любитель; этотъ любитель искалъ, однако, технической дѣятельности; называли его—Петръ Александровичъ Каневскій, по образованію юристъ, но любившій химію и механику и слушавшій лекціи по этимъ наукамъ въ иностранныхъ университетахъ и горныхъ академіяхъ. Узнавъ, что Бородавкинъ ищетъ директора для своего завода, Каневскій предложилъ ему свои услуги; ученый задоръ Каневскаго понравился Бородавкину, онъ и пригласилъ его управлять своимъ заводомъ. Выборъ оказался необыкновенно удачнымъ; Бородавкинъ былъ въ восторгѣ отъ своего директора; заводъ поднялся изъ разрушенія и началъ развивать свою дѣятельность.

Мысль образовать акціонерное общество для завода явилась, какъ мы видѣли, у Бородавкина совершенно случайно, вдругъ, причудливо; Экземскій уже писалъ уставъ общества, а Бородавкинъ еще не успѣлъ даже и сообщить Каневскому о своемъ проектѣ. На другой день послѣ ужина въ „Аркадіи“, Бородавкинъ поѣхалъ на заводъ съ этимъ намѣреніемъ.

У входа въ главныя ворота завода онъ былъ встрѣченъ смотрителемъ, на которомъ лежали полицейскія обязанности по заводу; смотритель далъ знать по телефону въ контору завода о пріѣздѣ владѣльца. Вотъ почему, когда Бородавкинъ пришелъ въ контору, тамъ уже ждали его; швейцаръ распахнулъ обѣ половинки двери; помощникъ директора встрѣтилъ Бородавкина; немедленно вылѣзъ изъ своего кабинета главный бухгалтеръ и, отворивъ двери въ кабинетъ директора, сообщилъ ему о пріѣздѣ хозяина. Каневскій хотѣлъ выйти въ пріемную, но Бородавкинъ уже подошелъ къ его кабинету.

— Я прямо къ вамъ, Петръ Александровичъ; есть у васъ полчасика, чтобы удѣлить мнѣ?

— Я весь къ вашимъ услугамъ,—отвѣчалъ Каневскій.

Бородавкинъ вошелъ къ Каневскому, двери за нимъ затворились, а помощникъ директора и главный бухгалтеръ немедленно скрылись въ свои кабинеты, чтобы работать; на большомъ заводѣ нельзя сидѣть сложа руки, дѣло идетъ безостановочно 24 часа въ сутки.

— Все у васъ благополучно?—спросилъ Бородавкинъ, садясь въ кресло.

— Не совсѣмъ,—отвѣчалъ Каневскій:—сегодня въ мартеновской мастерской пролили сталь и обожгли одного рабочаго.

— И сильно обожгли?

— Да, онъ лишится ноги.

— Скажите, неужели нельзя такъ вести дѣло, чтобы подобныхъ случаевъ не было?—спросилъ Бородавкинъ.

— Что дѣлать, работы наши опасныя.

— Опасныя,—сурово сказалъ Бородавкинъ:—но вѣдь вы на то и техники, чтобы все хорошо обставить. Теперь придется платить пенсію этому человѣку. Что онъ, женатъ?

— Нѣтъ, одинокій.

— Вотъ это лучше.

— Едва ли онъ выживетъ.

— Это еще лучше.

— Слушая васъ, можно думать, что вы злой человѣкъ,—замѣтилъ Каневскій: — конечно, вамъ не жаль денегъ, заводъ даетъ средства, чтобы помогать тѣмъ, кто пострадалъ на вашей работѣ, но отчего вы все это говорите?

— Я не люблю этихъ дѣлъ; чѣмъ меньше безпокойства, тѣмъ лучше.

— Такъ зачѣмъ вы держите заводъ?

— Зачѣмъ? Очень просто,—я получилъ его по наслѣдству

наконецъ, надо что-нибудь дѣлать. Я спрошу иначе: зачѣмъ мой дѣдъ купилъ заводъ, а отецъ держалъ его,—вѣдь они были не техники?

— Они удвоили свое состояніе, каждый.

— И къ чему?—уныло спросилъ Бородавкинъ.—Тринадцать милліоновъ, къ чему они мнѣ?

— Но вы сами любите увеличивать свой капиталъ.

— Онъ самъ увеличивается, я тутъ не виноватъ.

— Какъ странно устроенъ человѣкъ!—сказалъ Каневскій.

— Но, вотъ, я пріѣхалъ къ вамъ съ проектомъ, который долженъ поставить дѣло въ нормальное положеніе,—торжественно произнесъ Бородавкинъ,—дайте мнѣ добрый совѣтъ.

— Что̀ прикажете?

— Я хочу оставить личное владѣніе заводомъ и для дѣйствія его образовать акціонерную компанію.

— Что вамъ за охота связывать себя акціонерами?

— Какъ что̀ за охота? Теперь встрѣчаешь по заводу столько непріятностей, это просто невыносимо. Инспекторъ надзираетъ за мною; полиція заглядываетъ; врачебное управленіе контролируетъ; комитетъ грамотности—и тотъ лѣзетъ съ совѣтами; общество трезвости—тоже; и я со всѣми долженъ одинъ объясняться и за все отвѣчать!

— Вовсе не вы отвѣчаете, за васъ отвѣчаютъ, — сказалъ Каневскій.

— И все же, въ концѣ концовъ, за все—я отвѣчаю. Нѣтъ, я рѣшилъ, что лучше будетъ, если хозяиномъ станетъ акціонерное общество.

— Странное рѣшеніе,—сказалъ Каневскій, пожимая плечами:—заводъ идетъ отлично; четыре тысячи рабочихъ кормятся отъ него; заводъ съ каждымъ годомъ совершенствуется, и все, что̀ на немъ дѣлается, идетъ вамъ въ заслугу.

— И что̀ я имѣю въ видѣ этой заслуги?—спросилъ Бородавкинъ.

— На этотъ вопросъ вы сами должны отвѣтить,—улыбаясь, сказалъ Каневскій:—для этого надо знать, для чего человѣкъ живетъ и работаетъ.

— Скажите, кто мной интересуется? — продолжалъ Бородавкинъ:—кому какое дѣло, что у Бородавкина есть заводъ? Вотъ, обо мнѣ говорили бы и писали, еслибъ я держалъ опереточный театръ; повѣрьте, что Егарева и Тумпакова больше знаютъ въ Петербургѣ, чѣмъ меня. А вы говорите о признаніи моихъ заслугъ! Да и по дѣломъ мнѣ,—вѣдь я въ заводскомъ дѣлѣ

ничего не понимаю; это—вашъ заводъ, а не мой. Я знаю только отчетъ по заводу, и что̀ мнѣ слѣдуетъ послѣ него записать на приходъ; знаю, что у меня просятъ мѣстъ, занятій на заводѣ, и что я никого не могу удовлетворить, а долженъ просить васъ; знаю, что рабочіе иногда приходятъ ко мнѣ съ жалобами на васъ,—но я и тутъ ничего не могу сдѣлать безъ васъ; что̀ они сдѣлали, что̀ имъ слѣдуетъ,—самъ чортъ сломитъ ногу въ этихъ разсчетахъ. И однако, я за все и за васъ отвѣчаю, какъ единственный хозяинъ. Доходъ же я буду получать и при акціонерной компаніи, я же буду главнымъ акціонеромъ.

— Но вы будете стѣснены въ вашихъ дѣйствіяхъ,—сказалъ Каневскій.—Допустимъ, что правленіе не будетъ вамъ противодѣйствовать, хотя и это возможно, но въ уставахъ акціонерныхъ обществъ есть статьи, которыя васъ будутъ ограничивать; часто и по неважнымъ случаямъ вы не въ состояніи будете ничего сдѣлать, а придется вамъ добиваться разрѣшенія министра, да еще не одного, а искать соглашенія двухъ, трехъ министровъ.

— Это меня не стѣснитъ,—отвѣчалъ Бородавкинъ:—мнѣ будетъ очень пріятно поговорить съ министромъ.

— Если вамъ больше нечего дѣлать!..—съ удивленіемъ сказалъ Каневскій.

— Это все легкія, пріятныя дѣла,—продолжалъ Бородавкинъ:—я очень люблю съѣздить къ министрамъ, позавтракать съ какимъ-нибудь тузомъ; пообѣдать въ кругу власть имѣющихъ; это создаетъ связи; при акціонерномъ обществѣ это будетъ еще пріятнѣе; у меня въ правленіи будутъ лица со звѣздами.

Каневскій пожималъ плечами.

— А вотъ, когда вы мнѣ говорите, что надо выписать какую-нибудь машину для фреза или какой-нибудь паровой котелъ Бабкока и Вилькока, этого я не понимаю, такое дѣло я передамъ правленію.

— Чтобы дѣло остановилось,—отвѣчалъ Каневскій.—Ну, а если правленіе выскажется противъ меня, вѣдь вы меня поддержите съ котломъ Бабкока и Вилькока?

— Конечно, и по большинству голосовъ признаемъ, что котелъ надо купить; у меня вѣдь будетъ предсѣдательскій голосъ.

— Такъ зачѣмъ это правленіе?

— Смѣйтесь, смѣйтесь!—сказалъ Бородавкинъ.

— Вы, однако, знайте, что при акціонерномъ началѣ у васъ такого дохода, какъ теперь, не будетъ.

— Это почему?

— А хоть бы отъ проволочекъ.

— А мнѣ все равно; я за деньгами не гонюсь; мнѣ нуженъ собственный покой и благополучіе.

— У васъ именно покоя не будетъ; я бы на вашемъ мѣстѣ дорожилъ своею самостоятельностью.

— У меня есть еще другая точка зрѣнія на это дѣло,— продолжалъ Бородавкинъ. — Я по воспитанію—юристъ, меня интересуютъ на заводѣ не техническіе, а экономическіе вопросы. Моя идея—привлечь въ правленіе, къ заводскому дѣлу, многихъ серьезныхъ людей, развить въ обществѣ промышленную иниціативу; я хочу пропагандировать промышленное дѣло. Это у меня рѣшено. Приготовьтесь къ этому, Петръ Александровичъ, мы потребуемъ отъ васъ разныхъ свѣдѣній, не задержите, пусть все будетъ готово.

— Развѣ это ужъ такъ близко?

— Проектъ устава готовъ; не знаю, сколько пройдетъ времени, пока онъ будетъ утвержденъ; вѣроятно, не долго,—вы, вѣрно, это лучше знаете?

— Подождите немного,—сказалъ Каневскій: — я, можетъ быть, смогу сдѣлать вамъ предложенія получше вашего акціонернаго общества.

— Ничего не хочу слушать!—испуганно воскликнулъ Бородавкинъ.

— Вѣдь вы пріѣхали, между прочимъ, и за совѣтомъ.

— За совѣтомъ, какъ удобнѣе осуществить идею, а не то, чтобы ее оставить.

— Да не бойтесь, я буду говорить въ вашихъ же интересахъ, именно, чтобы вы достигли покоя и не были бы отвѣтственны.

— Въ самомъ дѣлѣ?—недовѣрчиво спросилъ Бородавкинъ.— Но я долго ждать не могу.

— Завтра я буду у васъ; до завтра можете подождать?

— Ну, до завтра, конечно, могу,—нерѣшительно отвѣчалъ Бородавкинъ.

Бородавкинъ уѣхалъ съ завода, недовольный возраженіями Каневскаго, котораго, однако, онъ уважалъ.

Въ коляскѣ онъ думалъ:

„Ничего я не буду слушать, что бы онъ ни сочинилъ; къ чему мнѣ новыя мысли? Я хочу устроить акціонерную компанію, и это сдѣлаю; въ акціонеры приглашу и сдѣлаю членами правленія тѣхъ, кого захочу,—вотъ моя цѣль; къ чему мнѣ интересы техники,—да они отъ этого не пострадаютъ,—я имѣю тутъ свои интересы“.

На другой день утромъ Каневскій пріѣхалъ къ Бородавкину.

— Ну-съ, что вы мнѣ скажете?—спросилъ Бородавкинъ съ сердитымъ лицомъ.

— Какъ вашъ сотрудникъ, я обдумывалъ мотивы, чтобы присоединиться къ вашей идеѣ объ акціонерномъ обществѣ, чтобы помогать вамъ,—и ничего придумать не могъ.

— Къ чему же вы пріѣхали? вы бы просто мнѣ это написали.

— У меня есть другой проектъ,—многозначительно сказалъ Каневскій.

— Заводъ не вашъ, — зачѣмъ вы сочиняете свои проекты?

— Я думаю не о себѣ и не о васъ, а о заводѣ,—о немъ-то, кажется, мы прежде всего должны думать. Акціонерное управленіе, по моему глубокому убѣжденію, разстроитъ заводъ; я хочу предложить вамъ такую комбинацію, чтобы заводъ не страдалъ и чтобы вы избавились по нему отъ хлопотъ и отвѣтственности.

— Ну-съ, что дальше?—сухо спросилъ Бородавкинъ.

— Чѣмъ вамъ хлопотать объ акціонерной компаніи, возиться послѣ съ правленіемъ,—отдайте заводъ мнѣ. Я буду вамъ ежегодно выплачивать то, что вы теперь получаете, и еще сумму, въ погашеніе стоимости завода; черезъ пятнадцать лѣтъ все будетъ выплачено. Конечно, мнѣ будетъ не легко, я не буду получать такого жалованья, какъ у васъ, но я буду развивать дѣло. Пока я не разсчитаюсь съ вами, заводъ васъ обезпечиваетъ. Вы не можете мнѣ не довѣрять, что я съумѣю довести дѣло до конца. У меня есть еще другая идея: я привлеку къ этому дѣлу моихъ сотрудниковъ по заводу; они будутъ заинтересованы въ прибыляхъ. Вы не только сами успокоитесь, но сдѣлаете доброе дѣло для всѣхъ насъ.

Выслушавъ это предложеніе, Бородавкинъ совсѣмъ растерялся, не зналъ, что отвѣчать.

— Отдать вамъ заводъ?—выговорилъ онъ нерѣшительно и даже какъ будто отирая потъ съ лица, отъ усилія мысли.

— Это лучшее, что вы можете сдѣлать, если сами не хотите заниматься заводомъ и между тѣмъ желаете развитія его, не только со стороны производства, но и какъ промышленнаго органа страны, для общаго блага; этимъ вы поощрите трудъ. Всѣхъ насъ вы сдѣлаете заводчиками. Если вы хотите пропагандировать промышленную дѣятельность и думаете сдѣлать заводчиками нѣсколькихъ акціонеровъ, такъ здѣсь заводчиками станутъ всѣ служащіе и рабочіе; я хочу и ихъ привлечь къ участію въ прибыляхъ. Я хочу слѣдовать Мальцеву. Онъ, правда,

разорился, потому что хотѣлъ всѣмъ руководить самъ, хотѣлъ всѣхъ сдѣлать счастливыми по своему, не позволяя жить всякому, какъ кто хочетъ и можетъ; у меня этого не будетъ.

— Я, право, не знаю, какъ мнѣ понимать ваше предложеніе,—отвѣчалъ Бородавкинъ въ смущеніи;—а если заводъ у васъ лопнетъ?

— Онъ скорѣе лопнетъ у васъ, съ акціонерами.

— Отчего? Тамъ, въ случаѣ надобности, можно выпустить облигаціи.

— Это и будетъ началомъ несостоятельности; облигаціи выпускаются для развитія завода, а не для спасенія въ случаѣ упадка, какъ вы сказали.

— Составьте мнѣ объ этомъ записку,—сказалъ Бородавкинъ.

— Вы дѣлаетесь совсѣмъ бюрократомъ, Иванъ Петровичъ. Къ чему вамъ записка? Я передъ вами. Нѣтъ, я не буду составлять такой записки; вотъ, если хотите, я составлю записку о непригодности акціонернаго начала къ вашему заводу.

— Такой записки мнѣ не нужно, — сухо сказалъ Бородавкинъ.

— Подумайте о моемъ предложеніи,—закончилъ свой визитъ Каневскій; — вы должны присоединиться ко мнѣ; скажу болѣе: вы должны сами стать во главѣ моего проекта. Вѣдь вы любите имѣть общественное значеніе, этимъ вы мотивируете свой проектъ, вы хотите дать заводу общественное значеніе. Чего лучше въ такомъ случаѣ стать вамъ самимъ во главѣ раціональнаго заводскаго устройства по моему плану, направленному не къ выгодамъ одного лица, а къ общему благу?

Каневскій уѣхалъ, оставивъ Бородавкина огорошеннымъ.

„Вишь, что выдумалъ!—размышлялъ Бородавкинъ.—Я никому не хочу передавать заводъ, но и самъ не желаю пролагать какіе-то новые пути, въ родѣ Мальцева. Акціонерное устройство всѣмъ извѣстно, оно не разстроитъ заводъ; я буду облегченъ въ работѣ, у меня будутъ товарищи въ лицѣ членовъ правленія, все люди важные; со мною, предсѣдателемъ, правленіе подниметъ значеніе завода; я брошу названіе „Волынкинскій заводъ“,— это будетъ „Общество Бородавкинскаго механическаго и сталелитейнаго завода“.

На другой день Бородавкинъ получилъ отъ Экземскаго проектъ устава будущаго акціонернаго общества и съ удивленіемъ увидѣлъ, что уставъ не только готовъ, но и напечатанъ. Разсмотрѣвъ экземпляръ устава, онъ замѣтилъ, что не его уставъ напечатанъ, а для него уставъ составленъ по печатному уставу

другого акціонернаго общества; всѣ мѣста, касающіяся другого общества, были заклеены тонкими, зубчатыми по краямъ полосками бумаги, какіе остаются отъ почтовыхъ марокъ, при покупкѣ ихъ въ большомъ числѣ; на этихъ полоскахъ были написаны новыя названія, новыя обстоятельства, относящіяся къ заводу Бородавкина.

„Вотъ какъ Экземскій пишетъ уставы!—подумалъ Бородавкинъ:—трудъ не великъ; и за это онъ беретъ по полуимперіалу за статью! Изъ какого это устава онъ смастерилъ мой уставъ“?

Отодравъ осторожно полоску бумаги на заголовкѣ устава, Бородавкинъ увидѣлъ, что за основу взятъ былъ Экземскимъ уставъ *Общества кондитерскихъ издѣлій подъ фирмою Жоржъ Борманъ.*

— Какъ эти чиновники ухитряются уставъ для кондитерской пригнать къ желѣзодѣлательному заводу!—дивился Бородавкинъ.

Учредителемъ былъ поставленъ одинъ Бородавкинъ.

„Нѣтъ,—думалъ онъ,—нужно чтобы еще былъ хоть одинъ учредитель; не я составляю, организую общество,—я хочу, чтобы *мы* составляли его. Я приглашу въ учредители Букингамова; это личность всѣми уважаемая, бывшій профессоръ, дѣйствительный статскій совѣтникъ; онъ не промышленникъ, тѣмъ лучше, надо ставить во главѣ промышленныхъ дѣлъ людей науки и честнаго знамени; въ этомъ—значительная доля моей идеи“.

Отложивъ уставъ, Бородавкинъ пошелъ на половину жены и, къ удивленію своему, нашелъ тамъ Каневскаго.

— Вы здѣсь, какими судьбами?—спросилъ онъ.

— Вотъ послушай, зачѣмъ ко мнѣ пришелъ Петръ Александровичъ,—сказала Софья Владиміровна,—и дай объясненіе.

— Въ чемъ же дѣло?

— Когда я отъ васъ уѣхалъ,—говорилъ Каневскій,—я былъ въ самомъ горестномъ настроеніи; мнѣ показалось, что на заводѣ все рушится, что акціонеры уже продаютъ заводъ, ликвидируютъ дѣло. Но тутъ осѣнила меня мысль, что ваша супруга, можетъ быть, будетъ болѣе сочувствовать моей идеѣ; на васъ, Иванъ Петровичъ, я не надѣюсь,—вами овладѣли путы бюрократіи, и живое слово не воспринимается вашимъ слухомъ.

— Каково онъ честитъ меня!—сказалъ Бородавкинъ.

— Я и подумалъ, не найду ли я защитницы праваго дѣла въ Софьѣ Владиміровнѣ?

— Я уже сразу высказываюсь за васъ,—стремительно сказала Софья Владиміровна, обращаясь къ Каневскому,—потому что

если дѣло идетъ о заводѣ, то, конечно, надо слушать васъ, а не его.

— Моя жена беретъ вашу сторону,—сказалъ Бородавкинъ:— но она не разсуждаетъ, она хочетъ вѣрить и только вамъ.

— Я сдѣлаю вамъ одинъ вопросъ,—сказалъ Каневскій:— предвидѣли ли вы случай, если правленіе замѣнитъ меня другимъ директоромъ?

— Я этого не допущу.

— Васъ могутъ не послушать въ правленіи.

— Но общее собраніе поддержитъ меня.

— Выборъ директора никогда не зависитъ отъ общаго собранія, его избираетъ правленіе,—возразилъ Каневскій.

Бородавкинъ растерялся.

— Будьте, впрочемъ, покойны,—сказалъ онъ:—никакое правленіе не выпуститъ такого директора, какъ вы.

— Ни одинъ хозяинъ завода—можетъ быть; но правленіе— оно чаще всего формируется въ департаментѣ, оно смотритъ на формы и по нимъ ведетъ дѣло. Наконецъ, я самъ могу бросить ваше правленіе.

Бородавкинъ раскрылъ ротъ отъ удивленія.

— Не будемъ, однако, забѣгать впередъ и разгадывать, какъ новое правленіе поведетъ дѣло,—продолжалъ Каневскій:—останемся пока въ границахъ нашего проекта. Вы хотите дать заводу новаго хозяина—отдайте заводъ намъ, мнѣ съ моими сотрудниками и рабочими.

— Но я не хочу себя вовсе устранить отъ управленія заводомъ, — сказалъ Бородавкинъ; — я вѣдь буду предсѣдателемъ правленія.

— Оставайтесь нашимъ пайщикомъ, это насъ только устроиваетъ; мы назовемъ васъ почетнымъ пайщикомъ.

Водворилось молчаніе; видно было, что предложеніе Каневскаго не по сердцу Бородавкину; а жена его, напротивъ, съ восторгомъ слушала Каневскаго.

— Рабочихъ я непремѣнно хочу сдѣлать участниками въ прибыляхъ завода, — продолжалъ Каневскій;—нашъ славянскій характеръ, въ основѣ котораго лежитъ братство, кажется мнѣ хорошимъ залогомъ успѣха моего проекта; у другихъ народовъ нужно ломать голову надъ организаціей такого дѣла, чтобы устранить партійность; тамъ трудно убѣдить всѣхъ, что общее дѣло есть общій интересъ; у насъ народъ свыкся съ этимъ; одно названіе общества—„міръ"—что это за чудный терминъ! Я хотѣлъ писать сочиненіе на эту тему, а ваша мысль пере-

дать заводъ дала мнѣ идею, вмѣсто книги, осуществить мой планъ на дѣлѣ. Если вы присоединитесь ко мнѣ, вы дадите возможность подойти къ разрѣшенію вопроса о лучшихъ взаимныхъ отношеніяхъ хозяина и рабочихъ; мы, можетъ быть, достигнемъ справедливости въ выгодахъ отъ предпріятія для всѣхъ участниковъ въ немъ, а теперь вѣдь все основано на эксплоатаціи чужихъ силъ. Самое слово—„эксплоатировать", то-есть работать съ пользою, потеряло теперь свое значеніе; оно понимается теперь въ смыслѣ извлеченія выгодъ одному на счетъ другихъ. Машина вѣдь тоже эксплоатируетъ; но она это дѣлаетъ ровно для всѣхъ частей, въ ней нѣтъ важныхъ и неважныхъ частей,—всѣ части ея равно необходимы. Хорошо собранная машина не нагрѣвается въ своихъ частяхъ, несмотря на самое быстрое движеніе ихъ; такъ и правильно поставленная работа людей не должна давать въ результатѣ ни изнуренныхъ отъ переутомленія, ни бѣсящихся съ жиру, и всѣ должны богатѣть пропорціонально. Эту идею я хочу осуществить на дѣлѣ; это будетъ важнѣе всякаго сочиненія. Надѣюсь, вы поняли меня, какъ я глубоко смотрю на заводское дѣло, и какъ для меня важенъ данный моментъ, когда вы хотите рѣшить судьбу завода.

— Превосходно, вы говорите превосходно, Петръ Александровичъ!—вступилась Софья Владиміровна. — Видно, что вы не только знаете, но горячо любите ваше дѣло; одной этой рѣчи довольно, чтобы идти за вами.

Каневскій съ удовольствіемъ глядѣлъ на нее и пытливо смотрѣлъ на мужа.

— Ничего вы не создадите и только обанкрутитесь, — сказалъ Бородавкинъ.

— Какъ вы можете такъ говорить? — возразилъ Каневскій: — вы вѣдь не въ состояніи повѣрить мои разсчеты.

— И все-таки утверждаю, что у васъ ничего не выйдетъ; ничего подобнаго нигдѣ нѣтъ.

— Напротивъ, есть примѣры, въ маломъ масштабѣ, — сказалъ Каневскій.

— Непрактично, такъ не бываетъ! — настаивалъ Бородавкинъ.

— Мнѣ очень странно,—сказалъ Каневскій,—что вы упрекаете въ непрактичности человѣка, ведущаго дѣло на практикѣ.

— Я не вашу практичность понимаю.

— А какую же?

— Практичнымъ я называю то, что всѣ дѣлаютъ, — отвѣчалъ Бородавкинъ,—что основано на общихъ пріемахъ дѣятель-

ности. Напримѣръ, дороговизна хлѣба пока намъ нужна, хотя, по здравому смыслу, дешевый хлѣбъ лучше; итакъ, дороговизна хлѣба—идея практическая, а дешевый хлѣбъ — непрактиченъ. Мода—глупость, но всѣ слѣдуютъ модѣ, и мода имѣетъ практическое значеніе. Шляпа-цилиндръ—безобразіе, но мы въ извѣстныхъ случаяхъ должны надѣвать шляпу-цилиндръ, и потому, кто купилъ себѣ цилиндръ—практическій человѣкъ. Вотъ какъ я понимаю практичность и повторяю: вашъ проектъ можетъ быть геніаленъ, но не практиченъ, и онъ у васъ не осуществится.

— Ты, мнѣ кажется, разсказываешь какія-то сказки,—сказала мужу Софья Владиміровна.

— Иванъ Петровичъ — прелюбодѣй мысли, — прибавилъ Каневскій.

— Наконецъ, вамъ этого и не дозволятъ, — сказалъ Бородавкинъ, увѣренный въ своей мудрости и проницательности.

— Это почему?—спросила Софья Владиміровна.

— Потому что эти вещи теперь не въ спросѣ, не въ модѣ, непрактичны.

— Ахъ, пожалуйста, брось ты эту моду, она некстати, — сказала Софья Владиміровна:—мы ведемъ не свѣтскій разговоръ.

— Но кромѣ того, что я хочу освободить себя отъ отвѣтственности по заводу,—продолжалъ Бородавкинъ,—у меня есть другая идея, столь же важная и глубокая, какъ Петру Александровичу кажется его идея. Я тоже хотѣлъ написать сочиненіе, но лучше, думаю, испытать свою идею на практикѣ. Я получилъ заводъ отъ отца и хочу развивать его. Но нельзя идти все по старой дорогѣ, такъ ничего людямъ не скажешь. Люди, напримѣръ, ѣздили по шоссе и лучше насъ пріѣзжали къ цѣли: спрашивается, зачѣмъ же нужны желѣзныя дороги? Но, кромѣ скорости, желѣзныя дороги имѣютъ иныя стороны, и совокупность всѣхъ этихъ сторонъ ведетъ къ великому дѣлу, называемому прогрессомъ. У меня есть заводъ, мы съ вами имъ управляемъ, дѣлаемъ желѣзо и сталь по общимъ правиламъ; это—какъ будто мы ѣдемъ по шоссе. Теперь я хочу ѣхать въ управленіе заводомъ по желѣзной дорогѣ; это я и осуществляю, образуя акціонерное общество. Я буду дѣлать то же дѣло, но въ лучшихъ условіяхъ.

— Вотъ это—по отношенію къ вашему заводу — совсѣмъ наоборотъ,—сказалъ Каневскій.

— Я буду во главѣ правленія, — продолжалъ Бородавкинъ, —въ правленіи у меня будутъ тузы...

— Ахъ, перестань пустяки говорить!—прервала его жена.

— Эти тузы,—продолжалъ Бородавкинъ,—будутъ все люди вліятельные въ разныхъ сферахъ; они заинтересуются заводскимъ дѣломъ, а это очень важно—привлечь сливки общества къ серьезной работѣ...

— Да эти сливки уже давно грѣютъ руки въ промышленныхъ предпріятіяхъ,—сказалъ Каневскій:—вы ничего новаго не сдѣлаете.

— Вы хотите устроить рабочихъ,—продолжалъ Бородавкинъ,—этихъ черныхъ, грязныхъ, необразованныхъ людей, которымъ рѣшительно все равно, получаетъ ли онъ прибыль отъ завода, или задѣльную, или поденную плату; а я думаю о членахъ общества, я хочу ихъ разбудить отъ ихъ сладкаго сна, чтобы они знали, что̀ дѣлается въ государствѣ.

— А ты, кажется мнѣ, самъ не знаешь, что̀ дѣлается на твоемъ заводѣ,—сказала Софья Владиміровна.

— Что же, Экземскій будетъ у васъ членомъ правленія?—насмѣшливо спросилъ Каневскій.

— Никогда!—энергически отвѣчалъ Бородавкинъ.—Я его въ сторожа правленія не пущу.

— Вы пользуетесь моими доводами,—сказалъ Каневскій,—и почти тѣми же словами отстаиваете свои; вы даже о сочиненіи упомянули, которое, какъ и я, будто бы думали писать. Изъ этого я замѣчаю, что вы упорно стоите на своемъ и не хотите ничего слушать. Но предваряю васъ: ваши тузы пойдутъ къ вамъ за лишними деньгами и никакого прогресса въ промышленность не внесутъ.

— Вы меня не поняли, Петръ Александровичъ,—возразилъ Бородавкинъ:—я черезъ новое общество хочу пріобрѣсти связи.

— Зачѣмъ тебѣ связи?—пожимая плечами, сказала его жена.

— Связи—дорога къ свѣту, къ солнцу,—говорилъ Бородавкинъ.—Русскіе—великая нація, но намъ нѣтъ простора, мы сдавлены чиновникомъ, равнодушнымъ чиновникомъ. Какъ его побѣдить? Есть въ высшихъ сферахъ умы, которымъ нужно только увидѣть дѣло.

— Теперь я вамъ скажу, что ваша идея непрактична,—сказалъ Каневскій, улыбаясь:—съ такими стремленіями вамъ лучше всего оставить заводъ и идти въ министры.

— А, можетъ быть, я этимъ путемъ и попаду въ министры?—вдохновенно сказалъ Бородавкинъ.

— Послушай,—вступилась Софья Владиміровна:—если ты можешь быть министромъ, тебя скорѣе призовутъ, когда ты бу-

дешь одинъ во главѣ завода, а на предсѣдателя правленія не обратятъ вниманія.

— Но, знаете ли, вы съ вашими стремленіями—опоздали, —сказалъ Каневскій.

— Какъ опоздалъ?

— Когда-то въ акціонерномъ дѣлѣ видѣли проявленіе общественныхъ интересовъ, акціонеры считались представителями промышленной иниціативы; теперь уже не то. Прежде акціонеръ давалъ капиталъ на дѣло, надолго, навсегда; теперь онъ кладетъ его въ кассу предпріятія на удачу, для случайнаго выигрыша, надѣясь при удобномъ случаѣ продать акціи. Теперь въ акціи, такъ сказать, нѣтъ акта, какъ бы это слѣдовало,—теперь актъ есть промыселъ, вексель привилегированнаго заемщика, т.-е. учредителя съ правленіемъ. Теперь акціями прикрываются разные гешефты.

— Какой же гешефтъ можно прикрывать акціей? — спросилъ Бородавкинъ.

— Да любой. Предпріятіе невыгодно, продать его нельзя,— раздѣляютъ его на акціи и продаютъ по частямъ; это—то же, что розыгрышъ въ лотерею обезцѣненныхъ вещей. И у васъ—свой гешефтъ: вы хотите разыграть общественную комедію, чаете быть министромъ.

— Вы зло шутите,—отвѣчалъ Бородавкинъ: — о министерствѣ я не говорилъ; вы сами навязали мнѣ эту фантазію.

— Все-же я вамъ ее навязалъ; значитъ, почва есть.

Водворилось молчаніе.

— Какъ ваше мнѣніе, Софья Владиміровна?—спросилъ Каневскій.

— Я—на вашей сторонѣ,—отвѣчала Бородавкина. — Если передавать заводъ, то никому другому, какъ тому, кто умѣетъ имъ управлять, т.-е.,—вамъ. Правленіе возьметъ въ руки моего мужа.

— Я никогда никакому правленію не позволю взять власть надо мною,—гордо произнесъ Бородавкинъ,—и потому отъ моихъ плановъ отказаться не могу.

Бородавкинъ скоро простился и ушелъ на свою половину, а Каневскій, прощаясь съ Софьей Владиміровной, сказалъ:

— Удивительно, какъ нынче извращены у людей понятія о томъ, что имъ нужно дѣлать: Ивану Петровичу нужно бы не трогать завода, а онъ затѣваетъ его ломать.

— Знаете, я боюсь, что онъ обанкрутится, — грустно сказала Софья Владиміровна.

V.

Бородавкинъ окончательно рѣшилъ не давать Каневскому развивать его проектъ и торопился съ образованіемъ новаго акціонернаго общества. Онъ черезъ Экземскаго быстро подалъ прошеніе объ утвержденіи проекта устава и началъ вербовать себѣ „туза“ во вторые учредители. На это амплуа онъ намѣтилъ Букингамова.

Букингамовъ занималъ почетное положеніе въ городѣ. Онъ уже не служилъ, но былъ совѣщательнымъ членомъ одного почтеннаго учрежденія, по которому получалъ очередные для него знаки отличія, и потому всѣми считался какъ бы на службѣ; въ своемъ учрежденіи онъ иногда засѣдалъ съ высокопоставленными особами, которыя относились къ нему всегда съ большимъ вниманіемъ,—къ его лѣтамъ и опытности въ дѣлахъ. Сверхъ того, Букингамовъ предсѣдательствовалъ во многихъ обществахъ благотворительности и въ учрежденіяхъ художественнаго характера; его вообще считали меценатомъ.

Желая сдѣлать Букингамову предложеніе стать учредителемъ, Бородавкинъ поѣхалъ на великосвѣтскій базаръ того благотворительнаго общества, въ которомъ Букингамовъ былъ предсѣдателемъ. Базаръ былъ устроенъ на Невскомъ проспектѣ, въ одной изъ квартиръ, которая случайно съ зимы оставалась пустою; за умѣренную плату ее наняли на двѣ недѣли для базара. На базарѣ за каждымъ прилавкомъ сидѣла дама съ асистентками, а кавалеръ былъ кассиромъ, собиралъ вырученныя деньги.

Бородавкинъ подошелъ къ прилавку г-жи Шерстинской; съ ней сидѣли двѣ барышни и г. Штурваловъ, въ формѣ акцизнаго вѣдомства, со множествомъ орденовъ на груди и на шеѣ, русскихъ и иностранныхъ.

— Какъ пріятно, что милліонеръ дѣлаетъ намъ сегодня починъ въ продажѣ!—сказала г-жа Шерстинская Бородавкину:— сегодня, вѣроятно, мы много денегъ соберемъ для бѣдныхъ.

— Знаете, я всегда посѣщаю благотворительные базары, —говорилъ Бородавкинъ: — я лучше люблю купить что-нибудь на такомъ базарѣ, чѣмъ въ магазинѣ; я тогда дѣлаю сразу два дѣла: пріобрѣтаю нужную вещь и благотворю.

— Надо бы,—вмѣшался Штурваловъ,—предоставить благотворительнымъ учрежденіямъ всю торговлю.

— Какъ же это сдѣлать?—спросилъ Бородавкинъ.

— Очень просто—предоставить,—отвѣчалъ Штурваловъ;—

право лотерей предоставлено же благотворительнымъ учрежденіямъ.

— Скажите, Букингамовъ будетъ у васъ сегодня?—спросилъ Бородавкинъ.

— Непремѣнно,—отвѣчала Шерстинская;—онъ никогда не манкируетъ, вы знаете его корректность.

Бородавкинъ перешелъ къ другому прилавку, гдѣ сидѣла старая дама, тоже съ двумя асистентками, но безъ кавалера; старая дама, видно, была очень самостоятельна и въ мужской помощи не нуждалась. Бородавкинъ выбралъ кое-что у нея на 7 рублей и, давъ 25 рублей, хотѣлъ уходить.

— Вамъ слѣдуетъ сдача,—громко замѣтила ему дама.

— Развѣ вы даете сдачу на базарѣ тому, кто этого не требуетъ?

— Конечно; я не раздѣляю убѣжденія, будто благотворители должны грабить публику.

— Но если я хочу дать больше, въ пользу бѣдныхъ?

— Тогда потрудитесь вписать вашъ даръ въ эту книгу,— сказала дама, подавая ему книгу.

— Да не все ли это равно? Въ чемъ ваша цѣль,—упорядочить бухгалтерію вашего общества?

— Я думаю, нельзя оспаривать то, что раціонально,—ѣдко сказала дама.

— Но это затрудняетъ публику,—отвѣчалъ Бородавкинъ, вписывая свой даръ въ книгу старой дамы.

Отсюда онъ перешелъ къ буфету.

Тутъ Бородавкинъ наконецъ замѣтилъ, что въ сосѣднюю комнату вошелъ Букингамовъ.

Увидя Бородавкина, тотъ самъ поспѣшилъ подойти къ нему.

— Какъ я радъ васъ видѣть здѣсь!—декламировалъ Букингамовъ, обращаясь къ Бородавкину.

— Удивляюсь я вашему превосходительству,—говорилъ Бородавкинъ:—какъ вы это успѣваете вездѣ быть? Вы вездѣ, гдѣ нужно поддержать доброе дѣло или искусство; вы всегда тамъ, гдѣ мало дѣятелей, и ваше участіе есть гарантія, что дѣло вниманія достойно.

— Вы такъ любезны!—сказалъ Букингамовъ.

— Да вотъ хотя бы по благотворительности; учрежденій этихъ много, но тѣ, гдѣ вы, пользуются общею симпатіею.

— Я думаю, что всѣ благотворительныя общества одинаково симпатичны,—сентенціозно сказалъ Бородавкинъ.

— Конечно, но у васъ, какъ говорится—счастливая рука.

— Можетъ быть.

— И я бы хотѣлъ эту счастливую руку залучить въ одно очень важное дѣло,—говорилъ Бородавкинъ:—оно хоть не благотворительное, не ученое, въ теоретическомъ значеніи науки, но оно развиваетъ благосостояніе народа. Это дѣло—промышленное.

— Я этихъ дѣлъ совѣмъ не знаю,—сказалъ Букингамовъ.

— Вамъ не надо ихъ знать съ технической стороны; я самъ его не знаю съ этой стороны, а веду его хорошо по экономическимъ началамъ; да и политическая экономія не чужда вамъ.

На лицѣ Букингамова выразилось недоумѣніе.

— Видите ли, ваше превосходительство,—продолжалъ Бородавкинъ:—у меня есть большой желѣзный заводъ; я теперь управляю имъ лично, но хочу передать его во владѣніе акціонерной компаніи, и вотъ мнѣ бы хотѣлось, чтобы ваше превосходительство приняли это дѣло подъ свою счастливую руку.

— Зачѣмъ же тутъ счастье? – смѣясь, возразилъ Букингамовъ:—у васъ все должно быть разсчитано, предвидѣно.

— Счастье вездѣ нужно. Конечно, если такая почтенная особа, какъ ваше превосходительство, будетъ учредителемъ общества, вмѣстѣ со мною, это дастъ обществу большое значеніе.

— Но я не могу пріобрѣсти акцій,—сказалъ Букингамовъ.

— Я вамъ акціи дамъ, а изъ дивиденда будетъ покрываться ихъ стоимость; дивидендъ будетъ хорошій, вы не долго будете ждать, акціи скоро сдѣлаются вашею полною собственностью. По открытіи общества, позвольте, ваше превосходительство, надѣяться, считать васъ членомъ правленія.

— Но какъ же вы мнѣ довѣрите акціи?—вѣдь я могу ихъ продать.

— Вы, ваше превосходительство?!.. Я потому къ вамъ и обращаюсь, что знаю вашу корректность.

Послѣднее слово поколебало Букингамова.

— Я никогда не бралъ участія въ подобныхъ предпріятіяхъ,—говорилъ онъ.

— Это ничего не значитъ. Заводъ имѣетъ государственное значеніе, а все государственное вамъ доступно. У меня не коммерческое дѣло. Въ коммерческомъ дѣлѣ все покрыто тайной, а въ промышленномъ — все видно, какъ на ладони, все открыто. Теперь заводъ—мое частное дѣло; я хочу его сдѣлать общественнымъ, государственнымъ. Теперь многіе обращаютъ свои предпріятія въ акціонерныя; я въ этомъ не нуждаюсь, у меня нѣтъ долговъ; я хочу показать, какъ должно корректно идти акціонерное предпріятіе. Вотъ для этого мнѣ и нужны такіе акціонеры,

какъ вы, чтобы никто не могъ заподозрить наше правленіе въ давленіи на акціонеровъ; у насъ не будетъ акціонернаго стада, какъ вездѣ, у насъ будутъ настоящіе акціонеры, люди дѣла.

Букингамовъ былъ пріятно изумленъ предложеніемъ Бородавкина; онъ видѣлъ теперь значеніе своей корректности,—она нужна, ее зовутъ на общее дѣло.

— Вы правы, теперь нигдѣ не видно корректности,—сказалъ Букингамовъ;—очень радъ служить вамъ, но какъ я буду владѣть акціями, не внося ничего, это—корректно ли?

— Пока дивидендъ не оплатитъ ихъ, акціи могутъ лежать у меня; кажется, что все это крайне корректно?

Бородавкинъ, между тѣмъ, положилъ сто рублей на прилавокъ буфетчицы за бокалы шампанскаго и разстался съ Букингамовымъ.

Послѣ того Бородавкинъ далъ быстрый ходъ своему дѣлу; уставъ былъ утвержденъ, было общее собраніе акціонеровъ и выбрано правленіе, въ которое попали два учредителя, Бородавкинъ и Букингамовъ, и еще два акціонера, Алексѣй Авдѣевичъ Рѣшетовъ, бывшій присяжный повѣренный, и Степанъ Ѳедоровичъ Бубновъ, редакторъ одного мало распространеннаго журнала. Два послѣдніе члена попали совершенно противъ желанія Бородавкина, чему онъ несказанно удивился; составъ правленія оказался совсѣмъ не такимъ, какимъ его себѣ воображалъ Бородавкинъ.

Уже на первомъ засѣданіи правленія Бородавкинъ увидѣлъ, что потерялъ много свободы дѣйствій. На этомъ засѣданіи онъ предложилъ правленію о производствѣ въ газетахъ публикаціи объ открытіи дѣйствій общества; публикація эта очень его занимала, какъ оглашеніе его общественной дѣятельности и избранія его предсѣдателемъ правленія.

Бородавкинъ хотѣлъ сдѣлать пышное объявленіе на первой страницѣ, въ нѣсколькихъ распространенныхъ газетахъ; Рѣшетовъ и Бубновъ возражали, предлагая объявить только въ одной газетѣ и на послѣдней страницѣ.

— Мы должны беречь общественныя деньги, Иванъ Петровичъ,—замѣтилъ Рѣшетовъ.

— Денегъ у насъ довольно,—возразилъ Бородавкинъ.

— Да, пока мы не дѣлаемъ неосновательныхъ расходовъ,—заявилъ Бубновъ.

— Позвольте помирить васъ, господа,—вмѣшался Букинга-

мовъ;—сдѣлаемъ объявленіе на послѣдней страницѣ, но крупнымъ шрифтомъ.

— Я на послѣднюю страницу не согласенъ,—заявилъ Бородавкинъ.

— Поставьте вопросъ на баллотировку, — предложилъ Рѣшетовъ.

— Какъ, баллотировать! Да что вы, господа! — разсмѣялся Бородавкинъ.

— Вопросъ очень интересный,—сказалъ Рѣшетовъ:—если общество довѣрило намъ...

— Да полноте съ вашимъ обществомъ!—прервалъ его разсерженный Бородавкинъ.—Я предлагаю,—прибавилъ онъ съ удареніемъ;—желаете согласиться со мною?

— Не сердитесь, président,—вмѣшался Букингамовъ;—если есть разногласіе, вы должны баллотировать.

— Я не допущу такихъ баллотировокъ,—сказалъ Бородавкинъ.

— Что же, вы ставите вопросъ о довѣріи къ вамъ?—спросилъ Рѣшетовъ.

— Ставлю.

Рѣшетовъ и Бубновъ переглянулись между собою, какъ бы не понимая роли, присвоиваемой себѣ Бородавкинымъ.

— Этого вопроса мы разрѣшать не будемъ,—сказалъ Букингамовъ:—онъ уже разрѣшенъ, мы выбрали васъ предсѣдателемъ; я довѣряю вамъ, закрывъ глаза и заткнувъ уши.

— И кромѣ того, здѣсь не парламентъ, и вы одинъ—не министерство,—насмѣшливо замѣтилъ Рѣшетовъ.

— Господа,—сказалъ Букингамовъ, — не будемъ спорить; пусть объявленіе будетъ на первой страницѣ и стоитъ хоть сто рублей; если у насъ будетъ дефицитъ, Иванъ Петровичъ найдетъ способъ его покрыть.

— Да отъ подобнаго расхода не можетъ быть дефицита по заводу,—насмѣшливо возразилъ Бородавкинъ.—Вы, господа, еще не свыклись съ новымъ дѣломъ.

— Ошибаетесь, Иванъ Петровичъ,—наставительно произнесъ Бубновъ:—мы очень хорошо все понимаемъ, но вы не хотите принять во вниманіе, что порядокъ дѣлъ по управленію заводомъ измѣнился; когда вы были одинъ во главѣ завода, такіе вопросы не интересовали васъ, но когда васъ замѣнило правленіе, оно иначе ко всему относится. Вспомните, что мы дѣйствуемъ по уставу, который утвержденъ.

„Хорошъ уставъ,—подумалъ Бородавкинъ,—если я получилъ собственно уставъ кондитерской фабрики“!

— Какъ хотите, а вопросъ объ объявленіи мы должны баллотировать,—сказалъ Рѣшетовъ.

— Вы тоже находите, что нужна баллотировка такихъ пустяковъ?—обратился Бородавкинъ къ Букингамову.

— Видите ли, дорогой предсѣдатель, — отвѣчалъ Букингамовъ:—вѣдь мы должны составить протоколъ сегодняшняго перваго засѣданія правленія; этотъ вопросъ долженъ фигурировать въ немъ, другихъ дѣлъ и нѣтъ сегодня,—такъ надо же что-нибудь записать въ протоколѣ; гораздо корректнѣе—баллотировать.

Поставили ящикъ, положили шары и баллотировали: *на первой* или *на послѣдней* страницѣ? Открывъ ящикъ бѣлыхъ шаровъ, Бородавкинъ съ ужасомъ нашелъ въ немъ только одинъ свой шаръ; Букингамовъ не менѣе удивился, что онъ не одинъ корректно отнесся къ вопросу о расходѣ на объявленіе.

— Я вижу, господа, что вы всѣ противъ меня, — сказалъ Бородавкинъ, собравшись съ духомъ;—но я все-таки сдѣлаю по своему: объявленіе появится на первой страницѣ и крупными буквами,—на мой счетъ.

— Вотъ это вполнѣ корректно,—сказалъ Букингамовъ.

— Засѣданіе закрыто,—сердито произнесъ Бородавкинъ; — до слѣдующаго раза, господа.

Бородавкинъ оставилъ засѣданіе.

— Сердитъ! — сокрушенно сказалъ Букингамовъ;—но что̀ намъ было дѣлать? вѣдь мы—правленіе.

— Либерально вышло наше первое засѣданіе,—сказалъ Рѣшетовъ, садясь за столикъ въ ресторанѣ, куда вскорѣ перебралась компанія:—правленіе пошло противъ предсѣдателя.

— Признаться, я этого не ожидалъ,—говорилъ Бубновъ;—Бородавкинъ, кажется, воображаетъ, что онъ остался полновластнымъ хозяиномъ завода.

— Да какой онъ хозяинъ! Вѣдь ему все равно, будетъ ли доходъ отъ завода, или не будетъ; его директоръ дѣлаетъ сумасшедшія затраты; намъ это—не все равно; желательно имѣть очень хорошій дивидендъ, чтобы акціи попали на биржу; а Бородавкинъ собралъ насъ на работу, что̀ называется, pour le roi de Prusse.

— Я не понимаю его цѣли въ учрежденіи акціонернаго общества,—сказалъ Бубновъ;—но его царство не будетъ продолжительно; со временемъ лучшимъ предсѣдателемъ будетъ Букингамовъ.

— Вы не знаете, вѣдь намъ еще готовится сюрпризъ,— сказалъ Рѣшетовъ: — я слышалъ, что предполагается торжество передачи завода акціонерному обществу, будетъ молебствіе, обѣдъ и не знаю, что̀ еще; это̀ уже пахнетъ не сотней рублей; если онъ выдумаетъ дѣлать это на нашъ счетъ,—надо провалить.

— Послѣ сегодняшней неудачи—остережется.

VI.

Разладъ въ правленіи на первомъ собраніи раздосадовалъ Бородавкина; ему особенно то было непріятно, что разногласіе вышло изъ-за пустяковъ, правленіе не уступило ему даже въ мелочахъ. Но скоро онъ ободрился.

— Я еще укрощу ихъ, я не позволю имъ возражать мнѣ; я напрасно принялъ все такъ близко къ сердцу, уѣхалъ, оставилъ ихъ безъ ужина; мнѣ слѣдовало, наоборотъ, показать имъ, что я не вѣрю въ ихъ оппозицію; надо было закатить имъ хорошій ужинъ, выпить брудершафтъ, посмѣяться надо всѣмъ, и тогда мои члены правленія стали бы разлюбезными. Они—доктринеры. Въ Букингамовѣ я нисколько не сомнѣваюсь,—этотъ просто ошибся отъ старости, принялъ лѣвую сторону за правую,— иначе все вышло бы по моему. Я не хочу угодливости отъ правленія, я хочу отъ нихъ ко мнѣ душевнаго расположенія, и я добьюсь этого. Праздникъ передачи завода обществу я устрою на свой счетъ, никакого вопроса о праздникѣ въ правленіи поднято не будетъ, это явится сюрпризомъ, и праздникъ будетъ на славу, о немъ будутъ говорить.

Съ удвоенной энергіей сталъ обдумывать Бородавкинъ программу и исполненіе этого праздника и разсылать приглашенія.

Въ назначенный день глухая мѣстность около завода и дорога къ заводу оживились съ утра движеніемъ экипажей и рабочихъ, одѣтыхъ по праздничному; полиція стояла на извѣстныхъ разстояніяхъ и около завода; самъ заводъ былъ украшенъ флагами. Гостей встрѣчалъ Бородавкинъ съ членами правленія; акціонеры составляли фонъ картины, а на виду были почетные гости; все, что̀ было въ городѣ оффиціальнаго и извѣстнаго, имѣющаго какое-либо отношеніе къ промышленности и даже къ наукѣ, все это съѣхалось на заводъ. Рабочіе стояли по своимъ мастерскимъ; тамъ не было настоящихъ работъ, но въ каждой мастерской что-нибудь дѣлали для гостей, чтобы имъ показать

производство. Каневскій былъ очень недоволенъ этимъ праздникомъ, но ничему не могъ помѣшать.

Въ двѣнадцать часовъ дня на площади завода былъ отслуженъ молебенъ; затѣмъ духовенство обошло мастерскія, окропляя ихъ святою водою. За духовенствомъ двинулись и гости, осматривая заводъ. Начало осмотра было съ литейнаго цеха, гдѣ передъ гостями отлили изъ чугуна какую-то крупную вещь; въ бессемеровской мастерской вылили въ формы сталь изъ конвертора; гости видѣли еще отковку вагонныхъ шинъ. Было уже два часа, когда гости, осмотрѣвъ эти работы, подошли къ конторѣ завода, гдѣ имъ былъ предложенъ легкій завтракъ.

— Этотъ завтракъ,—заявилъ Бородавкинъ,—служитъ только отдыхомъ во время осмотра работъ; сейчасъ мы идемъ далѣе смотрѣть мартеновскую мастерскую; затѣмъ правленіе имѣетъ честь просить дорогихъ гостей почтить своимъ присутствіемъ обѣдъ на заводѣ.

Скоро гости двинулись къ мартеновской мастерской. Тутъ они увидѣли нѣчто какъ бы изъ сказокъ Шехеразады. На дворѣ было еще свѣтло, но вся мастерская была задрапирована, окна были закрыты, и она была освѣщена электрическимъ свѣтомъ à giorno. Мастерская была передѣлана въ театръ. Огромныя драпировки изъ полосатой матеріи закрывали глубь мастерской, образуя зрительный залъ; чугунныя колонны и желѣзныя арки были обвиты зеленью; впереди стояли ряды креселъ и стульевъ, а передъ ними былъ опущенъ занавѣсъ, на которомъ были нарисованы облака и по нимъ, золотыми буквами, написано: *Акціонерное общество Бородавкинскаго желѣзодѣлательнаго и механическаго завода.* Для почетныхъ гостей и членовъ правленія была устроена обширная ложа. За креслами и стульями были скамейки для служащихъ на заводѣ, а сзади стояли рабочіе. Когда всѣ усѣлись, занавѣсъ раздвинулся, и передъ зрителями предсталъ хоръ изъ рабочихъ, пропѣвшій народный гимнъ, принятый восторженно; оркестръ помѣщался передъ сценой. Послѣ занавѣсъ закрылся, но немедленно опять раздвинулся: на сценѣ началось представленіе водевиля: „Ямщики, или какъ гуляетъ староста“.

— Пока идетъ эта пьеса,—объяснялъ Бородавкинъ,—за декораціями ведется плавка стали; работа эта входитъ въ сюжетъ французскаго „revue“, которое будетъ слѣдовать за этимъ водевилемъ. У насъ, видите, есть рабочіе и служащіе французы и бельгійцы,—эти поймутъ,—но и наши сиволапые увидятъ въ „revue“ кое-что всѣмъ понятное.

— Совсѣмъ интернаціональный праздникъ,—сказалъ одинъ изъ присутствующихъ;—отрадно видѣть, что и частная иниціатива идетъ на встрѣчу сближенію національностей.

„Ямщики“ кончились, очень понравились публикѣ заднихъ рядовъ. Черезъ пять минутъ антракта оркестръ заигралъ веселую французскую музыку, въ родѣ марша Буланжé,—началось „Revue“.

Послѣ „Revue“ одно изъ высокопоставленныхъ лицъ подало-было видъ, что хочетъ уѣхать передъ обѣдомъ, но Бородавкину легко было уговорить его остаться,—обѣдъ вѣдь всегда составляетъ завершеніе торжества.

Сѣли за столъ. Всѣ были оживлены, въ залѣ стоялъ гулъ голосовъ. Послѣ ряда установленныхъ обычаемъ и правилами вѣжливости тостовъ, Экземскій произнесъ спичъ и предложилъ тостъ за хозяина.

Оглушительные апплодисменты покрыли рѣчь Экземскаго; никто, конечно, не думалъ, о чемъ онъ говоритъ, нужно было чествовать хозяина. Букингамовъ пришелъ въ восторгъ, сталъ звонить въ стаканы и хриплымъ голосомъ предложилъ всѣмъ спѣть классическую пѣсню „Gaudeamus igitur“. Всѣ были озадачены этимъ предложеніемъ,—пѣніе не состоялось.

— Эту пѣсню нельзя здѣсь пѣть, мало кто ее знаетъ,—сказалъ Бородавкинъ.

Послѣ обѣда Бородавкинъ велѣлъ подать кофе и ликеры въ общемъ залѣ, а человѣкъ десять почетнѣйшихъ гостей пригласилъ въ отдѣльное помѣщеніе. Тутъ всѣхъ ожидалъ новый сюрпризъ. Они вошли въ гостиную, роскошно убранную цвѣтами; стѣны были задрапированы, на столѣ стояли ликеры, кофе, сигары, а въ углу гостиной, на возвышеніи, въ родѣ эстрады, среди тропическихъ растеній, возвышались монументальные часы, въ видѣ женщины, высоко держащей зеркало, отъ котораго внизъ спускался маятникъ часовъ; чечевица этого маятника имѣла видъ небесной сферы со звѣздами.

— Какая волшебная картина!—воскликнулъ одинъ изъ гостей, оглядывая гостиную и особенно часы.

— Дорогіе гости, будьте какъ дома, располагайтесь, гдѣ кому удобнѣе,—приглашалъ Бородавкинъ.

— Тысяча одна ночь! — говорилъ Рѣшетовъ, насмѣшливо подмигивая Бубнову.

Каневскій смотрѣлъ съ презрѣніемъ на весь этотъ пиръ и оставилъ Бородавкина съ гостями.

Экземскій въ этотъ кружокъ приглашенъ не былъ.

VII.

Послѣ перваго засѣданія, Бородавкинъ долго оттягивалъ и не собиралъ правленія, чтобы, съ одной стороны, былъ забытъ непріятный характеръ перваго засѣданія, а съ другой, чтобы возъимѣлъ хорошее дѣйствіе на Рѣшетова и Бубнова праздникъ на заводѣ. Бородавкинъ, однако, все болѣе и болѣе видѣлъ, что при акціонерномъ началѣ онъ на половину устраненъ отъ завода. Прежде онъ почти всякій день видѣлся съ Каневскимъ, ѣздилъ на заводъ не менѣе двухъ разъ въ недѣлю; теперь всѣ текущія дѣла перешли къ члену правленія Рѣшетову. Прежде, пріѣзжая на заводъ, Бородавкинъ сознавалъ, что онъ—сила! Всѣ смотрѣли на него какъ на власть, способную разрубать гордіевъ узелъ; теперь, пріѣзжая на заводъ, онъ себя чувствовалъ тамъ лишнимъ человѣкомъ. На его глазахъ служащіе и рабочіе обращались не къ нему, а къ Рѣшетову, который и дѣлалъ распоряженія. Однимъ словомъ, Бородавкинъ пока не находилъ ни одного изъ тѣхъ удобствъ для себя, какихъ искалъ въ акціонерномъ управленіи заводомъ.

Надежда, что правленіе на слѣдующихъ засѣданіяхъ покажетъ себя иначе, была напрасна. Рѣшетовъ и Бубновъ, попавъ въ члены правленія, захотѣли быть на однихъ правахъ съ Бородавкинымъ; для нихъ онъ не былъ хозяиномъ предпріятія, а только выборнымъ предсѣдателемъ правленія, котораго, когда-нибудь, можно будетъ и не выбрать. Букингамовъ могъ бы имъ мѣшать, будучи не прочь угождать Бородавкину; но они поняли, что корректность была слабою струною Букингамова, на которой можно было разыгрывать разные мотивы. Самымъ несноснымъ лицомъ былъ для нихъ Каневскій, твердою рукою управлявшій заводомъ, очень самостоятельный человѣкъ, который, конечно, поддерживалъ Бородавкина вездѣ, гдѣ нужно было мнѣніе спеціалиста, своими техническими и практическими свѣдѣніями онъ побивалъ Рѣшетова и Бубнова на каждомъ шагу. Они рѣшились удалить его и замѣнить своимъ человѣкомъ. Годъ приходилъ къ концу, они хотѣли начать новый заводскій годъ при новомъ директорѣ; нужно было торопиться.

Въ одно изъ засѣданій правленія Рѣшетовъ сказалъ:

— Сегодня я хочу сдѣлать правленію серьезное предложеніе.

— Ахъ, эти ваши предложенія!—возразилъ Бородавкинъ.— Многое, что вы возбуждаете, не должно насъ касаться, какъ

правленія. Напримѣръ, почему вы, Алексѣй Авдѣевичъ, возбуждали въ прошломъ засѣданіи вопросъ о замѣнѣ одного котла котломъ Бельвиля? Мы толковали весь вечеръ, а это прямо касается одного директора завода; Каневскій даже и доказалъ вамъ, что вы и не знаете, что такое котелъ Бельвиля. Каневскій—компетентное лицо въ нашемъ дѣлѣ.

— Но у компетентнаго лица могутъ быть свои капризы,— замѣтилъ Рѣшетовъ.

— Не можетъ быть капризовъ въ техническихъ вопросахъ,— сказалъ Бородавкинъ.

— Ого! — возразилъ Рѣшетовъ. — Техники еще болѣе капризны, чѣмъ кто-либо, потому что прикрываются своею наукою; какъ онъ вамъ скажетъ, что дѣлаетъ такъ потому, что $a+b=c$, вы ничего и возразить не можете. Но мы должны вникать въ суть дѣла, иначе мы всегда будемъ въ рукахъ техниковъ. Вотъ и въ томъ вопросѣ, который я хочу предложить правленію, Каневскій не хочетъ уступать, хотя онъ не правъ. Къ тому же, это не техническій вопросъ. Но если мы и это предоставимъ компетенціи директора завода, тогда я не знаю, зачѣмъ вы, Иванъ Петровичъ, создали правленіе?

— Ну, скорѣе къ дѣлу!—прервалъ разсерженный Бородавкинъ.—Въ чемъ же ваше новое предложеніе?

— Правленію извѣстно,—началъ Рѣшетовъ,—что на нашемъ заводѣ рабочіе дѣлятся на три смѣны; этого нѣтъ не только ни на одномъ петербургскомъ заводѣ, но и во всей Европѣ этого нѣтъ, кромѣ развѣ случаевъ, когда директоромъ завода—такой же фантазеръ, какъ г. Каневскій.

— У насъ это введено уже второй годъ, — сказалъ Бородавкинъ.—Каневскій показывалъ мнѣ удивительные результаты въ работѣ тремя смѣнами.

— Да онъ и мнѣ объяснялъ свои доводы, — отвѣчалъ Рѣшетовъ, — но я тутъ ничему не вѣрю; бухгалтерія у нихъ на заводѣ удивительная; кажется, директоръ завода папироску выкуритъ, и по бухгалтеріи показывается, сколько этой папироски идетъ на рессору вагона, сколько на колесо, сколько на буферъ и т. д. Вѣдь это—басни. Съ этими сложностями техникъ вамъ все можетъ доказать. Вотъ, Степанъ Ѳедоровичъ видѣлъ эти счеты расцѣнки издѣлій. Скажите, Степанъ Ѳедоровичъ, поняли вы тамъ что-нибудь?

— Система очень стройная,—отвѣчалъ Бубновъ,—но такая сложная, что я не рѣшаюсь вникать въ нее; не смѣю возражать, но не хочу и поддерживать.

— А я прямо говорю, что это ахинея,—сказалъ Рѣшетовъ:— съ нею они вамъ и доказываютъ, что три смѣны рабочихъ выгоднѣе двухъ. Иногда можно истратить лишнее, это не отзовется на барышахъ завода; но третья смѣна работаетъ всякій день— это убытокъ, что бы ни говорили ихъ цифры.

— Однако, число рабочихъ у насъ при трехъ смѣнахъ не увеличилось,—сказалъ Бородавкинъ.

— Не увеличилось на весь комплектъ смѣны, это правда,— но все-же есть лишніе рабочіе.

— Очень мало,—сказалъ Бородавкинъ;—во всякомъ случаѣ, для разсмотрѣнія этого вопроса надо пригласить Каневскаго въ правленіе.

Когда на слѣдующемъ засѣданіи Каневскому былъ предложенъ вопросъ, какимъ образомъ три смѣны рабочихъ могутъ быть выгоднѣе двухъ, онъ объяснилъ:

— Усталый человѣкъ не можетъ такъ хорошо работать, какъ человѣкъ со свѣжими силами; я наблюдалъ за производительностью труда при двѣнадцати-часовой смѣнѣ и при восьмичасовой; при двѣнадцати часахъ—послѣдніе четыре часа проходятъ почти непроизводительно; при слишкомъ долгой смѣнѣ человѣкъ теряетъ энергію, вниманіе его притупляется, сноровка, ловкость—слабѣютъ. Наибольшее число несчастныхъ случаевъ при работахъ бываетъ въ послѣдніе часы смѣны; это прямо показываетъ, что продолжительная работа притупляетъ вниманіе у рабочаго.

— Не происходитъ ли это скорѣе отъ личности, — замѣтилъ Рѣшетовъ;—я увѣренъ, что еслибы позволено было въ этихъ случаяхъ слегка постегать рабочихъ, то они бы нашли въ себѣ и энергію, и вниманіе.

— Къ вашему горю, постегать не дозволяется, даже въ видѣ побужденія,—сказалъ Каневскій.—Отвѣчу на ваше замѣчаніе о возбужденіи энергіи,—но не плетью, а болѣе правильнымъ способомъ. Я заохочивалъ рабочихъ на послѣдніе четыре часа увеличеніемъ вознагражденія; рабочіе пріобрѣтали силы, но хорошіе результаты получались только при самыхъ простыхъ работахъ, чернорабочихъ; тамъ же, гдѣ нужно было вниманіе къ дѣлу, а не одна мускульная сила, тамъ успѣха не было; хотя количество сдѣланнаго бывало больше, но качество—хуже; многое приходилось передѣлывать или исправлять. Это все и заставило меня испробовать восьми-часовыя смѣны. Вотъ уже больше года, какъ введенъ новый порядокъ, и я положительно вижу успѣхъ. Конечно, теперь еще есть нѣкоторыя неурядицы. Есть рабочіе, ко-

торые не привыкли къ нововведенію, и посвящаютъ лишніе восемь часовъ разгулу, но это измѣнится. Восьми-часовая смѣна введена у насъ не вездѣ, а пока гдѣ можно. Нормы трехъ восьмерокъ: работы, отдыха и сна, это—совсѣмъ иное дѣло; это—идеалъ, который пока невозможенъ у насъ по многимъ причинамъ, и я не стремлюсь къ этому. Теперь у меня на заводѣ положеніе рабочихъ очень различно: одни съ перерывомъ работаютъ шестнадцать часовъ и получаютъ много; другіе—восемь часовъ, получаютъ меньше, но пользуются свободнымъ временемъ. Опытъ, который я дѣлаю, обѣщаетъ много хорошаго.

— Но у васъ есть добавочные рабочіе,—они что-нибудь стоятъ,—замѣтилъ Бубновъ.

— Зато они, какъ лишнія силы, что-нибудь и дѣлаютъ.

— Что васъ заставляетъ дѣлать эти опыты, когда, слава Богу, при старыхъ порядкахъ дѣло шло хорошо?—спросилъ Рѣшетовъ.

— Я, кажется, сказалъ вамъ, что опыты даютъ хорошіе результаты; это и есть отвѣтъ на вашъ вопросъ.

— Но вѣдь на другихъ заводахъ такими опытами не занимаются?

— А мнѣ до другихъ что за дѣло!—отвѣчалъ Каневскій.— Наконецъ, если такими опытами никто не занимается,—тѣмъ нужнѣе эти опыты.

— Я слышалъ,—говорилъ Рѣшетовъ, — что многіе здѣшніе заводчики недовольны опытами г. Каневскаго; рабочіе охотно идутъ на нашъ заводъ, мы какъ будто открываемъ у себя лучшее положеніе рабочихъ, вводимъ смуту среди рабочаго населенія.

— Ничего подобнаго я не слыхалъ,—отвѣчалъ Каневскій,—и въ первый разъ слышу ученіе, что нуженъ синдикатъ по содержанію рабочихъ.

— А инспекторъ знаетъ о вашихъ порядкахъ? — спросилъ Букингамовъ.

— Натурально; распредѣленіе рабочаго времени на нашемъ заводѣ имъ утверждено,—отвѣчалъ Каневскій.

— Такъ мы, значитъ, корректны,—заключилъ Букингамовъ.

— Фактическая часть вопроса выяснена, — сказалъ Рѣшетовъ;—мы, кажется, можемъ освободить г. директора завода, у котораго, вѣроятно, и безъ насъ много дѣла.

— Если вамъ интересны наши пренія, я прошу васъ остаться, —обратился Бородавкинъ къ Каневскому, желая имѣть умнаго оппонента противъ крючкотворства Рѣшетова.

— Вовсе не интересны,—отвѣчалъ Каневскій,—и я удаляюсь. Каневскій оставилъ правленіе.

— Теперь я могу прямо сказать,—началъ Рѣшетовъ,—что введеніе теперь у насъ восьми-часовой смѣны совершенно невозможно и грозитъ опасностями. Въ Россіи есть казенные заводы; пусть они введутъ такой порядокъ, тогда мы послѣдуемъ за ними, а идти въ этомъ дѣлѣ впередъ намъ не слѣдуетъ.

— Я вполнѣ согласенъ, — сказалъ Бубновъ,—что если реформа нужна, она должна исходить отъ казны; вѣдь если заводить у себя лучшіе порядки, то выйдетъ, что намъ начальства не нужно.

— А вы что̀ думаете объ этомъ дѣлѣ, ваше превосходительство?—спросилъ Бородавкинъ у Букингамова.

— Я не согласенъ, что мы всего должны ожидать отъ казны,—отвѣчалъ Букингамовъ; — отчего мы не можемъ думать о томъ, что̀ насъ близко касается? Но вопросъ о трехъ смѣнахъ не изъ такихъ, это не простое дѣло.

— Господа,—вступился Бородавкинъ.—Каневскій—директоръ завода, человѣкъ серьезный, знающій; оставимъ его дѣйствовать, какъ онъ признаетъ лучшимъ; теперь, мы видимъ, все идетъ прекрасно, инспекторъ утвердилъ распорядокъ работъ; еслибы что-нибудь случилось, еслибы кто-нибудь нашелъ, что новые наши порядки недопустимы,—повѣрьте, Каневскій самъ отъ нихъ откажется и съумѣетъ уберечь и себя, и насъ, отъ всякой отвѣтственности.

— Ну, нѣтъ, этимъ себя нельзя утѣшать,—сказалъ Рѣшетовъ;—мы—правленіе, мы за все и отвѣчаемъ, отвѣчаемъ и за директора завода. Какъ хотите, а я ставлю вопросъ ребромъ: можно ли у насъ оставлять восьми-часовую смѣну?

— Да полноте!—усовѣщивалъ Бородавкинъ.—Вы, вѣроятно, согласитесь со мной, ваше превосходительство, что этотъ вопросъ пока слѣдуетъ оставить и перейти, какъ это говорится—къ очереднымъ дѣламъ.

— Я не прочь отложить, — отвѣчалъ Букингамовъ,—но не на долго; я спать спокойно не буду, я готовъ даже оставить ваше акціонерное общество.

— Вотъ видите!—многозначительно сказалъ Рѣшетовъ. — Наконецъ, мы не дѣти; сегодня мы отложимъ, но вѣдь придется взяться за то же дѣло.

— Всего лучше баллотировать,—сказалъ Бубновъ.

— Баллотируйте, что̀ вамъ угодно,—сказалъ раздраженный Бородавкинъ,—только, господа, объявляю вамъ, если вы выска-

жетесь за отмѣну нынѣшнихъ порядковъ на заводѣ, я съумѣю поставить дѣло иначе.

Высказавъ это, Бородавкинъ вдругъ сконфузился, чувствуя, что его фраза была неумѣстна.

— Что будетъ послѣ, мы увидимъ,—сказалъ Рѣшетовъ,—а пока, г. предсѣдатель, вы только можете положить свой шаръ.

Послѣ баллотировки оказалось, что восьми-часовая смѣна упраздняется.

— Такъ скажу вамъ прямо, господа,—сказалъ Бородавкинъ, желая озадачить членовъ правленія:—теперь Каневскій оставитъ заводъ.

— Скатертью дорога!—сказалъ Рѣшетовъ.

— Какъ?—въ недоумѣніи спросилъ Бородавкинъ.

— А такъ: за новымъ и лучшимъ директоромъ дѣло не станетъ,—отвѣчалъ Рѣшетовъ.

— Вы не найдете лучшаго.

— Вы такъ думаете, Иванъ Петровичъ, а между тѣмъ вашъ Каневскій даже не техникъ.

— Какъ не техникъ? онъ, вотъ уже десять лѣтъ, какъ управляетъ заводомъ!

— Техникомъ, все-таки, его нельзя считать,—у него нѣтъ диплома; по воспитанію онъ юристъ.

— Мы здѣсь не университетъ и не казенное учрежденіе, чтобы разсматривать дипломы,—сердито сказалъ Бородавкинъ.

— Они установлены закономъ, ихъ нельзя игнорировать,—замѣтилъ Бубновъ.

— Теперь дипломы очень важны,—сказалъ Рѣшетовъ;—теперь обязательно во главѣ техническаго дѣла имѣть человѣка съ дипломомъ.

— Новаго—да, но старый можетъ оставаться, какимъ онъ есть,—отвѣчалъ Бородавкинъ.—А знаете ли, господа, — прибавилъ онъ послѣ нѣкоторой паузы, при чемъ казалось, что онъ хотѣлъ поразить своихъ сосѣдей:—если правленіе будетъ заниматься дипломами или вообще посторонними ему дѣлами, то я буду закрывать засѣданія.

— Отъ этого никакъ не ускорится ходъ заводскихъ дѣлъ,—отвѣчалъ Рѣшетовъ.

Бородавкинъ сильно разсердился, всталъ съ своего мѣста и ушелъ изъ комнаты, не объясняя причины своего ухода; онъ бросилъ членовъ правленія.

— Зачѣмъ вы пошли на ссору съ нимъ?—упрекалъ Букингамовъ Рѣшетова:—это не корректно.

— Совсѣмъ корректно,—отвѣчалъ Рѣшетовъ;—вы видите, онъ все воображаетъ, что остается хозяиномъ завода. Вотъ онъ не корректно поступилъ, оставивъ насъ въ своемъ домѣ, не простясь съ нами.

— Хотя домъ его, но эта квартира—не его,—сказалъ Букингамовъ,—въ этомъ большая разница для корректности.

— Онъ долженъ былъ закрыть засѣданіе,—сказалъ Бубновъ.

— Да, вотъ это не корректно,—согласился Букингамовъ.

— Такъ уйдемте и мы отсюда,—предложилъ Рѣшетовъ;—если онъ не закрылъ засѣданіе, пусть самъ пойметъ свое невѣжество.

Рѣшетовъ и Бубновъ ушли, а Букингамовъ остался ждать, не придетъ ли Бородавкинъ закрыть засѣданіе?

— Все это не корректно, — рѣшилъ Букингамовъ и наконецъ, все-таки, ушелъ.

VIII.

Управляющій завода, Каневскій, получилъ очень скоро предписаніе правленія о возстановленіи прежняго порядка распредѣленія рабочаго времени на заводѣ. По этому поводу Бородавкинъ заѣхалъ къ Каневскому.

— Господи, что̀ я надѣлалъ, что̀ я надѣлалъ! — охалъ Бородавкинъ:—и выдумалъ я устроивать это акціонерное общество! И какъ это, при разсмотрѣніи проекта устава, никто не видѣлъ, что я пустяки затѣялъ!

— Вамъ никто не хотѣлъ мѣшать забавляться,—отвѣчалъ Каневскій.—Самое лучшее теперь для васъ—покориться: заведите на заводѣ старые порядки, дѣло будетъ идти.

— А вы на это согласны?—спросилъ Бородавкинъ.

— Я тутъ ни при чемъ; я оставляю заводъ.

— Если вы оставите заводъ, это будетъ ихъ полное торжество надо мною,—говорилъ Бородавкинъ;—не бросайте меня, съ вами я буду силенъ.

— Иванъ Петровичъ, я не могу управлять заводомъ, если правленіе будетъ мнѣ ставить палки въ колеса.

— Погодите,—сказалъ Бородавкинъ,—я сдѣлаю что-нибудь, я посовѣтуюсь съ кѣмъ-нибудь; погодите, прошу васъ, погодите!

Бородавкинъ вскочилъ съ кресла, простился и уѣхалъ съ завода.

„Ничего ты не сдѣлаешь,—подумалъ вслѣдъ ему Каневскій;—а что̀ посѣялъ, то и пожнешь“.

Мысль оставить заводъ такъ сильно овладѣла Каневскимъ въ этотъ день, что ему захотѣлось немедленно съ кѣмъ-нибудь подѣлиться ею; онъ вспомнилъ о Солнцевѣ; кончивъ занятія на заводѣ, онъ поѣхалъ къ нему. Было восемь часовъ вечера. Каневскій зналъ, что вечеромъ Солнцева можно найти въ ресторанѣ, гдѣ онъ обыкновенно обѣдалъ, а потому и направился туда.

— Не помѣшаю я вамъ, если присяду къ вашему столику?— спросилъ Каневскій, послѣ перваго привѣтствія.

— Помилуйте, очень радъ,—отвѣчалъ Солнцевъ.

— Можетъ быть, вы скоро уходите, напримѣръ въ театръ?

— Нѣтъ, я рѣдко хожу въ театръ. Да развѣ есть теперь настоящій театръ?

— Теперь, кажется, больше театровъ, чѣмъ было прежде?

— Театральныхъ заведеній много, но театра—почти нѣтъ. Вездѣ—страшное однообразіе, вездѣ—одна забава и нигдѣ не найдешь настоящаго искусства.

— Что̀ же дѣлать! Люди требуютъ развлеченій,—сказалъ Каневскій.

— Нехорошій это знакъ. Когда люди стремятся только къ развлеченію,—общество падаетъ. Да вотъ нашъ общій другъ Бородавкинъ, развѣ онъ не въ періодѣ упадка?

— Онъ думаетъ, напротивъ, что онъ идетъ въ гору.

— Да, онъ такъ думаетъ! Положимъ, богачу больше, чѣмъ кому другому, разрѣшается забавляться,—вѣдь этимъ онъ даже поощряетъ промышленность, искусство и тому подобное,—но вѣдь Иванъ Петровичъ ничего серьезнаго давно не дѣлаетъ! Это акціонерное общество для его завода, это—балаганъ перваго сорта.

— Совсѣмъ комедія, — отвѣчалъ Каневскій;—я такъ чуждъ этому дѣлу, что думаю оставить заводъ.

— Понимаю васъ и скорблю за васъ и за него.

— Что̀ же дѣлать,—отвѣчалъ Каневскій,—я и самъ неохотно оставляю заводъ. Я начинаю думать, что я живу подъ какой-то несчастной звѣздой; въ самомъ дѣлѣ—все погибаетъ, за что̀ я берусь.

— Вотъ ужъ никогда не думалъ, чтобы вы могли быть фаталистомъ,—сказалъ Солнцевъ.

— По неволѣ имъ сдѣлаешься отъ цѣлаго ряда неудачъ! Чего я не перепробовалъ въ моей жизни, и вездѣ — одна неудача. Наконецъ, занялся техникой. Хозяинъ довѣрялъ мнѣ, рабочіе и сотрудники мои любятъ меня, заводъ идетъ прекрасно. Но, вотъ, я и тутъ оказываюсь неудобнымъ,—и почему?

— Это очень просто: вы хотите дѣлать дѣло на почвѣ общей пользы, а они хотятъ опираться на одну личную пользу; членамъ правленія, очевидно, нуженъ не свѣдущій директоръ, а ловкій директоръ; вы готовите хорошія издѣлія, ихъ принимаютъ заказчики и не обманываются; а имъ надо директора, который умѣлъ бы сдавать заказчикамъ плохія издѣлія; этимъ они хотя и подтачиваютъ будущее завода, но на свой вѣкъ загребутъ больше барыша.

— Такъ развѣ имъ дѣла не жаль?

— Нѣтъ, теперь не берегутъ дѣло,—отвѣчалъ Солнцевъ;—всѣ стремятся только чтобы сорвать сегодня крупный барышъ, все дѣлается на *свой* вѣкъ, для себя, а о будущемъ—никто и не думаетъ. Зачѣмъ будетъ думать о будущемъ современный человѣкъ? Когда онъ умретъ, не все ли ему равно, стоитъ ли заводъ Бородавкина, или исчезъ съ лица земли?

— Но какъ же не думать о семьѣ?

— О семьѣ-то думаютъ, только о дѣлѣ не думаютъ; дѣтямъ останутся барыши, а тамъ, дѣтки,—дѣлайте сами, что̀ успѣте. Насъ всегда обуреваетъ слѣпой восторгъ отъ обширности Россіи; мы думаемъ, что обширность эта—залогъ всякаго успѣха въ будущемъ; это, конечно, вздоръ, потому что, не работая, мы будемъ задавлены нашею обширностью.

— Вы увидите,—сказалъ Каневскій,—заводъ Бородавкина перейдетъ къ иностранцамъ.

— Непремѣнно,—согласился Солнцевъ;—а знаете ли что̀: мнѣ кажется, что все-таки не слѣдовало бы отказываться отъ завода; если кончится тѣмъ, чѣмъ у насъ кончаются всѣ такія дѣла, а именно,—какъ вы сами сказали—онъ перейдетъ къ иностранцамъ, то они васъ непремѣнно оставятъ директоромъ. Признаюсь вамъ, вѣдь и я поддерживалъ Бородавкина въ его акціонерной затѣѣ, но я не воображалъ, что онъ не съумѣетъ сыграть въ ней своей партіи...

Н. Покровскій.

„ЭРАЗМЪ МОНТАНУСЪ“

КОМЕДІЯ

ЛЮДВИГА ГОЛЬБЕРГА

Отъ переводчика.

Гольбергъ, извѣстный датскій писатель, справедливо называемый „отцомъ датской литературы“, родился въ г. Бергенѣ, въ Норвегіи, 3 декабря 1684 г., и умеръ въ Копенгагенѣ 28 января 1754 г. Неутомимымъ плодотворнымъ литературнымъ трудомъ, создавшимъ по истинѣ цѣлую литературу въ датской литературѣ, и благодаря необычайной скромности личныхъ потребностей, Гольбергъ составилъ себѣ подъ конецъ жизни значительное состояніе, которое все цѣликомъ завѣщалъ своему второму отечеству—Даніи—на нужды народнаго просвѣщенія. Съ теченіемъ времени недвижимое имущество, оставленное Гольбергомъ, такъ возросло въ цѣнѣ, что въ настоящее время на доходы съ этого имущества и съ капиталовъ, составляющіе около 500.000 кронъ въ годъ, содержится одно высшее учебное заведеніе (академія) въ г. Соре, субсидируется 80 среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній (отъ 400 до 5.000 кронъ въ годъ каждому) и, кромѣ того около 150.000 кронъ идетъ на „поощреніе наукъ и искусствъ“, т.-е. на стипендіи и пособія ученымъ, литераторамъ и художникамъ.

Первенствующее мѣсто среди его крайне разнообразныхъ и многочисленныхъ литературныхъ работъ занимаютъ, однако, его

сатиры и бытовыя комедіи, стяжавшія ему имя „датскаго Мольера". Почти половина этихъ комедій—пятнадцать—и до сихъ поръ держится въ современномъ репертуарѣ датскихъ театровъ съ неизмѣннымъ успѣхомъ.

При появленіи сатиръ и комедій Гольберга въ печати, онѣ переводились на многіе иностранные языки, особенно на нѣмецкій, и нѣкоторыя комедіи обошли почти всѣ современныя европейскія сцены. Причину выдающагося успѣха сатиръ и комедій Гольберга, не только на родинѣ, но и за ея предѣлами, надо искать въ необычайной жизненности и универсальности типовъ и идей въ его произведеніяхъ, въ которыхъ онъ съ такой силой, мѣткостью и юморомъ осмѣивалъ и бичевалъ суевѣріе, предразсудки, сухой педантизмъ и схоластику, напускную ученость, страсть къ показному, слѣпое подражаніе иностранцамъ, мелочность интересовъ, грубость литературныхъ вкусовъ и другіе пороки и слабости современнаго ему датскаго общества, являющіеся въ то же время общечеловѣческими.

Сравнительно малая извѣстность Гольберга у насъ въ Россіи объясняется, безъ сомнѣнія, главнымъ образомъ, малымъ распространеніемъ у насъ какъ знанія языковъ скандинавскихъ странъ, такъ и знакомства съ сѣверной литературой, лишь въ послѣднее десятилѣтіе завоевавшей у насъ право гражданства въ лицѣ современныхъ своихъ представителей. Изъ произведеній Гольберга на русскій языкъ были, если не ошибаемся, переведены (съ нѣмецкаго перевода) только сатира „Нильсъ Климъ" и комедія „Донъ Ранудо де Колибрадосъ", которая и шла на русской сценѣ. Комедія эта, однако, далеко не лучшая въ репертуарѣ этого датскаго классика, и, желая теперь по мѣрѣ силъ пополнить столь значительный пробѣлъ въ русской переводной литературѣ, мы избрали для перевода комедію „Эразмъ Монтанусъ", которой въ Даніи отводятъ одно изъ первенствующихъ мѣстъ, не только среди произведеній самого Гольберга, но и въ датской литературѣ вообще.

Сюжетъ пьесы самый несложный—возвращеніе пробывшаго нѣсколько лѣтъ въ столичномъ университетѣ студента-крестьянина назадъ въ родную деревню; но какой переполохъ вызываетъ это возвращеніе! Съ одной стороны, представитель современной, хотя и схоластической, научной мудрости и столичнаго просвѣщенія, съ другой—представители доморощенной житейской мудрости, воспитаннаго вѣками суевѣрія и наивнаго невѣжества: столкновеніе неизбѣжно. Старая и вѣчно новая тема эта обработана у Гольберга съ неподражаемыми жизненностью, яркостью и юмо-

ромъ. И самъ Эразмъ Монтанусъ, какъ типъ, принадлежитъ къ числу неумирающихъ, вѣчныхъ типовъ, не зависящихъ отъ времени и мѣста. „Вообще, дѣйствіе этой комедіи можно перенести куда угодно,—говоритъ Георгъ Брандесъ,—во Францію, въ Россію,—сущность комедіи остается тою же; она будетъ одинаково возможна и одинаково естественна вездѣ. Перенесите дѣйствіе назадъ въ прошлое, впередъ въ будущее—сатира сохранитъ свою жизненную мѣткость. И это не только потому, что выведенныя въ комедіи лица—живые люди, но и потому, что отношенія между ними—вѣчныя отношенія „новаго и стараго“ міровоззрѣнія. Ни въ одномъ произведеніи Гольбергъ не поднималъ драматическаго положенія до такой высоты. Чувствуешь себя точно вознесеннымъ на высочайшую точку, откуда свободно озираешься на всѣ стороны и всѣ времена“.

Представитель „новаго“ — Эразмъ Монтанусъ, впрочемъ, отнюдь не положительный типъ; въ противномъ случаѣ комедія могла превратиться въ трагедію. Въ лицѣ Эразма, Гольбергъ задался цѣлью осмѣять педантично-схоластическое направленіе современной ему науки: отсюда и посрамленіе надменнаго ученаго педанта, и торжество хоть неглубокаго, но здраваго людского смысла. Вообще, въ концѣ комедіи Гольбергъ писатель-художникъ уступаетъ мѣсто Гольбергу писателю-моралисту, что̀ вполнѣ въ духѣ тогдашняго направленія искусства. Такой конецъ комедіи, впрочемъ, не умаляетъ ея высокихъ художественныхъ достоинствъ, сдѣлавшихъ ее, какъ говоритъ тотъ же извѣстный датскій критикъ, „наиглубочайшимъ, въ смыслѣ сатиры, классически-художественнымъ произведеніемъ датской литературы“.

П. Г.

Дѣйствующія лица.

Эразмъ Монтанусъ.
Іеппе Бергъ, его отецъ.
Нилле, его мать.
Лизбетъ, его невѣста.
Іеронимусъ, ея отецъ.
Магделона, ея мать.
Яковъ, братъ Эразмуса.
Перъ, пономарь.
Іесперъ, фогтъ.
Лейтенантъ.
Нильсъ, капралъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Іеппе (одинъ, сидитъ у окна съ письмомъ въ рукахъ).

Іеппе.—Жалко, что пономаря нѣту. Въ письмѣ сынка столько латыни, что и не разберешь. Слезы на глаза навертываются, какъ подумаешь, что сынъ простого крестьянина набрался такой учености. Люди, которые знаютъ толкъ въ этомъ, сказывали мнѣ, что онъ можетъ переспорить любого священника. Ахъ, дожить бы намъ съ женой до такой радости, услыхать, какъ онъ станетъ проповѣдь говорить—мы бы не пожалѣли, что потратили на него столько денегъ. А, видно, Перъ-пономарь не больно доволенъ, что нашъ сынокъ возвращается. Сдается мнѣ, онъ боится нашего Размуса. Бѣда съ учеными. Завидуютъ другъ другу. Зачѣмъ-де и другой ученъ. Этотъ добрый человѣкъ—хорошій проповѣдникъ и такъ говоритъ о зависти, что слеза прошибетъ, а только, сдается мнѣ, и самъ онъ не безъ грѣха. Въ толкъ не возьму, откуда берется у нихъ эта зависть? Если, къ примѣру, мнѣ скажутъ, что сосѣдъ мой больше моего смыслитъ въ хозяйствѣ, неужто я приму это къ сердцу? Неужто стану ненавидѣть своего сосѣда за это? Нѣтъ, Іеппе Бергъ не таковскій... А вотъ и самъ Перъ-пономарь.

ЯВЛЕНІЕ II.

Іеппе, Перъ, пономарь.

Іеппе.—Добро пожаловать! Съ возвращеніемъ, Перъ!

Перъ.—Спасибо, Іеппе Бергъ!

Іеппе.—Ахъ, любезнѣйшій Перъ! Вотъ кабы вы съумѣли мнѣ растолковать латинскія слова въ письмѣ моего сынка.

Перъ.—Вотъ еще! Или вы полагаете, я не столько же смыслю по-латыни, сколько вашъ сынъ? Я, старый академикусъ [1]), Бергъ!

Іеппе.—Знаю, знаю; я только насчетъ того—знаете ли вы по-латыни по новому? Чай, и этотъ языкъ такъ же мѣняется, какъ нашъ. А въ старину и у насъ не такъ говорили, какъ теперь. Теперь говорятъ: „лакей", а въ старину кликали: „парень". Прежде говорили: „полюбовница", а теперь: „метресса". Нынче величаютъ: „секлетарь", а въ старину по просту былъ „писарь". Вотъ я и думаю, что и латынь перемѣнилась съ тѣхъ поръ, какъ вы были въ Копенгагенѣ. Ну, такъ будьте добры растолковать мнѣ вотъ это. Я буквы-то разбираю, а что онѣ означаютъ—мнѣ не въ домёкъ.

Перъ.—Вамъ сынъ пишетъ, что онъ теперь изучаетъ Logicam, Rhetoricam и Metaphysicam.

Іеппе.—А что же значитъ Logicam?

Перъ.—Это амвонъ.

Іеппе.—Вотъ это я люблю. Дай-то Богъ ему стать священникомъ!

Перъ.—Сперва пономаремъ.

Іеппе.—А ну-ка другая-то статья... Какъ, бишь,—она?

Перъ.—Rhetorica. Это по-датски означаетъ ритуалъ. А вотъ насчетъ третьей статьи... Либо не такъ написано, либо это по-французски. Будь по-латыни, я бы ужъ разобралъ. Я могу тебѣ, Іеппе Бергъ, сказать наизусть всю „Аврору" [2]): Ala—крыло, Ancilla—дѣвушка, Barba—борода, Coena—ночной горшокъ, Cerevisia—пиво, Cella—погребъ, Lagena—бутылка, Lana—волкъ, Ancilla—дѣвушка, Ianua—дверь, Cerevisia—масло.

Іеппе.—Эка память-то у васъ, Перъ!

Перъ.—Да, не думалъ я, что столько пробуду пономаремъ.

---

[1]) Студентъ.

[2]) „Аврора"—старинная латинская грамматика для начинающихъ.

Оно, положимъ, я давнымъ-давно могъ бы занять мѣстечко получше, если бы захотѣлъ связать себя съ дѣвушкой; но я лучше самъ пробьюсь какъ-нибудь, нежели дамъ говорить про себя, что я получилъ мѣсто черезъ жену.

Іеппе.—А вотъ, дорогой Перъ, тутъ есть еще что-то полатыни, чего я не разберу. Вотъ эта строчка.

Перъ.—Di Veneris Hafnia domum profecturus sum [1]). Немножко темно сказано, а я все-таки отлично понимаю. Другой бы поломалъ себѣ голову... Это значитъ по-датски: profecto прибыло очень много руссовъ въ Копенгагенъ.

Іеппе.—Да чего же русскимъ опять понадобилось здѣсь?

Перъ.—Это не про московитовъ, Іеппе Бергъ, а про молодыхъ студентовъ; ихъ зовутъ руссами.

Іеппе.—А, понимаю.

Перъ.—Когда же вы ждете его?

Іеппе.—Сегодня или завтра. Любезный Перъ, обождите чуточку; велю женѣ подать намъ сюда по кружкѣ пива.

Перъ.—Я бы скорѣе хватилъ стаканчикъ водки; не по времени какъ-то за пиво приниматься. Рановато.

(Іеппе уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ III.

Перъ (*однъ*).

По правдѣ сказать, не очень мнѣ по душѣ, что этотъ Размусъ Бергъ возвращается сюда. Не потому, чтобы я его боялся изъ-за его учености. Я былъ ужъ старый студентъ, когда онъ еще въ школу бѣгалъ, да ему, съ позволенья сказать, въ штаны сыпали. Въ мое время изъ академіи выходили настоящіе молодцы, не чета нынѣшнимъ... Были у насъ здоровыя башки, бородатыя! Съ кѣмъ и о чемъ угодно, бывало, поспорятъ. Я дальше пономаря не пошелъ, но я доволенъ: сытъ, одѣтъ и дѣло свое справляю. Должность свою я сдѣлалъ куда доходнѣе. До меня ни одинъ пономарь здѣсь столько не получалъ, и преемники мои не будутъ поминать меня лихомъ. Люди думаютъ, эка штука быть пономаремъ! Эге! Тоже, я вамъ скажу, должность не легкая. Разумѣется, если поставить ее такъ, чтобы она доходъ давала. До меня люди здѣсь считали все равно, что ни пропѣть надъ покойникомъ. А я поставилъ дѣло такъ, что го-

---

[1]) „Въ пятницу выѣзжаю изъ Копенгагена домой“.

ворю крестьянину: какой тебѣ надо псаломъ? Этотъ стоитъ столько-то, а этотъ столько-то. Тоже и насчетъ засыпки гроба: хочешь песочкомъ засыпать или по-просту землей? Есть еще и другія доходныя статьи, объ которыхъ мой предшественникъ, Христоферъ, и знать не зналъ. Что-жъ? Человѣкъ былъ простой, не ученый. Понять не могу, какъ онъ вышелъ въ пономари. Но, конечно, по Сенькѣ и шапка. Латынь много пособляетъ человѣку во всѣхъ дѣлахъ. Я бы не уступилъ свою латынь и за сто далеровъ. Она сослужила мнѣ службу въ моей должности не на сто далеровъ, а куда больше.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Перъ, Іеппе, Нилле.

Нилле *(подноситъ Перу стаканчикъ водки)*.—Выкушай на здоровье, Перъ!

Перъ.—Спасибо, матушка! *(Пьетъ)*. Я вообще не пью водки. Только когда у меня желудокъ разстроенъ. Онъ у меня плохъ.

Нилле.—А вы знаете, Перъ, что сынокъ нашъ пріѣзжаетъ не сегодня—завтра? Вотъ вамъ будетъ съ кѣмъ потолковать! У этого молодца, говорятъ, языкъ что̀ твоя бритва! *(Опять наливаетъ Перу.)*

Перъ.—Спасибо, матушка! За здоровье хозяевъ! *(Пьетъ)*. А не найдется ли у васъ закусочки къ водкѣ?

Нилле. Вотъ хлѣбъ, да сыръ, коли не побрезгуете.

Перъ.—Спасибо, матушка! Знаете, какъ называется по латыни хлѣбъ?

Нилле. Гдѣ ужъ мнѣ знать?

Перъ *(ѣстъ и говоритъ заразъ)*.—Panis, genitivus—pani, dativus—pano, vocativus—panus, ablativus—pano.

Іеппе.—Батюшки! вотъ такъ языкъ! Не разберешь, гдѣ конецъ, гдѣ начало. А простой черный хлѣбъ ка̀къ?

Перъ.—Panis prostis, а бѣлый хлѣбъ—panis belis.

Іеппе.—Да это почти какъ по нашему!

Перъ.—Еще бы! Вообще, очень много латинскихъ словъ взято изъ нашего языка. Дѣло въ томъ, что въ копенгагенскомъ университетѣ былъ когда-то старый ректоръ, по имени Saxo Grammatica [1]), который порядкомъ поисправилъ у насъ латин-

[1]) Saxo Grammaticus († 1208)—датскій ученый, авторъ написанной на латинскомъ языкѣ „Historia Danica“ (въ 16 книгахъ).

скій языкъ. Онъ и составилъ латинскую грамматику; вотъ за это его и прозвали Saxo Grammatica. Онъ здорово сдобрилъ латинскій языкъ датскими словами. До него же латынь у насъ была такъ бѣдна словами, что даже нельзя было выразиться по-латыни просто и понятно для всѣхъ.

Іеппе.—А что же значитъ слово Grammatica?

Перъ.—То же, что и Donat [1]). Если переплести въ турецкій переплетъ—называется Donat, а если въ бѣлый пергаментъ—называется Grammatica, и склоняется подобно ala.

Нилле.—Боже ты мой! Какъ это можно все держать въ головѣ? Только послушать—голова идетъ кругомъ!

Іеппе.—То-то у нихъ, ученыхъ, головы-то не всегда въ порядкѣ!

Нилле.—Еще что скажи! Такъ, по твоему, у нашего Размуса голова не въ порядкѣ?

Іеппе.—Мнѣ только удивительно, матушка, что онъ все посылаетъ мнѣ латинскія письма.

Перъ.—Тутъ Іеппе, въ самомъ дѣлѣ, правъ. Оно немножко, того, выходитъ... некстати. Ну, вдругъ, я сталъ бы говорить съ нашимъ фогтомъ по-гречески, чтобы показать, что я знаю этотъ языкъ.

Іеппе.—Такъ вы и по-гречески знаете, Перъ?

Перъ.—Двадцать лѣтъ тому назадъ я могъ, зажмуря глаза, прочесть всю литію по-гречески. И теперь еще помню, что послѣднее слово было: „аминь“.

Іеппе.—Ахъ, Перъ! Вотъ радость будетъ, когда сынокъ нашъ вернется и мы сведемъ васъ вмѣстѣ!

Перъ.—Если онъ вздумаетъ завести со мной диспутъ, я ему покажу, каково со мной тягаться! А если онъ вздумаетъ пѣть со мной взапуски—конецъ ему! Я пѣлъ взапуски съ десятью пономарями, и всѣмъ пришлось сдаться; я всѣхъ перетянулъ. Десять лѣтъ тому назадъ, мнѣ предлагали мѣсто кантора при школѣ Богородицы, да я не согласился. И зачѣмъ мнѣ было соглашаться, Іеппе? Зачѣмъ было оставлять свою паству, которая меня любитъ и почитаетъ, и которую я, въ свою очередь, люблю и почитаю? Мѣсто мое кормитъ меня, всѣ меня уважаютъ; самъ амтманъ, какъ только пріѣдетъ сюда, тотчасъ за мной посылаетъ, чтобы я помогъ ему скоротать время, попѣлъ ему. Въ прошломъ году, какъ разъ въ это время, онъ далъ мнѣ двѣ марки за то, что я пропѣлъ ему ut, re, mi, fa, sol. Клялся, что

[1]) Donatus—старинный учебникъ латинскаго языка.—*Прим. перев.*

ему это пріятнѣе, чѣмъ прослушать самый большой концертъ въ Копенгагенѣ. Поднесете мнѣ еще стаканчикъ, Іеппе, такъ я спою вамъ то же самое.

Іеппе.—Съ удовольствіемъ! Нилле, налей еще стаканчикъ водки!

Нилле *(достаетъ изъ шкафа графинчикъ и стаканчикъ, наливаетъ и подноситъ Перу.—Въ началѣ пѣнія, изъ другой комнаты выглядываетъ и затѣмъ входитъ* Лизбетъ).

Перъ.—Спасибо, матушка! Я пою не для всякаго. А вы, Іеппе, мой добрый другъ, и я охотно послужу вамъ, чѣмъ могу. *(Начинаетъ пѣть, сначала протяжно:)* Ut, re, mi, fa, sol, la, si, ut. А теперь обратно: ut, si, fa, sol, la, mi, re, ut. Теперь послушайте—другимъ манеромъ,—какъ высоко я могу вытянуть: Ut, re, mi, fa, sol, la, si, ut! Re, mi, fa, sol, la, si, ut, re!

Іеппе.—Ай-да, какъ тонко пошло подъ конецъ! И поросята наши не могутъ вытянуть выше.

Перъ.—Теперь спою побыстрѣе. Ut, re, mi... Re... нѣтъ, не такъ. Ut, re, mi, do, re, mi, ut... Нѣтъ, опять не вышло... Бѣда, какъ трудно, Іеппе, пѣть такъ быстро.

ЯВЛЕНІЕ V.

Входятъ: Іеронимусъ и Магделона. Іеппе, Нилле, Лизбетъ и Перъ.

Іеронимусъ.—Здравствуйте, сватъ! Есть вѣсти отъ сынка?

Іеппе.—Да, онъ, вѣрно, будетъ сегодня или завтра.

Лизбетъ.—Возможно ли? Вотъ сонъ въ руку!

Іеронимусъ.—А что же ты видѣла во снѣ?

Лизбетъ.—Я видѣла, что цѣлуюсь съ нимъ.

Магделона.—Да, что ни говорите, сны все-таки не даромъ снятся.

Іеронимусъ.—Положимъ. Но еслибы дѣвицы не такъ много думали о мужчинахъ днемъ, такъ они имъ и ночью не снились бы такъ часто. Ты, поди, тоже часто видѣла меня во снѣ въ то время, какъ мы съ тобой были женихомъ и невѣстой, Магделона?

Магделона.—Само собой. А теперь уже много лѣтъ, какъ ты мнѣ ни разу не приснился.

Іеронимусъ.—Это оттого, что любовь теперь не такъ горяча, какъ прежде.

Лизбетъ.—Ахъ, нѣтъ, право, возможно ли, что Размусъ Бергъ пріѣдетъ завтра?!

Іеронимусъ.—Эй, ты, дочка! Ты бы не показывала, что ты ужъ такъ влюблена.

Лизбетъ.—А это вѣрно, что онъ пріѣдетъ завтра?

Іеронимусъ.—Да ты же слышишь!

Лизбетъ.—А много еще времени до завтра, папенька?

Іеронимусъ.—Ну, пошла!.. Эти влюбленные точно не въ своемъ умѣ.

Лизбетъ.—Я, право, считаю часы.

Іеронимусъ.—Ты бы еще спросила, сколько времени въ часѣ: подумали бы, что ты совсѣмъ помѣшалась. Перестань нести чепуху и дай намъ, родителямъ, поговорить. Послушайте, добрѣйшій Іеппе Бергъ, какъ по вашему: женить ли намъ молодыхъ людей прежде, чѣмъ онъ получитъ мѣсто?

Іеппе.—Это какъ вамъ угодно. Я могу прокормить ихъ; но все-таки было бы лучше, еслибы онъ сначала получилъ мѣсто.

Іеронимусъ.—Я отнюдь не считаю разумнымъ свести ихъ вмѣстѣ раньше.

Лизбетъ *(плачетъ)*.

Іеронимусъ.—Фу, стыдъ какой! Какъ это молодая дѣвица можетъ вести себя такъ неприлично!

Лизбетъ *(со слезами)*.—А скоро ли онъ получитъ мѣсто?

Іеппе.—Навѣрно, скоро. Насколько я слышалъ, онъ такъ ученъ, что можетъ читать любую книгу. А недавно онъ написалъ мнѣ латинское письмо.

Нилле.—Какъ есть настоящее. Пономарь знаетъ.

Лизбетъ.—Хорошо было написано?

Перъ.—Ну, да, довольно хорошо для такого молодого человѣка. Изъ него можетъ выйти толкъ, мамзель. Но для этого нужно еще не мало. И я тоже думалъ, что я ученъ, когда былъ въ его годахъ... но...

Іеппе.—Ну, вы, ученые, никогда другъ друга не похвалите.

Перъ.—Вотъ еще! Да неужто мнѣ завидовать ему? Его еще на свѣтѣ не было, когда меня уже три раза призывали въ совѣтъ для выговора; а когда онъ еще былъ на четвертомъ курсѣ, я уже восемь лѣтъ служилъ пономаремъ.

Іеппе.—У кого какія способности. Одинъ выучится въ годъ, чему другіе учатся по десяти.

Перъ.—Ну, Перъ-пономарь, по части знаній, готовъ поспорить съ кѣмъ угодно.

Іеронимусъ.—Ну, да, каждому свое. А теперь пойдемъ домой. Прощайте, Іеппе! Я мимоходомъ къ вамъ зашелъ.

Лизбетъ.—Ахъ, непремѣнно дайте мнѣ знать сейчасъ же, какъ онъ пріѣдетъ!

(Іеронимусъ, Магделона и Лизбетъ уходятъ.)

ЯВЛЕНІЕ VI.

Іеппе, Нилле, Перъ и (входитъ) Яковъ.

Іеппе.—Тебѣ что̀, Яковъ?

Яковъ.—Отецъ, знаете новость? Размусъ пріѣхалъ!

Іеппе.—Вотъ те на̀! Да неужто? А каковъ же онъ на видъ?

Яковъ.—Страсть, какой ученый! Нильсенъ, что̀ везъ его, клянется, что ученый нашъ всю дорогу велъ самъ съ собой диспуты по-гречески и по-латыни, да съ такимъ азартомъ, что раза три-четыре принимался колотить Нильсена по загорбку, крича: probe Majoren, probe Majoren! Вѣрно, у него передъ отъѣздомъ былъ диспутъ съ какимъ-нибудь маіоромъ. Порой же онъ стихалъ и сидѣлъ, глазѣя на луну и звѣзды такъ пристально, что раза три свалился съ телѣги и чуть-было не сломалъ себѣ шеи отъ пущей учености. Нильсенъ такъ смѣялся! „Размусъ Бергъ, говоритъ, можетъ быть и умница по небесной части, а на землѣ—дуракъ дуракомъ“!

Іеппе.—Скорѣе пойдемъ встрѣчать его. Любезный Перъ, пойдемъ съ нами. Можетъ случиться, что онъ позабылъ по-датски, и говоритъ только по-латыни. Такъ вы будете переводчикомъ.

Перъ.—Ну, вотъ еще! У меня и такъ дѣла по горло!

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Монтанусъ (одинъ).

Всего день, какъ я изъ Копенгагена, а я уже скучаю по немъ. Не будь со мной моихъ милыхъ книгъ,—я не могъ бы жить здѣсь, въ провинціи. Studia secundas res ornant, adversis solatium praebent [1]). Мнѣ словно чего недостаетъ послѣ того,

---

[1]) „Ученье служитъ украшеніемъ въ счастьѣ, и въ несчастьѣ доставляетъ утѣшеніе“.

какъ я три дня не велъ ни съ кѣмъ диспутовъ. Не знаю, найдутся ли здѣсь ученые люди; если найдутся,—я имъ задамъ работу. Я жить не могу безъ диспутовъ. Родители мои—люди темные, и съ ними мнѣ не о чемъ особенно говорить. Эти бѣдные простые люди едва-ли ушли въ своихъ познаніяхъ дальше того, чему учились въ дѣтствѣ. Такимъ образомъ, ихъ общество не можетъ доставить мнѣ особаго утѣшенія. Про школьнаго учителя и пономаря говорятъ, что они когда-то учились, но не знаю еще, далеко ли хватаютъ ихъ познанія. Увижу—посмотрю, каковы они. Родители мои испугались, увидавъ меня такъ рано; они не думали, что я выѣду изъ Копенгагена ночью. *(Вынимаетъ огниво, добываетъ огонь; затѣмъ просовываетъ головку трубки черезъ отверстіе въ поляхъ шляпы.)* Это у насъ называется курить studentikòs; прекрасное изобрѣтеніе для того, кто хочетъ писать и курить въ одно время. *(Беретъ книгу и начинаетъ читать.)*

ЯВЛЕНІЕ II.

Монтанусъ, Яковъ.

Яковъ *(цѣлуетъ себя въ ладонь руки и затѣмъ протягиваетъ руку брату).* — Добро пожаловать домой, мой латинскій братецъ!

Монтанусъ.—Радъ видѣть тебя, Яковъ. Что же касается нашего братства, то оно могло имѣть мѣсто въ старину, а теперь это дѣло не подходящее.

Яковъ.—Какъ такъ? Развѣ ты не братъ мой!

Монтанусъ.—Не отрицаю, конечно, что я братъ тебѣ по рожденію. Но ты долженъ знать, что ты остался прежнимъ деревенскимъ парнемъ, а я сталъ—Philosophiae Baccalaureus... А послушай, Яковъ,—какъ поживаютъ моя невѣста и мой будущій тесть?

Яковъ.—Ничего себѣ. Они какъ-разъ недавно заходили и спрашивали, скоро ли братецъ пріѣдетъ.

Монтанусъ.—Опять „братецъ“! Я не изъ высокомѣрія, Яковъ, но profecto такъ нельзя.

Яковъ.—Какъ же мнѣ тогда звать братца?

Монтанусъ.—Зови меня монсёръ Монтанусъ; такъ зовутъ меня въ Копенгагенѣ.

Яковъ.—Только бы мнѣ запомнить... Монсёръ Ослануcъ—такъ?

Монтанусъ.—Что ты, оглохъ?! Говорю тебѣ: монсёръ Монтанусъ!

Яковъ *(повторяетъ)*.—Монсёръ Монтанусъ, монсёръ Монтанусъ...

Монтанусъ.—Вотъ такъ. Монтанусъ по-латыни—то же, что Бергъ по-датски.

Яковъ.—Такъ нельзя ли и мнѣ зваться монсёръ Яковъ Монтанусъ?

Монтанусъ.—Когда ты пробудешь столько времени въ коллегіи, сколько я, и выдержишь свои Examina, то и ты можешь взять себѣ латинское имя. А пока ты простой деревенскій парень, и будетъ съ тебя зваться по-просту Яковъ Бергъ. А ты не замѣтилъ,—скучала по мнѣ моя невѣста?

Яковъ.—Какъ же! Совсѣмъ заждалась—скоро ли ты вернешься?!

Монтанусъ.—Не смѣй говорить мнѣ „ты", грубіянъ!

Яковъ.—Я хотѣлъ сказать, что невѣста монсёра совсѣмъ заждалась его.

Монтанусъ.—Ну, вотъ я и пріѣхалъ, Яковъ. И единственно только ради нея. Но я не намѣренъ засиживаться тутъ. Какъ только повѣнчаемся, я увезу ее съ собой въ Копенгагенъ.

Яковъ.—Не возьметъ ли тогда монсёръ и меня съ собой?

Монтанусъ.—Что тебѣ тамъ дѣлать?

Яковъ.—Мнѣ бы немножко посмотрѣть на бѣлый свѣтъ.

Монтанусъ.—Будь ты лѣтъ на шесть, на семь помоложе, я отдалъ бы тебя въ коллегію, чтобы и ты могъ стать студентомъ.

Яковъ.—Нѣтъ, это мнѣ не подошло бы.

Монтанусъ.—Почему?

Яковъ.—Да потому что тогда родителямъ нашимъ пришлось бы по міру пойти.

Монтанусъ.—Однако, скажите, какъ онъ отвѣчаетъ!

Яковъ.—Да, умъ у меня быстрый. Еслибы меня учили, изъ меня вышла бы такая продувная шельма!

Монтанусъ.—Мнѣ говорили, что ты способный малый. А что бы ты сталъ дѣлать въ Копенгагенѣ?

Яковъ.—Мнѣ бы очень хотѣлось посмотрѣть на Круглую башню. Говорятъ, такая высокая, что шея заболитъ, коли засмотришься на вышку.

Монтанусъ.—Ха-ха!.. А ты вотъ что еще мнѣ скажи. Правда ли, что тесть мой такой богачъ?

Яковъ.—Еще бы! Іеронимусъ страсть какой богатый!

Монтанусъ.—А не слыхалъ ли ты, какое онъ намѣренъ дать за своей дочерью приданое?

Яковъ.—Думаю, что она получитъ отъ него всего вдоволь,—особливо если ему доведется услыхать тутъ проповѣдь монсёра.

Монтанусъ.—Нѣтъ, этого не будетъ. Я не унижусь до того, чтобы говорить проповѣди тутъ, въ деревнѣ. Я вообще расположенъ только вести диспуты.

Яковъ.—А я думалъ, что проповѣдь важнѣе.

Монтанусъ.—Да ты знаешь ли, что̀ такое диспутъ?

Яковъ.—Какъ же! Я тутъ каждый день веду диспуты съ дѣвками, да мнѣ отъ этого мало проку.

Монтанусъ.—Ну, такихъ-то диспутовъ не оберешься!

Яковъ.—Какіе же такіе диспуты бываютъ у монсёра?

Монтанусъ.—Я веду диспуты о важныхъ матеріяхъ, напримѣръ: сотворены ли ангелы *до* или *послѣ* человѣка; кругла ли земля, какъ шаръ, или овальной формы; о лунѣ, о солнцѣ, о звѣздахъ, о ихъ величинѣ и разстояніи отъ земли и о тому подобномъ.

Яковъ.—Нѣтъ, я объ этомъ не спорю. Это меня не касается. Только бы люди работали у меня какъ слѣдуетъ, а то по мнѣ хоть скажи, что земля восьмиугольная!

Монтанусъ.—О, animal brutum [1])!.. Но слушай, Яковъ, развѣ не дали знать моей невѣстѣ, что я пріѣхалъ?

Яковъ.—Не думаю.

Монтанусъ.—Такъ сбѣгай къ господину Іеронимусу и оповѣсти.

Яковъ.—А не сказать ли прежде Лизбетъ?

Монтанусъ.—Лизбетъ? Кто же это?

Яковъ.—Да неужто ты не знаешь, братецъ, что невѣсту твою зовутъ Лизбетъ?

Монтанусъ.—А ты, негодный, опять забылъ, чему я только-что вразумлялъ тебя?

Яковъ.—Зови меня негоднымъ, сколько хочешь,—я все-же братъ тебѣ!

Монтанусъ.—Если ты не замолчишь, я profecto тресну тебя книгой по башкѣ!

Яковъ.—Не хорошо швырять въ людей библіей.

Монтанусъ.—Это не библія.

Яковъ.—Не знаю я, что̀-ли, библію? Этакая толстенная книжища! Чѣмъ не библія? Видно сразу, что не евангеліе и

---

[1]) „О, грубое животное“!

не катехизисъ. Да и что̀ бы то ни было,—не хорошо швырять книгами въ брата.

Монтанусъ.—Молчать, каналья!

Яковъ.—Каковъ я ни есть каналья, а все-таки трудами своихъ рукъ помогаю родителямъ содержать тебя!

Монтанусъ.—Да замолчи, или я исколочу тебя! *(Швыряетъ въ него книгу.)*

Яковъ *(вопитъ)*.—Ай-ай-ай!

ЯВЛЕНІЕ III.

Іеппе, Нилле, Монтанусъ, Яковъ.

Іеппе.—Что̀ тутъ за гвалтъ?

Яковъ.—Братъ Размусъ бьетъ меня.

Нилле.—Ну, и что̀ жъ? Если бьетъ,—вѣрно, за дѣло.

Монтанусъ.—Да, матушка, это правда. Онъ пришелъ и горланитъ тутъ со мной, точно я ему ровня.

Нилле.—Каковъ негодяй! Иль ты не знаешь, что долженъ уважать такого ученаго человѣка? Развѣ ты не знаешь, какая честь отъ него всему нашему дому? Дорого̀й мусью сынокъ, вы это ему не поставьте въ вину,—онъ, просто, неотесанный болванъ.

Монтанусъ.—Я тутъ сижу и обдумываю важныя матеріи, а этотъ importunissimus и audacissimus juvenis [1]) приходитъ мѣшать мнѣ! Шутка ли предаваться transcendentalibus [2])! Двѣ марки далъ бы, чтобы мнѣ не мѣшали!

Іеппе.—Дорогой сынъ мой, не сердитесь; этого больше не будетъ. Боюсь, что дорогой сынъ нашъ немножко погорячился; ученымъ людямъ немного надо, чтобы вспыхнуть. Помню, Перъ, пономарь, разъ такъ вскипѣлъ, что цѣлыхъ три дня не могъ въ себя придти.

Монтанусъ.—Перъ-пономарь—изъ ученыхъ?

Іеппе.—Какъ же! И не запомню здѣсь у насъ пономаря, который пѣлъ бы такъ хорошо, какъ онъ.

Монтанусъ.—Это не мѣшаетъ ему быть весьма неученымъ.

Іеппе.—Онъ и проповѣди говоритъ хоть куда.

Монтанусъ.—И все-же онъ можетъ быть неученый.

---

[1]) „Надоѣдливый и глупѣйшій юноша“.

[2]) „Высшія матеріи“.

Нилле.—Ахъ, нѣтъ, мусью сынокъ! Какъ неученому человѣку такъ хорошо проповѣдовать?

Монтанусъ.—Да, конечно, матушка! Всѣ неученые люди хорошо проповѣдуютъ, то-есть съ чужихъ словъ. Сами не могутъ придумать ничего, вотъ и пользуются чужими проповѣдями, заучиваютъ наизусть сочиненія добрыхъ людей, да еще такія, которыхъ и сами не понимаютъ иногда. Настоящій ученый не станетъ прибѣгать къ такимъ уловкамъ, а поищетъ въ собственной головѣ. Повѣрьте мнѣ,—большая ошибка, что у насъ вообще принято судить объ учености людей по ихъ проповѣдямъ. Нѣтъ, пусть-ка эти молодчики поведутъ диспутъ, какъ я! Вотъ пробный камень для ученыхъ. Я могу вести диспутъ, по-латыни, о какой угодно матеріи. Если, напримѣръ, понадобится доказать, что этотъ столъ—подсвѣчникъ,—я докажу. Или что мясо или хлѣбъ—солома,—я и это докажу. Не разъ такъ дѣлалъ. Послушайте, батюшка! Вы повѣрите, что кто мастеръ пить, тотъ блаженъ?

Іеппе.—Я скорѣе готовъ повѣрить обратному. Вѣдь можно пропить и разумъ, и деньги.

Монтанусъ.—Я докажу, что онъ счастливъ. Quicunque bene bibit, bene dormit... Ахъ, да, вы же не знаете по-латыни. Ну, поясню вамъ это по-датски:—кто здорово пьетъ, тотъ крѣпко спитъ. Не такъ ли?

Іеппе.—Да, это правда. Я съ похмелья сплю какъ убитый.

Монтанусъ.—Кто же крѣпко спитъ, тотъ не грѣшитъ. Не такъ ли?

Іеппе.—И то правда: пока спишь,—не грѣшишь.

Монтанусъ.—А кто не грѣшитъ,—блаженъ.

Іеппе.—И то правда.

Монтанусъ.—Ergo, кто мастеръ пить,—блаженъ. Матушка, сейчасъ я превращу васъ въ камень.

Нилле.—Еще что! Это помудренѣе, небось, будетъ!

Монтанусъ.—Сейчасъ услышите. Камень не можетъ летать.

Нилле.—Подлинно. Развѣ если кинуть, такъ полетитъ.

Монтанусъ.—И вы не можете летать.

Нилле.—И это правильно.

Монтанусъ.—Ergo, матушка—камень.

Нилле *(плачетъ)*.

Монтанусъ.—Зачѣмъ же вы плачете, матушка?

Нилле.—Боюсь, что въ камень превращусь... ужъ ноги похолодѣли...

Монтанусъ.—Успокойтесь, матушка. Я сразу опять пре-

вращу васъ въ человѣка. Камень не можетъ ни думать, ни говорить.

Нилле.—И то правда. Умѣетъ ли онъ думать, я не знаю; а вотъ говорить, такъ ужъ подлинно не можетъ.

Монтанусъ.—Матушка умѣетъ говорить.

Нилле.—Да, слава Богу, какъ можетъ говорить простая деревенская женщина.

Монтанусъ.—Хорошо. Ergo, матушка—не камень.

Нилле.—Охъ, отлегло! Да, видно, чтобъ ученымъ быть—надо крѣпкую голову. Въ толкъ не возьму, какъ это головы у нихъ выдерживаютъ! Яковъ! Впредь ты будешь служить своему брату, гдѣ только понадобится. Тебѣ и дѣлать больше нечего. А ежели увидимъ, что ты въ чемъ ему перечишь,—отвѣдаешь у меня плетки!

Монтанусъ.—Матушка, мнѣ хотѣлось бы отвадить его говорить мнѣ „ты"; не приличествуетъ простому деревенскому парню говорить „ты" ученому человѣку. Мнѣ хотѣлось бы, чтобы онъ называлъ меня „монсёръ".

Іеппе.—Слушай, Яковъ! Отнынѣ, говоря съ братомъ своимъ, будешь называть его „монсёръ".

Монтанусъ.—Нельзя ли позвать сюда сегодня пономаря? Хотѣлось бы испытать, каковы его познанія.

Іеппе.—Хорошо, позовемъ.

Монтанусъ.—А я пока пойду навѣстить свою невѣсту.

Нилле.—Боюсь, какъ бы не пошелъ дождь. Впрочемъ, пусть Яковъ возьметъ плащъ и понесетъ за вами.

Монтанусъ.—Яковъ!

Яковъ.—Что угодно, монсёръ?

Монтанусъ.—Иди, неси за мной плащъ!

(Монтанусъ уходитъ; за нимъ Яковъ, неся плащъ.)

ЯВЛЕНІЕ IV.

Іеппе, Нилле.

Іеппе.—Ну, не на радость ли намъ такой сынокъ?

Нилле.—И еще какъ! Не пропали наши денежки, что мы переплатили за него!

Іеппе.—Узнаемъ сегодня, каковъ ученый нашъ пономарь! Боюсь, однако, что не придетъ, какъ узнаетъ, что Размусъ здѣсь. Да и не надо говорить ему. Пригласимъ кстати и фогта. Этотъ придетъ, небось. Пиво наше ему по вкусу.

Нилле.—Боязно, муженекъ, угощать фогта. Такимъ людямъ не слѣдъ знать нашихъ достатковъ.

Іеппе.—Напротивъ, пусть знаетъ. Всѣмъ и каждому здѣсь извѣстно, что мы люди съ достаткомъ. И разъ мы вносимъ сполна и подати, и оброкъ, фогту,—волоска у насъ на головахъ не тронутъ!

Нилле.—Ахъ, муженекъ, неужто ужъ поздно отдать и Якова въ ученье? Подумай, еслибъ онъ могъ стать такимъ же ученымъ человѣкомъ, какъ его братъ,—вотъ радость была бы намъ на старости лѣтъ!

Іеппе.—Нѣтъ, жена. Будетъ съ насъ одного ученаго. И дома надо оставить одного, чтобы было кому помогать намъ работать.

Нилле.—Охъ, нашей работой только-только развѣ на одинъ хлѣбъ насущный добудешь. Ученый-то нашъ одной головой, пожалуй, добудетъ въ домъ въ какой-нибудь часъ больше, чѣмъ другой въ цѣлый годъ.

Іеппе.—А все-же придется отложить попеченіе, матушка. Надо воздѣлывать землю, да вести хозяйство. Намъ безъ Якова никакъ нельзя. Да вотъ онъ и вернулся.

ЯВЛЕНІЕ V.

Іеппе, Нилле, Яковъ.

Яковъ *(хохочетъ)*.—Ха-ха-ха! Пусть братецъ мой и очень ученый человѣкъ, а все-же онъ дуракъ набитый!

Нилле.—Ахъ, ты, безстыдный плутъ! Зовешь брата дуракомъ?

Яковъ.—Не знаю, матушка, какъ еще назвать его за то, что онъ выкидываетъ. Дождь такъ и льетъ, я иду себѣ позади съ плащомъ, а онъ идетъ и мокнетъ!

Іеппе.—Что же у тебя ума не хватило сказать ему:—монсёръ, дождь идетъ; не угодно ли монсёру надѣть плащъ?

Яковъ.—Да, по моему, несуразно какъ-то, батюшка, чтобъ я сунулся къ такой особѣ, на которую родители потратили такую уйму денегъ, чтобы онъ научился всякой премудрости, да понадоумилъ его:—дождь, молъ, льетъ, монсёръ, не угодно ли плащъ надѣть? Дождь, чай, и безъ меня могъ надоумить его!

Іеппе.—Такъ ты всю дорогу и таскалъ за нимъ плащъ?

Яковъ.—Нѣ-ѣтъ... Я самъ надѣлъ плащъ—и вотъ сухохонекъ! Я-то лучше смекнулъ дѣло, даромъ что на меня не тратили

столько денегъ, чтобы я научился всякой мудрости. Я сразу смекнулъ, даромъ что ничего не смыслю по-латыни!

Іеппе.—Братъ твой, вѣрно, задумался, какъ это водится съ учеными.

Яковъ.—Ха-ха! Чортъ бы побралъ такую ученость!

Іеппе.—Молчать, негодный, не то достанется тебѣ за твой языкъ! Что-жъ за бѣда, что братъ твой иногда впадаетъ въ разсѣянность, коли въ другихъ вещахъ онъ выказываетъ большую мудрость и плоды своего ученія?

Яковъ.—Плоды своего ученія? Дай-ка поразскажу, что дальше было. Дошли мы до воротъ Іеронимуса, а онъ и сверни прямо туда, гдѣ сидитъ цѣпная собака... Ну, та и обработала бы его ученыя ноги, не успѣй я оттащить его въ другую сторону. Цѣпныя собаки не различаютъ никакихъ ранговъ: всѣхъ чужихъ ставятъ на одну доску и грызутъ, не разбирая, чьи ноги—латинскія или греческія. Ну, вотъ, вошли мы во дворъ, а монсёръ Размусъ идетъ себѣ, по глубокомыслію, прямо въ коровникъ и кричитъ: „Эй, дома ли Іеронимусъ“? А коровы какъ стояли, такъ и остались стоять къ нему хвостами; ни одна ни слова не сказала ему въ отвѣтъ. Я готовъ объ закладъ побиться, что, умѣй онѣ говорить, онѣ бы сказали: „Вотъ дуракъ-то набитый“!

Нилле.—Ахъ, муженекъ, и ты потерпишь, чтобы онъ такъ ругался надъ братомъ?

Іеппе.—Яковъ! Уймись, а то попадетъ тебѣ!

Яковъ.—Батюшка, вы лучше бы похвалили меня, что я помогъ ему, да провелъ его изъ коровника къ дому. Вотъ, батюшка, подумайте только,—что еслибы этому молодчику да пришлось отправиться одному въ дальній путь? Я готовъ побожиться, что не будь меня съ нимъ, онъ еще и о сю пору стоялъ бы въ коровникѣ, да глядѣлъ коровамъ подъ хвостъ отъ пущей учености!

Іеппе.—Ну, погоди, проучу я тебя за твой языкъ!

(Яковъ бѣжитъ, Іеппе за нимъ.)

Нилле.—Вотъ плутъ!.. Надо послать за фогтомъ да пономаремъ, чтобы было съ кѣмъ поговорить сынку, когда вернется.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Іеппе, Нилле, потомъ Монтанусъ.

Нилле.—Что-то долго нѣтъ сынка нашего Размуса? Ахъ, кабы онъ успѣлъ вернуться, пока еще фогтъ здѣсь! Іесперу просто не терпится поглядѣть на него, да поразспросить его кое о чемъ... А, вотъ онъ и идетъ! Добро пожаловать, дражайшій сынокъ нашъ! Любезный сватъ нашъ Іеронимусъ, вѣрно, не мало порадовался, увидавъ сынка нашего въ добромъ здравіи послѣ такой долгой отлучки?

Монтанусъ.—Я не видалъ ни Іеронимуса, ни его дочки, изъ-за этого вертопраха! У насъ пошли такіе диспуты...

Нилле.—Да кто-жъ это такой? Не учитель ли?

Монтанусъ.—Нѣтъ, чужой какой-то; онъ сегодня же уѣзжаетъ. А я его все-таки знаю, хоть и не велъ съ нимъ знакомства въ Копенгагенѣ. Я готовъ лопнуть съ досады, видя такихъ людей, которые воображаютъ, что поглотили всю премудрость на свѣтѣ, и все-же просто идіоты! Я разскажу вамъ, матушка, въ чемъ дѣло. Этому молодчику раза два случилось быть Ordinarius opponens [1]), вотъ въ чемъ всѣ его заслуги! Но какъ онъ отправлялъ свои Partes [2])? Misere et hesitanter absque methodo [3]). Однажды, когда рѣчь шла о разницѣ inter rem et modum rei [4]), онъ вдругъ спрашиваетъ: quid hoc est [5])? Болванъ! Не знаетъ distinctiones cardinales [6])! А туда же дерзаетъ на публичный диспутъ!

Нилле.—Ахъ, дорогой сынокъ, не надо принимать такъ къ сердцу! Я изъ вашихъ словъ вижу, что онъ просто дуракъ.

Монтанусъ.—Невѣжда!

Нилле.—Еще бы!

Монтанусъ.—Идіотъ!

Нилле.—Вотъ, вотъ!

---

[1]) Оффиціальный оппонентъ.

[2]) Должность.

[3]) Мизерно и вяло безъ всякой методы.

[4]) Между самой вещью и характеромъ вещи.

[5]) Что это значитъ?

[6]) Основныхъ различій.

Монтанусъ.—Et quidem plane hospes in philosophia [1]). Пусть онъ теперь, собака, попробуетъ только оправдаться въ томъ, что выкинулъ при всѣхъ!

Нилле.—Такъ онъ еще и напакостилъ? Значитъ, и впрямь свинья!

Монтанусъ.—Нѣтъ, матушка, онъ хуже того надѣлалъ: публично перепуталъ materiam cum forma [2]).

Нилле.—Ахъ, чтобъ ему пусто было!

Монтанусъ.—И такой бездѣльникъ еще воображаетъ, что умѣетъ вести диспутъ!

Нилле.—Чорта съ два!

Монтанусъ.—Не говоря уже о томъ промахѣ, который сдѣлалъ въ своемъ Proemio [3]): Lectissimi et doctissimi auditores! [4])

Нилле.—Вотъ дуракъ-то!

Монтанусъ.—Ставитъ lectissimus передъ doctissimus, когда lectissimus есть praedicat [5]); это знаетъ всякій depositurо [6]).

Іеппе.—А что же сынокъ такъ и не повидался съ Іеронимусомъ?

Монтанусъ.—Нѣтъ. Только-что собирался войти въ домъ, увидалъ, что этотъ молодчикъ мимо идетъ, и подошелъ съ нимъ поздороваться. Мы все-таки были съ нимъ знакомы. Ну, вотъ у насъ сразу и завязалась бесѣда объ ученыхъ матеріяхъ и, наконецъ, пошли такіе диспуты, что мнѣ пришлось отложить посѣщеніе.

Іеппе.—Боюсь, какъ бы монсёръ Іеронимусъ не осердился, узнавъ, что сынокъ былъ у него во дворѣ и не зашелъ.

Монтанусъ.—Какъ быть! Если кто-нибудь нападаетъ при мнѣ на философію, онъ этимъ задѣваетъ мою честь. Я хоть и люблю mademoiselle Лизбетъ, но моя Metaphysica, моя Logica мнѣ все-таки дороже!

Нилле.—Ахъ, сынокъ, что̀ я слышу? Ты обзавелся еще двумя мамзелями въ Копенгагенѣ? Бѣда, коль дѣло дойдетъ до консисторіи!

Монтанусъ.—Вы меня не такъ поняли. Я не то сказалъ. Это не дѣвушки, а науки такія.

---

[1]) И совершенно несвѣдущъ въ философіи.

[2]) Матерію съ формой.

[3]) Вступленіе.

[4]) Достойнѣйшіе и высокоученые слушатели.

[5]) Титулъ.

[6]) Поступающій въ университетъ.

Нилле.—Ну, это дѣло другое.—А вотъ и Іесперъ! Ты больше не сердись!

Монтанусъ.—На него я не могу разсердиться. Онъ—простой, неученый человѣкъ. Намъ съ нимъ не о чемъ вести диспуты.

ЯВЛЕНІЕ II.

Іеппе, Нилле, Монтанусъ и Іесперъ.

Іесперъ.—Serviteur, monsieur! Поздравляю съ пріѣздомъ!

Монтанусъ.—Спасибо, господинъ фогтъ!

Іесперъ.—Я очень радъ, что къ намъ пріѣхалъ такой ученый человѣкъ. Пожалуй, не мало пришлось поработать мозгами, пока дошли до всей премудрости. Поздравляю и васъ, Іеппе, съ такимъ сыномъ! Вотъ вамъ и радость на старости лѣтъ!

Іеппе.—Да, ужъ подлинно!

Іесперъ.—А послушайте, мнѣ бы хотѣлось задать вамъ одинъ вопросъ, любезный монсёръ Размусъ Бергъ!

Монтанусъ.—Меня зовутъ Монтанусъ.

Іесперъ *(тихо Іеппе)*. Вѣрно, Монтанусъ по-латыни значитъ Размусъ?

Іеппе.—Надо полагать.

Іесперъ.—Ну вотъ, любезный монсёръ Монтанусъ Бергъ! Слыхалъ я, что ученый народъ держится разныхъ диковинныхъ мнѣній. Правда ли, что въ Копенгагенѣ полагаютъ землю круглой? Тутъ у насъ никто этому не хочетъ вѣрить. Да и какъ? Вѣдь земля, всѣ видятъ, плоская!

Монтанусъ.—Это оттого, что земля такъ велика, что намъ нельзя и замѣтить ея округленности.

Іесперъ.—Вотъ это подлинно, что земля велика; полсвѣта заключаетъ. Ну, а послушайте, монсёръ! Сколько понадобилось бы звѣздъ, чтобы составить луну?

Монтанусъ.—Луну? Луна противъ звѣзды, что прудъ нашъ противъ всей Зеландіи!

Іесперъ.—Ха-ха-ха-ха! У этихъ ученыхъ голова вѣчно не въ порядкѣ. Я, право слово, видалъ и такихъ, которые говорятъ, что земля вертится, а солнце стоитъ. Но, надѣюсь, что монсёръ не такого мнѣнія?

Монтанусъ.—Ни одинъ разумный человѣкъ не сомнѣвается больше въ этомъ.

Іесперъ.—Ха-ха-ха! Возьми-ка земля да двинься,—всѣ мы кувырнулись бы и сломали себѣ шеи!

Монтанусъ.—Да развѣ корабль не двигается съ пассажирами, а они не ломаютъ себѣ шеи?

Іесперъ.—Но вы же говорите, что земля вертится! Еслибы корабль перевернулся, развѣ люди не упали бы въ море?

Монтанусъ.—Я вамъ это разъясню, если только у васъ хватитъ терпѣнія.

Іесперъ.—И слышать не хочу ничего такого! Надо съ ума спятить, чтобы вѣрить подобному! Чтобы земля да перевернулась, а мы бы не полетѣли внизъ головой прямо въ тартарары? Ха-ха-ха!.. Нѣтъ, вотъ что̀ скажите мнѣ, любезный монсёръ Бергъ: отчего это происходитъ, что мѣсяцъ бываетъ иногда такой маленькій, а иногда такой большой?

Монтанусъ.—Если я и скажу вамъ, вы все-таки не повѣрите.

Іесперъ.—Нѣтъ, пожалуйста, будьте столь любезны, скажите!

Монтанусъ.—Происходитъ это оттого, что когда мѣсяцъ выростетъ побольше, его обрѣзаютъ, а изъ кусочковъ дѣлаютъ звѣзды.

Іесперъ.—Вотъ это любопытно! А я и не зналъ этого. И подлинно, еслибы его не обрѣзали, онъ бы все росъ да росъ, пока не сталъ бы со всю Зеландію. Да, природа весьма премудро устроена. Но отчего это мѣсяцъ не грѣетъ такъ же, какъ и солнце, разъ они оба одной величины?

Монтанусъ.—Это оттого, что онъ не свѣтило, а изъ такой же темной матеріи, какъ и земля, которая заимствуетъ свой свѣтъ отъ солнца.

Іесперъ.—Ха-ха-ха-ха! Поговоримъ о другомъ. Это что-то несуразное. Какъ начнешь думать,—недолго и свихнуться.

ЯВЛЕНІЕ III.

Іеппе, Нилле, Монтанусъ, Іесперъ и Перъ-пономарь.

Іеппе.—Добро пожаловать, Перъ! У насъ какъ разъ собралась настоящая компанія! Вотъ вамъ и сынокъ нашъ, что̀ вернулся къ намъ.

Перъ.—Добро пожаловать, монсёръ Размусъ Бергъ!

Монтанусъ.—Въ Копенгагенѣ я привыкъ, чтобы меня называли Монтанусъ, и прошу васъ называть меня такъ же.

Перъ.—Что̀ же, мнѣ все едино. Какъ вообще обстоятъ тамъ дѣла? Большой ли выпускъ въ нынѣшнемъ году?

Монтанусъ.—Такой же, какъ всегда.

Перъ.—Много ли провалилось?

Монтанусъ.—Двое-трое conditionaliter [1]).

Перъ.—Кто нынѣ Imprimatur [2])?

Монтанусъ.—Это что̀ значитъ?

Перъ.—Хочу знать, кто Imprimatur для стиховъ и книгъ, которыя идутъ въ печать?

Монтанусъ.—Вы это разумѣете по-латыни?

Перъ.—Въ мое время это считалось настоящею латынью.

Монтанусъ.—Будь это тогда настоящею латынью, такъ и теперь было бы такой же. Но это никогда не было латынью въ томъ смыслѣ, въ какомъ вы хотите сказать.

Перъ.—А я скажу, что это настоящая латынь!

Монтанусъ.—Что̀ же это должно, по вашему, означать: Nomen или Verbum [3])?

Перъ.—Это Nomen.

Іесперъ.—Знатно, Перъ! Постойте за себя!

Монтанусъ.—Cujus declinationis [4]) въ такомъ случаѣ Imprimatur?

Перъ.—Всѣ слова, какія только есть, могутъ быть отнесены къ восьми родамъ, а именно: Nomen, Pronomen, Verbum, Principium, Conjugatio, Declinatio, Interjectio.

Іесперъ.—Ай-да Перъ! Такъ и сыплетъ! Отлично! Жарь!

Монтанусъ.—Да онъ совсѣмъ не отвѣчаетъ на вопросъ. Какъ будетъ Imprimatur въ Genetivo [5])?

Перъ.—Nominativus—Ala, Genetivus—Ala, Dativus—Alo, Vocativus—Alo, Ablativus—Ala.

Іесперъ.—Что, монсёръ Монтанусъ? Знай нашихъ!

Перъ.—Еще бы! Въ мое время выпуски-то бывали не чета нынѣшнимъ; были такіе молодцы, что два раза въ недѣлю ходили бриться и умѣли скандировать всякіе стихи.

Монтанусъ.—Велика важность! Это у насъ теперь умѣютъ на второмъ курсѣ. Нынѣ выходятъ изъ копенгагенской коллегіи такіе молодцы, что могутъ сами складывать и еврейскіе, и халдейскіе стихи.

Перъ.—Такъ, вѣрно, зато не много знаютъ по-латыни?

---

[1]) Условно.

[2]) „Печатать дозволяется"—цензорская помарка на выходящихъ въ свѣтъ книгахъ.

[3]) Имя существительное или глаголъ.

[4]) Какого склоненія.

[5]) Какъ будетъ въ родительномъ падежѣ?

Монтанусъ.—По-латыни! Да если бы вы теперь поступили, васъ бы приняли только на курсъ для отсталыхъ!

Іесперъ.—Не говорите, монсёръ! Пономарь, право слово, изрядный ученый; я это слыхалъ отъ многихъ умныхъ людей, и отъ управляющаго, и отъ самого амтмана.

Монтанусъ.—Пожалуй, они столько же смыслятъ по-латыни, сколько и онъ.

Іесперъ.—Я слышу, однако, онъ бойко отвѣчаетъ.

Монтанусъ.—Да онъ же не отвѣчаетъ на вопросы. E qua schola dimissus es, mi domine? [1]).

Перъ.—Adjectivus et Substantivus genere, numero et caseo conveniunt.

Іесперъ.—Такъ и сыплетъ! Точно горохъ! Молодецъ Перъ! Ну и выпьемъ же мы съ вами потомъ! Полштофа водки за мной.

Монтанусъ.—Если бы вы знали, что̀ онъ отвѣтилъ мнѣ, вы бы лопнули со смѣху. Я его спрашиваю, въ какой школѣ онъ учился, а онъ несетъ какую-то ерунду.

Перъ.—Tunc tua res agitur, Paries cum proximus ardet.

Іесперъ.—Во-вò, начинается! Ну-ка отвѣчайте!

Монтанусъ.—Да я не могу отвѣчать на это. Это просто чепуха. Поговоримъ по нашему, чтобы всѣмъ понятно было. Вотъ тогда вы и узнаете, каковъ онъ гусь!

Нилле (*плачетъ*).

Іесперъ.—Вы что плачете, тетушка?

Нилле.—Мнѣ такъ жалостно, что сынку нашему приходится сдаться по-латыни!

Іесперъ.—Ну, что же! Ничего тутъ удивительнаго нѣтъ. Перъ и гораздо постарше его. Ничего тутъ удивительнаго нѣтъ. Пусть теперь поговорятъ по нашему, чтобы всѣмъ понятно было.

Перъ.—Ничего. Я готовъ и по нашему, и не по нашему, какъ ему угодно. Вотъ будемъ задавать другъ другу вопросы. Напримѣръ: кто кричалъ на весь міръ?

Монтанусъ.—Не знаю, кто бы кричалъ громче ословъ да деревенскихъ пономарей.

Перъ.—Вздоръ! Развѣ ихъ слышно на весь міръ? Такъ кричалъ оселъ въ Ноевомъ ковчегѣ, ибо весь міръ заключался тогда въ ковчегѣ.

Іесперъ.—Ха-ха-ха! Вотъ такъ на́! Ха-ха-ха! Ну, и голова же нашъ Перъ!

Перъ.—Кто убилъ четвертую часть всего человѣчества?

---

[1]) Изъ какой школы ты выпущенъ, мой господинъ?

Монтанусъ.—Не стану и отвѣчать на такіе глупые вопросы.

Перъ.—Каинъ, убившій брата своего Авеля.

Монтанусъ.—А докажите, что въ то время не было на свѣтѣ больше четырехъ людей!

Перъ.—А докажите, что было!

Монтанусъ.—Это совершенно излишне; ибо affirmanti incumbit probatio [1]). Понимаете?

Перъ.—Само собой. Omnia conando docilis solertia vincit [2]). Понимаете?

Монтанусъ.—Глупо съ моей стороны пускаться въ диспуты съ такимъ неучемъ. Вы хотите вести диспутъ, а не смыслите ни по-латыни, ни по-датски, не говоря уже о томъ, что̀ такое Logica! Ну скажите-ка, quid est Logica [3])?

Перъ.— Post molestam senectutam, post molestam senectutam, nos habebat humus [4]).

Монтанусъ.—Да ты еще хочешь дурачить меня, негодный! *(Хватаетъ его за волосы; они дерутся, но пономарь скоро бѣжитъ,—крича: „Неучъ! неучъ!“.)*

(Всѣ уходятъ, кромѣ Іеспера. Затѣмъ входитъ Іеронимусъ).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Іесперъ, Іеронимусъ.

Іеронимусъ.—Мое почтеніе, господинъ фогтъ! Какъ это вы здѣсь? Я зашелъ повидаться съ моимъ будущимъ зятемъ Размусомъ Бергомъ.

Іесперъ.—Сейчасъ придетъ. Жаль, что вы не пришли на полчасика раньше: вы бы застали тутъ такой диспутъ между нимъ и Перомъ пономаремъ!

Іеронимусъ.—Чѣмъ же кончилось?

Іесперъ.—Чортъ бы побралъ этого Пера! Не думалъ я, что онъ такой бѣдовый. Видно, еще ничего не забылъ, ни по-латыни, ни по-халдейски.

Іеронимусъ.—Я полагаю. Онъ, впрочемъ, никогда и не зналъ ни по-каковски.

---

[1]) Кто утверждаетъ, долженъ доказать.

[2]) Латинскій стихъ: „Путемъ упорнаго прилежанія преодолѣваешь все“.

[3]) Что такое логика?

[4]) Искаженный Пéромъ стихъ извѣстной студенческой пѣсни: Gaudeamus igitur: „Послѣ тягостной старости, земля насъ скрыла“ (вмѣсто: скроетъ насъ земля).

Іесперъ.—Не говорите, монсёръ Іеронимусъ. Языкъ у него ядовитый! Истинное удовольствіе слушать, какъ онъ жаритъ по-латыни.

Іеронимусъ.—Не ожидалъ. А каковъ мой зятёкъ на видъ?

Іесперъ.—Бѣда, какой ученый! Вы едва ли бы и узнали его. Онъ даже имя перемѣнилъ.

Іеронимусъ.—Имя перемѣнилъ? А какъ же онъ прозывается?

Іесперъ.—Онъ величаетъ себя Монтанусомъ, что̀ по латыни должно обозначать Размусъ.

Іеронимусъ.—Фу ты пропасть! Я много знавалъ такихъ, которые тоже переиначивали свои христіанскія имена, но изъ этого мало добра выходило. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, знавалъ я одного такого. Крестили его тоже Перомъ, а онъ, какъ вышелъ въ люди, заважничалъ и давай зваться Пейтеръ. Но этотъ Пейтеръ ему дорого обошелся. Онъ сломалъ себѣ ногу и умеръ въ большой нищетѣ. Нѣтъ, монсёръ Іесперъ, Господь не прощаетъ такимъ.

Іесперъ.—Ну, имя-то перемѣнить еще куда ни шло, а мнѣ совсѣмъ не нравится, что у него такія превратныя мысли!

Іеронимусъ.—Какія же у него мысли?

Іесперъ.—Да просто ужасъ. Волосы становятся дыбомъ, какъ вспомню. Не могу припомнить всего, чего я наслышался, но, вотъ, помню, онъ сказалъ между прочимъ, что земля круглая. Какъ назвать подобное, монсёръ Іеронимусъ? Вѣдь это же значитъ разрушать всякую религію и отнимать вѣру у людей! Язычникъ— и тотъ не могъ бы сказать ничего хуже.

Іеронимусъ.—Ну это онъ, вѣрно, такъ только пошутилъ.

Іесперъ.—Однако, такъ шутить не подобаетъ. Да вотъ и онъ самъ.

ЯВЛЕНІЕ V.

Іесперъ, Іеронимусъ, Монтанусъ.

Монтанусъ.—Добро пожаловать, дорогой тесть! Я радъ видѣть васъ въ добромъ здоровьѣ.

Іеронимусъ.—Ну, какое тамъ здоровье у людей въ мои годы!

Монтанусъ.—На видъ вы еще хоть куда.

Іеронимусъ.—Вы находите?

Монтанусъ.—Какъ поживаетъ дѣвица Лизбетъ?

Іеронимусъ.—Ничего.

Монтанусъ.—Да что же такое случилось? Мнѣ сдается, дорогой тесть, вы какъ будто неохотно мнѣ отвѣчаете.

Іеронимусъ.—Вѣрно, иначе и отвѣчать не приходится.

Монтанусъ.—Да что же я сдѣлалъ дурного?

Іеронимусъ.—Мнѣ сказали, что у васъ такія превратныя мысли. Можно подумать, что вы спятили или помѣшались, ибо какъ же разумному человѣку предаться такому вздору,—утверждать, что земля круглая.

Монтанусъ.—Да, profecto, она круглая. Я не могу не стоять за истину.

Іеронимусъ.—Это чортова брехня, а не истина! И все такое можетъ исходить только отъ лукаваго, отца всякой лжи и обмана! Я увѣренъ, что у насъ не сыщется человѣка, который бы не осудилъ такого мнѣнія. Спросите фогта, человѣка разумнаго, разсудительнаго, не скажетъ ли онъ то же, что и я?

Іесперъ.—Въ концѣ-концовъ, мнѣ-то все едино, въ длину ли земля вытягивается, или въ кругъ; но надо же вѣрить собственнымъ глазамъ, а они говорятъ мнѣ, что земля плоска какъ блинъ.

Монтанусъ.—И мнѣ, въ концѣ концовъ, все едино, какого мнѣнія о землѣ фогтъ или кто другой изъ здѣшнихъ жителей; знаю только, что земля кругла.

Іеронимусъ.—Нѣтъ, чортъ побери! Въ умѣ ли вы? Есть же у васъ глаза, какъ у прочихъ людей!

Монтанусъ.—Извѣстно же, дорогой тесть, что прямо подъ нами живутъ люди, которые обращены къ намъ ногами.

Іесперъ *(хохочетъ во все горло)*.

Іеронимусъ.—Да, есть надъ чѣмъ смѣяться. У него, право, голова не въ порядкѣ. *(Хватая Монтануса за руку)*. Ну, попытайтесь-ка походить тутъ подъ крышей кверху ногами, и посмотримъ, чѣмъ это кончится!

Монтанусъ.—Это совсѣмъ иное дѣло, тесть. Ибо...

Іеронимусъ.—Я совсѣмъ не желаю быть вашимъ тестемъ. Я слишкомъ люблю свою дочь, чтобы отдать ее такъ зря...

Монтанусъ.—Ваша дочь мнѣ столь же дорога, какъ и душа моя; но чтобы я изъ-за нея разошелся съ философіей или съ моимъ разумомъ... Нѣтъ, это больше, чѣмъ вы вправѣ требовать.

Іеронимусъ.—Ага! Такъ у васъ завелась другая любовь! Ну, вы и оставьте при себѣ свою Филію и Софію! Я-то ужъ не стану навязывать вамъ свою дочку.

Монтанусъ.—Вы меня не такъ поняли. Философія не что

иное, какъ наука, которая открыла мнѣ глаза, какъ на это, такъ и на все остальное.

Іеронимусъ.—Она скорѣй ослѣпила васъ, затуманила вашъ разумъ! Чѣмъ вы можете доказать подобное?

Монтанусъ.—Тутъ доказательства излишни. Ни одинъ ученый больше не сомнѣвается въ этомъ.

Іесперъ.—А Перъ-пономарь все-таки никогда не согласится съ вами.

Монтанусъ.—Перъ-пономарь! Велика птица! Да и я не умно поступаю, что стою здѣсь и разговариваю съ вами о философіи. Однако, въ угоду мосьё Іеронимусу, я приведу коекакія доказательства, а именно, во-первыхъ, какъ свидѣтельствуютъ путешественники: удалившись отсюда на тысячу миль, они видѣли иное небо, иныя звѣзды.

Іеронимусъ.—Вы въ умѣ? Развѣ есть еще небо, или еще земля?

Іесперъ.—Да, монсёръ Іеронимусъ! Существуетъ двѣнадцать небесныхъ сводовъ, одинъ надъ другимъ; самый верхній—хрустальный. Въ этомъ онъ все-таки правъ.

Монтанусъ.—Ахъ, quantae tenebrae! [1]).

Іеронимусъ.—Однако, я въ молодости шестнадцать разъ побывалъ въ Килѣ, и не будь я честный человѣкъ, если я видалъ какое другое небо, кромѣ нашего!

Монтанусъ.—Да вамъ надо уѣхать еще въ шестнадцать разъ дальше, domine Jeronime, прежде чѣмъ увидите подобное; ибо...

Іеронимусъ.—Перестаньте молоть вздоръ, это ни на что не похоже! Подавайте другое доказательство!

Монтанусъ.—Другое доказательство — затмѣніе солнца и луны.

Іесперъ.—Ну вотъ, ну вотъ, теперь онъ окончательно спятилъ!

Монтанусъ.—А что такое, по вашему, затмѣніе?

Іесперъ.—Затмѣніе есть извѣстная примѣта, знакъ, появляющійся на солнцѣ или на лунѣ и предвѣщающій несчастье на землѣ. Я это могу доказать личнымъ примѣромъ. Такъ, когда жена моя, три года тому назадъ, захворала и когда умерла моя дочь, Гертруда, оба раза передъ тѣмъ были затмѣнія.

Монтанусъ.—Нѣтъ мочи слушать такой вздоръ!

Іеронимусъ.—Фогтъ дѣльно судитъ. Затмѣніе никогда не

---

[1]) Какое невѣжество!

бываетъ безъ того, чтобы оно что-нибудь да не предвѣщало. Послѣ послѣдняго затмѣнія, все, какъ будто, обстояло благополучно, да не надолго. Не прошло и двухъ недѣль, какъ дошли до насъ вѣсти изъ Копенгагена, что на выпускныхъ экзаменахъ въ коллегіи провалилось шестеро и все изъ лучшихъ семей. Даже двое сыновей пробстовъ. Нѣтъ, если послѣ затмѣнія не приходитъ дурныхъ вѣстей изъ одного мѣста, то навѣрно придутъ изъ другого.

Монтанусъ.—Истинно такъ. И дня не проходитъ, чтобы не стряслось какой-нибудь бѣды на свѣтѣ. Что же касается провалившихся господъ студентовъ, то нечего валить вину на затмѣніе. Получше бы готовились, такъ навѣрно и прошли бы благополучно.

Іеронимусъ.—А что же означаетъ затмѣніе луны?

Монтанусъ.—Ничего иного, кромѣ того, что тѣнь, падающая отъ земли, застилаетъ лунѣ солнце, и такъ какъ тѣнь эта круглая, то и видно, что земля также круглая. Все это имѣетъ совершенно естественныя причины, и можно даже вычислить время затмѣнія заранѣе. Вотъ почему и нелѣпо утверждать, что такія явленія служатъ дурными предзнаменованіями.

Іеронимусъ.—Ахъ, любезный фогтъ, мнѣ дурно! Въ недобрый часъ родители ваши отдали васъ въ ученье!

Іесперъ.—Да онъ попросту атеистомъ сталъ. Надо мнѣ напустить на него опять Пера-пономаря! Вотъ человѣкъ, который умѣетъ говорить основательно. И онъ, небось, съумѣетъ доказать вамъ, или по-латыни, или по-гречески, какъ вамъ угодно, что земля, слава Богу, плоска и ровна, какъ моя ладонь!

ЯВЛЕНІЕ VI.

Іеронимусъ, Монтанусъ, Іесперъ, Магделона и Лизбетъ.

Магделона.—Ахъ, дорогой зятюшка! Я такъ рада, что вы вернулись домой въ добромъ здравіи!

Лизбетъ.—Ахъ, мое сердце, дай мнѣ обнять тебя!

Іеронимусъ.—Потише, потише, дочка! Не усердствуй очень!

Лизбетъ.—Что же, мнѣ нельзя обнять моего жениха, котораго не видала цѣлыхъ три года?

Іеронимусъ.—Держись отъ него подальше, говорятъ тебѣ, не то задамъ тебѣ трепку!

Лизбетъ *(плачетъ)*.—Да, вѣдь, мы же давно объявлены!

Іеронимусъ.—Это вѣрно: но съ той поры вышло кое-что.

Лизбетъ *(плачетъ)*.

Іеронимусъ.—Знай, дочка, что въ то время, когда вы были объявлены женихомъ и невѣстой, онъ былъ человѣкомъ порядочнымъ и добрымъ христіаниномъ: теперь же сталъ еретикомъ и пустой головой, и его скорѣе надо отлучить отъ церкви, нежели принять его въ семью!

Лизбетъ.—Ну, если дѣло только за этимъ, батюшка, такъ мы съ нимъ поладимъ.

Іеронимусъ.—Подальше отъ него, говорятъ тебѣ!

Магделона.—Что же это значитъ, господинъ фогтъ?

Іесперъ.—Дѣло плохо, мадамъ! Онъ распространяетъ ложное ученіе, говоритъ, что земля круглая, и прочее, и прочее, о чемъ мнѣ и разсказывать не подобаетъ.

Іеронимусъ.—Да, какъ не пожалѣть его добрыхъ старыхъ родителей, которые потратили на него столько денегъ!

Магделона. Эхъ, что тамъ! Если онъ любитъ нашу дочь, такъ навѣрно отступится отъ своихъ толкованій и согласится ради нея, что земля плоская.

Лизбетъ.—Ахъ, сердце мое, скажи, ради меня, что она плоская!

Монтанусъ.—Не могу уступить вамъ, пока я еще въ полномъ разумѣ. Не могу же я придать землѣ иную форму, нежели какую она имѣетъ отъ природы! Я готовъ сказать и сдѣлать для васъ все возможное, кромѣ этого. Еслибы студенты, мои товарищи, узнали, что я совершилъ подобное, они бы сочли меня невѣждой и стали бы презирать меня. Кромѣ того, мы, ученые, никогда не поступаемся нашими мнѣніями, а разъ сказанное мы готовы защищать до послѣдней капли въ нашей чернильницѣ!

Магделона.—Послушай, муженекъ, я вовсе не считаю этого дѣла такимъ важнымъ, чтобы изъ-за этого разстроить свадьбу.

Іеронимусъ.—А я изъ-за этого настоялъ бы даже на расторженіи ихъ брака, еслибы они были уже повѣнчаны!

Магделона.—Ну, въ этомъ дѣлѣ и я хочу сказать свое слово. Если она твоя дочь, такъ и моя тоже.

Лизбетъ *(со слезами)*.—Ахъ, сердце мое, скажи, что земля плоская!

Монтанусъ.—Я profecto не могу!

Іеронимусъ.—Послушай, жена, ты не забудь, что я хозяинъ въ домѣ, и что я отецъ своей дочери.

Магделона.—А ты не забудь, что я хозяйка въ домѣ и мать своей дочери.

Іеронимусъ.—Полагаю, что отецъ важнѣе матери.

Магделона.—А я полагаю, нѣтъ. Въ томъ, что я мать ей, никто не можетъ сомнѣваться, а вотъ вы отецъ ли... нѣтъ, я лучше промолчу, а то...

Лизбетъ *(плача)*.—Ахъ, сердце мое! Иль ты не можешь сказать ради меня, что она плоская?

Монтанусъ.—Не могу, куколка моя! Nam contra naturam est [1]).

Іеронимусъ.—А что ты этимъ хотѣла сказать, жена? Развѣ я не такой же отецъ ей, какъ ты мать? Послушай, Лизбетъ, развѣ я не отецъ тебѣ?

Лизбетъ.—Я полагаю, батюшка, что это такъ, потому что матушка такъ говоритъ. Я полагаю, что вы мой отецъ, но я знаю, что она моя мать.

Іеронимусъ.—Какъ это вамъ нравится, господинъ фогтъ? А?

Іесперъ.—Не могу сказать, чтобы мамзель была неправа, ибо...

Іеронимусъ.—Будетъ! Пойдемте! Будьте увѣрены, добрѣйшій Размусъ Бергъ, что никогда не получите моей дочери, пока не откажетесь отъ своихъ заблужденій!

Лизбетъ *(плача)*.—Ахъ, сердце мое! Скажи же, что она плоская!

Іеронимусъ.—Иди, иди! Ступай домой!

(Всѣ гости уходятъ.)

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Монтанусъ одинъ.

Монтанусъ.—Цѣлый часъ бился съ родителями. Со слезами, чуть не на колѣняхъ умоляютъ меня отстать отъ моихъ убѣжденій. Но они плохо знаютъ Erasmum Montanum! Еслибы мнѣ даже пообѣщали императорскую корону, я и то не отрекся бы отъ разъ сказаннаго. Правда, я люблю mademoiselle Лиззбетъ, но чтобы я изъ-за нея пожертвовалъ философіей и отрекся отъ того, что я утверждалъ публично,—нѣтъ, этому не бывать! Надѣюсь, все-таки, что все уладится, и я возвращу себѣ свою не-

---

[1]) Это противъ природы.

вѣсту, не нанеся урона своей репутаціи. Какъ только найду случай поговорить съ Іеронимусомъ, я ему докажу его заблужденія столь ясно, что онъ убѣдится.

ЯВЛЕНІЕ II.

Монтанусъ, Іесперъ, Перъ.

Іесперъ.—Любезный монсёръ Монтанусъ, потрудились мы сегодня ради васъ.

Монтанусъ.—Какъ такъ?

Іесперъ.—Да все возились съ вашими родителями и тестемъ, чтобы уладить миръ.

Монтанусъ.—Ну, чего же вы достигли? Тесть мой подается?

Іесперъ.—Вотъ его послѣднія слова: „Въ нашей семьѣ не бывало ереси. Кланяйтесь отъ меня Размусу Бергу"—я передаю только его собственныя слова; онъ даже не сказалъ: „Монтанусу Бергу",—„кланяйтесь отъ меня Размусу Бергу, и скажите ему, что мы съ женой честные и благочестивые люди, и что мы скорѣе свернемъ шею нашей дочери, чѣмъ выдадимъ ее за такого человѣка, который говоритъ, что земля кругла и распространяетъ тутъ ложное ученіе".

Перъ.—По истинѣ сказать, у насъ здѣсь всегда соблюдали вѣру во всей чистотѣ, и нельзя винить монсёра Іеронимуса за то, что ему хочется расторгнуть этотъ союзъ.

Монтанусъ.—Ну, такъ прошу и васъ передать мой поклонъ господину Іеронимусу и сказать ему отъ меня, что грѣшно ему настаивать на томъ, чтобы я отрекся отъ разъ сказаннаго, что это противъ leges scholasticas и consuetudines laudabiles [1]).

Перъ.—Ахъ, dominus! Неужто вы хотите проститься съ вашей милой изъ-за такихъ пустяковъ? Всѣ васъ осудятъ за это.

Монтанусъ.—Да, всѣ невѣжественные люди, vulgus [2]), осудятъ меня, а мои commilitones, мои товарищи, превознесутъ до небесъ за мою твердость.

Перъ.—Да развѣ вы считаете грѣхомъ сказать про землю, что она тамъ плоская или круглая?

Монтанусъ.—Нѣтъ, не считаю; но считаю стыдомъ и позоромъ для себя, baccalaureus и philosophus—отречься отъ того,

---

[1]) (Противъ) законовъ и похвальныхъ обычаевъ ученыхъ.

[2]) Чернь.

что разъ публично утверждалъ, или сдѣлать что-либо позорящее мое сословіе. Мой долгъ—смотрѣть за тѣмъ, чтобы не quid detrimenti patiatur respublica philosophica [1]).

Перъ.—А если вамъ докажутъ, что ваше мнѣніе ложно, вы все-таки сочтете грѣхомъ отречься отъ него?

Монтанусъ.—Докажите мнѣ, что оно ложно, но methodice!

Перъ.—Ничего нѣтъ легче. У насъ тутъ немало почтенныхъ людей; во-первыхъ, вашъ тесть, который выбился въ люди однимъ своимъ перомъ; затѣмъ я, недостойный, прослужившій здѣсь четырнадцать лѣтъ пономаремъ; затѣмъ самъ почтенный фогтъ и прочіе почтенные люди, которые всегда неукоснительно вносятъ и подати и справляютъ всѣ прочія повинности, какъ въ хорошіе, такъ и въ плохіе годы.

Монтанусъ.—Ну, мудреный syllogismus! Куда ведетъ это переливаніе изъ пустого въ порожнее?

Перъ.—Сейчасъ дойду до того, что хочу сказать. Спросите любого изъ этихъ добрыхъ людей, согласится ли хоть одинъ изъ нихъ съ вами, что земля кругла. И я знаю, что скорѣе надо вѣрить въ то, за что стоитъ столько людей, чѣмъ въ то, за что стоитъ всего-на-все одинъ. Ergo, вы не правы.

Монтанусъ.—Да вы хоть приведите сюда всѣхъ ихъ, и пусть они будутъ оппонировать мнѣ и по этому предмету, и по другимъ, я все-таки заткну имъ всѣмъ рты. У такихъ людей нѣтъ своего мнѣнія. Они должны вѣрить тому, что докажу я и мнѣ подобные.

Перъ.—Ну, а еслибы вы стали доказывать, что луна изъ зеленаго сыра, такъ имъ и этому вѣрить?

Монтанусъ.—Да какъ же иначе? Скажите мнѣ, за кого васъ здѣсь считаютъ?

Перъ.—Меня? Меня считаютъ добропорядочнымъ человѣкомъ и пономаремъ, что и правда.

Монтанусъ.—А я говорю, что это ложь! Я говорю, что вы пѣтухъ, и докажу это такъ же ясно, какъ дважды два четыре.

Перъ.—Чорта съ два докажете! Я пѣтухъ? Чѣмъ вы это докажете?

Монтанусъ.—А вы можете привести мнѣ какіе-либо доводы протихъ этого?

Перъ.—Во-первыхъ, я могу говорить, а пѣтухъ не можетъ говорить. Ergo, я не пѣтухъ.

---

[1]) Не было ущерба философской республикѣ.

Монтанусъ.—Рѣчь тутъ ни при чемъ. Попугай, скворецъ тоже могутъ говорить, но отъ этого еще не становятся людьми.

Перъ.—Я могу привести и другіе доводы. У пѣтуха нѣтъ человѣческаго разума; у меня есть человѣческій разумъ; ergo, я не пѣтухъ.

Монтанусъ.—Proba minorem! [1])

Іесперъ.—Эй, говорите по нашему!

Монтанусъ.—Говорю, пусть онъ докажетъ, что у него есть разумъ человѣческій.

Перъ.—Слушайте, я же отправляю свою должность безъ всякихъ упущеній.

Монтанусъ.—А какія ваши главныя обязанности, опираясь на которыя вы можете доказать, что у васъ человѣческій разумъ?

Перъ.—Во-первыхъ, я всегда звоню къ обѣднѣ въ извѣстные часы.

Монтанусъ.—Пѣтухъ тоже всегда поетъ въ извѣстные часы, оповѣщая людей, что время вставать.

Перъ.—Во-вторыхъ, я пою не хуже любого пономаря во всей Зеландіи.

Монтанусъ.—И нашъ пѣтухъ поетъ не хуже любого пѣтуха во всей Зеландіи.

Перъ.—Я лью восковыя свѣчи, а этого ни одинъ пѣтухъ не умѣетъ.

Монтанусъ.—Пѣтухъ зато производитъ яйца, чего вы не умѣете! Ясно ли вамъ теперь, что изъ проявляемаго вами по должности разума вы еще не можете вывести, что вы разумнѣе пѣтуха? Да и посмотрите, какое есть сходство между вами и пѣтухомъ. У пѣтуха гребень на головѣ, а у васъ тоже вродѣ пѣтушьяго гребешка на головѣ; пѣтухъ поетъ, вы тоже поете; пѣтухъ важничаетъ своимъ голосомъ и задираетъ носъ, вы тоже; пѣтухъ оповѣщаетъ, когда время вставать, вы—когда время идти къ обѣднѣ. Ergo, вы пѣтухъ! Вы еще имѣете что-нибудь сказать?

Перъ *(огорченъ)*.

Іесперъ.—Зачѣмъ огорчаться, Перъ! Охота вамъ обращать вниманіе!

Перъ *(со слезами)*.—Это, провалъ меня возьми, все ложь и клевета! Могу представить аттестаціи отъ всего прихода, что я не пѣтухъ и что всѣ мои предки были точно также добрыми христіанами.

Монтанусъ.—Ну, такъ опровергните этотъ syllogismum,

---

[1]) Докажите вторую посылку.

quem tibi propono [1]). Пѣтухъ обладаетъ вотъ какими качествами, которыя отличаютъ его отъ прочихъ животныхъ: онъ оповѣщаетъ людей звуками, когда пора вставать, объявляетъ время; кичится своимъ голосомъ, носитъ на головѣ гребешокъ. Вы обладаете тѣми же качествами. Ergo, вы—пѣтухъ! Опровергните эти аргументы!

Іесперъ.—Ну, если пономарь не можетъ заткнуть вамъ ротъ, такъ я съумѣю!

Монтанусъ.—Послушаемъ ваши аргументы!

Іесперъ.—Во-первыхъ, моя совѣсть говоритъ мнѣ, что утвержденіе ваше ложно.

Монтанусъ.—Не во всякомъ дѣлѣ можно положиться на совѣсть фогта.

Іесперъ.—Во-вторыхъ, я скажу, что ваши слова—ложь!

Монтанусъ.—Докажите!

Іесперъ. — Въ-третьихъ, я честный человѣкъ и привыкъ, чтобы мнѣ вѣрили на̀-слово.

Монтанусъ.—Все это одни пустыя слова, а не аргументы.

Іесперъ.—Въ-четвертыхъ, скажу, что вы говорите, какъ истинный плутъ, и, что слѣдовало бы вырвать вамъ языкъ!

Монтанусъ.—Я все еще не слышу никакихъ аргументовъ.

Іесперъ.—И, наконецъ, въ-пятыхъ, я готовъ поспорить съ вами со шпагой или дубинкой въ рукахъ, какъ вамъ угодно!

Монтанусъ.—Нѣтъ, покорный слуга и въ томъ, и въ другомъ случаѣ. Пока вы будете спорить только языкомъ, вы увидите, что я могу постоять не только за то, что̀ сказалъ, но и за все другое. Позвольте-ка, господинъ фогтъ! Я докажу со всей logica, что вы—быкъ!

Іесперъ.—Чорта съ два докажете!

Монтанусъ.—Только вы терпѣливо выслушайте мои аргументы.

Іесперъ.—Пойдемъ, Перъ!

Монтанусъ.—Вотъ какъ я докажу: Quicunqne [2])...

Іесперъ *(съ крикомъ зажимаетъ ему ротъ).*

Монтанусъ.—Если вамъ не угодно выслушать мои доказательства теперь, мы можемъ отложить это до другого раза. Прошу васъ только назначить время и мѣсто.

Іесперъ.—Я не желаю знаться съ такимъ пустомелей!

(Поспѣшно уходитъ съ Перомъ.)

---

[1]) Что̀ я тебѣ и предлагаю.

[2]) Всякій, кто.

ЯВЛЕНІЕ III.

Монтанусъ одинъ.

Монтанусъ.—Съ такими людьми я могу спорить вполнѣ хладнокровно, даромъ, что они бранятъ меня скверными словами. Я могу выйти изъ себя лишь въ спорѣ съ людьми, которые воображаютъ, что знаютъ methodum disputandi [1]) и не уступаютъ мнѣ въ философіи. Вотъ почему я въ десять разъ больше горячился сегодня въ спорѣ съ тѣмъ студентомъ; онъ все-таки смыслитъ кое-что. А вотъ и старики мои!

ЯВЛЕНІЕ IV.

Монтанусъ, Іеппе и Нилле.

Іеппе.—Ахъ, дорогой сынокъ! Не горячитесь такъ и не ссорьтесь со всѣми. Фогтъ и пономарь, по нашей же просьбѣ, взялись уладить миръ между вами и вашимъ будущимъ тестемъ, а теперь выходитъ, что вы только насмѣялись надъ ними. На что̀ превращать добрыхъ людей въ быковъ и пѣтуховъ?

Монтанусъ.—На то я и учился, на то и ломалъ себѣ голову надъ книгами, чтобы имѣть право говорить, что̀ хочу, и отстаивать разъ сказанное.

Іеппе.—По моему, лучше бы въ такомъ случаѣ вовсе не учиться.

Монтанусъ.—Помолчалъ бы, старина!

Іеппе.—Ужъ не подымешь ли руку на родителей?

Монтанусъ.—Если бы и такъ, я съумѣю доказать свою правоту передъ цѣлымъ свѣтомъ!

(Іеппе и Нилле уходятъ съ плачемъ.)

ЯВЛЕНІЕ V.

Монтанусъ, Яковъ.

Монтанусъ.—Я не отрекусь отъ своихъ мнѣній, хоть бы они всѣ тамъ на стѣны полѣзли! Что̀ тебѣ, Яковъ?

---

[1]) Методъ веденія диспутовъ.

Яковъ.—У меня письмо для монсёра *(передаетъ письмо и уходитъ)*.

Монтанусъ *(читаетъ письмо)*. — „Дражайшій мой другъ! Я никогда не воображала, что ты съ такимъ легкимъ сердцемъ отречешься отъ той, которая столько лѣтъ питала къ тебѣ постоянную и неизмѣнную любовь. Могу сообщить тебѣ за вѣрное, что отецъ мой такъ ожесточился противъ твоего мнѣнія, будто земля кругла, что считаетъ это ересью противъ вѣры, и ни за что не отдастъ меня тебѣ, коль скоро ты не согласишься обратиться въ вѣру его и другихъ здѣшнихъ добрыхъ людей. Да и какая тебѣ польза отъ того, плоска ли, кругла ли, восьмиугольна ли или четыреугольна земля? Молю тебя, ради той любви, которую я такъ долго питала къ тебѣ, чтобы ты превозмогъ себя и согласился обратиться въ ту вѣру, въ которой здѣсь всѣ родились и выросли. Если же ты не уступишь мнѣ въ этомъ, то, повѣрь, я умру съ горя, и весь свѣтъ осудитъ тебя, какъ виновника смерти той, которая любила тебя, какъ душу свою.

„Елизавета, дочь Іеронимуса, собственноручно".

О, Боже! Письмо это растрогало меня и вселило въ меня великое сомнѣніе, такъ что я долженъ воскликнуть съ поэтомъ:

. . . . . utque securi
Saucia trabs ingens, ubi plaga novissima restat,
Quo cadat in dubio est, omnique à parte timetur:
Sic animus... [1]).

Съ одной стороны, философія, повелѣвающая мнѣ стоять на своемъ; съ другой стороны — моя невѣста, укоряющая меня въ холодности и вѣроломствѣ. Но можетъ ли Эразмъ Монтанусъ позволить смутить себя и поколебать себя чѣмъ бы то ни было и отречься отъ своихъ мнѣній, твердость и незыблемость которыхъ до сихъ поръ являлась его главною добродѣтелью? Конечно, отнюдь нѣтъ! Но извѣстно, что въ бѣдѣ нарушаются всѣ законы. Если я не превозмогу себя, я сдѣлаю и себя, и невѣсту мою, несчастными; она умретъ съ горя, и весь свѣтъ отступится отъ меня и станетъ попрекать меня моимъ вѣроломствомъ. Покинуть ли мнѣ ту, которая столько лѣтъ питала ко мнѣ нѣжную любовь? Послужить ли причиной ея смерти? Нѣтъ, этого не должно быть. Но подумай также, что̀ ты сдѣлаешь, Эразмъ Монтанусъ, musarum et Apollinis pulle! [2]) Вотъ тебѣ случай доказать, что

[1]) Подобно огромному древу, когда оно, пораженное ударами топоровъ и въ ожиданіи лишь послѣдняго смертельнаго удара, качается изъ стороны въ сторону, возбуждая опасенія со всѣхъ сторонъ—колеблется волнующаяся душа...

[2]) Дѣтище музъ и Аполлона.

ты—истый philosophus; чѣмъ больше опасности, тѣмъ обильнѣе будешь ты увѣнчанъ лаврами inter philosophos [1]). Подумай, что̀ скажутъ твои commilitones, когда узнаютъ подобное: это не тотъ Эразмъ Монтанусъ, который до сихъ поръ защищалъ свое мнѣніе до послѣдней капли крови! Если же простые и невѣжественные люди и попрекнутъ меня вѣроломствомъ по отношенію къ моей невѣстѣ, за то философы превознесутъ меня до небесъ! Именно то, что̀ обезчеститъ меня въ глазахъ невѣждъ, возвеличитъ меня въ глазахъ ученыхъ. Я поэтому долженъ противостоять искушенію. И противостану! Преодолѣю его! Уже преодолѣлъ! Земля кругла! Jacta est alea. Dixi [2]). Яковъ! *(Яковъ вбѣгаетъ.)* Яковъ! Письмо, которое ты доставилъ мнѣ отъ невѣсты, не возъимѣло на меня дѣйствія. Остаюсь при своемъ: земля кругла, и не быть ей плоской, пока я живъ!

Яковъ.—Я тоже полагаю, что земля кругла, но если бы мнѣ давали пряникъ съ тѣмъ, чтобы я назвалъ ее плоской, я бы сказалъ, что она плоская, такъ какъ мнѣ отъ этого ни тепло, ни холодно.

Монтанусъ.—Это можетъ приличествовать тебѣ, а не философу, главная добродѣтель котораго состоитъ въ томъ, чтобы защищать до конца разъ имъ сказанное. Я открою здѣсь публичные диспуты и вызову поспорить со мной всѣхъ, у кого есть ученая степень.

Яковъ.—А дозволено будетъ спросить монсёра объ одномъ: если вы одержите верхъ въ диспутахъ,—что̀ же изъ этого послѣдуетъ?

Монтанусъ.—Изъ этого послѣдуетъ, что я стяжаю себѣ славу побѣдителя и ученаго человѣка.

Яковъ.—То-есть, монсёръ хочетъ сказать, говоруна. Но что ученый и говорунъ не одно и то же, я замѣчалъ по здѣшнему люду. Размусъ Петерсенъ вездѣ лѣзетъ у насъ впередъ, говоритъ, говоритъ, и слова никому не дастъ сказать, а по уму-то, говорятъ, гусь и больше ничего. Церковный же староста, Нильсъ Христенсенъ, мало говоритъ и всегда готовъ уступить другимъ, а между тѣмъ такой умница, что, говорятъ, въ амтманы годился бы.

Монтанусъ.—Послушать, однако, этого молокососа! Туда же съ разсужденіями!

Яковъ.—Прошу монсёра не сердиться на меня. Я говорю спроста, и ежели о чемъ спрашиваю, такъ затѣмъ, чтобы по-

---

[1]) Среди философовъ.

[2]) Жребій брошенъ. Вотъ мое послѣднее слово.

учиться. Любопытно мнѣ узнать вотъ что̀: если монсёръ теперь одержалъ верхъ въ диспутѣ съ Пе́ромъ — тотчасъ же ли онъ превратился въ пѣтуха?

Монтанусъ.—Вотъ вздоръ какой! Онъ остался тѣмъ же, чѣмъ былъ.

Яковъ.—Такъ, вѣдь, въ такомъ случаѣ монсёръ побѣжденъ.

Монтанусъ.—Не намѣренъ вступать въ споръ съ такимъ деревенскимъ неучемъ, какъ ты! Знай ты по-латыни, я бы сразу удовлетворилъ тебя. Я не привыкъ вести диспуты по-датски.

Яковъ.—Другими словами, монсёръ сталъ такимъ ученымъ, что не можетъ больше изъясняться на родномъ языкѣ.

Монтанусъ.—Замолчи, audacissime juvenis! Зачѣмъ же мнѣ утруждать себя разговорами съ грубыми, невѣжественными людьми, которые не знаютъ даже, что̀ такое universalia entia rationis и formae substantiales [1]), не говоря уже о чемъ другомъ? Вѣдь, absurdissimum [2])—толковать слѣпому о краскахъ. Vulgus indoctum est monstrum horrendum informe, cui lumen ademptum [3]). Былъ недавно одинъ человѣкъ, въ десять разъ ученѣе тебя, и хотѣлъ вести со мной диспутъ, но, узнавъ, что онъ даже не знаетъ, что̀ такое quidditas [4]), я наотрѣзъ отказался.

Яковъ.—А что̀ же это такое значитъ: quidditas? Вѣдь такъ я сказалъ?

Монтанусъ.—Я-то знаю, что̀ это значитъ.

Яковъ.—Монсёръ, можетъ быть, самъ и знаетъ, да только не можетъ растолковать другимъ. Ну, а я хоть немного знаю, да зато меня сразу всякій пойметъ, если я начну говорить.

Монтанусъ.—Да, ты-то весьма ученый, Яковъ! Ну, много ли ты знаешь?

Яковъ.—А что̀, ежели я докажу, что я ученѣе самого монсёра?

Монтанусъ.—Любопытно послушать!

Яковъ.—Кто занимается наиболѣе важными вещами, тотъ, по моему и болѣе ученъ.

Монтанусъ.—Само собой.

Яковъ.—Я учусь земледѣлію и хозяйству, и потому ученѣе монсёра.

Монтанусъ.—Такъ ты считаешь грубыя мужицкія занятія важнѣе всего?

---

[1]) Общія понятія и существенныя основы вещей.

[2]) Нелѣпо.

[3]) Невѣжественная чернь — ужасное безформенное чудовище, лишенное свѣта.

[4]) Сущность мысли.

Яковъ.—Не знаю, но за то знаю, что ежели бы мы, мужики, тоже взялись бы за перо или за мѣлъ и стали бы высчитывать, сколько отъ насъ до луны, такъ у всѣхъ у васъ, высокоученыхъ, тотчасъ подвело бы животы! Вы, ученые, проводите время въ спорахъ о томъ, кругла ли, четыреугольна или восьмиугольна земля, а наши всѣ заботы—чтобы земля родила хлѣбъ и кормила насъ. Такъ ясно теперь монсёру, что наша наука куда полезнѣе и важнѣе вашей, и что Нильсъ Христенсенъ самый ученый у насъ человѣкъ, такъ какъ онъ улучшилъ свою землю на столько, что она родитъ теперь втрое больше, чѣмъ при его предшественникѣ, который день-деньской просиживалъ съ трубкой въ зубахъ, да дремалъ надъ хрониками датскихъ королей и королевъ.

Монтанусъ. — Боже мой! Это самъ лукавый говоритъ! Я въ жизни никогда не думалъ, чтобы простой деревенскій парнишка могъ такъ говорить! Хотя все, что̀ ты сказалъ, и ложно, и безбожно, оно, тѣмъ не менѣе, является необычайной рѣчью въ устахъ человѣка твоего сословія. Скажи мнѣ, отъ кого ты научился такъ болтать?

Яковъ.—Я не учился, монсёръ, а люди говорятъ, что я способный малый. Окружный судья ни разу не пріѣзжалъ сюда безъ того, чтобы не позвать меня къ себѣ. Онъ сто разъ говаривалъ моимъ родителямъ, чтобы они засадили меня за книгу; тогда изъ меня вышелъ бы большой человѣкъ. Когда мнѣ нечего дѣлать, я хожу и разсуждаю самъ съ собой. Недавно я сочинилъ надгробный стихъ Мортену Нильсену, что̀ умеръ отъ пьянства.

Монтанусъ.—Послушаемъ!

Яковъ.—Надо вамъ сперва знать, что и отецъ, и дѣдъ этого Мортена, оба были рыбаками и утонули. А вотъ стихъ:

Здѣсь Мортенъ Нильсенъ опочилъ;
Онъ по примѣру предковъ поступилъ:
Тѣ рыбаками утонули въ морѣ,
Онъ въ водкѣ утопился съ горя.

Этотъ стихъ мнѣ пришлось на дняхъ прочесть окружному судьѣ, и онъ велѣлъ его записать, а мнѣ далъ за него двѣ марки.

Монтанусъ.—Стихи эти, хотя по формѣ и очень плохи, а по содержанію не дурны. Недостаетъ лишь самаго главнаго—просодіи.

Яковъ.—А это что̀ такое?

Монтанусъ.—Въ нѣкоторыхъ строкахъ не хватаетъ pedum, то-есть, стопъ.

Яковъ.—Стопъ, то-есть ногъ? Да мои стихи въ нѣсколько дней и безъ ногъ обѣжали весь приходъ.

Монтанусъ.—Замѣчаю, что у тебя острый умъ. Желалъ бы я, чтобы тебѣ дали учиться и чтобы ты зналъ philosophiam instrumentalem! Тогда бы ты могъ участвовать въ диспутахъ подъ моимъ наблюденіемъ. Ну, пойдемъ! *(Кладетъ ему руку на плечо, и они уходятъ обнявшись.)*

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Лейтенантъ, Іесперъ.

Лейтенантъ.—Какъ бы мнѣ увидать этого молодца, господинъ фогтъ? Очень бы хотѣлось поговорить съ нимъ. Каковъ онъ на видъ?

Іесперъ.—Да ничего себѣ, а языкъ у него—что твоя бритва.

Лейтенантъ.—Это не важно, только бы онъ былъ здоровъ и силенъ.

Іесперъ.—Онъ можетъ сказать, что̀ захочетъ, и доказать все, что̀ скажетъ. Онъ доказалъ, какъ дважды два четыре, что Перъ-пономарь—пѣтухъ.

Лейтенантъ.—Что̀, онъ широкъ въ плечахъ?

Іесперъ.—Да, онъ вообще здоровый малый. Всѣ въ домѣ боятся его, даже родители. Онъ можетъ превратить ихъ въ быковъ, воловъ, лошадей и обратно въ людей. То-есть, можетъ доказать по ученому, что они таковы.

Лейтенантъ.—Съ виду онъ способенъ переносить невзгоды?

Іесперъ.—А еще онъ доказалъ, что земля круглая.

Лейтенантъ.—До этого мнѣ дѣла нѣтъ, а какъ онъ съ виду—храбрый, смѣлый?

Іесперъ.—Онъ готовъ жизнь положить за букву, не говоря уже о чемъ другомъ. Я увѣренъ, что онъ вооружилъ противъ себя всѣхъ и каждаго здѣсь, а ему и горя мало; онъ все-таки не отречется отъ своего.

Лейтенантъ.—Насколько я могу судить, изъ него выйдетъ бравый солдатъ.

Іесперъ.—Какъ же вы изъ него сдѣлаете солдата? Онъ студентъ.

Лейтенантъ.—Это ничего не значитъ. Коли онъ можетъ превратить людей въ овецъ, воловъ и пѣтуховъ, такъ и я попробую превратить студента въ солдата.

Іесперъ.—Ахъ, кабы вы это смогли! Я бы лопнулъ со смѣху!

Лейтенантъ.—Только ни гу-гу, Іесперъ! Коли фогтъ да воинскій начальникъ за-одно,—и не такія еще вещи можно обдѣлать! А вотъ идетъ кто-то. Не онъ ли?

Іесперъ.—Да, да, онъ! Я спрячусь тутъ по близости, чтобы онъ не заподозрилъ меня. *(Убѣгаетъ.)*

ЯВЛЕНІЕ II.

Лейтенантъ, Монтанусъ.

Лейтенантъ.—Поздравляю съ пріѣздомъ!

Монтанусъ.—Покорно благодарю!

Лейтенантъ.—Беру на себя смѣлость посѣтить монсёра, а то тутъ не много ученыхъ людей, съ кѣмъ можно поговорить.

Монтанусъ.—Мнѣ пріятно слышать, что господинъ лейтенантъ изъ ученаго сословія. Когда лейтенантъ сдалъ экзаменъ,—прошу позволенія спросить?

Лейтенантъ.—Уже лѣтъ десять тому назадъ.

Монтанусъ.—Въ такомъ случаѣ господинъ лейтенантъ—старый академикусъ. Какими предметами преимущественно занимался господинъ лейтенантъ?

Лейтенантъ.—Я больше изучалъ древнихъ латинскихъ авторовъ, естественное право и мораль, что̀ и теперь продолжаю.

Монтанусъ.—Эхъ, все это пустяки, это не academicum [1]). А вы не изучали philosophiam instrumentalem?

Лейтенантъ.—Нѣтъ, мало.

Монтанусъ.—Такъ вы никогда не вели диспутовъ?

Лейтенантъ.—Нѣтъ.

Монтанусъ.—Какая же это наука? Philosophia instrumentalis—единственный серьезный предметъ; все остальное такъ себѣ, только не наука. Тотъ, кто далеко ушелъ въ logica и methaphysica, можетъ выпутаться изъ всякаго затрудненія, можетъ вести диспуты о всѣхъ матеріяхъ, хотя бы онѣ были ему вовсе незнакомы. Не знаю, чего бы я ни взялся защищать, и всегда отлично справился бы. При мнѣ не было ни единаго академи-

[1]) Не приличествуетъ студенту.

ческаго диспута, на которомъ бы я не являлся оппонентомъ. Philosophus instrumentalis является polyhistor [1]).

Лейтенантъ.—Кто же нынѣ самый первый диспутантъ?

Монтанусъ.—Это одинъ студентъ, по имени Перъ Иверсенъ. Когда онъ побьетъ своего противника по всѣмъ пунктамъ, такъ что тотъ ни слова больше не можетъ сказать, онъ говоритъ: „хотите теперь помѣняться положеніями, и я буду защищать ваше"! Во всемъ этомъ ему главнымъ образомъ помогаетъ его philosophia instrumentalis. Жаль, что этотъ молодецъ не сталъ адвокатомъ: у него бы отбоя не было отъ кліентовъ. Послѣ же него я—сильнѣйшій. Въ послѣдній разъ, когда я выступалъ, онъ шепнулъ мнѣ на ухо: „Jam sumus ergo pares [2]). А я, все-таки, всегда готовъ услужить ему.

Лейтенантъ.—А я слышалъ, что монсёръ можетъ доказать, что дѣти должны бить своихъ родителей? Мнѣ это кажется несуразнымъ.

Монтанусъ.—Если я это сказалъ, такъ съумѣю и доказать.

Лейтенантъ.—Готовъ прозакладывать вамъ дукатъ, что вы не въ состояніи этого сдѣлать.

Монтанусъ.—Я ставлю тоже дукатъ.

Лейтенантъ.—По рукамъ! Такъ послушаемъ.

Монтанусъ.—Кого люблю, того и бью. Кого больше любишь, того больше лупишь. Никого не слѣдуетъ любить больше своихъ родителей, ergo никого не слѣдуетъ и лупить больше. Еще другой syllogismus; что̀ получилъ, то обязанъ по мѣрѣ силъ возвратить. Въ дѣтствѣ я получалъ отъ родителей колотушки, ergo я обязанъ вернуть имъ полученное по мѣрѣ силъ.

Лейтенантъ.—Довольно, довольно! Я проигралъ. Вотъ извольте получить дукатъ.

Монтанусъ.—Ну, это вы не въ серьёзъ же. Я, profecto, не хочу брать съ васъ денегъ.

Лейтенантъ.—Нѣтъ, ma parole, вы должны! Клянусь честью солдата!

Монтанусъ.—Ну, тогда я возьму, чтобы не заставить васъ нарушить клятву.

Лейтенантъ.—А теперь позвольте мнѣ попытаться, не съумѣю ли я превратить васъ во что-нибудь? Par exemple, въ солдата.

Монтанусъ.—Ну, это не трудно; всѣ студенты—духовные солдаты.

---

[1]) Энциклопедистомъ.

[2]) Теперь мы, значитъ, равны.

Лейтенантъ.—Нѣтъ, я хочу доказать, что вы и тѣломъ солдатъ. Кто беретъ въ задатокъ деньги, завербованъ въ солдаты; вы взяли—ergo...

Монтанусъ.—Nego minorem [1]).

Лейтенантъ.—Et ego probo [2]) minorem изъ того дуката, что вы взяли въ задатокъ.

Монтанусъ.—Distinguendum est inter nummos [3]).

Лейтенантъ.—Никакой distinction [4])! Вы солдатъ.

Монтанусъ.—Distinguendum est inter simpliciter et relative accipere [5]).

Лейтенантъ.—Нечего болтать. Контрактъ заключенъ, и вы получили деньги.

Монтанусъ.—Distinguendum est inter contractum verum et apparentem [6]).

Лейтенантъ.—Вы можете отрицать, что взяли отъ меня дукатъ?

Монтанусъ.—Distinguendum est inter rem et modum rei [7]).

Лейтенантъ.—За мной, пріятель! Сейчасъ тебя облекутъ въ мундиръ!

Монтанусъ.—Вотъ вамъ обратно вашъ дукатъ! Къ тому же, у васъ нѣтъ свидѣтелей, что я взялъ деньги.

ЯВЛЕНІЕ III.

Монтанусъ, Лейтенантъ, Іесперъ и Нильсъ-капралъ.

Іесперъ.—Могу засвидѣтельствовать, что видѣлъ, какъ лейтенантъ передалъ вамъ деньги изъ рукъ въ руки.

Нильсъ.—И я тоже.

Монтанусъ.—А за что я взялъ деньги?

Лейтенантъ.—Ничего и слушать не хочу! Нильсъ, оставайся тутъ, пока схожу за мундиромъ.

Монтанусъ.—Караулъ!

Нильсъ.—Молчать, собака! Не то я всажу тебѣ штыкъ въ брюхо! Развѣ онъ не завербованъ, господинъ фогтъ?

---

[1]) Отрицаю вторую посылку.

[2]) А я доказываю...

[3]) Разница есть между деньгами;

[4]) Разницы.

[5]) Есть разница между простымъ полученіемъ и условнымъ.

[6]) Есть разница между дѣйствительнымъ и мнимымъ условіемъ.

[7]) Есть разница между вещью и свойствомъ ея.

Іесперъ.—Ну, конечно, завербованъ!

Лейтенантъ *(возвращается обратно съ солдатомъ, несущимъ обмундировку).*—Ну, живо долой кафтанъ и надѣвай мундиръ! *(Монтануса начинаютъ переодѣвать въ мундиръ, при чемъ онъ горько плачетъ).*

Лейтенантъ.—Ай, ай, ай, какъ это не хорошо плакать солдату! Ты теперь куда лучше, чѣмъ прежде. Теперь хорошенько вымуштруй его, Нильсъ-капралъ! Онъ ученый малый, да неучъ въ экзерциціяхъ. *(Уходитъ съ Іесперомъ.)*

ЯВЛЕНІЕ IV.

Монтанусъ, Нильсъ-капралъ, Солдатъ.

(Нильсъ-капралъ вмѣстѣ съ солдатомъ доканчиваетъ переодѣваніе Монтануса и начинаетъ обучать его первымъ пріемамъ обращенія съ ружьемъ и маршировкѣ. Монтанусъ очень неловокъ, и Нильсъ все угощаетъ его тумаками, а тотъ плачетъ.)

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же и Лейтенантъ.

Лейтенантъ.—Ну, что̀ Нильсъ? Даются ему экзерциціи?

Нильсъ.—Ничего, выучится. Только онъ лѣнивъ, собака, и приходится подбадривать его пинками.

Монтанусъ *(съ плачемъ).*—Ахъ, милостивый государь мой! Сжальтесь надо мной! Я человѣкъ слабаго здоровья, и мнѣ не снести такого обращенія.

Лейтенантъ.—Это только сначала кажется трудненько, а когда хорошенько обработаютъ тебѣ спину, она не будетъ такой чувствительной.

Монтанусъ *(плачетъ).*—Ахъ, лучше бы не быть мнѣ ученымъ, не попалъ бы я въ такую бѣду!

Лейтенантъ.—Э, что̀, это еще только начало! Вотъ какъ угодишь разъ пятокъ на кобылку да постоишь у столба, то это все покажется тебѣ сущей бездѣлицей.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же; Іеронимусъ, Магделона, Іеппе, Нилле, затѣмъ Лизбетъ.

Іеронимусъ *(Іеппе).*—Вы это навѣрно знаете?

Іеппе.—Да, да, мнѣ только-что фогтъ сказалъ. *(Увидавъ Монтануса.)* Ахъ, что̀ я вижу! Теперь весь мой гнѣвъ прошелъ! Жалость беретъ.

Іеронимусъ.—Только бы намъ обратить его въ настоящую вѣру, я охотно выкупилъ бы его.

Лизбетъ *(входитъ)*.—Ахъ, я несчастная!

Іеронимусъ.—Прошу не шумѣть, дочка! Ничего этимъ не выиграешь!

Лизбетъ.—Ахъ, батюшка, будь вы такъ влюблены, какъ я, вы не велѣли бы мнѣ молчать!

Іеронимусъ.—Фу, срамъ какой! Не подобаетъ дѣвицѣ признаваться въ такихъ вещахъ.—Ну, Размусъ Бергъ, каковы дѣла?

Монтанусъ.—Ахъ, дорогой господинъ Іеронимусъ! Меня взяли въ солдаты!

Іеронимусъ.—Да, теперь вамъ будетъ чѣмъ заняться; полно превращать людей въ животныхъ и пономарей въ пѣтуховъ!

Монтанусъ.—Увы и ахъ! Оплакиваю свое прежнее неразуміе, да поздно!

Іеронимусъ.—Послушайте, дружокъ! Если откажетесь отъ своихъ бредней и не станете больше смущать людей ссорами да диспутами, я не пожалѣю расходовъ, чтобы выкупить васъ.

Монтанусъ.—Да и по дѣломъ мнѣ за то, что я грозилъ побить своихъ старыхъ родителей! Но если вы захотите смиловаться надо мной и помочь мнѣ освободиться, то, клянусь вамъ, отнынѣ поведу иную жизнь, займусь какимъ-либо дѣломъ и не стану больше смущать людей диспутами.

Іеронимусъ.—Такъ погодите здѣсь, пока я переговорю съ лейтенантомъ.—Любезный господинъ лейтенантъ, вы всегда были другомъ нашего дома. Человѣкъ этотъ, завербованный вами въ солдаты, помолвленъ съ моей единственной дочерью, и она въ немъ души не чаетъ. Освободите его. Я охотно подарю за это господину лейтенанту сто далеровъ. Признаюсь, сначала я самъ радовался тому, что его хорошенько проучатъ; своимъ дурнымъ поведеніемъ онъ возстановилъ противъ себя и меня, и всѣхъ добрыхъ людей здѣсь. Но когда я увидѣлъ его въ этомъ положеніи, да еще услыхалъ, какъ чистосердечно онъ оплакиваетъ свое прежнее безуміе и обѣщаетъ исправиться, сердце мое перевернулось отъ жалости.

Лейтенантъ.—Послушайте, любезный монсёръ Іеронимусъ! Все, что̀ я сдѣлалъ, было лишь ради его собственнаго блага. Знаю, что онъ женихъ вашей дочери, и если я довелъ его до такого положенія, то лишь для того, чтобы сослужить службу вашему

дому и заставить его смириться. Ради васъ же я приму эти деньги и раздамъ ихъ бѣднымъ, тѣмъ болѣе, что, вижу, онъ уже успѣлъ исправиться. *(Нильсу.)* Отпусти его! *(Монтанусъ подходитъ къ нимъ.)* Послушайте, мой другъ! Родители ваши потратили на васъ большія деньги, надѣясь, что вы будете имъ въ честь и утѣшеніе на старости лѣтъ; а вы уѣхали въ здравомъ умѣ, возвратились же совсѣмъ безпутнымъ. Смущаете честный народъ, распространяя ложное ученіе и упорно его защищая. Если считать это плодомъ ученія, такъ слѣдовало бы пожелать, чтобы вовсе не было книгъ. По моему, важнѣе всего научиться въ школѣ какъ разъ противоположному. Ученый человѣкъ тѣмъ и долженъ отличаться отъ другихъ, что онъ умѣреннѣе, скромнѣе и уступчивѣе въ рѣчахъ, нежели неученый. Здравая philosophie учитъ насъ, что мы должны смягчать нравы, улаживать ссоры и отказываться отъ своихъ мнѣній, если даже насъ убѣдитъ въ ихъ ошибочности самый простой человѣкъ. Главная задача философіи—познать себя самого, и чѣмъ больше успѣваешь въ этомъ, тѣмъ скромнѣе судишь о себѣ, тѣмъ яснѣе видишь, сколькому еще остается учиться. Вы же превращаете философію въ искусство спорить, считая философомъ того, кто замысловатою игрою словъ умѣетъ извращать истину и поддерживать любое мнѣніе. Этимъ вы только возбуждаете къ себѣ ненависть и роняете науку, такъ какъ люди думаютъ, что такіе нелѣпые поступки и есть истинные плоды ученія. Наилучшій совѣтъ, который я могу дать вамъ, это: постарайтесь забыть, выбросить изъ головы все то, чѣмъ набивали ее въ безсонныя ночи, и займитесь какимъ-нибудь полезнымъ дѣломъ, трудомъ; если же непремѣнно хотите продолжать учиться, то постарайтесь взяться за науку совершенно иначе.

Монтанусъ.—Добрѣйшій господинъ лейтенантъ! Послѣдую вашему совѣту и постараюсь стать другимъ человѣкомъ.

Лейтенантъ.—Хорошо. Въ такомъ случаѣ я готовъ отпустить васъ, если вы дадите такое же обѣщаніе вашимъ родителямъ, тестю и тещѣ и попросите у нихъ прощенія.

Монтанусъ.—Такъ я смиренно и со слезами прошу у всѣхъ васъ прощенія и обѣщаю повести совсѣмъ иную жизнь; осуждаю свое прежнее поведеніе, къ чему побуждаетъ меня не столько мое теперешнее злополучное положеніе, сколько основательная рѣчь и умъ этого добраго человѣка, къ которому я поэтому всегда, послѣ родителей моихъ, буду питать наибольшее уваженіе.

Іеронимусъ.—Такъ вы не утверждаете больше, дорогой зять, что земля круглая? Меня это всего больше сокрушаетъ.

Монтанусъ.—Дорогой тесть, я не стану больше спорить объ этомъ. Хочу только сказать, что всѣ ученые люди нынѣ держатся того мнѣнія, что земля кругла.

Іеронимусъ.—Ахъ... господинъ лейтенантъ! Оставьте его въ солдатахъ, пока земля станетъ плоской!

Монтанусъ.—Дорогой тесть! Земля плоска, какъ блинъ! Довольны ли вы теперь?

Іеронимусъ.—Да, тогда мы опять друзья! И теперь я готовъ отдать вамъ дочь. А затѣмъ милости просимъ къ намъ всѣхъ, выпить за миръ и доброе согласіе!

Съ датск. А. и П. Ганзенъ.

МОЙ РОМАНЪ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Et in Arcadia ego!

Карлсбадъ, 9 іюля 189... г.

Здѣсь такъ: сегодня какъ вчера, завтра какъ сегодня... Вездѣ толпа, нигдѣ ни души знакомой. Въ общемъ, не весело и не скучно. Некогда скучать, хотя и дѣлать нечего. Утромъ—воды; народъ кишитъ у источниковъ: движеніе, толкотня, говоръ... Но, вотъ, на церковныхъ часахъ бьетъ восемь ударовъ—музыка разомъ смолкаетъ, и всѣ галереи вдругъ пустѣютъ. Зато всѣ кафе въ городѣ и за городомъ начинаютъ постепенно наполняться. Особенно много публики собирается передъ входомъ въ паркъ, гдѣ, подъ тѣнью густолиственныхъ каштановъ, разставлено безчисленное количество столиковъ, покрытыхъ красными узорчатыми скатертями. И мы тамъ ежедневно чай пьемъ.

Послѣ чаю начинается праздное шатанье по „Alte-Wiese", главной улицѣ въ Карлсбадѣ. Какіе здѣсь, рядомъ съ новыми, красивыми зданіями уцѣлѣли еще старые, смѣшные дома: узкіе, всего въ три-четыре окна, и высокіе-высокіе, въ пять-шесть этажей. У каждаго изъ этихъ домовъ свое названіе: „Золотая Арфа", „Добрый Пастухъ", „Красное Сердце", „Бѣлый Голубь", „Прекрасная Королева", и т. п.—Мы живемъ въ „Красномъ Сердцѣ". Въ нижнихъ этажахъ—магазины. Что за роскошь выставлена въ витринахъ на показъ и на соблазнъ пріѣзжимъ! Глаза просто разбѣгаются! Посмотришь на тонкія какъ паутина и прозрачныя какъ воздухъ кружева, возбуждающія сожалѣніе

къ тѣмъ, кто ихъ дѣлалъ, и зависть къ тѣмъ, кто ихъ будетъ носить; полюбуешься на искристый богемскій хрусталь съ ослѣпительными радужными переливами; постоишь передъ драгоцѣнными ювелирными бездѣлушками—и отправляешься на другую сторону улицы, тѣнистую, подъ деревья и стеклянный навѣсъ.

Тутъ уже нѣтъ домовъ, а одни только магазины, которые помѣщаются въ низкихъ каменныхъ строеніяхъ съ великимъ множествомъ витринъ, наполненныхъ, по бо̀льшей части, мѣстными издѣліями: всевозможными вещицами изъ разноцвѣтныхъ шпрудельскихъ камешковъ, пестрой деревянной мозаики и гранатовъ, наваленныхъ повсюду цѣлыми грудами: en veux tu—en voilà!

Поглазѣешь на всю эту яркую пестроту—и не оглянешься, какъ настанетъ пора обѣдать. Мы обѣдаемъ по ту сторону рѣки, которая называется Тёпль, хотя, по моему, правильнѣе было бы сказать, что этотъ Тёпль здѣсь рѣкою только называется. Воды въ ней, пожалуй, вершка на полтора, если не меньше, и дно въ ней вымощено гранитными плитами, которыя, время отъ времени, чистятся щетками.

Когда слышишь разсказы о бывшемъ здѣсь наводненіи, разрушившемъ много домовъ и снесшемъ почти всѣ мосты, когда смотришь фотографическіе снимки, на которыхъ теперешняя рѣчонка съ каменнымъ поломъ напоминаетъ ніагарскій водопадъ, вздымающій цѣлыя тучи пѣны, то невольно думается: „свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ“.

Говорятъ, что во время этого невѣроятнаго наводненія жителямъ Карлсбада нѣкоторое время приходилось съ опасностью жизни переѣзжать на лодкахъ съ „Alte-Wiese“; теперь же, раздѣляющій эти параллельныя улицы Тёпль можно смѣло перейти вбродъ, съ единственнымъ рискомъ замочить каблуки. Положимъ, я не пробовала совершать этой переправы—къ чему каблуки мочить, когда можно перейти черезъ рѣку сухопутьемъ, по мостамъ, въ которыхъ недостатка нѣтъ; сто-двѣсти шаговъ—и мостъ. Первый изъ нихъ ведетъ къ „Goldener Schild“, старѣйшему изъ здѣшнихъ отелей, гдѣ мы постоянно обѣдаемъ. Впрочемъ, мы какъ-то попробовали пообѣдать въ самомъ модномъ ресторанѣ, но больше туда не вернулись. Шумъ, суета, стола не доищешься, кельнера не дозовешься, кушанья не дождешься.

Послѣ обѣда, если не ѣдешь кататься куда-нибудь подальше въ окрестности города, очень живописныя, хотя немного однообразныя, то ужъ непремѣнно идешь на концертъ, не для того именно, чтобы слушать музыку—я не музыкантша,—а такъ, чтобы въ зелени посидѣть, кофею на воздухѣ напиться и на лю-

дей посмотрѣть. А посмотрѣть есть на кого! Какая смѣсь національностей, типовъ, красокъ, костюмовъ!..

Изъ всѣхъ концертовъ самые симпатичные—въ „Постгофѣ", хотя, къ сожалѣнію, и симфоническіе, но зато платные, и потому туда собирается публика если и не избранная, то по крайней мѣрѣ болѣе опрятная, нежели въ другихъ кафе, разбросанныхъ по обѣимъ сторонамъ широкой и длинной аллеи парка, по которой, въ особенности къ вечеру, просто прохода нѣтъ. Кого-кого только тамъ не встрѣтишь! И китайца съ длинною, чуть не до колѣнъ болтающеюся косой, и канцлера въ отставкѣ, и жителя какихъ-то тропическихъ острововъ... Сегодня мнѣ показывали двухъ нѣмецкихъ владѣтельныхъ принцевъ, одного извѣстнаго французскаго писателя и одну императрицу безъ трона. Тутъ же рядомъ плетется старый еврей въ пейсахъ и засаленномъ кафтанѣ, а за нимъ тащится его толстая еврейка въ парикѣ. Подъ ногами топчутся дѣти, догоняя мячикъ или погоняя палочкою обручъ; больныхъ катаютъ въ креслахъ на колесахъ... Ахъ, какого я встрѣтила одного страшнаго! Глаза тусклые, точно у вареной рыбы, лицо высохшее, темно-коричневое, и совсѣмъ какъ будто не живое, а выточенное изъ обожженнаго дерева.

Такой наплывъ публики, именно въ этой аллеѣ, объясняется, вѣроятно, тѣмъ, что это, кажется, единственная въ Карлсбадѣ прогулка по ровному мѣсту,—иначе приходится спускаться или подниматься съ горы на гору. Но тѣ, для которыхъ это не представляетъ неудобства, могутъ проходить десятки верстъ хвойнымъ лѣсомъ, по тщательно вычищеннымъ и убитымъ дорожкамъ, проложеннымъ во всѣ стороны вьющимися зигзагами по склону горъ, до самыхъ ихъ верхушекъ, украшенныхъ бесѣдками, павильонами и башенками, изъ которыхъ открываются очень красивые виды на Карлсбадъ.

За недѣлю я почти вездѣ успѣла побывать: и у „Трехъ крестовъ", и на вышкѣ Франца-Іосифа, и у памятника Петра Великаго, только на башню Стефани еще не поднималась. Завтра отправлюсь туда съ утра, сейчасъ же послѣ чаю... Впрочемъ, нѣтъ, завтра—воскресенье, пойду лучше къ обѣднѣ. Мнѣ еще не удалось побывать въ нашей церкви. Можетъ быть, кого-нибудь изъ знакомыхъ тамъ встрѣчу...

10 іюля.

Любопытно было бы узнать, кто этотъ интересный русскій въ изящномъ сѣромъ костюмѣ, который былъ сегодня у обѣдни. Люблю такія лица, безупречно правильныя, съ сухими и тонкими,

но рѣзко очерченными линіями. Одни глаза чего стоятъ!.. а какой взглядъ—орлиный!.. до неприступности гордый и спокойный до самоувѣренности, но не надменный, нисколько, скорѣе какъ будто чуть-чуть презрительный. Такое, по крайней мѣрѣ, этотъ орлиный взглядъ произвелъ на меня впечатлѣніе... Впрочемъ, мнѣ это безразлично, я пишу свой дневникъ какъ Богъ на душу положитъ. Главное же дѣло теперь въ томъ, что у интереснаго русскаго чудные глаза, но какой они формы и какого именно цвѣта, синяго или сѣраго—положительно не съумѣю сказать. Однако, знаю навѣрное, что глаза у него очень большіе и темные. Во всякое другое время и всякаго другого я бы, конечно, разсмотрѣла, ничего не просмотрѣвъ, но въ церкви неудобно было часто оглядываться, да къ тому же еще вверхъ голову поднимать. Хотя я роста средняго, пожалуй даже и выше средняго, а все же интересному русскому я немного выше плеча. Кромѣ того, оборачиваясь, я неминуемо каждый разъ встрѣчалась съ нимъ взглядомъ. Странно, чѣмъ могла я привлечь его вниманіе на себя. Обыкновенно, въ толпѣ никто меня не замѣчаетъ. Вѣдь толпа состоитъ изъ профановъ! Ей подавай такую красоту, какъ у сестры Кати, напримѣръ: грубую, но яркую и пышную. Надѣнь Катя сарафанъ и кокошникъ—и прямо хоть портретъ съ нея пиши красавицы-кормилицы: русой, дебелой, синеокой, круглолицей и краснощекой. Подлѣ нея я меркну, какъ тусклая звѣздочка передъ полною луною. Но это сознаніе нисколько не обидно для моего самолюбія. Я вовсе не желаю нравиться всѣмъ, какъ Катя, кто только ее видитъ, а лишь тѣмъ немногимъ, которые не только видѣть, но и смотрѣть умѣютъ. Покойный дѣдушка, опытный цѣнитель хорошенькихъ женщинъ, отзывался о моей наружности такъ: „Профанъ тебя совсѣмъ не замѣтитъ; скульпторъ, ставящій пластичныя и роскошныя формы выше изящныхъ и граціозныхъ линій, взглянетъ на тебя, но пройдетъ мимо; зато художникъ, артистъ въ душѣ—непремѣнно остановится“. Если все это правда, то мой интересный русскій ужъ ни въ какомъ случаѣ не профанъ. Онъ меня увидѣлъ, посмотрѣлъ, остановился—и пошелъ за мною: проводилъ меня,—издали, конечно,—отъ самой церкви и до самаго дома. Очевидно, онъ хотѣлъ узнать, гдѣ я живу и кто я, и узналъ. Я тоже очень хотѣла бы узнать, гдѣ онъ живетъ и кто онъ—но какъ это сдѣлать?.. Не попросить ли Катю прослѣдить его какъ-нибудь потихоньку со мною вмѣстѣ? Одна я на это ни за что не рѣшусь, а вдвоемъ съ сестрой—пожалуй...

А что если онъ вдругъ замѣтитъ, что мы за нимъ слѣдимъ?

—скандалъ!.. А что̀ еще хуже,—вдругъ Егоръ Ильичъ замѣтитъ, что мы за кѣмъ-то слѣдимъ—бѣда! Отъ него здѣсь нигдѣ вѣдь не скроешься!.. Бродитъ безцѣльно повсюду, какъ тѣнь преступная, пугая прохожихъ своимъ сумрачнымъ видомъ безмолвнаго Харона и своею тощею фигурой Кащея-безсмертнаго. Положимъ, я его не боюсь, мнѣ онъ что̀—ничего! Но Катѣ онъ мужъ, и она его побаивается. Нѣтъ, ужъ лучше ее не путать, до поры, до времени, въ эту мою авантюру. Постараюсь сама узнать, кто онъ, этотъ мой интересный русскій, а пока о немъ никому—ни гу-гу!..

11 іюля.

Катя тоже замѣтила интереснаго русскаго. Сегодня на концертѣ онъ сидѣлъ за отдѣльнымъ столикомъ рядомъ съ нашимъ. На этотъ разъ я имѣла полную возможность его разсмотрѣть—и разсмотрѣла. Оказывается, что у него глаза и не синіе, и не сѣрые, и даже не темные, а все-таки чудные глаза!.. свѣтло-каріе, выразительные, и хотя немного холодные, но ясные и блестящіе, какъ солнечный день... зимой.

Сколько ему можетъ быть лѣтъ?.. Онъ уже не очень молодъ. Вчера, въ церкви, я обратила вниманіе на довольно замѣтную сѣдину въ его густыхъ, подстриженныхъ бархатистою щеткой волосахъ, напоминающихъ цѣнный мѣхъ стараго бобра, а сегодня я примѣтила нѣсколько серебристыхъ ниточекъ въ его усахъ и темно-каштановой короткой бородѣ. Но легкая сѣдина идетъ къ его блѣдному, строгому и серьезному лицу. Впрочемъ, мнѣ кажется, что къ нему все идетъ, и глубокая морщина, образовавшаяся на его лбу отъ привычки безпрестанно сдвигать и безъ того почти сросшіяся тонкія брови, и даже шрамъ на щекѣ... Онъ мнѣ ужасно нравится; страшно хотѣлось бы съ нимъ познакомиться... но какъ?.. гдѣ?.. когда?..

Непремѣнно съ нимъ познакомлюсь, во что̀ бы то ни стало! Какъ?—еще не знаю. Гдѣ?—гдѣ придется. Когда?—чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше; хоть завтра!

13 іюля.

Was soll das bedeuten?!.. Отчего онъ не воспользовался случаемъ заговорить со мною?.. странно!.. Вмѣсто того, чтобы возвратить мнѣ мою бѣлую махровую гвоздику, которую я, какъ будто нечаянно, уронила передъ нимъ, онъ ее поднялъ и воткнулъ въ петлицу своего сѣренькаго пиджака. Затѣмъ, тутъ же, свернулъ съ тротуара, на которомъ я съ нимъ встрѣтилась случайно, и перешелъ на другую сторону улицы, даже не взглянувъ

на меня. И хорошо сдѣлалъ, что не взглянулъ—воображаю, какое у меня было лицо!

14 іюля.

Новая встрѣча—новая неудача. Столкнувшись съ интереснымъ русскимъ на мосту, я выронила зонтикъ изъ рукъ прямо къ его ногамъ. Зонтикъ онъ поднялъ и передалъ его мнѣ—не могъ же онъ воткнуть его себѣ въ петлицу!—но при этомъ ни слова, ни взгляда.

Ничего, я не унываю. Я терпѣлива и настойчива: буду ему швырять подъ ноги все, что̀ въ руки попадется!

15 іюля.

Никогда, ничего, ни передъ кѣмъ не буду нарочно ронять—кончено! Надо придумать какой-нибудь другой способъ, чтобы заставить моего интереснаго русскаго заговорить. Но что̀ тутъ придумаешь!.. Придется посовѣтоваться съ Катей. Кстати, небо начинаетъ хмуриться, а Егоръ Ильичъ въ сырую погоду не выходитъ изъ комнаты,—боится простуды. Вотъ еслибы завтра, да вдругъ дождь!..

16 іюля.

Катя все знаетъ, я ей все разсказала, начиная съ гвоздики и кончая этою глупою книгою, которую я вчера уронила передъ интереснымъ русскимъ, да такъ неловко, что обертка прорвалась на ней и... Мнѣ до сихъ поръ стыдно вспомнить о томъ многозначительномъ взглядѣ и о той двусмысленной улыбкѣ, которыми онъ меня наградилъ, молча вручая мнѣ только-что передъ тѣмъ купленный мною французскій романъ. Этого еще недоставало, чтобы мнѣ пришлось краснѣть передъ кѣмъ-нибудь изъ-за какихъ-то „полудѣвственницъ“ какого-то Марселя Прево!

17 іюля.

Итакъ, въ походъ! Теперь у меня есть союзница. Катя нашла способъ заставить моего молчаливаго русскаго заговорить: она сама заговоритъ съ нимъ первая—чего проще!

Удивляюсь, какъ это она вдругъ расхрабрилась. Это, вѣрно, къ дождю.

18 іюля.

Богъ знаетъ, что̀ такое!.. вскочить и убѣжать, даже не поклониться... Катя сваливаетъ и свою неудачу, и невѣжливый поступокъ интереснаго русскаго на нѣмецкій языкъ, на которомъ она съ нимъ заговорила. Она спросила, свободно ли мѣсто возлѣ него. Остроумный вопросъ, кстати сказать,—точно въ шпрудельской галереѣ скамейки абонированы!

Теперь Катя извиняетъ интереснаго русскаго и утѣшаетъ себя тѣмъ, что онъ, будто бы, ни слова не понимаетъ по-нѣмецки, и собирается въ слѣдующій разъ заговорить съ нимъ по-французски. Подождемъ—увидимъ, что̀ изъ этого выйдетъ.

19 іюля.

Довольно,—больше ни слова о немъ! Запишу для памяти и назиданія послѣднюю съ нимъ встрѣчу, а затѣмъ вычеркну его вонъ и навсегда изъ памяти и дневника.

Вотъ что̀ случилось.

Возвращаемся мы вдвоемъ съ утренней прогулки, на которую отправились, несмотря на туманъ и сырость, сейчасъ же послѣ водъ—Катя пьетъ воды, чтобы похудѣть, а я—ради скуки и компаніи — и спускаемся лѣсомъ, съ горы по дорожкѣ, на которой, кромѣ насъ, не было ни души. Вдругъ, слышимъ, какъ будто кто догоняетъ насъ, да такъ поспѣшно, что камешки намъ сзади подъ ноги сверху летятъ. Оглядываемся—онъ, мой интересный русскій. Онъ догналъ насъ, перегналъ и сразу замедлилъ шагъ. Тогда мы пошли быстрѣе и скоро поровнялись съ нимъ. „Вотъ когда,—думаю,—настала, наконецъ, минута знакомства“—ничуть не бывало!

Мы шли втроемъ, почти рядомъ, довольно долго, въ полнѣйшемъ безмолвіи, пока не дошли до перваго перекрестка. Здѣсь Катя пріостановилась въ притворной нерѣшительности и спросила нашего случайнаго спутника, по-французски, какая изъ двухъ дорожекъ ведетъ въ городъ. Въ отвѣтъ, слегка приподнявъ съ головы свою мягкую сѣрую фѣтровую шляпу, онъ указалъ Катѣ рукою направо, а самъ свернулъ налѣво.

Чортъ знаетъ что̀ такое!

Однако Катя энергіи не теряетъ. Она намѣрена сдѣлать еще одну попытку: заговорить съ интереснымъ русскимъ по-русски. Но врядъ ли это ей удастся—барометръ поднимается.

20 іюля.

Что̀ это за игра въ тѣнь! Мы за нимъ—онъ отъ насъ. Мы отъ него—онъ за нами.

21 іюля.

Я его ненавижу!.. Черезъ него выходятъ однѣ только непріятности. Въ послѣдней изъ нихъ онъ, положимъ, невольно виноватъ, а все-же виноватъ—чего онъ по цѣлымъ часамъ торчитъ передъ нашимъ домомъ!

Подхожу я мимоходомъ къ окну и вижу, что интересный

русскій сидитъ напротивъ на скамейкѣ. Увидѣвъ меня, онъ, конечно, вообразилъ, что я сейчасъ выскочу къ нему на улицу, но ошибся. Я тутъ же рѣшила мысленно совсѣмъ не выходить, пока онъ не отойдетъ отъ нашего дома—и не вышла. Катя просила меня сходить за докторомъ, но я наотрѣзъ отказалась. Она послала Егора Ильича. Лишь только онъ показался на крыльцѣ, мой интересный русскій сорвался съ мѣста, какъ вспуганный заяцъ, и—давай Богъ ноги! Я этого не видѣла, потому что дала себѣ слово не подходить къ окну, но попросила Катю посмотрѣть. Теперь ясно, что онъ боится Егора Ильича, и этимъ объясняется его поведеніе со мною. Можетъ быть, онъ думаетъ, что Егоръ Ильичъ мнѣ не зять, а мужъ?.. фи!..

За докторомъ посылали для Бобки. Мальчикъ пожаловался, что ему больно кушать, а Катя испугалась ангины и подняла, по обыкновенію, суету: „доктора!.. скорѣе доктора"!..—Оказалось потомъ, что Бобка просто-на-просто накололъ себѣ языкъ соломинкой, пуская мыльные пузыри. И часто вѣдь она такъ безпокоится изъ-за пустяковъ и никому покоя не даетъ. Не приведи Богъ имѣть дѣтей, вообще, а одного единственнаго ребенка—въ особенности!

Однако, къ чему я все это пишу?.. съ чего я начала?.. Ахъ, да!.. Ну, вотъ, возвращается Егоръ Ильичъ отъ доктора и говоритъ, что встрѣтился у него и познакомился съ однимъ соотечественникомъ и землякомъ, нѣкоимъ Леоновымъ.

— Леоновъ?.. художникъ?—заинтересовалась Катя, услыхавъ знакомую по наслышкѣ фамилію.

— Какой тамъ еще художникъ!—недовольно скривился тотъ, точно она своимъ вопросомъ ему на мозоль наступила.—Леоновъ—человѣкъ солидный, помѣщикъ, мой землякъ. У него имѣніе въ нашей губерніи, только въ другомъ уѣздѣ. Онъ и нашего Андрюшу знаетъ, въ одномъ университетѣ вмѣстѣ были, хотя и на разныхъ курсахъ и факультетахъ, а все-же товарищи. И потомъ они встрѣчались въ Кіевѣ, на контрактахъ. Леоновъ этотъ нигдѣ не служитъ, а хозяйничаетъ, такъ же, какъ и я. Онъ такой здоровый человѣкъ на видъ, крѣпкій сложеніемъ, а говоритъ, что боленъ—блуждающая почка. Завтра онъ будетъ у меня,—познакомитесь.

— Интересное знакомство, нечего сказать!—вырвалось у у меня:—какой-то деревенскій медвѣдь съ блуждающею почкой!..

Егоръ Ильичъ окрысился на меня.

— Для васъ знакомство съ Леоновымъ, конечно, не интересно: онъ пріѣхалъ сюда лечиться, а не жениться.

— Я жениховъ не ищу...

— Нашли уже?—перебилъ онъ меня съ ехидною улыбкою.

— Это мое дѣло,—отвѣтила я рѣзко.

— Нѣтъ-ссъ,—прошипѣлъ онъ змѣей, обрадовавшись случаю брызнуть на меня излишкомъ своей ядовитой желчи:—нѣтъ-ссъ, не ваше, а наше общее, семейное дѣло.

Намекъ былъ ясный, но я предпочла его не понять, и произнесла съ притворнымъ недоумѣніемъ:

— Семейное?!. развѣ потому только, что ваша жена—моя сестра?..

— Нѣтъ, не только поэтому, а еще и потому, что Андрюша—мой братъ.

Приходъ доктора во-время прекратилъ нашъ родственный разговоръ, грозившій окончиться семейною сценой. Докторъ вошелъ въ одну изъ дверей нашей гостиной, а я выскочила въ другую, съ трескомъ захлопнувъ ее за собою, разсчитывая хоть этимъ досадить Егору Ильичу, у котораго отъ всякаго неожиданнаго шума дѣлается нѣчто въ родѣ родимчика.

Я его никогда не любила, а сегодня просто ненавижу. Сегодня я всѣхъ ненавижу: и Егора Ильича, и интереснаго русскаго, и этого Леонова,—Леонова больше всѣхъ!

22 іюля.

Что за чудный букетъ!.. свѣжій, душистый, весь изъ однѣхъ бѣлыхъ махровыхъ гвоздикъ. Кромѣ интереснаго русскаго, рѣшительно некому было мнѣ его прислать. Но какимъ образомъ онъ могъ догадаться, что сегодня мои именины?.. По курлисту онъ не могъ узнать, что меня зовутъ Маріей. Въ немъ мы записаны такъ: „Herr Ochotin, mit Gemahlin, Sohn und Schwägerin Fräulein Narsky".—Вѣроятнѣе всего, что онъ услыхалъ мое имя случайно отъ Кати. У нея прескверная деревенская привычка громко говорить на улицѣ и постоянно окликать меня: „Мэри!.. Мэри"!..

Больше, кажется, ничего сегодня не случилось. Былъ, правда, Леоновъ съ визитомъ, но никого дома не засталъ. Онъ оставилъ одну карточку: „Юрій Васильевичъ Леоновъ". Какое еще хорошее имя, Юрій—скажите, пожалуйста!

23 іюля.

Гдѣ скрывается мой интересный русскій?.. и водъ сегодня не пилъ, и къ завтраку не пришелъ подъ каштаны, и не показывался на скамейкѣ передъ нашимъ домомъ! Неужели онъ уѣхалъ?.. Этотъ вчерашній букетъ, быть можетъ, присланъ былъ мнѣ не на именины, а на прощанье...

. . . . . .

Вѣроятно онъ уѣхалъ,—нигдѣ его не видно. Нарочно заходила заглянуть, какъ будто кого-нибудь ищу, въ ресторанъ, гдѣ онъ ежедневно обѣдаетъ, всегда въ одинъ и тотъ же часъ и за однимъ и тѣмъ же столикомъ, у самаго входа—но на этотъ разъ его мѣсто было занято какимъ-то толстякомъ въ бѣломъ картузѣ и чесунчевой разлетайкѣ. Тоже, повидимому, русскій, но не *интересный.*

Затѣмъ я прошлась по Alte-Wiese. Видѣла прелестную красную шапочку въ витринѣ модистки, но интереснаго русскаго нигдѣ не встрѣтила.

Сейчасъ Охотины собираются ѣхать въ Гансъ-Гейлингъ. Я съ ними туда не поѣду,—что̀ я тамъ потеряла!.. Положимъ, что, и сидя дома, я ничего не найду... Не поѣхать ли?.. скучно!.. Опять та же дорога, тѣ же горы, обросшія сосновымъ лѣсомъ, которыя я и изъ своего окна вижу, когда хочу. Наконецъ, я тамъ уже была и видѣла оригинальную группу скалъ на берегу рѣки Эгера, на которую туда ѣздятъ смотрѣть. Эти скалы имѣютъ свою если не исторію, то сказочку. Состоитъ она въ томъ, что въ тѣ далекія времена, когда въ Эгерѣ водились еще нимфы, одна изъ нихъ влюбилась въ пастушка Ганса, который, въ свою очередь, влюбился въ пастушку и собрался жениться на ней. Въ день свадьбы, когда женихъ съ невѣстой, въ сопровожденіи родственниковъ и гостей, шли берегомъ рѣки въ церковь вѣнчаться, ревнивая и мстительная нимфа обратила всю свадебную процессію въ груду камней.

. . . . . .

Охотины раздумали ѣхать въ Гансъ-Гейлингъ. Егоръ Ильичъ вспомнилъ, что, возвращаясь оттуда, придется ѣхать въ лодкѣ по Эгеру, и испугался—не нимфы, а простуды.

Они рѣшили ѣхать къ „Тремъ дубамъ", подъ которыми какой-то Кёрнеръ писалъ какіе-то стихи. Но я и туда съ ними не поѣду. Я этого Кёрнера не знаю, стиховъ его не читала, и потому мнѣ болѣе чѣмъ безразлично, гдѣ онъ ихъ писалъ.

Лучше я пойду гулять... Но куда?.. Никуда идти не хочется, и дома не сидится... Не пройти ли мнѣ разокъ-другой по Alte-Wiese?.. Какъ знать, можетъ быть, увижу интереснаго русскаго... Во всякомъ случаѣ посмотрю на красную шапочку.

24 іюля.

Уѣхалъ, навѣрное...

Ну, и скатертью дорога! Въ сущности, на что̀ онъ мнѣ?!. Не влюблена же я въ него... Влюблена—и сама не знаю въ

кого! Нѣтъ, это было бы ужъ черезчуръ смѣшно!.. Смѣшно — а мнѣ плакать хочется...

. . . . . .

25 іюля.

Онъ только уѣзжалъ, и вернулся. Уѣхалъ одинъ, а вернулся съ какой-то дамой,—съ женой, вѣроятно. Я встрѣтила ихъ вдвоемъ, когда они ѣхали съ вокзала въ коляскѣ, наполненной сакъ-вояжами, картонками и всевозможными узелками.

Молодая она или нѣтъ, красивая ли—не знаю, не успѣла разглядѣть ея лица сквозь густой зеленый газовый вуаль, но шляпу замѣтила—старомодная.

26 іюля.

Несомнѣнно они мужъ и жена: гуляютъ подъ руку и на „ты" между собою. Я слышала, столкнувшись съ ними у входа въ цвѣточную лавку, какъ онъ ей сказалъ: „Посмотри!"—и она съ любопытствомъ и какъ будто даже съ нѣкоторымъ испугомъ посмотрѣла на меня. Интересно было бы знать, что онъ говорилъ своей женѣ обо мнѣ. Ужъ не хотѣлъ ли онъ возбудить ея ревность?.. О моей гвоздикѣ навѣрное ей разсказалъ, а о своихъ, небось, умолчалъ конечно...

Никогда не прощу себѣ, что не выбросила ему его букета изъ окна, а теперь уже поздно—цвѣты завяли.

27 іюля.

Онъ хочетъ, кажется, возбудить и мою ревность. У источника онъ разыгрывалъ роль нѣжнаго супруга: заботливо куталъ жену въ сѣрый вязанный платокъ, несомнѣнно ея собственнаго издѣлія, шепталъ ей что-то на ухо всякій разъ, какъ я проходила мимо, и, наконецъ, приподнесъ ей великолѣпную вѣтку пунсовыхъ розъ. Какая глупая комедія! Страшно хотѣлось бы мнѣ ему отмстить тѣмъ же!.. Я бы ему показала, какъ я умѣю кокетничать!.. Но съ кѣмъ?.. съ кѣмъ!?.. Не съ Леоновымъ же... А хотя бы и съ нимъ—à la guerre, comme à la guerre!..

28 іюля.

Завтра—le grand jour: аттака на Леонова.

Егоръ Ильичъ, разсчитывая сдѣлать мнѣ непріятность, пригласилъ Леонова на завтрашній концертъ въ „Шенбруннѣ", гдѣ у насъ, по средамъ, заказанъ отдѣльный столъ на верандѣ, вблизи оркестра. Когда Егоръ Ильичъ сообщилъ мнѣ эту новость коварнымъ тономъ, я поспѣшила скорчить недовольную гримасу, чтобы скрыть улыбку торжества. Пусть думаетъ, что я не хочу

знакомиться съ его новымъ знакомымъ, иначе онъ непремѣнно выкинетъ какую-нибудь злую шутку; вѣдь я отлично знаю, съ кѣмъ имѣю дѣло!

Этотъ Леоновъ у меня изъ головы не выходитъ, сидитъ въ мозгу какимъ-то точно кошмаромъ.

Сегодня я встрѣтила того русскаго толстяка въ бѣломъ картузѣ и чесунчовой разлетайкѣ, напоминающаго медвѣдя въ человѣческомъ образѣ,—и въ ужасѣ отскочила отъ него, подумавъ: „это онъ!"—А передъ тѣмъ, ночью, я видѣла Леонова въ образѣ медвѣдя, который гонялся за мною. Во снѣ я его невыразимо боялась, боюсь и теперь немного... Что̀ если онъ и на самомъ дѣлѣ окажется тѣмъ русскимъ толстякомъ!.. бррръ!.. страшно!.. вѣдь мнѣ придется съ нимъ кокетничать...

Положимъ, что моя... какъ ее назвать?.. моя законная соперница, что-ли? — тоже не отличается ни красотою, ни изяществомъ,—довольно ужъ того, что она носитъ накрахмаленныя юбки и бѣлые чулки подъ открытые башмаки,—но все-таки она хоть на женщину похожа, а Леоновъ — похожъ ли онъ на мужчину???..

29 іюля.

Нѣтъ, положительно, такія вещи случаются только въ нѣмецкихъ романахъ и со мною!

Чтобы какой-то Леоновъ, знакомый и землякъ Егора Ильича, какой-то деревенскій медвѣдь съ блуждающею почкой, оказался вдругъ нашимъ извѣстнымъ художникомъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, моимъ интереснымъ русскимъ—ну, развѣ это натурально?!.

Не могу до сихъ поръ придти въ себя отъ удивленія, а тамъ, въ „Шенбруннѣ", гдѣ Леоновъ былъ мнѣ представленъ Егоромъ Ильичомъ, я до того растерялась, что на его любезную фразу: „Я давно ищу случая съ вами познакомиться"—я, по увѣренію Кати, сконфуженно пробормотала: „И я тоже..."—И Катя отличилась! Леоновъ ее спрашиваетъ, прислушиваясь къ музыкѣ: „Это Робертъ-дьяволъ?" — а она вскрикиваетъ съ живостью: „Гдѣ онъ?.. гдѣ онъ?.."

Леоновъ, повидимому, самъ былъ смущенъ нашимъ замѣшательствомъ. Впрочемъ, я совсѣмъ вѣдь его еще не знаю. Можетъ быть, онъ всегда такой молчаливый и разсѣянный.

30 іюля.

Какой онъ странный! Отчего онъ такъ покраснѣлъ, когда я его спросила, гдѣ его жена, и такъ рѣзко отвѣтилъ: „Какая жена?!"—Что̀ же тутъ обиднаго, что я приняла его сестру за жену!

И потомъ, что это за вопросъ, ни съ того, ни съ сего:

— Правда ли, Марья Сергѣевна, что вы невѣста Андрея Ильича?

Во-первыхъ, какое ему дѣло до моихъ отношеній къ Андрюшѣ, а во-вторыхъ, откуда онъ можетъ знать о существованіи этихъ отношеній? Неужели Егоръ Ильичъ уже успѣлъ насплетничать!.. Любопытно было бы узнать, что именно. Вѣроятно, сказалъ ему, что я по уши влюблена, потому что когда я отвѣтила, что не могу быть невѣстой Андрея Ильича по той простой причинѣ, что законъ воспрещаетъ двумъ братьямъ жениться на двухъ сестрахъ, то онъ произнесъ вдумчиво и многозначительно:

— Любовь сильнѣе закона.

31 іюля.

Леоновъ меня познакомилъ съ своей сестрой. Она пріѣхала сюда всего на нѣсколько дней изъ Франценсбада, гдѣ лечилась отъ малокровія, и отсюда ѣдетъ прямо въ Россію, въ деревню брата, въ которой живетъ круглый годъ почти безвыѣздно. Ее зовутъ Людмилой Васильевной. Она еще дѣвушка, но уже далеко не молодая. Ей должно быть лѣтъ тридцать съ хвостикомъ, хотя она мнѣ сказала, что ея братъ значительно старше ея, а ему ни въ какомъ случаѣ не больше сорока,—и того, я думаю, нѣтъ.

Людмила Васильевна, если къ ней присмотрѣться, похожа на своего брата. Тѣ же черты, но гораздо грубѣе, и тѣ же глаза, большіе, свѣтло-каріе, но только выраженіе совсѣмъ другое. Странное выраженіе у нея глазъ: какъ будто она когда-нибудь чего-то испугалась и до сихъ поръ все еще чего-то боится.

Несмотря на несомнѣнное сходство съ братомъ, Людмила Васильевна совсѣмъ не интересна. Много, правда, значитъ, что она совершенно не заботится о своей наружности: корсета не носитъ, волосъ не завиваетъ, лица не пудритъ и даже зубовъ не пломбируетъ. И зубы у нея такіе же, какъ у брата, мелкіе и неровные, но у него они здоровые и бѣлые, а у нея уже нѣсколько попорченные.

Леоновъ любитъ сестру любовью *исключительной*. Я это узнала при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Гуляя по парку, я дошла до лужайки передъ кафѐ „Постгофъ". Это—самое открытое мѣсто въ карлсбадскомъ ущельѣ. Здѣсь горы не такъ тѣснятъ, больше простора, воздуха. Я собиралась посидѣть на лужайкѣ и поглазѣть на проѣзжающіе мимо цѣлою вереницей экипажи и омнибусы, но перемѣнила намѣреніе, завидѣвъ Леоновыхъ. Я узнала ихъ издали, его—по сѣрому ко-

стюму и сѣрой войлочной шляпѣ, ее—по черному платью и зеленому вуалю.

Они сидѣли въ дощатомъ шалашикѣ садовника, у входа въ его цвѣтникъ, имѣющій скорѣе видъ огорода: цвѣты въ немъ, преимущественно резеда и душистый горошекъ—разсажены не на газонахъ и не замысловатыми клумбами подъ извѣстный узоръ, а прямо на землѣ, правильными грядками.

Я тоже вошла въ шалашикъ.

Леоновъ, съ привѣтливою улыбкою, поднялся ко мнѣ на встрѣчу и уступилъ мнѣ свой стулъ, самъ же присѣлъ на низкій деревянный карнизъ, предварительно смахнувъ съ него, небрежнымъ движеніемъ руки, цѣлый снопъ золотистой и крупной, какъ наливные колосья, резеды на земляной полъ. Старикъ-садовникъ укоризненно покачалъ лысою головою, но не высказалъ своего неудовольствія. Молча затянувшись ѣдкимъ дымомъ изъ своей коротенькой фарфоровой трубки и отхлебнувъ глотокъ пива изъ своей огромной глиняной кружки, онъ принялся медленно и аккуратно подбирать резеду съ земли, цвѣтокъ по цвѣтку, составляя изъ нея букетъ по заказу Леоновыхъ.

И я заказала себѣ букетъ, но изъ душистаго горошка.

Пока садовникъ занимался своею кропотливою работой, наводившей тоску на мои нервы, Людмила Васильевна, вѣроятно съ любезною цѣлью насъ занять и развлечь, принялась намъ разсказывать монотоннымъ голосомъ о своихъ занятіяхъ въ деревнѣ: какъ она садитъ капусту и солитъ огурцы, чѣмъ лечитъ мужиковъ и мужичекъ, и чему обучаетъ ихъ ребятишекъ.

Мы безмолвно слушали ее. Леоновъ—внимательно и съ интересомъ, я же—разсѣянно, едва удерживаясь отъ зѣвоты.

Подъ конецъ я таки не выдержала, и зѣвнула во всеуслышаніе, во весь мой большой ротъ.

Леоновы одновременно глянули на меня. Она—съ недоумѣлымъ удивленіемъ, а онъ—насмѣшливо.

Я сконфузилась, и на послѣдовавшій вслѣдъ за насмѣшливымъ взглядомъ ироническій вопросъ Леонова: „Вы любите деревню?“—пробормотала, путаясь въ словахъ:

— О, нѣтъ... то-есть, да... отчего же... кажется мнѣ, что люблю... не знаю...

Онъ перебилъ меня съ снисходительною улыбкою:

— Тамъ, гдѣ есть сомнѣніе, тамъ нѣтъ любви.

Тутъ сразу разговоръ принялъ другой оборотъ, болѣе интересный.

— А вы, Юрій Васильевичъ, всегда увѣрены, что любите,

когда любите?—бойко спросила я, оправившись отъ своего легкаго замѣшательства.

— Всегда!—отвѣтилъ онъ безъ запинки.

— Что же вы любите, напримѣръ?

— Все прекрасное: музыку, искусство, природу...

— А я ничего не люблю!—вырвалось у меня невольно, но искренно.

— И никого?—торопливо вставилъ онъ.

Я замедлила отвѣтомъ и, послѣ нѣкотораго колебанія, предпочла его замѣнить вопросомъ же:

— А вы?

— Я?..—Леоновъ немного задумался.—Я люблю сестру.

— И никого больше?

Нѣсколько секундъ онъ смотрѣлъ на меня въ упоръ, какъ бы стараясь угадать скрытый смыслъ въ моихъ необдуманныхъ словахъ.

— Никого, — рѣшился онъ вдругъ проговорить твердо и громко; затѣмъ, понизивъ голосъ, онъ прибавилъ вѣско и значительно:—пока...

Чтобы скрыть внезапно овладѣвшее мною безотчетное смущеніе, я спросила съ дѣланною игривостью:

— И никого никогда не любили?

Настала и для Леонова очередь смутиться. Темная тѣнь промелькнула въ его глазахъ, которые онъ быстро и низко потупилъ, неохотно процѣдивъ сквозь сжатые зубы:

— Не знаю...

По его тону, а главное, по ужасу, выразившемуся на всегда испуганномъ лицѣ Людмилы Васильевны, я поняла, что сказала какую-то безтактность, и поспѣшила ее загладить, обративъ отвѣтъ Леонова въ шутку.

Принудивъ себя засмѣяться, я повторила его же слова:

— Тамъ, гдѣ есть сомнѣніе, тамъ нѣтъ любви.

Онъ тоже принужденно засмѣялся и круто перемѣнилъ разговоръ—заговорилъ о погодѣ.

1 августа.

Послѣ обѣда мы отправились цѣлой компаніей пить чай въ „Кайзеръ-паркъ". Это—самое отдаленное, но самое симпатичное кафе въ паркѣ. Оно помѣщается въ прехорошенькомъ деревянномъ шалэ, съ длинною террасой. Передъ нимъ пестрымъ ковромъ разстилается душистый цвѣтникъ, а сзади протекаетъ Тёпль, который здѣсь становится нѣсколько похожимъ на рѣчку, не широкую и не глубокую, но быструю и весело журчащую.

Мы расположились у самой воды, рядомъ съ какимъ-то „тропическимъ“ семействомъ, состоящимъ изъ чрезвычайно смуглыхъ папаши и мамаши и ихъ черномазенькаго ребенка, сосавшаго грудь кормилицы-негритянки.

Напившись чаю, Егоръ Ильичъ съ женой и Людмилой Васильевной устроили партію въ домино.

Леоновъ, сидѣвшій поодаль отъ меня, на противоположномъ концѣ стола, сперва довольно долго развлекался бесѣдой съ смазливенькою „мэдхенъ“; когда же она, стыдливо закрывши лицо фартукомъ, убѣжала отъ него, только фыркнувъ въ отвѣтъ на предложенный имъ вопросъ: какое у негритянки-кормилицы молоко, черное или бѣлое?—онъ молча занялся кормленіемъ воробьевъ, бросая на землю кусочки бѣлаго хлѣба, которые тѣ жадно подхватывали, яростно вырывая ихъ другъ у друга.

Я ничего не дѣлала, ни съ кѣмъ не говорила и скучала.

Настало время уходить. Катя предложила вернуться обратно въ городъ горами, на что Егоръ Ильичъ сердито проворчалъ въ бороду:

— Вѣчно нелѣпыя фантазіи! Мнѣ и на лѣстницу вредно подниматься, а я на горы полѣзу!..

Людмила Васильевна присоединилась къ нему, сказавъ:

— И я вамъ, Екатерина Сергѣевна, не спутница, я карабкаться на горы не научилась еще.

— Вотъ и отлично!—рѣшила Катя:—вы пойдете съ моимъ благовѣрнымъ прямой дорогой, а мы съ вашимъ братомъ—кружнымъ путемъ. Согласны?—обратилась она къ Леонову.

— Юрій!—остановила его сестра, съ тревогой въ голосѣ:—ты забываешь о своемъ больномъ сердцѣ...—она еще что-то хотѣла добавить, но Леоновъ такъ краснорѣчиво пожалъ плечами, что она робко примолкла.

Кончилось тѣмъ, что Егоръ Ильичъ съ Людмилой Васильевной отправились домой паркомъ, а мы, втроемъ, горами.

Сначала мы шли по широкой дорожкѣ, вившейся на полугорѣ надъ отвѣснымъ почти обрывомъ, заросшимъ мелкимъ кустарникомъ. Если заглянуть внизъ, гдѣ змѣиными извивами протекаетъ рѣчонка, перескакивая черезъ громадные камни, запружающіе ея дно миніатюрными порогами, то, чего добраго, и въ самомъ дѣлѣ голова закружится,—вѣдь не даромъ же эта дорожка называется Schwindel-Weg.

Вскорѣ мы свернули направо, въ гору, и принялись карабкаться по узкой тропинкѣ, проложенной дровосѣками въ чащѣ лѣса.

Катя, понемногу, начала отъ насъ отставать. То ей какой-то необыкновенный грибъ почудился, то она набрела на земляничный цвѣтъ и принялась искать ягоды;—кончилось тѣмъ, что она отъ насъ совсѣмъ отстала и куда-то скрылась изъ виду за зарослями орѣшника и шиповника.

— Катя!.. Ка-а-тя! — окликнула я ее, но мнѣ отвѣтило только эхо въ лѣсу, повторивъ за мною глухо и протяжно: „Ка-а-тя".

— Надо подождать сестру,—нерѣшительно остановилась я.

— Поднимемся, еще немного выше, — предложилъ Леоновъ:— можетъ быть, попадется какая-нибудь скамейка, или хоть пень, на которомъ можно будетъ отдохнуть.

Но такъ какъ я не трогалась съ мѣста, то онъ прибавилъ съ задоромъ въ голосѣ и глазахъ:

— Вы, кажется, боитесь оставаться со мною вдвоемъ?

— Кого же я могу бояться съ вами? — неувѣренно спросила я, на что онъ отвѣтилъ, не задумываясь:

— Со мною—только меня.

Мнѣ захотѣлось его срѣзать за такую неумѣстную шутку.

— Вы черезчуръ самонадѣянны, Юрій Васильевичъ, воображая себя такимъ опаснымъ.

Онъ перебилъ меня:

— А ну-ка, докажите, что вы меня не боитесь!

Я молча повернулась и скорымъ шагомъ пошла впередъ, какъ будто не разслышавъ, раздавшагося за мною поддразнивающаго возгласа Леонова:

— Однако, какая вы храбрая!

Скамейки не попадалось. Между тѣмъ, и я была бы не прочь отдохнуть отъ быстрой ходьбы въ гору. Увидѣвъ, поодаль отъ тропинки, огромный пень, окруженный, точно искусственною бесѣдкою, кустами рябины, унизанными, какъ будто коралловыми кистями, красными гроздьями,—я направилась къ нему.

Вскарабкавшись кое-какъ на высокій пень, я довольно удобно усѣлась на немъ, упираяясь ногами въ стволъ срубленной и тутъ же валявшейся сосны.

Подошелъ Леоновъ и утомленно опустился на землю.

— Устали?—спросила я его.

— Немного... но сердце сильно бьется.

Въ лѣсу было совершенно тихо и глухо: ни шелеста листьевъ, ни шороха, ни жужжанія насѣкомыхъ, ни пѣнія птицъ. Все далеко вокругъ, казалось, блаженно задремало, сладострастно нѣжась въ послѣднихъ лучахъ знойнаго и яркаго заката.

Верхушки деревьевъ постепенно темнѣли, утопая въ сгущавшихся уже тѣняхъ. Розоватый свѣтъ, съ трудомъ пробиваясь сквозь густую, мѣстами сплошную зелень развѣсистыхъ елей и сосенъ, скользилъ по ихъ стройнымъ и мощнымъ стволамъ, поджигая гладкую кору багровыми отблесками и разсыпаясь золотымъ фонтаномъ солнечныхъ пятенъ по землѣ, точно навощенной хвойными иглами.

Леоновъ лежалъ у моихъ ногъ, не шевелясь, съ закинутыми подъ голову руками и съ плотно-закрытыми глазами.

Я чувствовала себя какъ-то странно въ этой ничѣмъ не нарушимой тишинѣ. Мнѣ было какъ-то особенно хорошо и вмѣстѣ съ тѣмъ немного жутко. Не знаю, какъ это выразить... Можетъ быть, потому-то такъ и хорошо, что немного жутко...

Подулъ еле-еле чувствительный вѣтерокъ.

Рой мошекъ, повисшій темнымъ, но легкимъ какъ дымъ столбомъ въ неподвижномъ воздухѣ, едва замѣтно заколыхался. Еще сильнѣе повѣяло липкимъ, приторнымъ запахомъ смолы. Солнечныя пятна встрепенулись, заколебались и начали кружиться, перескакивая съ мѣста на мѣсто, то сливаясь между собою, то снова разбѣгаясь въ разныя стороны, то тускнѣя, то опять вспыхивая искристою рябью на блестящей и гладкой, какъ вода, землѣ.

Но ни одно дерево не дрогнуло ни одной вѣточкой. Только одинокая, тонкостволая березка оживилась, засіявъ серебристыми листьями.

Леоновъ вздохнулъ глубоко и протяжно, полною грудью, и, лѣниво потянувшись всѣмъ тѣломъ, поднялся на ноги.

— Отдохнули?

— Совершенно,—отвѣтилъ онъ мнѣ бодро и весело.—Я готовъ хоть сейчасъ подняться вдвоемъ съ вами если и не до облаковъ, то по крайней мѣрѣ на „Небо-на-землѣ“, какъ прозвали нѣмцы одну изъ верхушекъ здѣшнихъ горъ. Но врядъ ли, Марья Сергѣевна, у васъ хватитъ риску, несмотря на всю вашу храбрость, на такой отважный подвигъ.

Смѣло посмотрѣвъ ему въ лицо, я отвѣтила серьезно:

— Тутъ уже будетъ рискъ не для меня, Юрій Васильевичъ, а для васъ: у меня сердце здоровое,—его трудно заставить забиться.

— Даже и Андрею Ильичу?—спросилъ онъ съ пытливымъ взоромъ.

Такой неожиданный вопросъ застигъ меня врасплохъ. Я опустила глаза и молчала.

Леоновъ постоялъ съ минуту передо мною и, не дождавшись отвѣта, снова опустился къ моимъ ногамъ; онъ сѣлъ на стволъ срубленной сосны и, отломавъ отъ него тонкій сучокъ, принялся выводить имъ какіе-то непонятные знаки по воздуху, причемъ онъ нѣсколько разъ загадочно взглядывалъ на меня снизу вверхъ.

Утомившись моею непонятливостью, онъ пересталъ чертить свои таинственные знаки сучкомъ по воздуху, но продолжалъ молчать упорно и изрѣдка вопросительно смотрѣть на меня.

Такъ просидѣли мы довольно долго въ безмолвіи и тишинѣ.

Мнѣ становилось неловко. Отъ нечего дѣлать, я машинально сорвала съ куста кисточку рябины и начала ее ощипывать.

Леоновъ сначала разсѣяннымъ взглядомъ слѣдилъ за круглыми красными зернышками, безшумно падавшими изъ моихъ рукъ къ его ногамъ, затѣмъ онъ принялся ихъ раздвигать, все тѣмъ же сучкомъ, и старательно укладывать въ извѣстномъ лишь ему порядкѣ. Мало-по-малу, на буромъ фонѣ земли, сталъ ясно обозначаться алыми пятнышками, точно крупными каплями крови, большой вопросительный знакъ.

Приходъ Кати помѣшалъ Леонову поставить точку подъ его нѣмымъ вопросомъ.

— Наконецъ-то!—накинулась я на сестру.—Это просто ни на что не похоже!.. Заставить насъ себя ждать битый часъ!..

— Мерси!—произнесла она гримасливо, дѣлая мнѣ церемонный реверансъ на манеръ институтки.—Мнѣ очень лестно, что въ моемъ отсутствіи тебѣ показались цѣлымъ часомъ тѣ минуты, которыя мнѣ понадобились, чтобы выкурить парочку папиросочекъ.

— Вы курите?—спросилъ Леоновъ съ брезгливымъ удивленіемъ.

— Тссъ!—таинственно прижала Катя палецъ къ шаловливо улыбающимся губамъ.—Это секретъ. Мой seigneur et maître запрещаетъ мнѣ курить подъ страхомъ... развода.

— И хорошо дѣлаетъ вашъ мужъ; я тоже не позволилъ бы своей женѣ курить.

— Это отчего?

— Во-первыхъ, такъ какъ я самъ никогда папиросы въ ротъ не бралъ, то у меня отъ дыма голова кружится, а во-вторыхъ, или потому, вѣрнѣе, мнѣ было бы крайне противно поцѣловать женщину въ губы, пропитанные табачнымъ запахомъ.

— Ахъ, какое разочарованіе!—шумно вздохнула Катя.

— Разочарованіе?.. для кого?..

Она не сразу ему отвѣтила. Сперва исподлобья покосилась

на меня, потомъ лукаво подмигнула смѣющимися глазами Леонову и, наконецъ, жалобно пропищала дурачливымъ тономъ опереточной ingénue, скорчивъ плаксивую гримасу и тыкая себя въ грудь:

— Пуръ муа, мосіе.

Если Леоновъ не догадался въ эту минуту, что и я курю, то онъ крайне недогадливъ.

2 августа.

Тоска! Съ утра льетъ дождь; кажется, онъ никогда не перестанетъ лить. Небо темное—ни просвѣта. Хотя бы скорѣе уѣхать изъ Карлсбада!.. Такъ сейчасъ!—Егоръ Ильичъ, на зло мнѣ, будетъ здѣсь торчать если не до скончанія вѣка, то ужъ навѣрное до самаго конца сезона.

Какъ я завидую Леоновымъ, что они отсюда уѣзжаютъ уже. Людмила Васильевна ѣдетъ завтра, прямо къ себѣ въ деревню. А Юрій Васильевичъ послѣ-завтра, кажется; куда—неизвѣстно. Странно, что онъ вчера не обмолвился ни единымъ словомъ о своемъ близкомъ отъѣздѣ. Впрочемъ, онъ такъ мало со мною говорилъ.

Сегодня я его не видѣла. Онъ нездоровъ: у него былъ припадокъ удушья. Всѣ эти новости я узнала отъ Кати, заходившей къ Людмилѣ Васильевнѣ отдать ей визитъ.

Мнѣ было досадно узнать неожиданную вѣсть о скоромъ отъѣздѣ Леонова, а главное досадно, что Катя это замѣтила и вздумала меня утѣшать:

— Можетъ быть, такъ и лучше. Леоновъ—такой красавецъ, умница, ты бы имъ, пожалуй, увлеклась, такъ же, какъ и Андрюшей. Тотъ не можетъ на тебѣ жениться, а этотъ не захочетъ. Судя по нѣкоторымъ намекамъ его сестры, онъ никогда ни на комъ не женится.

Я разсердилась и, что̀ называется, сорвала сердце на сестрѣ:

— И я никогда и ни за кого замужъ не выйду, ни за твоего Леонова, ни за вашего Андрюшу! Это только ты въ каждомъ холостомъ мужчинѣ видишь жениха для меня. Это, наконецъ, выходитъ и глупо, и пошло!

Катя не осталась у меня въ долгу.

— Оставайся старою дѣвкой, или выходи хоть за чорта съ рогами—мнѣ безразлично. Только и самъ чортъ убѣжитъ изъ супружескаго рая съ такимъ ангеломъ, какъ ты, оставивъ тебѣ свои рожки на память, взамѣнъ твоихъ дѣвственныхъ крылышекъ.

— И это глупо и пошло,—повторила я.

Словомъ, наговоривъ другъ другу дерзостей, мы кончили тѣмъ, что обѣ расплакались. Наши слезы насъ помирили. Мы

поцѣловались, но, немного погодя, чуть-было опять не сцѣпились. Катѣ снова вздумалось меня утѣшать, на этотъ разъ тѣмъ, что Леоновъ несомнѣнно уже влюбленъ... въ другую.

3 августа.

Небо прояснилось, дождь пересталъ. Леоновъ здоровъ, выходитъ.

Сегодня я его встрѣтила, говорила съ нимъ. Онъ мнѣ, между прочимъ, сообщилъ, что Людмила Васильевна уѣхала съ утреннимъ поѣздомъ.

— А вы завтра уѣзжаете?—полюбопытствовала я.

Мой вопросъ почему-то не понравился Леонову; онъ подозрительно посмотрѣлъ на меня и возразилъ съ раздраженіемъ:

— Отчего же завтра, а не сегодня?—и почти сейчасъ же вслѣдъ за этимъ спрашиваетъ меня вдругъ:

— А когда мы съ вами къ „Небу-на-землѣ" поднимемся?

— Никогда,—отвѣтила я коротко.

— Боитесь встрѣчи съ княгиней Марьей Алексѣвной?

— Съ какой княгиней?—сразу не сообразила я.

— Это одна моя старая знакомая, съ которою меня одинъ мой старый знакомый, нѣкто Грибоѣдовъ, познакомилъ. Но я вижу, что вамъ встрѣчи съ нею нечего опасаться; не подозрѣвая о ея существованіи, вы ее не узнаете.

Онъ говорилъ снисходительнымъ тономъ добродушнаго учителя, вышучивающаго глупенькую школьницу, не знающую урока. Меня этотъ тонъ задѣлъ за живое, и я отвѣтила хвастливо:

— Вы ошибаетесь, Юрій Васильевичъ, составляя себѣ такое высокое мнѣніе о моемъ невѣжествѣ по части отечественной литературы. Я встрѣчалась съ вашей княгиней еще въ пятомъ классѣ гимназіи, но и тогда она меня уже не пугала тѣмъ, „что̀ станетъ говорить", а теперь и подавно не испугаетъ. Вообще, я не дорожу ничьимъ мнѣніемъ, кромѣ своего собственнаго.

— Браво!.. Немного исключительно, но зато самостоятельно! Только вѣдь слова безъ дѣлъ мертвы... Или вы серьезно боитесь оставаться со мною вдвоемъ за предѣлами Alte-Wiese?

— Съ вами я ничего не боюсь, кромѣ...—Я чуть было не выпалила:—кромѣ самой себя,—но во̀-время прикусила язычокъ.

— Кромѣ?—вопросительно глянулъ онъ на меня, и попытался угадать мою недосказанную мысль, но неудачно.—Кромѣ скуки, что-ли?..

— Съ вами я и скуки не боюсь...—начала-было я, но опять оборвалась на полу-фразѣ, озадаченная преувеличенно низ-

кимъ поклономъ Леонова. Понявъ же значеніе этого насмѣшливаго поклона, я поспѣшила прибавить:—Не все ли равно скучать—одной или вдвоемъ: скучать вдвоемъ, пожалуй, даже не такъ скучно.

— Вы совершенно правы,—охотно согласился онъ со мною:—скучая вдвоемъ, есть, по крайней мѣрѣ, съ кѣмъ подѣлиться впечатлѣніями, есть кому сказать: „ахъ, какъ скучно“!

Разговаривая, мы незамѣтно дошли до дому.

— Когда же мы, однако, поднимемся съ вами къ „Небу“?—снова спросилъ Леоновъ, удерживая меня за руку, протянутую на прощанье.

— Вамъ очень хочется тамъ побывать? — отвѣтила я ему вопросомъ.

— Очень.

— И непремѣнно со мною вдвоемъ?

— Непремѣнно.

Я колебалась, а онъ продолжалъ настаивать:

— Завтра утромъ, согласны?

— Но вы сегодня уѣзжаете,—напомнила я ему.

Онъ слегка нахмурился, но проговорилъ шутливо:

— Я готовъ отложить свой отъѣздъ.

— Ради „Неба“, или ради меня?

— Ни то, ни другое. Мнѣ просто хочется подразнить нашу общую съ вами знакомую: княгиню Марью Алексѣвну.

Кончилось тѣмъ, что Леоновъ достигъ-таки своей цѣли—я согласилась.

— Итакъ, до завтра!—были его послѣднія слова.

Мы встрѣтимся у часовеньки, въ лѣсу. Это тутъ недалеко. Отъ насъ стоитъ только подняться по высокой лѣстницѣ, выбитой въ скалѣ, въ которую нашъ домъ упирается заднимъ фасадомъ.

Теперь, когда свиданіе назначено, надо только найти способъ, какъ бы улизнуть изъ дома такъ, чтобы Катя ничего не заподозрила. Сказать ей правду — не хочу. Сейчасъ начнутся разспросы: „какъ?.. да куда?.. да зачѣмъ?“—терпѣть этого не могу! А что ей солгать—не придумаю. Сказать развѣ, что иду въ ванны... въ ванны—и вдругъ въ новомъ бѣломъ костюмѣ и красной шляпѣ съ перьями!.. Отъ бѣлаго костюма можно, пожалуй, отказаться, но что надѣть?.. Въ черномъ гренадиновомъ я кажусь еще блѣднѣе, еще худѣе... Синее фуляровое я сегодня надѣвала; въ сѣромъ суконномъ жарко... Суровое кружевное слишкомъ нарядно... Остается розовое батистовое, но къ нему

красной шляпы нельзя надѣть—безвкусно. А между тѣмъ она ко мнѣ удивительно какъ идетъ. Это даже и Егоръ Ильичъ сказалъ, а онъ даромъ никому не говоритъ ничего пріятнаго. Однимъ словомъ, это безспорно, что красная шляпа точно нарочно была создана для меня въ Парижѣ. Своимъ яркимъ цвѣтомъ она оживляетъ мою матовую кожу, а своею эксцентричною формой подчеркиваетъ пикантность моего неправильнаго, но незауряднаго лица. Свѣтлая блондинка съ густыми, натурально вьющимися волосами и съ большими, почти черными глазами—вѣдь это, право, оригинально!

Все это прекрасно, но что я скажу Катѣ?..

Эврика!.. Сочиню, будто иду сниматься. А потомъ можно будетъ соврать, что фотографіи не удались. Браво, Марья Сергѣевна!..

Итакъ,—до завтра.

4 августа.

Конченъ день, кончена наша прогулка.

Этой прогулки и прогулкой нельзя назвать. Мы не только не поднялись до „Неба", но и не пробовали туда подниматься.

Мы и сошлись у часовеньки, и разошлись у часовеньки.

Наше свиданіе продолжалось съ часъ, не больше, но въ этотъ часъ было много говорено и кое-что сказано. Даже не часъ, меньше, потому что мнѣ пришлось довольно долго ждать Леонова. Я успѣла выбрать уютную скамеечку подъ вѣтвистымъ дубомъ, вдоволь насмотрѣться сквозь полуденную солнечную мглу на карлсбадскія крыши и выкурить одну цѣлую папироску, а другую до половины, когда наконецъ явился Леоновъ, въ новомъ темно-синемъ костюмѣ и черной круглой шляпѣ. Онъ показался совсѣмъ не съ той стороны, откуда я его ожидала, и, такимъ образомъ, засталъ меня на мѣстѣ преступленія. Необдуманнымъ движеніемъ я смяла папиросу въ кулакѣ, причемъ крѣпко обожгла себѣ ладонь и уронила нѣсколько искръ вмѣстѣ съ пепломъ себѣ на платье, на мое новое бѣлое платье!..

Леоновъ съ испуганною поспѣшностью затушилъ огонь рукой и проговорилъ съ суровымъ укоромъ:

— Какъ вамъ не стыдно!

Мнѣ было немного стыдно, но я въ этомъ ему не созналась и отвѣтила бойко, съ напускною игривостью:

— Будто бы ужъ такъ стыдно курить?

— Не курить стыдно, а скрывать, что куришь.

— Я и не думала скрывать,—солгала я, какъ мнѣ казалось, изъ чувства собственнаго достоинства.

— Въ такомъ случаѣ, зачѣмъ же вы такъ усердно тушили вашу папиросу, съ рискомъ обжечь пальцы и испортить платье?

Что̀ мнѣ было ему отвѣчать! Не каяться же передъ нимъ? Лгать, такъ уже лгать!—рѣшила я мысленно и сказала кокетливо-заискивающимъ тономъ:

— Я не хотѣла вамъ голову кружить.

Мой неудачный каламбуръ вызвалъ на сжатыхъ губахъ Леонова невольную улыбку, но лишь на одно мгновеніе. Замѣнивъ улыбку дерзкою усмѣшкой, онъ произнесъ съ холоднымъ, жесткимъ взглядомъ:

— Въ такомъ случаѣ, мнѣ остается васъ только поблагодарить за вашу столь нѣжную, ничѣмъ незаслуженную заботу обо мнѣ и извиниться передъ вами въ напрасномъ подозрѣніи.

Съ этими словами онъ отошелъ отъ скамейки, бросивъ мнѣ черезъ плечо небрежное приглашеніе слѣдовать за нимъ:

— Пойдемте же!—повторилъ онъ нетерпѣливо.

Его повелительный тонъ разомъ поднялъ меня на ноги, но я не сдѣлала и шагу за нимъ. Мнѣ хотѣлось сказать ему что-нибудь колкое, дерзкое, обидное, но слова не сходили съ моихъ дрожавшихъ отъ досады губъ.

Должно быть, въ эту минуту у меня было очень взволнованное лицо, потому что Леоновъ, оглянувшись, спросилъ съ тревожнымъ недоумѣніемъ:

— Что̀ съ вами?

Въ одинъ мигъ онъ былъ опять подлѣ меня.

— Я, кажется, васъ обидѣлъ,—простите...

Не имѣя ни малѣйшей охоты съ нимъ объясняться, я порывисто попятилась назадъ, но онъ меня удержалъ за руку и, силою приблизивъ ее къ своимъ губамъ, поцѣловалъ въ обожженную ладонь.

— Простили?—спросилъ онъ вкрадчиво.

Черезъ минуту мы сидѣли рядомъ на скамейкѣ.

Леоновъ мнѣ молча улыбался, а я молча дулась на него.

— И вамъ не стыдно, Марья Сергѣевна, что вы же заставили меня просить у себя прощенія за то, что сперва вы хотѣли меня обмануть, а потомъ потѣшиться надо мною?

— Вы шутите?

— Нисколько. Наоборотъ, мнѣ хочется поговорить съ вами очень серьезно, но вы должны сперва мнѣ обѣщать, что на всѣ мои вопросы вы отвѣтите мнѣ совершенно искренно. Можете дать слово?—Замѣтивъ мое колебаніе, онъ добавилъ:—Вы не любите говорить правду?

— Непріятную—ни говорить, ни слушать не люблю.

— А я ложь не терплю, даже и пріятную. Пусть интересующіе меня вопросы останутся безъ отвѣта.

— Не могу ли я промолчать, если нельзя чего-нибудь сказать?—попробовала я поставить Леонову условіе въ будущемъ испытаніи моей правдивости.

— Промолчать?.. пожалуй...

— Хорошо, я даю вамъ слово,—согласилась я единственно изъ любопытства, за которое тутъ же была наказана.

— Почему вы потушили папиросу?—предложилъ мнѣ Леоновъ свой первый вопросъ.

— Потому что я не хотѣла курить при васъ.

— А при другихъ курите?

— Курю.

— Чѣмъ же я заслужилъ такое исключеніе?

— Тѣмъ, что вы сказали тогда, что...

Я осѣклась на полусловѣ. Я хотѣла сказать, что потушила папиросу потому, что онъ не переноситъ дыму, но, вспомнивъ о данномъ обѣщаніи говорить правду, я воспользовалась заранѣе выговореннымъ мною правомъ безмолвія. Не могла же я ему признаться, что не хотѣла курить при немъ послѣ того, какъ онъ объявилъ Катѣ, что ему было бы невыразимо противно поцѣловать женщину въ губы, пропитанныя табачнымъ запахомъ.

— Что я сказалъ такое?.. когда?.. позвольте...

Онъ провелъ нѣсколько разъ рукою по лбу, силясь что-то припомнить, и вдругъ громко расхохотался—припомнилъ.

Я готова была расплакаться отъ этого хохота, но овладѣла собою настолько, что даже глазъ не опустила передъ пытливымъ и вызывающимъ взглядомъ Леонова.

Онъ смотрѣлъ на меня такъ, словно спрашивалъ:

„Вѣдь я угадалъ?.. да?..“

На его безмолвный, но краснорѣчивый вопросъ я отвѣтила тоже безъ словъ, но не менѣе краснорѣчиво: я закурила папиросу.

Леоновъ пересталъ смѣяться, но продолжалъ смотрѣть на меня въ упоръ.

„А все-таки я угадалъ!“—казалось, говорили теперь его выразительные, задорно прищуренные глаза.

Сперва я пускала дымъ изо рта въ сторону, а потомъ, расхрабрившись, пустила цѣлую густую струю прямо Леонову въ лицо.

Онъ поморщился.

— Берегитесь, Марья Сергѣевна, чтобы ваша папироса не сыграла вамъ такого же неожиданнаго фокуса, какъ волшебное стеклышко въ одной сказкѣ. Если вы не знаете этой сказки, то я вамъ ее сейчасъ разскажу,—хотите?

Не дождавшись моего согласія, Леоновъ началъ свою сказку:

— „Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жили-были царь съ царицей. Все ихъ царство-государство заключалось въ маленькомъ островкѣ посреди великаго моря-океана. У царя съ царицей былъ одинъ единственный сынъ и наслѣдникъ, несказанно печалившій своихъ родителей тѣмъ, что никогда и ни за что не хотѣлъ ѣсть рыбы, составлявшей исключительную пищу всего немногочисленнаго населенія островка. Ужъ не знаю, чѣмъ царскій наслѣдникъ питался—въ сказкѣ объ этомъ умалчивается,—но рыбы онъ отъ самаго своего рожденія въ ротъ не бралъ, несмотря ни на слезныя просьбы, ни на страшныя угрозы своихъ родителей. Онъ объяснялъ свое непонятное, но непреклонное упорство непобѣдимымъ отвращеніемъ къ рыбной чешуѣ, отъ одного вида которой ему дѣлалось дурно.

„Такъ выросъ наслѣдникъ на неизвѣстной намъ пищѣ, и наступила ему, наконецъ, пора жениться. Тогда царь съ царицей рѣшили отправить своего сына-жениха въ другія царства-государства, искать себѣ невѣсту между чужеземными царевнами. Но и тутъ непокорный сынъ наотрѣзъ отказался исполнить волю своихъ родителей. Онъ имъ объявилъ, что ему незачѣмъ искать себѣ невѣсту за морями, за горами, такъ какъ онъ уже ее нашелъ на своемъ собственномъ островкѣ. Правда, не царевну, но простую рыбачку, но у которой, по его мнѣнію, золотыя кудри на головѣ съ успѣхомъ замѣняли корону, а искренно любящее сердце—приданое.

„Снова начались слезныя просьбы и страшныя угрозы, но опять безуспѣшно. Непоборимое влеченіе наслѣдника къ рыбачкѣ было столь же сильно, какъ и его отвращеніе къ рыбьей чешуѣ.

„Выплакавъ всѣ свои слезы и истощивъ всѣ свои угрозы, и все это понапрасну, царь съ царицей рѣшились обратиться за совѣтомъ къ одному магу-чародѣю. Выслушавъ двойное горе царя съ царицей о рыбѣ и рыбачкѣ, мудрый старецъ далъ имъ волшебное стеклышко—увеличительное попросту—и объявилъ, что оно совершитъ чудо: лишь только наслѣдникъ посмотритъ сквозь него на рыбачку, онъ почувствуетъ къ ней такое же отвращеніе, какъ и къ рыбѣ. Совѣтъ мага-чародѣя былъ испол-

ненъ въ точности. Чудо точно совершилось, но неожиданное, негаданное! Посмотрѣвъ на свою невѣсту-рыбачку чрезъ волшебное стеклышко и увидѣвъ на ея кожѣ что-то въ родѣ чешуи, влюбленный наслѣдникъ....."

Леоновъ пріостановился, испытывая мое любопытство. Онъ придвинулся ко мнѣ ближе и заглянулъ мнѣ въ лицо, подъ широкія, слегка опущенныя сбоку поля моей шляпы.

Наши глаза встрѣтились.

— Вы, конечно, угадываете конецъ сказки? —спросилъ онъ съ улыбкой.—Нѣтъ?.. Ну, такъ я вамъ скажу:

„Влюбленный наслѣдникъ сталъ ѣсть рыбу".

При этихъ заключительныхъ словахъ сказки, я поперхнулась дымомъ. Выронивъ папиросу изо рта, я отшвырнула ее черезъ голову въ траву.

Леоновъ, вскочивъ со скамейки, ловко перешагнулъ черезъ нее и скрылся за моей спиной. Я не оборачивалась.

Черезъ нѣсколько секундъ онъ вернулся съ моимъ горящимъ еще окуркомъ въ зубахъ и молча остановился передо мною. Сквозь облако дыма я не могла ясно различить выраженія его лица; къ тому же прямо на него взглянуть не рѣшилась,—боялась, что онъ прочтетъ въ моихъ глазахъ недоумѣлый вопросъ, такъ и оставшійся безъ отвѣта: „Что это—шутка или... признаніе"?

5 августа.

Большая непріятность: Егору Ильичу сдѣлалось дурно у источника. Теперь онъ больше ни капли воды въ ротъ не возьметъ—кончено! Онъ такъ намъ и объявилъ, и велѣлъ укладываться.

Докторъ ему совѣтуетъ отдохнуть здѣсь послѣ курса, но онъ торопится въ Вѣну, чтобы посовѣтоваться съ тамошними профессорами.

Егоръ Ильичъ назначилъ нашъ отъѣздъ на послѣ-завтра, а между тѣмъ Леоновъ отложилъ свой отъѣздъ, „по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ, на неопредѣленное время"—по крайней мѣрѣ, онъ мнѣ такъ сказалъ сегодня утромъ; послѣ того я съ нимъ не встрѣчалась.

Еще день—и прощай, милый Карлсбадъ! Мнѣ больше не хочется отсюда уѣзжать... Притвориться больной, что-ли, на „неопредѣленное время"?.. Но тогда придется сидѣть дома и, все равно, не видѣть Леонова; онъ такъ рѣдко заходитъ къ намъ... Попросить развѣ Катю притвориться больной, вмѣсто меня?.. Но врядъ ли она согласится на такую жертву, ради моего

„безцѣльнаго флирта“—какъ она выражается,—и потомъ Егоръ Ильичъ не постѣснится потащить за собою жену и больную, лишь бы самому поскорѣе выздоровѣть. Черствый, закоренѣлый эгоистъ!

Нечего дѣлать, придется ѣхать...

Хотя бы Бобка прихворнулъ,—не серьезно, Боже упаси!—а такъ, легкая ангина, самая легонькая ангиночка... У него онѣ такъ часто бываютъ, одною больше будетъ—вотъ и все!.. Но не будетъ!.. У меня никогда и ни въ чемъ нѣтъ удачи. Сегодня, напримѣръ,—ну, къ чему эта гроза? Только иллюминаціи помѣшала, которая отложена на завтра. Впрочемъ, чортъ съ нею!.. Дѣло тутъ не въ иллюминаціи, а въ грозѣ. Не разразилась же она ни раньше, ни послѣ, а какъ-разъ передъ симфоническимъ концертомъ въ „Постгофѣ“. Егоръ Ильичъ на концертъ не пошелъ, побоялся дождя, и Катю отъ себя не отпустилъ. Я тоже осталась съ ними дома, подъ тѣмъ предлогомъ, что жаль мочить новыя парижскія ботинки, а старыя я наканунѣ въ починку отдала. По правдѣ же сказать, я не пошла въ „Постгофъ“ по двумъ причинамъ: во-первыхъ, я не могла придумать, чѣмъ объяснить Леонову мой приходъ на концертъ, несмотря на громъ и молніи,—которыхъ я ужасно боюсь, кстати,—не моей же страстью къ классической музыкѣ, послѣ того какъ я, не далѣе какъ сегодня, ему призналась, что отличаю Вагнера отъ Бетховена только потому, что одинъ меня оглушаетъ, а другой—усыпляетъ; а во-вторыхъ, я побоялась соперничества со стихіями. Положимъ, что Леоновъ мнѣ обѣщалъ, что непремѣнно будетъ въ „Постгофѣ“, но вѣдь и я ему обѣщала тамъ быть, однако своего обѣщанія не сдержала; и онъ могъ не сдержать...

Такъ Леоновъ до сихъ поръ и не знаетъ, что мы уже послѣ-завтра уѣзжаемъ. Любопытно будетъ посмотрѣть, какое это неожиданное извѣстіе произведетъ на него впечатлѣніе.

11 час. дня, 6 августа.

— Знаете новость?—спрашиваю я у Леонова, встрѣтившись съ нимъ рано утромъ подлѣ почты—онъ шелъ туда, а я оттуда выходила.—Завтра мы уѣзжаемъ...

— Знаю,—перебиваетъ онъ меня. А я продолжаю:

— Мы ѣдемъ прямо въ Вѣну, куда Егоръ Ильичъ спѣшитъ совѣтоваться съ докторами...

— А вы—съ портнихами,—торопливо добавляетъ онъ и перемѣняетъ разговоръ вопросомъ:—Отчего вы не пришли вчера на концертъ?

— А вы тамъ были, несмотря на проливной дождь?

— Я всегда исполняю свои обѣщанія. Правда, что я рисковалъ только промочить ноги, а вамъ, вдобавокъ, грозила опасность испортить ботинки отъ „Пети“.

— Ваши свѣдѣнія не вѣрны, — произнесла я шутливо. — Хотя я, дѣйствительно, выписываю свою обувь изъ Парижа, къ великому негодованію Егора Ильича, который усматриваетъ въ моихъ вырѣзныхъ каблукахъ Louis XV что-то преступное, но мой башмачникъ въ Парижѣ не „Пети“, а „Фери“.

— Преступная ошибка съ моей стороны, признаюсь и каюсь,—презрительно пробормоталъ Леоновъ, чѣмъ еще больше меня подзадорилъ.

— Не ошибитесь, пожалуйста, если вамъ вздумается ѣхать въ Парижъ, а мнѣ вздумается вамъ дать порученіе на одну пару ботинокъ.

— Нѣтъ, ужъ увольте меня отъ вашихъ порученій. Я никогда не вожусь ни съ женскими тряпками, ни съ женщинами, которыя съ ними возятся.

Такой грубый отвѣтъ и въ такой грубой формѣ, вмѣсто того, чтобы разсердить меня, только разсмѣшилъ: я громко расхохоталась.

— Чему вы радуетесь?—нервно передернулъ онъ плечами.

— Не плакать же мнѣ изъ-за пары ботинокъ,—отвѣтила я, переставъ, однако, смѣяться,—тѣмъ болѣе, что я потеряла лишь надежду на васъ, а не на нихъ. Надѣюсь, что между моими знакомыми, бывающими въ Парижѣ, я найду кого-нибудь полюбезнѣе...

— Ищите, желаю вамъ успѣха! — оборвалъ онъ меня на полуфразѣ и отошелъ, не простившись.

Леоновъ скрылся въ огромномъ зданіи почты, а я осталась посреди площади, хотя и озадаченная его безцеремоннымъ со мною поступкомъ, но ничуть не обиженная. Очевидно, онъ злился на меня за то, что я вчера не пришла на концертъ, и его злость пріятно льстила моему самолюбію.

Полчаса спустя, я снова съ нимъ встрѣтилась.

Только-что передъ тѣмъ я купила давно прельщавшую меня красную шапочку и, выходя въ ней отъ модистки, сталкиваюсь съ Катей. Она пришла въ такой восторгъ отъ моей обновки, что захлопала въ ладоши, воскликнувъ: „Красная шапочка!.. какая прелесть!.. красная шапочка!..“—Вдругъ раздается громкій голосъ за нами: „Да не ори же на всю улицу“!.. Оборачиваюсь—Егоръ Ильичъ, конечно, а съ нимъ—Леоновъ.

— Полюбуйтесь!—говоритъ онъ Леонову:—одна сестрица себѣ дурацкій колпакъ съ дохлымъ индюкомъ на голову налѣпила, а другая, глядя на нее, радуется, какъ дура.

Эпитетъ „дуры“ Катя пропустила мимо ушей, привыкнувъ, за семь лѣтъ законнаго сожительства съ любезнымъ супругомъ, къ его комплиментамъ, но за мою новую шапочку она нашла нужнымъ заступиться:

— Ничуть не колпакъ, а прелестный „токъ“, по послѣднему крику моды, и вовсе не индюкъ, а восхитительный, очаровательный пѣтушокъ. Юрій Васильевичъ!—обратилась она къ Леонову: — скажите ваше мнѣніе о шляпѣ Мэри, какъ художникъ...

— Да, да,—поддержалъ ее мужъ,—скажите ваше мнѣніе, но просто какъ здравый человѣкъ.

— Не смѣю,—отвѣтилъ тотъ.—Марья Сергѣевна непріятной правды не любитъ слышать, а я пріятной неправды говорить не умѣю.

Tableau!!..

Катя сконфуженно примолкла, а Егоръ Ильичъ безмолвно торжествовалъ.

Ничего не отвѣтивъ на колкое замѣчаніе Леонова, я повернулась къ нему спиной и хотѣла продолжать свой путь, но Катя остановила меня:

— Мэри!.. погоди минуточку... Я искала тебя, когда нечаянно встрѣтилась съ тобой. Дѣло въ томъ, что мы собираемся сегодня на цѣлый день въ Гисгюблеръ; Юрій Васильевичъ пригласилъ насъ туда обѣдать. И ты поѣдешь съ нами, конечно?

— Не знаю...

— Однако, это интересно знать,—вмѣшался Леоновъ.

— Интересно?.. кому?—взглянула я на него вопросительно.

— Мнѣ.

— Вы слишкомъ любезны...

— А вы слишкомъ непослѣдовательны въ вашихъ мнѣніяхъ,—рѣзко прервалъ онъ меня,—и слишкомъ скоры въ вашихъ заключеніяхъ, приписывая ошибочно моей любезности весьма понятное желаніе знать заранѣе, придется ли мнѣ заказать одинъ или два экипажа.

— Для меня одной не стоитъ брать лишній экипажъ. Я не поѣду,—проговорила я сдержанно, но рѣшительно.

— Что я вамъ говорилъ!—раздалось ликующее восклицаніе Егора Ильича.

— Гмм... да...— согласился съ нимъ Леоновъ, но какъ-то нехотя, а тотъ продолжалъ, потирая себѣ руки отъ удовольствія:

— Что я вамъ говорилъ!.. Я зналъ, что Марья Сергѣевна предпочтетъ всѣмъ прогулкамъ въ мірѣ шнырянье взадъ и впередъ по Alte-Wiese, гдѣ она надѣется вынюхать какой-нибудь шикарный токъ съ плюмъ-де-кокъ, по послѣднему рёву моды, или, по крайней мѣрѣ, какой-нибудь пикантный французскій романчикъ съ забористымъ заглавіемъ, въ родѣ „деми-дѣвицъ"...

— Егоръ Ильичъ!—укоризненно остановила Катя мужа. — Мэри!—крикнула она, но я была уже на другой сторонѣ улицы.

Мнѣ казалось, что я иду очень быстро, но Леоновъ шелъ, вѣроятно, еще быстрѣе, потому что, когда я подошла къ нашему дому, онъ стоялъ уже у входа. Я хотѣла пройти мимо него, не останавливаясь, но онъ заслонилъ дверь, широко разставивъ руки, и сказалъ игриво:

— Не пущу васъ, пока вы не согласитесь ѣхать со мною въ Гисгюблеръ.

— Въ такомъ случаѣ, мнѣ придется ночевать на улицѣ,— отвѣтила я, не поднимая глазъ.

— А мнѣ—на вашемъ порогѣ.

Съ минуту мы стояли другъ противъ друга, въ нѣмомъ ожиданіи. Леоновъ заговорилъ первый.

— Отчего вы не хотите ѣхать въ Гисгюблеръ?

— Оттого, что это не доставитъ мнѣ удовольствія.

— Но зато это мнѣ доставитъ удовольствіе, и большое...

— Ѣхать въ Гисгюблеръ, или ѣхать туда со мною?

— Одно вытекаетъ изъ другого; безъ васъ я туда совсѣмъ не поѣду.

— А я съ вами не поѣду.

— Полно, Марья Сергѣевна, капризничать!.. Охота вамъ лишать себя удовольствія, для того только, чтобы мнѣ удовольствія не доставить.

— Но я вамъ сейчасъ сказала и повторяю, что эта прогулка не можетъ мнѣ доставить удовольствія.

— Неужели вы въ самомъ дѣлѣ не любите живописной природы?

— Нѣтъ, не люблю.

— Что же вы любите?

— Тряпки люблю.

— И ничего, кромѣ тряпокъ?

— Ничего.

Леоновъ задавалъ свои вопросы шутливо, я же отвѣчала

сухо и отрывисто. Немного помолчавъ, онъ спросилъ недовѣрчиво:

— Вѣдь это неправда?

— Вотъ еще и неправду люблю, пріятную.

— И больше ничего?

— Ничего.

— И никого?

— Нѣтъ, люблю...

— Андрея Ильича?

— Да.

Леоновъ разомъ опустилъ руки и отступилъ на шагъ назадъ. Не ожидая такого внезапнаго отступленія, я стояла въ нерѣшительности передъ свободнымъ теперь входомъ.

— Войдите же, — предупредительно произнесъ онъ: — какъ видите, я больше не стою препятствіемъ на вашемъ пути. — Послѣднія слова онъ проговорилъ серьезно, я же попробовала пошутить:

— Лишь препятствія и занимаютъ меня въ пути.

— Берегитесь, какъ бы не споткнуться, — сорвалось у него противъ воли, вѣроятно, потому, что онъ тутъ же поспѣшилъ поправиться, какъ бы поясняя свое двусмысленное предостереженіе, прибавивъ, указывая рукою на каменную ступеньку у входа: — на порогѣ.

Ждать вторичнаго приглашенія — значило бы рисковать нарваться на вторичное предостереженіе, пожалуй обиднѣе перваго. Съ меня и одного было достаточно. Не проронивъ ни слова, я прошла мимо Леонова, поднялась по лѣстницѣ и, войдя къ себѣ въ комнату, заперлась на ключъ...

Кто-то стучится ко мнѣ въ дверь...

Отворивъ дверь, я очутилась лицомъ къ лицу съ Леоновымъ. Онъ, какъ мнѣ показалось, намѣревался войти въ мою комнату, но я поторопилась выйти къ нему въ полутемный коридоръ, захлопнувъ дверь за собой. Замѣтивъ мое порывистое движеніе, онъ произнесъ досадливо:

— Не безпокойтесь, ни въ чемъ и никогда мѣшать вамъ я не собираюсь. Меня къ вамъ прислала ваша сестра.

— Катя?.. зачѣмъ?..

— Сейчасъ вы это узнаете... Но нельзя ли пройти куда-нибудь къ свѣту ближе, я — врагъ clair-obscur'овъ.

Леоновъ направился по коридору къ выходу на лѣстницу, спустился съ нѣсколькихъ ступенекъ и, дойдя до первой площадки, остановился.

Я покорно слѣдовала за нимъ.

— Здѣсь мы можемъ присѣсть,—указалъ онъ на окно, выходящее на чужой дворъ, и, не дожидаясь моего согласія, опустился на мраморный подоконникъ.

— Зачѣмъ васъ Катя ко мнѣ прислала?—спросила я Леонова, стоя передъ нимъ.

— Екатерина Сергѣевна возложила на меня трудное порученіе уговорить васъ ѣхать съ нами въ Гисгюблеръ.

— Я уже сказала вамъ, что не поѣду,—и не поѣду.

— Не произносите окончательнаго приговора моимъ надеждамъ, не выслушавъ меня. Бобка тоже упрямился и ни за что не хотѣлъ ѣхать въ Гисгюблеръ, узнавъ, что тамъ нѣтъ игрушечнаго магазина; но я купилъ ему на дорогу барабанъ и трубу, и онъ согласился. Послушайте, Марья Сергѣевна!.. Предлагаю вамъ сдѣлку, очень для васъ выгодную: если вы поѣдете со мною въ Гисгюблеръ, то я нарочно поѣду въ Парижъ за вашими ботинками отъ „Пети“.

— Отъ „Фери“,—поправила я его.

— Виноватъ, простите мое невѣжество... Что же, согласны вы на мою поѣздку въ Парижъ?

— Нѣтъ.

— Дюжину ботинокъ!.. двѣ... три... дюжину дюжинъ!.. идетъ?..

— Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ!

— Однако вы дорожитесь... но мнѣ некогда съ вами торговаться. Я готовъ еще накинуть въ придачу шикарный токъ съ плюмъ-де-кокъ по послѣднему рёву моды.

Эти глупыя поддразниванія Леонова вывели меня изъ терпѣнія... Я проговорила, стараясь казаться спокойной:

— У васъ слишкомъ мало изобрѣтательности для художника, Юрій Васильевичъ, и ваши произведенія не должны отличаться оригинальностью, если вы пользуетесь чужими избитыми сюжетами такъ же охотно, какъ и чужими плоскими остротами.

У него что-то дрогнуло въ углахъ рта, но это не была улыбка.

— Вы хотѣли, Марья Сергѣевна, сказать мнѣ колкость въ отвѣтъ на мою плоскость, и нечаянно подали мнѣ блестящую мысль: украсить одинъ экземпляръ „деми-дѣвицъ“ пояснительными виньетками, по которымъ вы будете въ состояніи судить объ оригинальности моего таланта—и повергнуть его къ вашимъ вырѣзнымъ каблучкамъ, вмѣсто плюмъ-де коковаго тока, не имѣвшаго ожидаемаго успѣха.

По мѣрѣ того какъ Леоновъ говорилъ, я чувствовала, что

мѣняюсь въ лицѣ, но голосъ не выдалъ моего досадливаго смущенія, когда я ему отвѣтила съ принужденною улыбкой:

— Напрасный трудъ, Юрій Васильевичъ, такъ какъ наврядъ ли я съумѣю отличить копію суздальскаго богомаза отъ оригинала Рафаэля.

Не знаю, что̀ бы онъ мнѣ отвѣтилъ на это, еслибы не шумное появленіе Бобки, пресѣкшее нашъ колкій разговоръ, оставивъ послѣднее слово за мною.

При трубныхъ звукахъ и боѣ барабана, Бобка однимъ духомъ взлетѣлъ на лѣстницу, но на послѣдней ступенькѣ споткнулся, опрокинулся назадъ, и навѣрное свалился бы внизъ головою, еслибы Леоновъ не подоспѣлъ къ нему на помощь и не ухватилъ его за ноги. Спасая Бобку, онъ стремительнымъ движеніемъ руки отстранилъ меня отъ себя, причемъ длинными и острыми ногтями задѣлъ мою руку, оставивъ кровавый слѣдъ на ней.

Бобка вырвался изъ рукъ Леонова и съ рёвомъ бросился бѣжать обратно съ лѣстницы, въ догонку за своимъ барабаномъ, съ трескомъ катившимся по каменнымъ ступенькамъ. Леоновъ же, повернувшись въ мою сторону, спросилъ не то участливо, не то насмѣшливо:

— Кажется, я васъ ранилъ?

— Нѣтъ, только оцарапали, какъ и всегда.

— Покажите-ка...

Я спрятала руку за спину.

Онъ схватилъ меня за локоть и намѣревался силою переупрямить меня, но въ это время послышался голосъ Кати, незамѣтно приблизившейся къ намъ.

— Это превышеніе власти, Юрій Васильевичъ!.. Я поручила вамъ уговорить сестру слѣдовать за вами добровольно, а вы, какъ я вижу, хотите похитить ее силою.

— Хочу, но не могу,—отвѣтилъ онъ ей:—Марья Сергѣевна оказывается мнѣ не подъ силу, я побѣжденъ—и отступаю.

— Что̀ съ нимъ?—спросила Катя, когда онъ уже скрылся за поворотомъ лѣстницы:—на кого онъ разсердился,—на тебя или на меня?

— На самого себя,—рѣшила я, и, кажется, не ошиблась.

Не прошло и пяти минутъ, какъ онъ снова явился, въ сопровожденіи Егора Ильича. Заслышавъ ихъ голоса внизу лѣстницы, я поспѣшила удалиться въ свою комнату, изъ которой не выйду, пока Леоновъ отъ насъ не уйдетъ...

Опять кто-то стучится... Неужели опять онъ?..

Не спится... сейчасъ кукушка на часахъ, что̀ висятъ въ коридорѣ, прокукокала двѣнадцать разъ, а я еще и глазъ не смыкала. Надоѣло лежать безъ сна. Я встала съ постели, отперла окно... Ночь темная—не на что̀ смотрѣть. Все, и небо, и горы—сливаются въ одну непроглядную массу. Въ душномъ воздухѣ чувствуется еще запахъ гари—вотъ все, что̀ осталось отъ недавней ослѣпительной иллюминаціи. Леоновъ былъ правъ... Впрочемъ, зачѣмъ начинать съ конца?—если писать, такъ ужъ писать съ начала.

Ко мнѣ въ дверь стучалась Катя. Она пришла меня умолять ѣхать въ Гисгюблеръ.

— Поѣдемъ!.. дусикъ, сердце, цаца...—При этомъ она съ мольбою складывала руки и готова была стать передо мною на колѣни.

— Терпѣть не могу этихъ кривляній!—остановила я ее.—Скажи прямо, какую взятку обѣщалъ тебѣ Леоновъ за мое согласіе?

— А если скажу—поѣдешь?

— Поѣду, если найду, что игра стоитъ свѣчей.

— Видишь ли, въ чемъ дѣло,—замялась Катя:—въ сущности, онъ мнѣ ничего не обѣщалъ... мы съ нимъ просто держали пари: если ты поѣдешь, онъ долженъ будетъ нарисовать мой портретъ, съ фотографіи и памяти; а если ты не поѣдешь, я должна буду ему дать твой портретъ.

— Мой?.. отчего же не твой?..

— Какъ это глупо, Мэри!.. Мою фотографію онъ будетъ имѣть, если и проиграетъ пари; а онъ хочетъ его выиграть, понимаешь?..

Я отлично понимала, что это пари не что̀ иное, какъ придуманная Леоновымъ ловушка, въ которую, однако, я попалась... добровольно. Зачѣмъ скрывать—мнѣ хотѣлось-таки, и очень, ѣхать въ Гисгюблеръ...

Вотъ мы и поѣхали, въ большомъ четырехмѣстномъ ландо: Катя, я и Бобка. Егоръ Ильичъ и Леоновъ уѣхали раньше, не дождавшись насъ, въ одноконномъ фаэтонѣ, какъ мнѣ сообщила Катя.

Ѣхать было далеко и тяжело. Солнце жгло, вѣтеръ поднималъ пыль по шоссе, а Бобка то трубилъ, то барабанилъ, то ревѣлъ—попеременно.

— Не труби!—прикрикнешь на него; онъ—въ рёвъ.

— Ну ужъ лучше труби, только не реви!—Онъ принимается барабанить. Терпишь, терпишь—не вытерпишь:

— Да перестань же барабанить!—Бобка разражается рёвомъ; реветъ, реветъ—мочи нѣтъ!

— Барабань!!!...—Онъ хватается за трубу.

Словомъ, я пріѣхала въ Гисгюблеръ съ растрепанными вѣтромъ волосами, съ загорѣлымъ отъ солнца лицомъ, съ шумомъ и звономъ въ ушахъ и съ твердымъ намѣреніемъ въ душѣ никогда больше не предпринимать никакихъ прогулокъ съ чужими дѣтьми и никогда не выходить замужъ, чтобы своихъ дѣтей не имѣть. Понятно, что Гисгюблеръ не могъ мнѣ понравиться при такихъ невыгодныхъ для него условіяхъ.

— Да это проста живая картина!.. Смотри, Мэри!.. Какъ хороши эти горы!.. эта рѣка!.. А эти домики, увитые зеленью и цвѣтами—настоящія райскія гнѣздышки!..

Но эти восторженные возгласы Кати не находили во мнѣ отголоска—я смотрѣла на все глазами, полными пыли.

Наше ландо остановилось у воротъ ресторана, гдѣ Егоръ Ильичъ съ Леоновымъ ожидали насъ къ обѣду.

Они сидѣли на концѣ очень длинной и совершенно пустой, въ этотъ поздній сравнительно часъ, верандѣ, за столомъ, приготовленнымъ на пять приборовъ.

Я не видѣла Леонова съ той минуты, какъ мы съ нимъ разстались, не простившись, на площадкѣ нашей лѣстницы, и была увѣрена, что онъ меня встрѣтитъ по крайней мѣрѣ насмѣшливымъ взглядомъ, если не колкимъ замѣчаніемъ; но онъ не произнесъ ни слова, и даже глазъ не поднялъ, разсѣянно протягивая мнѣ руку.

Поздоровавшись, мы немедленно размѣстились за столомъ въ слѣдующемъ порядкѣ: мы, я и Катя, спиною къ стѣнѣ и лицомъ къ саду, а Егоръ Ильичъ и Леоновъ сѣли противъ насъ. Бобка помѣстился на одномъ изъ концовъ стола, между своими счастливыми родителями. Потребовавъ обѣденную карточку, Леоновъ принялся вслухъ читать нѣмецкія названія кушаній и переводить ихъ Егору Ильичу на русскій языкъ. Послѣ глубокомысленныхъ размышленій: „это будетъ тяжело, а то жирно, этого я не хочу, а того не могу“—Егоръ Ильичъ остановилъ наконецъ свой благосклонный выборъ на бульонѣ съ яйцомъ, разварной говядинѣ со шпинатомъ и компотѣ изъ чернослива. Катя, недолго думая, потребовала для себя цѣлый обѣдъ, а для Бобки „hunner-hache“—кромѣ курицы, она почти никогда ему ничего не даетъ, да и то въ рубленномъ видѣ,—боится, какъ бы онъ косточкой не подавился.

— А вы?—соблаговолилъ Леоновъ обратиться наконецъ и ко мнѣ съ вопросомъ.

Не отвѣчая ему, я сказала кельнеру по-нѣмецки:

— Дайте мнѣ одну маленькую форель.

— Двѣ форели,—приказалъ Леоновъ.

— Но позвольте,—остановила я его,—я хочу только одну форель...

— А я—другую. Что еще?..

— Потомъ дайте мнѣ куропатку,—снова обратилась я прямо къ кельнеру.

— Двѣ куропатки,—прибавилъ Леоновъ.—Больше ничего?—бросилъ онъ небрежно въ мою сторону.

— Ничего. Я не ѣмъ сладкаго.

— Боится зубки испортить,—пояснилъ Егоръ Ильичъ Леонову,—нечѣмъ будетъ кусаться.

— Такими зубками, бѣленькими, кругленькими и ровненькими, какъ ниточка жемчужинокъ, и укушеннымъ быть пріятно, не правда ли, Юрій Васильевичъ?—неожиданно обратилась Катя къ Леонову съ безтактнымъ вопросомъ, отъ котораго я вся вспыхнула. Но онъ ей ничего не отвѣтилъ, но проговорилъ въ сторону Егора Ильича съ довольною улыбкою:

— Хотя я и не кусаюсь, но тоже сладкаго не ѣмъ.

Обѣдъ былъ заказанъ; въ ожиданіи его разговоръ не клеился. Егоръ Ильичъ съ Леоновымъ перебросились нѣсколькими незначительными замѣчаніями о погодѣ, и на этомъ примолкли.

Подали обѣдъ. Вскорѣ затѣмъ, позвякивая шпорами, на веранду вошелъ франтоватый молодой офицеръ въ голубомъ мундирѣ австрійскаго гусара, съ хлыстикомъ въ рукахъ и розочкою въ зубахъ.

— Какой красавчикъ!—воскликнула Катя по-англійски, очень громко и очень развязно, въ полной увѣренности, что, кромѣ меня, ее никто не пойметъ.

Она ошиблась въ своемъ неосторожномъ разсчетѣ. Гусаръ, услыхавъ лестное для себя замѣчаніе, понялъ его. Онъ метнулъ на Катю черными и блестящими, какъ стеклярусныя бусы, глазами, самодовольно оскалилъ бѣлые, какъ сахаръ, зубы и быстрымъ, рѣшительнымъ шагомъ направился въ нашу сторону. Занявъ столъ рядомъ съ нашимъ, онъ повелительнымъ голосомъ потребовалъ себѣ бутылку вина.

— Отчего вы перчатокъ не снимете?—неожиданно обратился ко мнѣ Леоновъ съ вопросомъ, обративъ вниманіе на ножъ, выскользнувшій изъ моихъ рукъ, затянутыхъ въ бѣлую лайку.

— Боится коготки притупить, царапаться нечѣмъ будетъ!— предупредительно отвѣтилъ ему вмѣсто меня Егоръ Ильичъ.

Я промолчала. Они снова принялись за ѣду: Леоновъ—за свою куропатку, а Егоръ Ильичъ—за свою разварную говядину.

— Посмотри!—раздался, немного погодя, шопотъ Кати надъ моимъ ухомъ. — Посмотри!—указала она мнѣ глазами на офицера.

Взглянувъ на него, я увидѣла, что онъ держитъ въ одной рукѣ рюмку съ виномъ, а въ другой—розочку, и попеременно подноситъ ихъ къ своимъ открытымъ наглою улыбкой губамъ, посылая Катѣ безмолвныя заздравныя привѣтствія и беззвучные воздушные поцѣлуи.

— Видишь?.. видишь?..—пріятно волновалась Катя.

— И мы все видимъ!..—произнесъ Леоновъ тихо и какъ-то вскользь.

Катя вытаращила на него глаза и разинула ротъ—замерла въ испуганномъ недоумѣніи.

Дѣйствительно, было совершенно непонятно, какъ они могли видѣть то, что происходило за ихъ спиной. А между тѣмъ, о томъ, что они все видѣли, ясно свидѣтельствовали ихъ взоры, пристально устремленные на глухой простѣнокъ. Взоръ Леонова былъ презрителенъ и насмѣшливъ, а Егора Ильича—гнѣвный и угрожающій.

Мелькомъ оглянувшись назадъ, я все поняла: на глухомъ простѣнкѣ висѣло зеркало.

— Kellner!.. zahlen!..—крикнула я, воспользовавшись благопріятнымъ появленіемъ на верандѣ цаль-кельнера, чтобы скорѣй покончить съ этимъ несноснымъ обѣдомъ, начавшимся колкостями и грозившимъ окончиться скандаломъ.

Леоновъ встрепенулся.

— Позвольте ужь мнѣ, Марья Сергѣевна, расплатиться за мой обѣдъ.

— Я и не намѣрена, Юрій Васильевичъ, платить за вашъ обѣдъ, а только за свой.

— Нѣтъ, за мой, потому что я васъ пригласилъ обѣдать.

— Вы ошибаетесь, меня вы не приглашали.

— Не лично васъ, но я пригласилъ Егора Ильича со всей его семьей.

— Но я не принадлежу къ семьѣ Егора Ильича...

Тотъ такъ и привскочилъ на стулѣ, какъ ужаленный.

— И не будете принадлежать никогда, пока я живъ!.

— И не буду!—согласилась я съ нимъ хладнокровно:—уже

по тому одному, что нахожу удовольствіе имѣть васъ въ нашей семьѣ слишкомъ достаточнымъ, чтобы еще его удвоивать, входя въ вашу семью.

Егоръ Ильичъ хотѣлъ мнѣ что-то сказать, но поперхнулся слюной, пѣнившейся у него отъ безсильной злобы изъ беззубаго рта.

— Kellner!.. zahlen!..—вторично крикнула я.

Поспѣшно расплатившись за свой обѣдъ, въ чемъ Леоновъ мнѣ больше не препятствовалъ, я встала изъ-за стола и ушла, ничего не отвѣтивъ на испуганный вопросъ Кати: „Куда ты"!?

Я и сама не знала, куда я иду. Мнѣ просто хотѣлось побыть одной. Миновавъ садикъ, состоящій изъ нѣсколькихъ клумбъ цвѣтовъ и одной широкой платановой аллеи, я увидѣла прелестную дорожку, украшенную всевозможными прехорошенькими бесѣдочками, что̀ ведетъ къ минеральному источнику, и поднялась по ней въ гору. Однако, я къ источнику не дошла, остановилась на половинѣ дороги въ каменномъ гротѣ въ видѣ маленькаго водопада. Здѣсь я выкурила папиросу и собиралась идти дальше, когда прибѣжала Катя и запыхавшейся скороговоркой объявила мнѣ, что она съ Бобкой сейчасъ отправляется на какую-то ярмарку, гдѣ продаются игрушки и пряники, и куда, какъ ей кажется, уже отправился „красавчикъ-гусарчикъ"...

— А Егоръ Ильичъ?—прервала я ее.

— Ничего. Онъ завалился въ наше ландо, отдыхать послѣ обѣда.

— Какъ же это онъ тебѣ спустилъ твоего нахала-офицера безъ сцены ревности и родимчика?..

— Ты спасла, благодѣтельница!.. Я на тебя свалила свой флиртъ... Ха... ха... ха!.. Ай!.. ай!..—оборвала она свой хохотъ отчаяннымъ визгомъ, испугавшись неожиданнаго появленія Леонова у входа въ гротъ.

— Успокойтесь, Екатерина Сергѣевна! — проговорилъ онъ холоднымъ, злымъ тономъ: — я васъ не выдамъ вашему мужу, жалѣя его...

— Мерси!—съ шаловливою гримасою отвѣтила ему Катя и выпорхнула изъ грота если и не съ легкостью, то съ беззаботностью бабочки.

Леоновъ только плечами пожалъ ей вслѣдъ и, обратившись ко мнѣ, сказалъ:

— Марья Сергѣевна, вы забыли заплатить кельнеру за пиво и хлѣбъ, которые онъ мнѣ поставилъ въ счетъ.

— Сколько?

— Двадцать крейцеровъ.

Я протянула ему единственную серебряную монету, оказавшуюся въ моемъ портмонэ. Онъ молча взялъ ее у меня изъ рукъ и опустилъ въ карманъ жилета.

— Вы еще долго намѣрены здѣсь сидѣть? — спросилъ онъ меня.

— А что?

— Мнѣ хочется написать маленькій этюдъ съ натуры.

— Пишите, я вамъ не мѣшаю.

— Только не здѣсь. Здѣсь темновато, а я ищу какъ можно больше свѣта для моихъ plein-air'овъ.

— Ищите, я и въ этомъ вамъ не мѣшаю.

— Безъ васъ мнѣ и свѣтъ не нуженъ...

— Я предпочитаю слышать ваши дерзости, нежели ваши любезности...

— Ни тѣхъ, ни другихъ, я говорить вамъ не намѣренъ..

Не слушая его дальше, я вышла изъ грота и направилась къ источнику. Леоновъ послѣдовалъ за мною.

Постоявъ у источника и посмотрѣвъ, какъ разливаютъ минеральную воду по бутылкамъ, я хотѣла сойти обратно внизъ и погулять по ту сторону рѣки въ паркѣ, усѣянномъ красивыми виллами; но Леоновъ направился вверхъ, въ гору, и я послѣдовала за нимъ, сама не зная, зачѣмъ и къ чему.

Послѣ нѣсколькихъ минутъ ходьбы лѣсомъ, мы дошли до площадки, выбитой въ скалѣ, откуда открывается чудный видъ на Гисгюблеръ.

Широкая долина, окруженная лѣсистыми горами, перерѣзается широкою рѣкой, которая течетъ здѣсь такъ тихо, точно ей жаль разставаться съ живописными берегами, утопающими въ зелени, между которою виднѣются тамъ и сямъ черепичныя крыши крестьянскихъ домиковъ, напоминая маковъ цвѣтъ на сочномъ, еще не скошенномъ лугу.

— Отдохнемъ здѣсь!—предложилъ Леоновъ.

— Я еще не устала...

— Но я уже усталъ.

— Да здѣсь и отдохнуть негдѣ, некуда присѣсть.

— Вы можете сѣсть на камень,—указалъ онъ мнѣ рукою на выступъ въ скалѣ,—а обо мнѣ не заботьтесь.

— На камень я не сяду.

— Боитесь простудиться?

— Боюсь свѣтлое платье испачкать.

— Еще бы!.. Какъ это я не догадался, что всякая тряпка

должна вамъ быть дороже жизни!..—презрительно проговорилъ Леоновъ и, снявъ съ себя легкое лѣтнее пальто, бросилъ его на камень.

— Садитесь!

Я повиновалась, а онъ, отойдя отъ меня на нѣсколько шаговъ къ обрыву, примостился, свѣсивъ ноги внизъ, на первой ступенькѣ лѣстницы, очень высокой и крутой, состоящей изъ коротенькихъ и тоненькихъ бревенъ, вбитыхъ въ землю, по склону горы.

— Вы рисуете?..—спросила я, замѣтивъ въ рукахъ Леонова сѣрый холщевый альбомъ и маленькую палочку, не то карандашъ, не то грифель.

— Да.

— Карандашомъ?

— Нѣтъ.

— Этюдъ съ натуры?

— Да.

— Пейзажъ?

— Нѣтъ.

Не желая больше получать въ отвѣтъ только „да“ и „нѣтъ“, я вопросовъ больше не задавала.

Наступило продолжительное молчаніе.

Послышался протяжный свистокъ и вдали показался поѣздъ, промелькнувъ птицею между высокими тополями, вытянувшимися стройною полосой по ту сторону рѣки.

— О чемъ вы задумались?—раздался голосъ Леонова въ наступившей снова полной тишинѣ.

— Такъ, ни о чемъ,—отвѣтила я ему нехотя.

— Можетъ быть, о комъ-нибудь?

— Можетъ быть...

Помолчавъ немного, онъ снова обратился ко мнѣ съ вопросомъ, съ самымъ неожиданнымъ на этотъ разъ.

— Скажите мнѣ, Марья Сергѣевна, гдѣ и когда вы думаете увидѣться съ Андреемъ Ильичомъ?

— Нигдѣ!..—отвѣтила я отрывисто.

— И никогда?

— Никогда—пустое слово въ такихъ случаяхъ, если вѣрить французской поговоркѣ.

— Какой поговоркѣ?

— „Ni jamais et ni toujours — c'est la devise dans les amours“.

Что-то хрустнуло въ пальцахъ Леонова, и обломки палочки

полетѣли въ обрывъ. Онъ вынулъ другую палочку изъ кармана и принялся очинивать ее съ нервною поспѣшностью.

Минуту спустя, онъ снова заговорилъ со мною.

— Вы давно съ нимъ не видѣлись?

— Съ Андрюш... съ Андреемъ Ильичомъ?..—поправилась я, слегка смутившись подъ быстрымъ и пытливымъ взглядомъ Леонова. — Да, очень давно, уже... передъ его отъѣздомъ на Кавказъ... прошлою осенью... и передъ тѣмъ я съ нимъ долго не видалась... то-есть... рѣдко...

— Хотѣли испытать другую французскую поговорку на прежнюю тему: „L'absence est à l'amour ce qu'au feu est le vent—il éteint le petit et rallume le grand"?

— Нѣтъ, я просто обѣщала бабушкѣ не встрѣчаться съ нимъ тайкомъ, а открыто и она, и Егоръ Ильичъ намъ всячески мѣшали встрѣчаться.

— И вы сдержали ваше слово?

— Я не слово дала, а клятву.

— Какъ же вы рѣшились дать такую тяжелую клятву?

— Во избѣжаніе сценъ во вкусѣ прошлаго столѣтія, съ угрозами проклятія и лишенія наслѣдства.

— А что именно васъ такъ устрашило: быть проклятой вашей бабушкой или лишиться ея наслѣдства?

— Ни то, ни другое, потому что бабушка своихъ угрозъ не исполнила бы. Мнѣ просто хотѣлось избавиться отъ своихъ мигреней, сильно мучившихъ меня послѣ каждаго свидан... послѣ каждой встрѣчи съ Андрюш... съ Андреемъ Ильичомъ, за которыми неизбѣжно слѣдовали трагическія сцены съ бабушкой.

— Изъ вашихъ словъ, особенно недоговоренныхъ, можно, однако, заключить, что у васъ голова слабѣе сердца, а мигрени были сильнѣе, чѣмъ ваша любовь.

Я принудила себя засмѣяться, но отвѣтить Леонову не нашлась. Меня озадачила справедливость его замѣчанія.

Онъ больше со мною не заговаривалъ, всецѣло занявшись своимъ этюдомъ. Чтобы ему не мѣшать, я тоже молчала и безцѣльно смотрѣла передъ собою, пока мое вниманіе не было привлечено маленькою дѣвочкой, въ красномъ платочкѣ и красной юбчонкѣ, которая съ быстротою и ловкостью дикой козочки взбиралась къ намъ босыми ноженками по бревенчатой лѣстницѣ. Подбѣжавъ къ Леонову со спины, она нечаянно толкнула его въ плечо корзинкой, которую держала въ рукахъ.

— Чортъ! — вскрикнулъ досадливо Леоновъ, свирѣпо оглянувшись на бѣдную дѣвочку. Она испуганнымъ звѣркомъ отско-

чила отъ него и хотѣла убѣжать, но я ее ободрила, ласково подозвавъ къ себѣ.

Въ корзинкѣ дѣвочки оказались полевые васильки, связанные въ отдѣльные букетики, но въ моемъ портмонэ не оказалось ни одной серебряной монеты, чтобы купить хоть одинъ изъ нихъ.

— Юрій Васильевичъ!—обратилась я къ Леонову.

— Что̀ прикажете?

— Размѣняйте мнѣ гульденъ, пожалуйста.

— У меня нѣтъ мелочи.

— Такъ дайте мнѣ взаймы тѣ двадцать крейцеровъ, которыми я вамъ заплатила мой долгъ.

— Мнѣ они самому нужны.

— На что̀?

— Это ужъ мое дѣло.

— Что̀ же мнѣ дѣлать съ этой дѣвочкой?

— Все, что̀ угодно, только избавьте меня отъ нея поскорѣй.

— Чѣмъ она вамъ мѣшаетъ?

— Тѣмъ, что вы отрываете меня отъ работы.

— Ну, такъ я ей дамъ гульденъ...

— Хоть десять!..

Но въ моемъ портмонэ и гульдена не оказалось, а только крупная бумажка.

— Я не знаю, право, какъ мнѣ быть?—пробормотала я растерянно. Не могла же я, въ самомъ дѣлѣ, по совѣту Леонова, платить десять гульденовъ за букетикъ васильковъ въ десять крейцеровъ!..

Онъ ничего не возражалъ; его безжалостное равнодушіе меня возмутило.

— Неужели, Юрій Васильевичъ, вы захотите изъ капризнаго упрямства лишить меня любимыхъ цвѣтовъ, а эту бѣдную дѣвочку—куска хлѣба на завтрашній день?..

Не успѣла я этого проговорить, какъ Леоновъ очутился между мною и дѣвочкой. Раздался испуганный возгласъ. Васильки посыпались ко мнѣ на колѣни, а пустая корзинка полетѣла въ обрывъ. Раздался второй возгласъ—радостный. Въ воздухѣ мелькнулъ одинъ блестящій кружокъ, другой, третій, и по бревенчатымъ ступенькамъ лѣстницы покатились серебряные гульдены, кружась и сверкая на солнцѣ, точно крупныя капли дождя. Дѣвочка бросилась сломя голову въ догонку за своею неожиданною богатою добычей. Черезъ минуту, ея маленькая фигурка представлялась издали краснымъ мячикомъ, катившимся въ обрывъ съ удивительною быстротой.

Леоновъ, между тѣмъ, сидѣлъ уже, какъ ни въ чемъ не бывало, на своемъ прежнемъ мѣстѣ и рисовалъ.

— Какой у васъ непріятный характеръ! — воскликнула я съ неподдѣльною искренностью.

Онъ насмѣшливо взглянулъ на меня.

— Очень радъ, что мы хоть чѣмъ-нибудь сходимся съ вами.

Я горячо протестовала.

— Ужъ никакъ не характерами! У меня, наоборотъ, очень пріятный характеръ.

— Необыкновенно пріятный, — улыбнулся онъ: — мягкій, кроткій, ровный, уступчивый и ничуть не капризный...

— И ничуть не обидчивый,—поспѣшила я добавить.

— Еще бы!.. Вы сами всегда готовы всякаго обидѣть...

— Нѣтъ, не я, а вы...

— Я?!..—притворно удивился онъ.

— Да, вы, вы, вы!..—повторяла я, горячась.—И надо имѣть мой ангельскій характеръ, чтобы выслушивать все, что̀ вы мнѣ говорите, не обижаясь.

— Будто бы?!.. Напримѣръ?..

— Напримѣръ, ваши поддразниванія моею слабостью къ тряпкамъ, ваши обидные намеки на какія-то грязныя книги, которыхъ я не читаю...

— Позвольте!..—остановилъ меня Леоновъ.—Зачѣмъ же вы покупаете грязныя книги, если вы ихъ не читаете? Не для того же только, чтобы ихъ прохожимъ подъ ноги на улицѣ бросать?

— Что̀ вы этимъ хотите сказать? — спросила я далеко не увѣреннымъ голосомъ, стараясь сохранить измѣнявшее мнѣ самообладаніе:—что я свою книгу намѣренно уронила передъ вами?

Онъ засмѣялся, не отрывая глазъ отъ рисунка.

— А развѣ нечаянно?.. Значитъ, и гвоздику вы тоже нечаянно уронили, и зонтикъ?..

— Отчего вы прямо не скажете, Юрій Васильевичъ, что я бѣгала за вами?

— Если не бѣгали, то и не убѣгали отъ меня.

Тутъ я вышла изъ себя и раскричалась:

— Это ужъ ни на что не похоже!.. Вы уже не обижаете меня, а просто оскорбляете!.. Вы можете думать обо мнѣ что̀ хотите...

— Спасибо за великодушное разрѣшеніе, — вставилъ онъ; а я продолжала, какъ будто не обративъ вниманія на его насмѣшливое замѣчаніе:

— Все, что угодно, можете обо мнѣ думать,—мнѣніемъ вашимъ я не дорожу...

— И ничьимъ, кромѣ своего собственнаго,—торопливо добавилъ онъ, перебивая меня.

— И ничьимъ,—подтвердила я,—а вашимъ и подавно. Но говорить, что я бѣгала за вами, вы не имѣете права.

— Я сказалъ, что вы не убѣгали...

— Это все равно! Изъ вашихъ намековъ можно заключить, что я навязала вамъ случай на знакомство со мною, котораго вы не искали, и нахожу, что эти намеки не достойны васъ и унизительны для меня... Я... я... я...—голосъ у меня пресѣкся отъ волненія.

— Вы кончили?—спросилъ Леоновъ съ невозмутимымъ спокойствіемъ.—Въ такомъ случаѣ, позвольте мнѣ оправдаться въ вашемъ мнѣніи, которымъ я нѣсколько дорожу. Я не могъ сказать, что не искалъ случая познакомиться съ вами, потому что никогда не лгу. Этотъ случай я искалъ и нашелъ.

— Нашли случайно, но не искали,—поправила я его.

— Кого вы хотите дурачить вашею напускною наивностью?

— Я никогда ничего на себя не напускаю.

Онъ пожалъ плечами.

— Значитъ, вы серьезно думаете, что я случайно встрѣтился у доктора съ Егоромъ Ильичомъ, случайно съ нимъ заговорилъ, случайно сдѣлалъ ему визитъ, случайно попалъ на концертъ въ Шенбруннъ, гдѣ имѣлъ счастье быть вамъ представленнымъ?.. Извините меня за мою нелюбезную откровенность, но я не считалъ васъ такой... такой...

— Такой глупой,—попробовала я ему помочь.

— Такой близорукой,—поправилъ онъ меня изъ учтивости.

— Отчего вы не воспользовались случаемъ познакомиться со мною прежде, когда, по вашему мнѣнію, я его вамъ навязывала?—рѣшилась я спросить Леонова послѣ нѣкотораго колебанія.

— Оттого, что я искалъ знакомства съ вами корректнаго, а не водной авантюры.

Съ этими словами онъ поднялся на ноги.

— Вы кончили вашъ рисунокъ?—перемѣнила я не совсѣмъ удобный для меня разговоръ.

— Въ чернѣ—да.

— Дайте посмотрѣть! — машинально протянула я руку къ альбому, который онъ поспѣшно спряталъ въ карманъ пиджака.

— Вы боитесь моей критики?—спросила я съ шутливымъ задоромъ.

— Нѣтъ, не вашей критики, а вашихъ позднихъ и напрасныхъ раскаяній.

— Въ чемъ?..

— Въ томъ, что вы сюда пріѣхали, несмотря на стойкое и непоколебимое, казалось, рѣшеніе ни за что не ѣхать.

— Я хотѣла, чтобы Катя выиграла у васъ пари.

— Не совсѣмъ такъ; вы не хотѣли, чтобы она проиграла.

— Это игра словъ.

— Нисколько. Будетъ ли ваша сестра имѣть свой портретъ моей работы или нѣтъ, для васъ, полагаю, безразлично, такъ какъ вы раскрашенной фотографіи отъ оригинала Ванъ-Дика не отличите,—но вы не хотите, чтобы я имѣлъ вашъ портретъ.

— Не хочу, и вы не будете его имѣть.

Онъ громко расхохотался, самодовольно похлопывая рукою по карману пиджака, въ которомъ находился альбомъ.

Тутъ только я догадалась, что битый часъ позировала Леонову, сама того не подозрѣвая.

Въ пылу весьма понятной досады, я бы ему навѣрное наговорила совершенно заслуженныхъ имъ дерзостей, отъ которыхъ его случайно избавилъ раздавшійся въ это время крикъ Кати.

— А-у!.. А-у-у!—кричала она. Я узнала издали ея пронзительный голосъ и, увидавъ ея огромный красный зонтикъ, мелькавшій внизу на шоссе, бросилась стремглавъ бѣжать на ея зовъ по крутой бревенчатой лѣстницѣ.

— Марья Сергѣевна!.. тише!.. Бога ради!.. тише!—слышались испуганные возгласы Леонова сверху.—Вы себѣ шею свернете!.. вы свалитесь въ обрывъ!.. Марья Сергѣевна!.. Марья Сергѣевна!..

Но Марья Сергѣевна была уже внизу, цѣла и невредима.

— Скорѣй, скорѣй!—заторопила меня Катя, стоявшая уже возлѣ нашего ландо, въ которомъ, растянувшись на заднемъ сидѣньѣ, крѣпко спалъ Бобка.—Пора ѣхать!.. иначе мы въ городъ къ иллюминаціи не поспѣемъ!.. Скорѣй, скорѣй!..

Но тутъ у насъ вышелъ споръ: Катя не хотѣла тревожить Бобку, а я отказалась ѣхать такъ далеко, сидя на переднемъ сидѣньѣ. Тѣмъ временемъ подошелъ Леоновъ, и, узнавъ, въ чемъ дѣло, предложилъ помѣняться со мною мѣстами въ экипажахъ, чѣмъ еще больше меня разозлилъ.

— Съ Егоромъ Ильичомъ я не поѣду,—проговорила я рѣшительно,—лучше останусь ночевать въ Гисгюблерѣ.

— И я съ Марьей Сергѣевной не поѣду,—отозвался тотъ

изъ своего фаэтона, въ которомъ уже расположился съ своими пледами и кожаными подушками,—лучше уже я ей свое мѣсто уступлю.

— Я и съ Юріемъ Васильевичемъ не поѣду,—объявила я:—лучше пѣшкомъ въ Карлсбадъ пойду!..

— Но какъ же быть?..—плаксиво простонала Катя, и вдругъ воскликнула обрадованнымъ голосомъ:

— Ахъ, какая я дура!..

Всѣ взоры обратились на нее въ безмолвномъ недоумѣніи.

— Какъ мнѣ такая мысль раньше не пришла!—пояснила она свое неожиданное восклицаніе.—Мы поѣдемъ въ ихъ фаэтонѣ, а они—въ нашемъ ландо.

Сказано—сдѣлано.

Но не успѣли мы отъѣхать и четверть версты отъ Гисгюблера, какъ откуда ни возьмись—красавчикъ-гусарчикъ! Онъ точно изъ земли выросъ верхомъ на лошади подлѣ нашего фаэтона.

— Ай, ай!—раздался визгъ Кати, и почти вслѣдъ за нимъ крикъ Егора Ильича:—Стой!.. стой!..

Мы остановились, а гусаръ умчался во весь опоръ, бросивъ Катѣ на прощанье розу вмѣстѣ съ поцѣлуемъ; поцѣлуй—на воздухъ, а розу—къ ея ногамъ.

Послѣ этого произошла прекурьёзная сценка, которая кончилась тѣмъ, что я очутилась на мѣстѣ Егора Ильича, на переднемъ сидѣньѣ ландо, а онъ—на моемъ, въ двухмѣстномъ фаэтонѣ.

Не могу до сихъ поръ дать себѣ яснаго отчета, какъ это я согласилась измѣнить своему первоначальному твердому рѣшенію не ѣхать ни за что съ Леоновымъ. Хотя, съ другой стороны, не оставаться же мнѣ было, въ самомъ дѣлѣ, ночевать въ Гисгюблерѣ, и не возвращаться же пѣшкомъ въ Карлсбадъ!..

И то надо сказать, что вѣдь Егоръ Ильичъ почти силою вытащилъ меня изъ экипажа, объявивъ, и пресерьезно, что онъ не потерпитъ, чтобы я компрометировала его жену, заводя въ ея присутствіи непозволительные „шуры-муры“ съ первыми встрѣчными „щелкоперами“.

А Катя хороша!—„Всему—говоритъ, тутъ же, при мужѣ—твой флиртъ виноватъ“.—Она, вѣроятно, хотѣла дать мнѣ этимъ понять, что еслибы я не капризничала изъ кокетства, по ея мнѣнію, и сразу согласилась бы ѣхать вдвоемъ съ Леоновымъ, то никакихъ непріятностей не произошло бы,—но Егоръ Ильичъ понялъ ея несправедливое и безтактное замѣчаніе по-своему, и злорадно захихикалъ:

— Флиртъ, флиртъ... это по аглицкому — флиртъ, а по-русски, по-просту...

Мнѣ, однако, не удалось услышать характернаго англійскаго слова въ русскомъ переводѣ: Катя помѣшала.

— Кучеръ!.. кучеръ!..—взвизгнула она, да такъ неистово, что лошадь испугалась и рванулась впередъ. Фаэтонъ сейчасъ же скрылся за первымъ крутымъ поворотомъ шоссе, но Егоръ Ильичъ все-таки успѣлъ выразить мнѣ взглядомъ то, что̀ ему не удалось высказать словомъ. Непонятно, какъ можетъ мѣститься столько яда въ такихъ маленькихъ глазахъ!..

. . . . . .

Что̀ это?!.. неужели кукушка два раза прокукокала?..

Можетъ быть, я ошиблась... Сейчасъ церковные часы будутъ бить, подождемъ... Вотъ одинъ ударъ... два...

Какъ я, однако, записалась, а главнаго еще не записала.

Ну, Марья Сергѣевна, скоренько!.. разскажите единственному повѣренному всѣхъ вашихъ маленькихъ секретовъ, что̀ произошло съ вами на возвратномъ пути изъ Гисгюблера, и затѣмъ спрячьте вашъ дневникъ, котораго вы больше не откроете въ Карлсбадѣ, helàs!..

Начинайте!

Ѣдемъ мы въ ландо, по живописной, кажется, дорогѣ, но мнѣ было не до красотъ природы. У меня въ груди, вмѣсто сердца, точно колючій ёжъ бился.

Леоновъ сидѣлъ рядомъ со мною и громко насвистывалъ что-то до дерзости веселое.

— Перестаньте свистѣть! — вырвалось у меня нетерпѣливо.

— Слушаю-съ...

Онъ пересталъ насвистывать, но началъ напѣвать въ полголоса какой-то ужъ черезъ-чуръ унылый мотивъ безъ словъ.

— Это невыносимо! — схватилась я обѣими руками за голову, не будучи больше въ состояніи совладать съ своими развинтившимися нервами.

— Мигрень?—спросилъ меня Леоновъ съ участіемъ въ голосѣ, но съ насмѣшливымъ недовѣріемъ въ глазахъ.

Отъ слова „мигрень“ я вздрогнула, какъ отъ укола булавкой, почуя въ немъ обидный для себя намекъ. Такъ ужъ обидчиво была я, должно быть, настроена.

Замѣтивъ мое нервное содроганіе, Леоновъ быстро обернулся:

— Вамъ холодно?—Не получивъ отвѣта, онъ прибавилъ, съ неподдѣльнымъ безпокойствомъ заглядывая мнѣ въ глаза:

— Что̀ съ вами?.. вы нездоровы?.. вы?.. вы...

— Я... я не знаю, что̀ со мною!—могла я съ усиліемъ выговорить сквозь душившія меня слезы.

Я, дѣйствительно, не знала, что̀ это было со мною.

Леоновъ пересталъ меня мучить своими вопросами и пытать взглядами. Мы ѣхали молча. Онъ смотрѣлъ вдаль, на багровое зарево заката. Глаза у него были необычайно серьезные, серьезные и грустные.

Мало-по-малу, какъ кровь красныя тучи блѣднѣли на горизонтѣ, тая въ воздухѣ, медленно спускавшемся къ землѣ туманомъ.

Начинало смеркаться.

Наше ландо въѣхало въ густой лѣсъ, гдѣ было полутемно и сыро. Меня стала пробирать дрожь. Прижавшись въ уголокъ сидѣнья, я зябко ёжилась всѣмъ тѣломъ въ своемъ розовомъ прозрачномъ платьѣ.

Обративъ вниманіе на мою дрожь, Леоновъ снялъ съ себя пальто и накинулъ мнѣ его на плечи. Я не сопротивлялась.

— Согрѣлись немного?—спросилъ онъ меня, когда мы уже выѣхали изъ лѣса въ поле, гдѣ было и свѣтлѣе, и теплѣе.

— Благодарствую,—отвѣтила я машинально. Мнѣ было еще холодно, лихорадочно.

Леоновъ слегка дотронулся до моихъ застывшихъ пальцевъ рукою и сказалъ:

— Руки какъ ледъ,—дайте-ка, я вамъ ихъ согрѣю.

Не дожидаясь моего согласія, онъ разстегнулъ мои перчатки, снялъ сперва одну, потомъ другую—и вдругъ вскрикнулъ съ живостью:

— Что̀ это такое?!..

— Что̀?—не поняла я, но тутъ же хотѣла отдернуть свою руку, которую онъ, однако, удержалъ въ своихъ цѣпкихъ пальцахъ, съ любопытнымъ вниманіемъ приглядываясь къ царапинѣ, виднѣвшейся на ней.

— Неужели это я васъ такъ поранилъ?!.. И вы за это мнѣ ни одного глаза даже не выцарапали!.. А я, признаться, осмѣлился вамъ не повѣрить на̀ слово, что у васъ ангельскій характеръ,—шутилъ онъ, стараясь вызвать улыбку на моихъ губахъ. Когда это ему удалось, онъ воскликнулъ съ задоромъ:

— А все-таки я не жалѣю, что хоть и нечаянно, да сдѣлалъ вамъ больно!.. Жалѣю только, что не больнѣе...

— За что же?—удивилась я.

Леоновъ не сразу мнѣ отвѣтилъ. Онъ молча взялъ мои руки въ свои и принялся ихъ согрѣвать своимъ дыханіемъ, дотрогиваясь губами до моихъ ладоней.

— За что?.. вы хотите знать, за что?—произнесъ онъ, наконецъ, между двумя поцѣлуями.—За то, что вы любите тряпки, за то, что вы любите неправду, за то... за то, что вы любите Андрея Ильича...

Онъ примолкъ нерѣшительно, затѣмъ, порывисто прикрывъ моими руками свое лицо, проговорилъ быстро и тихо:

— А главное, за то, что, несмотря на все, несмотря даже на Андрея Ильича, я... я люблю васъ...

Нѣсколько времени я находилась въ нѣмомъ и блаженномъ оцѣпенѣніи. Мнѣ уже не было холодно. Руки мои горѣли какъ въ огнѣ подъ жгучими поцѣлуями Леонова, сыпавшимися на нихъ раскаленнымъ градомъ. Сердце уже не билось въ моей груди колючимъ ежомъ, а радостно и вмѣстѣ съ тѣмъ испуганно замирало, какъ птенчикъ въ гнѣздѣ, передъ своимъ первымъ полетомъ.

Въ тишинѣ густыхъ сумерекъ раздавался лишь равномѣрный топотъ лошадей и скрипъ колесъ по щебню шоссе.

Не знаю, какъ долго мы ѣхали въ тишинѣ и безмолвіи. Минуту ли, часъ ли... время для меня не существовало—я была счастлива.

Вдругъ я почувствовала что-то горячее на своей щекѣ, и услыхала шопотъ Леонова надъ самымъ ухомъ:

— Онъ васъ цѣловалъ когда-нибудь?..

Я вся встрепенулась, но молчала. Мнѣ было невыразимо жаль нарушить требуемымъ признаніемъ мимолетный, но прекрасный сонъ на яву.

Леоновъ рѣзко отстранился отъ меня, выронивъ мои руки изъ своихъ рукъ.

Откинувшись въ уголъ ландо, онъ просидѣлъ неподвижно и безмолвно въ продолженіе всего остального пути, пока мы не подъѣхали къ городу, великолѣпно иллюминованному.

Рѣка, унизанная двойнымъ рядомъ плошекъ, отражавшихся дрожащими, сверкающими красными пятнами въ водѣ, напоминала огненнаго змѣя исполина, плавно извивавшагося граціозными изгибами подъ мостами, разукрашенными разноцвѣтными стеклянными фонариками.

Громадный орелъ, величественно сіявшій на полу-горѣ, среди темной зелени хвойнаго лѣса, соперничалъ ослѣпительною красотой съ башней, освѣщенной бенгальскими огнями.

Но ни орелъ своимъ великолѣпіемъ, ни башня своимъ яркимъ свѣтомъ не могли затмить чарующую прелесть бесѣдки, блестѣвшей гдѣ-то высоко-высоко надъ землей, подъ самыми звѣздами,

изъ которыхъ, казалось, она была составлена, выдѣляясь, на глубокомъ фонѣ неба, сверкающими точками.

Окинувъ разсѣяннымъ взоромъ иллюминацію, представлявшуюся феерическою декораціей изъ волшебной сказки, Леоновъ произнесъ презрительно:

— Обманчивая иллюзія, отъ которой, какъ и отъ всякой иллюзіи, обольстившей насъ на мгновеніе нашимъ собственнымъ ослѣпленіемъ, останется только угарный чадъ...

7 августа.

Сейчасъ мы уѣзжаемъ. Всѣ мои вещи уже уложены, кромѣ этой тетрадки, которую я вытащила изъ сундука, чтобы записать въ Карлсбадѣ послѣднюю встрѣчу съ Леоновымъ. Послѣднюю въ Карлсбадѣ, но не въ жизни, надѣюсь...

— До свиданія, до скораго,—сказалъ онъ, пожимая крѣпко-крѣпко мою руку на прощанье. Но сказалъ это какъ-то вскользь. Можетъ быть, онъ не хотѣлъ придать своимъ словамъ особаго значенія, а можетъ быть не хотѣлъ, чтобы я имъ придала такое значеніе...

Я его не понимаю, боюсь понять, боюсь... ошибиться.

Простившись съ нами, онъ заходилъ къ намъ проститься. Леоновъ ушелъ, сказавъ мнѣ, что не пріѣдетъ проводить насъ на вокзалъ, потому что лишніе проводы—лишнія слезы.

Онъ плакалъ, смѣясь, а я смѣялась сквозь слезы.

Леоновъ ушелъ. Мнѣ захотѣлось еще разъ, хоть мелькомъ, хоть издали увидѣть его; я подбѣжала къ своему окну. Онъ стоялъ на улицѣ передъ нашимъ домомъ и смотрѣлъ на мое окно, какъ будто ждалъ, что я выгляну изъ него.

Наши глаза встрѣтились.

— До свиданія!—весело улыбнулся онъ мнѣ.

— До скораго?—спросила я нерѣшительно.

— А какъ вы думаете, гдѣ и когда мы съ вами увидимся?—отвѣтилъ онъ мнѣ пустымъ вопросомъ на мой пустой вопросъ.

— Не знаю; можетъ быть, нигдѣ и никогда...

Леоновъ засмѣялся и проговорилъ шутливо:

— Ni jamais et ni toujours—c'est la devise dans les amours.

Вѣна, 10 августа.

Три дня уже какъ я разсталась съ Леоновымъ—вѣчность!.. Въ Вѣнѣ жара, духота, пустота... А какая пустота во мнѣ самой!..

11 августа.

Егоръ Ильичъ серьезно боленъ. Вчера у него былъ одинъ

профессоръ, а сегодня—два. Они нашли у него сахаръ. Le sucre ne le rend pas plus doux.

12 августа.

Посвѣжѣло. Ночью была гроза. У Егора Ильича отъ страха сдѣлался родимчикъ. Затѣмъ, днемъ, вторая гроза—второй родимчикъ.

Одинъ изъ двухъ профессоровъ, такой милый, такой добрый, такой славный старичокъ, уговорилъ Егора Ильича переѣхать недѣли на двѣ, на три въ его санаторію, для укрѣпленія нервной системы.

Онъ переѣдетъ туда завтра съ утра, а мы остаемся въ гостинницѣ.

Гдѣ онъ теперь, Леоновъ?.. Въ Карлсбадѣ еще, или уже уѣхалъ куда-нибудь?.. Впрочемъ, не все ли мнѣ равно, гдѣ онъ, разъ его нѣтъ тамъ, гдѣ я!..

13 августа.

„Ястребъ въ клѣткѣ — порхай, пташка!“—этимъ восклицаніемъ меня разбудила Катя, спровадивъ больного мужа въ загородную лечебницу.

16 августа.

Пташка порхаетъ.

Катя окончательно уморила меня, вырвавшись временно на полную свободу изъ ревниваго плѣна мужа. Мы цѣлый день бѣгаемъ по магазинамъ, а вечеромъ—по театрамъ и концертамъ. Катю все занимаетъ, меня же—ничто. Ей вездѣ весело, а мнѣ вездѣ скучно. Леонова больше нѣтъ со мною—и міръ мнѣ кажется пустыней...

18 августа.

Второй день сижу дома одна и хандрю.

Катя звала меня посмотрѣть новыя модели шляпъ у Жандро и костюмовъ у Дреколя; звала меня посмотрѣть картины въ новомъ великолѣпномъ зданіи, что̀ на Рингѣ, и статую Кановы въ церкви капуциновъ; звала меня посмотрѣть на новый балетъ, новую оперетку; звала меня посмотрѣть на Зонненталя въ „Гамлетѣ“ и Тимига въ „Ревизорѣ“—но я ничего и никого не хочу видѣть, кромѣ Леонова.

Неужели я никогда его больше не увижу?..

Хотя бы во снѣ его увидѣть!..

20 августа.

Я его увидѣла!.. И не во снѣ—на яву!..

Какъ описать перомъ то, что̀ я почувствовала, когда Леоновъ такъ неожиданно вошелъ ко мнѣ въ нашу гостиную! Какъ

выразить словами душевное состояніе человѣка, внезапно сошедшаго съ ума отъ радости, который, сознавая свое безуміе, старается его скрыть во что бы то ни стало! Мнѣ хотѣлось смѣяться отъ радости, плакать, кричать, и, вмѣсто того, я проговорила только:

— Юрій Васильевичъ!.. какими судьбами?!.

Мой голосъ былъ твердый и спокойный, но звукъ его мнѣ показался чужой. Помнится, я говорила такимъ разбитнымъ, но неестественнымъ голосомъ свою роль на домашней сценѣ, представляя изъ себя беззастѣнчиво-смѣлую кокетку въ то время, какъ у меня ноги подкашивались и въ глазахъ темнѣло отъ волненія.

— Не ожидали?—съ веселой улыбкой на оживленномъ лицѣ подошелъ ко мнѣ Леоновъ, протягивая обѣ руки.—Признаться, я и самъ не ожидалъ...

Кто-то постучался въ дверь—Катя прислала какую-то картонку.

— Вы прямо изъ Карлсбада? — возобновила я прерванный на минуту разговоръ.

— О, нѣтъ! Изъ Карлсбада, гдѣ послѣ вашего отъѣзда меня больше ничто не удерживало, я отправился въ Дрезденъ по одному дѣлу, потомъ въ Вюрцбургъ, по другому дѣлу, а оттуда собрался ѣхать въ Парижъ, но нечаянно попалъ въ Вѣну.

— Сюда вы тоже по дѣлу?

— А какъ вы думаете, Марья Сергѣевна, зачѣмъ я сюда пріѣхалъ?..

Снова стукъ въ дверь—опять картонка.

— Вы надолго къ намъ, Юрій Васильевичъ?—спрашиваю я, немного погодя, съ замираніемъ сердца, но равнодушнымъ тономъ.

— Это будетъ зависѣть... А вы здѣсь еще сколько времени пробудете?

— Неизвѣстно еще... пока Егоръ Ильичъ не поправится, если поправится... Онъ вѣдь въ лечебницѣ...

— Знаю. Егоръ Ильичъ мнѣ писалъ. Я его просилъ увѣдомить меня о своемъ здоровьѣ. Ему, кажется, плохо?..

— Да, не важно.

— Такъ что есть, пожалуй, надежда на то, что не бывать бы счастью, да несчастье помогло?..

Дверь отворилась настежь — Катя остановилась на порогѣ какъ вкопанная.

— Кого я вижу! — крикнула она такимъ отчаянно-визгливымъ голосомъ, что бѣжавшій за нею Бобка вообразилъ, что

его мама увидѣла страшнаго „бабая“, и отъ испуга заревѣлъ благимъ матомъ.

Вечеромъ мы были съ Леоновымъ въ оперѣ; давали „Ромео и Джульетту“.

21 августа.

Новый гость—но не въ пору.

Не успѣла я и пяти минутъ остаться наединѣ съ Леоновымъ, какъ явился Чебаревъ. Катя его случайно встрѣтила въ коридорѣ нашего отеля, гдѣ и онъ остановился, и не нашла ничего глупѣе, какъ прислать его ко мнѣ. Я увѣрена, что она хотѣла мнѣ отмстить Чебаревымъ за Егора Ильича, къ которому я ее почти силою спровадила на часокъ.

— Наконецъ-то!—вздохнулъ Леоновъ съ облегченіемъ, точно у него тяжелый грузъ съ плечъ свалился съ уходомъ Кати.

„Наконецъ-то!“—мысленно согласилась я съ нимъ.

— Уфъ!—съ утомленнымъ видомъ опустился онъ подлѣ меня на диванъ:—въ продолженіе почти двухъ цѣлыхъ дней не имѣть возможности сказать двухъ нужныхъ словъ!..

Помолчавъ задумчиво, Леоновъ проговорилъ нерѣшительно, неувѣреннымъ тономъ:

— Послушайте...

Я слушала, притаивъ дыханіе.

— Марья Сергѣевна!..

— Марья Сергѣевна! — повторилъ сейчасъ же вслѣдъ за нимъ, какъ эхо, чей-то пискливый голосъ за моей спиной.

Леоновъ, съ нервнымъ содроганіемъ во всемъ тѣлѣ, порывисто отстранился отъ меня, а я, подавляя судорожную гримасу на губахъ насильственною улыбкой, поднялась на встрѣчу къ незванному и неожиданному посѣтителю, съ удивленно-радостнымъ восклицаніемъ:

— Вы?.. вотъ сюрпризъ!..

Удивленіе мое было искренно, а такой радости не посулю и самому Чебареву.

— Чебаревъ, Антонъ Демьяновичъ—Юрій Васильевичъ Леоновъ,—познакомила я своихъ гостей.

— Леоновъ?!—переспросилъ Чебаревъ, съ восторженнымъ изумленіемъ. — Юрій?!. самъ Юрій Леоновъ!.. Какое счастье!.. честь какая!—Признаюсь, не ожидалъ!..

— Очень пріятно,—процѣдилъ Леоновъ сквозь зубы, протягивая Чебареву два пальца, которые тотъ благоговѣйно принялъ въ обѣ руки, затянутыя въ ярко-рыжія перчатки.

— Не чаялъ, parole d'honneur!.. и не гадалъ увидѣть ори-

гиналъ знаменитаго портрета „peint par lui-même“. Сходство необычайное, потрясающее, чудовищное!.. страшное дѣло, какое сходство! —пищалъ Чебаревъ, поднимаясь на цыпочки и вытягивая длинную и тонкую, какъ у ощипаннаго гусенка, шею, чтобы поближе разглядѣть Леонова своими круглыми и выпуклыми, точно у рака, глазами.

Леоновъ, въ свою очередь, внимательно разсматривалъ, съ высоты своего стройнаго роста, плюгавенькую и комичную фигурку Чебарева, съ выраженіемъ брезгливой досады, смѣшанной съ неподдѣльнымъ любопытствомъ, какъ будто онъ видѣлъ передъ собою какое-нибудь противное и назойливое, но рѣдкое насѣкомое.

А тотъ продолжалъ пищать съ наростающимъ одушевленіемъ:

— Страшное дѣло!.. пораженъ и удивленъ, а до сихъ поръ былъ только плѣненъ и очарованъ!..

— Мною?—недоумѣло повелъ Леоновъ бровями.

— Скажу болѣе: я былъ влюбленъ, влюбленъ я и до сихъ поръ!.. parole d'honneur!.. Страшное дѣло, какъ я влюбленъ!— чувствительно закатилъ Чебаревъ свои рачьи глаза, причемъ золотое pince-nez свалилось съ его курносаго носа и зацѣпилось за его огромные усы, закрученные неотразимыми accroche-coeur'ами.

— Влюблены?!.. въ меня?!..—почти съ испугомъ спросилъ Леоновъ и попятился на шагъ отъ Чабарева, не распознавъ въ немъ естественнаго дурака и принявъ его, вѣроятно, за сумасшедшаго.

— Я влюбленъ въ вашу „Ганку“, которая теперь моя. Я ее перекупилъ за бѣшеныя деньги, но я ничего на нее не жалѣю. За эти глаза, какъ спѣлыя сливы, за этотъ ротикъ, какъ сочная вишня—все отдай, и то мало!.. Вѣдь моя Ганка дышетъ на вашемъ полотнѣ, живетъ... parole d'honneur!.. А ваше „Свиданіе у колодца“... вѣдь это... вѣдь это—страшное дѣло! Смотришь — и слышишь: „и шопотъ, и страстныя рѣчи, и ведеръ расплесканныхъ шумъ“...

Леоновъ только плечами пожалъ на комплименты Чебарева и, безцеремонно повернувшись къ нему спиной, отошелъ на другой конецъ комнаты, къ окну.

— Вы прямо изъ вашего Миража?—спросила я Чебарева, чтобы избавить отъ него Леонова.

— Точно такъ-съ,—отвѣтилъ онъ, расположившись въ самой непринужденной позѣ на диванѣ рядомъ со мною и заболтавъ по воздуху ногами въ высокихъ по колѣно гетрахъ и бѣлыхъ

лайковыхъ башмакахъ.—Наканунѣ моего отъѣзда изъ Миража имѣлъ счастье выразить свое нижайшее почтеніе вашей бабусѣ.

— Да?.. вы видѣли мою бабушку?.. что̀ она?.. здорова?..

— Все какъ по заказу. Это было въ субботу, такъ послѣ пятницы, у нея, знаете ли, отъ постной пищи, желудокъ немножко того... Я ее спрашиваю: „Какъ ваше драгоцѣнное здравіе, Марья Романовна?“—„Ничего,—отвѣчаетъ,—Богъ грѣхамъ пока терпитъ, да вотъ только подъ ложечкой давитъ“.—„До свадьбы заживетъ“,—говорю я. Такъ и сказалъ, parole d'honneur!.. сказалъ, да и того... струхнулъ маленько: а что̀ если старушонка разсердится,—вѣдь она у васъ лютая... страшное дѣло!.. Впрочемъ, хоть и лютая, да отходчивая. Сперва она ощетинила на меня свои сѣдыя брови, а потомъ махнула рукой и говоритъ: „Жениховъ у насъ нѣтъ, вотъ бѣда, Антонъ Демьяновичъ!.. Одинъ всего есть на весь городъ“,—это на мой счетъ-съ,—„да и тотъ не на бабушку, кажется, мѣтитъ, а на внучку“,—это уже на вашъ счетъ-съ...

— Кстати,—перебиваю я неумѣстную болтовню Чебарева, забывшаго, повидимому, о присутствіи въ комнатѣ третьяго посторонняго лица, и задаю ему совсѣмъ некстати первый попавшійся на языкъ вопросъ:—А изъ Вѣны вы куда?

— Туда, туда, гдѣ померанцы зрѣютъ.

— Въ Италію?.. на всю зиму?..

— Никакъ нѣтъ-съ. Къ зимѣ я вернусь къ вамъ въ N***, а ужъ потомъ къ себѣ: въ тотъ край, гдѣ все обильемъ дышетъ, гдѣ вѣтерокъ степной ковыль колышетъ...

— Къ себѣ въ деревню?

— Такъ точно, въ свою избушку на курьихъ ножкахъ.

— Хороша избушка!.. Говорятъ, вы въ своемъ Миражѣ настоящій дворецъ выстроили изъ тысячи и одной ночи, съ висячими садами Семирамиды. Говорятъ, у васъ тамъ и какой-то необыкновенный прудъ есть съ золотыми карпами и черными лебедями, и цѣлый лѣсъ тропическихъ растеній...

— Все есть, Марья Сергѣевна, все—къ вашимъ услугамъ: и ставокъ, и млынокъ, и вишневенькій садокъ. Одного только недостаетъ, главнаго украшенія всего — молодой хозяйки. Мнѣ „вѣстью лѣсъ о ней шумитъ отрадной, о ней потокъ гремитъ струею хладной и говорятъ, качаяся, цвѣты“...

Леоновъ напоминаетъ о себѣ Чебареву: онъ громко барабанитъ пальцами по стеклу.

— Нѣтъ, сбрехнулъ!—срывается Чебаревъ съ дивана.—Все есть у меня, да не все!.. Кромѣ будущей молодой хозяюшки, не-

достаетъ еще ея портрета... тьфу!.. опять сбрехнулъ!.. недостаетъ одной самой хорошенькой головки въ моей портретной галереѣ: головки Маріи Сергѣевны Нарской, работы Юрія Леонова. Юрій Васильевичъ! — простеръ онъ съ мольбою руки въ рыжихъ перчаткахъ къ Леонову:—cher maître!.. будьте благодѣтелемъ!.. Что хотите, то и просите за вашъ трудъ, денегъ я не пожалѣю... parole d'honneur!..

По лицу Леонова промелькнула судорога, въ глазахъ сверкнулъ зловѣщій огонекъ. Я хотѣла бѣжать изъ комнаты, чтобы не видѣть, какъ Чебаревъ въ своемъ новомъ съ иголочки бѣломъ костюмчикѣ пшюта-спортсмэна будетъ летѣть чрезъ открытое окно изъ четвертаго этажа на улицу—но осталась сидѣть на диванѣ, услышавъ спокойный голосъ Леонова:

— Ваша щедрость, господинъ Чебаревъ, доказываетъ, что вы свои деньги цѣните меньше, нежели я свой трудъ.

Чебаревъ молча вернулся на свое прежнее мѣсто немного опечаленный и очень озадаченный.

— Вы долго здѣсь останетесь?—обратилась я къ нему, чтобы прервать неловкое для него молчаніе.

— Здѣсь? — не понялъ онъ моего вопроса, относившагося къ его пребыванію въ Вѣнѣ, а не въ нашей гостиной.—Да ужъ, если разрѣшите, буду у васъ сидѣть, пока не надоѣмъ; это, какъ вамъ извѣстно, мое обыкновеніе.

— А я наоборотъ, имѣю привычку сидѣть въ гостяхъ, пока самому не надоѣстъ.

Леоновъ наскоро пожалъ мнѣ руку, кивнулъ головою Чебареву и вышелъ изъ комнаты.

Чебаревъ исполнилъ свое намѣреніе. Онъ мнѣ надоѣдалъ своимъ глупымъ присутствіемъ до самаго вечера, нелѣпо болтая языкомъ и ногами. А Леоновъ такъ-таки больше и не вернулся.

22 августа.

Леоновъ женатъ.

Отчего я этого не узнала раньше, когда еще не сознавала, что люблю его!.. люблю... люблю...

Теперь и онъ знаетъ, что я его люблю,—я сама ему призналась, не подозрѣвая еще тогда, что онъ уже женатъ...

Какъ это случилось?.. какъ могло это случиться?..

Началось все съ того, что за Катей прислали вечеромъ изъ лечебницы, звать ее къ мужу, который почувствовалъ себя очень дурно. Она сейчасъ же къ нему отправилась, захвативъ съ собою торчавшаго у насъ цѣлый день Чебарева. Я осталась одна съ Леоновымъ въ первый разъ за цѣлыя сутки.

Сперва онъ молча ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, потомъ сѣлъ возлѣ меня на диванѣ и шутливо сказалъ:

— Счастье становится все возможнѣе, все ближе...

— Счастье, на которое вы намекаете, перестало быть для меня счастьемъ.

Мои слова и удивили, и обрадовали Леонова.

— Съ какихъ поръ?—спросилъ онъ съ живостью.

— Съ тѣхъ поръ, какъ я больше не люблю Андрея Ильича.

— Вы любили его?..

— Да, любила, а теперь больше не люблю.

— Полюбили другого?..

— Да...

— Да?—переспросилъ онъ, скорѣе угадавъ, чѣмъ разслышавъ мой тихій, невнятный отвѣтъ.

— Да!—повторила я громче.

— Кого?

— Васъ!—вырвалось у меня неожиданно, противъ воли, противъ желанія, какъ будто кто-нибудь другой произнесъ моими губами неосторожное, необдуманное признаніе.

Съ минуту, долгую, нескончаемую минуту, длилось полное безмолвіе. Какая тяжелая, какая мучительная минута!.. Какая жуткая, страшная тишина, нарушаемая лишь біеніемъ моего собственнаго сердца, быстрые и сильные удары котораго я не только чувствовала, но, казалось мнѣ, и слышала.

Положеніе мое, съ каждымъ мгновеніемъ, съ каждымъ біеніемъ моего сердца, становилось невыносимѣе. Я не выдержала и вскочила съ дивана, поддаваясь инстинктивному желанію убѣжать, скрыться куда-нибудь поскорѣе отъ своего стыда, скрыться отъ Леонова.

Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, я остановилась. Мнѣ показалось, что Леоновъ тихо окликнулъ меня, но я ошиблась: онъ молча и неподвижно сидѣлъ на прежнемъ мѣстѣ, прикрывъ глаза рукою, какъ бы защищаясь отъ слишкомъ яркаго свѣта лампы, горѣвшей на кругломъ столѣ посреди гостиной. Совершенно машинально, не отдавая себѣ отчета въ своихъ дѣйствіяхъ, я прикрутила винтикъ на лампѣ. Пламя, вмѣсто того, чтобы понизиться, поднялось огненнымъ языкомъ изъ стекла. Тогда я повернула винтикъ въ обратную сторону, но слишкомъ уже усердно: огонь совсѣмъ потухъ.

Къ жуткой тишинѣ прибавилась еще болѣе жуткая темнота. И въ этой темнотѣ я почувствовала мягкое и нѣжное прикосно-

веніе теплыхъ рукъ къ своимъ плечамъ и услыхала тихій и ласковый шопотъ.

— Любите?.. да?.. любите?.. вы сказали... Скажите еще разъ... любите?.. да?..—повторялъ Леоновъ, все тѣснѣе и тѣснѣе обнимая меня и все ближе и ближе наклоняясь лицомъ къ моему лицу, такъ что я уже чувствовала его горячее и порывистое дыханіе на своихъ губахъ.

— Да, люблю...—прошептала я еле слышно.

— И будете любить, несмотря ни на что?...

— Буду...

— Несмотря на то, что я не свободенъ?.. что я связанъ закономъ съ другой?..

Съ крикомъ ужаса рванулась я назадъ, оттолкнувъ чисто-судорожнымъ движеніемъ рукъ Леонова отъ себя.

Въ темнотѣ послышались шаги; дверь скрипнула, растворилась и сейчасъ же снова затворилась за Леоновымъ....

. . . . . .

Что̀ теперь будетъ!!.. Боже мой, что̀ теперь будетъ!..

Зачѣмъ я такъ грубо и рѣзко оттолкнула Леонова отъ себя, зачѣмъ онъ такъ скоро ушелъ, не далъ мнѣ времени очнуться отъ ошеломившаго меня удара, собраться съ мыслями, опомниться, объясниться!..

Какъ я увижусь теперь съ нимъ?.. Мнѣ чего-то страшно... я боюсь... боюсь Леонова, боюсь самой себя, боюсь... боюсь завтрашняго дня...

. . . . . .

Свѣтаетъ. Наконецъ кончилась эта безконечная ночь безъ сна. Вмѣстѣ съ этою ночью исчезъ и мой безотчетный страхъ. Теперь я больше никого и ничего не боюсь.

Свѣтъ разума разогналъ тьму въ сердцѣ моемъ: я прозрѣла душой. И только теперь я поняла, на какомъ опасномъ пути я находилась. Еще шагъ—и поворотъ назадъ сдѣлался бы пожалуй почти невозможенъ. Но, къ счастью, я во̀-время остановилась на скользкомъ скатѣ, къ которому больше и близко не подойду.

Леоновъ воображалъ, что послѣ моего необдуманнаго, чуть ли не вынужденнаго признанія, которое онъ собиралси закрѣпить поцѣлуемъ, я не посмѣю отступиться. Онъ разсчитывалъ, что, увидѣвъ передъ собою врата обѣщаннаго рая закрытыми, я невольно попаду, въ чаду любви, въ другія, несмотря на благородное, хотя и запоздалое предостереженіе: „Lasciate ogni spe-

ranza".—Но онъ обманулся въ своемъ коварномъ разсчетѣ,—я удержалась на землѣ.

23 августа.

„И я побывала въ Аркадіи"!

Мое путешествіе въ страну блаженства продолжалось ровно столько времени, сколько его нужно для долгаго-долгаго поцѣлуя.

Въ этомъ поцѣлуѣ я отдала Юрію добровольно и безвозвратно всю мою душу, все мое сердце, всю мою жизнь.

И какъ это странно случилось, какъ неожиданно и для него, и для меня...

Вотъ кресло, на которомъ онъ сидѣлъ... Вязанное покрывало свалилось съ его высокой спинки и еще валяется на полу рядомъ съ раскрытою книгой, выпавшей у меня изъ рукъ при входѣ Леонова.

Онъ вошелъ съ серьезнымъ и спокойнымъ лицомъ, молча поздоровался со мною и, опустившись на кресло противъ меня, проговорилъ громкимъ и твердымъ голосомъ:

— Черезъ часъ я уѣзжаю.

Отъ этихъ словъ меня въ жаръ бросило, и тутъ же мнѣ сдѣлалось холодно; я начала вся дрожать внутреннею дрожью, но волненія своего Леонову не выдала. Я заставила себя сказать, не глядя на него:

— Лучшаго вы и придумать не могли.

— Мнѣ и самому такъ кажется. Гдѣ мы теперь, Марья Сергѣевна, увидимся съ вами?..

— Надѣюсь, что нигдѣ и никогда.

Онъ улыбнулся.

— Ni jamais et ni toujours...

Я перебила его.

— Юрій Васильевичъ!..

— Что прикажете?

— Я не имѣю права вамъ приказывать, но я вамъ запрещаю глумиться надо мною. Довольно!.. всему мѣра должна быть...

— Даже и вашей несправедливости,—добавилъ онъ.

— И моему терпѣнію...

— И вашимъ напраслинамъ...

— И вашимъ обидамъ, и вашимъ дерзостямъ, и вашимъ оскорбленіямъ...

— Позвольте...

Но я не позволила Леонову ничего сказать. У меня явилась вдругъ потребность говорить, непоборимая, необузданная,

истерическая... И Богъ знаетъ, чего только я ему не наговорила —вспомнить противно и стыдно!

— Вы поступили со мною жестоко, недобросовѣстно, нечестно!—выкрикивала я, не узнавая своего голоса и пугаясь своихъ словъ.—Вы хотѣли увлечь меня обманомъ, вы вынудили у меня безумное признаніе и готовы были это и безъ того унизительное признаніе закрѣпить постыднымъ поцѣлуемъ. Но, къ счастью для меня, вамъ этого не удалось. Между признаніемъ и поцѣлуемъ еще цѣлая пропасть. Признаніе что!..—я пріостановилась, не находя подходящаго сравненія.

Леоновъ поспѣшно подсказалъ мнѣ:

— Слово, звукъ пустой. „Dunst und Hauch",— какъ говоритъ Гейне.

— Меня не интересуетъ, что говоритъ Гейне, а я вамъ говорю, что я беру свое слово назадъ.

— Жаль, что я не могу воскликнуть опять-таки вмѣстѣ съ Гейне: denn hab' ich!": можетъ быть, вы пожелали бы взять и вашъ поцѣлуй назадъ?..

Это было уже черезчуръ! Смѣть поддразнивать меня въ такую минуту!.. да еще чѣмъ!..

— Еслибы вы могли только знать, какъ я васъ презираю, какъ я васъ ненавижу!..—вырвалось у меня искренно.

Но Леоновъ и тутъ не смутился и тона со мною не перемѣнилъ.

— Говорятъ, что отъ женской ненависти до женской любви —одинъ шагъ, а выходитъ наоборотъ.

— Неправда!—рѣзко остановила я его, не помня себя, ничего уже рѣшительно не сознавая, всецѣло одержимая однимъ лишь желаніемъ—какъ можно больнѣе уколоть единственно уязвимое, какъ мнѣ казалось, мѣсто въ его сердцѣ: его самолюбіе.

— Неправда!.. Я никогда васъ не любила. Я нарочно обманывала васъ, я притворялась, я просто кокетничала съ вами...

— Вотъ какъ!.. И все это съ единственною цѣлью выйти за меня замужъ?

Чудовищный вопросъ Леонова сразу отрезвилъ меня, словно ушатомъ ледяной воды, неожиданно вылитымъ на мою разгоряченную до бреда голову. Я, сама того не зная, была до тѣхъ поръ опьянена скрытыми слезами, тяжелыми и горькими слезами предстоящей мнѣ близкой разлуки. Но тутъ я мгновенно очнулась отъ своего истерическаго состоянія и поняла съ неумолимою ясностью всю подавляющую справедливость вывода Леонова изъ моихъ словъ, по которымъ онъ былъ, конечно, въ полномъ правѣ

заключить, что я старалась ввести его въ заблужденіе насчетъ моихъ чувствъ къ нему, пока имѣла надежду выйти за него замужъ, а разъ эта надежда исчезла, то и конецъ заблужденію, конецъ комедіи!

Все это я прекрасно сознала и была подавлена, уничтожена этимъ сознаніемъ. Я сидѣла передъ Леоновымъ безъ словъ, безъ движенія, какъ виноватая и приговоренная, не смѣя головы поднять, не смѣя оправдаться.

Воображать въ слѣпотѣ страсти, что наносишь мѣткіе удары тому, кто причиняетъ тебѣ нестерпимую боль, и вдругъ понять, что это ты сама себя била и сама себѣ причиняла двойную боль—вѣдь это кого угодно сконфузитъ!

Леоновъ молчалъ тоже. Я чувствовала, что онъ пристально смотритъ на меня, но сама взглянуть на него не рѣшалась. Мнѣ видны были только его бѣлыя длинныя руки, которыми онъ нервно перебиралъ цѣпочку отъ часовъ. Затѣмъ онъ вынулъ часы и сказалъ:

— А теперь мнѣ уже пора ѣхать. Прощайте, Марья Сергѣевна и... простите...

Его прервалъ мой крикъ, вырвавшійся у меня непроизвольно.

— Юрій!.. — съ этимъ крикомъ я бросилась къ Леонову, привставшему съ кресла, и схватилась обѣими руками за его плечи, чтобы удержаться на подкосившихся подо мною ногахъ.

Голова ли у меня закружилась, потемнѣло ли въ глазахъ— не знаю, но сознанія я ни на одну секунду не потеряла. Я видѣла взглядъ Леонова, и испуганный, и удивленный, слышала его возгласъ: „Мэри!"—но сама была не въ силахъ произнести ни слова, ни звука. Странное состояніе непреодолимой слабости овладѣло мною. Кромѣ слабости, я ничего не ощущала и не чувствовала, ни боли, ни дурноты, ни страха, ни стыда...

Такъ продолжалось съ минуту; затѣмъ мнѣ показалось, что почва подо мною заколебалась волною. Волна эта поднялась, поднимая меня, и снова опустилась, опуская меня. Я опускалась медленно, плавно, все ниже и ниже... и незамѣтно для самой себя очутилась на колѣняхъ передъ Леоновымъ.

Онъ не поднялъ меня, но самъ сталъ склоняться ко мнѣ все ближе и ближе, съ пытливымъ безпокойствомъ заглядывая въ мое лицо, какъ бы стараясь прочесть на немъ, что происходитъ со мною, во мнѣ. Онъ прочелъ! Въ темныхъ зрачкахъ его ясныхъ глазъ засіялъ радостный огонекъ торжества, сжатыя губы раздвинулись улыбкой...

Я почувствовала, какъ меня что-то тѣсно, точно тисками,

сдавило, такъ что я не могла пошевельнуся, еслибы и захотѣла,— почувствовала прикосновеніе чего-то горячаго къ своимъ губамъ, уже раскрытымъ, чтобы крикнуть, и... и перестала чувствовать сознательно: голова у меня закружилась, въ глазахъ потемнѣло, и я какъ бы полетѣла въ пропасть. Но вмѣсто того, чтобы очутиться на ея черномъ днѣ, мнѣ казалось, я попала на седьмое небо.

24 августа.

Юрій, само собою разумѣется, не уѣхалъ и не уѣдетъ.

Какъ мнѣ было неловко, какъ совѣстно встрѣтиться съ нимъ сегодня послѣ моего вчерашняго головокружительнаго полета въ самозабвеніи къ заоблачнымъ сферамъ и звѣзднымъ мірамъ!.. Я не знала, какъ посмотрѣть на него, какъ заговорить съ нимъ, но онъ меня вывелъ изъ затрудненія поцѣлуемъ, отъ котораго у меня опять въ глазахъ потемнѣло.

Вчера одинъ поцѣлуй, сегодня—другой, завтра—третій, вѣроятно, а дальше что?.. Куда эти поцѣлуи меня заведутъ?.. Быть можетъ, такъ далеко, что я одна и дороги назадъ не съумѣю найти. Одна—пожалуй, а съ Юріемъ вдвоемъ—найду. Не броситъ же онъ меня на опасномъ пути на произволъ судьбы!.. Какъ-нибудь да приведетъ куда-нибудь... Но какъ и куда, когда единственный прямой выходъ закрытъ такою прочною преградой: вѣдь онъ женатъ!

Жена, у Юрія есть жена, это ужасно!.. ужасно!..

Она гдѣ-то *есть*—это все, что я знаю о ней.

Вѣрно, она красивая, умная,—иначе онъ въ нее не влюбился бы... И навѣрное порядочная, честная,—иначе онъ не женился бы на ней. Онъ строгъ до подозрительности и требователенъ до щепетильности.

Но если жена Леонова—и то, и другое, и третье, и четвертое—отчего же онъ съ нею разошелся?!.. Разошелся ли?..

Мнѣ приходитъ нехорошая мысль... Нѣтъ, не хочу и думать, чтобы онъ смѣлъ смотрѣть на нашу встрѣчу въ жизни какъ на случайную и лишь забавную остановку на перекресткѣ двухъ различныхъ путей. Встрѣтились, пріостановились—и снова пошли дальше, каждый своей дорогой. Онъ—по направленію къ домашнему очагу, гдѣ его ждетъ вѣрная, хотя и обманутая имъ, но или наивно довѣрчивая, или всепрощающая жена;—а я—безъ всякаго направленія: куда глаза глядятъ...

Въ тревогѣ сомнѣній, я оскорбляю Юрія напрасными подозрѣніями. Онъ не способенъ на низость обмана, на подлость двойной измѣны, на вѣроломство въ любви. А что онъ меня

любитъ, такъ это ясно какъ Божій день, какъ солнца свѣтъ... Не ослѣплена же я такъ своею собственною любовью, чтобы видѣть лишь ея отраженіе въ каждомъ взглядѣ Юрія, въ каждой его улыбкѣ...

Взгляды, улыбки—пока мнѣ и этого достаточно, пожалуй... а потомъ... что потомъ?!

25 августа.

Такіе дураки, какъ Чебаревъ, должны были бы родиться на свѣтъ глухонѣмыми. Къ этому заключенію я пришла сегодня въ „Фолькcгартенѣ", гдѣ я могла бы провести очень пріятно время, сидя рядомъ съ Леоновымъ такъ близко, что наши руки соприкасались,—еслибы военный оркестръ не заигралъ попурри изъ „Прекрасной Елены", а Чебаревъ не заговорилъ:

— A la bonne heure—parole d'honneur!.. А какую я прекрасную Аленочку нынче въ Кіевѣ видѣлъ—страшное дѣло!.. Какъ она выскочила на сцену въ своемъ античномъ „безбѣльѣ", такъ у меня ажъ мурашки по кожѣ пріятно забѣгали... я такъ и впился глазами въ ея этотъ разрѣзъ, знаете, на туникѣ, изъ какой-то сквозной ткани, такой, знаете ли, „что дразнитъ око"—какъ это у Толстого сказано. Только у его „грѣшницы" лишь „ея и серьги и запястья, звеня, къ восторгамъ сладострастья, къ утѣхамъ пламеннымъ зовутъ"—а у моей „прекрасной Аленочки" къ этому, знаете ли, самому зовутъ всѣ жилочки и всѣ поджилочки на всемъ гибкомъ и по змѣиному извивающемся полу-голомъ тѣлѣ, дышущемъ соблазномъ и порокомъ. Страшное дѣло—parole d'honneur!.. А какъ она поетъ это свое, знаете ли: „О, неужели, боги, васъ веселитъ,—коль моя честь кувыркомъ, кувыркомъ полетитъ"—и при этомъ растерянно хватается обѣими руками за свою прорѣху, точно и взаправду боится, какъ бы изъ нея ея честь кувыркомъ не вылетѣла!.. ха, ха, ха!.. ай да Жанна Лео!..

— Какъ?!—глухо и испуганно вырвалось у Леонова.

— Жанна Лео,—повторилъ Чебаревъ.—Вы ее знаете?

Вопросъ Чебарева заставилъ Леонова поблѣднѣть и низко потупить глаза. Онъ долго медлилъ отвѣтомъ, который наконецъ произнесъ неестественно громкимъ, почти крикливымъ голосомъ:

— Она—моя жена.

Настало молчаніе, болѣе чѣмъ неловкое, прерванное вдругъ возгласомъ Чебарева:

— Поздравляю!.. Признаюсь—не ожидалъ!..

. . . . . .

Вернувшись съ концерта въ „Фолькcгартенѣ“, Катя прямо вошла за мною въ мою комнату.

— Каково!—гнѣвно и возмущенно воскликнула она.—Слушалъ, слушалъ—и вдругъ выпалилъ какъ изъ пушки: „она—моя жена!“—Послѣ этого ничего больше и не оставалось, какъ отвѣтить ему: „Поздравляю!.. Признаюсь—не ожидалъ“! Молодецъ Чебаревъ!

— Дуракъ твой Чебаревъ, оселъ, болванъ, идіотъ!—прокричала я въ неудержимомъ раздраженіи.

Катя горячо вступилась и за себя, и за него:

— Онъ не мой, это во-первыхъ,—скорѣе ужъ твой, потому что онъ къ тебѣ примащивается въ женихи, обѣщая усладить твою совмѣстную съ нимъ жизнь милліономъ пудовъ сахару въ годъ,—а во-вторыхъ, онъ не виноватъ, что твой Леоновъ уже женатъ, и притомъ на какой-то позорной канканщицѣ, кувыркающей его супружескую честь публично, на балаганныхъ подмосткахъ. Вмѣсто того, чтобы злиться на Чебарева, я бы такъ кувыркнула самого Леонова, что не только богамъ, которыхъ его жена веселитъ, но и всѣмъ чертямъ стало бы тошно!..

— За что же?—неувѣренно спросила я.

Катя досадливо махнула рукой.

— Послѣ такого вопроса, съ тобой и говорить не стоитъ, но съ нимъ я завтра же поговорю по душѣ.

— Съ Леоновымъ? — встревожилась я. — Что же ты ему скажешь?

— Будь покойна, я ему хорошо скажу. Я ему скажу, что онъ—гнусный человѣкъ, низкій, подлый...

И это называется „поговорить по душѣ“!

Зная, что Катя, въ порывѣ вспыльчивости, способна привести свою безсмысленную угрозу въ исполненіе, я строго и серьезно проговорила:

— Ты не смѣешь его незаслуженно оскорблять.

— „Незаслуженно“,—это мнѣ нравится! Неужели ты не понимаешь, что онъ поступаетъ съ тобой хуже всякаго Ловеласа, хуже всякаго Донъ-Жуана,—тѣ, по крайней мѣрѣ, вѣрно были холостые, а этотъ женатъ. Пойми—женатъ. Ты вѣдь слишкомъ умна, чтобы не понимать, что ты дура!

— А ты слишкомъ глупа, чтобы сознавать, что ты дура—отвѣтила я ей въ сердцахъ.

— Но за то я сознаю, что я недостаточно умна, чтобы съ неба звѣзды ловить, и потому, какъ ты, пальчиковъ себѣ не обжигаю.

— Замолчи!—затопала я на нее ногами, не владѣя больше собою, и тутъ же расплакалась.

— Ты... ты... я... я...—начала заикаться Катя и тоже кончила слезами.

Поплакали мы вмѣстѣ, а потомъ мирно и дружно поговорили.

Катя —взбалмошная, но удивительно добрая. Она обѣщала не только мнѣ ни въ чемъ не мѣшать, но во всемъ помогать,—съ условіемъ, однако, чтобы я рѣшительно ничего отъ нея не скрывала.

Ну, это еще посмотримъ! Что̀ будетъ дальше—не знаю, а пока она у меня ужъ достаточно выпытала.

— Ты очень, очень его любишь? — спрашиваетъ у меня Катя, послѣ того какъ я ей сама призналась, что люблю Леонова.

— Очень люблю,—отвѣчаю я ей правдиво.

— Такъ же, какъ ты любила Андрюшу, или еще больше?

— И больше, и иначе...

— Иначе? — переспрашиваетъ она меня съ живостью.— Гмъ!.. А цѣловалась ты съ нимъ, признайся?

— Конечно нѣтъ,—солгала я, не задумываясь, но тутъ же выдала себя предательскою улыбкой.

Катя погрозила мнѣ пальцемъ.

— Врешь!.. по губамъ вижу, что цѣловалась.

— Ну, и цѣловалась!—рѣшилась я ей признаться, но прибавила въ свое оправданіе:—Съ Андрюшей я тоже цѣловалась.

— Но тоже иначе, вѣроятно,—засмѣялась она добродушно,— оттого ты его и любишь иначе.

Кто могъ ожидать отъ Кати такой чуткости!

26 августа.

Опять всю ночь глазъ не сомкнула, только къ утру стала впадать въ забытье, перешедшее въ кошмаръ. Я видѣла Леонова, съ искаженнымъ лицомъ, въ цѣпкихъ объятіяхъ какой-то женщины, которая обвилась вокругъ него змѣей своимъ гибкимъ тѣломъ.

Сильный стукъ въ дверь разбудилъ меня отъ этого отвратительнаго сна. Оказалось, что коммиссіонеръ принесъ письмо на мое имя. Неожиданное письмо отъ Леонова: страничка изъ его жизни.

Онъ странно пишетъ, точно обрываетъ каждую фразу, иногда въ ущербъ если не сути разсказа, то смысла своихъ дѣйствій въ немъ.

Зачѣмъ, напримѣръ, онъ женился на своей женѣ?!.. Какъ

могъ онъ жениться на какой-то полузаконной дочери какой-то женщины полусвѣта, дѣвушкѣ, родившейся въ порокѣ уже порочною!..

Положимъ, онъ влюбился въ нее, влюбился съ первой же встрѣчи, съ перваго взгляда. Un coup de foudre, quoi!.. Къ этому навожденію, какъ онъ выражается, конечно много способствовала та обстановка, въ которой онъ ее увидѣлъ въ первый разъ. Она предстала передъ нимъ на любительской сценѣ, въ живой картинѣ изъ волшебной сказки, въ костюмѣ „огонекъ". Что это за костюмъ — Леоновъ не объясняетъ, но, вѣроятно, ослѣпительно-блестящій, потому что у него зарябило пламенною рябью въ глазахъ и весь міръ въ одну искру показался. Словомъ, „огонекъ" сдѣлалъ свое дѣло—зажегъ цѣлый пожаръ въ его сердцѣ.

Но вѣдь декораціи перемѣнились. Онъ увидѣлъ эту дѣвушку въ домашнемъ неряшливомъ костюмѣ, въ неинтересной обстановкѣ грязненькихъ меблированныхъ комнатъ, гдѣ въ чаду табачнаго дыма, смѣшаннаго съ запахомъ пачули, она, подъ аккомпаниментъ гитары, съ цыганскимъ задоромъ распѣвала: „Зацѣлуй меня до смерти—отъ тебя и смерть красна".

Ну, и зацѣловалъ бы онъ ее до... до чего угодно!.. Тѣмъ болѣе, что онъ довольно ясно намекаетъ, что не ему первому она... ...пѣла. Къ чему же было узаконивать эти поцѣлуи бракомъ?!

„Я женился на ней",—пишетъ мнѣ Леоновъ, безъ всякихъ дальнѣйшихъ объясненій, и прямо со свадьбы перескакиваетъ на семейный скандалъ.

Бѣдная Людмила Васильевна! Теперь я понимаю, почему выраженіе испуга застыло у нея въ глазахъ на всю жизнь. Этими глазами она увидѣла своего страстно любимаго жениха въ объятіяхъ другой женщины. И эта женщина была жена ея брата.

27 августа.

Юрій мнѣ сказалъ:

„Любви вашей мнѣ недостаточно,—мнѣ нужна еще ваша вѣра въ мою любовь, та вѣра, которая должна сдвинуть гору, стоящую пока крѣпостью между моимъ долгомъ въ отношеніи васъ и его исполненіемъ. Я люблю васъ, вѣрьте мнѣ на слово, такъ же, какъ и я вамъ повѣрю, если вы мнѣ скажете одно лишь слово: „вѣрю".

Я ему сказала: вѣрю.

Юрій мнѣ ничего не обѣщалъ, не далъ мнѣ даже опредѣ-

ленной надежды на осуществленіе какихъ бы то ни было моихъ надеждъ, которыхъ я не рѣшилась даже и высказать ему, но съ меня онъ взялъ обѣщаніе—ни о чемъ его не спрашивать, не вспоминать о томъ, что̀ было, и терпѣливо ждать того, что̀ будетъ.

Еслибы онъ потребовалъ отъ меня въ ту минуту клятвы послѣдовать за нимъ на край свѣта, и даже за его край—на тотъ свѣтъ,—то и тогда я ему отвѣтила бы согласіемъ, чтобы не отрывать своихъ рукъ отъ его рукъ...

28 августа.

Людмила Васильевна опасно заболѣла. Юрій получилъ сегодня телеграмму отъ ея доктора и завтра выѣзжаетъ къ ней въ деревню.

Господи, какъ мнѣ тяжело отъ одной мысли о близкой разлукѣ съ нимъ! Какъ я буду жить безъ Юрія, когда безъ него и жить не стоитъ!.. Лучше умереть сегодня же, чтобы не доживать до завтрашняго дня. Завтра—какой страшный день!.. Пусть бы онъ никогда не наступалъ, или прошелъ бы уже поскорѣе!.. Минутами, мнѣ часы секундами кажутся, а тамъ, опять, секунды—часами.

Я не переживу разлуки съ нимъ, или я съ ума сойду!

29 августа.

Страшный день насталъ, и прошелъ, и я пережила разлуку съ Юріемъ, и съ ума не сошла...

Прощаясь, онъ былъ очень взволнованъ и разстроенъ, а я, наоборотъ, была спокойна, тѣмъ обманчивымъ, зловѣщимъ спокойствіемъ, съ которымъ, говорятъ, слабые духомъ люди лишаютъ себя жизни изъ страха смерти.

Юрій долго стоялъ передо мною на колѣняхъ, произносилъ, со слезами на глазахъ и съ дрожью въ голосѣ, какія-то ласковыя слова и увѣренія въ чемъ-то, которыя я слушала, не понимая, въ нѣмомъ и тоскливомъ ожиданіи, что сейчасъ все это кончится, и это ожиданіе было настоящею пыткой для меня.

Кончилась и моя пытка, и мы разстались, но Юрій не понялъ, чего мнѣ стоило это прощанье съ нимъ.

Софья Витте.

СТИХОТВОРЕНІЯ

I.

Вѣтеръ шумитъ по деревьямъ могучаго парка,
Сосны скрипятъ, и качаются темныя ели.
Только вчера было въ воздухѣ душно и жарко,
Вечеръ былъ тихъ, и далекія звѣзды блестѣли;
Только вчера мы съ тобою такъ сладко мечтали,
Свѣтлаго счастья картины предъ нами носились...
Только вчера... а сегодня такъ грустны мы стали,
Слезы въ глазахъ, и печалью черты омрачились...
О, неужели тотъ вихрь, что мнѣ сердце тревожитъ,
Грустно-тоскливую осень ведетъ за собою?
О, неужели размолвка минутная можетъ
Нашу любовь охладить и наполнить намъ душу тоскою?!.

II.

Вчера мнѣ снился сонъ: надъ книгою склонившись
И взявшись за руки, сидѣли мы съ тобой.
Никто намъ не мѣшалъ, и, въ чтенье углубившись,
Впивали жадно мы разсказъ любви чужой.
Былъ вечеръ... За окномъ кружилась и стонала
Суровая метель... но въ комнатѣ моей
Топилась жарко печь, и лампа освѣщала
Нашъ милый уголокъ, и книгу, и надъ ней
Твое склоненное, съ прекраснымъ выраженьемъ,
Серьезное лицо... Но то была мечта!

Прекрасный, сладкій сонъ... и вмѣстѣ съ пробужденьемъ
Ко мнѣ вернулась скорбь, и жизни суета
Меня опять томитъ... Я чувствую, я знаю,
Что въ сердцѣ я твоемъ отвѣта не найду!
Но все-жъ люблю тебя, люблю и призываю,
И счастья хоть на мигъ, хоть въ сновидѣньѣ жду!

III.

Въ зелени тихо гамакъ мой качается...
Въ паркѣ, подъ липой тѣнистой,
Такъ беззаботно, такъ сладко мечтается!
Небо такъ сине, такъ чисто,
День такъ хорошъ! чуть замѣтно колышатся
Травы; въ листвѣ, не смолкая,
Пѣнье свободное, звонкое слышится,
Жизнью весь паркъ наполняя.
Какъ я люблю это пѣнье, и знойное
Солнце, и паркъ, и движенье
Тихое травъ, и мечтанье спокойное
Въ царствѣ прохлады и лѣни!

IV.

Другъ мой! минувшаго лѣта забудь вдохновенныя сказки!
Чудное лѣто прошло! нѣтъ волшебной и нѣжной окраски,
Нѣтъ звонкихъ пѣсенъ кругомъ... вѣковыя могучія ели
Стонутъ въ суровой борьбѣ съ безпощадною властью метели...
Жди терпѣливо, мой другъ,—безполезно роптать! пронесется
Много томительныхъ дней, и весна молодая вернется!
Снова свободно вздохнемъ, и еще вдохновеннѣй, прелестнѣй
Нѣжной волной зазвучатъ и польются кругомъ наши пѣсни!

V.

На небо мѣсяцъ взошелъ... и свѣтлыя пятна и тѣни
Рѣзко ложатся вокругъ... ароматная ночь наступаетъ...
Мокрыя послѣ дождя, деревья стоятъ безъ движенья,
Съ листьевъ безшумныя капли одна за другою сбѣгаютъ.

Въ правильныхъ клумбахъ цвѣты, облитые луннымъ сіяньемъ,
Жадно и влагу, и свѣтъ, и ночную прохладу впиваютъ.
Старыя липы цвѣтутъ, и тёмныя ихъ очертанья
Странной, причудливой тѣнью дорожку и лугъ покрываютъ.
Съ сердцемъ спокойнымъ и легкимъ схожу я съ террасы, гдѣ пышно
Гибкія вѣтки сплетаются вьющихся нѣжныхъ растеній...
Ночь окружила меня и, робко лаская, неслышно
Вводитъ въ свой міръ фантастичный и полный прекрасныхъ видѣній...

VI.

На каждый горькій стонъ, на каждое рыданье
Въ моей душѣ беззвучный откликъ есть.
Во мнѣ всегда живетъ горячее желанье
Свое участіе въ чужое горе внесть.
Но я сама слаба; мнѣ трудно пріютиться
На жизненномъ пути, гдѣ столько лжи и зла...
Такъ что-жъ мнѣ людямъ дать, чѣмъ съ ними подѣлиться?
Вѣдь мнѣ самой пока такъ мало жизнь дала!
И мимо я иду, ничѣмъ не облегчая
Ни бѣдствій, ни нужды, что родъ людской томятъ...
Но слезы и мольбы, мнѣ въ сердце проникая,
Аккордомъ горестнымъ и долгимъ въ немъ звучатъ.

Е. Гн.

ГОРОДСКОЕ УПРАВЛЕНІЕ

ВЪ ГУБЕРНІЯХЪ

ЦАРСТВА ПОЛЬСКАГО

ОЧЕРКЪ.

Недостатки нынѣ дѣйствующаго „Городового Положенія 1892 года“, возможныя ошибки и погрѣшности со стороны тѣхъ, которые были призываемы примѣнять его на практикѣ, а быть можетъ и другія обстоятельства—выдвинули въ послѣднее время на очередь общій вопросъ о городскомъ управленіи и въ обществѣ, и въ повременной печати, и въ правительственныхъ сферахъ.

При возникшихъ по этому предмету сужденіяхъ неоднократно встрѣчались въ печати ссылки на Варшаву и ея хозяйственное управленіе, въ смыслѣ преимуществъ существующаго въ губерніяхъ царства польскаго порядка веденія городскихъ дѣлъ. Нѣкоторыми органами печати городскіе порядки этого края прямо ставились въ образецъ и были рекомендуемы къ повсемѣстному примѣненію въ государствѣ.

Вотъ почему, быть можетъ, не безъинтересно будетъ войти въ болѣе близкое разсмотрѣніе вопроса о томъ, въ чемъ состоитъ и какъ дѣйствуетъ городское управленіе въ губерніяхъ царства польскаго?

I.

Система управленія городами въ этомъ краѣ, какъ мы увидимъ, является на дѣлѣ, въ полномъ смыслѣ слова, бюрократическою, или еще точнѣе—приказною.

Въ городахъ существуютъ городскія управленія, называемыя „магистратами", во главѣ которыхъ—въ болѣе значительныхъ центрахъ—стоятъ президенты, а въ другихъ—бургомистры. Всѣ служащіе въ этихъ магистратахъ назначаются правительствомъ. Городское общество не принимаетъ въ этомъ никакого участія и, за отсутствіемъ выборныхъ органовъ, не оказываетъ на ходъ мѣстныхъ городскихъ дѣлъ никакого воздѣйствія и вліянія.

Согласно § 4 постановленія князя намѣстника, еще отъ 30 мая 1816 года [1]), объ устройствѣ городовъ, принимающіе участіе въ присутствіи магистратовъ „ратманы" и „лавники" (въ количествѣ не болѣе четырехъ на городъ) должны быть назначаемы изъ числа жителей, обладающихъ недвижимою собственностью въ городѣ; на дѣлѣ, однако, это правило вовсе не соблюдалось и назначенія совершались независимо отъ того, владѣютъ ли кандидаты чѣмъ либо, или нѣтъ [2]). Впрочемъ, это правило не касалось Варшавы, а лишь другихъ городовъ, такъ какъ управленіе Варшавою было установлено по другимъ постановленіямъ [3]).

Всѣ городскіе магистраты находятся въ полной зависимости отъ правительственныхъ органовъ и изображаютъ собою послѣднее звено административной цѣпи. Въ уѣздныхъ и находящихся въ уѣздѣ городахъ они состоятъ въ вѣдомствѣ уѣздныхъ управленій, въ губернскихъ и въ г. Лодзи—въ вѣдомствѣ губернскихъ правленій; Варшава же и ея городское управленіе подчинены въ общемъ порядкѣ управленія непосредственно министерству вну-

---

[1]) Дневникъ законовъ царства польскаго. Томъ VI, стр. 25.

[2]) Покойный генералъ-губернаторъ, кн. К. Н. Имеретинскій, на основаніи этого правила возбудилъ вопросъ о приглашеніи по городамъ внѣ Варшавы ратмановъ и лавниковъ изъ числа городскихъ жителей и въ 1900 году предписалъ губернаторамъ—независимо отъ служащихъ назначать въ помощь президентамъ и бургомистрамъ ратмановъ и лавниковъ—изъ городскихъ обывателей. Такія лица были приглашены губернаторами, но возлѣ правительственныхъ чиновъ они не пользуются никакимъ авторитетомъ.

[3]) Дневникъ законовъ. Томъ I, стр. 155. Постановленіе князя намѣстника отъ 10 февраля 1816 г.—Сборникъ административныхъ постановленій. Вѣдомство внутреннихъ дѣлъ. Часть V. Томъ I, стр. 30. Распоряженіе б. коммисіи внутреннихъ дѣлъ отъ 13 мая 1816 г.—Дневн. зак., т. 70, стр. 262. Положеніе отъ 22 іюня 1870 г.

треннихъ дѣлъ, а въ мѣстномъ—главному начальнику края [1]). Оставляя въ сторонѣ послѣдовавшія со временемъ частныя и временныя измѣненія, эта система управленія въ принципѣ существуетъ съ 1818 г.

Тѣмъ не менѣе, нельзя признать ее исторически установившеюся,—напротивъ того, она сложилась, въ настоящемъ ея видѣ, благодаря случайнымъ событіямъ и подъ ихъ вліяніемъ.

Во времена древней Польши города царства польскаго пользовались самоуправленіемъ, которое прекратилось въ моментъ перехода края отчасти подъ прусское, отчасти подъ австрійское владычество. Послѣ образованія въ 1806 году варшавскаго герцогства, имѣлось въ виду возстановить управленіе городами при участіи городского населенія, и возлѣ муниципалитетовъ, состоявшихъ изъ назначенныхъ отъ правительства чиновниковъ, были открыты въ важнѣйшихъ городахъ муниципальные совѣты изъ представителей городского общества, для наблюденія за ходомъ городскихъ дѣлъ и для совѣщанія о нуждахъ городовъ.

Съ 1818 года совѣты перестали существовать [2]), при сохраненіи, однако, въ краѣ воеводскихъ совѣтовъ по одному на каждое воеводство (т.-е на губернію), каковые совѣты, согласно послѣдовавшему тогда же распоряженію [3]), должны были замѣнять собою какъ прежніе департаментскіе и уѣздные, такъ и муниципальные совѣты.

Городское управленіе уже тогда потеряло характеръ общественнаго самоуправленія, а съ закрытіемъ, послѣ 1830 года, воеводскихъ совѣтовъ оно получило въ полномъ смыслѣ слова приказный характеръ [4]).

На основаніи указа 14 (26) марта 1861 г. [5]), были снова учреждены въ Варшавѣ и другихъ значительнѣйшихъ городахъ городскіе совѣты по выборному началу, но возбужденныя въ то время политическія волненія не дозволили городскому населенію посвятить свои труды на пользу мѣстныхъ нуждъ и потребностей, и Высочайшимъ повелѣніемъ, отъ 10 (22) іюля 1863 г. [6]), рѣшено въ тѣхъ случаяхъ, когда члены и кандидаты на членовъ

[1]) Дневникъ законовъ—томъ 66, стр. 166, ст. 87 Указа отъ 19 декабря 1866 г. Томъ 70 стр. 262, ст. I Положенія 22 іюня 1870 г.

[2]) Дневникъ законовъ, т. IV. Постан. князя намѣстника отъ 10 мая 1818 г., стр. 260.

[3]) То же пост. кн. нам. отъ 10 марта 1818 г.

[4]) Дневникъ законовъ, т. 58, стр. 328 и посл.

[5]) Слѣдуетъ прибавить, что въ 1842 году муниципальныя управленія переименованы въ магистраты. Дневникъ законовъ. Т. 30, стр. 281.

[6]) Сборникъ адм. постановленій вѣд. внутр. дѣлъ. Часть V, т. I, стр. 172.

городскихъ совѣтовъ уклоняются отъ своихъ обязанностей, завѣдываніе городскими дѣлами возложить на магистраты въ совокупности съ городскими совѣтами.

По логическому ходу вещей, магистраты не воспользовались предоставленными имъ случайно правами и не присвоили себѣ чуждой для нихъ роли городскихъ совѣтовъ, и съ послѣдовавшимъ во второй половинѣ 60-хъ годовъ преобразованіемъ административнаго строя губерній царства польскаго, въ силу указа 10 декабря 1866 г. [1]), магистраты превратились опять въ низшія административныя единицы, какъ это было до 1861 года, съ нѣкоторымъ измѣненіемъ порядка веденія дѣлъ, вызваннымъ закрытіемъ центральныхъ учрежденій и подчиненіемъ мѣстной администраціи края министерству внутреннихъ дѣлъ.

Этотъ вторичный переходъ къ бюрократическому началу совершился въ то же самое время, когда въ остальной Россіи, въ силу „Городового Положенія 16 іюня 1870 г.", перешли отъ приказной къ общественной системѣ городского управленія, привлекая тѣмъ громадныя общественныя силы къ завѣдыванію мѣстными городскими дѣлами.

Изъ всего этого видно, что закрѣпленный окончательно въ то время порядокъ правительственнаго управленія городскими дѣлами въ царствѣ польскомъ носилъ отпечатокъ исключительной мѣры, вызванной близкими къ этому времени событіями. Это было отступленіемъ отъ принципа, допущеннымъ временно, чему доказательствомъ служило то обстоятельство, что въ законѣ 22 іюня 1870 г. было постановлено — предоставить министру внутреннихъ дѣлъ приступить къ разсмотрѣнію вопроса объ органическомъ преобразованіи варшавскаго городского управленія и соображенія внести на разсмотрѣніе въ установленномъ порядкѣ [2]). Но временная мѣра превратилась въ постоянную и сохраняла полную силу донынѣ, содѣйствуя тѣмъ къ поддержанію въ государствѣ двухъ различныхъ системъ: одной, болѣе общественной, дѣйствующей въ настоящее время почти во всей имперіи (за исключеніемъ туркестанскаго края), и другой, бюрократической—въ губерніяхъ царства польскаго.

---

[1]) Дневникъ законовъ, т. 66, стр. 118; т. 68 стр. 30; т. 70, стр. 262.

[2]) Тамъ же, т. 70, стр. 277.

II.

Что касается предѣловъ вѣдомства магистратовъ, то, согласно приведеннымъ выше постановленіямъ, на нихъ возложены, съ одной стороны, различныя общегосударственныя задачи по исполненію воинской повинности, по взиманію казенныхъ сборовъ и налоговъ, по собиранію статистическихъ данныхъ и т. п.; и одновременно ими же вѣдаются хозяйственныя городскія дѣла и нѣкоторыя спеціальныя, какъ-то: руководительство въ цеховыхъ, ремесленныхъ и купеческихъ собраніяхъ, устройство костёльныхъ и божничныхъ дозоровъ, и пр., а исключительно въ Варшавѣ—еще завѣдываніе городскимъ ломбардомъ и страхованіе домовъ отъ огня.

Магистратамъ принадлежатъ: сборъ всякаго рода городскихъ податей и налоговъ; городскія кассы и ихъ отчетность; ассигнованіе слѣдуемыхъ выдачъ; надзоръ за всякаго рода городскою собственностью; надзоръ за торговыми мѣстами, мѣрами и вѣсами, за всякою торговлею и промысломъ; устройство рынковъ, содержаніе въ должномъ порядкѣ мостовой, городскихъ дорогъ, мостовъ и т. п.; точное исполненіе разрѣшенныхъ работъ; затѣмъ, составленіе проектовъ годовой росписи и проектовъ всякаго рода улучшеній по управленію, или относящихся къ городской собственности [1]). А такъ какъ, по общему правилу, все то, что не предуказано закономъ, не можетъ подлежать вѣдѣнію правительственныхъ органовъ, то ни призрѣніе бѣдныхъ, ни прекращеніе нищенства, ни устройство благотворительныхъ и лечебныхъ заведеній, ни участіе въ мѣропріятіяхъ по охраненію народнаго здравія, ни народное образованіе и просвѣщеніе массъ —все это не входитъ вовсе въ программу дѣятельности магистратовъ, которые, въ характерѣ административныхъ установленій, остаются чуждыми этого рода дѣламъ и предпріятіямъ.

Понятно, что подобныя заботы было бы трудно возлагать на правительственное городское управленіе, но, съ другой стороны, несомнѣнно, что дѣйствительныя нужды и пользы городского населенія могутъ быть при этомъ лишены надлежащаго о нихъ попеченія.

Для указанія послѣдствій возникающаго отсюда бездѣйствія достаточно привести, что, при девяти съ половиною милліонахъ жителей, ни въ одномъ городѣ края, ни даже въ Варшавѣ, не

---

[1]) Дневникъ законовъ, томъ 58, стр. 328.

имѣлось донынѣ ровно ни одного городского музея посвященнаго какимъ бы ни было отраслямъ изящныхъ или другихъ искусствъ; не имѣется въ краѣ ни одной городской библіотеки и ни одного (за исключеніемъ города Калиша) городского театра; ни въ одномъ городѣ не сооруженъ на городскія средства ни одинъ домъ на помѣщеніе начальныхъ училищъ, или богадельни либо пріюта; не существуетъ нигдѣ городскихъ бань и купаленъ.

Городскія управленія ограничиваются выдачею въ нѣкоторыхъ случаяхъ небольшихъ денежныхъ пособій такимъ или другимъ учрежденіямъ, не безпокоясь нисколько объ ихъ судьбѣ и развитіи. Собственно даже такія пособія выходятъ за предѣлы вѣдомства магистратовъ, и выдача ихъ производится въ силу настойчивыхъ требованій жизни, какъ бы въ обходъ закона.

Точно также города не оказываютъ никакого содѣйствія развитію промышленности и торговли. Въ городскихъ смѣтахъ нельзя встрѣтить статей, направленныхъ къ осуществленію подобныхъ цѣлей. Вообще, оставаясь на почвѣ фактовъ, слѣдуетъ сказать, что, въ видахъ поддержанія и развитія нравственнаго и матеріальнаго благосостоянія городского населенія на средства городскихъ кассъ, не встрѣчается слѣдовъ никакой почти дѣятельности.

Сравнивая, далѣе, расходы городовъ царства польскаго съ расходами другихъ городовъ имперіи, пользующихся довольно продолжительное время городскимъ самоуправленіемъ, а тѣмъ болѣе сравнивая ихъ расходы съ финансовымъ хозяйствомъ другихъ городовъ Европы,—намѣченные недостатки обнаруживаются тѣмъ сильнѣе и представляются съ большею еще ясностью и рельефностью.

Какъ извѣстно, хозяйственнымъ департаментомъ министерства внутреннихъ дѣлъ публикуются съ 1879 года отчеты о денежныхъ оборотахъ городскихъ кассъ по всѣмъ городамъ имперіи, не исключая городовъ царства польскаго, которые помѣщены въ особомъ отдѣлѣ въ концѣ каждаго отчета.

Сопоставляя городскіе доходы, показанные въ I отдѣлѣ послѣдняго опубликованнаго отчета за 1897 годъ съ данными II отдѣла о расходахъ, а именно съ расходами на содержаніе учебныхъ заведеній (графа 5) и на содержаніе всякаго рода благотворительныхъ заведеній (графа 6 [1]), оказывается, что въ польскихъ городахъ расходуется на начальное образованіе и бла-

[1]) Слѣдуетъ прибавить, что въ смѣтахъ польскихъ городовъ, за исключеніемъ Варшавы, расходы на начальныя училища смѣшаны съ расходами благотворительнаго характера въ одну графу, подъ наименованіемъ расходовъ на содержаніе благотворительныхъ и другихъ общеполезныхъ заведеній.

готворительность сравнительно гораздо меньше, чѣмъ въ столицахъ и другихъ русскихъ городахъ.

Такъ, напримѣръ, въ Петербургѣ, при доходѣ въ 12.803,644 р., была израсходована на эти надобности сумма въ 3.380.009 руб.; въ Москвѣ изъ 14.663.363 руб.—сумма въ 2.780.240 руб., а въ Варшавѣ изъ 6.591.852 руб. — всего лишь 310.829 руб.; такимъ же образомъ въ Ригѣ изъ 3.118.829 руб.—сумма въ 758.901 руб.; въ Одессѣ изъ 4.387.139 руб. — сумма въ 1.151.822 руб.; въ Саратовѣ изъ 1.500.658 руб.—сумма въ 189.017 руб., а въ Лодзи изъ 846.991 руб.—всего лишь сумма въ 26.528 руб.; въ Ченстоховѣ изъ 82.581 руб.—сумма въ 8.837 руб., и въ Згержѣ изъ 25.222 руб.—сумма въ 409 рублей. Даже въ сибирскихъ городахъ, въ которыхъ общественное управленіе до 1897 года недостаточно укоренилось, все-таки уровень расходовъ на образованіе и призрѣніе бѣдныхъ оказывается выше въ сопоставленіи съ расходами польскихъ городовъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ Иркутскѣ онъ стоялъ на 15,4%, въ Тобольскѣ—на 5,5% и въ Омскѣ на 12,1%,—а въ Варшавѣ на 4,6%, въ Лодзи—на 3,1%.

Все это позволяетъ сдѣлать то заключеніе, что система общественнаго городского управленія влечетъ съ собою усиленную дѣятельность по удовлетворенію дѣйствительныхъ нуждъ и пользъ городского населенія. По всѣмъ городамъ Россіи, безъ Финляндіи и царства польскаго, на вышесказанныя нужды израсходовано 13.932,535 руб., или 17,2% дохода; а въ городахъ царства—всего 439,138 руб., то-есть 4,07% ихъ годовыхъ поступленій.

Еще гораздо рельефнѣе это обнаруживается при сопоставленіи расходуемыхъ суммъ съ количествомъ городского населенія. Пользуясь цифрами народной переписи 1897 года и вышесказаннаго отчета о городскихъ оборотахъ за тотъ же 1897 годъ, получаемъ слѣдующее: въ Петербургѣ на цѣли образованія и благотворительности, въ теченіе 1897 года, израсходовано, въ среднемъ, на одного жителя 2 руб. 68 коп., въ Москвѣ—2 руб. 70 коп., а въ Варшавѣ—48 коп.; во всѣхъ городахъ Россіи, за исключеніемъ царства польскаго и Финляндіи—96 коп., а въ городахъ царства польскаго—21 коп.; наконецъ, въ русскихъ городахъ, безъ Петербурга и Москвы—63 коп., а въ городахъ царства польскаго, безъ Варшавы—9 копѣекъ.

Оказывается, что во всей Россіи расходуется изъ городскихъ средствъ, въ среднемъ, въ пять разъ болѣе, а внѣ столицъ, при сопоставленіи съ польскими городами безъ Варшавы,

въ семь разъ болѣе, нежели въ этихъ послѣднихъ. Въ губернскомъ городѣ Люблинѣ расходовалось въ теченіе года около 13 коп. на душу; въ такомъ же губернскомъ городѣ Петроковѣ—16 коп.; въ Ченстоховѣ—19 коп.; въ фабричныхъ центрахъ, а именно въ Лодзи—8 коп., а въ Згержѣ—всего только 2 коп. на одного человѣка въ годъ!

Изъ приведенныхъ цифръ, быть можетъ, болѣе всѣхъ поражаютъ цифры Лодзи и Згержа.

Въ самомъ дѣлѣ, 26.528 руб. въ годъ на обученіе, больницы и призрѣніе бѣдныхъ въ такомъ богатомъ промышленномъ городѣ, какъ Лодзь, гдѣ скопляется масса рабочаго люда, при населеніи въ 315.209 человѣкъ,—это, конечно, крайне мало. А что сказать про Згержъ, въ которомъ на эту надобность, при населеніи въ 19.124 человѣкъ, израсходовано было въ теченіе года всего 409 рублей?!

Въ томъ же 1897 году, въ чисто-русскихъ фабричныхъ пунктахъ, а именно, въ Иваново-Вознесенскѣ расходовалось на тѣ же надобности 20.894 руб., или, при населеніи въ 53.949 человѣкъ,—39 коп., а въ Брянскѣ—19.383 руб., или, при населеніи въ 23.520 человѣкъ, — 84 копѣйки въ теченіе года на одного жителя.

Еще печальнѣе представляется сопоставленіе городовъ ц. польскаго съ дѣятельностью иностранныхъ городовъ, гдѣ на народное образованіе и общія нужды населенія дѣлаются громадныя изъ общественныхъ средствъ затраты.

Въ 1898 году, въ фабричномъ Манчестерѣ расходы города по этимъ предметамъ достигли 2.415.993 руб.,—что, по количеству населенія, составляло 4 рубля 66 коп. на человѣка [1]).

Согласно такому же подсчету, приблизительно къ тому же времени, расходовалось:

въ Парижѣ	8 р.	50 к.
„ Брюсселѣ. . . .	6 „	30 „
„ Копенгагенѣ . .	7 „	92 „
„ Лейпцигѣ. . . .	6 „	60 „

на одного жителя въ годъ [2]).

---

[1]) Gaston Cadoux,—Les finances de la ville de Paris suivies d'un essai de statistique comparative, стр. 698. Цифры въ франкахъ представляются въ такомъ видѣ: на народное образованіе—2.125.000 фр., а на благотворительныя цѣли—4.317.650 фр., итого—6.442.650 фр. при населеніи въ 539.079 человѣкъ. Среднее составляетъ почти 12 фр., т.-е. 4 р. 66 коп. на человѣка.

[2]) Cadoux, l. c., стр., 698 и 699.

Въ удостовѣреніе того, что приведенныя выше цифры за 1897 годъ не составляли чего-либо случайнаго и исключительнаго, достаточно сдѣлать сопоставленіе съ данными 1879 года, съ котораго начата правительствомъ публикація городскихъ финансовыхъ оборотовъ.

Съ 1879 года расходы на начальное обученіе и благотворительное обученіе и благотворительность, и по общимъ цифрамъ, и въ пропорціональномъ отношеніи, подверглись значительному повышенію вездѣ, за исключеніемъ только польскихъ городовъ.

Въ самомъ дѣлѣ, въ Петербургѣ эти расходы съ 7,3% (за 1879 г.) достигли до 26,7%, а вообще въ городахъ Россіи, безъ Финляндіи и царства польскаго — съ 11,5% (за 1879 г.) до 17,2% всѣхъ доходовъ; между тѣмъ, въ городахъ польскихъ, какъ въ 1879 году, такъ и въ 1897 году, расходовалось всего лишь 4,7% общихъ поступленій. Абсолютныя цифры сихъ послѣднихъ повысились соотвѣтственно росту доходовъ (149.049 руб. на 439.138 руб.), но процентное отношеніе осталось неизмѣннымъ. Стало быть, въ Россіи, съ водвореніемъ городского общественнаго управленія, съ теченіемъ времени усиливается содѣйствіе городскихъ обществъ въ дѣлѣ образованія и благотворительности, а въ польскихъ городахъ, гдѣ донынѣ дѣйствуетъ прежняя бюрократическая система, не замѣчается ничего подобнаго.

III.

Съ другой стороны, точно также, и порядокъ веденія тѣхъ городскихъ дѣлъ, которыя предусмотрѣны дѣйствующими правилами и возложены въ Польшѣ на городскіе магистраты, далеко не представляется удовлетворительнымъ.

Въ уѣздныхъ и расположенныхъ въ уѣздѣ городахъ магистраты, по предметамъ городскихъ порядковъ, не пользуются никакою самостоятельностью.

По ст. 87 Положенія 19 (31) декабря 1866 г. [1]), начальникъ уѣзда управляетъ непосредственно ввѣреннымъ ему уѣздомъ, со всѣми входящими въ его составъ городами, причемъ, согласно 106 ст. того же Положенія, городскія дѣла подлежатъ разсмотрѣнію въ присутствіи уѣзднаго управленія. Дѣла объ раскладкѣ сборовъ въ городахъ, составленіе и утвержденіе разнаго рода росписей, счеты по предметамъ городскихъ кассъ, даже

[1]) Днев. законовъ, т. 66, стр. 166.

наемъ дома и покупка мебели для магистратовъ, все это подлежитъ разсмотрѣнію уѣзднаго управленія.

По этой же 106 ст. смѣты доходамъ и расходамъ признаются подлежащими составленію въ уѣздномъ управленіи, а такъ какъ уѣздныя управленія въ правѣ утверждать смѣты лишь до 150 руб. въ годъ, то по большей части онѣ передаются далѣе на утвержденіе губернскаго правленія; если же превышаютъ 20.000 руб. годового дохода, то, согласно п. 5 ст. 3 дополн. правилъ 29 февраля 1868 г. [1]), представляются чрезъ губернское правленіе и главнаго начальника края на утвержденіе министра внутреннихъ дѣлъ.

Если понадобится совершить какую-нибудь постройку или ремонтъ, то равнымъ образомъ необходимо разрѣшеніе высшаго начальства. Уѣздное же управленіе, согласно приведенной 106 ст., въ правѣ разрѣшить такія работы хозяйственнымъ образомъ на сумму не свыше 30 руб. въ годъ; а губернское правленіе — на сумму до 1.000 руб., при безуспѣшности торговъ. Уѣздному управленію предоставлено производить торги на городскія постройки, подряды, поставки и на отдачу въ аренду оброчныхъ статей, но окончательное утвержденіе торговъ предоставлено ему лишь до суммы 300 руб. годового подряда и аренды; свыше этой суммы утвержденіе торговъ, а также производство ихъ во всѣхъ важнѣйшихъ случаяхъ принадлежитъ губернскому правленію; но если сумма подряда, поставки или аренды превышаетъ 10.000 руб. за весь контрактный срокъ, то необходимо представлять на утвержденіе министерства и даже правительствующаго сената, при суммѣ свыше 20.000 руб.

Впрочемъ, по ст. 16, въ видѣ облегченія предоставлено губернатору разрѣшать своею властью постройки и ремонтъ изъ городскихъ текущихъ доходовъ на сумму 300 руб. въ годъ.

Пріобрѣтеніе или обмѣнъ земельныхъ участковъ подъ устройство улицъ и городскихъ площадей совсѣмъ выходитъ за предѣлы власти уѣзднаго управленія.

Въ случаѣ встрѣтившейся въ этомъ отношеніи надобности городскому магистрату приходится дѣлать представленіе чрезъ уѣздное начальство въ губернское правленіе, которое можетъ разрѣшить пріобрѣтеніе или обмѣнъ на сумму до 1.000 руб.; въ случаѣ же высшаго расхода — должно направить дѣло въ министерство.

Такой же порядокъ предписанъ для вопросовъ объ отчужде-

---

[1]) Дневн. зак., т. 68, стр. 30.

ніи городскихъ земельныхъ участковъ и о мировыхъ сдѣлкахъ по спорамъ между городами и частными лицами [1]).

Если приходится продать ненужное магистрату недвижимое или движимое имущество, то равнымъ образомъ необходимы торги; разрѣшеніе на такіе торги зависитъ отъ губернскаго правленія,—въ предѣлахъ, по недвижимымъ имуществамъ, до 300 руб., и по движимымъ—до 600 руб.; по предметамъ, превышающимъ эти суммы, дѣло переходитъ въ министерство. Состоявшіеся въ случаѣ такой продажи торги утверждаются губернскимъ правленіемъ, какъ выше изложено—до 10.000 руб.; а если предложенная на торгахъ цѣна превыситъ эту сумму, то необходимо утвержденіе министерства, а иногда еще и сената.

Городскому магистрату принадлежитъ завѣдываніе мѣрами, вѣсами и рынками, но назначеніе сроковъ для ярмарокъ и торговъ, а также измѣненіе ихъ нуждается въ разрѣшеніи губернскаго правленія.

Если дѣло касается какого-либо нововведенія или улучшенія, непредвидѣннаго дѣйствующими правилами,—напр., газоваго освѣщенія, водопроводовъ или канализаціи,—слѣдуетъ пройти весь длинный путь отъ магистрата до Высочайшаго утвержденія въ порядкѣ по начальству. Нужно ли разрѣшить въ городѣ монополію,—напр., открыть трамваи, или предоставить кому исключительное право совершать въ теченіе извѣстнаго времени какія-либо работы, за надлежащею оплатою въ пользу города,—необходимо соблюсти тотъ же порядокъ.

Въ лучшемъ нѣсколько положеніи находятся магистраты губернскихъ городовъ и города Лодзи, такъ какъ эти города исключены изъ вѣдомства уѣздныхъ управленій и сносятся съ губернскими правленіями—непосредственно, пользуясь правами уѣздныхъ управленій.

Въ самыхъ выгодныхъ условіяхъ состоитъ Варшава, во-первыхъ, потому, что она подчинена непосредственно министерству внутреннихъ дѣлъ и главному начальнику края; во-вторыхъ, потому, что варшавскому городскому магистрату предоставлены права губернскихъ правленій по отношенію къ мѣстнымъ интересамъ. На дѣлѣ, однакоже, и это положеніе представляется вовсе незавиднымъ.

Магистратъ г. Варшавы имѣетъ право расходовать безъ разрѣшенія высшей власти и безъ торговъ не болѣе 150 руб., и

---

[1]) Дневн. зак., т. 66, п. II, ст. 34; Полож. 1866 г., стр. 136, и т. 68, п. VIII, ст. 3 Правилъ 1868 г., стр. 30.

до этой суммы ограничено свободное распоряженіе со стороны варшавскаго городского управленія. Свыше того, магистрату наравнѣ съ губернскими правленіями предоставлено производить городскія работы и заготовленія—при безуспѣшности торговъ хозяйственнымъ образомъ—на сумму до 1.000 руб.; утверждать торги до 5.000 руб., съ обязанностью представлять на утвержденіе главнаго начальника края торги до 10.000 руб. Но въ такомъ большомъ городѣ, какъ Варшава, сдѣлки на 150 руб., и даже на 1.000 руб., не имѣютъ значенія и касаются самыхъ маловажныхъ случаевъ. Какія бы ни были постройки, улучшенія и работы по устройству мостовыхъ, бульваровъ, тротуаровъ, садовъ, насажденій и т. п., и даже обыкновенныя ремонтныя работы и исправленія, по какимъ бы ни было предметамъ,—превышаютъ обыкновенно сумму 1.000 руб. и требуютъ для себя гораздо бо̀льшихъ расходовъ. Вслѣдствіе того, предоставленныя магистрату г. Варшавы права не избавляютъ его отъ длинной переписки и сложныхъ представленій по всякаго рода даже незначительнымъ вопросамъ.

Дѣло, собственно, спасаетъ годовая смѣта, такъ какъ работы и улучшенія, внесенныя въ утвержденную министерствомъ смѣту, уже приводятся въ исполненіе собственною властью магистрата. Но внѣ смѣты, даже въ случаяхъ крайней необходимости, очень трудно сдѣлать что-либо полезное и необходимое.

Послѣдствіемъ такого порядка является то, что болѣе важныя городскія дѣла тянутся не только по годамъ, но и по десяткамъ лѣтъ, безъ всякаго успѣха. Достаточно вспомнить, напримѣръ, такое жизненное дѣло для Варшавы, какъ правильно устроенныя *бойни*, которыхъ, не взирая на всю ихъ необходимость, добиться не было возможности. Болѣе тридцати лѣтъ прошло съ того времени, когда вопросъ былъ затронутъ, началась переписка, сдѣлано предложеніе, пошли проекты, требовались многократныя разъясненія и измѣненія, и въ многолѣтней перепискѣ дѣло такъ и утонуло [1]).

Около восьмидесяти, если не болѣе, лѣтъ тому назадъ, возбужденъ былъ вопросъ объ открытіи *набережной, по берегамъ Вислы* и устройствѣ *бульваровъ*. Не мало исписано бумаги по этому предмету, но результата нѣтъ никакого.

---

[1]) Это тѣмъ удивительнѣе, что правильно устроенныя скотобойни могли бы составлять важную для города доходную статью. Въ Кіевѣ, въ истекшемъ 1901 году, какъ сообщали газеты, отъ эксплоатаціи городскихъ скотобоенъ поступило 242 тысячи, расходъ же на содержаніе составилъ всего лишь 93 тысячи. „Новое Время"— № 9328.

Такой же судьбѣ подвергся устарѣлый *проектъ плантацій въ окружности города*, вмѣсто окружавшихъ городъ валовъ. Въ настоящее время и валы исчезаютъ, но плантацій какъ не было, такъ и нѣтъ,—даже говорить о нихъ перестали.

Упоминаемая выше Лодзь существуетъ въ санитарныхъ условіяхъ, вызывающихъ всеобщій ропотъ. Почва, на которой воздвигается городъ, пропитана отбросами органическихъ тѣлъ въ состояніи гніенія и разложенія; вода для питья вездѣ заражена, и септическія болѣзни постоянно свирѣпствуютъ одна за другою, прекращаясь благодаря развѣ рѣдкимъ, впрочемъ, зимнимъ морозамъ. Въ виду огромнаго количества въ городѣ загрязненныхъ фабричныхъ водъ и необходимости ихъ очищенія, фабриканты города Лодзи въ 1895 г., на собственныя средства, разработали проектъ канализаціи и устройства осадочныхъ бассейновъ, пригласивъ къ тому соотвѣтственныхъ спеціалистовъ и затративъ на это нѣсколько десятковъ тысячъ. Проектъ былъ представленъ въ магистратъ г. Лодзи въ маѣ 1896 года, причемъ сдѣлано фабрикантами заявленіе о готовности составить планъ сбора со всѣхъ фабрикъ и домовъ на содержаніе этого сооруженія. Миновало шесть лѣтъ, проектъ гдѣ-то остановился, и о канализаціи нѣтъ болѣе рѣчи. Нечистоты валятъ, по установившемуся обычаю, въ окружающіе городъ ямы и овраги, а весною перевозятъ ихъ на сосѣднія поля, заражая воздухъ вокругъ города тяжелыми испареніями. Кстати слѣдуетъ прибавить, что въ такомъ большомъ городѣ, какъ Лодзь, кромѣ частныхъ фабричныхъ, не существуетъ городской больницы; имѣется лишь уѣздная больница на 60 кроватей, содержимая на средства уѣзда, въ пользу которой городъ выдавалъ въ видѣ пособія прежде 150 руб., а нынѣ выдаетъ 200 руб. въ годъ!

Не слѣдуетъ думать, что у города не хватаетъ средствъ для исполненія полезныхъ мѣропріятій,—средства бы нашлись, но дѣло въ томъ, что приведеніе ихъ въ исполненіе—не по силамъ бюрократическому городскому управленію.

IV.

Финансовое хозяйство городовъ ц. польскаго, въ свою очередь, представляетъ весьма интересное явленіе.

Въ западной Европѣ у городовъ имѣется мало свободныхъ капиталовъ, и по большей части вездѣ встрѣчаются долги.

Въ видѣ примѣра достаточно указать на нѣкоторые города:

Долгъ Берлина составляетъ. . .	124.160.953	руб.
„ Брюсселя „ . . .	105.367.650	„
„ Копенгагена „ . . .	31.112.839	„
„ Лейпцига „ . . .	28.622.277	„ [1]).

При прочно установившемся тамъ, однако, самоуправленіи такая задолженность не даетъ даже и повода для опасеній.

Согласно отчету объ оборотахъ городскихъ кассъ, у всѣхъ почти городовъ европейской Россіи также имѣются долги, далеко превышающіе наличные капиталы, а польскіе города, впрочемъ кромѣ Варшавы, обладаютъ даже значительными свободными капиталами.

Варшава составляетъ исключеніе по поводу долга на водопроводъ и канализацію; но слѣдуетъ прибавить, что до устройства водопроводовъ и канализаціи и за Варшавою всегда значились капиталы. Въ общемъ итогѣ, за 1897 годъ долги всѣхъ городовъ имперіи превышали капиталы на сумму 79.773.138 руб., то-есть, составляли около 80 милліоновъ, а за польскими городами, безъ Варшавы, значилось 2.660.467 руб. лежащихъ денегъ. Еслибы считать только 5%, то эти города теряютъ ежегодно отъ бездоходнаго капитала около 150.000 руб. въ годъ, но на дѣлѣ теряютъ несравненно больше, такъ какъ для нихъ пропадаютъ благодѣтельные результаты отъ возможныхъ общеполезныхъ производительныхъ мѣропріятій, которыхъ не существуетъ.

Наличность значительныхъ капиталовъ, лежащихъ безъ движенія и не приносящихъ никакой для городовъ пользы, служитъ доказательствомъ не богатства, а отсутствія правильной дѣятельности по городскимъ дѣламъ,—доказательствомъ неподвижности и апатіи. Иллюстраціею тому можетъ служить положеніе дѣла за разсматриваемый 1897 годъ.

Во всей Россіи остатки за этотъ годъ составляли 2.009.656 руб., или 2,4% всѣхъ доходовъ, а въ Варшавѣ—6,5%; въ другихъ же польскихъ городахъ—17,9%, именно 434.517 руб. и 476.900 руб., итого 911.417 рублей.

Въ этомъ же 1897 году, когда Лодзь выдала пособія мѣстной больницѣ всего 200 руб. и вообще на нужды по образованію и призрѣнію расходовала 8 коп., а Згержъ лишь 2 коп. на душу,—оказалось экономіи у Лодзи 179.871 рубль, у Згержа же—4.509 рублей, не считая имѣвшихся у нихъ отъ прежнихъ лѣтъ запасовъ.

---

[1]) Cadoux, l. c., стр. 698. Подсчетъ былъ совершенъ, принимая франкъ за 37½ копѣекъ.

Конечно, нельзя пренебрегать экономіею. Еслибы нужды оказались удовлетворенными, экономія составляла бы дѣйствительную заслугу системы, но дѣло въ томъ, что нужды остаются безъ удовлетворенія, и вовсе не имѣется попеченія о необходимыхъ предметахъ. Безпроцентные и мертвые капиталы не даютъ никакого утѣшенія. Они являются послѣдствіемъ системы бездѣйствія.

Администрація, принявъ въ Польшѣ въ свои руки все городское хозяйство и являясь отвѣтственною за все, должна была неминуемо прибѣгнуть къ такому режиму, который затруднялъ затраты. Еслибы правительственное руководительство не придерживалось начала экономіи, то и деньги бы ушли, и пользы бы не было. При такой альтернативѣ, дѣйствительно, остается одно: стоять на стражѣ строгой экономіи, какъ это и дѣлается въ польскихъ городахъ на практикѣ.

V.

Изъ всего доселѣ сказаннаго само собою явствуетъ, что принципъ бюрократическаго завѣдыванія городскими дѣлами, посредствомъ подчиненныхъ чиновниковъ, отражается невыгоднымъ образомъ на нуждахъ и пользахъ населенія. Городскія общества, не принимая участія въ разрѣшеніи вопросовъ, полезныхъ для благосостоянія городовъ, не могутъ содѣйствовать осуществленію желательныхъ на этомъ поприщѣ мѣръ и улучшеній. Съ другой стороны, формализмъ и канцелярская медлительность убиваютъ живую дѣятельность, уничтожая энергію въ самомъ зародышѣ и отнимая охоту напрягать усилія на дѣло, съ которымъ приходится случайно быть связаннымъ. Добрыя начинанія хотя и встрѣчаются, но они постепенно ослабѣваютъ, и въ концѣ-концовъ царитъ почти повсемѣстно полный индифферентизмъ. Неизбѣжный мелочной надзоръ начальства также тормазитъ дѣло и въ свою очередь, противъ воли, наноситъ вредъ. Всѣ эти недостатки системы сознаются какъ мѣстнымъ обществомъ, такъ и мѣстною администраціею.

Въ отношеніи, отъ 25 апрѣля истекшаго 1901 года, министръ внутреннихъ дѣлъ, „впредь до общаго пересмотра дѣйствующихъ въ Привислянскомъ краѣ узаконеній о городскомъ устройствѣ и управленіи“, предложилъ на заключеніе варшавскаго генералъ-губернатора проектъ временныхъ мѣръ „для устраненія обнаруженныхъ опытомъ неудобствъ“, признавая „неотложно необходимымъ“ немедленное устраненіе „болѣе

чувствительныхъ недостатковъ городского хозяйства въ этомъ краѣ". Согласно содержанію этого предложенія, предполагается предоставить утвержденіе городскихъ смѣтъ губернскимъ правленіямъ, для Варшавы же и Лодзи—генералъ-губернатору, а также предоставить тѣмъ же правленіямъ и генералъ-губернатору пополнять смѣтныя превышенія изъ запасныхъ капиталовъ; затѣмъ — расширить компетенцію губернскихъ правленій и магистрата г. Варшавы повышеніемъ цифры, въ предѣлахъ которой дозволено имъ самостоятельно дѣйствовать, съ 1.000 до 5.000 рублей, и придать генералъ-губернатору, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, по городскому управленію права, какія нынѣ предоставляются министру; наконецъ, разрѣшить магистратамъ производить работы при извѣстныхъ условіяхъ хозяйственнымъ способомъ.

По поводу этого предложенія можно сдѣлать два замѣчанія. Во-первыхъ, можно сомнѣваться въ томъ, окажется ли цѣлесообразнымъ предоставленіе утвержденія смѣтъ усмотрѣнію мѣстныхъ административныхъ властей; а тѣмъ болѣе, окажется ли цѣлесообразнымъ предоставленіе имъ свободнаго распоряженія запасными капиталами. Опытъ въ этомъ отношеніи былъ давно сдѣланъ въ имперіи въ силу „Положенія объ образѣ отправленія денежныхъ земскихъ повинностей", и обнаружилъ полную несостоятельность подобной мѣры. Отсутствіе контроля со стороны высшей власти вызывало постоянныя нарушенія закона, что̀ и заставило правительство вскорѣ отмѣнить созданный порядокъ и передать смѣты на обсужденіе и утвержденіе центральныхъ о̀рганов̀ъ. Во-вторыхъ, нельзя льстить себя надеждою, чтобы предлагаемыя министромъ мѣры какъ относительно смѣтъ и капиталовъ, такъ и относительно другихъ предметовъ, могли оказать серьезное вліяніе на ходъ городскихъ дѣлъ и обезпечить правильное разрѣшеніе мѣстныхъ нуждъ и потребностей. Быть можетъ, будетъ достигнуто нѣкоторое уменьшеніе канцелярской переписки,—что̀, впрочемъ, желательно,—но этимъ не будутъ устранены несомнѣнные и наглядные недостатки цѣлой системы.

По мѣрѣ роста городовъ, ихъ нужды и потребности создаютъ постепенно увеличивающуюся массу дѣлъ, которыя нуждаются для своего разрѣшенія въ затратѣ значительнаго труда и въ своеобразныхъ пріемахъ. Хотя, по степени важности, эти дѣла не могутъ быть поставлены въ одинъ уровень съ общегосударственными дѣлами, въ разрѣшеніи коихъ заинтересованы многочисленные слои общества, различныя мѣстности или государство вообще, тѣмъ не менѣе они имѣютъ большое значеніе для городского населенія, которое занимается ими несравненно больше, чѣмъ самыми важ-

ными государственными вопросами, понятными для отдѣльныхъ единицъ, но мало доступными для массы.

Въ виду такого своего характера, мѣстныя дѣла, какъ это установлено наукою и практикою, нуждаются въ особомъ порядкѣ управленія при участіи мѣстныхъ силъ, близкихъ этимъ дѣламъ и связанныхъ съ ними собственными своими интересами. Предоставленная такимъ силамъ, въ соотвѣтственныхъ размѣрахъ, самостоятельность обезпечиваетъ свободный починъ въ предѣлахъ мѣстныхъ нуждъ, а личная заинтересованность въ дѣлѣ благоустройства и благополучія города составляетъ немаловажную гарантію полезныхъ результатовъ.

Самые честные и добропорядочные чиновники не могутъ проявить той дѣятельности, какая иногда необходима для преодолѣнія встрѣчающихся на каждомъ шагу препятствій и для осуществленія самыхъ полезныхъ мѣропріятій. У бюрократіи не имѣется надлежащей упругости, оборотливости и предпріимчивости, безъ которыхъ лучшія начинанія не приносятъ надлежащаго успѣха. Это и составляетъ основной недостатокъ городского самоуправленія въ губерніяхъ царства польскаго.

Въ связи съ этимъ находится отсутствіе необходимой по дѣламъ самостоятельности. Административная дисциплина, если не отнимаетъ у низшаго подчиненнаго органа, какимъ всегда являются магистраты, возможности направлять къ высшимъ властямъ свои личныя предложенія и заключенія, то, во всякомъ случаѣ, чрезвычайно стѣсняетъ и затрудняетъ такую дѣятельность. По самымъ важнымъ вопросамъ приходится бездѣйствовать и ожидать указаній начальства.

У городовъ царства польскаго имѣется около 3 милліоновъ запасныхъ капиталовъ, хранящихся въ конторѣ государственнаго банка и не наростающихъ никакими процентами. Еслибы помѣстить этотъ капиталъ въ государственныхъ бумагахъ,—были бы купоны, и въ теченіе каждыхъ двухъ десятковъ лѣтъ фонды бы удвоивались. Во время существованія польскаго банка, на эти суммы начислялось ежегодно по 2%, но съ закрытіемъ сказаннаго банка причисленія прекратились,—тѣмъ не менѣе, донынѣ ни одинъ магистратъ не рѣшился возбудить вопроса объ обезпеченіи дохода за городскими капиталами.

Въ пользу города Варшавы взимается рогатковый или заставный сборъ съ пріѣзжающихъ въ городъ. Съ открытіемъ желѣзныхъ дорогъ, съ подъѣзжающихъ этими дорогами онъ былъ собираемъ вмѣстѣ съ платою за билетъ въ размѣрѣ 1½ коп. съ лица и въ соотвѣтственномъ размѣрѣ—съ подво-

зимыхъ товаровъ. Отъ этого сбора поступало въ городскую кассу около 140.000 руб. ежегодно. Въ 1899 году послѣдовало распоряженіе о невзиманіи желѣзными дорогами этого сбора, и внезапно доходъ совсѣмъ исчезъ. Магистратомъ было сдѣлано по сему предмету представленіе, но оно оставлено безъ послѣдствій; на ходатайство же объ установленіи сего сбора въ законодательномъ порядкѣ у магистрата не имѣется полномочія.

Въ Варшавѣ, по мѣрѣ ея развитія, почувствовался недостатокъ сообщенія съ правымъ берегомъ Вислы. Кромѣ желѣзнодорожнаго, существуетъ лишь одинъ постоянный мостъ. Этого мало для обыкновеннаго движенія, а тѣмъ болѣе въ моменты усиленныхъ подвозовъ,—напримѣръ, въ рыночные и ярмарочные дни. Положеніе такое, что ремонтныя работы приходится совершать исключительно по ночамъ, а на случай надобности капитальнаго ремонта городъ можетъ быть лишенъ необходимыхъ для него поставокъ. Около двадцати лѣтъ обсуждался этотъ вопросъ, и послѣ перехода чрезъ различныя стадіи городскимъ управленіемъ былъ разработанъ какъ проектъ новаго моста, такъ и финансовый проектъ осуществленія этого предпріятія. Въ истекшемъ 1901 году оба эти проекта поступили въ канцелярію генералъ-губернатора, для передачи ихъ въ министерство. Къ тому же времени консорціумъ шотландскихъ и бельгійскихъ капиталистовъ, во главѣ которыхъ стояла глазговская фирма „Лейслеръ Бокъ и Комп.“ (Leisler Bock & Comp.), предложилъ деньги не только на эту надобность, но и на другія общеполезныя мѣропріятія, какъ-то: на устройство набережныхъ, на электрическое освѣщеніе и пр., а вмѣстѣ съ тѣмъ появилось французское строительное Батиньольское Общество (Société de construction des Batignolles), которое равнымъ образомъ изъявило готовность доставить нужныя на постройку моста средства, желая, притомъ, принять участіе въ постройкѣ. Представители этихъ обществъ, Роттенбургъ и Бодэнъ, вступили въ переговоры съ президентомъ города, и не могло подлежать сомнѣнію, что найдутся средства, и недостатка въ нихъ не будетъ. Между тѣмъ, канцелярія генералъ-губернатора, находя осуществленіе этого предпріятія не по силамъ города, въ январѣ сего 1902 года предложила магистрату, вмѣсто постояннаго желѣзнаго, соорудить разводный понтонный мостъ, разработать проектъ его постройки и ограничиться расходомъ отъ 500.000 до 800.000 руб. [1]).

---

[1]) При этомъ распоряженіи, очевидно, не принятъ вовсе во вниманіе циркуляръ министерства внутреннихъ дѣлъ, отъ 26 октября 1895 г., въ силу коего

Въ виду всего этого, магистрату предстоитъ заняться вновь обсужденіемъ вопроса и возобновить свое ходатайство объ осуществленіи первоначальнаго своего предположенія, если найдетъ возможнымъ это сдѣлать. Излишне говорить, что въ лучшемъ случаѣ понадобится потратить немало времени и труда для этой цѣли,—а тѣмъ временемъ предложенія доставить капиталы, по всему вѣроятію, будутъ взяты назадъ.

Такимъ же образомъ подвергся недавно пріостановленію проектъ пріобрѣтенія угольнаго дома, съ цѣлью расширенія Обозной улицы и установленія правильнаго сообщенія съ нижнею частью города. Городское управленіе рѣшило пріобрѣсти домъ за 140.000 руб., состоялась приготовительная сдѣлка, но канцелярія генералъ-губернатора нашла расходъ лишнимъ и вернула дѣло назадъ, не давъ ему дальнѣйшаго движенія.

Въ 1898 году магистратъ города Лодзи замостилъ существующую тамъ обширную рыночную площадь и устроилъ на ней 400 столовъ для продажи различныхъ продуктовъ. На открытыхъ торгахъ столы были сданы въ аренду на 1899 годъ за 13.000 руб. Петроковское губернское правленіе нашло эту плату несоотвѣтственною и не представило торговъ на утвержденіе, поручивъ совершить новые торги. Возникшая переписка отняла круглый годъ, и городская касса потеряла 13.000 руб. Въ концѣ 1900 года послѣдовали новые торги, на которыхъ за аренду столовъ было предложеио по 2.232 руб. 42 коп. ежемѣсячно. Цифра очень высокая, но пришлось ожидать утвержденія торговъ до половины 1900 года, и городъ терпѣлъ убытокъ въ 2.232 руб. 42 коп. каждый мѣсяцъ, пока, наконецъ, оказалось возможнымъ открыть столы. Мало того, до окончанія года арендаторъ сдѣлался неоплатнымъ должникомъ, обанкротился и не заплатилъ того, что съ него причиталось.

VI.

Дальнѣйшій недостатокъ городского управленія въ польскихъ городахъ состоитъ въ отсутствіи необходимыхъ силъ для надлежащаго попеченія о нуждахъ и пользахъ города.

Въ настоящее время въ краѣ во главѣ каждаго городского управленія стоитъ президентъ или бургомистръ въ качествѣ руко-

---

министерствомъ было повсемѣстно указано на необходимость сооруженія общеполезныхъ предпріятій и возможность изысканія для нихъ нужныхъ средствъ путемъ займовъ и выпуска городскихъ облигацій.

водителя городской канцеляріи. Такихъ президентовъ и бургомистровъ соотвѣтственно количеству городовъ насчитывается вообще 114 человѣкъ. Между тѣмъ, по „Городовому Положенію 1892 г.“, было бы въ краѣ 114 городскихъ управъ, съ городскимъ головою и двумя—четырьмя выборными членами въ каждой управѣ; итого, имѣлось бы, считая въ среднемъ по 3 члена, около 450 человѣкъ руководителей, обязанныхъ посвятить свою дѣятельность на пользу города. Кромѣ того, въ составѣ городскихъ думъ имѣлось бы отъ 20 до 80 гласныхъ, избираемыхъ изъ городскихъ обывателей. Считая, въ среднемъ, по 40 гласныхъ, цифра ихъ достигла бы 4.500 человѣкъ, которые занимались бы обсужденіемъ самыхъ важныхъ хозяйственныхъ вопросовъ. Конечно, такими громадными силами можно располагать только при выборномъ началѣ и въ силу принципа дарового труда.

Нельзя также не указать и на то, что, за недопущеніемъ городского общества къ участію въ разсмотрѣніи и рѣшеніи городскихъ дѣлъ, не существуетъ никакого общественнаго по этимъ дѣламъ контроля. Не публикуются никакіе во всеобщее свѣдѣніе смѣты и отчеты. Одна Варшава печатаетъ смѣту вслѣдствіе ея обширности, но лишь для правительственной надобности. Погрѣшности такимъ образомъ могутъ скрываться, о непорядкахъ —ходить лишь глухіе слухи,—тѣмъ не менѣе, слабыя стороны и аномаліи повсемѣстно замѣчаются, не безъ вреда для авторитета правительственнаго руководительства.

Наконецъ, весьма существеннымъ недостаткомъ дѣйствующей системы является указанное уже выше отсутствіе въ городахъ ц. польскаго попеченія о физическихъ и духовныхъ нуждахъ городского населенія, за невнесеніемъ этого рода вопросовъ въ кругъ вѣдомства магистратовъ, такъ какъ они—правительственныя, а не общественныя учрежденія.

При такихъ условіяхъ, если дѣлается что-либо общеполезное,—а иногда это случается,—то оно дѣлается въ обходъ дѣйствующихъ правилъ или въ нарушеніе принципа недопущенія общественныхъ силъ къ участію въ дѣлѣ. Самые полезные для блага жителей расходы совершаются, такимъ образомъ, какъ бы вопреки закону. Пособія на больницы и благотворительныя заведенія стали вноситься въ смѣты не въ силу дѣйствующихъ правилъ, а по распоряженію мѣстныхъ губернскихъ начальствъ или варшавскаго генералъ-губернатора; министерство ихъ утверждаетъ, и этимъ путемъ дѣло двигается, хотя о призрѣніи бѣдныхъ въ дѣйствующихъ правилахъ не упоминается.

Такимъ же порядкомъ на городскія средства содержится въ

Варшавѣ такъ называемая запасная больница и заведеніе для леченія лицъ, укушенныхъ бѣшеными животными. Такимъ же порядкомъ въ истекшемъ году, по распоряженію начальника края, былъ открытъ городомъ Варшавою, хотя въ нанятомъ помѣщеніи, маленькій музей старыхъ картинъ, оставшихся послѣ давно закрытой школы изящныхъ искусствъ, за внесеніемъ въ городскую смѣту расхода на наемную плату и содержаніе музея.

Возникнетъ несчастіе—допустимъ, какая-либо эпидемія, напр. холера,—сейчасъ же видно, что нѣтъ надлежащихъ силъ для борьбы со вспыхнувшимъ зломъ, и только тогда правительственными властями разрѣшаются комитеты, не въ силу закона, изъ живыхъ общественныхъ силъ, безъ которыхъ осуществленіе надлежащихъ мѣръ самообороны и помощи было бы невозможнымъ.

Мало того, по болѣе сложнымъ дѣламъ,—какъ, напр., для совершенія такъ называемыхъ люстрацій, т.-е. для опредѣленія сборовъ съ городскихъ недвижимостей, сообразно ихъ доходности, и для раскрытія этой доходности,—городскія управленія постоянно прибѣгаютъ къ содѣйствію городскихъ обывателей, принимающихъ участіе въ соотвѣтственныхъ коммиссіяхъ. То же самое происходитъ по вопросу о взысканіи сборовъ съ существующихъ въ городѣ торговыхъ предпріятій.

Когда пришлось устроить въ Варшавѣ водопроводы и канализацію, президентъ города, С. И. Старынкевичъ, прежде всего обратился къ народонаселенію и, по исходатайствованіи Высочайшаго разрѣшенія, учредилъ канализаціонный комитетъ, съ привлеченіемъ къ нему преимущественно общественныхъ силъ. Послѣдствіемъ канализаціи явилось необходимое въ такомъ случаѣ переустройство тротуаровъ и мостовыхъ по всему городу, придавшее ему не мало чистоты и порядка.

Въ томъ же порядкѣ, по особому Высочайшему повелѣнію, возникъ въ Варшавѣ изъ общественныхъ силъ плантаціонный комитетъ, для наблюденія за городскими садами и древонасажденіями, а также для украшенія деревьями болѣе широкихъ улицъ, —способствуя тѣмъ украшенію города и созданію лучшихъ гигіеническихъ для жизни условій.

Благодаря въ значительной части этимъ мѣропріятіямъ, допущеннымъ внѣ дѣйствующихъ законовъ, Варшава въ теченіе послѣднихъ двухъ десятковъ лѣтъ получила видъ болѣе современнаго города, но внѣшняя сторона другихъ городовъ края представляетъ по большей части далеко не завидную картину. Если рѣчь зашла объ успѣхахъ Варшавы,—невозможно при этомъ не вспомнить о заслугахъ исключительной личности, а именно

бывшаго ея президента, С. И. Старынкевича, дѣятельность котораго оказалась какъ нельзя болѣе плодотворною для города. Городскіе порядки, начиная съ водопроводовъ и канализаціи до заведенія по всему городу плантацій, возникли благодаря его предпріимчивости и энергіи.

Но всѣ эти исключительныя мѣры, нуждавшіяся притомъ, для своего осуществленія, и въ исключительной личности, лучше всего указываютъ на несостоятельность самой системы и необходимость перехода къ другому порядку. Правильное хозяйство не должно основываться на исключительныхъ мѣрахъ, которыя не для всѣхъ городовъ доступны и не всегда возможны.

Послѣ всего выше сказаннаго, самъ собою рождается вопросъ: слѣдуетъ ли этой, просуществовавшей почти цѣлое столѣтіе, системѣ не только продолжать свое существованіе, но еще послужить образцомъ для управленія городовъ имперіи, какъ то утверждаютъ нѣкоторые органы печати? На поставленный такимъ образомъ вопросъ возможенъ, по нашему мнѣнію, только одинъ отвѣтъ: каковы бы ни были недостатки и недочеты „Городового Положенія 1892 года“, но оно, безъ всякаго сравненія, выше системы городского управленія, дѣйствующей въ городахъ царства польскаго, и введеніе его въ нихъ было бы началомъ новой эры для ихъ городского хозяйства; прямо обратное пришлось бы сдѣлать заключеніе для городовъ имперіи, если бы порядки городского управленія въ царствѣ польскомъ были перенесены на всѣ города имперіи.

Мнѣнія, однако, представителей мѣстной администраціи по этому предмету далеко не были единогласны. Намѣстникъ гр. Бергъ, въ отвѣтъ на запросъ министерства еще въ 1872 году высказался въ пользу введенія въ краѣ общественнаго городского управленія по началамъ общаго „Городового Положенія“.

Вслѣдъ затѣмъ генералъ-губернаторъ Альбединскій, при отношеніи отъ 2-го декабря 1876 г., представилъ въ министерство готовый проектъ правилъ о примѣненіи этого положенія, съ тѣми измѣненіями, какія по мѣстнымъ условіямъ казались необходимыми.

Послѣдняя турецкая война пріостановила ходъ этого дѣла, и лишь по Высочайшему повелѣнію, 27-го марта 1881 г., возникла при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ особая для сего коммиссія, но, въ виду послѣдовавшихъ вскорѣ въ то время измѣненій въ личномъ составѣ министерства, а также въ виду возбужденнаго

вопроса о необходимости пересмотра самаго Городового Положенія 1870 г., дѣло было отложено.

Только послѣ состоявшагося пересмотра и уже послѣ изданія новаго „Городового Положенія“ 1892 г., за окончаніемъ городской реформы во внутреннихъ губерніяхъ и за распространеніемъ ея на Сибирь, степное генералъ-губернаторство и даже городскія поселенія Кавказа,—въ августѣ 1895 года министерство внутреннихъ дѣлъ возбудило вопросъ о приложеніи этого новаго „Городового Положенія“ къ городамъ царства польскаго и предложило его на заключеніе генералъ-губернатора гр. Шувалова.

Но гр. Шуваловъ, исходя, какъ можно предполагать, изъ политическихъ, а не хозяйственныхъ соображеній, высказался противъ реформы и находилъ неудобнымъ введеніе въ краѣ управленія, основаннаго на общественномъ началѣ.

Такого мнѣнія не раздѣлялъ скончавшійся недавно генералъ-губернаторъ, князь К. Н. Имеретинскій. Онъ былъ убѣжденнымъ сторонникомъ введенія общественнаго городского управленія и со времени вступленія въ должность постоянно обращалъ вниманіе на экономическое положеніе края и собиралъ данныя для всесторонняго разъясненія вопроса. Смерть его прервала эту работу, вопросъ остался нерѣшеннымъ, и преобразованіе, котораго необходимость сознавалась еще въ 70-хъ годахъ, такъ и не вышло изъ области пожеланій.

А. Сулиговскій.

СТИХОТВОРЕНІЯ

I.

Изъ Виктора Гюго.

ПРЕЗРѢНІЕ.

1.

Кто знаетъ: сколько думъ ревнивыхъ, затаённыхъ,
Исполненныхъ вражды и завистью вспоённыхъ,
Страстей, ломающихъ въ своемъ порывѣ зломъ
И силу мощную,—какія бури, грозы
Шумятъ вокругъ тебя, исполнены угрозы,
О, юноша съ задумчивымъ челомъ!

Покуда о твое подножье злые гады
Лишь сокрушаютъ пасть, покуда безъ пощады
Соперники твои—имъ вѣрилъ ты всегда—
Толпой травятъ тебя, иль въ сумракѣ искусно
Тебѣ, мечтателю, ловушки строятъ гнусно—
Задумавшись, ты смотришь не туда.

Но если правый гнѣвъ разбудятъ ихъ усилья,
И онъ, изъ пламени развертывая крылья,
Стремится покарать враговъ шипящихъ тьму—
Ты, въ безучастіи къ своей великой славѣ,
Излиться не даешь огнеподобной лавѣ
И говоришь съ улыбкою:—Къ чему?—

2.

Смѣлѣй, враги того, кого отмѣтилъ геній!
Изъ силы выбейтесь, не знайте угрызеній,
Трудитесь дни и ночи напролетъ;
Задачѣ избранной предайтесь вы всецѣло,
Катите вверхъ скалу, свершайте ваше дѣло,
Межъ тѣмъ какъ онъ мечтаетъ иль поетъ!

О васъ не знаетъ онъ. Съ улыбкою спокойной
Онъ часто говорилъ, что нуженъ въ полдень знойный
И крикъ пронзительный стрекозъ,
Что счастья полнаго нѣтъ въ мірѣ безъ страданья,
Что если нѣтъ шиповъ—зато благоуханья
Нѣтъ у бенгальскихъ розъ.

Напрасно, злобствуя, вы хрипнете отъ крика:
Такъ волны о корму порою бьются дико.
Когда жъ вы силитесь, сплотившись въ тѣсный кругъ
И съ потомъ на челѣ,—разрушить основанье
Имъ возводимаго съ такой любовью зданья—
Не знаетъ онъ причины вашихъ мукъ.

3.

О, вы, служители искусства и науки!
Дыханіемъ однимъ покрыть онъ можетъ звуки
Всѣхъ вашихъ голосовъ, шипѣніе и ревъ;
Онъ ваши голоса сметётъ съ земли свободно,
Какъ вѣтеръ на морѣ несетъ, куда угодно—
Гребца напѣвъ.

Толпа завистниковъ ему тамъ яму роетъ,
Но выпрямится онъ—и тѣнь его покроетъ
Толпу пигмеевъ съ головой;
Онъ молвитъ—смолкнетъ все въ смятеньѣ безъ границы:
Такъ заглушаетъ стукъ побѣдной колесницы
Жужжанье мошекъ межъ травой.

Когда захочетъ онъ—и вашъ огонь алтарный,
И пламя очага, кумиръ вашъ лучезарный,
Все, что блюдете вы, храня,
Маяковъ огоньки и звѣздъ путеводящихъ—
Померкнутъ, поблѣднѣвъ, въ сіяньѣ искръ летящихъ
Изъ-подъ копытъ его коня.

II.

Изъ „Veillée de gloire" Ж. Роденбаха.

1.

ИДЕАЛЪ.

Когда лучъ солнечный блеститъ какъ мотылекъ,
За нимъ гоняются въ затихшемъ классѣ дѣти,
Держа межъ пальцами, подобно яркой сѣти,
Осколки зеркала иль стеклышка кусокъ.

И—птицей золотой изъ клѣтки безъ усилья
На волю выпорхнувъ—лучи на потолкѣ,
На стѣнахъ и скамьяхъ, на аспидной доскѣ—
Повсюду свѣтлыя развертываютъ крылья.

О, солнце—идеалъ! Его скрываетъ мгла
Въ высокихъ небесахъ, и гордо зеркала
Искусства хрупкія мы къ солнцу направляемъ,
Но жизни сумрачной высокая стѣна,
Мечтанья обманувъ, попрежнему темна,
И мы лишь слабое мерцанье уловляемъ.

2.

ОДИНОЧЕСТВО.

Всегда ли возводить задумчивыя очи
Къ искусству мы должны? Великое храня,
Такъ бодрствуютъ жрецы, колѣни преклоня
На стражѣ у святынь во мракѣ поздней ночи.

Должнò ли покидать въ саду своемъ цвѣты,
Гонясь за славою среди глумленья свѣта,
И оставлять любви призывы безъ отвѣта,
Блаженство вѣрное смѣняя на мечты?

Ужели заживо судьба насъ схоронила?
Какъ горнъ пылающій—такъ творчества горнило
Все золото души должнò ли поглотить?

— Живи одинъ. Мирись съ удѣломъ одинокимъ
И жертву принеси стремленіямъ высокимъ:
При жизни ты умри, чтобъ послѣ смерти жить.—

3.

НА СТРАЖѢ.

О, счастье—одному, когда ложится мгла,
При лампѣ у окна работать до разсвѣта;
Въ тетрадь—давая жизнь видѣніямъ поэта—
Вносить порою стихъ звенящій, какъ стрѣла.

О, счастье—быть съ самимъ собой наединѣ,
Когда смолкаетъ шумъ съ дневною суетою,
И лишь луна скользитъ въ прозрачной бѣлизнѣ
Надъ кровлей сонною, подъ маской золотою.

О, счастіе—свѣтить, когда повсюду мракъ:
Лампада яркая въ безмолвіи соборовъ,
Въ ненастье пòлночи сіяющій маякъ,
Когда шумитъ прибой, невидимый для взоровъ!

О, счастье дивное мечтателя, поэта,
Пустынножителя—сливаться съ тишиной,
И въ сердцѣ у себя хранить источникъ свѣта,
Не угасающій въ глубокой тьмѣ ночной.

О счастье—одному нести привычный трудъ,
Въ тиши слагать стихи пѣвучіе, какъ лира,
И говорить себѣ:—когда умру для міра,
Созданія мои, быть можетъ, не умрутъ!—

О. Михайлова.

БАБУШКИНА ВНУЧКА

ПОВѢСТЬ.

Окончаніе.

XVIII *).

Такъ прошла недѣля. Ненси старалась избѣгать Войновскаго. Онъ принялъ относительно ея любезный, но нѣсколько оскорбленный тонъ. Лишь изрѣдка въ его бѣгло скользящихъ по ней взглядахъ загорался самодовольный огонь, а улыбка какъ бы говорила: „Ничего! перемелется—мука будетъ“.

Не понимая, въ чемъ дѣло, видя исключительно только нервное состояніе Ненси, Марья Львовна совершенно теряла голову, и, наконецъ, подумавъ, что Сусанна—все-таки мать обожаемой ею внучки, рѣшилась подѣлиться съ дочерью своею тревогой.

— Нѣтъ ничего удивительнаго!.. — бойко разъясняла Сусанна. — Une jeune femme... а этотъ... я вѣдь знаю все, — и, какъ бы мимоходомъ, обронила она фразу: — ея герой... онъ старъ для нея...

„Можетъ быть, она и права, эта „каботинка“!—подумала нѣсколько успокоившаяся Марья Львовна, но въ итогѣ не совсѣмъ довольная своей откровенностью съ Сусанной...

— Родная, я къ вамъ съ просьбой,—такъ начала, влетѣвъ, дня два спустя, въ гостиную Гудауровой, безпокойная Ласточкина:—представьте, какое несчастіе! Эта противная кривляка совсѣмъ, наотрѣзъ, отказалась играть!.. Положимъ, она разстроена,

*) См. выше: май, 52 стр.

даже собралась уѣхать, для успокоенія первовъ, но такъ нельзя же подводить!.. Я просто въ отчаяніи!.. Я не рѣшаюсь просить сама вашу прелестную внучку, а вся надежда на васъ, — умоляла она Марью Львовну:—голубушка, спасите!

— Но какъ же я васъ спасу?.. Я для этой роли, кажется, уже немного устарѣла,—отшучивалась старуха,—а Ненси слишкомъ молода...

— Нѣтъ, нѣтъ, не вы... совсѣмъ другое!.. и пьеса другая... Спектакль идти долженъ, но дамъ интересныхъ у насъ нѣтъ совсѣмъ... Поймите мое положеніе! Одно спасеніе, чтобы Елена Сократовна была „гвоздемъ" спектакля... Бояться ей нечего— я выбрала для нея чудную, подходящую роль молоденькой дѣвушки, и пьеса превеселенькая, ее здѣсь любятъ—„Сорванецъ"... Я ужъ рѣшилась сама не играть въ главной пьесѣ—поставлю для себя водевиль, въ концѣ... Спасите, родная! Умоляю!..

Она пыхтѣла и обмахивалась вѣеромъ.

Марья Львовна пробѣжала въ главныхъ сценахъ роль дѣвочки-„сорванца"—ей она очень понравилась. Она боялась только, что Ненси, никогда не игравшая, откажется, испугавшись размѣровъ и отвѣтственности роли.

Самой Ненси не было—она каталась.

— Я подожду ее,—объявила неугомонная Ласточкина.

— Ты знаешь, chère enfant, мы тебя атакуемъ!—встрѣтила внучку Марья Львовна, когда та, возвратясь, вошла въ гостиную:—мы двѣ союзныя державы,—указала она на Ласточкину, глаза которой съ мольбой были устремлены на Ненси,—и мы тебя атакуемъ!

Бабушка разсказала, въ чемъ дѣло. Ненси попросила дать ей прочесть пьесу.

— Прочтите, прочтите!.. Она коротенькая, а я подожду, пока вы прочтете... я подожду, подожду!—трещала Ласточкина.

Ненси не только не испугалась, а напротивъ, обрадовалась роли. Она съ жадностью ухватилась за мысль, что это дастъ ей возможность уйти отъ ея мучительнаго душевнаго состоянія.

И она сразу всецѣло окунулась въ лихорадочную сутолоку приготовленій къ спектаклю: учила роль, заставляла Марью Львовну, чтобы провѣрить выученное, спрашивать себя по нѣскольку разъ въ день, съ увлеченіемъ ѣздила на репетиціи и по цѣлымъ часамъ совѣщалась съ бабушкой о костюмахъ.

Марья Львовна восхищалась ею и увѣряла, что у нея—талантъ; на репетиціяхъ всѣ ее хвалили, и Ласточкина захлебывалась отъ восторга, хотя тутъ же прибавляла:

— Боюсь, будутъ промахи, непремѣнно будутъ! Но она такъ молода и красива, и притомъ играетъ только въ первый разъ!..

Бабушка ожила. Она присутствовала на всѣхъ репетиціяхъ и готовилась поразить городъ богатствомъ и изяществомъ туалетовъ своей „enfant chérie“.

Нельманъ, въ качествѣ директора „Кружка“, въ помѣщеніи котораго шли репетиціи (спектакль предполагался въ городскомъ театрѣ), держалъ себя очень важно и былъ начальнически строгъ, устроивая постоянныя баталіи съ Ласточкиной изъ-за освѣщенія.

— Однако, cher,—пробовала разъ даже вмѣшаться Марья Львовна:—вы заставляете сидѣть всѣхъ въ темнотѣ—суфлеръ едва читаетъ.

— Нельзя-съ, нельзя-съ!..—развелъ руками Нельманъ, причемъ лицо его выражало полную непреклонность:—я, какъ директоръ, защищаю интересы учрежденія.

— Но мы вамъ платимъ!—заявила Ласточкина.

— Не мнѣ-съ—„Кружку“!.. Прошу не забывать!..

И только одинъ разъ, и то благодаря неотступной просьбѣ Ненси, суровый директоръ смягчился, и любители не бродили въ потемкахъ, рискуя разбить себѣ лобъ или носъ о кулисы.

Игравшій роль генерала и режиссирующій, въ то же время, спектаклемъ, Эсперъ Михайловичъ, былъ необыкновенно гордъ своимъ положеніемъ.

Кто-то посовѣтовалъ-было пригласить одного изъ актеровъ городского театра, въ качествѣ режиссера.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!—закипятилась Ласточкина.—Тѣмъ и должны отличаться любительскіе спектакли, чтобы никто не училъ, чтобы въ нихъ не было ничего актерскаго... каждый играетъ, какъ умѣетъ. Среди насъ, наконецъ, столько опытныхъ... Я сама двадцать лѣтъ на сценѣ!..

Пигмаліоновъ мрачно и неотступно ходилъ за Ненси.

На генеральную репетицію явилась Сусанна. Ненси боялась пріѣзда Войновскаго. Однако, онъ остался вѣренъ своему такту—его не было.

Ненси въ первой же сценѣ струсила и, спутавшись сама, сбила всѣхъ окружающихъ.

— Ахъ, какъ вы хорошо играете!—повторяла, обнимая ее въ уборной, дочь предводителя дворянства, тоненькая, хорошенькая, шепелявая барышня, игравшая одну изъ сестеръ. Она жадно ждала провала Ненси, считая роль „сорванца“ своей коронной ролью.

— Я говорила—будутъ промахи! — точно радовалась сбыв-

шемуся предсказанію Ласточкина. — Ну, ничего, ничего!—успокоивала она юную дебютантку:—у насъ репетиція безплатная.

Ненси испытывала горькій, самолюбивый стыдъ и готова была плакать.

Въ антрактѣ, передъ выходомъ, она увидѣла возлѣ себя Пигмаліонова съ большой рюмкой мадеры въ рукахъ.

— Совѣтую,—и съ своимъ непоколебимо-мрачнымъ видомъ онъ протянулъ ей рюмку:—успокоитъ нервы!..

Ненси выпила залпомъ, подстрекаемая страхомъ и самолюбіемъ.

Отъ выпитаго ли вина, или просто отъ нервнаго задора, но Ненси, побѣдивъ свою трусость, побѣдила и собравшуюся на репетицію публику, преимущественно учениковъ среднихъ учебныхъ заведеній, шумно выразившихъ свой восторгъ аплодисментами.

— Вы завтра не будете робѣть?—спрашивала у Ненси изнывающая отъ злости предводительская дочка.—Вы знаете примѣту: если удается роль на репетиціи,—говорятъ, непремѣнно провалишь на спектаклѣ.

Въ день спектакля, Ненси съ утра не находила себѣ мѣста отъ волненія. Ее даже не радовали разложенныя въ ея спальнѣ и будуарѣ прелестныя платья, надъ созданіемъ которыхъ такъ много потрудились онѣ съ бабушкой, хотя роль требовала самыхъ простенькихъ туалетовъ.

— Я провалюсь, я провалюсь,—твердила она съ дѣтскимъ упорствомъ, выводившимъ изъ себя Марью Львовну.

— Ты провалиться не можешь—tu es la plus jolie...

— Нѣтъ, нѣтъ! провалюсь, провалюсь! Вотъ увидите!..

Она цѣлый день ничего не ѣла, и къ вечеру показалась даже Марьѣ Львовнѣ похудѣвшею.

— Вы себя положительно портите! — восклицала вечеромъ одѣвавшаяся съ Ненси въ одной уборной предводительская дочка.—Вамъ нужно больше румяниться, какъ можно больше!.. Позвольте, я вамъ сдѣлаю... — и она обильно наградила щечки Ненси румянами.

— Это не портитъ кожи?—съ тревогою освѣдомилась Марья Львовна.

Ее очень безпокоили косметики, въ полной безопасности которыхъ увѣрялъ парикмахеръ, а главное, ее возмущали грязь и пыль за кулисами и даже въ уборной, принадлежавшей оперной примадоннѣ, и гдѣ теперь одѣвалась Ненси.

— Все это ужасно портитъ кожу... и пыль вездѣ...

— Позвольте, душечка, вы слишкомъ красны!—затараторила влетѣвшая въ уборную Ласточкина, въ свѣтло-сѣромъ шолковомъ платьѣ и съ розеткой распорядительницы на правой сторонѣ груди. — У меня рука ужъ навыкла... на-в-ы-кла...—сжавъ губы и откидывая ежеминутно голову, чтобы лучше видѣть, мазала она бѣлилами по тонкимъ чертамъ лица Ненси.—Я гриммъ отлично изучила, отлично!

Но подъ искусными руками отлично изучившей гриммъ Ласточкиной хорошенькая Ненси превратилась чуть не въ урода: бѣлое, красное лежало лепешками, носъ сдѣлался длиннымъ, широкія, черныя, какъ чернила, брови рѣзкими полосами тянулись по бѣлому, какъ бумага, лбу...

Ласточкина была въ восторгѣ отъ своего произведенія.

— Вы не смотрите, что отсюда рѣзко — оттуда будетъ только-только въ мѣру... театръ большой.

Но Марья Львовна прямо испугалась безобразнаго вида своей любимицы и не знала, что дѣлать, такъ какъ въ искусствѣ гримировки была совсѣмъ неопытна.

По счастію, въ уборную легкой сильфидой впорхнула Серафима Константиновна, тоже участвовавшая въ этомъ спектаклѣ.

Увидя свою прелестную „Весну“ въ такомъ ужасномъ гриммѣ, она иронически усмѣхнулась и, несмотря на энергичные протесты Ласточкиной, уничтожила всю ея художественную работу. Она сдѣлала Ненси совершенно блѣдной, сильно увеличивъ ея глаза, что придало всему лицу нѣсколько странное выраженіе, но сохранило его красоту.

— Courage, courage!—подбадривалъ Ненси преобразившійся въ генерала Эсперъ Михайловичъ.

— Совѣтую вамъ... какъ вчера... глоточекъ, другой,—тихо, но многозначительно шепнулъ точно пришитый къ хвосту Ненси Пигмаліоновъ.

Ненси не видѣла, не слышала, не понимала ничего—она была точно въ чаду. Сердце ея прыгало и замирало, ноги дрожали, подкашиваясь...

Большой залъ, съ уменьшеннымъ, сравнительно со сценой, свѣтомъ ошеломилъ ее. Однако, она не сробѣла, и не по вчерашнему—бойко повела свою роль, мило конфузясь, но не отъ трусости, а отъ новизны и непривычки.

Вдругъ, среди самой оживленной своей сцены, она внезапно остановилась, устремивъ въ одну точку испуганные глаза. Точка эта была лицо Войновскаго, скорѣе угаданное, чѣмъ увидѣнное

Ненси въ полутьмѣ широкаго зала. Но это было одно мгновенье. Какая-то дикая злость охватила все ея существо, а бѣсъ самолюбія зажегъ огнемъ ея глаза и рѣчи... Она почувствовала себя сильной на этихъ, стоящихъ выше всей остальной толпы, подмосткахъ, а главное—выше его.

Ее вызывали, ей хлопали, кричали... Самыя разнообразныя чувства волновали ей сердце, успѣхъ пьянилъ, исключительность переживаемыхъ минутъ какъ бы радовала...

Такое горячечное, полусознательное состояніе не покидало ее весь вечеръ: и тогда, когда выходила она на вызовы публики, и когда подали ей изъ оркестра—а Эсперъ Михайловичъ передалъ—огромную корзину розъ и бѣлыхъ гіацинтовъ, и когда прикладывались къ ея ручкамъ восторженные поклонники, и когда гордая ея успѣхомъ бабушка, цѣлуя ее, шептала ей на ухо:

— Charmeuse et grand talent!

Все это пронеслось для Ненси въ какомъ-то смутномъ снѣ.

Послѣ спектакля рѣшено было ѣхать ужинать въ „Кружокъ". Ужинъ затѣяла Ласточкина, или, вѣрнѣе, ея мужъ.

Марья Львовна отказалась сопровождать Ненси. Она чувствовала себя очень уставшею. Ненси поѣхала въ обществѣ Пигмаліонова. За время репетицій и спектакля, она привыкла къ нему, и ее даже стало забавлять его молчаливое, мрачное ухаживаніе.

Когда они пріѣхали въ „Кружокъ"—всѣ были уже въ сборѣ, и Ласточкинъ изнывалъ, ожидая замѣшкавшуюся Ненси, изъ-за которой не садились за столъ.

Первое, что бросилось въ глаза Ненси, было лицо Сусанны, забравшейся тоже на ужинъ; а когда, послѣ закуски, обносили борщокъ, въ дверяхъ показался Войновскій.

Ненси едва не вскрикнула.

— Не пускайте... ко мнѣ никого не пускайте!—прошептала она скороговоркой Пигмаліонову.

Онъ сейчасъ же занялъ свой стулъ. Сусанна сидѣла наискось отъ дочери и находилась, повидимому, въ самомъ веселомъ расположеніи духа, съ улыбкой устарѣвшей вакханки.

Войновскій занялъ мѣсто далеко на другомъ концѣ стола, возлѣ тающей отъ восторга имѣть его своимъ кавалеромъ предводительской дочки, пріѣхавшей на ужинъ въ сопровожденіи какой-то замаринованной тетушки. Отецъ ея былъ въ отъѣздѣ, а мать, хронически больная женщина, не покидала своей квартиры.

Пигмаліоновъ усердно подливалъ вино въ стаканъ Ненси, и она не отказывалась — пила съ удовольствіемъ. Ей почему-то

вспомнились слова Войновскаго, сказанныя въ ихъ первое, роковое свиданіе: „Ты не любишь вина — я научу тебя любить его“... И Ненси сегодня любила вино и даже понимала, что можно его пить, пить до тѣхъ поръ, пока не станетъ „все равно“. Да, „все равно“—жить, умереть, страдать, блаженствовать, любить и ненавидѣть!..

Подъ общій шумъ и говоръ, Сусанна что-то говорила ей, черезъ столъ, потомъ засмѣялась и, до половины прикрывъ вѣеромъ лицо, подмигнула лукаво въ сторону Пигмаліонова.

— Мнѣ душно здѣсь,—сказала Ненси, вставъ съ мѣста.

За нею сейчасъ же послѣдовалъ ея кавалеръ. Минуя маленькую голубую гостиную, обставленную совсѣмъ по казенному, Ненси вошла въ темный залъ, освѣщенный только свѣтомъ, проникавшимъ изъ гостиной. Ненси опустилась на длинный, простѣночный диванъ, откинувъ голову назадъ, и закрыла глаза.

— Не обращайте на меня вниманія,—мнѣ надо успокоиться.

Когда она вернулась въ столовую, тамъ было еще шумнѣе и оживленнѣе. Ужинъ приходилъ къ концу и наступало самое веселое, непринужденное время...

Ненси встрѣтила задорный, точно поощряющій взглядъ матери, и вся затрепетала.

Между тѣмъ тосты сыпались за тостами, и больше всего пили за ея здоровье, прославляли ея талантъ, красоту, молодость...

Когда же вниманіе было отъ нея отвлечено тостами, направленными по адресу дѣйствующихъ лицъ спектакля, къ ней подошелъ, съ загадочной, нѣсколько робкой улыбкой и съ бокаломъ въ рукѣ—Войновскій.

— Позвольте мнѣ тоже выпить за ваше здоровье, — проговорилъ онъ почтительно.—Вы были сегодня прелестны, я искренно любовался вами.

Притронувшись слегка своимъ бокаломъ къ ея бокалу, онъ отошелъ. И Ненси стало такъ страшно, какъ страшно бываетъ маленькимъ дѣтямъ, когда нянька, среди чужихъ незнакомыхъ лицъ, оставитъ ихъ однихъ.

Да, все это чужое, страшное: и длинный столъ съ смятыми салфетками, опустошенными бутылками, съ остатками мороженаго на тарелкахъ, и красный Ласточкинъ, съ сіяющимъ лицомъ наѣвшагося обжоры, и Серафима Константиновна, снизошедшая до вниманія къ полковнику Эрастову, и Ласточкина, и Сильфидовъ, и Сусанна, и Пигмаліоновъ, и... О, все это страшное, лишнее, ненужное, чужое!..

И она стала ждать, чтобы онъ снова скорѣе подошелъ къ ней.

Онъ угадалъ ея желаніе. При первой удобной минутѣ онъ былъ уже около нея.

— Ты очаровательна сегодня,—проговорилъ онъ тихо, сразу переходя на „ты".—Довольно упрямиться, довольно сердиться!..

— Зачѣмъ вы меня мучаете?—проговорила она едва слышно.

Они продолжали разговоръ въ полголоса.

— Я мучаю? Я?.. Это мило!.. Ты мучаешь... ты!.. Ты извела меня, я мѣста не нахожу—и я же, по твоему, виноватъ?!.. Когда я люблю тебя больше жизни!..

Она слушала его страстный полушопотъ, и ей казалось, что все окружающее уходитъ отъ нея куда-то далеко-далеко, и ничего нѣтъ, кромѣ этихъ большихъ, черныхъ, полу-закрытыхъ, сжигающихъ ее глазъ и этого ласкающаго слухъ полушопота...

— Такъ рѣшено—сейчасъ я выйду, а ты, незамѣтно, уйди черезъ десять минутъ.

Она ничего не отвѣтила; однако, едва прошли десять минутъ—она уже была на подъѣздѣ, гдѣ ее ожидалъ Войновскій.

...И вотъ опять очутилась Ненси въ причудливыхъ, красивыхъ стѣнахъ пріюта. Но только это была другая Ненси. Та—прежняя—въ полномъ незнаніи боялась и радовалась страсти, а эта—ничего не боялась и ничему не радовалась... Зачѣмъ она пришла сюда?.. Она пришла, какъ жалкій нищій въ свою убогую лачугу, гдѣ все-таки было лучше, чѣмъ на холодной мостовой...

Но чѣмъ веселѣе и безпечнѣе смотрѣлъ Войновскій, тѣмъ задумчивѣе становилась Ненси, и между ея тонкими бровями на бѣломраморномъ лбу залегла продольная морщинка.

Злоба преступника къ виновнику своего паденія, ненависть раба грызли ея душу, и къ этому примѣшивался малодушный, ребяческій страхъ: она и ненавидѣла, и боялась утратить этого человѣка, безотчетно торжествуя свою побѣду надъ нимъ.

— Ты дѣлаешься женщиной... Изъ ребенка становишься львицей,—сказалъ ей Войновскій.

— А это развѣ хорошо?—спросила Ненси равнодушно.

— Еще бы!.. Мы съ тобой дѣлаемся взрослыми. Мы начинаемъ входить въ жизнь!..

XIX.

Юрій писалъ все чаще и чаще; его письма выражали нетерпѣніе; онъ жаловался на экзамены, затягивающіе его пріѣздъ.

Ненси ожидала свиданія съ нимъ, уже безъ радостнаго ужаса, а спокойно, какъ что-то неминуемое и неизбѣжное.

Рѣшено было выѣхать въ деревню къ первому іюня, безъ Юрія.

Несмотря на холодность Марьи Львовны и почти нескрываемое презрѣніе со стороны дочери, Сусанна вовсе не думала ихъ покидать. Она превосходно проводила время съ юнымъ Сильфидовымъ и находила жизнь въ русскомъ большомъ городѣ также не лишенной своеобразной прелести.

— Право, послѣ долгаго скитанія за границей, j'aime ma patrie,—сказала она Марьѣ Львовнѣ, сообщивъ при этомъ, что проведетъ съ ними мѣсяца полтора, въ деревнѣ; а послѣ, если maman будетъ добра помочь ей—отправится въ Біаррицъ, такъ какъ les bains de mer ей необыкновенно полезны.

— Ты черезъ двѣ недѣли пріѣзжай сюда подъ какимъ-нибудь предлогомъ... Ну, заказать платье... что-ли?.. А послѣ... меня звала погостить grand'maman въ деревню,—объявилъ Ненси Войновскій въ ихъ послѣднее свиданіе.

Эсперъ Михайловичъ рѣшилъ, что не можетъ отпустить безъ своей опеки дорогихъ сердцу друзей и въ самый день отъѣзда явился, съ утра, съ заграничнымъ небольшимъ чемоданомъ и пледомъ, стянутымъ въ ремняхъ.

Часы, проведенные въ вагонѣ, прошли незамѣтно и весело въ общихъ разговорахъ.

На одной изъ маленькихъ станцій, Эсперъ Михайловичъ, замѣтивъ стоящій рядомъ, на пути, товарный поѣздъ, полный переселенцами,—крикнулъ изъ окошка:

— Куда ѣдете, братцы?

— А нужду добывать!—шутливо откликнулся высокій, худощавый старикъ.

Въ единственное широкое отверстіе товарнаго вагона тѣснились женщины, съ грудными дѣтьми, и подростки, съ любопытствомъ глазѣвшіе на пассажировъ; мужики посолиднѣе предпочитали лѣниво лежать въ темной глубинѣ вагона.

— А онъ не безъ остроумія, этотъ русскій народъ,—сказалъ Эсперъ Михайловичъ, вспоминая отвѣтъ мужика, когда товарный поѣздъ медленно поползъ дальше.

На станціи, отъ которой имѣніе Марьи Львовны отстояло въ тридцати верстахъ, ожидали пріѣхавшіе удобные экипажи, нѣсколько стариннаго образца, и встрѣтилъ самъ управляющій, Адольфъ Карловичъ. Онъ очень суетился, безтолково болтался между вещами и прислугой, и, забравъ наконецъ безчисленныя

картонки со шляпами, помчался впередъ, чтобы встрѣтить хозяекъ у воротъ ввѣреннаго его попеченію имѣнія.

— Не скажу, чтобы этотъ способъ передвиженія былъ мнѣ особенно по вкусу, даже при извѣстномъ комфортѣ,—замѣтила Марья Львовна, когда экипажи двинулись въ путь.

Дорога, по которой они ѣхали, не изобиловала красотами природы: однообразныя, безконечныя поля, кой-гдѣ мелкій кустарникъ, низкорослое, корявое деревцо, овражекъ, съ пересохшимъ русломъ весенняго ручья и опять все та же безграничная, необозримая степь. Изрѣдка попадались то русскіе, то татарскіе поселки, такъ какъ населеніе въ этой полосѣ Россіи было смѣшанное.

Солнце начинало сильно припекать, и путешественники рѣшили сдѣлать привалъ. Они остановились у самой крайней избы небольшой русской деревни. Изба стояла на выѣздѣ, и къ ней примыкалъ ровный, красивый лужокъ, недавно выкошенный, особенно пріятно ласкавшій глазъ своею зеленью.

День былъ праздничный. По единственной деревенской улицѣ разгуливали дѣвушки и парни, сидѣли на завалинкахъ мужики и бабы. Нѣкоторые снимали шапки и кланялись при встрѣчѣ съ сидящими въ экипажахъ. Путешественники вошли въ избу напиться чаю.

Изба была просторная и раздѣлена на-двое ситцевой занавѣской, но пахло въ ней чѣмъ-то кислымъ. Изъ-за занавѣски раздавался жалобный пискъ, похожій на мяуканье больного котенка. Мужикъ досталъ большой, тусклый, нечищенный самоваръ и отправился съ нимъ въ сѣни. Въ растворенную дверь набралась цѣлая куча черноволосыхъ, русыхъ, бѣлобрысыхъ, загорѣлыхъ ребятишекъ, а впереди всѣхъ вылѣзла хорошенькая, смуглая дѣвочка, лѣтъ семи, съ туго заплетенными косичками и большими, глубокими голубыми глазами.

— Elle est bien gentille, cette petite mignonne,—воскликнула Сусанна.—Поди сюда, поди сюда!..—звала она дѣвочку.

Та не двигалась. Сусанна сама подошла къ ней вынула изъ своего шолковаго, висящаго на рукѣ, ридикюля шоколадную, обернутую въ свинецъ, конфекту и протянула ребенку:

— Вотъ возьми!

Дѣвочка точно испугалась и, помотавъ головенкой, быстро спряталась въ толпу ребятишекъ.

— Mais tout-à-fait sauvage, — проговорила съ сожалѣніемъ Сусанна.

Когда Марья Львовна и Ненси вышли на улицу, чтобы садиться въ экипажъ, глазамъ ихъ открылась умилительная кар-

тина: по лужайкѣ, прилегавшей къ избѣ, рѣзво бѣгала Сусанна и ее догонялъ запыхавшійся Эсперъ Михайловичъ.

— Однако, надо усмирить ихъ!—разсердились Марья Львовна.

Она послала за дочерью и ея веселымъ кавалеромъ.

Господа усѣлись въ экипажи. Въ толпѣ, тѣснившейся у избы, опять нѣкоторые сняли шапки.

— Прощайте, милые, прощайте!..—привѣтливо кивала головой Сусанна. — Ah, que j'aime le peuple, la campagne!.. c'est si joli!..—воскликнула она, когда экипажи двинулись въ путь.

XX.

— Ну вотъ, моя крошка, мы и въ нашемъ родномъ гнѣздѣ!— говорила вечеромъ Марья Львовна, укладывая, какъ въ доброе старое время, Ненси въ постель.

Ненси спала неспокойно, поутру отправилась въ садъ, обошла всѣ дорожки; постояла задумчиво въ своемъ любимомъ бельведерѣ, бѣлыя колонны котораго еще болѣе потрескались и облупились; машинально потрогала перекинувшуюся черезъ балюстраду вѣтку старой чахлой сирени, скупо покрытую цвѣтами; зашла и въ рощу, но... къ обрыву пойти не рѣшилась.

Юрія ждали къ 12-му іюня. Ненси цѣлые дни проводила въ старомъ саду, въ самыхъ заглохшихъ его закоулкахъ, умышленно стараясь избѣгать встрѣчъ съ Сусанной и Эсперомъ Михайловичемъ, видимо чувствовавшими себя превосходно на лонѣ русской природы.

— Я возрождаюсь здѣсь, положительнымъ образомъ возрождаюсь! — восклицалъ Эсперъ Михайловичъ, моложаво пожимая своими худыми плечами.

Сусанна, напротивъ, имѣла томный видъ и была мечтательно молчалива.

Бабушка сидѣла за дѣлами, провѣряя счета, а по вечерамъ играла въ карты.

Заглянувъ въ библіотеку, Ненси попыталась-было читать, но едва одолѣла и страницу. Совсѣмъ что-то необычное творилось въ ея душѣ. Былъ ли то страхъ передъ свиданіемъ съ мужемъ, или тоска по отсутствующемъ Войновскомъ? Нѣтъ! что-то не вылившееся въ ясную, опредѣленную форму мучило ее; какая-то разорванность мыслей и чувствъ — всего существа. Точно взяли и разорвали ее на тысячу кусковъ, и отъ безсильнаго стрем-

ленія соединить ихъ вмѣстѣ, собрать снова въ одно цѣлое— испытывала она непріятное, тягучее чувство...

День пріѣзда наступилъ. Ненси овладѣлъ малодушный страхъ, и на вокзалъ она не поѣхала, ссылаясь на нездоровье.

Встрѣча была неловкая, странная... И они оба смутились.

Но обаяніе лѣта, родной природы, чудныхъ воспоминаній любви—заставили его скоро позабыть непріятное ощущеніе первой минуты. А она? Она съ каждымъ днемъ все становилась нѣжнѣе и нѣжнѣе... и въ ласкахъ его старалась найти для себя забвеніе, уйти отъ себя самой. Казалось, снова воскресла весна ихъ любви. Они читали, гуляли вмѣстѣ по деревнѣ, заходили въ избы, гдѣ онъ подолгу засиживался, бесѣдуя со старыми пріятелями своего дѣтства.

Они возвращались веселые и радостные, строя планы будущаго, оглашая рощу молодыми голосами...

Но чѣмъ ближе подходилъ роковой день, назначенный Войновскимъ, тѣмъ тревожнѣе, порывистѣе становилась Ненси.

Она объявила мужу о своемъ отъѣздѣ наканунѣ этого дня, улыбаясь натянутой, виноватой улыбкой.

— Какъ же ты поѣдешь одна?—воспротивился онъ.—Я поѣду съ тобой.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Меня это только стѣснитъ... Мнѣ нужно... къ портнихѣ... разныя неинтересныя дѣла... я буду торопиться, и... все выйдетъ нехорошо.

Онъ удивился, но не настаивалъ.

Ненси уѣхала одна.

Въ городѣ она вела себя невозможно: отравила Войновскому всю сладость ожидаемаго съ нею свиданія, и видя передъ собой ея постоянно испуганное лицо и вѣчныя слезы, онъ поспѣшилъ проводить ее, раньше опредѣленнаго часа, назадъ въ деревню.

Молчаливая, угрюмая, она заставила не на шутку встревожиться Юрія.

— Да что съ тобой?.. На тебѣ лица нѣтъ...

— Лицо есть, да только фальшивое,—отвѣтила она рѣзко.

А на утро сама повела его къ обрыву.

— Знаешь ли, зачѣмъ я повела тебя сюда?—спросила она вызывающимъ тономъ.

Изумленный Юрій молчалъ.

— А чтобы сказать тебѣ, что ты можешь меня сейчасъ сбросить съ обрыва и убить, если хочешь.

— Ты съ ума сошла!—остановилъ ее возмущенный Юрій.

— Нѣтъ... слушай меня!.. Я тебѣ хочу сказать... тебѣ...

тебѣ—слышишь?.. потому что здѣсь, на этомъ самомъ мѣстѣ, я была другою возлѣ тебя!.. Ты знаешь, что̀ я дѣлала весь этотъ годъ? Знаешь?..

И она разсказала ему все... Глаза ея горѣли сухимъ блескомъ, голосъ былъ жесткій. Она была безпощадна къ себѣ, и чѣмъ больше раскрывала подробностей, тѣмъ чувствовала большее удовлетвореніе.

При первыхъ же словахъ ужаснаго покаянія, Юрій хотѣлъ крикнуть:—„не надо! довольно!"—но она такъ упорно, съ такой злобной настойчивостью и нервной силой продолжала свою исповѣдь, что остановить ее не было возможности. Какъ потокъ, прорвавшій плотину, рѣчь ея неслась каскадомъ, ничего не щадя, все сокрушая на пути.

— Видишь, какая я низкая!.. и я не могу иначе... Онъ позоветъ, и я опять... пойду къ нему, опять!—шептала она съ болѣзненной злобой, дойдя въ своемъ разсказѣ до исторіи съ матерью и возобновленнаго сближенія съ Войновскимъ.

Возлѣ нея раздалось глухое, сдержанное рыданіе. Это плакалъ Юрій, припавъ головой на тотъ самый камень, гдѣ между ними былъ заключенъ союзъ ихъ молодой любви.

— А-а-а!.. Боже мой!—простонала Ненси.—Не надо!.. возьми, размозжи мою голову... но не надо!..

Юрій поднялъ заплаканное лицо. Глаза его стали совершенно темными и точно ушли куда-то дальше въ глубь...

Наступило томительное, тяжелое молчаніе.

— Такъ что̀ же дѣлать?—беззвучно проговорила Ненси.

Вѣтеръ шелестилъ листвой деревьевъ, а ихъ вѣтки, сплетаясь, точно сообщали другъ другу о только-что слышанной, печальной и страшной исповѣди, и точно сожалѣли и оплакивали... и, покачиваясь, недоумѣвали... Внизу, на днѣ обрыва, играя мелкимъ щебнемъ, любовно журчалъ ручей.

— Что̀ же дѣлать?—повторила Ненси.

Вихрь въ эту минуту порывомъ налетѣлъ на деревья и промчался дальше. И снова все смолкло, только по прежнему колебались вѣтви да тихо-тихо трепетали листья.

— Что̀ же дѣлать?—раздался въ третій разъ тотъ же тоскливо-упорный вопросъ.

— Не знаю,—едва слышно прошепталъ Юрій.

Онъ всталъ и пошелъ медленно, не оглядываясь, самъ не понимая, зачѣмъ, куда идетъ.

— Не знаешь...—повторила почти безсознательно Ненси.

Она, шатаясь, подошла къ краю обрыва. Страшная внезапная мысль, какъ молнія, освѣтила ея сознаніе:

— Минута—и всему конецъ!

Вдругъ сильныя руки схватили ее сзади... Юрій, по странному предчувствію, обернулся и сразу бросился къ обрыву.

Почти безчувственную перенесъ онъ Ненси на камень.

— Ненси,—сказалъ онъ ей, когда она очнулась:—все будетъ хорошо!.. Ты слышишь?.. Не знаю самъ я, какъ... Мнѣ надо разобраться... все это вдругъ... Но... будетъ... хорошо!..

Его голосъ звучалъ рѣшительно, хотя рѣчь обрывалась, а лѣвой рукой онъ держался за грудь, точно боясь, что сердце дѣйствительно разорветъ ее.

XXI.

И настали для Юрія черные, трудные дни—дни смятенія, тоски, негодованія. Онъ возмущался не только бабушкой, считая ее причиною всѣхъ золъ, не только потерявшей нравственный обликъ Сусанною и романтично-развратнымъ Войновскимъ, не только ими всѣми, этими забывшими и стыдъ, и честь людьми—онъ возмущался самой Ненси, потому что считалъ ее чистой сердцемъ и сильной духомъ. Но всякій разъ, когда негодованіе на нее закипало въ груди, на смѣну являлось чувство мучительной жалости и состраданія и какая-то неясная для него самого рѣшимость пожертвовать собою.

Такъ же, какъ въ то прошедшее время, передъ своимъ отъѣздомъ въ консерваторію, онъ по цѣлымъ днямъ уходилъ въ лѣсъ и одинъ, совсѣмъ одинъ, переживалъ тяжелую, сложную борьбу мыслей и чувствъ. Жизнь въ этомъ домѣ его тяготила, но онъ зналъ, что теперь уйти еще нельзя.

Ненси понимала остроту его душевнаго состоянія; подъ предлогомъ болѣзни Муси, у которой рѣзались коренные зубы, она устроила свою спальню возлѣ дѣтской ребенка. Зловѣщее что-то витало въ стѣнахъ роскошнаго барскаго дома.

Не замѣчали, или просто не хотѣли этого знать, лишь Сусанна да Эсперъ Михайловичъ, болѣе чѣмъ когда-нибудь считавшіе жизнь вѣчнымъ праздникомъ въ этомъ мірѣ, лучшемъ изъ міровъ.

Но Марья Львовна зорко слѣдила за событіями и, хотя не могла знать всего, но предполагала, что Юрій—единственная причина странной неурядицы, и съ каждымъ днемъ сильнѣе ненавидѣла его.

Отъѣздъ Сусанны, а вслѣдъ за этимъ пріѣздъ Войновскаго нѣсколько разсѣяли мрачное настроеніе Марьи Львовны. Она надѣялась, что теперь Ненси, можетъ быть, воспрянетъ духомъ и все пойдетъ по иному.

„Все-таки, il est bien beau encore",—думала она о Войновскомъ.

Наталья Ѳедоровна чуяла, что съ сыномъ творится что-то неладное, но недоумѣвала, съ какой стороны подойти къ щекотливому вопросу. Юрій вообще былъ скрытенъ, а тамъ, гдѣ дѣло касалось его сердечныхъ движеній,—прятался, какъ улитка, отъ всякаго посторонняго вторженія, не дѣлая въ такихъ случаяхъ исключенія даже и для матери.

— Вы не находите, что этотъ grand artiste,—злобно проговорила Марья Львовна, бесѣдуя съ Войновскимъ,—отравляетъ всѣмъ намъ существованіе... Я, право, очень бы хотѣла развода.

— О, нѣтъ!.. Онъ очень милый молодой человѣкъ, немного странный только,—заступился Войновскій.

Однако самъ онъ тоже обращался не такъ уже свободно съ Юріемъ, какъ прежде, и даже какъ бы избѣгалъ его, хотя Ненси не обмолвилась ни словомъ о страшной сценѣ у обрыва.

По пріѣздѣ Войновскаго, Юрій встрѣтился съ нимъ за обѣдомъ. Непонятное, дикое желаніе овладѣло имъ въ первую минуту: подойти къ этому старому красавцу и ударить его по лицу, при всѣхъ. Онъ едва сдержалъ свой безобразный порывъ.

„Не этимъ же рѣшать такой вопросъ",—подумалъ онъ, сгорая отъ внутренняго за себя стыда.

Рѣшительная минута, однако, пришла—онъ это понялъ, но какъ она разрѣшится—было для него, попрежнему, неясно. И новое, доселѣ неизвѣданное имъ чувство, острое и злое, змѣей обвилось вокругъ сердца и жгло его и жалило. То была ревность.

Всѣ чувствовали себя тяжело. Бываетъ такъ иногда передъ грозой: сгущенный воздухъ какъ-то странно давитъ грудь и что-то безпричинное, но неотступное волнуетъ и тревожитъ.

— Ты знаешь, я разсказала ему все! — сообщила Ненси Войновскому, гуляя съ нимъ по тѣнистымъ дорожкамъ стариннаго сада.

Онъ весь вспыхнулъ и разсердился.

— Удивительное дѣло, какъ люди любятъ осложнять свою жизнь!.. Все шло прекрасно... хорошо...

— Ахъ, ты находишь, что хорошо?

— Конечно!.. Такъ нѣтъ—надо запутать, осложнить!.. Уди-

вительная способность!—пожалъ онъ сердито плечами.—Ну, что же дѣлать теперь?.. Что?..

А Ненси испытывала злорадное, мстительное чувство при видѣ его замѣшательства.

— Поразительная нелѣпость!.. Изъ самаго обыденнаго дѣла устроить цѣлую исторію!..

Весь день онъ былъ видимо разстроенъ и за обѣдомъ ничего почти не ѣлъ. Ночь тоже провелъ отвратительно.

— Чортъ знаетъ, какое безтолковое положеніе!—волновался онъ, ходя по большому кабинету покойнаго мужа Марьи Львовны, куда его помѣстили.

Онъ вспоминалъ свою жизнь, всѣ мимолетныя и болѣе продолжительныя связи. Никогда ничего подобнаго съ нимъ не случалось. Все такъ бывало просто, естественно.

— Положительно, народились какіе-то выродки, психопатическіе и нелѣпые!—негодовалъ онъ и досадовалъ, и раскаивался въ своемъ увлеченіи Ненси.

Онъ безповоротно рѣшилъ завтра же уѣхать.

— Если она такъ любитъ бури и скандалы—пускай распутываетъ сама эту путаницу.

Поутру онъ всталъ рано, но, несмотря на смутную внутреннюю тревогу, какъ всегда, занялся самымъ тщательнымъ образомъ своимъ туалетомъ. Освѣженный холоднымъ душистымъ умываньемъ, съ подвитыми, надушенными усами, онъ собирался уже приняться за укладываніе своего чемодана, какъ былъ внезапно непріятно пораженъ появленіемъ Юрія въ кабинетѣ.

— Я пришелъ вамъ сказать,—началъ отрывисто Юрій, глядя въ упоръ на него сѣрыми, скорбными глазами:—сказать... или предложить... Нѣтъ! я пришелъ объявить вамъ, что я даю женѣ моей свободу... И если вы порядочный человѣкъ... если вы честный—вы женитесь на ней.

Войновскій растерянно указалъ Юрію на стулъ, по другую сторону письменнаго стола.

— Благодарю, — сухо уклонился Юрій отъ любезнаго приглашенія.

И они стояли другъ противъ друга, за большимъ старинным краснаго дерева, съ бронзой, столомъ—оба блѣдные, оба дрожащіе...

Изъ открытаго окна, на середину комнаты, задѣвая столъ, искрясь въ бронзѣ массивныхъ подсвѣчниковъ, падалъ широкой косой солнечный столбъ, а въ немъ, точно въ плавномъ ритми-

ческомъ танцѣ, кружились миріады пыльныхъ точекъ. Онѣ играли, перегоняли другъ друга, волнообразно качались...

Глаза Юрія смотрѣли строго. Взглядъ Войновскаго выражалъ ненависть и нескрываемое презрѣніе.

— Такъ вотъ я вамъ объявляю мое рѣшеніе!.. — сказалъ Юрій, и голосъ его, какъ металлъ, зловѣще гулко прозвучалъ въ стѣнахъ высокой комнаты.

— Позвольте!..—Войновскій постарался насколько возможно овладѣть собою.

— Я вамъ, кажется, не далъ ни повода, ни права говорить со мною такимъ образомъ.

— Повода? Нѣтъ... А право?.. Вы понимаете сами мое право... Вѣдь вы же сдѣлали ее несчастной, сбили съ пути, лишили покоя, семьи!.. Отдайте же ей свою жизнь!.. Или жизнь эта дороже совѣсти и чести?..

— Вы, молодой человѣкъ, слишкомъ злоупотребляете этимъ словомъ,—произнесъ, съ натянутой улыбкой, блѣдный какъ полотно Войновскій.—Но вы слишкомъ взволнованы, и я не принимаю вашихъ словъ серьезно.

— Напрасно не принимаете!—вспылилъ Юрій.

— Позвольте, дайте мнѣ докончить. Во-первыхъ, я ничего не отнималъ у особы, о которой вы говорите... лучшимъ доказательствомъ чему служитъ эта сцена: вы объясняетесь со мною какъ оскорбленный мужъ...

— Не мужъ, а человѣкъ, защищающій другого.

— Ну человѣкъ!.. во всякомъ случаѣ—близкій... А вы говорите, что я что-то отнимаю, разрушаю...

— Покой вы отняли!..—гнѣвно воскликнулъ Юрій:—вы понимаете?.. спокойную совѣсть!.. А что̀ вы дали? Что̀,—кромѣ обиды и позора!.. Такъ искупите же свою вину—я вамъ даю возможность.

— Такого злодѣя надо бѣжать, а не предлагать ему жениться.

Высокій лобъ Войновскаго покрылся красными пятнами.

— Честь — понятіе условное, — произвесъ онъ какъ-то неестественно громко, и въ его бархатномъ голосѣ появились необычайныя визгливыя ноты.—Да и въ дѣлахъ любви... при чемъ тутъ честь?

Юрій замеръ и впился жадными глазами въ это красивое, но ставшее плоскимъ и жалкимъ, въ своемъ испугѣ, лицо.

Его рука, съ тонкими пальцами, опираясь на спинку стула, вздрагивала при каждомъ словѣ Войновскаго, точно отъ при-

косновенія электрическаго тока. Его неожиданное молчаніе раздражало и злило еще больше Войновскаго.

— Мы только идемъ женщинамъ на встрѣчу. И въ данномъ случаѣ,—проговорилъ онъ съ особенной злобой:—я только отвѣчалъ... я...

Косой солнечный столбъ дрогнулъ и весь всколыхнулся. Миріады пыльныхъ точекъ потеряли плавность ритма и, прерванныя въ своемъ волнообразномъ круженіи, смѣшались, завертѣлись въ хаосѣ дикой, необузданной пляски.

Войновскій лежалъ на полу, и тутъ же, въ нѣсколькихъ вершкахъ отъ его блѣднаго лица, валялся тяжелый бронзовый подсвѣчникъ.

„Что это?.. Что это?!. Дѣйствительность или мучительный бредъ“?

Ужасъ леденилъ сознаніе Юрія.

Кровь текла изъ раны на вискѣ и медленно скатывалась на полъ по мертвому лицу.

Кровавая тонкая змѣйка предательски подползла къ самымъ ногамъ Юрія.

Онъ выбѣжалъ въ смежную комнату и закричалъ дикимъ, не своимъ голосомъ.

— Я—убійца!!!...

И снова онъ пересталъ помнить, понимать...

XXII.

Ненси, несмотря на всѣ доводы Марьи Львовны, за границу не поѣхала. Онѣ поселились въ небольшой, наскоро нанятой квартирѣ въ городѣ, вывезя изъ старой только необходимое.

И часто, часто, по вечерамъ, ѣздила она одна въ шарабанѣ на окраину города, къ бѣлой, высокой тюрьмѣ, гдѣ содержался Юрій. Дальше темной лентой вилась дорога и тонула въ туманной дали; еще дальше, узкой каймой вдоль синяго неба чернѣла опушка лѣса.

Ненси нервно поворачивала лошадь, спасаясь отъ страшныхъ воспоминаній.

Въ новой маленькой квартирѣ никого не принимали, за исключеніемъ неизмѣннаго Эспера Михайловича. Но ни онъ, ни Марья Львовна не смѣли заикнуться Ненси ни о „дѣлѣ“, ни о ея внутреннемъ состояніи.

Совсѣмъ не религіозная, Марья Львовна теперь цѣлыми ча-

сами простаивала передъ стариннымъ фамильнымъ кіотомъ. Она не молилась, а просто недоумѣвала передъ безсиліемъ своего нравственнаго банкротства и, движимая чувствомъ самосохраненія, искала, безъ вѣры, въ молитвѣ опоры.

— Бабушка!—какъ-то сказала Ненси:—я не могу... т.-е. не умѣю... или не смѣю, что-ли, просить... Ему, можетъ быть, худо тамъ... Такъ нельзя ли, чтобы облегчить... ты съѣзди...

Марья Львовна, скрѣпя сердце, поборовъ свою гордость и злобу противъ ненавистнаго ей Юрія, отправилась просить за него Пигмаліонова.

Прокуроръ встрѣтилъ Марью Львовну оффиціально, какъ простую просительницу. Онъ не забылъ всѣхъ своихъ неудачъ въ ухаживаньи за Ненси и питалъ самыя злобныя чувства къ ней. Однако онъ сухо и сдержанно, но все-же обѣщалъ старухѣ, „въ предѣлахъ законнаго положенія вещей", исполнить ея просьбу.

Послѣдствіемъ этого разговора было то, что совершенно неожиданно для Юрія его перевели въ лазаретъ.

Тамъ каждый день сталъ навѣщать его фельдшеръ—маленькій, бритый брюнетъ, косой на одинъ глазъ—и разъ въ недѣлю докторъ, безпристрастно и неизмѣнно задававшій лѣнивымъ голосомъ все одни и тѣ же вопросы.

Фельдшеръ любилъ, обойдя больныхъ, отвести душу съ „интеллигентомъ".

Свиданій съ Ненси у Юрія не было, а съ матерью они были такъ тяжелы, что онъ невольно радовался, когда истекала законная четверть часа и наставало прощаніе. Наружно бодрая, Наталья Ѳедоровна старалась всегда подбодрить и сына, но именно эта-то напускная бодрость раздражала и угнетала его еще больше: хотя благородная, но все-таки фальшь! И хотѣлось ему не разъ рѣзко и прямо высказать это, но другая благородная фальшь, вытекающая изъ боязни обидѣть, сдерживала его порывы.

Такимъ образомъ отбывались, какъ обязанность, эти свиданія и обоюдно не приносили ничего, кромѣ тяжелаго, неудовлетвореннаго чувства.

Не подозрѣвая всей истины, Наталья Ѳедоровна искала причину этого печальнаго явленія только во внѣшней грустной обстановкѣ и мирилась съ этимъ какъ съ неизбѣжнымъ.

Временами Юрію такъ хотѣлось уйти—не отъ четырехъ желтыхъ стѣнъ его камеры,—какъ ни странно, но онѣ ему даже нравились,—а отъ своего прошлаго, отъ своихъ воспоминаній,

отъ всего, что было связано съ его внутреннимъ „я“. Желаніе это бывало до того острымъ, что хотѣлось удариться головой объ одну изъ этихъ четырехъ стѣнъ, чтобы уничтожить все старое и найти другое, можетъ быть еще худшее, но другое.

Тогда особенно благотворны были посѣщенія косого фельдшера.

Смущенный и встревоженный стоялъ иногда Юрій, по уходѣ фельдшера, посреди камеры. Всколыхнулись какія-то, точно заснувшія мысли, и жгучее желаніе пойти искать—но не потерявшейся правды, а чего-то новаго, чему нѣтъ еще имени на человѣческомъ языкѣ—охватило сердце Юрія. Ему стало вдругъ какъ-то ясно, что правды искать нечего, что правда и безъ того живетъ во всемъ живомъ, но что другое должно явиться людямъ—и это не правда и не любовь,—а что-то огромное, вмѣщающее въ себѣ и любовь, и правду. Онъ подыскивалъ слово, чтобы опредѣлить, но не могъ. Какая-то жалость, мучительная и необъяснимая въ своей причинѣ, шевелилась въ груди и рвалась оттуда на волю. И захотѣлось ему идти изъ края въ край, идти долго и кликнуть кличъ, чтобы всѣ пришли и объяснили ему или сами прониклись этой жалостью.

Всегда и раньше еще ему часто казалось, что оболочка, внѣшнее, слова, а иногда и поступки совсѣмъ идутъ врознь съ внутренней жизнью души... Бывало такъ, что онъ глядѣлъ и не видѣлъ этого внѣшняго, точно слетала оболочка—кожа и мускулы,—оставалось передъ нимъ одно только чужое сердце, прозрачное какъ стекло; онъ слышалъ тогда одни слова, а за ними явственно, изъ глубины чужого прозрачнаго сердца доносились до его слуха совсѣмъ, совсѣмъ другія. Онъ страдалъ, мучился этимъ разногласіемъ; онъ не зналъ, какъ разбить, какъ уничтожить ненужную, возмутительную фальшь. И теперь, въ настоящую минуту, здѣсь, среди стѣнъ, гдѣ томились длинные, скучные дни жертвы этой роковой фальши, онъ чувствовалъ ее еще больше, каждымъ своимъ нервомъ.

— Душа ребенка...—произнесъ онъ громко, движимый охватившимъ его желаніемъ говорить, — душа ребенка... всегда одна... и у всѣхъ... Пусть это вотъ... обидчикъ... ненавистникъ... убійца!..

Онъ вдругъ остановился. Лицо его исказилось испугомъ, и онъ зарыдалъ судорожнымъ, сдавленнымъ рыданіемъ—одними звуками, безъ слезъ. Да! Онъ—убійца, онъ—артистъ, съ тонкой организаціей души, онъ—способный къ проникновенію, онъ—умѣющій видѣть невидимое, онъ—простой, обыденный убійца!..

— Убійца!.. убійца!..—повторялъ онъ, злобно стиснувъ зубы.

Съ этого дня онъ особенно жадно сталъ ожидать суда.

Со страхомъ и тайной надеждой ждала этого дня и Ненси.

— Какъ мнѣ жить?.. Какъ мнѣ жить... если приговорятъ?.. —спрашивала она себя съ ужасомъ, стараясь, впрочемъ, не вѣрить въ мрачный исходъ.

— Бабушка, ты понимаешь... если... приговоръ... — рѣшилась она, было, только разъ какъ-то начать, и не могла продолжать дальше.

Уже наступалъ конецъ апрѣля, когда назначено было засѣданіе суда. Въ воздухѣ чувствовалась весна, но погода стояла пасмурная, все время дожди,—однако это не помѣшало отборной и неотборной публикѣ наполнить биткомъ большой, помѣстительный залъ мѣстнаго окружного суда.

— Я всегда ждала подобнаго конца!.. всегда, всегда!..— захлебывалась отъ восторга Ласточкина, упиваясь своимъ предвидѣніемъ.

Серафима Ивановна, сидѣвшая возлѣ нея, въ первомъ ряду, только презрительно пожала узкими плечами, и, отвернувшись, стала разсматривать публику въ свой длинный черепаховый лорнетъ. Бѣленькій Крачъ чувствовалъ себя почему-то неловко и сконфуженно то моргалъ, то опускалъ глаза.

Раздалось, наконецъ, обычное: „судъ идетъ"!

Пигмаліоновъ былъ оживленъ, ожидая сраженія съ пріѣхавшей защищать, по приглашенію Натальи Ѳедоровны, столичною знаменитостью.

Ввели подсудимаго.

— А, знаете, онъ недуренъ! Даже красивъ!.. — трещала Ласточкина, обмахиваясь своимъ вѣеромъ.

— Онъ больше чѣмъ красивъ,—сухо подтвердила Серафима Ивановна.

Однако разговоръ пришлось прекратить—началось чтеніе обвинительнаго акта.

Пріѣзжая знаменитость—столичный адвокатъ, нѣсколько рисуясь, съ равнодушнымъ видомъ оглядывалъ залъ.

Наталья Ѳедоровна сидѣла въ самомъ послѣднемъ ряду. На Юрія смотрѣть она не смѣла, боясь за свои нервы.

Ненси и Марья Львовна отсутствовали.

Пигмаліоновъ произнесъ громовую рѣчь, желчно доказывая испорченность подсудимаго, причемъ не безъ яда задѣлъ и Ненси. Тутъ было все: и боязнь за колебаніе основъ христіанскаго ученія, и страхъ за нравственный упадокъ въ обществѣ, и просьба

охранять свято законъ, и воззваніе къ совѣсти присяжныхъ, и строгое имъ предписаніе не расплываться въ слащавой чувствительности...

— Вы пришли судить,—вы помните: судить,—торжественно заключилъ онъ обвиненіе,—судить, а не благотворить.

Всталъ столичный левъ. Онъ началъ говорить тихо, отрывисто, будто взволнованно, поминутно отирая лобъ платкомъ и отпивая маленькими глотками воду изъ стоящаго возлѣ стакана. По мѣрѣ наростанія рѣчи повышался тонъ и голосъ; ораторъ видимо себя взвинчивалъ, и послѣднія фразы почти прокричалъ повелительно и властно. Онъ дышалъ тяжело, лобъ его дѣйствительно покрылся потомъ.

Когда предсѣдатель обратился къ Юрію, глаза публики впились въ красивое, измученное лицо подсудимаго.

Судъ утомилъ его; лицо осунулось и пожелтѣло, а по угламъ губъ пробѣгали нервныя судороги, но онъ отвѣтилъ ровнымъ, спокойнымъ голосомъ:

— Я виновенъ. Прошу законной кары.

Весь залъ, какъ одна грудь, точно вздохнулъ печальнымъ, разочарованнымъ вздохомъ.

Присяжные ушли. Залъ замеръ въ напряженномъ ожиданіи: отрывистое чье-то слово... восклицаніе... чей-то шопотъ... кто-то заспорилъ и—снова молчаніе.

Присяжные вынесли оправдательный вердиктъ. И опять, какъ изъ одной груди, вырвался радостный, громкій вздохъ облегченія.

Смѣясь и плача, въ одно и то же время, бросилась Наталья Ѳедоровна къ сыну:

— Мой! мой! мой! мой!—твердила она одно только слово, смачивая слезами и осыпая поцѣлуями его волосы, лицо, руки...

XXIII.

На другой день, въ гостинницѣ, гдѣ остановилась Наталья Ѳедоровна, состоялось свиданіе между Юріемъ и Ненси. Мать оставила ихъ вдвоемъ.

Они долго сидѣли молча, съ опущенными внизъ глазами, боясь поднять ихъ. Имъ было страшно. Ему казалось, что вотъ, за этимъ немного похудѣвшимъ, но прекраснымъ лицомъ, стоитъ знакомый призракъ высокаго, блѣднаго человѣка, съ темными глазами... Вдали, какъ бы въ туманѣ, большая комната, залитая

свѣтомъ, краснаго дерева столъ, косой снопъ солнечныхъ лучей, играющія въ немъ пыльныя точки...

Юрій едва сдержалъ готовый вырваться изъ груди стонъ и крѣпко стиснулъ руки, такъ что хрустнули пальцы.

— Такъ вотъ,—минуту спустя, сказалъ онъ глухо:—намъ надо начинать жизнь снова...

Онъ остановился, не зная, что̀ говорить дальше. Она его не прерывала, продолжая сидѣть съ опущенными глазами. Стало тихо. Среди упорной жуткой тишины громко бился маятникъ о стѣнки металлическаго будильника. Они прислушивались къ этому назойливому, трепетному звуку, и имъ казалось, что это ихъ собственныя сердца такъ безнадежно, такъ тревожно бьются о крѣпкій металлъ.

— Такъ вотъ,—началъ онъ снова,—у насъ есть дочь... такъ вотъ я... я предлагаю... если конечно... поселиться въ деревнѣ... такъ можно хорошо... и если... я готовъ всю жизнь... т.-е. если вы можете простить... забыть...

Это „вы,“ сказанное имъ, вызвало краску на его лицѣ, и онъ добавилъ уже почти шопотомъ:

— Конечно, все зависитъ отъ васъ.

Но онъ тутъ же, сейчасъ же понялъ, что самъ ни забыть, ни простить—не можетъ. Непріязненное чувство противъ нея и отчасти противъ себя заставило его злобно сдвинуть густыя брови.

Она рѣшилась поднять глаза. Испуганная его недружелюбнымъ взглядомъ, она тоже вспыхнула. Она почувствовала, что иначе смотрѣть онъ не можетъ; ей стало больно невыносимо, почти физически. Не зная, какъ и почему—точно это были не ея, а чужія слова,—вся внутренно дрожа отъ волненія, она произнесла тихо и печально:

— Нѣтъ. Я очень благодарна... но нельзя...

Онъ вздрогнулъ отъ звука ея голоса, прозвенѣвшаго погребальнымъ звономъ среди тяжелой тишины; хотѣлъ возразить, убѣдить, просить—и не могъ.

Все, о чемъ думалось ему въ длинные одинокіе дни, въ темныя, тоскливыя ночи заключенія,—все, что̀ онъ собирался сказать ей при свиданіи, мечты о будущей совмѣстной жизни и мягкое любовное, всепрощающее отношеніе, и надежды вернуть прежнее счастье—все это куда-то исчезло, потонуло въ душевной боли, въ корнѣ которой лежало злое, мстительное чувство, и онъ не могъ его ни уничтожить, ни побѣдить. Еслибы онъ въ силахъ былъ разобраться въ себѣ въ эту минуту, онъ понялъ

бы, что въ немъ говорятъ: ревность оскорбленнаго мужчины къ прошлому,—и потеря вѣры въ будущемъ, и страшное, безотчетное сознаніе своей неправоты. Ему тяжело было присутствіе Ненси, тяжело и непріятно. Онъ зналъ, что ей тоже больно невыносимо, онъ зналъ, что боль эта въ немъ и въ—ней неизсякаемая, неизлечимая, вѣчная.

„Да что же это? Довольно!"—хотѣлъ онъ крикнуть; а ей хотѣлось плакать громко, громко, такъ, чтобы не слышать ничего, кромѣ собственнаго плача.

— Относительно ребенка, — едва проговорила она, глотая слезы...—Такъ относительно ребенка надо рѣшить... Я... послѣ...

— Какъ угодно: я не насилую, не тороплю...

И оба они сразу почувствовали холодъ смерти вокругъ себя и въ себѣ.

Въ груди у обоихъ вдругъ образовалась какая-то мучительная пустота, и между ними все выше и выше росла, поднималась невидимая, но ясно ощутимая стѣна. Она хоронила прошедшее, заслоняла будущее, сокрушала настоящее.

Злое чувство еще больше охватило Юрія. Куда дѣвалась безмѣрная нѣжность, что жила въ немъ до злополучнаго свиданія? И вотъ она, эта женщина, здѣсь, передъ нимъ, блѣдная, ожидающая. Онъ пытался улыбнуться, взглянуть ласково, и чувствовалъ, какъ нехорошая, недобрая улыбка кривитъ его губы, глаза противъ воли не могутъ остановиться на миломъ когда-то и теперь все еще миломъ лицѣ, а смотрятъ въ сторону сердито и угрюмо. Но почему? Онъ самъ этого не зналъ, а побороть себя не могъ. Пусть всякое ей счастье, радость, успѣхъ въ жизни, но только дальше, дальше отъ нея!.. Ея глаза, лицо, волосы, голосъ, движенія—все раздражало его.

Она смотрѣла какъ подстрѣленная птица. Испугъ, надежда, отчаяніе горѣли въ ея лучистыхъ глазахъ. Ей хотѣлось уловить его взглядъ, задержать его хоть на минуту. Ей казалось, что разъ это случится—рухнетъ страшная стѣна, и какое-то высшее откровеніе освѣтитъ ихъ разумъ и сдѣлаетъ яснымъ что-то для нихъ теперь недосягаемое, неизвѣстное.

Но онъ упорно продолжалъ смотрѣть куда-то мимо, точно въ комнатѣ не было еще другого живого лица. Красивые сѣрые глаза его стали почти черными и своимъ мрачнымъ огнемъ напоминали глаза безумца. Стѣна становилась все несокрушимѣе, пустота—все безнадежнѣе. Они сидѣли другъ противъ друга, какъ два непримиримыхъ врага. Ихъ мертвая любовь была безсильна.

Ненси встала и быстро, безшумно вышла изъ комнаты.

Онъ продолжалъ сидѣть неподвижно. Ни одинъ мускулъ не дрогнулъ на лицѣ, только глаза стали будто еще темнѣе и по блѣднымъ, исхудалымъ щекамъ тихо скатились двѣ крупныя слезы. Съ болѣзненнымъ напряженіемъ слушалъ онъ упорный тикъ-такъ маятника въ будильникѣ. Минуты летѣли, а съ ними все дальше и дальше уносились воспоминанія, тревоги, муки, радости, мечты...

Ступивъ на тротуаръ освѣщенной электричествомъ улицы, Ненси очнулась и опустила вуаль на заплаканное лицо. Она стала подвигаться къ дому, выбирая самыя безлюдныя улицы. Вѣтеръ дулъ ей на встрѣчу, освѣжая пылающія щеки, и холодилъ грудь. На душѣ у нея было такъ, какъ бываетъ, когда возвращаешься съ похоронъ милаго, близкаго человѣка, но только еще безотраднѣе. Ни заколоченнаго гроба, ни земляной насыпи, ни надгробнаго пѣнія, ни рыданій! Лишь въ глубинѣ души зіяла черная, глубокая могила, ни для кого не видимая, но тѣмъ еще болѣе страшная.

Ненси потерялась въ хаосѣ чего-то безформеннаго и безконечнаго: уныніе, безпомощность, полная прострація чувствъ и мыслей и въ то же время сознаніе неизбѣжнаго, непреоборимаго въ этомъ безформенномъ и безконечномъ.

— *Должно* бы такъ быть, но нѣтъ—*такъ* не будетъ! Но почему же такъ не будетъ, когда *должно*?—тоскливо спрашивала Ненси.

— Должно, но не будетъ!—отвѣчалъ неумолимый внутренній голосъ.

Вернувшись домой, Ненси крикнула подъ дверьми бабушкиной комнаты:

— Не безпокойся, все устроилось отлично. Я ложусь спать—у меня голова болитъ. Завтра разскажу все.

Пройдя прямо къ себѣ, она заперлась на ключъ. Выдвинувъ ящикъ письменнаго стола, она вынула оттуда пачку перевязанныхъ лентой писемъ. Медленно и задумчиво перебирала она листы, исписанные широкимъ, размашистымъ почеркомъ. Медленно скатывались слезы, упадали на бумагу и, смѣшанныя съ чернилами, расплывались на бумагѣ причудливыми узорами. Окончивъ чтеніе, Ненси подошла къ небольшому камину, бросила письма и подожгла ихъ. Она бросила ихъ съ такимъ ощущеніемъ, какъ бросаютъ землю на крышку поставленнаго въ могилу гроба, чтобы звенящій звукъ ударившейся земли какъ бы подтвердилъ, что кончено все. Когда, судорожно вспыхнувъ, по-

гасъ послѣдній язычокъ синеватаго пламени, и отъ дорогихъ воспоминаній осталась только маленькая кучка черно-сѣраго пепла, Ненси вернулась къ столу и написала:

„Я погубила вашего сына. Вы имѣете право ненавидѣть меня. Но еслибы вы знали, какъ я сама себя ненавижу и до чего я глубоко несчастна... Я нахожусь теперь какъ бы на высокой горѣ, земля подо мною осыпается, и мнѣ, все равно, не удержаться. Я не могу разобраться ни въ томъ, что̀ во мнѣ, ни въ томъ, что̀ вокругъ меня. Я знаю, что все это не такъ, а какъ надо—не знаю... Все это, впрочемъ, не важно. Нужно рѣшить вопросъ съ моею дочерью. Какъ я могу кого-нибудь воспитывать? Я—сорная трава, которая только можетъ мѣшать. Зачѣмъ мѣшать здоровому, прекрасному цвѣтку?.. Сегодня вашъ сынъ великодушно предложилъ мнѣ начать новую совмѣстную жизнь, но мы оба сразу почувствовали, что это невозможно, и я сказала ему—„нѣтъ“, а онъ не настаивалъ... Возьмите мою дочь,—это необходимо, чтобы спасти ее. Я знаю—забыть нельзя горе, какое я посѣяла въ вашей семьѣ, но неужели ненависть, или отвращеніе, или презрѣніе ко мнѣ могутъ отразиться на маленькой, ни въ чемъ неповинной дѣвочкѣ, такъ трагически вступающей въ жизнь? Нѣтъ, я знаю—вы ее спасете, и обликъ ея матери не омрачитъ вашей любви къ невинному ребенку. Прощайте и простите.—Ненси“.

XXIV.

Запечатавъ письмо, Ненси разбудила горничную, приказавъ ей тотчасъ же опустить его въ ящикъ. Затѣмъ она прошла въ дѣтскую.

Ребенокъ крѣпко спалъ въ своей бѣлой съ переплетомъ кроваткѣ. Ручки раскинулись поверхъ розоваго атласнаго одѣяла; вьющіеся бѣлокурые спутавшіеся волосы спустились на лобъ, щеки разгорѣлись.

Ненси сѣла возлѣ кроватки. Ребенокъ засмѣялся во снѣ.

Изъ противоположнаго угла доносился храпъ толстой няньки. Передъ большимъ образомъ Спасителя, мигая, теплилась лампада.

Ненси грустно смотрѣла на продолжавшаго улыбаться во снѣ ребенка.

— Неужели и ты не избѣгнешь общаго проклятія?.. И тебя будутъ также искать и радоваться твоей погибели? И тебѣ это будетъ нравиться, и ты будешь сама добиваться и съ опаленными крыльями снова и снова летѣть на огонь?..

Она съ тоской смотрѣла на разгорѣвшееся пухлое личико. Ребенокъ все улыбался. Вдругъ маленькій лобикъ наморщился, вокругъ губъ образовались складки, и раздался громкій жалобный плачъ.

Нянька, кряхтя, встала съ постели, приподняла ребенка и перевернула его на бокъ.

Ненси нагнулась, чтобы поцѣловать ребенка, но онъ безпокойно замоталъ головой. Ненси ушла.

Она чувствовала страшную усталость. Съ блаженствомъ улеглась она въ постель и забылась. Но сонъ ея былъ тревоженъ.

Ненси то видѣла себя ѣдущей по желѣзной дорогѣ; внезапно вдругъ останавливался поѣздъ, она въ тревогѣ выскакивала изъ вагона, изломанные рельсы безпорядочно валялись по землѣ, но паровозъ поворачивалъ въ сторону; длинный поѣздъ, дымясь и гремя цѣпями, съ пронзительнымъ свистомъ, проносился дальше... А Ненси стояла одна, брошенная посреди пути въ ужасѣ и отчаяніи, не зная, что дѣлать... Она кричала, плакала, звала на помощь—протяжный свистъ лишь былъ ей отвѣтомъ, да клубы разорваннаго дыма, какъ бы дразня, летали въ воздухѣ.

— Ой, нѣтъ!.. Спасите!.. Не могу больше!.. не могу!..— сквозь сонъ стонетъ Ненси и просыпается.

Комната съ закрытыми ставнями напоминала гробъ. Непроницаемая мгла—и ничего больше. Ненси рѣшилась не спать, боясь новыхъ сновидѣній. Еще не оправясь отъ испуга, смотрѣла она, широко раскрывъ глаза, въ плотную, похожую на черный покровъ, тьму...

И вдругъ изъ этой тьмы поплыли на нее неясныя, точно сотканныя изъ бѣлаго тумана, видѣнія... Сначала безформенныя, причудливыя, какъ клубы дыма, они принимали все болѣе и болѣе опредѣленныя очертанія: вотъ руки... головы... глаза... человѣческія лица...

Ненси, приподнявшись на локоть, смотрѣла съ ужасомъ и любопытствомъ.

Ихъ было много... безъ счета... Молодые... старые... безусые... бородатые... красивые... безобразные... Они плыли со всѣхъ сторонъ... Они всѣ были непохожи другъ на друга, лишь взглядъ былъ одинъ и тотъ же—похотливый, жадный, торжествующій взглядъ... Черные томные глаза съ поволокой блеснули близко, у самаго лица Ненси... Она узнала ихъ... *Онъ* былъ тутъ, *онъ* протягивалъ къ ней руки, а за нимъ—весь сонмъ бѣлыхъ видѣній...

— Уйдите!!..—внѣ себя вскрикнула Ненси, упадая на подушки.

Она боялась пошевельнуться. Она чувствовала, что *онъ* еще здѣсь... все равно, хотя убитый... *Онъ*, а за нимъ они... Убитъ одинъ... а ихъ... ихъ много...

Она замерла, застыла въ ужасѣ, но ея мозгъ, разгоряченный и больной, работалъ непрерывно.

„Все это страшно просто, enfant chérie",—выплыло откуда-то, изъ глубокихъ нѣдръ сознанія. И Ненси поняла,—поняла и содрогнулась.

— Да, это просто... Просто и страшно!

Ненси вскочила. Сквозь щели ставень уже пробивался свѣтъ. Неодѣтая, съ распущенными, взбитыми волосами, съ воспаленными, широко раскрытыми глазами, бросилась она въ комнату бабушки.

Марья Львовна еще спала. Шумъ распахнувшейся двери разбудилъ ее. Она вся встрепенулась и съ испугомъ смотрѣла на Ненси.

Освѣщенная мигающимъ желтоватымъ пламенемъ лампадки и черезъ ставни пробивающимся разсвѣтомъ, блѣдная, съ безумнымъ, лихорадочнымъ взглядомъ, Ненси была страшна. Она шла прямо къ постели, какъ грозный ангелъ мести...

— Бабушка... я... тебя проклинаю!..—произнесла она злобнымъ шопотомъ, почти задыхаясь.

Марья Львовна вздрогнула и приподнялась въ недоумѣніи.

— Я проклинаю тебя... слышишь?..

— Ты съ ума сошла?

— Я проклинаю тебя!..

— Mais tu es folle...

— Зачѣмъ ты отравила меня?.. Ты и всѣ вы?..

— Enfant chérie... enfant chérie...—могла только проговорить Марья Львовна.

Ненси опустилась на колѣни возлѣ кровати и, закинувъ за голову обнаженныя бѣлыя руки, смотрѣла злобно и такъ неотрывно, точно хотѣла сжечь своимъ взглядомъ несчастную, растерявшуюся старуху.

— Ты радовалась... ты наслаждалась... вамъ всѣмъ было весело... А я... я ненавижу—ты пойми—я мучусь... я страдаю... слышишь?.. Зачѣмъ вы отравили меня?

Слова вылетали изъ ея тяжело дышущей груди, сопровождаемыя громкими придыханіями; голосъ былъ хриплый, будто чужой.

Вдругъ, въ глубинѣ расширенныхъ, горячечныхъ зрачковъ

вспыхнулъ еще болѣе мрачный огонь, точно увидѣла она передъ собою что-то новое и ужасное.

— Сумасшедшая!—успѣла только крикнуть Марья Львовна, порываясь встать.

Ненси была уже возлѣ туалетнаго стола. Въ ея рукахъ сверкнуло что-то блестящее, и прежде чѣмъ успѣла опомниться помертвѣвшая отъ ужаса бабушка,—густыя пряди ея волосъ, скользнувъ по обнаженнымъ плечамъ, легли у ея ногъ, а сама она бросилась въ свою комнату.

Марья Львовна не понимала, сонъ это или дѣйствительность?

Она рѣшилась наказать равнодушіемъ непокорнаго, злого ребенка. Но гнѣвъ ея продолжался недолго. Она быстро одѣлась и побрела въ комнату Ненси.

Марья Львовна сама теперь была похожа на привидѣніе. Въ этотъ короткій часъ она, казалось, состарилась сразу на нѣсколько лѣтъ.

На полу, возлѣ постели, лежала Ненси въ глубокомъ обморокѣ. Испугъ Марьи Львовны былъ такъ великъ, что она не въ силахъ была позвать кого-нибудь на помощь.

Наконецъ, мало-по-малу, придя въ себя и убѣдясь, что это только обморокъ, Марья Львовна нѣсколько успокоилась.

— Никто... никого... я... я сама... одна,—было первою ея мыслью.

Долго Марья Львовна не могла справиться съ волненіемъ, но когда вышла изъ комнаты Ненси, лицо ея уже было спокойно, и она твердымъ, ровнымъ голосомъ отдала приказаніе—послать за докторомъ.

Прибывшій тотчасъ же докторъ ничего не сказалъ опредѣленнаго, найдя острое горячечное состояніе исключительно на нервной почвѣ.

Едва уѣхалъ докторъ, какъ доложили о пріѣздѣ Натальи Ѳедоровны.

Марья Львовна вся вспыхнула отъ негодованія и велѣла отказать. Ей казалось немыслимымъ видѣть кого бы то ни было изъ тѣхъ, которые были причиной несчастій ея Ненси.

Горничная пришла снова, объявивъ, что „очень, очень нужно“, такъ какъ „барыня пріѣхали, вытребованныя по письму“.

— Я бы желала видѣть Ненси,—сказала Наталья Ѳедоровна, идя на встрѣчу появившейся въ гостиной Марьѣ Львовнѣ.

— Видѣть нельзя, и я попрошу васъ не безпокоить ее ни письмами, ни посѣщеніями,—рѣзко проговорила старуха, не подавая руки гостьѣ и не приглашая ее сѣсть.

Наталья Ѳедоровна сконфузилась. Не зная, какъ поступить, что̀ сказать, она поспѣшно вынула письмо изъ ручного саквояжа и протянула его Марьѣ Львовнѣ. Та сдѣлала движеніе рукой, чтобы отстранить сложенный листъ, но, увидавъ почеркъ Ненси, схватила съ живостью письмо и, присѣвъ на первый попавшійся стулъ, принялась читать.

Письмо поразило ее. Ужасная ночь стала понятной. Въ большихъ черныхъ глазахъ блеснули слезы.

— Берите—на то ея воля,—проговорила она дрогнувшимъ голосомъ, возвращая письмо.

Лицо ея было печально и строго. Изъ спальни донесся легкій стонъ.

Марья Львовна поспѣшно встала и направилась къ дверямъ. Дойдя до нихъ, она вдругъ обернулась.

— Вы берете *ея* дочь, — сказала она медленно и протянула ей руку.

Наталья Ѳедоровна отвѣтила тѣмъ же... Было что-то торжественно-скорбное въ этомъ обоюдномъ пожатіи рукъ,—точно обѣ эти женщины безмолвно заключили союзъ.

— Не оставляйте меня безъ извѣстій,—произнесла взволнованно Наталья Ѳедоровна.

Старуха наклонила утвердительно голову, и онѣ разстались.

Въ спальнѣ былъ полусвѣтъ. Солнце пробивалось сквозь плотную матерію темныхъ сторъ и яркими бликами пестрило паркетъ. Ненси лежала въ полузабытьи, съ закрытыми глазами; губы ея шевелились, изъ нихъ изрѣдка вылетали безсвязныя, отрывистыя слова. Тонкія, блѣдныя руки лежали поверхъ одѣяла; кое-гдѣ, по краямъ длинныхъ розовыхъ царапинъ темными крупинками запеклась кровь. Марья Львовна старалась не смотрѣть, и противъ воли не могла оторвать глазъ отъ этихъ блѣдныхъ, такъ безжалостно, такъ кощунственно изуродованныхъ рукъ. Она чувствовала какую-то свою огромную вину, но не могла найти ее. Она вспоминала прошлое, разбиралась во всѣхъ мелочахъ, и все-таки не могла найти. Ей было только жалко, мучительно жалко и больно безъ конца.

— Oh, quelle souffrance! — и она мысленно давала клятву окружить еще бо̀льшей любовью, заботами, лаской, вниманіемъ, роскошью свою милую, бѣдную Ненси.

Ненси раскрыла вѣки. Мутный взоръ ея упорно и безцѣльно устремился на Марью Львовну. Но она не узнала бабушки, она была безъ сознанія.

А въ это время изъ дверей дома, навсегда отрывая отъ ма-

тери, уносили хорошенькую, веселую, нарядно одѣтую дѣвочку. Она подпрыгивала на рукахъ у няньки и, громко чмокая маленькую, пухлую ладонь, посылала ручонкой воздушные поцѣлуи въ пространство...

XXV.

Поѣздъ мчался на всѣхъ парахъ. Уже давно проѣхали границу, миновали Торнъ, Бромбергъ, Крейцъ, Кюстринъ... Подъѣзжали къ Берлину.

Въ отдѣльномъ купэ перваго класса помѣщались двѣ дамы, обращавшія на себя еще въ Россіи вниманіе пассажировъ. Это были Ненси и изящная въ своей старости Марья Львовна.

Бабушка — бодрая, веселая, жизнерадостная — чувствовала себя счастливой. Самый воздухъ, едва переѣхали онѣ границу, казался ей другимъ: онъ тоже былъ свободенъ, какъ онѣ; а главное, Ненси—опять ея Ненси, неотъемлемая, нераздѣльная...

Онѣ ѣхали на-воды, куда послали Ненси доктора, для поправленія здоровья; а она была очень и серьезно больна, о чемъ не подозрѣвали ни сама она, ни бабушка.

Жизнь въ Виши, куда онѣ пріѣхали, шла своимъ традиціоннымъ порядкомъ, установленнымъ почти одинаково на всѣхъ курортахъ. Въ казино гремѣла музыка, въ паркѣ—нарядныя больныя дамы весело лечились и разомъ убивали двухъ зайцевъ: принимали ванны, пили цѣлебную воду изъ красивыхъ стаканчиковъ и, прогуливаясь съ изящными кавалерами, губили сердца намѣченныхъ жертвъ. На главныхъ улицахъ, въ богатыхъ отеляхъ жизнь кипѣла ключомъ. Казалось, что всѣ съѣхались сюда на безконечный, веселый пиръ; и только въ отдаленныхъ уголкахъ прелестнаго городка, гдѣ пріютились болѣе ограниченные въ средствахъ, было тихо, и больные походили на дѣйствительно больныхъ.

Пріѣхавшіе сейчасъ же втянулись въ общій строй жизни. Оказалось много русскихъ. Завязались знакомства. Встрѣтили даже одну старую знакомую, пріятельницу Марьи Львовны—Юлію Поликарповну Зноеву. Теперь это былъ почти живой трупъ. Безъ ногъ—ее возили въ креслахъ,—высохшая, съ притянутой къ костямъ смуглой кожей, она была жалка. Но въ небольшихъ, выцвѣтшихъ карихъ глязахъ ея злобно и безпокойно горѣлъ страхъ опасенія за угасающую жизнь, и тѣмъ еще больше усиливалъ безпомощность убогой старухи.

При ней состояла некрасивая, огромнаго роста, атлетиче-

скаго сложенія, пожилая дѣвица, Валентина Петровна Карасева — Валя, какъ называли ее сокращенно, что̀ очень мало шло къ огромному росту, огромнымъ рукамъ и крупнымъ чертамъ ея лица. Валя жила уже лѣтъ десять возлѣ Юліи Поликарповны, сначала въ качествѣ компаньонки, а послѣ — garde-malade, и совершенно подчинила себѣ больную старуху, обращаясь съ ней властно, а подъ-часъ даже грубо. Та въ ней души не чаяла, на что̀ Валя отвѣчала затаенной ненавистью и желаніемъ поскорѣе отдѣлаться отъ несносной обузы. Желаніе это сдѣлалось особенно нетерпѣливымъ съ тѣхъ поръ какъ Юлія Поликарповна написала духовное завѣщаніе, въ которомъ отказывала Валѣ все свое небольшое состояніе.

Марья Львовна, вмѣстѣ съ Ненси, часто посѣщала старую пріятельницу. Разговоръ вертѣлся обыкновенно на воспоминаніяхъ о дняхъ блестящей молодости. Юлія Поликарповна была, въ свое время, очень хорошенькой и интересной женщиной.

Въ концѣ концовъ, все-таки больная возвращалась къ своей излюбленной темѣ—жалобамъ на докторовъ, не понимающихъ ея болѣзни.

— Послѣдній разъ пріѣзжаю сюда, послѣдній!.. Совершенно безполезно...—раздражительно брюзжала она,—а? правду я говорю, Валя?

— Да,—слѣдовалъ лаконическій отвѣтъ.

— Они совершенно ничего не понимаютъ—не лечатъ, а залечиваютъ до смерти... а? Правду я говорю, Валя?.. Не хочу умирать... не хочу... Уѣду въ Россію и найму дачу въ Петергофѣ... Страшно люблю Петергофъ... Н-нѣтъ, довольно, не поддамся!.. а? правду я говорю, Валя?

— Да молчите, вамъ вредно... Помрете—такъ помрете, а будете живы—такъ будете... Нашли интересный разговоръ... веселый!..

— Ну, ну, хорошо...—и Юлія Поликарповна благодушно улыбалась во весь свой беззубый ротъ.—Любитъ меня это созданье ужасно,—указывала она пергаментнаго цвѣта, изсохшей рукой на Карасеву.—Всѣхъ хочетъ увѣрить въ своей суровости, а сердце—воскъ! а? правду говорю, Валя?

— Да отстаньте!..

— Бабушка, тебѣ не странно, почему Юлія Поликарповна такъ любитъ жизнь? Мнѣ кажется, она привыкла къ ней—слишкомъ долго жила,—обратилась какъ-то на прогулкѣ Ненси къ Марьѣ Львовнѣ.

— Всѣ любятъ жизнь.

— Ты вѣришь въ будущую жизнь?.. А если нѣтъ — жизнь нужно ненавидѣть.

Марья Львовна стала въ тупикъ. Она знала изъ символа вѣры о „жизни будущаго вѣка", но какъ-то никогда не задумывалась надъ этимъ, находя земное существованіе слишкомъ привлекательнымъ.

Онѣ уже подошли къ отелю. Ненси чувствовала себя въ этотъ вечеръ очень оживленной, и искренно жалѣла, прислушиваясь къ доносящейся изъ казинò музыкѣ, что, по предписанію докторовъ, должна была рано ложиться спать.

Она сѣла у открытаго окна, съ наслажденіемъ вдыхая ароматный воздухъ. Солнце только-что закатилось; изъ парка неслись волны благоуханій; музыка пріятно убаюкивала нервы... Хотѣлось упиться этимъ воздухомъ, этимъ благоуханіемъ, этой музыкой.

Безпричинная тоска, мучившая ее періодически, а за послѣднее время почти постоянно, стала даже какой-то сладкой.

Пошелъ вдругъ дождь, — теплый, веселый, лѣтній дождь. Воздухъ, насыщенный влагою, сталъ еще ароматнѣе.

— Ненси, закрой окно! — раздался изъ другой комнаты голосъ Марьи Львовны.

— Нѣтъ, бабушка, тепло... чудный вечеръ!..

Дождь шумѣлъ ласково и таинственно.

Капли разбивались о желѣзный выступъ подоконника, мелкія брызги отъ нихъ летѣли въ комнату, попадали на руки, на лицо Ненси.

Тоска ея перестала быть сладкой. Ей показалось, что она уходитъ сама отъ себя куда-то далеко-далеко. Это было до того жуткое, томительное ощущеніе, что она готова была заплакать отъ страха и досады. Она хотѣла остановить, вернуть себя, но не такой, какъ теперь, а какою она была еще давно, ребенкомъ.

Съ этого вечера ею овладѣло лихорадочное, нервное, напряженное состояніе. Оно страшно раздражало ее. Ей все представлялось, что она не успѣетъ или позабудетъ сдѣлать что-то необходимое, неотложное.

Такъ бываетъ при отъѣздѣ, когда, торопясь, собираютъ вещи, отдаютъ приказанія, боятся что-нибудь забыть. И она торопилась все время: спѣшила взять ванну, оттуда хотѣла скорѣе домой, потомъ скорѣе гулять, потомъ скорѣе отдыхать. Ночью ее мучила безсонница и головныя боли, а днемъ — несносные голодъ и жажда. Она не могла выносить появившейся у нея сухости

кожи, особенно на рукахъ, и плакала, растирая ихъ, чтобы вернуть прежнюю эластичность.

Марья Львовна съ ужасомъ смотрѣла на ея исхуданіе. Доктора̀ осторожно высказали свои опасенія относительно быстраго развитія болѣзни; но Марья Львовна не допускала мысли о неблагопріятномъ исходѣ, и скорѣе готова была согласиться съ Юліей Поликарповной, что докторамъ не нужно очень довѣрять, такъ какъ они ничего не понимаютъ, и вѣчно преувеличиваютъ, чтобы раздуть свои заслуги.

Ненси худѣла, худѣла, таяла... Она становилась какою-то прозрачной; а глубокая тоска, притаившаяся въ ея чудныхъ глазахъ, дѣлала ихъ загадочными и еще болѣе привлекательными.

У нея появилась страсть къ бѣлому цвѣту, который она и раньше любила; теперь же она была всегда неизмѣнно въ бѣломъ туалетѣ, съ букетомъ цвѣтовъ у пояса.

Ее заставляли какъ можно больше бывать на воздухѣ, особенно въ солнечные дни; а такъ какъ она быстро утомлялась,— за нею катили кресло.

Гуляя какъ-то по парку, она замѣтила молодого еще человѣка, особенно пристально смотрѣвшаго на нее, точно онъ былъ знакомъ, и боялся, что она его не узнаетъ. Она стала припоминать, не встрѣчалась ли гдѣ-нибудь съ незнакомцемъ, но лицо его было ей совершенно неизвѣстнымъ.

Лицо это поражало своей необыкновенной сосредоточенностью. Темнорусые волосы, нѣсколько длинные для мужчины, окаймляли, точно рамкой, блѣдное, худощавое лицо; мягкая борода была темнѣе волосъ; ротъ, нѣсколько крупный и ярко-пунцоваго цвѣта, не соотвѣтствовалъ выраженію глазъ. Глаза говорили о небѣ, а ротъ напоминалъ о землѣ. Это противорѣчіе дѣлало лицо особенно интереснымъ и исключительнымъ. Незнакомецъ появлялся вездѣ, куда ни показывалась Ненси. Онъ смотрѣлъ ей прямо въ глаза и видимо пытался поймать ея взглядъ. И это нисколько не было оскорбительнымъ, потому что выраженіе, съ какимъ онъ смотрѣлъ на нее, было какое-то необыкновенное: точно смотрѣлъ онъ не на нее, а на кого-то другого, черезъ нее.

И она, и бабушка заинтересовались, въ свою очередь, страннымъ господиномъ. Онъ былъ русскій, онѣ это знали, потому что слышали, какъ онъ разговаривалъ по-русски съ кѣмъ-то въ казинò.

Былъ чудный солнечный день; но солнце не палило, не жгло, а только, мягко лаская, согрѣвало. Игривый, легкій вѣтерокъ шелестилъ листву и вносилъ необычайную свѣжесть въ воздухъ.

Ненси сидѣла въ большой, тѣнистой аллеѣ одна, безъ бабушки. Марья Львовна отправилась навѣстить Юлію Поликарповну. Ненси чувствовала себя въ этотъ день бодрѣе, и ея кресло осталось въ саду отеля.

Незнакомецъ прошелъ мимо Ненси. Вернулся. Опять прошелъ мимо. Когда проходилъ онъ въ третій разъ—невольная улыбка скользнула по губамъ Ненси, и въ головѣ промелькнуло шаловливое желаніе познакомиться съ этимъ, такъ упорно ее преслѣдующимъ человѣкомъ.

Должно быть, онъ угадалъ ея мысль: въ глазахъ его вспыхнула радость. Онъ смѣло, рѣшительно подошелъ къ Ненси и отрекомендовался русскимъ художникомъ — Антониномъ Павловичемъ Гремячимъ.

Онъ сѣлъ на скамью возлѣ Ненси.

— Вы простите меня, — сказалъ онъ, нѣсколько конфузясь,—за мою смѣлость... но я, вотъ уже второй годъ, ищу вашихъ глазъ.

Голосъ у него былъ слегка вибрирующій, но удивительно красивый, музыкальный: ни одного непріятнаго звука, каждая нота ласкала слухъ.

Ненси поразилась такимъ оригинальнымъ вступленіемъ.

— Развѣ вы видѣли меня когда-нибудь?

— Въ жизни—нѣтъ, но въ душѣ, въ воображеніи—видѣлъ. Не только видѣлъ—искалъ вездѣ... Меня мучили ваши глаза.

Ненси не нашлась, что̀ сказать—до того удивилъ ее этотъ отвѣтъ.

Гремячій улыбнулся. Когда онъ улыбался, сосредоточенность его худощаваго лица пропадала—оно дѣлалось круглымъ и принимало почти дѣтское выраженіе.

— Я вамъ кажусь чудакомъ, не правда ли? Но если вы захотите понять... т.-е., нѣтъ... не понять, а почувствовать правду въ моихъ словахъ—вамъ не покажутся ни они, ни мои поступки странными... Хотите?

— Да,—отвѣтила Ненси тихо, вся проникнутая любопытствомъ и необъяснимой робостью.

— Но вы не сочтете меня за нахала? Вы не обидитесь—вѣдь нѣтъ?.. Послушайте... На меня нельзя вамъ обижаться... Я такъ счастливъ, такъ счастливъ!.. Я васъ нашелъ... не васъ именно, а ваши глаза... мою идею... образъ!

Любопытство Ненси возростало.

— Вы мнѣ позволите писать съ себя?.. Послушайте: вѣдь

вамъ нельзя мнѣ отказать—это будетъ ужасно!.. И этого не можетъ быть... Вѣдь вы позволите... сегодня же?!

— Право, я не знаю, — сконфуженно проговорила Ненси, растерявшаяся отъ неожиданной и слишкомъ смѣлой просьбы со стороны новаго знакомца.

Лицо Антонина Павловича затуманилось.

— Вотъ видите... я вамъ кажусь смѣшнымъ или чудакомъ. Но слушайте: пять уже лѣтъ какъ меня охватила одна мысль. Меня преслѣдуетъ сюжетъ... Послушайте... Большое полотно... масса воздуха... въ немъ двѣ женскія фигуры: Жизнь и Смерть... Жизнь написать далось легко... Потомъ сталъ писать я Смерть... Бросалъ, опять принимался—и совсѣмъ бросилъ... Въ душѣ моей возникъ какой-то образъ, но до того неясный, что выразить, облечь въ форму не было силъ. Я сталъ искать его вездѣ... Я ѣздилъ по Россіи, потомъ уѣхалъ за границу... Мнѣ нужно было найти нѣчто прозрачное... больное... а главное—глаза... Я сталъ посѣщать курорты... Прошло два года безполезныхъ скитаній, я былъ близокъ къ отчаянію, хотя я зналъ, что я долженъ найти... И вотъ—это ваши глаза.

Ненси отшатнулась въ испугѣ.

— Благодарю васъ... Я не желаю!.. — проговорила она, волнуясь.

Но Антонинъ Павловичъ, въ своемъ экстазѣ, не замѣчалъ или не хотѣлъ замѣтить ея испуга.

— Тоска... проникновеніе... и что-то манящее, обѣщающее—это Смерть!

— Нѣтъ, нѣтъ!.. Оставьте меня въ покоѣ... оставьте меня!..

Гремячій вскинулъ на нее свои красивые глаза.

— Вы боитесь смерти?

— Оставьте, я не хочу объ этомъ говорить...

— Вы боитесь оттого, что не поняли... Вы представляете ее себѣ какъ васъ учили въ дѣтствѣ: страшнымъ скелетомъ съ косой въ рукахъ—не правда ли?.. Вы не знаете, что это дивный, дивный ангелъ, съ необыкновенными, божественными глазами!.. Это сама поэзія!.. Вы не знаете, что ее не нужно бояться, а съ первыхъ дней сознательнаго существованія—ожидать, какъ лучшей минуты... потому что въ ней—свобода!..

Ненси вся какъ-то притихла. Увлекъ ли ее энтузіазмъ, съ которымъ высказывалъ свою мысль этотъ странный человѣкъ, или самая мысль поразила ее—но только все въ ней притихло.

— Есть идеи,—продолжалъ онъ съ тѣмъ же огнемъ,—есть мысли, для которыхъ нѣтъ словъ—имъ нуженъ образъ... Онѣ

живутъ въ душѣ... не въ сознаніи, а въ душѣ... Ихъ нужно чувствовать безъ словъ... Онѣ являются, какъ просвѣтленіе... Имъ нужно вѣрить.

Въ концѣ аллеи показалась Марья Львовна, въ свѣтло-сѣромъ лѣтнемъ платьѣ.

Ненси повернула свое раскраснѣвшееся лицо къ Гремячему.

— Хорошо... вы будете съ меня писать, я... я согласна... Но вотъ идетъ бабушка, при ней нельзя говорить—вы понимаете—она старуха... она... ей будетъ страшно... Вы скажите, что просите меня позировать, но не говорите—„смерть", не говорите ради Бога... и, вообще, лучше оставьте—я сама скажу все.

Она произнесла все это скороговоркой, задыхаясь. Когда подошла Марья Львовна, оба они молчали.

— Бабушка, нашъ соотечественникъ, Антонинъ Павловичъ Гремячій.

— Очень пріятно.

Марья Львовна подсѣла къ нимъ.

— Антонинъ Павловичъ—художникъ.

— Мы обѣ—большія поклонницы живописи... И моя внучка когда-то даже много занималась...

— Вы пишете?—съ живостью обратился Гремячій къ Ненси.

— Нѣтъ,—только брала уроки недолго... и люблю...

Онъ довелъ ихъ до отеля. Больше они въ этотъ день не видѣлись, хотя Ненси выходила еще разъ передъ ванной. Она прошла мимо него, съ опущенными глазами, и была такая озабоченная, какъ бы разстроенная—онъ не рѣшился заговорить съ нею.

Вечеромъ Ненси долго не могла уснуть, но ей мѣшала не ея болѣзненная томительная безсонница, а до того сильное возбужденіе нервовъ, что она почти не испытывала своихъ обычныхъ болевыхъ ощущеній и даже отвратительной жгучей жажды. Она переживала удивительно сложное душевное состояніе: впечатлѣніе встрѣчи, знакомства, разговора съ Гремячимъ—все это сосредоточилось у нея въ одномъ понятіи—„смерть"... И точно въ нее вселилось какое-то другое, новое существо. Оно до полной иллюзіи чувствовало эту „смерть", и нисколько не страшилось. И это было такъ необычайно, такъ мучительно пріятно.

Ненси съ нетерпѣніемъ ожидала наступленія дня, чтобы снова возобновить разговоръ съ „страннымъ", такъ мало похожимъ на другихъ людей, человѣкомъ.

— Бабушка,—сказала она, утромъ, передъ тѣмъ какъ идти

къ источнику,—если мы встрѣтимъ нашего новаго знакомаго—пригласи его зайти къ намъ—онъ интересный...

— Я очень рада.

— Онъ хочетъ писать съ меня... Меня это займетъ.

— Но это утомитъ...

— Нѣтъ, можно, вѣдь, на воздухѣ... Я, все равно, цѣлыми часами сижу въ своемъ креслѣ...

Гремячій ожидалъ уже ее въ паркѣ. Онъ былъ во всеоружіи художника: съ складнымъ, походнымъ мольбертомъ и большимъ краснаго дерева ящикомъ, въ которомъ лежали палитра, кисти и краски. Ненси взволновалась...

— О, да какой вы нетерпѣливый!..—весело замѣтила Марья Львовна.

— Мы займемся черезъ полтора часа,—сказала Ненси.— Вы знаете — у меня обязанности больной, — прибавила она, улыбаясь.

Первый сеансъ, однако, не удался. Работа не клеилась. Лицо Антонина Павловича было сумрачно. Онъ дѣлалъ наброски небрежно, точно нехотя. Ненси поняла: его стѣсняло присутствіе Марьи Львовны.

Она сказала, на другой день, бабушкѣ:

— Онъ не можетъ, я это вижу, писать при тебѣ; а мнѣ интересно, чтобы онъ писалъ.

Съ этого дня Гремячій могъ свободно отдаваться настроенію. Онъ заходилъ обыкновенно за Ненси и, сопровождая ее на прогулку, самъ везъ кресло, чтобы не брать никого посторонняго.

Марья Львовна проводила это время у Юліи Поликарповны.

XXVI.

По прежнему стояли теплые, ясные дни. Сама природа какъ бы помогала Гремячему. Онъ писалъ каждый день. Набросавъ безчисленное количество эскизовъ карандашемъ, онъ приступилъ теперь къ краскамъ.

Какъ-то Ненси и онъ сидѣли подъ большой, развѣсистой липой. Сеансъ былъ особенно удаченъ. Гремячій работалъ съ необыкновенно сильнымъ подъемомъ, но безъ всякой напряженности. Въ глазахъ свѣтилось вдохновеніе; онъ былъ объятъ его могучей силой. И Ненси, со всею чуткостью своихъ измученныхъ болѣзнью нервовъ, невольно прониклась его настроеніемъ, какъ бы участвуя вмѣстѣ съ нимъ въ загадочномъ процессѣ творчества.

— Талантъ... тайна таланта... какъ понять ее?..—взволнованно произнесла Ненси.

Гремячій улыбнулся своей дѣтской улыбкой, а въ глазахъ его еще не потухъ тотъ огонь, что говорилъ о высшемъ наитіи только-что пережитыхъ минутъ.

Онъ наклонилъ рукой висѣвшую надъ нимъ большую, густую вѣтвь. Ея тонкіе, съ зубчатыми краями листья трепетали.

— Вотъ, — сказалъ онъ,—живая ткань... дыханіе жизни... Жизнь вѣетъ вездѣ... мы ощущаемъ... Зрѣніе даетъ впечатлѣніе мягкое, ласкающее—мы наслаждаемся... Но какъ понять?..

Онъ выпустилъ изъ рукъ вѣтку. Она размашисто закачалась, прежде чѣмъ приняла прежнее положеніе.

— Такъ и человѣкъ—качается... долго... пока найдетъ.

— А страсти?..—нервно перебила Ненси.

— Страсти—фикція... Воображаемые двигатели міра.

— А если страдаешь?

— Когда я увлекался чувствомъ...

— Вы?

— Почему васъ это удивляетъ?.. Я таковъ по природѣ... Теперь это пережито... и больше не вернется.

Онъ тихо-тихо вздохнулъ, короткимъ, какъ бы облегченнымъ вздохомъ.

— Такъ вотъ, я хочу разсказать вамъ...—Онъ положилъ въ сторону кисть:—когда я увлекался, все раздражало чувственнымъ образомъ мои нервы, волновало кровь... просыпались желанія. Это принято поэтизировать, но я буду выражаться просто: моя,—вы понимаете, моя чувственность окрашивала природу въ особый колоритъ соблазна, а я приписывалъ все это исключительно ей...

По его худощавымъ плечамъ пробѣжала нервная дрожь.

— И вотъ... Вамъ не скучно?

— О, нѣтъ, нѣтъ...—поспѣшила его успокоить Ненси.

— Я вѣдь потому... Мнѣ хочется сказать, какъ все это во мнѣ возникло—внутреннее—и подавило матеріальное...

— Я знаю, знаю!..—съ живымъ сочувствіемъ проговорила Ненси. — Какая тяжкая борьба!.. Такъ борются подвижники, аскеты...

— Нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ!—горячо опровергнулъ Гремячій, и все лицо его внезапно вспыхнуло. — Въ борьбѣ нѣтъ правды. Борьба сама по себѣ фальшь и самоуслажденіе... Созерцай правду въ себѣ, возстань самъ противъ себя за эту правду, тогда все совершится безъ борьбы... потому что *оно*—внутреннее—сильнѣе, самовластнѣе плоти... Я ненавижу, я презираю аскета. Онъ

лицемѣренъ, и этимъ гордъ!.. Насиліе надъ природой? Нѣтъ! Правда только въ свободѣ... Борьба—самообманъ, борьба есть приказаніе, — продолжалъ, самъ уходя съ увлеченіемъ въ свои мысли, Гремячій.

Онъ замолчалъ. Молча сидѣла Ненси, съ опущенными внизъ вѣками. Длинныя рѣсницы дѣлали щеки точно прозрачными; кисти небрежно опущенныхъ на колѣни рукъ слегка вздрагивали... И когда она подняла глаза—Гремячій былъ пораженъ тѣмъ лучезарнымъ свѣтомъ, который исходилъ изъ этихъ глазъ...

Сеансы все принимали болѣе и болѣе нервный характеръ. Ненси сама торопила художника, точно боялась, что онъ не успѣетъ докончить начатое.

Между Гремячимъ и ею установились совсѣмъ особенныя отношенія. Какъ будто, среди общаго теченія жизни, они были унесены на далекій, безлюдный островъ, гдѣ жили они только вдвоемъ. Это былъ иной міръ—туманный, полу-фантастическій. Они боялись инстинктивно чужого вторженія. Они ревниво оберегали этотъ прекрасный, полный обаянія міръ, какъ оберегали бы рѣдкій, нѣжный цвѣтокъ, чтобы отъ грубаго прикосновенія чьей-нибудь неосторожной руки не потерялъ онъ свой чудный ароматъ.

То не была ни любовь, ни дружба.

То было свободное, совсѣмъ свободное единеніе двухъ душъ.

Юлія Поликарповна слегла. Уже цѣлую недѣлю не было видно, въ аллеяхъ парка, ея громоздкаго кресла и въ немъ маленькой, сгорбленной фигурки съ пледомъ на больныхъ ногахъ.

Выдался пасмурный день, и Гремячій не могъ работать. Ненси просила его проводить ее до Юліи Поликарповны, такъ какъ Марьѣ Львовнѣ нездоровилось, и она оставалась дома.

Помѣщеніе Юліи Поликарповны находилось въ первомъ этажѣ. Ненси вошла въ какой-то полумракъ. Липы, подъ окнами, дающія пріятную тѣнь во время солнцепека, теперь придавали комнатѣ непріятный, мрачный характеръ.

Старуха лежала на кровати, закинувъ навзничь голову.

— Кто это, Валя?..—спросила она, не двигаясь, слабымъ, хриплымъ голосомъ.

— Я... Юлія Поликарповна,—робко отвѣтила Ненси.

— А? Кто? Говорите громче, громче говорите...

— Ненси.

— А-а-а-а... Ну хорошо! Прощайте... прощайте... прощайте... Прощай, милая дѣвочка... А? Правду я говорю, Валя?..

— Что̀ вы говорите?

Валентина подошла къ кровати.

— Къ вамъ гости пришли.

— Я и говорю: прощай, милая дѣвочка... Ты знаешь вѣдь, что я люблю Ненси... Прощай, милая дѣвочка,—повторила она протяжно.—Я уѣзжаю... какъ только эти проклятые доктора спустятъ съ постели—кончено!—ѣду непремѣнно... А? Правду я говорю, Валя?.. Переверни-ка меня.

Карасева перевернула на бокъ несчастный говорящій скелетъ.

Юлія Поликарповна безсмысленно смотрѣла своими мутными глазами на Ненси.

— Куда ты ѣдешь?—спросила она шопотомъ.

— Не я, а вы...

— Ахъ, да-да-да! Я ѣду... непремѣнно ѣду... Проклятые... проклятые!..

— Ну, чего вы!..—Валентина плотно провела платкомъ по желтымъ, изсохшимъ щекамъ старухи. Та точно не чувствовала грубаго прикосновенія.

— Успокойтесь, Юлія Поликарповна!—проговорила Ненси.

— Уѣду, уѣду, уѣду, уѣду!.. Теперь же найму дачу въ Петергофѣ, а въ будущемъ году начну строить собственную... Совсѣмъ другое дѣло, когда живешь въ собственной дачѣ... А? Правду я говорю, Валя?

Ненси встала. Душная, мрачная комната, острый запахъ лекарствъ, тусклое небо, шумъ дерева подъ окномъ, бѣлая бабочка, случайно залетѣвшая въ комнату, мутные глаза умирающей старухи, въ своемъ жалкомъ одиночествѣ цѣпляющейся за жизнь,—Ненси не въ силахъ была больше выдержать.

— Прощайте, Юлія Поликарповна.

— Прощай, милая дѣвочка, прощай, прощай... Ты ѣдешь—и я уѣду скоро...

Ненси бросилась, почти съ рыданіемъ, на встрѣчу ожидавшему ее Гремячему.

— Это ужасно!.. Боже мой, это ужасно — такъ любить жизнь!..—лепетала она.

Она отказалась сѣсть въ кресло и пошла быстрой походкой, какой не ходила давно. Вплоть до отеля они не проронили ни слова и молча разстались.

Нервная возбужденность не покидала Ненси до самаго ве-

чера, вечеромъ и ночью; а на утро она уже не могла подняться съ постели.

Она попросила послать за Гремячимъ.

— Ну, прощайте, Антонинъ Павловичъ,—сказала она, улыбаясь, протягивая исхудавшую, блѣдную руку. — Спасибо... и больше не надо.

— До свиданія,—произнесъ онъ.

Глаза ихъ встрѣтились.

Это было въ послѣдній разъ. Больше ни она, ни онъ не видались.

Болѣзнь приняла острую форму. Ненси уже не покидала постели. Она сдѣлалась вялой, часто забывалась тяжелымъ сномъ; во снѣ металась безпокойно; ея громкіе жалобные стоны рвали на части сердце и день и ночь не покидавшей ее бабушки.

Теперь несчастная Марья Львовна не сомнѣвалась, не надѣялась. Жестокій Дамокловъ мечъ висѣлъ надъ ея головой, и она покорно ждала безпощаднаго удара.

Былъ теплый іюльскій вечеръ. Въ отворенныя окна несся медовый запахъ цвѣтущихъ липъ. Сумерки окутали комнату своимъ мягкимъ, туманнымъ полусвѣтомъ. Ненси открыла глаза. Увидя бабушку возлѣ себя, она сдѣлала манящій знакъ рукой. Марья Львовна придвинулась совсѣмъ близко къ ея изголовью.

— Все это ничтожно,—послышался тихій, постоянно обрывающійся голосъ Ненси,—и не надо меня жалѣть... Я умру... и это хорошо... Не плачь... не надо...

Марья Львовна не плакала. Слезы были бы слишкомъ ничтожными выразителями ея великаго горя.

Наступилъ конечный періодъ болѣзни. Діабетъ быстро довершалъ свое дѣло, чему помогала еще больше молодость Ненси. Какъ отвратительный удавъ, выдавливая жизненные соки, болѣзнь жадно уничтожала безпомощную жертву. Распадались ткани, разрушалось тѣло. Угасала жизнь...

XXVII.

... Была вторая половина августа. Уборка хлѣба давно кончилась; оставались кое-гдѣ яровое да греча; пахали, сѣяли, шла молотьба.

Юрій только-что вернулся къ обѣду, съ поля. На балконѣ сидѣла ожидавшая его Наталья Ѳедоровна.

Собаки залаяли громко, неистово—пріѣхалъ кто-то чужой.

Юрій вошелъ на балконъ блѣдный, съ телеграммой въ рукахъ.

— Изъ-за границы!..—сказалъ онъ измѣнившимся голосомъ, подавая матери развернутый листокъ.

Наталья Ѳедоровна, пробѣжавъ его глазами, вскрикнула.

Они весь день боялись оставаться вдвоемъ. Они провели ночь въ слезахъ и воспоминаніяхъ.

Солнце—не яркое, почти осеннее солнце,—заливало своими мягкими лучами небольшой расчищенный кругъ передъ балкономъ.

На пескѣ сидѣла хорошенькая бѣлокурая дѣвочка и играла, укладывая песокъ въ коническія деревянныя игрушечныя формы.

Личико у нея было озабоченное, лобикъ смѣшно нахмурился и губки вытянулись впередъ.

Юрій, сидя на балконѣ, любовно смотрѣлъ на дѣвочку. Она была похожа на Ненси.

— Мама, — сказалъ онъ взволнованно сидящей тутъ же Натальѣ Ѳедоровнѣ:—скажи, какъ воспитывать женщину?

— Любить надо,—кротко отвѣтила мать.

Но этотъ отвѣтъ не удовлетворилъ Юрія.

„Любить!.. — думалъ онъ грустно.—Ее любили... и что же? только замучили“...

Наталья Ѳедоровна давно ушла, а Юрій остался сидѣть, погруженный въ думы:

„Убивать въ человѣкѣ звѣря... Нѣтъ,—не убивать—подчинять его духу... Такъ съ дѣтства—тогда хорошо“.

Дѣвочка, съ тѣмъ же озабоченнымъ видомъ, укладывала песокъ, высыпала изъ формочекъ и украшала его тогда пучками зеленой травы, лежащей у нея въ платьицѣ.

Солнце ласково золотило ея головку...

Прошелъ годъ. Въ огромныхъ залахъ Академіи Художествъ по цѣлымъ днямъ шумно разгуливала пестрая, оживленная толпа. Выставка была въ полномъ разгарѣ. Большія, среднія и малыя полотна, разукрашенныя рамами, глядѣли со стѣнъ.

Около очень большого размѣра картины густою массой постоянно тѣснилась публика. Раздавались громкія похвалы.

Художникъ, извѣстный когда-то мастерскимъ изображеніемъ натуры и пять лѣтъ уже отсутствовавшій на выставкахъ,—появился снова, съ другимъ совсѣмъ направленіемъ, и снова заставилъ говорить о себѣ.

Въ углу картины, возлѣ самой рамы, размашистымъ почеркомъ значилось: Антонинъ Гремячій.

Съ полотна глядѣли загадочные, лучистые, проникновенные глаза Ненси. Но только измѣненъ былъ первоначальный планъ.

Среди волнъ прозрачнаго воздуха, вся залитая неизвѣстно откуда льющимся свѣтомъ, окутанная похожимъ на сѣрый туманъ плащомъ, съ длинными, падающими по плечамъ волосами— стояла золотокудрая женщина... строгая... Картина называлась „Вѣчность“...

Н. Анненкова-Бернаръ.

КИМЪ

РОМАНЪ.

— Kim, by R. Kipling.

I.

Онъ сидѣлъ, не обращая вниманія на запрещеніе городского начальства, верхомъ на пушкѣ Замъ-Замма, помѣщавшейся на кирпичной платформѣ, противъ стараго „Ажаибъ-Геръ“ — „Дома Чудесъ“, какъ называютъ индусы музей въ Лагорѣ. Владѣлецъ Замъ-Замма, этого „огнедышащаго дракона“, управлялъ и Пенджабомъ: огромная пушка изъ зеленой бронзы являлась всегда первымъ знакомъ побѣды.

Кимъ чувствовалъ себя въ правѣ усѣсться на пушкѣ, отпихнувъ отъ нея мальчишку, сына Лала Динаната, потому что Пенджабъ принадлежалъ англичанамъ, а Кимъ былъ англичанинъ. Хотя солнце и обожгло его, такъ что онъ былъ черенъ какъ туземецъ; хотя онъ всего охотнѣе говорилъ на мѣстномъ нарѣчіи и на языкѣ своей матери, отрывистомъ, нескладномъ и немного нараспѣвъ; хотя онъ находился въ постоянномъ общеніи, основанномъ на полномъ равенствѣ, съ базарными мальчишками,—тѣмъ не менѣе Кимъ былъ бѣлый и вмѣстѣ самый бѣдный изъ всѣхъ бѣлыхъ бѣдняковъ. Присматривавшая за нимъ женщина, на половину туземнаго происхожденія (она курила опіумъ и держала плохонькую лавчонку съ утварью возлѣ сквера, гдѣ останавливаются дешевые извозчики), сказала миссіонерамъ, что она—сестра матери Кима, но мать его была нянькой въ семействѣ одного полковника и вышла замужъ за Кимбала О'Гара,

служившаго знаменщикомъ въ ирландскомъ полку. Впослѣдствіи онъ получилъ мѣсто на желѣзной дорогѣ, и полкъ его отправился на родину безъ него. Жена его умерла отъ холеры, и О'Гара началъ пить и просить милостыню, бродя вдоль желѣзнодорожной линіи, въ сопровожденіи шустраго трехлѣтняго мальчугана. Разныя благотворительныя общества и пасторы, интересуясь ребенкомъ, хотѣли взять его у отца, но О'Гара умѣлъ ускользать отъ нихъ, пока наконецъ не повстрѣчался съ женщиной, курившей опіумъ, не научился отъ нея курить самъ и не умеръ, какъ умираютъ бѣлые бѣдняки въ Индіи. Все его имущество, оставленное послѣ смерти, состояло изъ трехъ бумагъ. Одну изъ нихъ онъ называлъ „Ne varietur", потому что эти слова стояли на ней подъ его подписью, а другую—своимъ „полицейскимъ свидѣтельствомъ". Третья бумага была метрическое свидѣтельство Кима. Когда онъ приходилъ въ восторженное настроеніе послѣ принятія опіума, то говорилъ, что эти три бумаги устроятъ судьбу маленькаго Кимбала. Ни подъ какимъ видомъ Кимъ не долженъ былъ съ ними разставаться, такъ какъ онѣ составляли часть тѣхъ чудесъ, которыя совершались тамъ, за музеемъ, въ большомъ бѣломъ съ голубымъ „Жаду Геръ" —„Волшебномъ Домѣ", т.-е. въ масонской ложѣ.—Настанетъ день,—говорилъ онъ,—когда все прекрасно устроится.

Самъ полковникъ верхомъ на лошади, во главѣ лучшаго въ мірѣ полка, будетъ привѣтствовать Кима,—маленькаго Кима, которому въ жизни повезетъ больше, чѣмъ его отцу. Девятьсотъ отборныхъ дьяволовъ, главою которыхъ состоитъ красный быкъ на зеленомъ полѣ, будутъ служить Киму, хотя и забыли О'Гара, бѣднаго О'Гара, смотрителя рабочихъ по желѣзно-дорожной линіи. Сказавъ все это, онъ начиналъ плакать, сидя въ сломанномъ тростниковомъ креслѣ на верандѣ.

Послѣ его смерти, женщина, на рукахъ которой остался Кимъ, зашила пергаментъ, бумагу и метрическое свидѣтельство въ кожаный мѣшечекъ и повѣсила его, какъ амулетъ, на шею Кима.

— Будетъ день,—сказала она, смутно припоминая пророчества О'Гара,—когда къ тебѣ явится большой красный быкъ на зеленомъ полѣ и полковникъ верхомъ на высокой лошади, да и еще,—тутъ она внезапно перешла на англійскій языкъ,—еще девятьсотъ дьяволовъ.

— Ну,—произнесъ Кимъ,—я это запомню. Придутъ красный быкъ и полковникъ, но сначала, отецъ говорилъ, явятся два человѣка, чтобы все приготовить. Они, отецъ говорилъ,

всегда такъ дѣлаютъ, и всегда такъ бываетъ, когда люди занимаются колдовствомъ.

Еслибы женщина послала Кима съ его бумагами въ мѣстный „Жаду Геръ“, то его, конечно, забрала бы провинціальная ложа и отослала бы въ масонскій сиротскій пріютъ въ „Горы“, но все слышанное ею о магіи внушало ей недовѣріе. У Кима тоже были свои собственные взгляды на этотъ счетъ. Достигнувъ сознательнаго возраста, онъ сталъ тщательно избѣгать миссіонеровъ и вообще всѣхъ бѣлыхъ людей съ серьезнымъ видомъ, спрашивавшихъ, кто онъ такой и что онъ дѣлаетъ. Кимъ съ самымъ блистательнымъ успѣхомъ не дѣлалъ ничего. Правда, онъ зналъ городъ Лагоръ съ его удивительными стѣнами отъ одного конца до другого, былъ за панибрата съ людьми, жизнь которыхъ была болѣе фантастична, чѣмъ все, что могло присниться Гарунъ-Аль-Рашиду, и самъ велъ дикое существованіе, напоминавшее приключенія „Тысячи и одной ночи“,—но миссіонеры и секретари благотворительныхъ обществъ не могли понять красоты всего этого. Въ городѣ его прозвали „маленькій всѣмъ на свѣтѣ другъ“, и часто, пользуясь своею ловкостью и незамѣтной фигуркой, онъ исполнялъ порученія для разныхъ блестящихъ, лощеныхъ франтовъ, пробираясь ночью съ крыши на крышу. Конечно, это были интриги, онъ отлично это зналъ, какъ зналъ все дурное въ жизни, съ тѣхъ поръ какъ выучился говорить; но онъ любилъ всякую опасную игру для игры, любилъ пробираться тайкомъ черезъ темныя канавы и узкіе переулки, карабкаться по водосточнымъ трубамъ, любилъ присматриваться и прислушиваться къ женщинамъ, выходившимъ на свои плоскія крыши, и бѣжать стремглавъ, перепрыгивая съ одного дома на другой подъ прикрытіемъ жаркаго ночного сумрака. Потомъ онъ любилъ встрѣчать святыхъ людей, вымазанныхъ пепломъ факировъ, сидѣвшихъ возлѣ своихъ жертвенниковъ, сложенныхъ изъ кирпича гдѣ-нибудь подъ деревьями, на берегу рѣки. Онъ находился съ ними въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ, привѣтствовалъ ихъ, когда они возвращались послѣ сбора милостыни, и когда никого кругомъ не было, то ѣлъ съ ними изъ одной чашки. Присматривавшая за нимъ женщина требовала со слезами, чтобы онъ носилъ европейскій костюмъ — панталоны, рубашку и шляпу съ полями, но Кимъ находилъ, что гораздо удобнѣе индусская или магометанская одежда, особенно когда приходилось обдѣлывать разныя дѣла.

Кимъ барабанилъ пятками по Замъ-Замма и отъ времени до времени отрывался отъ игры въ короли и придворные съ ма-

ленькимъ Кота Лаль и Абдуллой, сыномъ продавца сластей, чтобы говорить дерзости туземцу полицейскому, караулившему ряды туфель и башмаковъ у дверей музея. Огромный туземецъ снисходительно ухмылялся: онъ давно зналъ Кима. Зналъ его и водовозъ, поливавшій высохшую, пыльную дорогу изъ мѣха, сдѣланнаго изъ козлиной кожи. Зналъ его и плотникъ музея, возившійся въ эту минуту съ новыми ящиками для упаковки. Всѣ знали Кима, кромѣ крестьянъ, спѣшившихъ изъ окрестностей въ „Домъ Чудесъ". Они ходили осматривать предметы, изготовленные и въ ихъ округѣ, и въ другихъ мѣстностяхъ. Музей былъ посвященъ индусскому искусству и промышленности, и всякій, желавшій получить свѣдѣнія, могъ обращаться за объясненіями къ завѣдующему.

— Долой! Пусти меня!—закричалъ Абдулла, взлѣзая на колесо Замъ-Замма.

— Отецъ твой былъ пирожникъ, воровкой мать была,—запѣлъ Кимъ.—Всѣ мусульмане ужъ давно свалились съ Замъ-Замма!

— Меня пусти!—взвизгнулъ маленькій Кота Лаль, вытягивая голову въ расшитой золотомъ шапочкѣ. Его отецъ былъ почти милліонеромъ, но Индія—единственная демократическая страна въ свѣтѣ.

— Индусы всѣ тоже свалились съ Замъ-Замма. Ихъ отпихнули мусульмане. Отецъ твой былъ пирожникъ...

Кимъ остановился, потому что изъ-за угла, со стороны шумнаго базара, показался человѣкъ, какого онъ, несмотря на увѣренность, что знаетъ всѣ касты, еще никогда не видалъ. Роста этотъ человѣкъ былъ около шести футовъ; одежда его, съ безчисленными складками, была изъ темной матеріи, похожей на лошадиную попону, и ни по одной изъ складокъ Кимъ не могъ догадаться, чѣмъ этотъ человѣкъ занимался. На поясѣ у него висѣлъ длинный рѣзной желѣзный пеналъ и деревянныя четки, какъ у монаховъ. На головѣ у него была надѣта огромная шляпа съ плоскими полями. Лицо у него было желтое и морщинистое, какъ у китайца Фукъ-Шинга, базарнаго башмачника, а косо прорѣзанные глаза напоминали маленькіе осколки оникса.

— Кто это такой?—сказалъ Кимъ, обращаясь къ товарищамъ.

— Должно быть, человѣкъ,—произнесъ Абдулла, вытаращивъ глаза и засунувъ палецъ въ ротъ.

— Это ужъ конечно!—возразилъ Кимъ.—Но онъ не изъ Индіи,—я такихъ здѣсь никогда не видалъ.

— Можетъ быть, монахъ,—сказалъ Кота Лаль, замѣтивъ четки.—Смотрите! Онъ идетъ въ „Домъ Чудесъ“!

— Ну васъ!—проговорилъ полицейскій, качая головой.—Я не понимаю, что̀ вы тамъ болтаете.—Самъ же онъ говорилъ на пенджабскомъ нарѣчіи.

— О, ты, „всѣмъ на свѣтѣ другъ“, что̀ такое онъ говоритъ?

— Пошли его сюда!—отвѣчалъ Кимъ и соскочилъ съ Замъ-Замма, сверкая голыми пятками.—Онъ чужестранецъ, а ты—буйволъ.

Между тѣмъ пришедшій безпомощно поворачивался во всѣ стороны и наконецъ направился къ мальчикамъ. Онъ былъ старъ и отъ его шерстяной одежды несло крѣпкими горными травами.

— Дѣти, что̀ это за огромный домъ?—сказалъ онъ на чистомъ урдусскомъ нарѣчіи.

— Это Ажаибъ-Геръ, Домъ Чудесъ,—отвѣчалъ Кимъ, не назвавъ его ни „лалой“ ни „міаномъ“: онъ не могъ догадаться, къ какой вѣрѣ принадлежалъ старикъ, и потому не зналъ, какой титулъ ему нужно было дать.

— Ахъ, это Домъ Чудесъ! А въ него можно войти?

— Надъ дверью написано: „всякій можетъ входить“.

— Безплатно?

— Я вхожу и выхожу изъ него свободно, а я не банкиръ,—засмѣялся Кимъ.

— Прости! Я человѣкъ старый. Я не зналъ.

Онъ сталъ перебирать четки, ставъ въ полуоборотъ къ музею.

— А ты какой касты? Гдѣ твой домъ? Ты пришелъ издалека?—спросилъ Кимъ.

— Я шелъ черезъ Кулу, изъ-за Келаса,—впрочемъ, развѣ ты знаешь? Я пришелъ съ горъ,—прибавилъ онъ со вздохомъ,—гдѣ воздухъ и вода чисты и прохладны.

— Ага! Онъ китаецъ,—произнесъ Абдулла съ важностью. Онъ помнилъ, какъ Фукъ-Шингъ выгналъ его одинъ разъ изъ своей лавки за неприличное поведеніе.

— Это горецъ,—замѣтилъ Кота Лаль.

— Конечно, дитя, но тѣхъ горъ ты никогда не видалъ. Слыхали ли вы что-нибудь о Тибетѣ? Я не китаецъ, а житель Тибета, да будетъ вамъ извѣстно. Я—лама, или, на вашемъ языкѣ, „гуру“.

— Гуру изъ Тибета,—сказалъ Кимъ.—Я еще такихъ никогда не видалъ. Значитъ, въ Тибетѣ живутъ индусы?

— Мы—послѣдователи „Серединнаго Пути“ и мирно живемъ въ нашихъ монастыряхъ. Я иду, чтобъ увидать, прежде чѣмъ

умру, четыре святыхъ мѣста. Ну, теперь вы, дѣти, знаете столько же, сколько я, старикъ.

Онъ ласково улыбнулся мальчикамъ.

— А ты ѣлъ сегодня?

Старикъ пошарилъ за пазухой и вытащилъ старую деревянную чашку для сбора подаяній. Мальчики кивнули головой. Всѣ извѣстные имъ монахи собирали милостыню.

— Я еще не хочу ѣсть.—Онъ повернулъ голову, какъ старая черепаха на солнцѣ.—Правда, что есть много священныхъ предметовъ въ лагорскомъ Домѣ Чудесъ?—Послѣднія слова онъ повторилъ, какъ человѣкъ, желающій провѣрить адресъ.

— Это правда,—сказалъ Абдулла.—Онъ весь переполненъ языческими идолами. Вѣдь и ты язычникъ?

— Не слушай его,—проговорилъ Кимъ, обращаясь къ старику.—Это правительственный домъ, и ничего языческаго въ немъ нѣтъ; тамъ только сагибъ съ сѣдою бородой. Пойдемъ со мною, я тебѣ его покажу.

— Чужіе монахи ѣдятъ мальчиковъ,—прошепталъ Кота Лаль.

— Онъ чужеземецъ и идолопоклонникъ,—прибавилъ магометанинъ Абдулла.

Кимъ расхохотался.

— Онъ здѣсь чужой. А вы бѣгите къ вашимъ матерямъ и прячьтесь въ ихъ юбкахъ. Ну, пойдемъ!

Кимъ миновалъ входъ, щелкнувъ турникетомъ. Старикъ послѣдовалъ за нимъ и остановился пораженный. Въ сѣняхъ у входа стояли огромныя фигуры, образцы греко-буддистской скульптуры; однимъ ученымъ извѣстно, когда они были сдѣланы. Имена художниковъ забыты, но видно, что они были необыкновенно талантливы и живо воспринимали таинственно переданный имъ духъ греческаго искусства. Тутъ находились сотни предметовъ, фризы, барельефы, обломки статуй и плиты, украшенныя во множествѣ разными фигурами. Ими были покрыты прежде кирпичныя стѣны сѣверныхъ буддійскихъ зданій, а теперь ихъ откопали, снабдили ярлыками, и онѣ составляютъ гордость музея.

Съ открытымъ отъ изумленія ртомъ поворачивался лама отъ одного предмета къ другому и наконецъ остановился въ восхищеніи, внимательно разглядывая большой горельефъ, изображающій вѣнчаніе и апоѳеозъ Будды. Будда былъ изображенъ сидящимъ на лотосѣ, причемъ лепестки были такъ глубоко разрѣзаны, что, казалось, почти отдѣлялись одинъ отъ другого. Вокругъ были изображены ряды поклоняющихся царей, старцевъ

и предшественниковъ Будды. Внизу была представлена покрытая лотосами вода съ рыбами и водяными птицами. Два „дэва“ съ крыльями бабочки держали вѣнокъ надъ его головою, а надъ ними другая пара „дэвовъ“ поддерживала зонтикъ, украшенный сверху сдѣланнымъ изъ драгоцѣнныхъ камней головнымъ убоpомъ Бодизата.

— Владыка! Владыка! Это самъ Сакья Муни!—почти съ рыданьемъ произнесъ лама и проговорилъ, задыхаясь, удивительную буддійскую молитву:

„Къ Тому, въ Комъ путь—и въ Комъ законъ—
„Кого Майя носила подъ сердцемъ,
„Къ Владыкѣ Ананды—Бодизату“.

— И Онъ здѣсь! Совершеннѣйшій Законъ также здѣсь! Въ добрый часъ началъ я свое богомолье. И что за работа! Что за работа!

— Вонъ тамъ сагибъ,—сказалъ Кимъ, проскальзывая среди ящиковъ съ предметами искусства и промышленности. Сѣдобородый англичанинъ пристально смотрѣлъ на ламу. Послѣдній повернулся съ важностью, поклонился ему и, порывшись немного, вытащилъ записную книжку и клочокъ бумаги.

— Да, здѣсь стоитъ мое имя,—проговорилъ англичанинъ, съ улыбкой глядя на грубую, по-дѣтски сдѣланную надпись.

— Одинъ изъ насъ, ходившій на богомолье къ святымъ мѣстамъ—теперь онъ настоятель монастыря Лунгъ-Шо—далъ мнѣ это,—смущенно произнесъ лама.—Онъ разсказывалъ обо всемъ этомъ,—и лама обвелъ кругомъ худой, дрожащей рукою.

— Такъ добро пожаловать, тибетскій лама! Здѣсь всѣ эти изображенія, здѣсь и я,—завѣдующій музеемъ взглянулъ въ лицо ламѣ,—занимаюсь изслѣдованіями. Пойдемъ со мною въ мой кабинетъ.—Старикъ весь дрожалъ отъ возбужденія. Кабинетъ представлялъ собою небольшой ящикъ кубической формы, отдѣленный отъ галереи, гдѣ были собраны скульптуры. Кимъ легъ на полъ, прильнувъ ухомъ къ щели въ треснувшей отъ жары кедровой двери и, по врожденной привычкѣ, весь вытянулся, чтобы подслушивать и наблюдать.

Большая часть разговора происходила надъ его головой. Лама, сначала запинаясь, разсказалъ завѣдующему о своемъ монастырѣ, находившемся въ четырехъ мѣсяцахъ пути отсюда. Завѣдующій принесъ огромный альбомъ съ фотографіями и показалъ ему снимокъ съ этой мѣстности. Монастырь находился на верху утеса, съ котораго открывался видъ на пеструю панораму гигантской долины.

— Да, да!—лама надѣлъ очки въ роговой оправѣ китайской работы.—Вотъ дверка, черезъ которую мы носимъ дрова къ зимѣ. И ты, англичанинъ, обо всемъ этомъ знаешь? Теперешній настоятель Лунгъ-Шо говорилъ мнѣ про это, но я не вѣрилъ. Владыка, Совершеннѣйшій, и здѣсь также пользуется почетомъ? И жизнь его извѣстна?

— Все это высѣчено на камняхъ. Пойдемъ, и ты увидишь, если успѣлъ отдохнуть.

Лама поплелся въ главный залъ, въ сопровожденіи завѣдующаго, и обошелъ коллекціи съ благоговѣніемъ набожнаго человѣка и съ тонкимъ пониманіемъ спеціалиста. На покрытыхъ пятнами камняхъ вставали передъ нимъ одни за другими всѣ подробности и эпизоды чудесной исторіи. Иногда его пугала и смущала непривычная условность греческаго искусства, но все-таки онъ восхищался, какъ ребенокъ, при каждой новой находкѣ. Если въ чемъ-нибудь послѣдовательность нарушалась, какъ, напримѣръ, въ „Предвозвѣстіи", то завѣдующій возмѣщалъ этотъ пробѣлъ свѣдѣніями изъ своихъ многочисленныхъ книгъ—французскихъ и нѣмецкихъ, фотографіями и репродукціями.

Здѣсь былъ и благочестивый Азита, соотвѣтствующій Симеону въ христіанствѣ, держащій на колѣняхъ божественное дитя, въ то время, какъ отецъ и мать благоговѣйно слушаютъ. Здѣсь была и злая женщина, обвинившая Учителя въ нарушеніи цѣломудрія, причемъ клевета ея была обнаружена. Здѣсь было и поученіе въ Оленьей рощѣ; чудо, заставившее окаменѣть огнепоклонниковъ. Здѣсь былъ и Бодизатъ въ царственномъ блескѣ и величіи; чудесное рожденіе; смерть Кузинагары, причемъ слабый ученикъ лишился чувствъ. Среди всего этого попадались безчисленныя повторенія размышленія подъ деревомъ Боди, и повсюду было изображено поклоненіе чашѣ для сбора подаяній. Очень скоро завѣдующій убѣдился, что его гость былъ не простой нищенствующій монахъ, читающій молитвы по четкамъ, а большой ученый. И они снова все пересматривали, причемъ лама нюхалъ табакъ, протиралъ свои очки и говорилъ необыкновенно быстро на смѣшанномъ урдусскомъ и тибетскомъ нарѣчіи. Онъ слышалъ о путешествіяхъ китайцевъ Фо-Гіана и Гуенъ-Тіанга и интересовался узнать, существуетъ ли переводъ ихъ путевыхъ записокъ. Онъ глубоко вздыхалъ, безпомощно переворачивая страницы сочиненій Биля и Станислава Жюльена.

— Все это здѣсь. Цѣлое сокровище, скрытое отъ меня!— Потомъ онъ старался успокоиться и почтительно выслушивалъ отрывки, которые завѣдующій наскоро переводилъ ему на урдус-

ское нарѣчіе. Въ первый разъ слышалъ онъ о работахъ европейскихъ ученыхъ, пользовавшихся собранными здѣсь и многими другими документами, чтобы ознакомиться со святыми для буддистовъ мѣстами. Потомъ ему показали огромную карту, нарисованную желтой краской. Онъ водилъ смуглымъ пальцемъ за карандашомъ завѣдующаго отъ одного пункта къ другому. Тутъ былъ Капилавастру, тутъ Серединное царство, а тутъ Магаболи, буддійская Мекка. А вотъ здѣсь находилась Кузинагара, печальное мѣсто смерти святого. Отъ времени до времени старикъ молча наклонялъ голову надъ картой, а завѣдующій закуривалъ трубку. Кимъ заснулъ. Когда онъ проснулся, то разговоръ сталъ ему болѣе понятенъ.

— Такимъ-то образомъ, о, источникъ мудрости, рѣшился я идти къ святымъ мѣстамъ, которыхъ Онъ касался ногами своими, къ мѣсту его рожденія, въ Магаболи, и къ мѣсту его смерти.

Лама понизилъ голосъ.—И я пришелъ сюда одинъ. Уже пять, семь, осьмнадцать, сорокъ лѣтъ думаю я о томъ, что старый законъ плохо исполняется. Его омрачаютъ, какъ тебѣ извѣстно, служеніе дьяволу, колдовство и язычество. Совершенно вѣрно то, что сказалъ мальчикъ тамъ, у входа: дошло дѣло до идолопоклонства.

— Это случается со всякой религіей.

— Ты думаешь? Я читалъ книги нашего монастыря и понялъ, что самая сущность ихъ высохла; и позднѣйшій уставъ, которымъ мы, послѣдователи преобразованнаго закона, отягощаемъ и затрудняемъ себя, тоже не имѣетъ цѣны въ моихъ старыхъ глазахъ. Даже послѣдователи Совершеннѣйшаго живутъ среди раздоровъ. Все это—обманъ и заблужденіе. Но у меня есть другое желаніе...—Морщинистое желтое лицо совсѣмъ приблизилось къ лицу завѣдующаго и длинный ноготь на указательномъ пальцѣ ламы стукнулъ по столу.—Ваши ученые по этимъ книгамъ прослѣдили всѣ пути, по которымъ направлялъ свои стопы Благословенный, но есть вещи, которыхъ они не нашли. Я ничего не знаю, совсѣмъ ничего не знаю я, но я иду, чтобы освободиться изъ-подъ колеса вещественности, иду широкимъ и открытымъ путемъ.

Онъ улыбнулся съ выраженіемъ простодушнаго торжества.—Я угождаю Богу уже тѣмъ, что иду къ святымъ мѣстамъ, но это еще не все. Послушай, я скажу тебѣ правду. Когда нашъ милостивый Владыка былъ еще совсѣмъ юнымъ, то захотѣлъ взять себѣ супругу. Тогда люди при дворѣ отца его сказали, что онъ слишкомъ молодъ и нѣженъ для брака. Ты это знаешь?

Завѣдующій кивнулъ головой, интересуясь знать, что̀ будетъ дальше.

— Было устроено тройное состязаніе въ силѣ со всѣми приходившими. Когда стали пробовать сгибать лукъ, то Владыка первый сломалъ поданный ему лукъ и потребовалъ такой, какого никто не могъ бы согнуть. Ты это знаешь?

— Это написано. Я читалъ.

— И стрѣла его перелетѣла черезъ всѣ цѣли и исчезла изъ глазъ. Наконецъ она упала, и въ томъ мѣстѣ, гдѣ она коснулась земли, появился потокъ, превратившійся теперь въ рѣку. Эта рѣка, по благости нашего Владыки и благодаря его заслугамъ, еще до того времени, когда онъ освободилъ себя, получила свойство очищать купающихся въ ней отъ всякой нечистоты и всякаго грѣха.

— Такъ написано, — проговорилъ завѣдующій съ нѣкоторымъ разочарованіемъ.

Лама глубоко вздохнулъ.

— Гдѣ эта рѣка? О, источникъ мудрости, скажи, куда упала стрѣла?

— Увы, братъ мой, я не знаю, — отвѣчалъ завѣдующій.

— Нѣтъ, если ты захочешь вспомнить, то это — единственное, чего ты не сказалъ мнѣ. Навѣрное ты знаешь? Взгляни, я старый человѣкъ, и я спрашиваю, склонивъ голову къ твоимъ ногамъ, о, источникъ мудрости! Мы знаемъ, что Онъ натянулъ лукъ! Мы знаемъ, что стрѣла упала! Мы знаемъ, что брызнулъ потокъ! Гдѣ же рѣка? Вѣщій сонъ внушилъ мнѣ искать ее. И вотъ я пришелъ. Вотъ я здѣсь. Но гдѣ же рѣка?

— Неужели ты думаешь, что еслибы я зналъ, то не сталъ бы кричать объ этомъ во всеуслышаніе?

— Только ею можно достичь покоя и освобожденія изъ подъ колеса вещественности, — продолжалъ лама, не слушая его. — Рѣка, рожденная стрѣлою! Подумай только! Можетъ быть, это маленькій ручей, пересохшій отъ зноя? Но святой не сталъ бы такъ обманывать старика.

— Я не знаю. Я не знаю.

Лама опять приблизилъ свое лицо, изборожденное морщинами, къ лицу англичанина.

— Я вижу, что ты не знаешь. Ты не принадлежишь къ закону, и это скрыто отъ тебя.

— Да, скрыто, скрыто.

— Мы оба съ тобой — существа ограниченныя, братъ мой.

Но я—онъ всталъ, и складки его одежды мягко упали,—я иду искать освобожденія. Пойдемъ со мною!

— Я не свободенъ,—отвѣчалъ завѣдующій.—Но куда же ты пойдешь?

— Сначала въ Бенаресъ; куда же больше? Тамъ, въ храмѣ Яйнъ, я найду одного послѣдователя чистой религіи, и отъ него, можетъ быть, мнѣ посчастливится узнать. Быть можетъ, онъ самъ пойдетъ со мною въ Капилавасту, и тамъ я буду искать рѣку. Впрочемъ, нѣтъ, я буду искать ее повсюду, куда ни приду, ибо неизвѣстно, куда упала стрѣла.

— А какъ ты пойдешь? Вѣдь до Дели очень далеко, и еще дальше до Бенареса.

— Я отправлюсь по желѣзной дорогѣ. Я и сюда пріѣхалъ въ поѣздѣ. Онъ идетъ быстро. Сначала мнѣ было страшно смотрѣть на эти огромные шесты по сторонамъ дороги, которые то спускали, то быстро подхватывали нити,—онъ показалъ руками, какъ мелькали мимо поѣзда телеграфные столбы.—Потомъ я усталъ сидѣть въ вагонѣ, и мнѣ захотѣлось идти пѣшкомъ, какъ я привыкъ.

— А ты знаешь дорогу?—спросилъ завѣдующій.

— О! для этого надо только спрашивать и платить деньги, и служащіе люди отправляютъ въ назначенное мѣсто. Обо всемъ этомъ я узналъ у насъ въ монастырѣ изъ достовѣрныхъ разсказовъ,—отвѣчалъ лама съ гордостью.

— А когда же ты отправишься? — Завѣдующій улыбнулся этому соединенію стариннаго благочестія и современной культуры, составляющему отличительную черту нынѣшней Индіи.

— По возможности скорѣе. Я обойду всѣ мѣста, отмѣченныя въ его жизни, пока не дойду до рѣки, рожденной стрѣлою. У меня, вотъ тутъ, есть бумага съ росписаніемъ поѣздовъ, идущихъ къ югу.

— Ну, а насчетъ ѣды?—Ламы обыкновенно накапливаютъ себѣ порядочный запасъ денегъ, но завѣдующій хотѣлъ удостовѣриться въ этомъ.

— Я возьму съ собою въ путь чашу для милостыни нашего Владыки. Да. Какъ онъ ходилъ, такъ и я пойду, отказавшись отъ удобной жизни въ монастырѣ. Когда я покинулъ горы, со мною былъ мой „чела“ (ученикъ). Онъ собиралъ для меня милостыню, какъ предписываетъ уставъ; но когда мы остановились въ Кулу, то онъ схватилъ лихорадку и умеръ. Теперь у меня нѣтъ „челы“, но я возьму съ собой чашку для милостыни и дамъ возможность сострадательнымъ людямъ сдѣ-

лать доброе дѣло.—Онъ храбро встряхнулъ головой. Ученые изъ монастыря ламъ не сбираютъ милостыни, но лама, всецѣло отдаваясь своему подвигу, чувствовалъ въ этомъ особенную прелесть.

— Пусть будетъ такъ,—сказалъ, улыбаясь, завѣдующій.—А теперь дай и мнѣ также сдѣлать доброе дѣло. Мы вѣдь съ тобой сотоварищи. Вотъ записная книга изъ бѣлой англійской бумаги, а вотъ здѣсь очиненные карандаши второго и третьяго нумера, мягкіе и жесткіе, годящіеся для записей. Ну, а теперь дай-ка мнѣ твои очки.

Завѣдующій взглянулъ сквозь стекла. Они были очень поцарапаны, но почти той же силы, что и его очки. Онъ снялъ свои и передалъ ламѣ, говоря:

— Попробуй эти.

— Они легки какъ перышко.—Старикъ съ восхищеніемъ поворачивалъ голову и морщилъ носъ.—Я ихъ почти совсѣмъ не чувствую! А какъ ясно вижу!

— Они изъ чистаго хрусталя, и ихъ никогда нельзя поцарапать. Пусть они помогутъ тебѣ найти твою рѣку,—теперь они твои.

— Я принимаю ихъ, и карандаши, и бѣлую записную книгу, —сказалъ лама,—въ знакъ дружбы между нами, а теперь,—онъ порылся у своего пояса, отвязалъ желѣзный пеналъ и положилъ его на столъ завѣдующаго.—Это тебѣ, на память обо мнѣ, мой пеналъ. Онъ очень старый—такой же, какъ я.

Пеналъ былъ китайскій, сдѣланный по старинному рисунку изъ желѣза, какого теперь уже не употребляютъ для плавки, и у завѣдующаго, бывшаго коллекціонеромъ, сердце такъ и растаяло при первомъ взглядѣ на него.

Ламу никакъ нельзя было убѣдить взять свой подарокъ обратно.

— Когда я найду рѣку и вернусь, то принесу тебѣ рисунокъ перомъ Падма Самторы,—одинъ изъ тѣхъ, какіе я всегда дѣлалъ по шолку въ монастырѣ,—и колеса жизни,—лама запнулся:—вѣдь мы съ тобой сотоварищи.

Завѣдующему хотѣлось удержать его: не много осталось на свѣтѣ людей, обладающихъ секретомъ дѣлать эти условные буддійскіе рисунки кистью и перомъ, на половину написанные и на половину нарисованные, но лама рѣшительно направился къ выходу, на минуту остановился еще разъ передъ большой статуей Бодизата и потомъ прошелъ черезъ турникетъ.

Кимъ, какъ тѣнь, слѣдовалъ за нимъ. Все слышанное

страшно взволновало его. Никогда ему не приходилось встрѣчать подобнаго человѣка, и онъ рѣшился продолжать свои наблюденія надъ нимъ. Онъ смотрѣлъ на ламу какъ на свою находку и намѣревался вполнѣ овладѣть имъ. Старикъ остановился у Замъ-Замма и сталъ осматриваться, пока не встрѣтился глазами съ Кимомъ. Возбужденіе, вызванное въ немъ бесѣдой съ завѣдующимъ, покинуло его на время,—онъ чувствовалъ себя старымъ, одинокимъ и голоднымъ.

— Не садись подъ этой пушкой,—проговорилъ полицейскій высокомѣрнымъ тономъ.

— Тише, ты, сова!—отвѣчалъ Кимъ вмѣсто ламы.—Садись сколько угодно подъ этой пушкой. А ты, скажи-ка мнѣ, когда ты стянулъ башмаки у молочницы, Дунно?

Это ни на чемъ не основанное обвиненіе явилось совершенно неожиданно подъ вліяніемъ минуты, но оно все-таки заставило замолчать Дунно, отлично знавшаго, что Киму стоило пронзительно крикнуть, чтобы, въ случаѣ надобности, созвать цѣлый легіонъ базарныхъ мальчишекъ.

— А ты кому же тамъ молился?—ласково спросилъ Кимъ, садясь на корточки въ тѣни рядомъ съ ламой.

— Я никому не молился, дитя. Я только преклонился передъ высшимъ Закономъ.

Кимъ довольно спокойно призналъ существованіе этого новаго божества. Онъ уже былъ знакомъ съ очень большимъ количествомъ разныхъ боговъ.

— А что ты вообще дѣлаешь?

— Я собираю милостыню. Теперь я вспомнилъ, что давно уже ничего не ѣлъ и не пилъ. Каковъ обычай относительно сбора милостыни въ этомъ городѣ? Собираютъ ли молча, какъ у насъ въ Тибетѣ, или просятъ громко?

— Просящіе молча—молча умираютъ съ голода,—отвѣчалъ Кимъ, употребляя мѣстную поговорку. Лама попытался встать, но снова безсильно опустился на землю и вздохнулъ о своемъ ученикѣ, умершемъ въ далекомъ Кулу. Кимъ смотрѣлъ на него, нагнувъ голову на бокъ, изучая его съ величайшимъ интересомъ.

— Дай мнѣ чашку. Я знаю всѣхъ въ этомъ городѣ, всѣхъ, кто жалѣетъ бѣдныхъ. Дай чашку, и я принесу ее тебѣ назадъ наполненною.

Съ простотой ребенка старикъ протянулъ ему чашку.

— Ты отдохни. Я знаю людей.

И съ этими словами Кимъ отправился въ открытую низенькую лавку овощной торговки.

Эта женщина отлично знала Кима.

— Ого, да ты, кажется, сдѣлался „іоги“: ходишь съ чашкой для сбора милостыни!—воскликнула она.

— Да,—съ гордостью возразилъ Кимъ.—Въ городѣ появился новый монахъ, такой человѣкъ, какого я никогда не видалъ.

— Старый монахъ—молодой тигръ, — сердито проговорила женщина.—Надоѣли мнѣ эти новые монахи! Они налетаютъ на товаръ, какъ мухи. Развѣ отецъ моего сына—колодезь благостыни, чтобы подавать всѣмъ, кто проситъ?

— Нѣтъ,—сказалъ Кимъ.—Твой мужъ скорѣе—„іаги“ (сердитый человѣкъ), чѣмъ „іоги“ (святой человѣкъ). Но этотъ монахъ—чужеземецъ. Сагибъ въ „Домѣ Чудесъ“ разговаривалъ съ нимъ какъ съ братомъ. О, мать моя, наполни мнѣ эту чашу. Онъ ждетъ.

— Эту чашку, еще бы! Да она пузатая, что твоя корова! Ты такъ же милостивъ ко мнѣ, какъ священный быкъ Шивы. Онъ уже стащилъ у меня сегодня утромъ цѣлую корзину самаго лучшаго лука, а теперь я еще стану твою чашку наполнять. Вотъ онъ опять бѣжитъ сюда!..

Огромный быкъ мышинаго цвѣта, принадлежавшій браминамъ и считавшійся священнымъ, прокладывалъ себѣ дорогу среди разноцвѣтной толпы. Изо рта у него висѣла украденная гдѣ-то индійская смоковница. Онъ остановился прямо передъ лавкой, отлично сознавая свои преимущества въ качествѣ священнаго животнаго, опустилъ голову и сталъ, пыхтя, обнюхивать рядъ корзинъ, прежде чѣмъ выбрать которую-нибудь изъ нихъ. Но въ эту минуту въ воздухѣ мелькнула маленькая жесткая пятка Кима и угодила быку прямо въ его влажный синеватый носъ. Онъ захрапѣлъ съ негодованіемъ и побѣжалъ прочь, при чемъ горбъ на его спинѣ дрожалъ отъ ярости.

— Вотъ видишь! Я спасъ тебѣ товару втрое больше того, что стоитъ кушанье, которымъ ты наполнишь мою чашку. Ну же, мать, пожалуйста положи на дно немного рису, сушеной рыбы и еще горячихъ овощей съ перцемъ.

Изъ глубины лавки, гдѣ лежала какая-то мужская фигура, послышалось ворчанье.

— Онъ прогналъ быка,—сказала женщина въ полголоса.—Хорошо помогать бѣднымъ.—Она взяла чашку и возвратила ее наполненною горячимъ рисомъ.

— Но, вѣдь, мой „іоги“ не корова, — съ важностью произнесъ Кимъ, дѣлая пальцами углубленіе въ рисѣ.—Не дурно бы

еще немножко овощей и лепешки. Кусочекъ консерва тоже понравится ему, я увѣренъ.

— Дырку-то ты сдѣлалъ величиной въ собственную голову,— брюзгливо замѣтила женщина, но все-таки наполнила углубленіе въ рисѣ вкусными дымящимися овощами и сунула сверху сухую лепешку съ кускомъ очищеннаго масла, сбоку положила комокъ кислыхъ тамариндовыхъ консервовъ, и тогда Кимъ умильно посмотрѣлъ на всю эту кучу.

— Вотъ это хорошо. Пока я буду на базарѣ, быкъ не станетъ подходить къ этому дому. А вѣдь онъ ловкій попрошайка.

— А ты-то самъ?—засмѣялась женщина.—И кромѣ того, не говори дурно о быкахъ. Развѣ ты самъ не разсказывалъ мнѣ, что настанетъ день, явится красный быкъ и принесетъ тебѣ счастье? Ну, а теперь держи чашку покрѣпче и испроси у святого человѣка для меня благословеніе. Можетъ быть, также онъ знаетъ какое-нибудь средство, чтобы вылечить больные глаза моей дочери. Попроси его объ этомъ, маленькій всѣмъ на свѣтѣ другъ.

Но Кимъ, не дождавшись конца ея рѣчи, уже умчался прочь, тщательно избѣгая встрѣчъ съ бродячими собаками и своими вѣчно голодными пріятелями.

— Вотъ какъ собираемъ милостыню мы, люди, знающіе толкъ въ этомъ дѣлѣ,—съ гордостью заявилъ онъ ламѣ, широко раскрывшему глаза отъ изумленія, при видѣ всего содержимаго чашки.—Теперь ѣшь,—и я тоже поѣмъ съ тобою. Эй, ты!—закричалъ онъ, обращаясь къ водовозу, разливавшему воду возлѣ музея.—Дай-ка сюда воды! Здѣсь люди пить хотятъ.

— Хороши люди! — повторилъ водовозъ, смѣясь.—Изъ васъ обоихъ одного порядочнаго человѣка не выкроишь. Ну, пейте ужъ во имя Милосерднаго!

Онъ направилъ тонкую струю воды въ подставленную пригоршню Кима, пившаго такимъ образомъ, по туземному обычаю, но лама, болѣе требовательный, вытащилъ изъ неистощимыхъ складокъ своей одежды маленькую чашку и сталъ пить изъ нея съ важностью.

— Онъ „pardesi“ (чужеземецъ), — пояснилъ Кимъ, когда старикъ произнесъ на неизвѣстномъ языкѣ нѣсколько словъ,— вѣроятно, какое-нибудь благословеніе.

Они поѣли вдвоемъ съ большимъ удовольствіемъ, и скоро чашка была пуста.

Тогда лама понюхалъ табаку изъ огромной деревянной та-

бакерки, перебралъ немного свои четки и быстро заснулъ старческимъ сномъ, когда тѣнь отъ Замъ-Замма начала удлиняться.

Кимъ отправился къ ближайшей продавщицѣ табака, веселой молодой магометанкѣ и выпросилъ у нея плохую сигару изъ тѣхъ, какія употребляютъ студенты пенджабскаго университета, подражающіе англійскимъ обычаямъ. Потомъ онъ сталъ курить эту сигару, сидя подъ самой пушкой, погружаясь въ раздумье и поднявъ колѣнки къ самому подбородку. Размышленія его кончились тѣмъ, что онъ побѣжалъ къ себѣ домой, смѣнилъ свой костюмъ на индусскій, и въ такомъ видѣ вернулся къ пушкѣ.

Лама проснулся только когда началась вечерняя жизнь, стали зажигаться лампы и расходились по домамъ писаря въ бѣлыхъ одеждахъ и чиновники правительственныхъ учрежденій.

Старикъ растерянно озирался по сторонамъ, но никто не обращалъ на него вниманія, кромѣ одного мальчишки въ пыльномъ тюрбанѣ и лиловой одеждѣ.

Вдругъ лама уронилъ голову на колѣни и заплакалъ.

— Что̀ съ тобою?—спросилъ мальчикъ, стоя передъ нимъ. —Обокрали тебя, что-ли?

— Мой новый ученикъ ушелъ отъ меня, и я не знаю, гдѣ онъ.

— А что̀ за человѣкъ былъ твой ученикъ?—спросилъ Кимъ, пораженный тѣмъ, что лама не узналъ его.

— Это былъ мальчикъ, явившійся на мѣсто моего умершаго ученика, въ знакъ благодати, полученной мною, когда я преклонился передъ Закономъ, тамъ, въ этомъ большомъ домѣ,— онъ указалъ на музей. — Онъ явился указать мнѣ потерянный мною путь. Онъ провелъ меня въ „Домъ Чудесъ“ и своимъ разговоромъ придалъ мнѣ смѣлости, такъ что я рѣшился говорить съ хранителемъ изображеній, утѣшился и пріобрѣлъ силу. А когда я почти лишился чувствъ отъ голода, то онъ собралъ для меня милостыню, какъ сдѣлалъ бы ученикъ для своего учителя. Внезапно былъ онъ мнѣ посланъ. Внезапно исчезъ онъ отъ меня. А у меня было намѣреніе научить его Закону по пути въ Бенаресъ.

Кимъ стоялъ совершенно пораженный: онъ подслушалъ разговоръ въ музеѣ, и зналъ, что старикъ говоритъ правду, а туземцы не допускаютъ, чтобы чужестранцы были на это способны.

— Но теперь я знаю, что онъ былъ посланъ ко мнѣ съ цѣлью. Благодаря ему я знаю, что долженъ найти нѣкую рѣку, которую ищу.

— Рѣку, рожденную стрѣлой?—проговорилъ Кимъ, улыбаясь съ выраженіемъ своего превосходства.

— Что же это такое? еще новый знакъ благодати! — воскликнулъ лама.—Я не говорилъ о моихъ поискахъ никому, кромѣ человѣка, завѣдующаго изображеніями. Кто ты?

— Твой „чела", — просто отвѣтилъ Кимъ, садясь на корточки.—Я во всю мою жизнь не видалъ человѣка, подобнаго тебѣ. Я пойду съ тобою въ Бенаресъ. И кромѣ того, я думаю, что такой старый человѣкъ, какъ ты, говорящій правду подъ вечеръ всякому встрѣчному, очень нуждается въ ученикѣ.

— Но рѣка,—рѣка, рожденная стрѣлою?

— О, это я слышалъ, какъ ты говорилъ про нее англичанину. Я лежалъ у двери.

Лама вздохнулъ.

— А я думалъ, что ты—ниспосланный мнѣ путеводитель. Такія вещи случаются иногда,—но я не достоинъ. Значитъ, ты не знаешь, гдѣ рѣка?

— Я не знаю.—Кимъ смущенно засмѣялся.—Я отправляюсь искать одного быка—краснаго быка на зеленомъ полѣ, который будетъ помогать мнѣ.

— Кого искать, дитя?—переспросилъ лама.

— Богъ его знаетъ, а только такъ говорилъ мнѣ мой отецъ. Я слышалъ твой разсказъ въ „Домѣ Чудесъ" о разныхъ новыхъ удивительныхъ мѣстахъ въ горахъ, и рѣшилъ, что если ужъ такой старый и такой неумѣющій... привыкшій говорить правду человѣкъ можетъ идти за такою неважною вещью, какъ рѣка, то, конечно, ужъ и я долженъ отправиться въ путь. Если судьба намъ найти то, что мы ищемъ, то мы найдемъ, ты—свою рѣку, а я—моего быка и еще многое другое, что я теперь уже позабылъ. Можетъ быть, меня сдѣлаютъ королемъ, — прибавилъ мальчикъ, совершенно спокойно готовый ко всякимъ чудесамъ.

— Я научу тебя, дорогой, желать другого и лучшаго,— произнесъ лама авторитетнымъ тономъ.—Пойдемъ въ Бенаресъ.

— Только не ночью. Повсюду воры. Подожди до утра.

— Но здѣсь негдѣ спать.—Старикъ привыкъ къ монастырскому правилу, и хотя спалъ на полу, какъ предписывалъ уставъ, но все-таки предпочиталъ въ такихъ случаяхъ соблюдать извѣстную благопристойность.

— Мы добудемъ себѣ ночлегъ въ „Кашмиръ-Сараѣ",—сказалъ Кимъ, смѣясь надъ смущеніемъ и затрудненіемъ ламы.— У меня тамъ есть пріятель. Пойдемъ!

Имъ пришлось проходить черезъ базаръ, проталкиваясь въ

толпѣ, состоявшей изъ всѣхъ народностей верхней Индіи. Повсюду горѣли огни, было жарко и тѣсно, и лама пробирался, чувствуя себя какъ во снѣ. Онъ впервые попалъ въ большой промышленный городъ, и переполненные народомъ вагоны конки съ ихъ вѣчнымъ стукомъ, скрипомъ и звономъ пугали его. Его совсѣмъ затолкали и наконецъ онъ съ трудомъ добрался до высокихъ воротъ „Кашмиръ-Сарая". Это былъ обширный скверъ, находившійся противъ желѣзно-дорожной станціи и окруженный сводчатыми навѣсами, гдѣ останавливались караваны лошадей и верблюдовъ, возвращавшіеся изъ Центральной Азіи. Здѣсь можно было наблюдать нравы и обычаи всѣхъ сѣверныхъ племенъ Индіи. Одни изъ нихъ проваживали на привязи небольшихъ лошадокъ и ставили на колѣни верблюдовъ; другіе нагружали или разгружали тюки и узлы, вытягивали кувшины съ водой для ужина на скрипящихъ воротахъ, били злыхъ и мрачныхъ караванныхъ собакъ, расплачивались съ погонщиками верблюдовъ, нанимали конюховъ, кричали, спорили, произносили клятвы и торговались. Навѣсы, къ которымъ вели три или четыре каменныя ступени, представляли собою мирныя гавани вокругъ этого волнующагося моря. Большинство изъ нихъ было отдано на откупъ торговцамъ, какъ у насъ отдаются арки на большихъ дорогахъ. Пространства между столбами были обращены въ комнаты съ кирпичными или дощатыми стѣнами, запиравшіяся тяжелыми деревянными дверями и трудно отпирающимися мѣстными висячими замками. Запертая такимъ образомъ дверь означала, что обладатель помѣщенія отсутствовалъ, и немного грубыя, а иногда и очень грубыя надписи мѣломъ или краской гласили, куда онъ отправился. Такъ напримѣръ: „Лутуфъ Улла уѣхалъ въ Курдистанъ". А внизу—безобразные и грубые стихи.

Кимъ, оберегая ламу отъ напора взволнованныхъ людей и животныхъ, пробрался бокомъ вдоль навѣсовъ къ самому отдаленному углу „Сарая", близъ желѣзно-дорожной станціи, гдѣ жилъ Магбубъ-Али, продавецъ лошадей, когда возвращался изъ таинственной страны за Сѣверными Ущельями. Киму въ теченіе его маленькой жизни приходилось много разъ имѣть дѣло съ Магбубомъ, и высокій, плотный афганецъ съ выкрашенной красной бородой (онъ былъ старъ и не хотѣлъ, чтобы видѣли его сѣдые волосы) цѣнилъ мальчика въ качествѣ ищейки. Иногда онъ поручалъ Киму наблюдать за какимъ-нибудь человѣкомъ, не имѣвшимъ ничего общаго съ лошадьми, слѣдить за нимъ въ продолженіе цѣлаго дня и донести обо всѣхъ тѣхъ, съ кѣмъ онъ говорилъ. Вечеромъ Кимъ выкладывалъ ему всѣ собранныя свѣ-

дѣнія, а Магбубъ слушалъ, сидя неподвижно и не произнося ни слова. Это были какія-то темныя дѣла. Кимъ отлично это зналъ, но его оправданіе состояло въ томъ, что онъ не говорилъ ни слова о томъ, что̀ слышалъ, ни единой душѣ, кромѣ Магбуба, а послѣдній кормилъ его великолѣпными горячими кушаньями, взятыми изъ харчевни, въ главномъ пунктѣ „Сарая", и кромѣ того давалъ ему деньгами восемь „анна".

— Вотъ гдѣ онъ живетъ!—сказалъ Кимъ, ударивъ по носу сердитаго верблюда.—Эй, Магбубъ-Али!

Онъ остановился передъ темной аркой и сталъ сзади растерявшагося ламы.

Продавщикъ лошадей, туго подпоясанный темнымъ вышитымъ бухарскимъ поясомъ, лежалъ на двухъ переметныхъ сумкахъ изъ шолковыхъ ковровъ и лѣниво покуривалъ изъ огромной серебряной трубки. Онъ слегка повернулъ голову на окрикъ Кима и, видя только высокую молчаливую фигуру старика, разсмѣялся низкимъ, груднымъ смѣхомъ.

— Аллахъ! Это лама! Красный лама! Далеко отъ Лагора до Ущелій. Что̀ ты тутъ дѣлаешь?

Лама механически протянулъ свою чашку для милостыни.

— Божье проклятіе на всѣхъ невѣрныхъ! — проговорилъ Магбубъ.—Я не подаю всякому грязному жителю Тибета; а ты попроси у моихъ конюховъ,—они тамъ вонъ сидятъ, у верблюдовъ. Для нихъ твои благословенія имѣютъ цѣну. Эй, конюхи, тутъ пришелъ вашъ землякъ. Узнайте, не голоденъ ли онъ.

Съ земли поднялся бритый конюхъ, пришедшій съ лошадьми. Онъ считался чѣмъ-то въ родѣ разжалованнаго буддиста, раболѣпно привѣтствовалъ ламу и сталъ упрашивать его присѣсть къ огню, разложенному конюхами.

— Поди, ты!—сказалъ Кимъ, слегка отталкивая его, и лама отодвинулся, оставивъ Кима на порогѣ.

— Уходите! — произнесъ Магбубъ-Али, снова взявшись за свою трубку.—Пошелъ вонъ, маленькій индусъ! Божье проклятіе на всѣхъ невѣрныхъ! Проси у тѣхъ изъ моихъ, которые одной съ тобой вѣры.

— Магараджи!—жалобно запищалъ Кимъ, употребляя обращеніе, принятое у индусовъ, и вполнѣ наслаждаясь всѣмъ происходящимъ.—Мой отецъ умеръ, моя мать умерла, желудокъ мой пустъ.

— Я говорю тебѣ, попроси у моихъ конюховъ. Среди нихъ должны быть индусы.

— Ахъ, Магбубъ-Али, да я-то развѣ индусъ?—проговорилъ Кимъ по-англійски.

Торговецъ лошадьми ничѣмъ не обнаружилъ удивленія и только взглянулъ на него изъ-подъ густыхъ, нависшихъ бровей.

— Маленькій „всѣмъ на свѣтѣ другъ",—произнесъ онъ,—что это значитъ?

— Ничего. Я теперь ученикъ этого святого человѣка, и мы идемъ вмѣстѣ на богомолье—въ Бенаресъ, онъ такъ говоритъ. Онъ совсѣмъ сумасшедшій, а мнѣ надоѣлъ Лагоръ. Мнѣ хочется подышать новымъ воздухомъ и попить новой воды.

— Но на кого ты работаешь? Зачѣмъ пришелъ ко мнѣ?—Голосъ звучалъ сурово и подозрительно.

— Къ кому же мнѣ было идти? Денегъ у меня нѣтъ. Безъ денегъ куда дѣнешься? Ты много лошадей продашь офицерамъ. У тебя онѣ хорошія, эти новыя лошади, я ихъ видѣлъ. Дай мнѣ рупію, Магбубъ-Али, и когда я разбогатѣю, то все тебѣ отдамъ.

— Гм...—произнесъ Магбубъ-Али, быстро соображая.—Ты прежде никогда мнѣ не лгалъ. Позови сюда этого ламу, а самъ отойди немного.

— О, наши разсказы сойдутся,—сказалъ, смѣясь, Кимъ.

— Мы идемъ въ Бенаресъ,—началъ лама, какъ только понялъ, куда были направлены вопросы Магбуба-Али.—Я иду и мальчикъ. Я иду искать одну рѣку.

— Ну, это можетъ быть; но мальчикъ?

— Онъ—мой ученикъ. Я думаю, онъ посланъ мнѣ, чтобы провести меня къ этой рѣкѣ. Я сидѣлъ подъ пушкой, и вдругъ онъ явился. Такія вещи случались съ счастливцами, удостоенными получать руководителей свыше. Но теперь я вспомнилъ, онъ говорилъ, что онъ земного происхожденія—индусъ.

— А какъ его зовутъ?

— Я не спрашивалъ объ этомъ. Развѣ онъ не ученикъ мнѣ?

— Его родина, его племя, его селеніе? Мусульманинъ онъ, индусъ или „женъ"? Низшей или высшей касты?

— Зачѣмъ стану я узнавать все это? Нѣтъ ни низшихъ, ни высшихъ на Серединномъ Пути. Если онъ мой *чела*, то можетъ ли и долженъ ли кто-нибудь отнять его у меня? Ты самъ видишь,—безъ него я не найду моей рѣки.

Онъ съ важностью покачалъ головой.

— Никто не отнимаетъ его у тебя. Пойди, сядь къ моимъ конюхамъ,—сказалъ Магбубъ-Али, и лама поплелся на указанное мѣсто, успокоенный его обѣщаніемъ.

— Ну, развѣ онъ не совсѣмъ сумасшедшій?—спросилъ Кимъ, выходя изъ темнаго угла.— Зачѣмъ я сталъ бы тебѣ лгать, хаджи?

Магбубъ молча покуривалъ свою трубку. Потомъ заговорилъ почти шопотомъ:

— Умбалла находится по пути въ Бенаресъ, если только вы въ самомъ дѣлѣ туда идете.

— Да ну тебя! Я же говорю тебѣ, что онъ не умѣетъ лгать... какъ мы съ тобой.

— Если ты исполнишь одно мое порученіе въ Умбаллѣ, то я дамъ тебѣ денегъ. Дѣло идетъ объ одной лошади—бѣломъ жеребцѣ, котораго я продалъ одному офицеру, когда послѣдній разъ вернулся изъ Ущелій. Но... встань-ка поближе и держи руки, какъ будто просишь милостыню... аттестатъ съ родословной бѣлаго жеребца не былъ вполнѣ установленъ, и этотъ офицеръ, находящійся теперь въ Умбаллѣ, просилъ меня выяснить это дѣло.—При этомъ Магбубъ описалъ наружность лошади и офицера.—Ты долженъ отнести этому офицеру слѣдующее сообщеніе: „Родословная бѣлаго жеребца вполнѣ установлена". Поэтому онъ узнаетъ, что ты явился отъ меня. Тогда онъ скажетъ: „Какое ты имѣешь доказательство?"—а ты отвѣтишь: „Магбубъ-Али далъ мнѣ доказательство".

— И все это изъ-за бѣлаго жеребца!—хихикнулъ Кимъ, и глаза его сверкнули.

— Эту родословную я тебѣ дамъ сейчасъ, моимъ особымъ способомъ, и прибавлю къ ней еще нѣсколько вѣскихъ доказательствъ.

Чья-то тѣнь промелькнула сзади Кима, и медленно прошелъ верблюдъ. Магбубъ-Али возвысилъ голосъ.

— Аллахъ! Одинъ, что-ли, ты нищій въ городѣ? Твоя мать умерла. Твой отецъ умеръ. Всѣ вы такъ говорите. Ужъ ладно, ладно...—Онъ повернулся, какъ бы ощупывая за собою полъ и швырнулъ мальчику краюшку мягкаго, засаленнаго мусульманскаго хлѣба.—Пойди, переночуй тамъ съ моими конюхами вмѣстѣ съ ламой. Завтра я тебѣ дамъ работу.

Кимъ скользнулъ прочь, запустивъ зубы въ хлѣбъ, и, какъ и ожидалъ, нашелъ въ немъ маленькую, плотно сложенную бумагу, завернутую въ клеенку, и при этомъ три серебряныя рупіи—щедрость необычайная. Онъ улыбнулся и сунулъ бумагу и деньги въ свой кожаный мѣшечекъ на шеѣ. Лама, обильно накормленный конюхами Магбуба, уже спалъ въ углу стойла. Кимъ улегся рядомъ съ нимъ, смѣясь про себя. Онъ зналъ, что ока-

зывалъ услугу Магбубу-Али, и ни на секунду не вѣрилъ сказкѣ о бѣломъ жеребцѣ.

Но Кимъ все-таки не подозрѣвалъ, что Магбубъ-Али, извѣстный какъ одинъ изъ лучшихъ торговцевъ лошадьми, зажиточный и предпріимчивый, чьи караваны заходили далеко за предѣлы страны, былъ записанъ въ одной изъ секретныхъ книгъ полицейскаго управленія подъ буквами С. 25. 1 Б. Два или три раза въ годъ С. 25 присылалъ маленькое сообщеніе, просто изложенное, но въ высшей степени интересное и обыкновенно, при сличеніи его съ отчетами Р. 17 и М. 4, оно оказывалось совершенно вѣрнымъ. Это сообщеніе касалось всего, происходившаго въ далекихъ горныхъ владѣніяхъ, передавало результаты шпіонства за всѣми національностями, кромѣ англійской, и сообщало свѣдѣнія относительно торговли оружіемъ. Однимъ словомъ оно составляло часть огромнаго матеріала, извѣстнаго подъ общимъ названіемъ: „Намъ сообщаютъ", и которымъ руководятся въ своихъ дѣйствіяхъ британскія власти въ Индіи. Но недавно пять союзныхъ владѣтелей, которымъ вовсе не полагалось вступать въ союзъ, получили извѣстіе отъ одной благосклонной сѣверной державы, что новости изъ ихъ владѣній какимъ-то образомъ просачивались въ британскую Индію. Главные министры этихъ владѣтелей остались этимъ весьма недовольны и приняли мѣры по восточному обычаю. Въ числѣ многихъ другихъ они подозрѣвали смѣлаго краснобородаго торговца лошадьми, чьи караваны проходили черезъ ихъ горныя крѣпости по брюхо въ снѣгу. Кончилось тѣмъ, что на одинъ изъ его каравановъ была устроена засада, и его, по разсказамъ рабочихъ Магбуба-Али, два раза обстрѣливали по пути какіе-то три разбойника, можетъ быть ненанятые, а можетъ быть и нанятые на этотъ случай. Поэтому Магбубъ рѣшилъ не останавливаться въ небезопасномъ для него городѣ Пешаверѣ и прямо прибылъ въ Лагоръ, гдѣ и сталъ ждать, что будетъ, такъ какъ хорошо зналъ своихъ соотечественниковъ.

Поэтому также онъ не хотѣлъ задерживать у себя ни на часъ плотно сложенную бумагу, завернутую въ клеенку. Это былъ анонимный и никому не адресованный доносъ съ микроскопическими дырочками, сдѣланными булавкой въ одномъ углу бумаги; доносъ этотъ выдавалъ пять союзныхъ владѣтелей, благосклонную къ нимъ сѣверную державу, индусскаго банкира въ Пешаверѣ, бельгійскую фирму производства оружія и одного важнаго, полунезависимаго магометанскаго правителя на югѣ. Динамитъ былъ бы нѣжнымъ и невиннымъ средствомъ, въ сравненіи съ этимъ доносомъ С. 25, и онъ понималъ, какъ важно было поскорѣе

передать его въ надлежащія руки. Магбубъ совсѣмъ не желалъ умереть насильственной смертью, и какъ разъ во-время Кимъ свалился къ нему точно съ неба. Быстрота дѣйствій Магбуба соотвѣтствовала его безсовѣстности, и, пользуясь всякою счастливою случайностью, онъ хитростью впуталъ мальчика въ безчестное дѣло. Лама, путешествующій съ простымъ мальчикомъ-слугою, не могъ возбудить особеннаго интереса въ Индіи, этой странѣ богомольцевъ. Никто не сталъ бы подозрѣвать ихъ и, что̀ было всего важнѣе, обкрадывать.

Онъ потребовалъ огня, чтобы снова зажечь свою трубку, и сталъ обсуждать все дѣло. Въ самомъ худшемъ случаѣ, еслибы съ мальчикомъ приключилось какое-нибудь несчастье, бумага ни для кого не послужила бы обвиненіемъ въ преступленіи. Самъ онъ въ свободное время отправился бы въ Умбаллу и—конечно съ нѣкоторымъ рискомъ возбудить подозрѣнія — повторилъ бы свой доносъ устно тѣмъ, для кого онъ былъ предназначенъ. Но Аллахъ великъ, и Магбубъ-Али чувствовалъ, что въ настоящее время сдѣлалъ все, что̀ могъ. Кимъ былъ единственнымъ существомъ въ мірѣ, не солгавшимъ ему ни разу. Онъ считалъ бы это огромнымъ недостаткомъ въ Кимѣ, еслибы не зналъ, что другимъ для своихъ цѣлей и для выгоды Магбуба Кимъ умѣлъ лгать, какъ настоящій восточный житель. Обдумавъ все это, Магбубъ пробрался черезъ „Сарай“ къ воротамъ „Гарпій“; тамъ жили женщины, которыя подкрашивали себѣ глаза и завлекали чужеземцевъ. Онъ не безъ труда отыскалъ среди нихъ одну дѣвушку, находившуюся (онъ имѣлъ основаніе предполагать) въ особенно дружескихъ отношеніяхъ съ бритымъ кашмирскимъ пундитомъ. Этотъ пундитъ вывѣдывалъ у простоватыхъ конюховъ Магбуба содержаніе получаемыхъ имъ телеграммъ. То, что продавецъ лошадей пришелъ именно къ этимъ людямъ, могло показаться со стороны настоящимъ безуміемъ, такъ какъ они, вопреки закону пророка, стали пить пряную водку; продавецъ лошадей ужасно напился, ворота устъ его разверзлись, и онъ въ пьяномъ возбужденіи преслѣдовалъ „Цвѣтокъ наслажденія“,—такъ звали дѣвушку, —пока не свалился въ изнеможеніи на подушки. Тогда „Цвѣтокъ наслажденія“, вмѣстѣ съ бритымъ кашмирскимъ пундитомъ, обыскали его тщательнѣйшимъ образомъ съ головы до ногъ.

Приблизительно въ то же самое время Кимъ услыхалъ легкіе шаги въ оставленномъ Магбубомъ помѣщеніи. Продавецъ лошадей не заперъ свою дверь,—что̀ было очень странно,—а его слуги праздновали свое возвращеніе въ Индію, поглощая цѣлаго барана, пожертвованнаго имъ щедрымъ хозяиномъ. Ловкій молодой

человѣкъ изъ Дели, со связкою ключей, снятой „Цвѣткомъ наслажденія“ съ пояса безчувственнаго Магбуба, обшарилъ всѣ углы конюшни, перерылъ каждый тюкъ, каждую цыновку и каждую переметную сумку въ помѣщеніи торговца лошадьми. Онъ сдѣлалъ это даже болѣе систематически, чѣмъ „Цвѣтокъ“ и пундитъ, обыскивавшіе владѣльца этихъ вещей.

— И я думаю,—говорила сердито, часъ спустя, „Цвѣтокъ наслажденія“, опираясь округленнымъ локтемъ на похрапывавшаго возлѣ нея, въ видѣ туши, Магбуба, — что онъ простая афганская свинья и продавецъ лошадей, думающій только о женщинахъ и лошадяхъ. Впрочемъ, онъ, можетъ быть, уже отослалъ это,—если только это у него было когда-нибудь.

— Ну нѣтъ, разъ какъ дѣло шло о пяти владѣтеляхъ, то онъ сталъ бы держать бумагу у своего чернаго сердца,—замѣтилъ пундитъ.—А тамъ ничего не было?

Человѣкъ изъ Дели засмѣялся и поправилъ тюрбанъ на головѣ.

— Я искалъ даже между подошвами его туфель, а Цвѣтокъ осмотрѣла его одежду. Это не тотъ человѣкъ, а другой.

— Вѣдь они и не говорили, что это навѣрное тотъ самый человѣкъ,—проговорилъ задумчиво пундитъ.—Они только сказали: „Узнайте, не онъ ли это“.

Когда Магбубъ проснулся, то „Цвѣтокъ“ сдѣлала ему строгій выговоръ за пьянство. Азіаты всегда остаются невозмутимо спокойными, когда имъ удается перехитрить врага, но Магбубъ-Али обнаружилъ нѣкоторое радостное волненіе, когда, прочистивъ горло и подвязавъ поясъ, отправился, пошатываясь, домой при свѣтѣ раннихъ утреннихъ звѣздъ.

„Хитрая была игра, — сказалъ онъ самому себѣ. — Теперь одинъ Аллахъ вѣдаетъ, сколько людей получили приказъ испытать меня, можетъ быть даже и ножомъ. Дѣло такъ обстоитъ, что мальчикъ долженъ скорѣй отправляться по желѣзной дорогѣ въ Умбаллу. Я тутъ слишкомъ долго возился съ „Цвѣткомъ“, пьянствуя какъ послѣдній афганскій проходимецъ“.

Онъ остановился возлѣ навѣса, рядомъ съ своимъ помѣщеніемъ. Его конюхи лежали, отяжелѣвъ отъ сна. Кимъ и его лама безслѣдно исчезли.

— Вставай-ка!—Магбубъ растолкалъ одного изъ спавшихъ. — Куда ушли тѣ, которые здѣсь съ вечера легли,—лама и мальчикъ? Не стащили ли они чего?

— Старикъ всталъ со вторыми пѣтухами,—пробормоталъ конюхъ,—сказалъ, что идетъ въ Бенаресъ, и мальчикъ увелъ его.

— Проклятіе Аллаха на всѣхъ невѣрныхъ!—выразительно произнесъ Магбубъ, и прошелъ подъ свой навѣсъ, ворча себѣ въ бороду.

Лама проснулся не самъ, а его разбудилъ Кимъ. Онъ прильнулъ однимъ глазомъ къ дырѣ въ перегородкѣ и видѣлъ, какъ человѣкъ изъ Дели рылся въ вещахъ.

Кимъ понялъ, что это былъ не обыкновенный воръ; тотъ не сталъ бы пересматривать письма, счета и сѣдла, запускать маленькій ножъ въ подошву туфель Магбуба и ловко обыскивать каждый шовъ на переметныхъ сумкахъ. Въ первую минуту Кимъ хотѣлъ поднять тревогу, закричавъ протяжно: „чу-уръ... чу-уръ!“ (воръ, воръ!), но, присмотрѣвшись внимательнѣе и держа руку на своемъ амулетѣ, вывелъ изъ всего видѣннаго свои собственныя заключенія.

„Должно быть онъ ищетъ родословную, выдуманную Магбубомъ,—подумалъ онъ,—ту бумагу, которую я долженъ отнести въ Умбаллу. Намъ всего лучше сейчасъ же отправляться. Тѣ, кто обыскиваютъ мѣшки съ ножомъ, станутъ пожалуй и животы распарывать. Во всемъ этомъ навѣрное замѣшана женщина“.

— Эй, эй!—шопотомъ произнесъ онъ, обращаясь къ спокойно спящему старику.—Вставай! Пора,—пора идти въ Бенаресъ.

Лама покорно поднялся, и они, какъ тѣни, вышли изъ „Сарая“.

II.

Они взошли на желѣзно-дорожную станцію, напоминавшую крѣпость. Она чернѣла въ полу-сумракѣ уходящей ночи. Электрическіе огни мигали надъ багажнымъ складомъ, гдѣ были свалены кули съ зерномъ.

— Это созданіе дьявола!—проговорилъ лама, отступая передъ черной бездной, полной грохота и свиста, съ рельсами, сверкающими между каменныхъ платформъ и множествомъ скрещивающихся и перепутанныхъ перекладинъ на верху. Онъ стоялъ въ гигантской, вымощенной камнями, залѣ. Весь полъ, казалось, былъ устланъ мертвыми тѣлами въ саванахъ: это пассажиры третьяго класса, взявшіе билеты еще до ночи, спали въ ожиданіи своего поѣзда. У восточныхъ жителей всѣ часы дня и ночи равны, и соотвѣтственно этому регулируется и движеніе поѣздовъ.

— Вотъ сюда приходитъ огненная повозка. За этой дыркой,—

Кимъ указалъ на кассу,—стоитъ человѣкъ, который выдастъ тебѣ бумагу, и по ней тебя отвезутъ въ Умбаллу.

— Но вѣдь мы ѣдемъ въ Бенаресъ,—капризно возразилъ лама.

— Это все равно. Бенаресъ будетъ потомъ. Скорѣе: повозка уже подходитъ!—Такъ возьми кошелекъ.

Лама, совсѣмъ не такъ привыкшій къ поѣздамъ, какъ это ему казалось, съ ужасомъ смотрѣлъ на влетѣвшій съ грохотомъ на станцію ночной поѣздъ. Спавшіе люди ожили, и станція наполнилась шумомъ, возгласами, криками продавцовъ воды и сластей, окриками мѣстныхъ полицейскихъ и пронзительнымъ визгомъ женщинъ, собиравшихъ свои пожитки и своихъ дѣтей.

— Это поѣздъ—только „по-ѣздъ". Онъ сюда не придетъ. Подожди!

Пораженный простотою и наивностью ламы, передавшаго ему маленькій мѣшечекъ, наполненный рупіями, Кимъ потребовалъ билетъ до Умбаллы и уплатилъ за него.

Сонный кассиръ проворчалъ что-то и выбросилъ ему билетъ до слѣдующей станціи, ровно въ шести миляхъ разстоянія.

— Нѣтъ,—сказалъ Кимъ, разсмотрѣвъ его и оскаливъ зубы.— Онъ годится только для сельчанъ, но я живу въ городѣ Лагорѣ. Ловко ты это сдѣлалъ, бабу. Теперь давай билетъ до Умбаллы.

Бабу нахмурился, но выдалъ настоящій билетъ.

— Теперь другой—до Амницара,—сказалъ Кимъ, совершенно не желавшій тратить деньги, данныя ему Магбубомъ-Али, уплачивая за весь свой проѣздъ въ Умбаллу.—Билетъ стоитъ столько-то, сдачи приходится столько-то. Я отлично знаю всѣ желѣзно-дорожные пути... Никогда еще ни одинъ „іоги" не нуждался такъ въ „чела", какъ ты, — весело проговорилъ онъ растерявшемуся ламѣ.—Безъ меня они бы тебя высадили въ Міанъ-Мирѣ. Сюда надо идти. Пойдемъ!—Онъ возвратилъ деньги, взявъ себѣ только по одной „анна" изъ каждой рупіи, уплаченной за билетъ до Умбаллы, какъ свои коммиссіонныя,—вѣчныя и неизбѣжныя азіатскія коммиссіонныя.

Лама отшатнулся, подойдя къ открытой двери вагона третьяго класса.

— Не лучше ли идти пѣшкомъ?—сказалъ онъ, впадая въ слабость. Дородный рабочій высунулъ къ нему свое бородатое лицо.

— Боится онъ, что-ли? Ты не бойся. Было время, я тоже боялся поѣздовъ. Входи! Это все устроено правительствомъ.

— Я не боюсь,—отвѣчалъ лама.—Найдется у васъ мѣсто для двоихъ?

— Здѣсь не нашлось бы мѣста и для мыши,—пронзительно вскрикнула жена зажиточнаго земледѣльца изъ богатаго жулундурскаго округа.—Наши ночные поѣзда не такъ благоустроены, какъ дневные. Тамъ строго слѣдятъ за тѣмъ, чтобы женщины и мужчины сидѣли въ разныхъ вагонахъ.

— О, мать моего сына, мы можетъ дать имъ мѣсто,—сказалъ ея мужъ, человѣкъ въ синемъ тюрбанѣ.—Возьми-ка ребенка на руки. Это святой человѣкъ, вѣдь ты видишь?

— Да вѣдь у меня же на рукахъ семьдесятъ разъ семь разныхъ свертковъ, куда-жъ я ихъ дѣну? Не попросить ли ужъ его сѣсть ко мнѣ на колѣни, безсовѣстный ты этакій? Впрочемъ, мужчины всегда такіе!—Она оглянулась кругомъ, ища поддержки и одобренія. Сидѣвшая у окна женщина изъ Амницара вздохнула подъ своимъ головнымъ покрываломъ.

— Входите! Входите!—закричалъ толстый ростовщикъ-индусъ, державшій подъ мышкой свою счетную книгу, завернутую въ холстъ.—Хорошо быть сострадательнымъ къ бѣднымъ,—прибавилъ онъ съ масляной улыбкой.

— Да, за семь процентовъ въ мѣсяцъ, съ неродившимся теленкомъ въ закладѣ,—замѣтилъ молодой солдатъ изъ Дагра, отправлявшійся на побывку, на югъ. Всѣ кругомъ засмѣялись.

— А привезутъ ли насъ въ Бенаресъ?—спросилъ лама.

— Конечно. А то зачѣмъ же бы мы сюда садились? Входи, или мы останемся!—закричалъ Кимъ.

— Посмотрите! — звонко вскрикнула дѣвушка изъ Амницара.—Онъ никогда не ѣздилъ по желѣзной дорогѣ. О, посмотрите только!

— Нѣтъ, ему надо помочь,—сказалъ земледѣлецъ, протянулъ огромную смуглую руку и втащилъ старика.—Ну вотъ, теперь готово, отецъ мой.

— Но только... но только я сяду на полъ. Законъ не позволяетъ садиться на скамейки,—произнесъ лама.—Кромѣ того, у меня отъ такого сидѣнья дѣлаются судороги.

— Я говорю,—началъ ростовщикъ, собравъ губы кошелькомъ,—что нѣтъ такого закона, котораго намъ не приходилось бы нарушать изъ-за этихъ поѣздовъ. Мы, напримѣръ, садимся бокъ-о-бокъ со всевозможными племенами и кастами.

— Да, а иногда и съ самыми нахальными и безстыдными,—сказала жена земледѣльца, угрюмо поглядывая на дѣвушку изъ Амницара, дѣлавшую глазки молодому сипаю.

— Я говорилъ, что слѣдовало ѣхать въ повозкѣ,—возразилъ ея мужъ.—Такимъ образомъ мы и деньги бы сберегли.

— Да и истратили бы на ѣду вдвое больше этого сбереженія. Ужъ объ этомъ было десять тысячъ разъ говорено.

— Да и десятью тысячами языковъ,—проворчалъ онъ.

— Господи помилуй насъ, бѣдныхъ женщинъ, еще бы намъ и поговорить нельзя было! Ого! однако онъ изъ тѣхъ, что не смотрятъ на женщинъ и не говорятъ съ ними,—прибавила она, глядя на ламу.

Старикъ, подчиняясь своему уставу, не обращалъ на нее ни малѣйшаго вниманія.

— А что̀ ученикъ его, такой же, какъ онъ?

— Нѣтъ, мать моя,—быстро отвѣтилъ Кимъ.—Я не подражаю моему учителю, если женщина красива, а особенно сострадательна къ голоднымъ людямъ.

— Нищенскій отвѣтъ,—сказалъ, смѣясь, дюжій рабочій,—ты сама на него напросилась, сестра моя!—Кимъ сложилъ руки, прося подаянія.

— А куда ты ѣдешь?—спросила женщина, подавая ему кусокъ лепешки изъ засаленнаго пакета.

— Также въ Бенаресъ.

— Вы, должно быть, фокусники?—полюбопытствовалъ молодой солдатъ.—Нѣтъ ли съ вами какого-нибудь фокуса, чтобы убить время? Почему этотъ желтый старикъ ничего не отвѣчаетъ?

— Потому,—гордо отвѣтилъ Кимъ,—что онъ святой и думаетъ о вещахъ, которыя скрыты отъ тебя.

— Можетъ быть, это и вѣрно. Нашъ братъ солдатъ не затрудняетъ свою голову ученостями. Мы сражаемся.

Лампы поблѣднѣли отъ разсвѣта, когда поѣздъ подошелъ къ Амницару. На Востокѣ билеты отбираютъ очень долго, потому что туземцы имѣютъ обыкновеніе прятать ихъ въ самыхъ удивительныхъ мѣстахъ. Кимъ вытащилъ свой билетъ, и ему сказали, чтобы онъ выходилъ.

— Но я ѣду въ Умбаллу,—запротестовалъ онъ.—Я ѣду съ этимъ святымъ человѣкомъ.

— Можешь ѣхать хоть на край свѣта, мнѣ что̀ за дѣло. А этотъ билетъ только до Амницара. Вылѣзай!

Кимъ залился слезами, увѣряя, что лама былъ для него отцомъ и матерью, что онъ былъ опорой старости ламы, и что лама умретъ, лишившись его заботъ. Весь вагонъ сталъ упрашивать кондуктора сжалиться,—ростовщикъ обнаружилъ особенное краснорѣчіе,—но кондукторъ все-таки вытащилъ Кима на платформу. Лама хлопалъ глазами, не понимая, что̀ случилось,

а Кимъ старался плакать какъ можно громче, стоя за окномъ вагона.

— Я очень бѣденъ. Мой отецъ умеръ. Моя мать умерла. О, благодѣтели, если я останусь здѣсь,—кто позаботится объ этомъ старикѣ?

— Что... что такое?—повторялъ лама.—Онъ долженъ ѣхать въ Бенаресъ. Онъ долженъ ѣхать со мною. Онъ—мой „чела". Если надо заплатить деньги...

— О, молчи!—прошепталъ Кимъ.—Развѣ мы раджи какіе-нибудь, чтобы выбрасывать деньги, когда люди такъ сострадательны?

Дѣвушка изъ Амницара вышла изъ вагона со своими узлами, и на ней-то и остановились наблюдательные и пытливые глаза Кима. Онъ зналъ, что такія женщины, какъ она, всегда бываютъ щедры.

— Билетъ, маленькій билетецъ до Умбаллы, о, разбивательница сердецъ!—Она разсмѣялась.—Или у тебя нѣтъ состраданія?

— Святой старикъ—родомъ съ сѣвера?—спросила она.

— Онъ пришелъ съ далекаго сѣвера,—воскликнулъ Кимъ,—изъ-за горъ.

— На сѣверѣ ростутъ сосны, покрытыя снѣгомъ, и въ горахъ лежитъ снѣгъ. Моя мать была изъ Кулу. Вотъ, возьми себѣ билетъ. Попроси, чтобы онъ благословилъ меня.

— Десять тысячъ благословеній!—взвизгнулъ Кимъ.

— О, святой отецъ, женщина пожалѣла меня и дала денегъ, такъ что я могу ѣхать съ тобою,—женщина съ золотымъ сердцемъ. Бѣгу за билетцемъ.

Дѣвушка поглядѣла на ламу, машинально послѣдовавшаго за Кимомъ на платформу. Онъ наклонилъ голову, чтобы не видѣть ея, и произнесъ что-то на тибетскомъ нарѣчіи, когда она прошла мимо вмѣстѣ съ толпою.

— Былъ у тебя свѣтъ, а больше и нѣтъ,—замѣтила со злостью жена земледѣльца.

— Она заслужила передъ Богомъ своимъ добрымъ дѣломъ,—возразилъ ей лама.—Она навѣрное монахиня.

— Такихъ монахинь наберется десять тысячъ въ одномъ Амницарѣ. Возвращайся, старикъ, а то поѣздъ уйдетъ безъ тебя!—закричалъ ростовщикъ.

— Денегъ хватило не только на билетъ, я еще и ѣды немножко купилъ,—заявилъ Кимъ, пробираясь на свое мѣсто.—Теперь поѣшь, святой отецъ. Погляди-ка, ужъ день!

Передъ окномъ разстилался роскошный Пенджабъ, красиво освѣщенный яркимъ восходящимъ солнцемъ.

— Съ великой быстротою идетъ поѣздъ,—замѣтилъ ростовщикъ.—Мы отъѣхали отъ Лагора дальше, чѣмъ ты могъ бы пройти въ два дня. Такъ и въ Умбаллу пріѣдемъ.

— Но все-таки еще очень далеко до Бенареса,—сказалъ лама съ утомленіемъ, громко пережевывая принесенную Кимомъ лепешку.

Всѣ пассажиры развязали свои узлы и стали закусывать. Потомъ ростовщикъ, земледѣлецъ и солдатъ набили свои трубки и наполнили все отдѣленіе удушливымъ, ѣдкимъ дымомъ, откашливаясь и сплевывая съ большимъ наслажденіемъ. Рабочій и жена земледѣльца жевали табакъ. Лама нюхалъ табакъ и перебиралъ четки, а Кимъ скрестилъ ноги и наслаждался чувствомъ полноты въ желудкѣ.

— Какія есть рѣки возлѣ Бенареса? — вдругъ спросилъ лама, обращаясь ко всему вагону.

— Есть Ганга, — отвѣчалъ ростовщикъ, когда хихиканье, вызванное этимъ вопросомъ, затихло.

— А еще какія?

— Еще кромѣ Ганга?

— Да, у меня въ мысляхъ одна рѣка, приносящая исцѣленіе.

— Такъ это и есть Ганга. Купающійся въ ней очищается и идетъ къ богамъ. Трижды совершалъ я богомолье къ Ганга.— Онъ оглядѣлъ всѣхъ съ гордостью.

— Значитъ, нужда была,—сухо замѣтилъ молодой сипай, и всѣ стали теперь смѣяться надъ ростовщикомъ.

— Очиститься настолько, чтобы возвратиться къ богамъ,— произнесъ лама,—и снова проходить черезъ новыя жизни, еще привязанныя къ колесу.—Онъ мрачно покачалъ головой.—Но, можетъ быть, я ошибся. Кто сотворилъ Ганга вначалѣ?

— Боги. Да ты къ какой же вѣрѣ принадлежишь?—спросилъ ростовщикъ въ ужасѣ.

— Я слѣдую Закону, совершеннѣйшему Закону. Значитъ, Ганга сотворили боги? Какіе боги?

Всѣ въ вагонѣ посмотрѣли на него въ изумленіи. Они не могли себѣ представить, чтобы кто-нибудь не зналъ про Ганга.

— Какой же... какой же у тебя-то богъ? — спросилъ наконецъ ростовщикъ.

— Слушайте! — произнесъ лама, перекладывая четки изъ одной руки въ другую.—Слушайте: я буду говорить о Немъ теперь! О, народъ Индіи, внимайте!

Онъ началъ по-урдусски разсказъ о Буддѣ, но, увлеченный

собственными мыслями, перешелъ на тибетское нарѣчіе, приводя длинные тексты изъ китайской книги о жизни Будды. Окружающіе смотрѣли на него ласково и съ почтеніемъ. Индія полна святыхъ людей, бормочущихъ на странныхъ языкахъ свои проповѣди, пожираемыхъ религіознымъ рвеніемъ, мечтателей и духовидцевъ. Такъ это было всегда, и такъ навѣрное останется.

— Гм!—произнесъ солдатъ.

— Въ Пирцай-Коталь рядомъ съ нами стоялъ одинъ магометанскій полкъ и съ нимъ—ихъ священникъ. Онъ былъ, какъ мнѣ помнится, „наикъ". Когда на него находило, то онъ начиналъ пророчествовать. Впрочемъ, всѣхъ сумасшедшихъ самъ Богъ хранитъ. Всѣ офицеры заботились объ этомъ человѣкѣ.

Лама снова перешелъ на урдусское нарѣчіе, вспомнивъ, что находится въ чужой странѣ.

— Слушайте разсказъ о стрѣлѣ, которую нашъ Владыка пустилъ изъ лука,—сказалъ онъ. Всѣмъ это пришлось гораздо болѣе по вкусу, и его стали слушать съ любопытствомъ.—Теперь, о, народъ Индіи, я иду искать эту рѣку. Кто изъ васъ знаетъ ее,—да укажетъ мнѣ, ибо всѣ мы, и мужчины, и женщины, живемъ во злѣ.

— Ганга—одна только Ганга омываетъ грѣхи,—пронесся ропотъ въ вагонѣ.

— Хотя, безспорно, есть добрые боги и здѣсь, въ Жулундурѣ,—сказала жена земледѣльца, глядя въ окно.—Посмотрите, какъ они благословили жатвы!

— Осмотрѣть каждую рѣку въ Пенджабѣ дѣло было не легкое,—замѣтилъ ея мужъ.—Съ меня довольно каждаго ручья, оставляющаго илъ на моемъ полѣ, и я благодарю за него домашняго бога, Бумію.—Сказавъ это, онъ повелъ мускулистымъ бронзовымъ плечомъ.

— Ты думаешь, что нашъ Владыка заходилъ такъ далеко на сѣверъ?—спросилъ лама, повернувшись къ Киму.

— Можетъ быть,—отвѣчалъ Кимъ, желая его успокоить и въ то же время выплевывая на полъ красный сокъ табака.

— Послѣднимъ изъ великихъ людей,—сказалъ авторитетнымъ тономъ рабочій,—былъ Сикандеръ Жулькаръ (Александръ Великій). Онъ вымостилъ улицы Жулундура и построилъ большой водоёмъ возлѣ Умбаллы. Мостовая держится до сихъ поръ, и водоемъ тоже. А о твоемъ богѣ я никогда не слыхалъ.

Лама вздохнулъ и весь ушелъ въ свои мысли представляя собою темную, безформенную массу. Въ промежутки между раз-

говорами окружающіе слышали, какъ онъ бормоталъ: „Омъ манэ пудмэ гумъ! Омъ манэ пудмэ гумъ!“—и какъ быстро щелкали деревянныя зерна его четокъ.

— У меня голова кружится,—сказалъ онъ наконецъ.—Отъ этой быстроты и стука у меня кружится голова. Кромѣ того, мой чела, я думаю, что мы, можетъ быть, пропустили рѣку.

— Успокойся, успокойся,—отвѣчалъ Кимъ.—Развѣ рѣка не возлѣ Бенареса? Мы еще далеко отъ этихъ мѣстъ.

— Но если нашъ Владыка заходилъ на сѣверъ, то, можетъ быть, одна изъ этихъ маленькихъ рѣчекъ, мимо которыхъ мы проѣзжали, и есть моя рѣка?

— Этого я не знаю.

— Но вѣдь ты былъ ниспосланъ мнѣ, вѣдь это такъ? И развѣ не было также англичанина съ сѣдой бородой, благочестиваго старца, тамъ, среди изображеній, укрѣпившаго мою увѣренность въ рѣку, рожденную стрѣлой?

— Онъ... мы... ходили въ Ажаибъ-Геръ въ Лагорѣ, молиться тамъ богамъ,—пояснилъ Кимъ заинтересованнымъ слушателямъ.—И сагибъ въ „Домѣ Чудесъ“ разговаривалъ съ нимъ—это совершенно вѣрно—какъ съ братомъ. Онъ очень святой человѣкъ. Онъ пришелъ издалека, изъ-за горъ. Отдохни немного. Мы пріѣдемъ въ Умбаллу въ свое время.

— Но моя рѣка,—рѣка моего спасенія?

— А потомъ, если хочешь, мы пойдемъ пѣшкомъ отыскивать твою рѣку, такъ что ничего не будемъ пропускать, ни единаго маленькаго ручейка, орошающаго поля.

— Но вѣдь ты и самъ ищешь?—простодушно сказалъ лама, очень довольный, что такъ хорошо запомнилъ.

— Да,—подтвердилъ Кимъ, не желая ему противорѣчить.

Мальчикъ чувствовалъ себя совершенно счастливымъ, получивъ возможность жевать табакъ, видѣть новыхъ людей и весь безконечный веселый Божій міръ.

— Быкъ... Красный быкъ долженъ явиться и осчастливить тебя и унести тебя... куда?—это я забылъ. Красный быкъ на зеленомъ полѣ,—развѣ не такъ?

— Нѣтъ, онъ меня никуда не унесетъ,—сказалъ Кимъ,—это я тебѣ такъ только сказку разсказывалъ.

— Что это еще такое?—проговорила жена земледѣльца, наклоняясь впередъ, такъ что браслеты у нея на рукахъ зазвенѣли.—Вы, кажется, оба грезите? Красный быкъ на зеленомъ полѣ, который унесетъ тебя на небо... или куда еще? Видѣніе, что-ли, тебѣ было? Или это вы пророчествуете? У насъ есть въ

деревнѣ красный быкъ, возлѣ города Жулундура, и пасется онъ на любомъ изъ самыхъ зеленыхъ нашихъ полей.

— Дай женщинѣ старушечью сказку, а птицѣ-ткачу листочекъ и завязку—онѣ такихъ диковинъ наплетутъ, какихъ и не бывало тутъ,—сказалъ рабочій.—Каждый святой человѣкъ грезитъ на яву, а ученики святыхъ людей, слѣдуя имъ во всемъ, также обрѣтаютъ этотъ даръ.

— Можетъ быть,—произнесъ лама,—ты въ прежней жизни дѣлалъ добро, и быкъ явится, чтобы наградить тебя за это.

— Нѣтъ, нѣтъ, это мнѣ просто сказку разсказали, такъ, вѣроятно для шутки. Но я все-таки буду искать быка вокругъ Умбаллы, а ты можешь тамъ посмотрѣть повсюду, нѣтъ ли твоей рѣки, и отдохнуть отъ стука поѣзда.

— Можетъ быть, быкъ знаетъ и... пошлетъ вести насъ обоихъ,—сказалъ лама по-дѣтски, съ радостной надеждой, и потомъ, обращаясь къ окружающимъ и указывая на Кима, произнесъ:—Онъ былъ посланъ мнѣ всего только вчера. Я думаю, онъ не изъ этого міра.

— Нищихъ я пропасть видала, да и святыхъ людей не мало, но никогда не видала такихъ, какъ этотъ „іоги“ и его ученикъ,—сказала женщина.

Ея мужъ улыбнулся и показалъ себѣ пальцемъ на лобъ; но когда ламѣ захотѣлось ѣсть, то они уступили ему свои лучшіе куски.

Наконецъ, усталые, сонные и покрытые пылью, достигли они станціи Умбалла.

— Мы сюда пріѣхали изъ-за одной тяжбы,—сказала жена земледѣльца Киму.—Мы остановимся у младшаго двоюроднаго брата моего мужа. Тамъ, во дворѣ, найдется также мѣсто для твоего „іоги“ и для тебя. А что, онъ благословитъ меня?

— О, святой отецъ! Женщина съ золотымъ сердцемъ предлагаетъ намъ ночлегъ. Добрые люди живутъ въ этой южной странѣ. Подумай только, сколько разъ намъ оказывали помощь съ сегодняшняго утра!

Лама наклонилъ голову, благословляя.

— Какъ! Наполнять домъ моего младшаго двоюроднаго брата всякимъ сбродомъ!..—началъ мужъ, вскидывая на плечо свою тяжелую бамбуковую палку.

— Твой младшій двоюродный братъ долженъ двоюродному брату моего отца еще со свадьбы его дочери,—ядовито возразила жена.—Пусть онъ ихъ прокормитъ въ счетъ своего долга, да къ тому же іоги, конечно, будетъ собирать милостыню.

— Да, я собираю для него,—сказалъ Кимъ, заботясь главное о томъ, чтобы пристроить ламу на ночь и получить возможность отыскать англичанина Магбуба-Али, чтобы избавиться отъ аттестата бѣлаго жеребца.

— Теперь,—сказалъ онъ, когда лама устроился во внутреннемъ дворѣ зажиточнаго индусскаго дома,—я не надолго уйду, чтобы... чтобы купить съѣстныхъ припасовъ на базарѣ. А ты никуда не уходи, пока я не вернусь.

— А ты вернешься? Ты навѣрное вернешься?—старикъ схватилъ его за руку.—И вернешься въ своемъ теперешнемъ видѣ? Сегодня уже поздно искать рѣку?

— Слишкомъ поздно и слишкомъ темно. Успокойся. Подумай, какъ далеко ужъ ты проѣхалъ, цѣлыхъ сто „косъ" отъ Лагора.

— Да, а отъ моего монастыря еще гораздо дальше. Увы! Какъ великъ и страшенъ этотъ свѣтъ!

Кимъ осторожно вышелъ со двора и, стараясь быть болѣе незамѣтнымъ, чѣмъ когда-либо, понесъ мѣшечекъ, висѣвшій у него на шеѣ и заключавшій въ себѣ его собственную судьбу и судьбу нѣсколькихъ десятковъ тысячъ людей. Благодаря указаніямъ Магбуба-Али, ему легко было найти домъ, гдѣ жилъ его англичанинъ. Оставалось только узнать этого человѣка, и Кимъ пробрался въ садъ, спрятался возлѣ самой веранды, въ густо разросшейся перистой травѣ. Домъ былъ ярко освѣщенъ; слуги двигались среди столовъ, уставленныхъ цвѣтами, хрусталемъ и серебромъ. Вотъ, изъ дома вышелъ англичанинъ, весь въ черномъ и съ бѣлой крахмальной рубашкой, что-то напѣвая. Въ темнотѣ нельзя было разсмотрѣть его лица, и Кимъ, рѣшился испробовать старый пріемъ и притвориться нищимъ.

— Покровитель бѣдныхъ!

Человѣкъ повернулся спиной къ тому мѣсту, откуда раздался голосъ.

— Магбубъ-Али говоритъ...

— Ага! Что̀ говоритъ Магбубъ-Али? — Онъ не пытался взглянуть на говорившаго, и Кимъ понялъ поэтому, что онъ знаетъ, въ чемъ дѣло.

— Родословная бѣлаго жеребца вполнѣ установлена.

— А какое доказательство?—Англичанинъ подошелъ къ розовымъ кустамъ возлѣ дорожки.

— Магбубъ-Али далъ мнѣ это доказательство.

Кимъ бросилъ свернутую бумагу, и она упала на дорожку, возлѣ человѣка. Онъ наступилъ на нее ногою, такъ какъ въ

это время изъ-за угла вышелъ садовникъ. Когда послѣдній прошелъ мимо, то англичанинъ, поднявъ бумагу, бросилъ Киму рупію.—Кимъ услыхалъ, какъ она звякнула, и пошелъ къ дому, ни разу не оглянувшись. Кимъ быстро поднялъ монету, но, несмотря на свою склонность къ деньгамъ, онъ все-таки былъ ирландецъ по рожденію, и поэтому считалъ презрѣнный металлъ послѣднею вещью во всякомъ интересномъ предпріятіи.

Онъ добивался главнымъ образомъ увидѣть непосредственное дѣйствіе своего поступка, и поэтому, вмѣсто того, чтобы улепетнуть, онъ спрятался въ траву и подползъ еще ближе къ дому.

Онъ увидалъ — индійскія бунгало (виллы) всегда бываютъ открыты настежь, — какъ англичанинъ прошелъ въ маленькую уборную, служившую также рабочей комнатой и заваленную бумагами и ящиками съ письмами. Тамъ онъ усѣлся и сталъ изучать посланіе Магбуба-Али. Лицо его, ярко освѣщенное керосиновой лампой, мѣняло свое выраженіе и дѣлалось мрачнымъ, и Кимъ, наблюдательный, какъ большинство нищихъ, отлично это замѣтилъ.

— Вилли! Вилли милый!—раздался женскій голосъ.—Ты бы пошелъ въ гостиную. Они явятся черезъ минуту.

Англичанинъ продолжалъ читать съ напряженнымъ вниманіемъ.

— Вилли! — снова раздался тотъ же голосъ черезъ пять минутъ.—„Онъ“ пріѣхалъ. Мнѣ слышно, какъ верховые скачутъ по дорогѣ.

Англичанинъ вскочилъ и безъ шапки выбѣжалъ изъ дома. Передъ верандой остановилось большое ландо, за которымъ слѣдовали четыре туземца верхомъ. Изъ него вышелъ высокій, прямой, какъ стрѣла, брюнетъ, предшествуемый молодымъ, любезно улыбавшимся офицеромъ.

Кимъ лежалъ плашмя на животѣ, и колеса экипажа почти коснулись его. Хозяинъ и пріѣхавшій черноволосый незнакомецъ обмѣнялись нѣсколькими фразами.

— О, конечно, сэръ,—быстро проговорилъ офицеръ:—все можетъ подождать, когда дѣло идетъ о лошади.

— Мы удалимся всего минутъ на двадцать,—сказалъ хозяинъ дома. — Вы, пожалуйста, принимайте гостей, занимайте ихъ и такъ далѣе.

— Скажите одному изъ верховыхъ, чтобъ дожидался,—произнесъ пріѣзжій высокій брюнетъ и прошелъ вмѣстѣ съ хозяиномъ въ уборную, въ то время какъ ландо отъѣзжало отъ дома. Кимъ видѣлъ, какъ двѣ головы склонились надъ посланіемъ Магбуба

Али, и слышалъ два голоса, — одинъ тихій и почтительный, а другой рѣзкій и рѣшительный.

— Это вопросъ даже не недѣль. Это вопросъ дней, почти часовъ,—сказалъ старшій.—Я ждалъ, что это когда-нибудь случится, но вотъ это,—онъ ударилъ по бумагѣ Магбубъ-Али,—все рѣшаетъ. Гроганъ у васъ обѣдаетъ сегодня, не такъ ли?

— Да, сэръ, и Маклинъ также.

— Прекрасно. Я самъ съ ними поговорю. Дѣло должно быть передано въ совѣтъ, конечно, но это такой случай, когда каждый естественно долженъ предположить, что мы немедленно приступимъ къ дѣйствію. Увѣдомьте пиндійскую и пешаверскую бригады. Это помѣшаетъ всѣмъ лѣтнимъ отпускамъ, но что подѣлаешь. Все это произошло оттого, что мы не перебили ихъ вполнѣ въ первый разъ. Восьми тысячъ будетъ довольно.

— А что же насчетъ артиллеріи, сэръ?

— Я долженъ посовѣтоваться съ Маклиномъ.

— Такъ, значитъ, война?

— Нѣтъ. Наказаніе. Разъ человѣкъ вынужденъ дѣйствіями своего предшественника...

— Но, можетъ быть, С. 25 солгалъ.

— Онъ только подтвердилъ сообщенія другихъ. Практически они выпускали когти еще шесть мѣсяцевъ тому назадъ. Но Девенишъ находилъ, что миръ возможенъ. Понятно, что они воспользовались имъ, чтобы собраться съ силами. Отошлите сейчасъ же телеграммы—мою и отъ Вартона, только новымъ шифромъ, а не старымъ. Теперь, мнѣ кажется, мы можемъ не задерживать больше дамъ. Все остальное рѣшимъ за сигарами. Я зналъ, что такъ случится. Это будетъ наказаніе, а не война.

Кавалеристы ушли, а Кимъ проползъ къ задней части дома, гдѣ, довѣряя своему лагорскому опыту, надѣялся получить ѣду, а главное—нужныя свѣдѣнія. Кухня была биткомъ набита взволнованными и возбужденными поварятами. Одинъ изъ нихъ ударилъ Кима.

— Ай!—закричалъ Кимъ, дѣлая видъ, что плачетъ. —Я пришелъ только помыть тарелки за кусочекъ чего-нибудь съѣстного.

— Вся Умбалла того же добивается. Убирайся прочь! Сейчасъ супъ будутъ подавать. Ты, кажется, воображаешь, что мы, служащіе у сагиба Крейтона, нуждаемся въ чужихъ поварятахъ для такого большого обѣда?

— Да, это очень большой обѣдъ,—сказалъ Кимъ, глядя на кушанья.

— И неудивительно. Почетный гость—не кто другой, какъ Чанг-и-Латъ сагибъ (главнокомандующій).

— Хо!—произнесъ Кимъ типичнымъ горловымъ звукомъ, выражающимъ удивленіе. Онъ узналъ все, что̀ ему было нужно, и когда поваренокъ отвернулся отъ него, то онъ исчезъ.

„И всѣ эти хлопоты,—подумалъ онъ, какъ обыкновенно по-индустански,—изъ-за лошадинаго аттестата! Магбубу слѣдовало бы у меня поучиться немножко лгать. Прежде, когда я носилъ записки, то дѣло всегда шло о женщинахъ. Теперь же—мужчины. Это лучше. Высокій человѣкъ сказалъ, что они пошлютъ большую армію, чтобы наказать кого-то... гдѣ-то. Извѣстія объ этомъ пойдутъ въ Пинди и въ Пешаверъ. Будутъ и пушки. Жаль, что я не подползъ еще ближе. Это важныя новости“!

Когда онъ вернулся назадъ, то нашелъ младшаго двоюроднаго брата земледѣльца, обсуждающаго съ нимъ, его женой и нѣсколькими друзьями всѣ подробности тяжебнаго дѣла, въ то время какъ лама мирно дремалъ. Послѣ ужина кто-то передалъ ему кальянъ, и Кимъ чувствовалъ себя настоящимъ мужчиной, покуривая изъ кокосовой трубки, протянувъ ноги за порогъ, гдѣ все было освѣщено луной, и вставляя отъ времени до времени свое замѣчаніе въ общій разговоръ. Хозяева были съ нимъ очень любезны, потому что жена земледѣльца разсказала, какъ ему явился въ видѣніи красный быкъ, и о его предполагаемомъ происхожденіи изъ другого міра. Кромѣ того, лама представлялся имъ чѣмъ-то очень значительнымъ и почтеннымъ. Мѣстный священнослужитель, старый и вѣротерпимый сареутскій браминъ, пришедшій немного позднѣе, конечно воспользовался случаемъ и затѣялъ богословскій разговоръ, чтобы произвести впечатлѣніе на семью. По своей вѣрѣ они были естественно на сторонѣ брамина, но лама былъ гостемъ и новинкой для нихъ. Его кротость и доброта, равно какъ и внушительные китайскіе тексты, звучавшіе какъ заклинанія, приводили ихъ въ восторгъ. Онъ весь распускался, какъ лотосъ Бодизата, когда просто и задушевно разсказывалъ имъ о своей жизни въ большихъ горахъ Зих-Зенъ, до того времени, когда, по его словамъ, онъ „возсталъ, чтобы искать просвѣтленія“.

Оказалось, что, живя еще въ міру, онъ былъ большимъ мастеромъ составлять гороскопы, и браминъ уговорилъ его сообщить свою методу. Они называли имена планетъ, причемъ одинъ не понималъ другого, и указывали другъ другу на крупныя звѣзды, мерцавшія во мракѣ надъ ихъ головами. Дѣти хозяина безпрепятственно дергали ламу за его четки, и онъ совсѣмъ за-

былъ правило, запрещающее смотрѣть на женщинъ, разсказывая о продолжительныхъ снѣгахъ, лавинахъ, ущельяхъ, загроможденныхъ обвалами, далекихъ утесахъ, гдѣ люди добываютъ сапфиры и бирюзу, и объ удивительной нагорной дорогѣ, ведущей въ самый Великій Китай.

— Какого ты мнѣнія объ этомъ человѣкѣ?—спросилъ земледѣлецъ, отведя брамина въ сторону.

— Это святой человѣкъ, по истинѣ святой человѣкъ. Его боги — не настоящіе боги, но онъ идетъ по настоящему пути. И гороскопы онъ составляетъ вѣрно и мудро; впрочемъ, ты не можешь этого понять.

— Скажи мнѣ,—произнесъ небрежно Кимъ,—найду ли я моего краснаго быка на зеленомъ полѣ, какъ это было мнѣ обѣщано?

— А знаешь ли ты что-нибудь о часѣ своего рожденія?—спросилъ браминъ, гордясь значительностью собственной роли.

— Я родился между первыми и вторыми пѣтухами, въ первую майскую ночь.

— Въ которомъ году?

— Этого я не знаю; но когда я закричалъ въ первый разъ, то произошло землетрясеніе въ Сринагурѣ, въ Кашмирѣ.

Эти свѣдѣнія Кимъ получилъ отъ выняньчившей его женщины, а она имѣла ихъ отъ Кимбалла О'Гара. Землетрясеніе было ощущаемо и въ Индіи, и долго служило эпохой, съ которой вели лѣтосчисленіе въ Пенджабѣ.

— Ай!—вскрикнула съ возбужденіемъ одна изъ женщинъ. Сообщеніе Кима, казалось, подтверждало его сверхъестественное происхожденіе.—Не было ли это какъ разъ въ то же время, когда родилась дочь у...

— И ея мать родила своему мужу четырехъ сыновей въ четыре года—все такіе славные мальчики!—крикнула жена земледѣльца, сидѣвшая въ тѣни, въ сторонѣ отъ разговаривавшихъ.

— Всякій, посвященный въ науку, — сказалъ браминъ,— помнитъ, какъ стояли планеты въ ту ночь надъ его домомъ.— Онъ началъ чертить что-то на пескѣ двора.—Ты имѣешь право, по крайней мѣрѣ, на половину Дома Быка. Въ чемъ состоитъ предсказанное тебѣ?

— Настанетъ день,—произнесъ Кимъ, наслаждаясь собственнымъ творчествомъ, — и я буду возвеличенъ черезъ краснаго быка на зеленомъ полѣ, но сначала явятся два человѣка, чтобы все приготовить.

—Да. Такъ всегда бываетъ въ началѣ видѣнія. Глубокая тьма, мало-по-малу разсѣивающаяся; потомъ приходятъ съ метлой,

чтобы расчистить мѣсто. Потомъ начинается само видѣніе. Два человѣка — говоришь ты? Да, да. Солнце оставляетъ Домъ Быка и вступаетъ въ Домъ Близнецовъ. Вотъ откуда два человѣка, предсказанные тебѣ. Теперь посмотримъ. Достань мнѣ вѣтку, мальчикъ.

Онъ нахмурилъ брови, сталъ чертить, стирать и снова чертить таинственные знаки на пескѣ. Всѣ дивились на него, кромѣ ламы, который, слѣдуя своей врожденной деликатности, воздержался отъ вмѣшательства.

Черезъ полчаса браминъ отбросилъ вѣтку и глубоко вздохнулъ.

— Гм. Такъ говорятъ звѣзды. Черезъ три дня явятся два человѣка, чтобы все приготовить. За ними слѣдуетъ Быкъ, но надъ нимъ есть знакъ войны и вооруженныхъ людей.

— Въ вагонѣ изъ Лагора съ нами ѣхалъ солдатъ,—сказала обрадованная жена земледѣльца.

— Тс-с! Вооруженные люди — ихъ будутъ тысячи. Какое отношеніе имѣешь ты къ войнѣ?—спросилъ браминъ у Кима.— Твой знакъ — красный и суровый знакъ войны, которая скоро возгорится.

— Нѣтъ, нѣтъ, у него нѣтъ такого знака,—серьезно возразилъ лама.—Мы ищемъ только мира и нашу рѣку.

Кимъ улыбнулся, вспомнивъ подслушанный имъ разговоръ въ маленькой уборной. Положительно, онъ былъ любимцемъ звѣздъ.

Браминъ стеръ ногою знаки гороскопа.

— Больше я ничего не вижу. Черезъ три дня, мальчикъ, къ тебѣ явится Быкъ.

— А моя рѣка, моя рѣка!—взмолился лама.—Я надѣялся, что его быкъ приведетъ насъ обоихъ къ рѣкѣ.

— Увы! Что касается этой чудесной рѣки, братъ мой,— возразилъ браминъ, — то такія вещи слишкомъ необыкновенны.

На слѣдующее утро лама рѣшительно собрался въ путь, хотя его и уговаривали остаться. Хозяева и всѣ ихъ родственники дали Киму большой узелъ съ хорошей провизіей, около трехъ „анна“ мѣдью, на путевыя издержки, и проводили ихъ благословеніями. При свѣтѣ зари старикъ и мальчикъ пошли по направленію къ югу.

— Жаль, что такіе и подобные имъ не могутъ быть освобождены отъ Колеса Вещественности,—сказалъ лама.

— Нѣтъ, вѣдь тогда бы на землѣ остались только злые люди, и кто же тогда давалъ бы намъ пищу и пріютъ?—сказалъ Кимъ, весело шагая съ своею ношей.

— Вонъ тамъ течетъ маленькій потокъ. Посмотримъ! — сказалъ лама и свернулъ съ большой дороги, между полей, направляясь къ мѣсту, гдѣ находилось цѣлое гнѣздо голодныхъ, бродячихъ собакъ.

III.

Вслѣдъ за собаками бѣжалъ сердитый крестьянинъ, размахивая бамбуковымъ шестомъ. Онъ былъ базарнымъ огородникомъ и разводилъ овощи и цвѣты на продажу въ Умбаллу.

— Такой человѣкъ, — сказалъ лама, равнодушно отстраняя отъ себя собакъ, — невѣжливъ съ чужеземцами, невоздержанъ въ рѣчи и немилосердъ. Пусть поведеніе его служитъ тебѣ предостереженіемъ, ученикъ мой.

— Эй вы, безстыжіе бродяги! — закричалъ крестьянинъ. — Убирайтесь! Пошли прочь!

— Мы и уходимъ, — возразилъ лама съ спокойнымъ достоинствомъ. — Мы уходимъ отъ этихъ неблагословенныхъ полей.

— А-ахъ! — произнесъ Кимъ, вбирая въ себя дыханіе: — если слѣдующая жатва не удастся, то можешь тогда бранить за это только собственный языкъ.

Крестьянинъ смущенно переминался съ ноги на ногу.

— Все вокругъ полно нищими, — началъ онъ, какъ бы оправдываясь.

— А почему ты подумалъ, что мы будемъ просить у тебя, милостыни, о Мали? — ядовито спросилъ Кимъ, употребляя названіе, наименѣе пріятное для базарнаго зеленщика. — Мы хотѣли только взглянуть вонъ на ту рѣку, что за полемъ.

— Рѣку, вотъ ужъ именно! — фыркнулъ крестьянинъ. — Да откуда же вы взялись, чтобы не знать, что такое прорытый каналъ? Онъ течетъ прямо, какъ стрѣла, и я плачу столько за воду, какъ будто это не вода, а расплавленное серебро. Дальше тамъ есть небольшой притокъ рѣки. Но если вамъ нужно воды, то я вамъ дамъ, и молока также.

— Нѣтъ, намъ нужно идти къ рѣкѣ, — сказалъ лама и зашагалъ дальше.

— И молока, и обѣдъ, — пробормоталъ крестьянинъ, глядя на странную, высокую фигуру. — Мнѣ... мнѣ не хочется навлечь несчастье на себя... или на свою жатву, а только времена теперь тяжелыя и столько нищихъ развелось повсюду.

— Обрати вниманіе, — сказалъ лама, повернувшись къ Киму: — онъ говорилъ грубо, подъ вліяніемъ краснаго тумана гнѣва,

но какъ только туманъ спалъ съ его очей, такъ онъ сдѣлался вѣжливъ, и сердце у него стало ласковое. Да будутъ благословенны его поля! Остерегайся слишкомъ поспѣшно судить людей, о, человѣкъ!

— Я знавалъ святыхъ, такъ они бы тебя прокляли и съ домомъ твоимъ, и со всѣми пожитками, — замѣтилъ Кимъ пристыженному огороднику.—А этотъ развѣ не святой и не мудрый? Я—его ученикъ.

Онъ гордо вздернулъ носъ и зашагалъ съ большимъ достоинствомъ по узкой межѣ.

— Не должно быть гордости,—произнесъ послѣ нѣкотораго молчанія лама,—не должно быть гордости у послѣдователей Серединнаго Пути.

— Но ты самъ сказалъ, что онъ принадлежитъ къ низшей кастѣ и невѣжливъ.

— Я не говорилъ о низшей кастѣ, ибо какъ можетъ быть то, чего нѣтъ? Потомъ онъ исправилъ свою невѣжливость, и я простилъ ему обиду. Кромѣ того, онъ, какъ и мы, привязанъ къ Колесу Вещественности, но не вступаетъ на путь освобожденія.

Онъ остановился возлѣ маленькаго ручейка среди поля, разсматривая берегъ, покрытый слѣдами копытъ.

— Ну, какъ же ты распознаешь свою рѣку? — спросилъ Кимъ, усѣвшись на корточки въ тѣни сахарнаго тростника.

— Когда я найду ее, то мнѣ будетъ дано нѣкое просвѣтленіе. Только я чувствую, что это не здѣсь. О, самая малая изъ бѣгущихъ водъ, еслибъ только ты могла сказать мнѣ, гдѣ протекаетъ моя рѣка! Но будь благословенна и за то, что помогаешь полямъ приносить жатву!

— Погляди! Погляди!—Кимъ прыгнулъ къ старику и оттащилъ его назадъ. Что-то узкое, желтое, съ бурыми пятнами, проскользнуло изъ красныхъ, шуршащихъ стеблей къ берегу ручья, вытянуло шею къ водѣ, напилось и легло неподвижно. Это была огромная кобра съ пристальными глазами, лишенными вѣкъ.

— У меня нѣтъ палки... У меня нѣтъ палки,—волновался Кимъ.—Я достану ее себѣ и размозжу ей спину.

— Зачѣмъ? Она такъ же у Колеса, какъ и мы: это—восходящая или нисходящая жизнь, очень далекая отъ освобожденія. Большое зло должна была сотворить душа для того, чтобы ее вселили въ такую оболочку.

— Я ненавижу всѣхъ змѣй,—сказалъ Кимъ.

Никакое туземное воспитаніе не въ состояніи искоренить въ бѣломъ человѣкѣ ужаса къ змѣямъ.

— Оставь ее, пусть живетъ, сколько ей положено.

Змѣя зашипѣла и полуоткрыла пасть.

— Да придетъ скорѣе твое освобожденіе, братъ!—продолжалъ лама тихимъ, мирнымъ голосомъ.—Можетъ быть, ты случайно знаешь что-нибудь о моей рѣкѣ?

— Никогда я не видывалъ такого человѣка, какъ ты,—прошепталъ пораженный Кимъ.—Неужели даже змѣи понимаютъ твои слова?

— Кто знаетъ?—Онъ прошелъ въ футѣ разстоянія отъ ядовитой змѣиной головы. Змѣя сплющилась, собравъ всѣ свои запылившіяся кольца.

— Иди же!—позвалъ лама черезъ плечо.

— Ну, ужъ нѣтъ,—возразилъ Кимъ,—я обойду кругомъ.

— Иди. Она не ужалитъ.

Кимъ колебался съ минуту, но лама подкрѣпилъ свое приказаніе какимъ-то грознымъ китайскимъ изреченіемъ. Кимъ принялъ его за заклинаніе, послушался и перепрыгнулъ черезъ ручей. Змѣя, въ самомъ дѣлѣ, не сдѣлала никакого движенія.

— Нѣтъ, никогда я не видалъ такого человѣка.—Кимъ вытеръ потъ со лба.—А теперь куда же мы пойдемъ?

— Это ты долженъ сказать. Я—старикъ и чужеземецъ, я—далеко отъ родныхъ мѣстъ. Хотя повозка, ѣдущая по рельсамъ, и наполняетъ мою голову шумомъ и дьявольскимъ звономъ, я все-таки поѣхалъ бы въ ней до Бенареса, но... такимъ образомъ мы можемъ пропустить рѣку. Будемъ искать.

Они бродили цѣлый день среди полей, дающихъ, благодаря хорошему удобренію, обильныя жатвы, среди участковъ земли, покрытыхъ сахарнымъ тростникомъ, засѣянныхъ длинными, бѣлыми редисками и табакомъ, сворачивая въ сторону каждый разъ, какъ гдѣ-нибудь блестѣла полоса воды. Они приводили въ волненіе и неистовство сельскихъ собакъ и ихъ хозяевъ, отдыхавшихъ въ полдень. На многочисленные задаваемые имъ вопросы лама отвѣчалъ съ неизмѣнной простотой. Они искали рѣку—рѣку чудеснаго исцѣленія. Не зналъ ли кто-нибудь такого потока? Нѣкоторые смѣялись, но чаще выслушивали исторію до конца и предлагали имъ тѣнистое мѣстечко, питье изъ молока и закуску. Всѣ женщины относились къ нимъ съ добротою, а маленькія дѣти, какъ всѣ дѣти вообще, были попеременно то пугливы, то очень смѣлы. Вечеръ засталъ ихъ отдыхающими подъ большимъ деревомъ въ одной деревушкѣ. Стѣны

и кровли домовъ были сдѣланы изъ глины. Они бесѣдовали съ мѣстнымъ старшиною, въ то время какъ скотъ возвращался съ пастбищъ и женщины готовили ужинъ.

Старшина былъ сѣдобородый, ласковый старикъ, привыкшій къ обращенію съ чужеземцами. Онъ притащилъ веревочное ложе для ламы, поставилъ передъ нимъ горячую пищу, набилъ ему трубку и, когда вечерняя служба въ деревенскомъ храмѣ была окончена, послалъ за мѣстнымъ браминомъ.

Кимъ разсказывалъ дѣтямъ постарше цѣлыя сказки о величинѣ и красотѣ Лагора, о путешествіи по желѣзной дорогѣ и о многихъ другихъ городскихъ диковинкахъ, въ то время какъ мужчины бесѣдовали такъ же медленно, какъ ихъ скотъ пережевывалъ жвачку.

— Я не могу этого постичь,—сказалъ наконецъ старшина брамину.—Какъ ты объясняешь себѣ его разсказъ?

Лама, окончивъ свое повѣствованіе, безмолвно перебиралъ четки.

— Онъ—искатель,—отвѣчалъ браминъ.—Такихъ множество въ нашей странѣ. Помнишь того, который приходилъ мѣсяцъ тому назадъ,—факира этого съ черепахой?

— Да, но у того человѣка былъ смыслъ и основаніе: самъ Кришна явился ему въ видѣніи, обѣщая ему рай и избавленіе отъ горящаго костра, если онъ поѣдетъ въ Препягу. А этотъ человѣкъ ищетъ бога, мнѣ совершенно неизвѣстнаго.

— Тише, онъ старъ, пришелъ издалека и сумасшедшій,— возразилъ браминъ, наклоняя свою гладко выбритую голову.— Послушай меня,—обратился онъ къ ламѣ.—Въ шести миляхъ къ востоку пролегаетъ большая дорога въ Калькуту.

— Но мнѣ надо идти въ Бенаресъ... въ Бенаресъ.

— И въ Бенаресъ также. Она пересѣкаетъ всѣ рѣки по сю сторону Инда. Теперь послушай моего слова, святой отецъ, и оставайся здѣсь до завтра. Потомъ ступай по этой дорогѣ и осматривай каждую рѣку, которую она пересѣкаетъ. И если твои боги захотятъ, то будь увѣренъ, что ты достигнешь мира и успокоенія.

— Это хорошо сказано.—На ламу этотъ планъ произвелъ сильное впечатлѣніе.—Мы завтра же начнемъ, и да будешь ты благословенъ за то, что указалъ старымъ ногамъ кратчайшій путь!

Онъ заключилъ свои слова китайскимъ изреченіемъ, сказаннымъ нараспѣвъ. Даже на брамина это произвело впечатлѣніе, а старшина сталъ бояться колдовства; но нельзя было,

посмотрѣвъ на ясное, восторженное лицо ламы, заподозрить его въ чемъ-нибудь подобномъ.

— Видишь ли ты, мой „чела“? — сказалъ онъ, запуская пальцы въ табакерку и съ шумомъ втягивая въ носъ табакъ.

— Я вижу... и слышу.

Старшина покосился въ ту сторону, гдѣ Кимъ болталъ съ дѣвушкой въ голубой одеждѣ, подкладывавшей въ огонь трещавшій терновникъ.

— Онъ тоже ищетъ. Не рѣку, а Быка. Да, Краснаго Быка на зеленомъ полѣ, который долженъ принесть ему счастье. Мнѣ кажется, онъ не совсѣмъ изъ этого міра. Онъ внезапно былъ посланъ мнѣ на помощь въ моемъ исканіи, и его зовутъ— „всѣмъ на свѣтѣ другъ“.

Браминъ улыбнулся.

— Эй, ты, „всѣмъ на свѣтѣ другъ“!—закричалъ онъ сквозь облако рѣзко пахнущаго табачнаго дыма.—Кто ты такой?

— Ученикъ этого святого человѣка,—отвѣчалъ Кимъ.

— Онъ говоритъ, что ты—„бутъ“ (духъ).

— А „буты“ ѣдятъ?—спросилъ Кимъ, подмигивая:—а вѣдь я очень голоденъ.

— Нѣтъ, это не шутка!—закричалъ лама.—Одинъ астрологъ изъ здѣшняго города, имя котораго я забылъ...

— Это онъ говоритъ про Умбаллу, гдѣ мы ночевали вчера,— шепнулъ Кимъ брамину.

— Да, это была Умбалла... Такъ вотъ онъ составилъ гороскопъ и объявилъ, что мой „чела“ найдетъ свое счастье черезъ два дня. Но что онъ сказалъ о значеніи звѣздъ, „всѣмъ на свѣтѣ другъ“?

Кимъ прочистилъ горло и оглядѣлъ сѣдобородыхъ сельчанъ.

— Значеніе моей звѣзды—война,—отвѣчалъ онъ съ необыкновенной важностью.

Кто-то засмѣялся, глядя на маленькую фигуру въ лохмотьяхъ, взобравшуюся на кирпичный помостъ подъ деревомъ. Туземецъ, въ подобномъ случаѣ, растерялся бы и спасовалъ, но кровь бѣлаго человѣка заговорила въ Кимѣ, и онъ весь подобрался.

— Да, война,—повторилъ онъ.

— Это—вѣрное предсказаніе,—раздался чей-то низкій голосъ.—Вдоль границы всегда воюютъ, насколько мнѣ извѣстно.

Говорившій былъ старый, худой человѣкъ, служившій правительству во время возстанія, въ качествѣ туземнаго офицера, въ одномъ изъ вновь организованныхъ кавалерійскихъ полковъ. Онъ жилъ въ деревнѣ, получая отъ правительства хорошую аренду,

и хотя его сыновья, сами сѣдобородые офицеры, получавшіе собственный окладъ, и разорили его вѣчными требованіями денегъ, тѣмъ не менѣе онъ все еще сохранялъ свое прежнее видное положеніе.

— Но это будетъ большая война... воевать будутъ восемь тысячъ!—къ собственному удивленію выкрикнулъ Кимъ, и его голосъ рѣзко прозвучалъ среди быстро собиравшейся толпы.

— Англичане, т.-е. красные мундиры, или наши полки?—отрывисто спросилъ старикъ, какъ будто говорилъ съ равнымъ себѣ. Его тонъ заставилъ всѣхъ относиться къ Киму съ уваженіемъ.

— Красные мундиры,—отвѣчалъ Кимъ на удачу.—Красные мундиры и пушки.

— Но... но вѣдь астрологъ ни слова объ этомъ не говорилъ!—воскликнулъ лама, нюхая чрезмѣрно много табаку отъ волненія.

— Но *я* знаю. Слово было сказано мнѣ, ученику этого святого человѣка. Возгорится война, воевать будутъ восемь тысячъ красныхъ мундировъ. Они придутъ изъ Пинда и Пешавера. Это вѣрно.

— Мальчикъ подслушалъ базарные толки,—сказалъ браминъ.

— Но онъ былъ все время возлѣ меня,—возразилъ лама.—Какъ онъ могъ узнать? Я не знаю.

— Изъ него выйдетъ ловкій фокусникъ, когда старикъ умретъ,—шепнулъ браминъ старшинѣ.

— Что это еще за новый фокусъ онъ придумалъ?

— Знакъ! Дай мнѣ какой-нибудь знакъ!—закричалъ неожиданно старый солдатъ громовымъ голосомъ.—Еслибы готовилась война, мои сыновья сказали бы мнѣ объ этомъ.

— Когда все будетъ готово, то они узнаютъ, можешь быть увѣренъ. Но большое разстояніе раздѣляетъ твоихъ сыновей и того человѣка, въ рукахъ котораго все это находится.

Кимъ разгорячался и увлекался игрой, напоминавшей ему приключенія съ отноской писемъ, когда изъ-за нѣсколькихъ грошей онъ дѣлалъ видъ, что зналъ болѣе, чѣмъ на самомъ дѣлѣ. Но теперь имъ руководили гораздо болѣе сильныя чувства: увлеченіе и упоеніе властью. Онъ вобралъ въ себя побольше воздуха и продолжалъ:

— Ты *мнѣ* дай знакъ, старикъ. Развѣ подчиненные могутъ отдать приказъ о выступленіи восьми тысячъ красныхъ мундировъ съ ружьями?

— Нѣтъ.—Старикъ продолжалъ говорить съ Кимомъ какъ съ равнымъ.

— А ты знаешь того, который отдаетъ приказы?

— Я его видалъ.

— Такъ что можешь узнать?

— Я зналъ его еще когда онъ былъ лейтенантомъ артиллеріи.

— Онъ—высокій человѣкъ съ черными волосами и ходитъ такъ?—Кимъ прошелся немного, держась черезчуръ прямо, деревянной походкой.

— Да. Но это кто-нибудь могъ видѣть.

Столпившіеся вокругъ люди слушали весь разговоръ, затаивъ дыханіе.

— Это правда,—отвѣчалъ Кимъ,—но я могу сказать больше. Теперь посмотри. Сначала высокій человѣкъ идетъ такъ. Потомъ онъ начинаетъ думать такъ. (Кимъ приложилъ палецъ ко лбу и потомъ спустилъ его къ углу челюсти.) Иногда онъ подергиваетъ пальцами такъ. Потомъ засовываетъ шапку подъ мышку.

Кимъ иллюстрировалъ всѣ эти движенія, стоя прямо, какъ аистъ.

Старикъ, въ изумленіи, испустилъ какое-то нечленораздѣльное междометіе.

— Такъ, такъ, вѣрно. Но что̀ онъ дѣлаетъ, когда отдаетъ приказанія?

— Онъ опускаетъ подбородокъ и потираетъ имъ шею—такъ. Потомъ кладетъ палецъ на столъ и издаетъ носомъ негромкій, свистящій звукъ. Потомъ начинаетъ говорить: „Распустите такой-то и такой-то полкъ. Вызовите такія-то и такія-то орудія".

Старикъ всталъ, вытянулся и отдалъ честь.

— „Ибо",—продолжалъ Кимъ, передавая на мѣстномъ нарѣчіи двусмысленныя фразы, подслушанныя имъ въ уборной, въ Умбаллѣ,—„ибо"—говоритъ онъ,—„мы должны были бы сдѣлать это уже давно. Это не война, это только наказаніе. Сиф-ф!"

— Довольно. Я вѣрю. Я видѣлъ его именно такимъ въ дыму сраженій. Слышалъ и видѣлъ. Это онъ!

— А я не видалъ дыма, — Кимъ заговорилъ нараспѣвъ, подражая гадателямъ. — Я видѣлъ все это во мракѣ. Сначала всадниковъ, потомъ его въ свѣтломъ кольцѣ. Все остальное было—какъ я передавалъ. Ну, что̀, старикъ, правду ли я говорю?

— Это онъ. Внѣ всякаго сомнѣнія. Это онъ.

Столпившіеся кругомъ люди глубоко передохнули, глядя попеременно то на продолжавшаго внимательно слушать старика, то на маленькую фигуру Кима въ лохмотьяхъ, рѣзко выдѣлявшуюся на красномъ вечернемъ небѣ.

— Развѣ я не говорилъ... развѣ я не говорилъ, что онъ изъ другого міра?—воскликнулъ съ гордостью лама.—Онъ всѣмъ на свѣтѣ другъ. Онъ другъ звѣздъ!

— Ну, это, положимъ, насъ не касается! — крикнулъ одинъ человѣкъ изъ толпы. — О, ты, юный вѣщунъ, если твой даръ всегда пребываетъ съ тобою, такъ вотъ у меня есть корова съ рыжими пятнами. Она, должно быть, приходится сестрой твоему быку, потому что насколько я знаю...

— Мои звѣзды совершенно не касаются твоей телушки,— перебилъ его Кимъ.

— Конечно, но только она-то очень больна, — вмѣшалась женщина изъ толпы.—Мой мужъ чистый буйволъ, а то бы онъ постарался получше выбирать слова. Скажи мнѣ, выздоровѣетъ она?

Если бы Кимъ былъ совсѣмъ обыкновеннымъ мальчикомъ, то онъ легко бы увлекся такой игрой, но невозможно прожить тринадцать лѣтъ въ городѣ Лагорѣ и приглядываться и прислушиваться ко всѣмъ факирамъ, проходящимъ черезъ „Таксалійскія Ворота", не изучивъ человѣческой натуры. Браминъ искоса посмотрѣлъ на Кима и слабо улыбнулся горькою и язвительною улыбкой.

— Развѣ у васъ въ деревнѣ нѣтъ брамина? Мнѣ казалось, что я только-что видѣлъ одного очень почтеннаго среди васъ,— крикнулъ Кимъ.

— Да... но...—начала-было женщина.

— Но ты и твой мужъ надѣялись вылечить корову и отдѣлаться одной благодарностью.—Онъ попалъ въ цѣль: это была самая скупая пара изъ всего селенія. — Нехорошо обманывать храмы. Дайте молодого теленка вашему брамину, и если только вы не слишкомъ прогнѣвали своихъ боговъ, то ваша корова черезъ мѣсяцъ начнетъ давать молоко.

— Да ты ловкій,—одобрительно и ласковымъ голосомъ произнесъ браминъ.

— Самый хитрый человѣкъ въ сорокъ лѣтъ не съумѣлъ бы лучше отвѣтить. Ты навѣрное обогатилъ своего старика?

— Немного муки, немного масла, да кучка кардамона,— возразилъ Кимъ, покраснѣвъ отъ похвалы, но продолжая соблюдать большую осторожность. — Развѣ отъ этого разбогатѣешь? Ты самъ видишь—онъ сумасшедшій.

— А онъ, въ самомъ дѣлѣ, ищетъ рѣку, или только это предлогъ для достиженія другихъ цѣлей? Вѣроятно, онъ ищетъ какой-нибудь кладъ?

— Онъ часто бываетъ какъ сумасшедшій, совсѣмъ какъ сумасшедшій—и больше ничего.

Въ это время старый солдатъ всталъ, прихрамывая, и предложилъ Киму у себя переночевать.

Браминъ посовѣтовалъ ему принять это предложеніе, но настаивалъ на томъ, что честь оказать гостепріимство ламѣ всецѣло принадлежитъ храму, на что лама отвѣтилъ добродушной улыбкой.

Кимъ поглядывалъ то на одного, то на другого, и вывелъ свои собственныя заключенія.

— Гдѣ деньги?—прошепталъ онъ, отведя ламу въ сторону, гдѣ было темно.

— У меня за поясомъ. Гдѣ же еще?

— Дай ихъ мнѣ. Незамѣтно и быстро дай ихъ мнѣ.

— Но зачѣмъ? Здѣсь не нужно покупать билетовъ.

— „Чела“ я твой или нѣтъ? Не долженъ я развѣ охранять твою старость на всѣхъ путяхъ твоихъ? Дай мнѣ деньги, а завтра утромъ я возвращу ихъ тебѣ.

Онъ засунулъ руку за поясъ ламы и вытащилъ кошелекъ.

— Пусть будетъ такъ, пусть будетъ такъ!—старикъ утвердительно кивнулъ головою.—Міръ такъ великъ и такъ страшенъ. Я никогда не думалъ, чтобы въ немъ жило такое множество людей.

На другое утро браминъ былъ въ самомъ дурномъ настроеніи духа, но зато лама чувствовалъ себя вполнѣ счастливымъ, и Кимъ провелъ очень интересный вечеръ со своимъ хозяиномъ. Старый солдатъ вытащилъ свою саблю и, покачивая ее на костлявомъ колѣнѣ, разсказывалъ про возстаніе и про молодыхъ капитановъ, уже тридцать лѣтъ покоившихся въ могилахъ, пока, наконецъ, Кимъ не свалился отъ усталости и не заснулъ.

— Здѣсь навѣрное очень здоровый воздухъ,—замѣтилъ лама. —Я легко засыпаю, какъ всѣ старые люди, но въ эту ночь я спалъ безъ просыпу до самаго утра. Даже и теперь чувствую еще нѣкоторую тяжесть.

— Выпей горячаго молока, — сказалъ Кимъ, часто разносившій этотъ напитокъ своимъ знакомымъ курителямъ опіума.— Пора намъ снова въ путь.

— Да, по большой дорогѣ, пересѣкающей всѣ рѣки Индіи,— весело отвѣчалъ лама.—Идемъ. Но, какъ ты думаешь, „чела“, не надо ли поблагодарить этихъ людей, и особенно брамина, за ихъ доброту? Правда, они язычники, но въ другихъ жизняхъ они, быть можетъ, получатъ просвѣтленіе. Не дать ли рупію въ

храмъ? То, что въ этомъ храмѣ—не болѣе, какъ камень, выкрашенный красной краской, но мы должны признавать сердце человѣка всегда и вездѣ, если оно доброе.

— Святой отецъ, ты всегда совершалъ путь одинъ?—Взглядъ у Кима сдѣлался острый, какъ у индійскихъ воронъ, хлопотливо летающихъ по полямъ, въ поискахъ за пищей.

— Да, дитя. Я шелъ одинъ изъ Кулу до Патанкоты... изъ Кулу, гдѣ умеръ мой первый „чела". Когда люди были къ намъ добры, то мы дѣлали имъ приношенія, и всѣ хорошо къ намъ относились по всему пути черезъ горы.

— Въ Индіи не такъ, — сухо произнесъ Кимъ. — Здѣшніе боги злы, и у нихъ много рукъ. Оставь ихъ.

— Я покажу вамъ немножко дорогу, всѣмъ на свѣтѣ другъ,— тебѣ и твоему желтому старику,—сказалъ старый солдатъ, выѣзжая на тѣнистую деревенскую улицу верхомъ на сухопаромъ пони съ подстриженной гривой. — Въ самомъ дѣлѣ, въ воздухѣ пахнетъ войною. Я чувствую это. Погляди-ка! Я даже саблю съ собою взялъ. Бѣги сюда, садись сзади меня. Лошадь выдержитъ обоихъ.

Всѣ сельчане вышли проводить путниковъ и жалѣли, что они уже уходятъ; только браминъ простился съ ними холодно и сухо: онъ истратилъ опіумъ на человѣка, у котораго не оказалось денегъ.

— Не понимаю, — началъ старый солдатъ, когда они выбрались изъ деревни, — какъ можетъ человѣкъ слѣдовать за святымъ старцемъ, когда звѣзда его ведетъ его на войну?

— Но вѣдь онъ въ самомъ дѣлѣ святой,—серьезно отвѣчалъ Кимъ.—И на словахъ, и на дѣлѣ святой, по настоящему. Онъ не похожъ на другихъ. Мы вѣдь не предсказатели, не фокусники и не нищіе.

— Ты-то—нѣтъ, это сейчасъ видно, ну, а его я не знаю. А онъ, однако, здорово маршируетъ.

Свѣжесть ранняго утра благотворно повліяла на ламу, и онъ свободно шагалъ впередъ большими шагами, напоминавшими походку верблюда. Онъ погрузился въ размышленія, механически постукивая четками. Они шли по избитой и покрытой колеями деревенской дорогѣ, извивающейся по равнинѣ, среди темнозеленыхъ огромныхъ мангиферовъ. На восточной сторонѣ неба слабо выдѣлялись снѣжныя вершины Гималаевъ. Вся Индія была за работой въ поляхъ. Слышался скрипъ колесъ, крики пахарей, идущихъ за своими лошадьми, шумъ и карканье воронъ. Даже на пони все это подѣйствовало ободряющимъ образомъ, и онъ

пустился почти настоящей рысью, когда Кимъ дернулъ за уздечку.

— Я раскаиваюсь, что не далъ рупіи на алтарь,—сказалъ лама, дойдя до послѣдняго восемьдесятъ-перваго зерна своихъ четокъ.

Старый солдатъ проворчалъ что-то себѣ въ бороду, и лама тутъ только замѣтилъ его.

— Ты также разыскиваешь рѣку?—спросилъ онъ, обернувшись.

— День только начинается,—возразилъ солдатъ.—Зачѣмъ же мнѣ рѣка? Вода понадобится только къ заходу солнца. Я выѣхалъ, чтобы показать тебѣ кратчайшій путь къ большой дорогѣ.

— Это любезность, которую надо запомнить о человѣкѣ съ доброй волей! Но къ чему эта сабля?

У стараго солдата былъ смущенный видъ, какъ у ребенка, когда его прерываютъ среди игры.

— Сабля...—повторилъ онъ, ощупывая ее. — Это просто у меня фантазія явилась... старческая фантазія... Правда, полиція запрещаетъ носить оружіе въ Индіи, но... — онъ вдругъ пріободрился и весело ударилъ по рукояткѣ.—Всѣ окрестные констэбли знаютъ меня.

— Это нехорошая фантазія,—сказалъ лама.—Какая выгода убивать людей?

— Очень малая, насколько мнѣ извѣстно. Но еслибы отъ времени до времени не перебивали дурныхъ людей, то этотъ міръ не годился бы для безоружныхъ мечтателей. Я говорю не безъ знанія дѣла: я видѣлъ, какъ вся страна къ югу отъ Дели была залита кровью.

— Что же это было за безуміе?

— Однимъ богамъ, пославшимъ его на муку людямъ, извѣстно это. Безуміе овладѣло всей арміей, и солдаты возстали на своихъ офицеровъ. Это было бы еще поправимое зло, еслибъ они не давали воли рукамъ. Но они захотѣли перебить женъ и дѣтей сагибовъ. Тогда явился сагибъ изъ-за моря и привелъ ихъ къ строжайшему отвѣту.

— Они пошли противъ женщинъ и дѣтей? Это былъ злой поступокъ, и наказанія за него избѣжать нельзя.

— Многіе все-таки старались, но неуспѣшно. Я тогда служилъ въ кавалерійскомъ полку. Онъ весь измѣнилъ. Изъ шестисотъ-восьмидесяти человѣкъ остались вѣрными... какъ бы вы думали, сколько? Трое. Изъ нихъ одинъ былъ я.

— Тѣмъ бо́льшая заслуга съ твоей стороны.

— Заслуга! Въ тѣ дни мы не считали это заслугой. Мои

родные, мои друзья, мои братья—всѣ отпали отъ меня. Они говорили: „Время англичанъ миновало. Пусть каждый бьется за себя самого". Но мнѣ случалось разговаривать со старыми служаками, и я говорилъ: потерпите немного, и вѣтеръ перемѣнится. Недоброе это дѣло. Въ тѣ дни я семьдесятъ миль проѣхалъ съ одной англійской барыней, держа ее и ея ребенка передъ собою на сѣдлѣ. (И лошадь же, правда, здоровая попалась!) Отвезъ ихъ въ безопасное мѣсто, а самъ вернулся къ своему офицеру—одному изъ пяти, оставшихся въ живыхъ. Говорю ему: „Дайте мнѣ работу, я теперь изгнанъ изъ своего племени, и кровь моихъ родныхъ еще не остыла на клинкѣ моей сабли".—„Утѣшься,—сказалъ онъ,—впереди еще много работы. А когда кончится это безуміе, то будетъ награда".

— Да, навѣрно будетъ награда, когда кончится безуміе,—произнесъ лама, какъ бы про себя.

— Въ то время медали не давались всякому, кто только случайно понюхалъ порохъ. Нѣтъ; я участвовалъ въ девятнадцати правильныхъ сраженіяхъ, а про небольшія стычки и говорить нечего, я и счетъ имъ потерялъ. Девять разъ былъ я раненъ, и получилъ медаль простую, орденскую и еще четыре знака отличія. Нѣкоторые изъ отличившихся въ то время—они теперь дослужились до большихъ чиновъ въ англійской арміи—пріѣзжаютъ иногда верхомъ ко мнѣ. Они высоко такъ сидятъ на лошади, такъ что вся деревня видитъ, когда они проѣзжаютъ полями. Я съ ними бесѣдую о былыхъ сраженіяхъ и перебираю имена всѣхъ покойниковъ.

— Ну, а потомъ?—спросилъ лама.

— Ну, а потомъ они уѣзжаютъ, но все-таки вся моя деревня видитъ ихъ.

— Ну, а въ концѣ концовъ что же ты будешь дѣлать?

— Въ концѣ концовъ я умру.

— А потомъ?

— Дальнѣйшее предоставимъ богамъ. Я никогда не надоѣдалъ имъ своими молитвами; не думаю, чтобы и они стали меня мучить. Они запомнятъ, что я не утомлялъ ихъ при жизни и отведутъ мнѣ спокойное, тѣнистое мѣстечко. Тамъ я повѣшу свое копье и стану дожидаться моихъ сыновей. У меня ихъ цѣлыхъ трое, и всѣ служатъ маіорами въ полкахъ.

— И они также привязаны къ колесу, переходятъ отъ одной жизни къ другой, отъ отчаянія къ отчаянію,—проговорилъ лама, задыхаясь отъ волненія,—страстные, безпокойные, алчные.

— Да,—хихикнулъ старый солдатъ,—три маіора въ трехъ

полкахъ. Записные игроки они, это правда, но вѣдь и я такой же. Кромѣ того, должны имѣть хорошихъ лошадей, а лошадей не такъ легко достать, какъ прежде, въ старые годы, доставали женщинъ. Частенько мнѣ приходится за нихъ расплачиваться! Ну, я и разсержусь, и браню ихъ, и они дѣлаютъ видъ, что раскаиваются, а я знаю, что за спиной моей называютъ меня беззубой, старой обезьяной.

— И ты никогда не желаешь ничего другого?

— О, нѣтъ, желаю, тысячу разъ желаю имѣть опять прямую спину и крѣпкія колѣни, быструю руку и острый глазъ, и вообще снова походить на настоящаго человѣка. О, старые годы, счастливые годы моей юности и силы!

— Эта сила—слабость.

— Да, она превратилась въ слабость. Но лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ я могъ доказать ее иначе,—возразилъ старый солдатъ, всаживая шпоры въ бока своей тощей лошади.

— Но я знаю рѣку великаго спасенія.

— Я пилъ воду изъ Ганги, упился ею чуть не до водянки, и сдѣлалось у меня разстройство желудка, но силы не прибавилось.

— Нѣтъ, это не Ганга. Рѣка, которую я знаю, смываетъ малѣйшую тѣнь грѣха. Восходя къ далекимъ берегамъ, человѣкъ можетъ быть увѣренъ, что найдетъ покой. Я не знаю твоей жизни, но по лицу твоему вижу, что ты почтенный и вѣжливый человѣкъ. Ты привязался къ своему пути, сохраняя вѣрность, когда ее трудно было сохранить, въ тотъ черный годъ, о которомъ, я теперь припоминаю, мнѣ и другіе разсказывали. Вступи же теперь на Серединный Путь, ведущій къ свободѣ. Послушайся Совершеннѣйшаго Закона и не гонись за ложными призраками!

— Разскажи-ка мнѣ обо всемъ этомъ подробнѣе, старикъ,— произнесъ, улыбаясь, солдатъ.—Въ наши съ тобой годы люди любятъ поболтать.

Лама усѣлся на корточки подъ развѣсистымъ мангиферомъ, и тѣнь отъ листьевъ падала дрожащимъ узоромъ на его лицо. Солдатъ продолжалъ сидѣть выпрямившись верхомъ на своемъ пони, а Кимъ, увѣрившись, что не было змѣй, улегся на переплетавшіеся древесные корни. Въ горячемъ, пронизанномъ солнечными лучами воздухѣ копошились и двигались тысячи маленькихъ жизней, нагоняя дремоту своими немолчными, однообразными голосами, сливавшимися съ легкимъ скрипомъ повозокъ въ поляхъ. Черезъ десять минутъ старый солдатъ слѣзъ

со своего пони, чтобы лучше слышать, какъ онъ самъ объяснилъ, и усѣлся, намотавъ поводъ на руку. Голосъ ламы сталъ прерываться, фразы его становились все длиннѣе. Кимъ сталъ наблюдать за сѣрой бѣлкой. Когда маленькій пушистый комочекъ, прильнувшій къ вѣткѣ, исчезъ, и проповѣдникъ, и его слушатели почти совсѣмъ заснули. Рѣзко очерченная голова стараго солдата склонилась на плечо, а голова ламы откинулась назадъ къ дереву, и лицо его на темномъ фонѣ ствола рѣзко выдѣлялось, какъ пожелтѣвшая слоновая кость. Откуда-то появился совершенно голый ребенокъ. Переваливаясь и пристально глядя на незнакомыхъ людей, подошелъ онъ поближе и, движимый внезапнымъ чувствомъ уваженія, отвѣсилъ ламѣ торжественный поклонъ.

Но онъ былъ такъ малъ и толстъ, что не удержалъ равновѣсія и шлепнулся на землю. Кимъ разсмѣялся, глядя на толстыя ноженки, барахтавшіяся въ воздухѣ, а ребенокъ, глубоко обиженный и возмущенный, сталъ громко ревѣть.

— Эй! эй! — закричалъ солдатъ, вскакивая на ноги. — Что̀ такое? Какой приказъ?.. Да это... ребенокъ! А мнѣ приснилось, что бьютъ тревогу. Карапузикъ, карапузикъ, не плачь! Такъ, значитъ, я задремалъ? Это, однако, довольно невѣжливо!

— Я боюсь! Мнѣ страшно! — выговорилъ сквозь рыданія ребенокъ.

— Чего же тутъ бояться? Двухъ стариковъ да мальчика? Какой же изъ тебя солдатъ выйдетъ, баловникъ ты этакій?

Лама тоже проснулся, но, не вполнѣ соображая все происходящее, сталъ перебирать свои четки.

— Это что̀ такое? — спросилъ ребенокъ, вдругъ переставъ плакать. — Я никогда не видалъ такихъ штучекъ. Дай ихъ мнѣ!

— Ага! — сказалъ лама, улыбаясь, и, сдѣлавъ петлю изъ четокъ, провелъ ею по травѣ и запѣлъ:

„И рисъ, и перецъ, и мука,
И кардамонъ намъ нуженъ,
Чтобъ все изжарить и сварить
Тебѣ и мнѣ на ужинъ“.

Ребенокъ вскрикнулъ отъ восторга и схватилъ блестящія темныя зерна.

— Ого! — проговорилъ старый солдатъ. — Откуда это у тебя такая пѣсня? Вѣдь ты же презираешь все мірское?

— Я научился ей въ Паранкотѣ, сидя у порога одного дома, — проговорилъ лама робко. — Хорошо быть добрымъ къ маленькимъ дѣтямъ.

— Насколько мнѣ помнится, ты, передъ тѣмъ какъ насъ всѣхъ одолѣлъ сонъ, говорилъ мнѣ, что бракъ и дѣторожденіе суть мрачители истиннаго свѣта и камни преткновенія на пути. Что̀ же, въ твоемъ краю, дѣти съ неба, что̀-ли, валятся? И какой же это путь—распѣвать имъ пѣсни?

— Ни одинъ человѣкъ не совершенъ, — серьезно произнесъ лама и взялъ чётки. — Ну, теперь бѣги къ своей матери, малютка!

— Вотъ, послушай только его, — обратился солдатъ къ Киму:—теперь ужъ ему стыдно, что онъ сдѣлалъ удовольствіе ребенку. Эй, дитя!—Онъ бросилъ ему монету.—Лакомства всегда сладки.

И, глядя на маленькую фигурку, удалявшуюся, подпрыгивая, въ солнечномъ сіяніи, онъ прибавилъ:

— Они выростаютъ и становятся людьми. Святой отецъ, мнѣ непріятно, что я заснулъ среди твоей проповѣди. Прости мнѣ!

— Мы оба—старые люди, — отвѣчалъ лама, — и это моя вина. Я слушалъ твой разсказъ о мірѣ и его безуміи, и одна вина влечетъ за собой другую.

Они отправились дальше и, наконецъ, достигли большой дороги. Почти на всемъ ея протяженіи тянулись четыре ряда деревьевъ. До проведенія желѣзной дороги, здѣсь было очень сильное движеніе, но теперь проѣзжали преимущественно только крестьяне. По средней дорогѣ двигались повозки съ легкой кладью, а по боковымъ—съ тяжелой: съ зерномъ, хлопчатой бумагой, строевымъ лѣсомъ, известью и кожами. Проѣздъ былъ совершенно безопасенъ, такъ какъ на нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга помѣщались полицейскія станціи.

— Кто смѣетъ носить оружіе, вопреки закона? — смѣясь, произнесъ констэбль, замѣтивъ саблю, висѣвшую на поясѣ у солдата.—Развѣ не хватитъ полиціи, чтобы справиться со злоумышленниками?

— Я для полиціи-то ее и купилъ, — отвѣтилъ солдатъ. — Ну, что, все-ли благополучно въ Индіи?

— Все благополучно, саибъ! По этой дорогѣ проѣзжаетъ столько народа...

Онъ не договорилъ; на дорогѣ, возлѣ чьей-то сломавшейся повозки, раздалась изъ поднявшагося столба пыли самая отборная брань и злобно свистящіе удары хлыста. Высокая, тонкая каттиварская кобыла, съ горящими глазами и красными ноздрями, ущемленная свалившимися съ повозки мѣшками, храпѣла и брыкалась подъ ударами сидѣвшаго на ней всадника. Это былъ вы-

сокій человѣкъ съ сѣдою бородой. Онъ какъ бы приросъ къ сѣдлу, страшно бранился, нанося удары то лошади, то кричавшему обладателю повозки.

Лицо стараго солдата засіяло гордостью.

— Мой сынъ! — отрывисто произнесъ онъ, стараясь заставить своего пони красиво согнуть голову.

— Да что̀ же это такое? Меня на глазахъ полиціи бьютъ? — закричалъ извозчикъ. — Правосудія! Я требую правосудія...

— А тутъ мнѣ всякая кричащая обезьяна станетъ загораживать дорогу и опрокидывать тысячу мѣшковъ передъ самымъ носомъ моей лошади? Вѣдь она совсѣмъ молодая, и такимъ образомъ ничего не сто̀итъ испортить кобылу!

— Онъ правду говоритъ, онъ правду говоритъ, — сказалъ старый солдатъ.

Извозчикъ спрятался подъ колеса своей повозки, и оттуда сталъ грозить, что отомститъ.

— Сильные они люди, твои сыновья, — невозмутимо произнесъ полицейскій, чистя себѣ зубы.

Всадникъ еще разъ хлестнулъ лошадь и подъѣхалъ короткимъ галопомъ.

— Отецъ! — воскликнулъ онъ и соскочилъ съ лошади.

Старикъ тоже слѣзъ очень быстро съ своего пони, и отецъ и сынъ обнялись, по восточному обычаю.

Съ англ. П — на С — ва.

СОНЕТЫ

I.

ВЪ ПАРКѢ МЕДИЧИ.

Я знаю уголокъ въ тѣнистомъ, старомъ паркѣ
Тамъ вѣчно—ни души; тамъ вѣчно—тишина.
Тамъ неба глубина синѣетъ, чуть видна,
Сквозь сѣть густыхъ вѣтвей, переплетенныхъ въ арки.

Пойдемъ. Въ полдневный часъ—томительный и жаркій—
Тамъ, въ чащѣ у воды, прохлада быть должна.
Я книгу захвачу; и дивный стихъ Петрарки,
Чаруя, зазвучитъ, какъ мѣдная струна.

Быть можетъ, вызвана созвучьями сонета,
Въ одеждѣ пурпурной, скользящей по землѣ,
Пройдетъ предъ нами тѣнь великаго поэта.

Печаленъ будетъ взглядъ недвижный и суровый,
И будетъ—на его задумчивомъ челѣ—
Красой невянущей темнѣть вѣнокъ лавровый.

II.

ВИНОЧЕРПІЙ.

Въ разгарѣ шумный пиръ; и юноша прекрасный,
Въ тѣни густыхъ рѣсницъ тая блестящій взоръ,
Склонился надъ столомъ, и льется изъ амфоръ
Хіосское вино струею ярко-красной.

И струны лиръ дрожатъ, сливаясь въ гимнъ согласный;
И звонко вторитъ имъ пѣвицъ лидійскихъ хоръ.
Два лысыхъ мудреца вступили въ разговоръ
О томъ, что нѣтъ любви, что страсть—лишь бредъ напрасный.

И кудри распустивъ на мраморныя плечи,
Гетэра юная, смѣясь, внимаетъ рѣчи
Почтенныхъ мудрецовъ про страстную любовь.

И съ юноши она свести не въ силахъ взора,
Когда, склонясь надъ ней, струитъ онъ изъ амфоры
Вино хіосское, пурпурное, какъ кровь.

III.

БАЛЛАДА.

Страшны́, причудливы повисли въ небѣ тучи
Кровавымъ проблескомъ горитъ межъ нихъ закатъ.
И, словно тайною и ужасомъ объятъ,
Въ зловѣщей тишинѣ весь замеръ лѣсъ дремучій.

Но вдругъ—тревожный шумъ... И межъ стволовъ могучихъ,
На взмыленномъ конѣ, въ холодномъ блескѣ латъ
Несется юноша—и нѣтъ ему преградъ
Ни въ дикихъ заросляхъ, ни въ каменистыхъ кручахъ.

Промчался и исчезъ... Но тамъ, гдѣ смяты травы,
Цвѣтами яркими алѣетъ слѣдъ кровавый.
И снова замеръ лѣсъ въ сгустившейся тѣни...

Проходитъ медленно рядъ призраковъ туманныхъ,
И въ чащѣ, межъ вѣтвей причудливыхъ и странныхъ,
Блуждаютъ синіе, холодные огни.

А. Ротштейнъ.

СТАРЫЙ КАПИТАНЪ

РАЗСКАЗЪ.

Іюльскій полдень сверкалъ и палилъ. Доставившій меня изъ Парижа на „дачу“ пароходъ-пушка давно скрылся въ голубой, искристой дали, а я продолжалъ стоять на берегу Сены, среди главной улицы мѣстечка, звавшагося „Fontenay-aux-Roses“ и не имѣвшаго на всемъ видимомъ пространствѣ никакой растительности, кромѣ крапивы да какихъ-то жиденькихъ, пыльныхъ кустиковъ...

— Развѣ нельзя найти меблированной комнаты? — обратился я уныло къ носильщику, державшему мой чемоданчикъ.

— Трудно... Много очень наѣхало... Спросимъ въ бюро, у m-me Бераръ.

Коммиссіонное „Bureau Central“ — какъ гласила огромная голубая вывѣска надъ двумя узенькими окнами карточнаго домика—было тутъ же, черезъ дорогу. Встрѣтившая насъ „директриса“ m-me Бераръ—глухая, бородатая старуха, въ моднѣйшемъ токѣ на истасканномъ парикѣ — предложила сколько угодно квартиръ, а изъ комнатъ—только мансарду подъ желѣзной крышей, гдѣ, даже по ея словамъ, „конечно, душновато лѣтомъ“...

— У капитана Вотье есть комната,—сказала она носильщику,—да вѣдь вы знаете, каковъ онъ...

Носильщикъ почесалъ переносицу и глянулъ вопросительно на меня.

— Спокойно ли тамъ будетъ? — отвѣтилъ я, принимая въ разсчетъ аттестацію капитана.

— О, да! Только человѣкъ онъ странный, нелюдимый... ни съ кѣмъ...

— Это все равно для меня!

— И объявленія не дѣлаетъ о комнатѣ—значитъ, отдавать не хочетъ... Попытаемся... Желаете?

Выбора не оставалось.

Крошечный, облупившійся двухъ-этажный домикъ страннаго капитана, стоявшій въ тѣни густыхъ каштановъ, усѣянныхъ гнѣздами грачей, смотрѣлъ совсѣмъ уныло. Жалюзи оконъ были притворены, ржавая желѣзная калитка въ каменной оградѣ—заперта. Не видѣлось никакихъ признаковъ жизни.

Я позвонилъ.

За оградой послышалось неравномѣрное хрустѣніе гравія подъ чьими-то точно спотыкавшимися ногами. Въ полуотворившейся калиткѣ показался высокій, необыкновенно худой старикъ, въ беретѣ, длинной рабочей блузѣ и съ деревяшкой вмѣсто правой ноги. Орлиный носъ и эспаньолка обличали въ немъ типичнаго француза-сѣверянина.

— Извините, г. капитанъ...—заговорилъ заискивающе носильщикъ.—Вотъ господинъ изъ Парижа...

— Что̀ такое? въ чемъ дѣло?—перебилъ старикъ строгимъ, надтреснутымъ голосомъ.

Я объяснилъ.

Онъ подумалъ, пощипывая сѣденькую эспаньолку.

— Вы чѣмъ занимаетесь?

Я назвалъ мою профессію.

Онъ молча растворилъ калитку и впустилъ насъ. Дойдя до угла домика, онъ крикнулъ:

— Мари!

Изъ бесѣдки, увитой старымъ темнымъ плющомъ, вышла пожилая женщина, въ черномъ платьѣ и съ сѣдыми локонами.

— Вотъ комнату желаютъ взять...—указалъ на меня капитанъ.

— Какъ знаешь...

— А я говорю: какъ ты знаешь!

Женщина улыбнулась.

— Разумѣется! Отчего не отдать, разъ ты согласенъ!

Она прошла со мною въ комнату, въ верхнемъ этажѣ.

Просторная и свѣтлая, съ верхушкой каштана предъ окномъ, съ видомъ на лѣсокъ и на изгибъ Сены, комната очень понравилась мнѣ и стоила всего 20 франковъ въ мѣсяцъ. Я поспѣшилъ согласиться. Женщина принялась „дѣлать“ кровать, размахивая огромными, бѣлѣйшими простынями, взбивая слежавшіяся подушки; сообщила, разговаривая, что она—сестра капи-

тана—вдова Берже́, что въ комнатѣ помѣщалась ея дочь, Тереза, вышедшая теперь замужъ и живущая въ Ліонѣ...

Я спустился внизъ. Капитанъ, съ кривымъ ножемъ въ рукѣ и съ мочалками на рукавѣ блузы, занимался распластываніемъ по стѣнѣ домика вѣтокъ яблони-кальвиль.

— Вотъ деньги за мѣсяцъ впередъ,—сказалъ я, желая задобрить нелюдимаго хозяина и подавая луидоръ.

Но капитанъ отстранился и нахмурился, оглядывая меня свѣтлыми карими глазами.

— Впередъ? зачѣмъ же впередъ?.. — проговорилъ онъ.— Впрочемъ, я не мѣшаюсь въ хозяйственную часть... Будьте добры, относитесь во всемъ къ m-me Берже́.

На слѣдующій день, утромъ, отправляясь знакомиться съ мѣстечкомъ, я увидѣлъ капитана на лужайкѣ, подъ каштаномъ: онъ хлопоталъ около желѣзнаго столика, приготовляя себѣ абсентъ—полынную водку съ сахаромъ и водой.

Я раскланялся и пожелалъ ему добраго дня. Онъ шаркнулъ элегантно деревяшкой по гравію и подвинулъ мнѣ стульчикъ.

— Мари, стаканъ!—крикнулъ онъ въ просвѣтъ растворенного кухоннаго окна.

— О, нѣтъ! если это для меня!

— Отчего же?

Въ голосѣ его скользнула такая искренняя нотка радушія, доброты, что я не могъ отказаться, и присѣлъ къ столику.

Стаканъ появился мгновенно. Капитанъ, потряхивая молодцовато беретомъ, точно боевой пѣтухъ гребнемъ, принялся методично поливать водой кусочки сахару, таявшіе на ложечкахъ надъ стаканами.

— Устроились?—спросилъ онъ.

— Совершенно. Благодарю васъ.

Онъ артистически пустилъ на ложечки тончайшія струйки воды и поставилъ графинъ.

— Почему вы адресовались ко мнѣ насчетъ комнаты?

— Я искалъ вездѣ...

— Не во всѣ же дома заходили вы?

— Конечно!

— Значитъ, вамъ сказалъ кто-нибудь?

— Въ коммиссіонной конторѣ сказали мнѣ.

Онъ чокнулся со мною, отхлебнулъ изъ стакана и прищурилъ лукаво одинъ глазъ.

— А обо мнѣ что сказали при этомъ? Что я такой-сякой, мизантропъ, людоѣдъ? А?

— Не совсѣмъ такъ...

— Однако?

— Что вы странный, нелюдимый человѣкъ...

Капитану это доставило, видимо, большое удовольствіе. Онъ захохоталъ, откинувшись на спинку стула и теребя эспаньолку.

— И вѣдь правда! — заговорилъ онъ.—Мы съ Мари такіе и есть! Ха-ха-ха! Да какъ же? Мы—rentiers, живемъ на покоѣ, а воскресныхъ визитовъ никому не дѣлаемъ, къ себѣ никого не зовемъ... Даже—вообразите—прислуги не держимъ! Не ужасно ли это? Съ тѣхъ поръ, какъ мы здѣсь, Мари ни однимъ платьемъ не похвасталась ни передъ кѣмъ, а кюрэ и въ лицо не знаетъ ее... Я въ блузѣ на улицѣ не показываюсь, не провожу дни въ кафе, не играю ни въ карты, ни на билліардѣ... Люди ли мы послѣ этого!.. Да, — продолжалъ онъ, переходя въ серьезный тонъ,—буржуа не терпитъ ничего непонятнаго ему... Одно изъ отличительныхъ свойствъ его—все нивеллировать, все подгонять подъ свой масштабъ... И, къ сожалѣнію, не одна m-me Бераръ —которой все простительно—отличается этимъ въ нашемъ мѣстечкѣ, и не въ мѣстечкахъ только существуетъ это теперь во Франціи...

Дни потянулись одинъ за другимъ—тихо, однообразно. Царившую въ домѣ тишину нарушалъ лишь стукъ деревяшки капитана по паркету или шарканье ея по гравію, когда онъ работалъ или гулялъ въ садикѣ. Иногда оно доносилось и ко мнѣ чрезъ окно глубокою ночью — это значило, что капитану не спится, и что онъ философствуетъ, бродя подъ каштанами... Встрѣчался я съ нимъ и съ m-me Бержé только мимоходомъ, а держалъ себя, согласно французскому обыкновенію, холодновѣжливо. Но и при такихъ поверхностныхъ отношеніяхъ нельзя было не замѣтить, что хозяева принадлежатъ къ числу людей, знающихъ свѣтъ, стоятъ много выше видимаго положенія мелкихъ rentiers... Ихъ скромный домикъ казался мнѣ крѣпостцой, въ которой укрылись они, постигнутые какимъ-то горемъ, разладомъ съ окружающимъ... Что-то говорившее о драмѣ чудилось мнѣ въ ихъ мирномъ, безропотномъ доживаніи дней...

Случилось, что я не встрѣчался съ капитаномъ около недѣли.

— Отчего не видно m-r Вотье?—спросилъ я m-me Берже, когда она убирала мою комнату.

— Онъ нездоровъ.

— Что̀ съ нимъ?

— Сплинъ, какъ называютъ англичане. А главное—годы... Навѣстите его.

— Я не хочу безпокоить...

— Напротивъ! Ему очень пріятно будетъ. Онъ все собирался визитъ сдѣлать вамъ.

Я отправился послѣ завтрака.

Большой, свѣтлый кабинетъ капитана обратилъ на себя мое вниманіе простотой и оригинальностью убранства. Старинное, выложенное бронзой бюро, два-три кожаныхъ стула да длинное вѣнское кресло были единственною мебелью. Одну стѣну занимали самодѣльныя полки съ книгами. На другой размѣщались литографированные, фотографическіе и акварельные портреты французскихъ и иностранныхъ выдающихся личностей. Я замѣтилъ: Гарибальди, Прудона, Бланки, аббата Сіейса... Тутъ же была, ставшая давно рѣдкостью, гравюра Шамбара, изъ временъ парижской коммуны, приписываемая въ композиціи какому-то знаменитому художнику: разстрѣлянные версальцами на кладбищѣ Père-Lachaise коммунары встали изъ своей общей могилы и грозятъ съ кладбищенской стѣны Парижу обагренными кровью знаменами...

Капитанъ, нахмуренный и блѣднѣе обыкновеннаго, полулежалъ въ вѣнскомъ креслѣ предъ раскрытымъ окномъ. На мой вопросъ о здоровьѣ онъ отвѣтилъ:

— Головокруженіе... И ходить не могу—нога ноетъ... Не тутъ! — хлопнулъ онъ шутливо по деревяшкѣ, — а повыше, въ отрубѣ!

— Вы на войнѣ потеряли ногу?

— Да...

Онъ подумалъ и добавилъ:

— На войнѣ не съ пруссаками, а съ версальцами...

Я взглянулъ на него съ нескрываемымъ любопытствомъ.

— До этого все время осады въ Парижѣ провелъ—вонъ сувениръ! — указалъ онъ на что-то темное, въ рамкѣ за стекломъ, на стѣнѣ.

— Что̀ это такое?

— Хлѣбъ, которымъ питались мы...

Я вглядѣлся: это былъ ломтикъ бураго цвѣта, походившій на глину или цементъ, съ искорками металлическаго блеска.

— Изъ чего приготовлялся онъ?

Капитанъ только руками развелъ.

— Это ужъ секретъ тогдашнихъ химиковъ!

— Кто авторъ этой картины? — спросилъ я, указавъ на гравюру.

— Курбэ. Теперь нечего скрывать. Для меня дорога она особенно потому, что нѣкоторыя лица—портреты друзей-соратниковъ... Тутъ и Берже, мужъ сестры...

— Вы писали что-нибудь о коммунѣ?

— Были напечатаны эпизоды... въ Лондонѣ... Теперь я пишу воспоминанія...

Я высказалъ желаніе послушать ихъ, когда онъ поправится и будетъ имѣть свободное время.

Онъ опустилъ въ раздумьи голову.

— Видите ли что̀,—сказалъ онъ потомъ.—Чтецъ я плохой, да и рукопись—черновикъ, въ которомъ разбираться надо... Если вы интересуетесь, то я разскажу вамъ кое-что, какъ очевидецъ... Вы свободны?

— Вполнѣ!—поспѣшилъ я увѣрить.

— Мари! — крикнулъ капитанъ такимъ звонкимъ голосомъ, какого совсѣмъ нельзя было ожидать при его худобѣ и болѣзненности.

— Я это знаю!—обратилась ко мнѣ, смѣясь, вбѣжавшая m-me Берже. — Если онъ такъ кричитъ, то, значитъ, сплинъ проходитъ!.. Что̀ тебѣ?

— Бордо...

Она повернулась къ двери.

— Куда ты бѣжишь?—остановилъ онъ ее.—Бордо... не съ полки, а того, что̀ въ пескѣ...

— Прежде всего, что̀ такое парижская коммуна?—началъ капитанъ, наливъ до половины стаканчики старымъ ароматнымъ бордо и чокнувшись со мною. — Спросите объ этомъ рабочаго, и онъ отвѣтитъ, что коммуна — битва, въ которой пали подъ пулями и штыками версальцевъ его отецъ, братъ или другъ... Спросите буржуа—и вы услышите скрежетъ зубовъ и проклятія коммунѣ... Заговорите о ней съ несчастнымъ, бездомнымъ пролетаріемъ, и вы увидите, какимъ свѣтомъ озарится его лицо, услышите, какія розовыя, несбыточныя мечтанія свяжетъ

онъ съ нею... Потрудитесь вызвать предъ собою образъ коммуны, запечатлѣвшійся въ умахъ цѣлаго міра, и на васъ глянетъ апокалипсическое чудовище... Принято также думать, что коммуна—дѣло буйной парижской *черни*, и при этомъ забываютъ о генералахъ, офицерахъ, ученыхъ, литераторахъ, журналистахъ... Лично я, напримѣръ,—капитанъ императорской гвардіи, зять мой, Берже—лейтенантъ флота, сестра—тогда молодая, свѣтская женщина—не буйная же чернь мы?.. Я не хочу дѣлать апологіи коммунѣ... Апологія—вообще дурной пріемъ... „Есть пятна и на солнцѣ"—банальная, но неоспоримая истина, и еще больше мѣста этимъ пятнамъ на парижской коммунѣ—міровомъ первенцѣ въ своемъ родѣ... Нельзя, однако, довольствоваться и басней—что коммуна родилась въ улицѣ Муфтаръ... [1]) Коммуна — какъ бы странно ни казалось это — создана была въ самомъ правильномъ законодательномъ порядкѣ... Но я забѣгаю впередъ!

...Надо ли говорить, что̀ представлялъ собою Парижъ въ началѣ марта 1871 г., когда кончилась осада? Это былъ хаосъ, полный отчаянія отъ понесенныхъ потерь, полный страха отъ чудовищныхъ всюду измѣнъ... Но въ этомъ хаосѣ уже витала воскресшая идея республики, и ей угрожалъ—въ лицѣ версальскаго собранія, взявшагося представлять собою Францію—умиравшій, но еще сильный реакціонный режимъ... Вѣсы склонились на его сторону... Едва отворились ворота укрѣпленій и очистились дороги отъ пруссаковъ, больше ста тысячъ буржуа—торговцевъ, капиталистовъ, домовладѣльцевъ—поспѣшили покинуть Парижъ... Въ немъ остались: республиканская интеллигенція, мелкая буржуазія, холодный и голодный рабочій людъ... И все это оказалось отданнымъ національнымъ собраніемъ въ жертву безжалостнымъ кредиторамъ и управляющимъ домами. Оно издало декретъ, обязывавшій каждаго уплатить немедленно долги и внести домовладѣльцамъ накопившуюся за время осады квартирную плату. Въ нѣсколько дней усердное чиновничество зарегистровало больше полутораста тысячъ протестовъ; не успѣвавшіе взыскивать судебные пристава облекали полномочіями сторожей, солдатъ... Это ли требовалось въ подобную минуту? А?.. Населеніе, точно волшебнымъ жезломъ, было сразу разбито на два враждебныхъ лагеря: въ одномъ, подъ эгидой правительства, сконцентрировалось все консервативное и зажиточное; въ дру-

---

[1]) Одна изъ самыхъ грязнѣйшихъ, старыхъ улицъ Латинскаго квартала, пристанище всевозможной бѣдноты, игравшая роль во время безпорядковъ.

гомъ—объединилась бѣдствіями, предоставленная самой себѣ, страдающая, обездоленная бѣднота... Это былъ уже терроръ, хотя и бездѣйствовавшій; форумомъ ему служила площадь Бастиліи... Національное собраніе вызвало его къ дѣятельности... Видя созданную опасность и держась наполеоновскаго пріема—рѣшать все натискомъ,—оно постановило обезоружить защищавшее Парижъ населеніе, отобрать оружіе и пушки у національной гвардіи... Вотъ каково было положеніе вещей!

...18 марта Тьеръ выслалъ нѣсколько полковъ, подъ командой генерала Леконта. Солдаты успѣли кое-кого обезоружить, взять двѣ-три пушки. Но изъ предмѣстій началъ стекаться народъ; притихшее было населеніе зашумѣло, начали вспыхивать схватки. Исполнительный генералъ Леконтъ скомандовалъ залпъ, и въ толпѣ повалились сотни мужчинъ, женщинъ, дѣтей... Что̀ произошло потомъ—передать невозможно... Все смѣшалось... не было больше ни распоряжающихся, ни слушающихъ... была толпа, связанная слѣпымъ, объединяющимъ инстинктомъ и руководимая только имъ. Генералъ Леконтъ очутился въ ея рукахъ, и его поставили къ стѣнѣ въ улицѣ Розье... Тутъ же попался Клеманъ Тома́, избивавшій рабочихъ въ 48 г.,—поставили и его рядомъ. Всѣ знаютъ, что ихъ разстрѣляла „коммуна"... Но коммуны не существовало еще тогда, и она могла совсѣмъ не существовать, если бы сами власти не сдѣлали это необходимымъ... Испуганные случившимся, Тьеръ и правительство выѣхали немедленно въ Версаль, оставивъ Парижъ на произволъ судьбы. Властью сталъ „центральный комитетъ", сформировавшійся наскоро изъ командировъ національной гвардіи. Что̀ означало это бѣгство, чего надо было ожидать—никто не зналъ. На слѣдующій день я и Берже столкнулись съ лучшимъ другомъ Тьера—Маркомъ де-Жирардэнъ. Первый вопросъ нашъ, разумѣется: — „Что̀ думаетъ дѣлать Тьеръ?"—„Я видѣлся съ нимъ",—отвѣтилъ Жирардэнъ.—„*Онъ не знаетъ, чего онъ хочетъ, но хочетъ этого энергично!*"—Историческія слова, не правда ли?.. Мы, немногіе, знали, что у Тьера, въ Версалѣ, нѣтъ солдатъ. Было очевидно, что энергично хочетъ и онъ выиграть время, чтобы собрать ихъ. Спустя нѣсколько дней, на вопросы изъ Парижа: „что же дѣлать?"—Тьеръ отвѣтилъ письмомъ на имя адмирала Сессэ: „Парижскіе мэры пользуются полною властью; оставьте ихъ дѣлать то, что̀ сочтутъ они полезнымъ"... Не оффиціальный ли, руководящій актъ правительства—это письмо? Какъ вы думаете? Мэры въ этомъ смыслѣ и отнеслись къ нему: они вошли въ соглашеніе съ центральнымъ комитетомъ, и на 26-е марта назначены были выборы

„коммунальнаго совѣта“, звавшагося потомъ, ради краткости, просто *„коммуной“*. Избирателей явилось *двѣсти-пятьдесятъ тысячъ* человѣкъ. Выборы прошли въ примѣрномъ порядкѣ, а 27 марта, на городской площади, открылось первое празднество третьей республики... празднество—полное мира и веселья, съ развѣвающимися знаменами, съ пушками, увитыми цвѣтами, съ громомъ трубъ и нескончаемой „Марсельезой“, съ забвеніемъ всего пережитого и съ вѣрой въ свѣтлое будущее. Вотъ какъ создалась коммуна!

— Vive la commune! — крикнулъ онъ тѣмъ же необычно-звонкимъ голосомъ, чокнувшись со мною, и сразу опорожнилъ стаканчикъ. — Да! — продолжалъ онъ.—Кто видѣлъ этотъ день, тотъ никогда не забудетъ его!.. Свободный, искренній энтузіазмъ необозримой толпы, чуть не вчера еще такой опасной, дѣйствительное сліяніе всѣхъ въ одномъ великомъ званіи гражданина, неподдѣльный, во всемъ отвѣчавшій совершавшемуся крикъ: „свобода, равенство и братство!“—умиляли всѣхъ, отъ сѣдого генерала до уличнаго мальчишки, сливались въ одно властное, захватывающее настроеніе... Но празднества прошли, энтузіазмъ улегся, наступило время думъ, работы... Среди избранныхъ 26 марта находились хорошіе и дурные, было много неопытныхъ, много неизвѣстныхъ совсѣмъ. Рядомъ со старымъ республиканцемъ Делеклюзомъ, соціалистомъ Бенуа Малонъ, стоялъ ничтожный Риго. И гдѣ было взять мудрыхъ и опытныхъ, когда почти всякій, искренно примыкавшій къ новому порядку, былъ только-что родившимся младенцемъ, а большинство людей стараго режима лицемѣрило, выжидая, по обыкновенію, на чьей сторонѣ окажется сила? Между тѣмъ, надо было избирать министровъ или „делегатовъ“, по терминологіи коммуны,—распредѣлять портфели. Делегатомъ почтъ и телеграфовъ сталъ Тейзъ, рабочій-рѣзчикъ, успѣвшій организовать дѣло такъ, что нововведенія его сохранились потомъ и правительствомъ. Управленіе монетнымъ дворомъ досталось Камелина, рабочему-бронзовщику, оставившему также слѣдъ важныхъ практическихъ реформъ. Общественное призрѣніе ввѣрили рабочему Трельяру, который, чрезъ два мѣсяца послѣ паденія коммуны, былъ разстрѣлянъ версальцами. Жена, имѣвшая на храненіи 38.000 фр. „казенныхъ“ денегъ мужа, отнесла ихъ къ разстрѣлявшему его офицеру. Не то случилось съ министерствомъ народнаго просвѣщенія... 19-го марта одинъ добрый башмачникъ—не помню теперь его имени—нашелъ дверь опустѣвшаго кабинета министра отворенною и, не долго думая, водворился тамъ... Онъ работалъ добросовѣстно и усердно и

держалъ себя не безъ важности, а министерскіе пристава въ тяжелыхъ серебряныхъ цѣпяхъ услуживали ему даже съ подобострастіемъ. Сталкивавшихся съ нимъ генераловъ и прочихъ высокопоставленныхъ лицъ онъ приглашалъ нерѣдко къ „завтраку" и тогда говорилъ приставу: „Слушай, товарищъ, сбѣгай напротивъ, въ колбасную, возьми вотъ на шесть су чего-нибудь хорошенькаго, закусить намъ съ пріятелемъ"! Его замѣнили потомъ кѣмъ-то болѣе толковымъ, а относительно системы образованія выработана была очень недурная программа,—такъ, разумѣется, и оставшаяся проектомъ... Нужнѣе всего были, какъ водится, деньги, а отряженные въ министерство финансовъ делегаты Варленъ и Журдъ оказывались образцами самой комической наивности... Въ то время какъ въ кассѣ французскаго банка лежало почти на *три милліарда* всякихъ фондовъ и *800 милліоновъ* наличными деньгами, они ломали головы, не зная, какъ уплатить жалованье національной гвардіи... Послѣ многихъ безсонныхъ ночей они выработали проектъ экстреннаго займа въ *милліонъ фр.* и отправились къ Ротшильду... „Съ удовольствіемъ! Милліонъ, два, три, если хотите! — отвѣтилъ Ротшильдъ.— Только не берите ничего въ банкѣ"! Это именно надоумило ихъ пойти въ банкъ. Директоръ Руланъ встрѣтилъ ихъ съ самою любезною покорностью. „Я ждалъ вашего визита, — сказалъ онъ.—Банкъ не занимается политикой, и я не вхожу въ обсужденіе обстоятельствъ. Вы—фактическое правительство, и этого достаточно. Банкъ немедленно выдастъ вамъ милліонъ фр., но въ вашей роспискѣ вы упомянете, что берете эту сумму за счетъ города Парижа". Потомъ банкъ выдавалъ сколько угодно...

— И много израсходовала коммуна?—полюбопытствовалъ я.

— Точной цифры не помню... Кажется, милліоновъ пятьдесятъ. Но въ банкѣ взято было не больше пятнадцати милліоновъ,— остальное покрывалось текущимъ сборомъ пошлинъ. Когда версальцы убили Варлена, то при немъ нашли всего триста франковъ, которые онъ только-что получилъ, какъ мѣсячное жалованье по должности члена коммуны. Что до Журда, то онъ, состоя делегатомъ финансовъ, завтракалъ по прежнему въ гарготкахъ, сынъ его ходилъ въ даровую общественную школу, а жена сама стирала бѣлье...

— Чего, собственно, старалась достичь коммуна?

— Реформъ! Она высказала свою программу 19 апрѣля 1871 г., въ декларацiи къ французскому народу... Она требовала признанія и утвержденія республики, отдѣленія церкви отъ государства, гарантій свободы личной, свободы совѣсти и труда...

требовала лучшаго административнаго и экономическаго устройства... Мало ли чего она требовала! Все это—тогда безсильныя, а потомъ забытыя слова!.. Коммуна играла роль фактическаго правительства, но не была фактическою силой...

— А національная гвардія?

— Названіе только!.. Никогда городъ не былъ такъ слабо, такъ неумѣло защищаемъ!.. Среди генераловъ коммуны насчитывалось не мало двуличныхъ — сохранявшихъ видъ республиканцевъ лишь до поры до времени... не мало лживыхъ и трусливыхъ—старавшихся всячески избѣгать опасности... О главномъ штабѣ достаточно сказать, что въ то время какъ защитники Парижа дрогли на уличныхъ бивуакахъ—голодные, подъ проливнымъ дождемъ,—штабное офицерство располагалось въ бельэтажахъ, кутило, фразерствуя и распѣвая: „Buvons, buvons, buvons, à l'indépendance du Monde"!.. Среди немногихъ дѣйствительныхъ героевъ, слѣдуетъ назвать генерала Дюваля... Когда онъ взятъ былъ въ плѣнъ, генералъ версальцевъ, Винуа, спросилъ его:—„Какъ поступили бы вы со мною, еслибъ я былъ на вашемъ мѣстѣ?" — „Я разстрѣлялъ бы васъ!" — отвѣтилъ Дюваль...—„Вы произнесли свой приговоръ!"—сказалъ Винуа. И Дюваль былъ разстрѣлянъ. Парижъ не могъ устоять противъ правильной осады, которую вели версальцы, стягивая медленно, но настойчиво вокругъ него желѣзное кольцо... Съ самыхъ первыхъ дней онъ оказался въ агоніи, хотя она и длилась потомъ два мѣсяца...

Я намекнулъ на жестокое обращеніе коммуны съ плѣнниками. Капитанъ остановилъ на мнѣ свои горѣвшіе глаза.

— И вы вѣрите этому?!—воскликнулъ онъ.

— Такое представленіе сложилось вообще.

— Еще бы!.. Мы оставались съ зажатымъ ртомъ, а версальская пресса и потомъ историки только и трубили, что о жестокостяхъ! Дѣло было какъ разъ наоборотъ! Версальцы захватывали всякаго, даже безоружнаго, и разстрѣливали его безъ суда: стоило имѣть руки со слѣдами пороха, платье, потертое на плечѣ отъ носки ружья... Тѣ, которыхъ отправляли въ Версаль, должны были дефилировать тамъ, со связанными назади руками, предъ офицерами и дамами, причемъ прекрасный полъ билъ ихъ зонтиками... Въ отвѣтъ... и только въ отвѣтъ на это, коммуна стала захватывать заложниками жандармовъ, священниковъ, извѣстивъ версальцевъ, что *будетъ* разстрѣливать трехъ за каждаго разстрѣляннаго коммунара. Исполнять этого она и не думала! Она оставила даже безъ наказанія тѣхъ немногихъ,

которыхъ приговорилъ къ смерти слишкомъ рьяный среди членовъ, политехникъ Россель... Напротивъ, когда версальцы взяли ни въ чемъ неповиннаго старика-Бланки, коммуна предложила въ обмѣнъ за него всѣхъ имѣвшихся шестьдесятъ заложниковъ, въ томъ числѣ парижскаго архіепископа, и обѣщала не захватывать больше никого. Тьеръ отвѣтилъ на это формальнымъ отказомъ. Потомъ, когда не было уже ни коммуны, ни порядка, когда толпа билась съ версальцами на парижскихъ улицахъ, заложники были растерзаны освирѣпѣвшимъ народомъ... Кто виноватъ въ этомъ?.. Настолько же вѣрна и сказка о „поджигателяхъ" коммуны...

— Чѣмъ же объяснить пожары?

— Чѣмъ... Это слишкомъ поспѣшный вопросъ... Ему долженъ предшествовать другой: всякое ли явленіе объяснимо?.. Пожары начались уже при версальцахъ... Пылавшіе Пале-Рояль, Отель-де-Вилль, Тюльери освѣщали конецъ коммуны... Нельзя даже сказать съ увѣренностью, что коммуна бросила идею въ толпу: еще во время осады Парижа Жюль-Симонъ писалъ, обращаясь къ народу:—„Будемъ бороться до послѣдней крайности! А изнемогши — сожжемъ Парижъ, какъ сожгли русскіе свою Москву!"—Тѣхъ же мыслей держался и пріятель его—Ипполитъ Тэнъ... Нервная, отчаявшаяся толпа способна на все, и психологія этой толпы—загадка!.. Потомъ, надо знать, что представляло собою вторженіе версальцевъ!..

Онъ умолкъ и откинулся на спинку кресла, прикрывъ рукою глаза. Прошло нѣсколько минутъ.

— Нѣтъ, этого не передать словами!—проговорилъ онъ потомъ глухимъ, прерывистымъ голосомъ.—Это былъ именно тотъ адскій ужасъ, отъ котораго кровь стынетъ въ жилахъ!.. Никакое воображеніе не можетъ нарисовать его!.. Парижъ веселился на благотворительномъ праздникѣ, когда получилась вѣсть, что ворота укрѣпленій отворены измѣннически... Красныя панталоны версальцевъ разлились по улицамъ точно губительная лава... Пощады не было никому!.. Отчаяніе заставило взяться за оружіе всѣхъ—до послѣдняго школьника, до дѣвочки-подростка... На улицахъ Парижа шла не битва, а *бойня*... и не обезумѣвшее, растерянное населеніе могло быть тутъ мясниками... Сорокъ тысячъ парижанъ взято было въ плѣнъ, а убитыхъ самъ Макъ-Магонъ насчитывалъ потомъ больше пятнадцати тысячъ... Безпристрастный историкъ долженъ будетъ, по меньшей мѣрѣ, удвоить эту цифру, да прибавить еще къ ней разстрѣлянныхъ потомъ... И кто эти убитые? По словамъ даже версальскихъ

историковъ, въ числѣ бившагося парижскаго населенія было до *тринадцати тысячъ дѣтей*... А такъ прославившіеся „батальоны парижанокъ"? Что осталось отъ нихъ?.. Ихъ трупы, съ вѣтками сирени у корсажей, видѣли среди каждой улицы... Мы съ Бержé распоряжались защитой баррикады близъ Пасси... Онъ пропалъ безъ вѣсти, а я очнулся наутро съ прострѣлянною ногой, придавленный грудою мертвыхъ, изуродованныхъ тѣлъ...

— Бержé,—продолжалъ онъ послѣ небольшого молчанія,—взятъ былъ, какъ оказалось, версальцами, и его разстрѣляли потомъ на кладбищѣ Père-Lachaise... Мнѣ и Мари удалось, при помощи друзей, переправиться въ Англію... Рана моя была, собственно говоря, неопасна, но отсутствіе своевременной помощи и тревожный переѣздъ привели къ гангренѣ, а затѣмъ къ ампутаціи въ лондонскомъ госпиталѣ... Дочь сестры, Тереза, ребенокъ тогда, помѣщена была при самомъ началѣ смутъ въ крестьянскую семью, близъ Руана. Мы оставили ее рости тамъ, и изъ нея вышла прекрасная деревенская дѣвушка, счастливая теперь со своимъ мужемъ-работникомъ... Когда, послѣ амнистіи, мы вернулись въ Парижъ, все, правда, смотрѣло по новому... На кладбищѣ Père-Lachaise, на стѣнѣ, у которой пали послѣдніе борцы коммуны, свободно красовалась надпись: „Vive la Commune! Vengeance pour les nôtres!.." Надъ маленькимъ тѣльцемъ почившаго Тьера высилась цѣлая египетская пирамида, воздвигнутая благодарнымъ буржуа... Но республика-компромиссъ глядѣла чахлымъ, нелюбимымъ дѣтищемъ... Французскій народъ былъ еще плотнѣе стиснутъ между рядами чиновниковъ и солдатъ... Обиженный уплатою милліардовъ, буржуа жадно наверстывалъ свое, сплочиваясь въ синдикаты, обездоливая рабочаго... И этого рабочаго не узналъ я: изможденный физически, притихшій, утратившій энергію, онъ утѣшался бумажнымъ соціализмомъ, дичая въ то же время, теряя нравственное чутье... Всюду царила система лжи и безсердечія, корысти, шпіонства по долгу службы и совѣсти... Чтобы не знать, не видѣть ничего этого, мы устроились здѣсь, на крохи, уцѣлѣвшія отъ нашего состоянія... Умереть съ надеждою, что сдѣлалъ честно все, что могъ,—вотъ единственное и, думается, законное желаніе...

Голосъ дрогнулъ у него. Онъ отвернулся и сталъ глядѣть въ окно.

Я всталъ, чтобы проститься.

— Куда вы?—сказалъ онъ, сжавъ крѣпко мою руку и не выпуская ее.—Отобѣдайте у насъ... Вонъ, кстати, и Мари гремитъ тарелками въ столовой... Мари!

Она вошла съ засученными рукавами и съ полотенцемъ на плечѣ.

— Мы обѣдаемъ втроемъ. Накормишь ты насъ?

— Конечно! Какой ты странный!—отвѣтила она, и тутъ же добавила, вспыхнувъ:—чрезъ полчаса все будетъ готово...

По проснувшейся въ ней врожденной щепетильности французской хозяйки, она, видимо, разсчитывала приправить скудный обѣдъ лишнимъ блюдомъ, ради гостя. Это не укрылось отъ капитана.

— Поди ко мнѣ, милая!—сказалъ онъ нѣжно.

Онъ обнялъ ее за талію и привлекъ къ себѣ.

— Помнишь, какъ мы обѣдывали въ Парижѣ, куда ты, покинувъ твоихъ больныхъ и раненыхъ, усталая, голодная, прибѣгала навѣстить меня и мужа?.. Литръ фіолетоваго вина на газету, вмѣсто скатерти... кровяная колбаса,—кто ее знаетъ, изъ какой крови... бутафорское пирожное изъ кондитерской въ улицѣ Сенъ-Жака .. Помнишь?.. Будемъ и сегодня обѣдать запросто...

Было совсѣмъ уже поздно, когда поднялся я къ себѣ въ комнату. Полный, яркій мѣсяцъ перерѣзывалъ Сену длиннымъ трепетнымъ столбомъ... Съ того берега, изъ мѣстечка, гдѣ мерцали разноцвѣтными огоньками ярмарочныя карусели, неслись—или это только чудилось мнѣ—торжественные звуки „Марсельезы“...

Н. Сѣверовъ.

ИНОСТРАННЫЕ КАПИТАЛЫ

въ

РОССІИ

— Б. Ф. Брандтъ. Иностранные капиталы. Ихъ вліяніе на экономическое развитіе страны. Часть I, II и III.

I.

Извѣстно, что экономическая организація цивилизованныхъ странъ болѣе и болѣе принимаетъ международный характеръ. Отдѣльная нація не представляетъ въ настоящее время самодовлѣющей хозяйственной единицы, находящейся лишь въ случайныхъ сношеніяхъ съ своими сосѣдками. Она образуетъ составную часть организма, обнимающаго десятки государствъ, играетъ въ общемъ хорѣ болѣе или менѣе опредѣленную партію, и если ее выдѣлить изъ союза, то она должна была бы существенно измѣнить свою хозяйственную физіономію.

Эта взаимозависимость государствъ наиболѣе ясно проявляется и наилучше изучена въ области производства и обмѣна. Не проходитъ дня, чтобы въ періодической печати не трактовался вопросъ о соперничествѣ странъ по сбыту товаровъ, о заключеніи договоровъ, допускающихъ на чужой рынокъ тотъ или другой продуктъ мѣстнаго производства, объ огражденіи національной промышленности отъ наплыва иностранныхъ товаровъ и т. д. Каждый годъ появляются десятки сочиненій, посвященныхъ вопросу о международной торговлѣ, а теорія послѣдней составляетъ необходимую главу каждаго учебника политической экономіи. Но не малую и все возростающую важность имѣетъ также фактъ участія одной страны въ хозяйственной жизни другой

не продуктами, которые она ей поставляетъ, а капиталами и преимущественно промышленными, а не ссудными. Въ этой формѣ вліяніе одной страны на другую можетъ быть наиболѣе глубоко, потому что оно захватываетъ основу хозяйственнаго быта — производство, и что промышленный капиталъ направляется изъ болѣе культурной страны въ менѣе культурную, и направляется при этомъ не одинъ, а вмѣстѣ съ человѣкомъ, который будетъ имъ распоряжаться.

Когда малообразованная страна приглашаетъ иностранныхъ техниковъ, она используетъ научныя пріобрѣтенія цивилизаціи въ томъ видѣ и объемѣ, какой опредѣляется накопленіемъ мѣстныхъ капиталовъ и развитіемъ мѣстной предпріимчивости. Когда одна страна занимаетъ у другой деньги, она будетъ оперировать ими соотвѣтственно своему пониманію очередныхъ задачъ, своей предпріимчивости, своему умѣнью и т. д. Но когда малокультурная страна открываетъ двери для промышленнаго капитала, она получаетъ въ свое пользованіе не только новые матеріальные факторы производства, не только опытныхъ техниковъ, но и руководителей, распоряжающихся тѣми и другими,—наиболѣе предпріимчивыхъ (что доказывается самымъ фактомъ перенесенія ими своихъ средствъ и дѣятельности въ чуждую страну), сильныхъ своимъ знаніемъ коммерческихъ отношеній и дѣловыми связями съ различными странами. Здѣсь одна страна получаетъ отъ другой не только голые факторы производства (капиталъ и трудъ), которые она комбинируетъ по-своему, но и промышленно-коммерческій геній высшаго порядка, который будетъ дѣйствовать здѣсь *по-своему*.

Изслѣдованію вліянія иностранныхъ промышленныхъ капиталовъ на экономическое развитіе страны посвященъ трехъ-томный трудъ Б. Ф. Брандта; матеріалами для выводовъ служили автору преимущественно факты русской исторіи, которой отведено двѣ трети его труда. Названная работа, поэтому, представляетъ удобный случай для бесѣды о роли иностранныхъ капиталовъ въ экономическомъ развитіи Россіи, каковому предмету и посвящена настоящая замѣтка. Прежде, однако, чѣмъ вести рѣчь объ этомъ вопросѣ, скажемъ нѣсколько словъ о движеніи капитала изъ одной страны въ другую вообще—тема, трактуемая г. Брандтомъ въ первомъ томѣ его труда.

Ближайшей причиной перелива капиталовъ изъ страны въ страну является неодинаковая высота въ нихъ процента и прибыли; и такъ какъ болѣе высокій доходъ капиталъ приноситъ въ молодыхъ и малокультурныхъ странахъ, а по мѣрѣ промышленнаго развитія страны прибыль и процентъ понижаются, то обыкновенно капиталы стремятся уйти изъ странъ старыхъ и высоко-культурныхъ въ молодыя и мало-культурныя. Болѣе отдаленную и глубокую причину разсматри-

ваемаго явленія указываетъ намъ тотъ эмпирически установленный законъ, согласно которому развитая капиталистическая страна производитъ больше матеріальныхъ цѣнностей, чѣмъ ихъ потребляетъ; вслѣдствіе чего въ ней очень быстро накопляются капиталы, требующіе производительнаго помѣщенія. Первыя, промышленно развившіяся націи могли легко удовлетворить этому требованію; ихъ капиталы обращались на производство предметовъ потребленія мало-культурныхъ народовъ изъ сырья, получаемаго въ обмѣнъ на фабрикаты. Реализація этихъ капиталовъ осуществлялась, слѣдовательно, путемъ международной торговли; высоко-культурныя страны посылали въ мало-культурныя свои фабрикаты, получали въ обмѣнъ на нихъ сырые матеріалы, переработывали ихъ въ издѣлія, отправляли таковыя въ тѣ же или другія мало-культурныя страны, получали въ обмѣнъ опять сырье, переработывали его и т. д. Но, по мѣрѣ историческаго развитія человѣчества, некультурныя страны понемногу обращались въ культурныя и стали заботиться о распространеніи національной индустріи, для чего прибѣгали, между прочимъ, къ огражденію мѣстной промышленности отъ конкурренціи чужихъ товаровъ высокими таможенными пошлинами. Это имѣло слѣдствіемъ ограниченіе внѣшнихъ рынковъ для сбыта товаровъ капиталистическихъ странъ, въ то время какъ потребность въ рынкахъ—благодаря умноженію образованныхъ государствъ—росла, а не уменьшалась. Въ особенно стѣсненномъ положеніи оказались передовыя страны въ послѣднія тридцать лѣтъ, характеризующіяся необыкновенными успѣхами техники, огромной концентраціей производства и обусловленнымъ этимъ быстрымъ накопленіемъ капиталовъ. Обращать эти капиталы на переработку сырья отсталыхъ странъ становится болѣе и болѣе затруднительнымъ; страны эти стремятся сами обработывать мѣстное сырье и не пускаютъ къ себѣ чужіе фабрикаты.

Описанное положеніе дѣлъ имѣло слѣдствіемъ интересное измѣненіе общаго характера эволюціи міровой промышленности. Капиталистическая промышленность, какъ извѣстно, развивается путемъ чередованія періодовъ оживленія и застоя производства. Но въ 70—80-хъ гг., подъ вліяніемъ описаннаго стѣсненія сбыта товаровъ, оживленіе промышленности потеряло прежній острый характеръ; вмѣстѣ съ тѣмъ ослабѣла и острота кризисовъ; общій же тонъ промышленныхъ дѣлъ квалифицировался свѣдущими людьми, какъ вялое, атоническое состояніе. Выходъ изъ такого состоянія, впрочемъ, капиталистическія страны нашли въ томъ самомъ явленіи, которое было одною изъ его причинъ. Стремясь развить у себя фабрики и заводы, молодыя страны слѣдовали, конечно, образцамъ своихъ болѣе развитыхъ сосѣдокъ. А такъ какъ въ техникѣ въ это время вводились та-

кія усовершенствованія, которыя требовали затратъ крупныхъ капиталовъ на оборудованіе промышленныхъ заведеній, на проведеніе желѣзныхъ дорогъ и заведеніе парового транспорта, то развивающіяся страны болѣе чѣмъ когда-либо прежде стали нуждаться въ иностранныхъ капиталахъ. Этимъ и воспользовались высоко-развитыя страны и стали снабжать молодыя государства капиталами, ссужая ихъ таковыми или организуя на ихъ территоріи на свой страхъ цѣлыя промышленныя предпріятія.

Итакъ, тогда какъ первоначально развитыя промышленныя страны обращали избытки своихъ капиталовъ на переработку чужого сырья для иностранныхъ же потребителей, ввозя къ себѣ сырые матеріалы и вывозя фабрикаты и полуфабрикаты,—теперь они даютъ свободнымъ капиталамъ то же назначеніе, но производятъ переработку чужого сырья не на своей, а на чужой же территоріи. Этотъ способъ реализаціи избыточныхъ капиталовъ высоко-развитыхъ странъ имѣетъ много удобствъ сравнительно съ прежнимъ. Отъ чужихъ капиталовъ малокультурной странѣ труднѣе отгородиться, чѣмъ отъ чужихъ товаровъ; первые, впрочемъ, не считаются столь опасными, какъ вторые. Иностранный капиталъ, поэтому, можетъ проникнуть и туда, куда нѣтъ почти доступа товару. Помѣщеніе капиталовъ теперь сплошь и рядомъ отдѣляется отъ владѣнія ими; въ силу сказаннаго капиталъ становится способнымъ на самыя рискованныя предпріятія и проникаетъ въ самыя отдаленныя части міра. Это есть прямой результатъ быстраго накопленія капиталовъ въ передовыхъ странахъ при невозможности найти имъ всѣмъ помѣщеніе на мѣстѣ. „Давленіе этихъ капиталовъ,—говоритъ Юнгъ,—стало такъ сильно, что въ концѣ-концовъ капиталисты вынуждены были пустить свои деньги во всевозможнаго рода предпріятія во всѣхъ частяхъ свѣта, создавая своимъ собственнымъ стремленіемъ давать взаймы соотвѣтствующее желаніе другихъ занимать... Не стремленіе занимать вызвало явленіе отдачи денегъ въ ссуду, а, наоборотъ, стремленіе отдавать вызвало стремленіе занимать“ [1]). При такой энергіи иностранныхъ капиталовъ въ завоеваніи новыхъ и новыхъ областей для своего примѣненія, каждой молодой странѣ представляется легкая возможность, съ одной стороны, значительно ускорить свое промышленное развитіе, съ другой—сдѣлаться объектомъ эксплоатаціи иностранцевъ.

---

[1]) Б. Ф. Брандтъ. „Иностранные капиталы“, ч. I, стр. 46—47.

II.

Иноземное вліяніе въ области экономическихъ отношеній Россіи проявляется, конечно, не менѣе сильно, чѣмъ въ сферѣ литературы, управленія и т. д. Не касаясь вліянія Запада при посредствѣ школы и книги и ограничиваясь заимствованіями изъ него свѣдущихъ и предпріимчивыхъ лицъ и капиталовъ, нельзя не замѣтить, что первоначально Россія привлекала съ Запада преимущественно мастеровъ, инженеровъ и коммерческихъ людей, съ тѣмъ чтобы они заложили основаніе новыхъ отраслей промышленности и учили русскихъ усовершенствованнымъ пріемамъ производства; что же касается капиталовъ, необходимыхъ для организаціи національной промышленности, таковые въ массѣ находились на мѣстѣ, а не привозились извнѣ. Въ послѣднее же время, напротивъ того, на первый планъ выдвигается приливъ къ намъ иностранныхъ капиталовъ, сначала преимущественно въ формѣ ссуднаго, а затѣмъ промышленнаго капитала.

Объясненіе указаннаго различія характера иноземнаго вліянія въ Россіи нужно искать въ двухъ обстоятельствахъ: въ томъ, что, съ развитіемъ образованія, вообще, въ нашей странѣ создался контингентъ свѣдущихъ техниковъ и инженеровъ, и она можетъ въ этомъ отношеніи обходиться собственной силой, и что въ первоначальную эпоху западнаго вліянія промышленность вездѣ находилась на ремесленно-мануфактурной ступени развитія, а въ новѣйшее время она приняла фабрично-машинный характеръ. Мануфактура, а тѣмъ болѣе ремесло, нуждается не въ крупныхъ капиталахъ, а въ искусномъ рабочемъ; новѣйшая же организація промышленности, напротивъ того, требуетъ прежде всего капиталовъ. Поэтому, „если въ былое время, при несложности производственнаго процесса, въ которомъ главную роль игралъ не матеріальный капиталъ, а знанія и опытность, задача состояла въ привлеченіи изъ-за границы *людей*, то въ настоящее время, при крупной роли въ производствѣ капитала, задача измѣнилась въ томъ смыслѣ, что вмѣстѣ съ людьми должны быть привлечены и капиталы“ [1]).

Въ силу указаннаго выше различія западнаго вліянія въ Россіи прежде и теперь, отдѣльные ея промышленные районы рѣзко различаются и по своей исторіи, и по ихъ національной, такъ сказать, окраскѣ. Коренные районы нашей страны достигли современнаго состоянія постепенно, при участіи, но далеко не подъ исключительнымъ вліяніемъ, иностранцевъ, и имѣютъ въ настоящее время національный

---

[1]) Б. Ф. Брандтъ, указ. соч., ч. II, стр. 348.

характеръ. Новые промышленные районы создались, какъ бы вдругъ, иностранной предпріимчивостью и иностранными капиталами, и находятся въ настоящее время въ иностранныхъ рукахъ.

Такъ, хотя прочное начало желѣзодѣлательному заводскому производству положено у насъ иностранцами, которымъ правительство предоставляло для этого разныя льготы, и первоначальное развитіе горнаго дѣла на Уралѣ совершалось подъ руководствомъ ихъ же (съ 1722 по 1734 г. управленіе уральскимъ горнымъ дѣломъ находилось въ рукахъ иностранца де-Геннина), тѣмъ не менѣе, своимъ настоящимъ состояніемъ уральскій горный районъ обязанъ главнымъ образомъ русской предпріимчивости и русскимъ капиталамъ и до самаго послѣдняго времени находился исключительно въ русскихъ рукахъ. Иностраннымъ капиталамъ въ прежнее время здѣсь нечего было и дѣлать, такъ какъ о развитіи горнаго дѣла заботилось само правительство и отводило предпринимателямъ земельныя площади, заключающія залежи рудъ, лѣса и т. п., равно какъ приписывало къ заводамъ крестьянъ, составившихъ готовую рабочую силу; оборудованіе же заводовъ не требовало тогда крупныхъ средствъ.

Въ исторіи центральнаго мануфактурнаго района иностранное вліяніе постояннѣе, но опять-таки въ формѣ притока съ Запада образцовъ, посредничества, но не капиталовъ. Такъ, не малую роль въ исторіи льноткацкой промышленности игралъ иностранецъ Тамесъ, устроившій въ первой половинѣ XVIII вѣка, единолично или въ союзѣ съ русскими капиталистами и при помощи крупныхъ привилегій отъ правительства, полотняныя фабрики въ Москвѣ, Ярославлѣ и близъ с. Иванова, владимірской губ. Въ половинѣ того же столѣтія основаны были первыя ситцевыя фабрики англичанами Чемберленомъ и Козенсомъ въ Петербургѣ и нѣмцемъ Лейманомъ въ Шлиссельбургѣ. По примѣру Тамеса начали устроивать фабрики крестьяне владимірской губ.; они же выучились прочно окрашивать ткани на фабрикѣ Леймана, а ситценабивному дѣлу—у иностранцевъ въ Петербургѣ. Послѣ отечественной войны усовершенствованію ситцепечатанія способствовали военноплѣнные французы; но наибольшую услугу послѣднему, а именно, примѣненіе къ производству машинъ, оказали эльзасецъ Циндель и Гюбнеръ, и основанныя ими фабрики существуютъ въ видѣ акціонерныхъ предпріятій (преимущественно на русскіе капиталы) и по настоящее время.

Другія отрасли мануфактурной промышленности центральнаго района развивались также при участіи иностранцевъ. Первыя канатныя фабрики учреждены англичанами; англичанинъ Торнтонъ открылъ въ 1841 г. суконную фабрику въ Петербургѣ; Губардъ, въ 1844 г. основалъ тамъ же бумагопрядильню; братья Шау—бумагопрядильню и

ткацкую фабрику. Другіе иностранцы устроивали фабрики и мануфактуры при участіи русскихъ капиталистовъ или состояли управляющими заведеній, основанныхъ на русскія деньги. Этимъ путемъ, т.-е. въ качествѣ создателей болѣе совершенныхъ образцовъ, которымъ подражали затѣмъ русскіе фабриканты, или—въ качествѣ посредниковъ между русскими и иностранцами—иностранные дѣятели преимущественно и способствовали развитію мануфактурной промышленности въ коренной Россіи. Въ этомъ отношеніи особенно видную роль игралъ германскій уроженецъ, Людвигъ Кнопъ.

„Въ послѣдовательномъ ходѣ развитія различныхъ отраслей нашей хлопчатобумажной промышленности первое мѣсто по времени заняло ситценабивное дѣло, составляющее завершительную операцію хлопчато-бумажнаго производства, а позже всѣхъ появилось бумагопрядѣніе, составляющее основу всего производства. Объясняется это тѣмъ, что когда бумажныя ткани стали входить въ общее употребленіе, въ концѣ XVIII и началѣ XIX в., ручное пряденіе было совершенно невыгодно, вслѣдствіе крайней дешевизны англійской машинной пряжи“ [1]); основать же въ Россіи фабрики бумажнаго пряденія было невозможно, потому что строить машины мы не умѣли, а вывозъ таковыхъ изъ Англіи былъ воспрещенъ. Отмѣна такого запрещенія состоялась, какъ извѣстно, въ 1842 г., послѣ чего русскіе предприниматели получили возможность устроивать свои бумагопрядильни, и сразу возникъ большой спросъ на англійскія машины, съ одной стороны, и на американскій хлопокъ—съ другой. Посредникомъ по выпискѣ того и другого явился Людвигъ Кнопъ, прибывшій въ Москву въ 1839 г., въ качествѣ представителя одной англійской фирмы. Онъ быстро сошелся съ московскими купцами и началъ дѣлать свою карьеру. По замѣчанію Шульце-Геверница, своимъ успѣхомъ „Кнопъ обязанъ былъ своему хорошему желудку. Онъ умѣлъ быть фамильярнымъ съ русскими купцами, пить съ ними водку и шампанское по трактирамъ и у цыганокъ—вещь далеко не безопасная, такъ какъ нравы тогда были азіатскіе, и довольно часто стаканы, бутылки и зеркала летѣли въ воздухъ“.

Имѣя связи съ дѣловыми сферами въ Англіи и Америкѣ и хорошо зная состояніе имущества русскихъ промышленныхъ фирмъ, Кнопъ сдѣлался посредникомъ между русскими потребителями англійскихъ машинъ и американскаго хлопка, съ одной стороны, и производителями этихъ продуктовъ—съ другой. „Успѣхъ Кнопа основанъ былъ на томъ, что онъ явился не только коммиссіонеромъ для русскихъ фабрикантовъ, выписывавшимъ для нихъ иностранныя машины, но и по-

[1]) Брандтъ, тамъ-же, ч. III, стр. 48.

средникомъ между англійскими производителями машинъ и русскими фабрикантами для снабженія этихъ послѣднихъ иностраннымъ кредитомъ. Вслѣдствіе незнакомства съ русскимъ рынкомъ и вслѣдствіе особаго характера кредитныхъ отношеній въ Россіи, англійскіе фабриканты не открывали русскимъ кредита. Фирма Кнопъ стала связующимъ звеномъ между обѣими сторонами. Онъ одинаково пользовался довѣріемъ и въ Манчестерѣ, и въ Москвѣ. Тамъ онъ получалъ кредитъ, здѣсь открывалъ его". Благодаря такому положенію, Кнопъ сдѣлался какъ бы спеціалистомъ по части оборудованія русскихъ бумагопрядиленъ, а позже и ткацкихъ фабрикъ. При этомъ Кнопъ поставлялъ въ новыя заведенія не только машины и аппараты, но и иностранныхъ мастеровъ, надсмотрщиковъ и даже простыхъ рабочихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ пріобрѣталъ акціи основываемыхъ имъ бумагопрядиленъ, состоялъ или директоромъ правленій нѣкоторыхъ изъ нихъ, или членомъ наблюдательнаго совѣта, если не лично, то черезъ своихъ повѣренныхъ. „Къ концу жизни Кнопъ могъ насчитать 122 основанныхъ имъ прядильныхъ фабрики. Не было почти ни одной фабрики въ любомъ захолустьи, на которой не было бы машинъ Кнопа, такъ что о немъ сложилась даже спеціальная поговорка: „гдѣ церковь—тамъ попъ, а гдѣ фабрика—тамъ Кнопъ" [1]).

Изъ приведенной справки относительно участія иностранцевъ въ развитіи промышленности коренной Россіи видно, что иностранное вліяніе проявлялось здѣсь, главнымъ образомъ, личнымъ участіемъ въ ней людей знанія, опыта и предпріимчивости; что же касается иностранныхъ капиталовъ, то въ промышленномъ развитіи коренной Россіи они играли болѣе чѣмъ второстепенную роль.

Не то приходится сказать объ окраинныхъ промышленныхъ районахъ: польскомъ, донецкомъ и кавказскомъ. Безъ особой натяжки ихъ можно считать прямымъ дѣтищемъ иностранныхъ капиталовъ и иностранной предпріимчивости.

III.

До самаго конца XVIII вѣка Польша была исключительно земледѣльческой страной, и хотя передъ первымъ ея раздѣломъ замѣчается стремленіе насадить въ ней промышленность, но оно не дало прочныхъ результатовъ, а, будучи представляемо высшей аристократіей, не имѣло серьезной практической подкладки. Серьезное начало этой промышленности положено было въ первую четверть XIX вѣка, когда правительство герцогства варшавскаго, а по прекращеніи въ

---

[1]) Тамъ же, стр. 51—2.

1815 г. самостоятельнаго существованія послѣдняго—русское правительство стало вызывать въ Польшу иностранцевъ и поощряло поселеніе ихъ въ особо назначенныхъ мѣстностяхъ не только дешевымъ чиншемъ за занятые участки, но и безплатнымъ отпускомъ лѣса для построекъ и снабженіемъ поселенцевъ по дешевымъ цѣнамъ кирпичомъ; правительство даже само строило жилища и отдавало ихъ поселенцамъ на льготныхъ условіяхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ бюджетъ царства польскаго до 1835 г. ежегодно вносилась сумма свыше 100 тыс. рублей, для выдачи ссудъ фабрикантамъ-иностранцамъ; а въ 1838 г. основанъ былъ польскій банкъ, на который и возложена была забота о развитіи промышленности.

Мѣры эти не остались безъ результата, и въ теченіе немногихъ лѣтъ въ Польшѣ поселилось до десяти тысячъ нѣмецкихъ семействъ. Между ними были и ремесленники, мастера, были и лица съ малыми и крупными капиталами. Первыя основанія крупному производству въ Польшѣ положены были, слѣдовательно, иностранными предпринимателями, орудовавшими при помощи иностранныхъ капиталовъ и рабочихъ. Съ теченіемъ времени иностранный элементъ, конечно, разжижался мѣстнымъ, и старыя иностранныя фирмы расширяли свои предпріятія уже при помощи средствъ, нажитыхъ въ Россіи. Въ теченіе первыхъ пятидесяти лѣтъ описываемаго періода въ царствѣ польскомъ широко развилась преимущественно мануфактурная промышленность и образовались болѣе или менѣе крупные фабричные центры: Лодзь, Пабіаницы, Згержъ, Томашевъ.

Новый и сильный толчокъ развитію польской промышленности данъ былъ оживленіемъ съ конца 50-хъ и особенно 70-хъ годовъ покровительственной таможенной политики. При умѣренныхъ таможенныхъ пошлинахъ на иностранные фабрикаты, въ Германіи возникъ рядъ фабрикъ и заводовъ, производившихъ различные товары для сбыта въ Россію. Съ возвышеніемъ этихъ пошлинъ, нѣмецкіе производители перенесли свои заведенія черезъ границу и основали ихъ въ Польшѣ. Такъ возникли промышленные округа Заверце, Ченстоховъ, Сосновицы. Возникновеніе новыхъ крупныхъ иностранныхъ предпріятій въ названныхъ мѣстахъ облегчалось тѣмъ обстоятельствомъ, что здѣсь находились богатыя залежи каменнаго угля и залежи желѣзныхъ рудъ. Въ этотъ новый періодъ польской промышленности особенное развитіе получили здѣсь именно металлургія и каменноугольное дѣло. Въ какой степени возвышеніе таможенныхъ пошлинъ (преимущественно огульное повышеніе ихъ въ 1877 г. на 50%—требованіемъ уплаты ихъ золотомъ и введеніе новаго тарифа 1892 г.) способствовало развитію польской промышленности, показываютъ слѣдующія данныя о ростѣ ея производительности. Въ 1871 г. общая

производительность фабрикъ и заводовъ Польши составляла 67 милл. руб.; въ 1880 г. она поднялась до 172 милл. руб., въ 1893 г. равнялась 230 милл. руб., а въ 1897 г.—426 милл. рублей. Столь быстрое развитіе промышленности было возможно лишь благодаря иностраннымъ капиталамъ,—во-первыхъ, потому что накопленіе мѣстныхъ капиталовъ происходитъ сравнительно медленно, во-вторыхъ, — что вмѣстѣ съ иностранными капиталами внутрь страны переносится и неизвѣстная намъ иностранная предпріимчивость, коммерческая опытность и искусный личный персоналъ завѣдующихъ и старшихъ рабочихъ. „Снабженные крупными капиталами,—говоритъ проф. Янжулъ,—иностранцы чрезвычайно быстро, иногда въ нѣсколько мѣсяцевъ, открываютъ въ Польшѣ такія обширныя заведенія, для организаціи коихъ и постепеннаго развитія внутри Россіи потребовались бы, можетъ быть, годы предварительной подготовки".

Крупные иностранные капиталы въ особенно большомъ количествѣ обращены были на польскую каменноугольную и металлургическую промышленность, которыя стали развиваться здѣсь позже промышленности мануфактурной. Изъ восемнадцати каменноугольныхъ копей домбровскаго района, напр., 11 принадлежатъ крупнымъ предпріятіямъ и изъ нихъ только двѣ—русскому обществу, а девять копей—иностранцамъ. Усиленный наплывъ иностранныхъ капиталовъ въ Польшу былъ задержанъ закономъ 1887 г., изданнымъ въ уваженіе жалобъ московскихъ предпринимателей на конкурренцію „чужеядной" польской промышленности. Этимъ закономъ иностраннымъ подданнымъ запрещено пріобрѣтать въ царствѣ польскомъ и сосѣднихъ губерніяхъ внѣ городскихъ поселеній недвижимыя имущества, а также владѣть и пользоваться послѣдними. Въ губерніяхъ царства польскаго иностранные подданные потеряли даже право завѣдывать внѣгородскими недвижимыми имуществами въ качествѣ повѣренныхъ или управляющихъ.

Самые молодые наши промышленные районы суть: донецкій горнозаводскій и кавказскій нефтяной, и оба, преимущественно первый, оборудованы иностранными капиталами.

Минеральныя богатства юга обратили на себя вниманіе правительства еще въ концѣ восемнадцатаго вѣка, и съ тѣхъ поръ неоднократно дѣлались попытки развить тамъ на казенный счетъ чугуноплавильное производство. Попытки эти не имѣли успѣха, и въ шестидесятыхъ годахъ девятнадцатаго вѣка правительство рѣшило, наконецъ, предоставить это дѣло частному капиталу. Въ 1866 г. кн. Кочубею была выдана концессія на устройство на югѣ заводовъ для выдѣлки рельсовъ изъ туземныхъ матеріаловъ, а въ 1869 г. полученіе Поляковымъ концессіи на постройку курско-харьково-азовской желѣз-

ной дороги обусловлено обязательствомъ сооруженія на югѣ Россіи такого же завода. Поляковъ совершенно не выполнилъ своего обязательства, а кн. Кочубей тщетно пытался основать общество для осуществленія концессіи, и въ концѣ концовъ переуступилъ свои права за 24 тыс. фунт. стерлинговъ англичанину Юзу. Основанное Юзомъ „Новороссійское общество каменноугольнаго, желѣзнаго и рельсоваго производства" получило отъ правительства безвозмездно землю съ залежами рудъ и угля, заказъ на 3 милл. пуд. рельсовъ, премію въ 50 коп. за каждый пудъ этихъ рельсовъ и концессію на желѣзную дорогу въ 85 верстъ, долженствующую прорѣзать данный районъ. Такимъ образомъ, въ 1872 г., возникъ въ донецкомъ районѣ первый чугуноплавильный и желѣзодѣлательный заводъ, который оставался здѣсь и единственнымъ (если не считать открытаго тогда же, но почти недѣйствовавшаго завода Пастухова) до начала восьмидесятыхъ годовъ. Отсутствіе дальнѣйшаго прогресса въ дѣлѣ распространенія металлургическаго производства на югѣ Россіи объясняется бѣдностью донецкаго района желѣзными рудами. Новый толчокъ этому дѣлу данъ былъ открытіемъ рудъ въ Кривомъ Рогѣ.

Открытіе здѣсь рудныхъ мѣсторожденій связано съ именемъ землевладѣльца екатеринославской губерніи, А. Н. Поля, снискавшаго себѣ на мѣстѣ прозвище „чудака", за свою страсть къ археологическимъ раскопкамъ и геологическимъ изысканіямъ, и „безпокойнаго человѣка"— за горячее отношеніе къ интересамъ края. То и другое прозвище онъ блистательно оправдалъ, затративъ свое громадное состояніе на открытіе рудъ въ районѣ Кривого Рога. Достигнувъ въ этомъ дѣлѣ полнаго успѣха, онъ уже не имѣлъ средствъ приступить къ эксплуатаціи рудныхъ богатствъ и не нашелъ въ Россіи никого, кто бы серьезно заинтересовался этимъ дѣломъ. Тогда, доставъ у ростовщиковъ за тройные проценты тысячу рублей, онъ отправился въ Парижъ. Результатомъ этой поѣздки было основаніе въ 1880 г. „Французскаго общества криворожскихъ рудъ", съ основнымъ капиталомъ въ 5 милл. франковъ. Въ 1887 г. открылись здѣсь дѣйствія завода брянскаго общества, а въ началѣ истекшаго десятилѣтія—заводъ южно-днѣпровскаго металлургическаго общества. Главная масса заводовъ, впрочемъ, основана была на югѣ Россіи во второй половинѣ девятидесятыхъ годовъ, когда открылись крупные заказы на рельсы для строящихся желѣзныхъ дорогъ. Заблаговременно запасшись такимъ заказомъ, учредители могли смѣлѣе устроивать новыя предпріятія, легче находить для нихъ капиталы. Всего же, съ момента основанія завода Юза до 1898 г., на югѣ возникло 17 большихъ чугуноплавильныхъ заводовъ, изъ которыхъ лишь четыре принадлежатъ русскимъ,—остальные же цѣликомъ или частью сооружены на иностран-

ные капиталы. 22 возникшихъ въ то же время наиболѣе крупныхъ механическихъ и т. п. заводовъ также почти цѣликомъ принадлежатъ иностранцамъ. Русскіе капиталы, конечно, не оставались въ сторонѣ отъ этого движенія; но имъ принадлежатъ второстепенныя заведенія, находящіяся во владѣніи отдѣльныхъ предпринимателей, а не акціонернымъ компаніямъ, и мало доступныя поэтому регистраціи.

Итакъ, металлургическая промышленность юга Россіи выросла въ какія-нибудь 15 лѣтъ и развилась на иностранные капиталы. Тогда какъ двадцать-пять лѣтъ тому назадъ (въ 1875 г.) южная Россія выработывала 600 тыс. пуд. чугуна, пятнадцать лѣтъ тому назадъ—2 милліона пудовъ,—въ 1898 г. она дала 60 милл. пудовъ этого металла. Принимая во вниманіе, что еще въ 1893 г. чугуна было выплавлено здѣсь лишь 20 милл. пуд., т.-е., что за послѣдующія 5 лѣтъ производство утроилось, и что, судя по дальнѣйшему оборудованію района, можно было ожидать, что въ 1901 г. донецкій районъ выброситъ на рынокъ 100 милл. пуд. металла,—мы не можемъ не признать, что только благодаря неограниченному притоку капиталовъ извнѣ и могъ установиться такой темпъ развитія производства.

Организуя въ новѣйшее время промышленность въ польскомъ краѣ и на югѣ Россіи, иностранный капиталъ не создавалъ ничего оригинальнаго. Польскія фабрики и заводы въ значительной мѣрѣ были лишь филіальными отдѣленіями такихъ же нѣмецкихъ заведеній; въ донецкомъ районѣ, правда, создавались совершенно самостоятельныя предпріятія, но создавались они по типу аналогичныхъ учрежденій на Западѣ. Въ иномъ положеніи находится нефтяной кавказскій районъ. Серьезная эксплуатація залежей нефти началась здѣсь въ то время, когда нефть только-что была открыта—въ Сѣверной Америкѣ. Мы не имѣли, поэтому, готовыхъ образцовъ, которымъ оставалось только подражать, а должны были во многомъ сами создавать таковые—творить, а не заимствовать со стороны. И въ этой творческой работѣ важнѣйшую роль играли иностранные предприниматели.

Первыя примѣненія къ добычѣ бакинской нефти, по примѣру Америки, буровыхъ скважинъ (вмѣсто колодцевъ) сдѣланы были русскимъ предпринимателемъ, Мирзоевымъ; первый керосиновый заводъ устроенъ былъ (при помощи нѣмецкихъ химиковъ) также русскимъ, Кокоревымъ, равно какъ и переработка нефтяныхъ продуктовъ въ смазочныя масла начата была русскимъ дѣятелемъ, Рагозинымъ. Все это производилось, однако, въ незначительныхъ размѣрахъ, и хотя въ семидесятыхъ годахъ истекшаго столѣтія нефтяной районъ на Кавказѣ посѣтили нѣкоторые русскіе капиталисты, но никто изъ нихъ не заинтересовался настолько новымъ дѣломъ, чтобы вложить въ него крупные капиталы. Но въ то же время случайно посѣтилъ Баку

шведъ, Робертъ Нобель. Онъ понялъ выгоды, какія обѣщала предпринимателямъ новая отрасль промышленности, образовалъ акціонерную компанію и принялся за разработку нефтяныхъ богатствъ.

Задача новаго дѣла заключалась не только въ томъ, чтобы добывать нефть и переработывать ее въ освѣтительныя и смазочныя масла. Нужно было самостоятельно улучшать всѣ отрасли даннаго дѣла, отыскивать новыя примѣненія нефтяныхъ продуктовъ, новыя полезныя производныя нефти, основываясь при этомъ на научно-производимыхъ лабораторныхъ опытахъ и изслѣдованіяхъ. Это была одна сторона нефтяного дѣла, успѣшно выполнявшаяся „Товариществомъ бр. Нобель". Второй задачей было удешевленіе перевозки нефти къ заводамъ, ее переработывавшимъ, и готовыхъ продуктовъ на мѣста сбыта. Пользуясь примѣромъ американскихъ производителей, Нобель предложилъ бакинскимъ предпринимателямъ устроить сообща нефтепроводъ для передачи нефти съ промысловъ на заводы и замѣнить этимъ способомъ доставки практиковавшійся тогда дорогой способъ перевозки ея на арбахъ. Не встрѣтивъ сочувствія своему предложенію, Нобель устроилъ это дѣло самолично, и новый способъ перемѣщенія нефти, керосина, масла и т. п. вскорѣ послѣ того получилъ въ Баку общее распространеніе. Еще съ бо́льшимъ недовѣріемъ встрѣчена была бакинскими нефтепромышленниками идея Нобеля о перевозкѣ нефтяныхъ продуктовъ наливомъ, показавшаяся имъ тѣмъ менѣе осуществимою, что этотъ способъ перевозки не примѣнялся еще и за границей. Нобель осуществилъ и эту идею, сначала въ примѣненіи къ воднымъ, а затѣмъ и къ желѣзнымъ путямъ сообщенія. Послѣ того Нобелемъ примѣнены были способы храненія керосина въ громадныхъ резервуарахъ (вмѣсто бочекъ) и перекачка его съ заводовъ къ пристанямъ при посредствѣ керосинопроводовъ. Всѣ эти мѣры имѣли окончательнымъ результатомъ удешевленіе нефтяныхъ продуктовъ и способствовали широкому распространенію послѣднихъ внутри страны. Нобелю принадлежитъ главная заслуга и въ организаціи сбыта этихъ продуктовъ въ Россіи. Его „Товарищество" устроило хорошо приспособленные склады нефтяныхъ продуктовъ въ 115 пунктахъ Россіи, Кавказа и Сибири. Вскорѣ русскій керосинъ вытѣснилъ съ внутреннихъ рынковъ американскій, а затѣмъ и самъ двинулся за границу. Развитію внѣшней торговли этимъ продуктомъ много способствовало другое иностранное акціонерное предпріятіе — „Каспійско-черноморское торговое и промышленное общество", главнымъ пайщикомъ котораго былъ парижскій банкирскій домъ Ротшильда. Оно открыло кредитъ изъ невысокаго процента бакинскимъ заводчикамъ, съ тѣмъ, чтобы послѣдніе сдавали предназначенный къ экспорту продуктъ „Обществу" для продажи на внѣшнихъ рынкахъ, и вошло въ сно-

шенія съ заграничными импортерами по поставкѣ имъ русскаго керосина. Въ союзѣ съ послѣдними „Каспійско-черноморское общество“ открыло русскому керосину путь и на Дальній Востокъ. Организація внѣшней торговли керосиномъ потребовала, съ своей стороны, крупныхъ затратъ на резервуары, баржи, пароходы, заводы для выдѣлки жестянокъ, ящиковъ и т. д. Кромѣ Нобеля и Ротшильда, вывозомъ нефтяныхъ продуктовъ за границу занимаются еще девять иностранныхъ фирмъ.

На ряду съ иностранцами въ кавказскомъ нефтяномъ промыслѣ принимали участіе и русскія—не столь крупныя, правда,—фирмы; но въ самые послѣдніе годы ихъ заведенія стали также переходить въ руки иностранцевъ. Дѣло въ томъ, что въ новѣйшее время, какъ извѣстно, явился огромный спросъ на нефть, какъ топливо; цѣны ея поднялись выше всякаго ожиданія, и правительство рѣшило расширить площадь эксплуатируемыхъ участковъ. Крупнымъ капиталамъ, такимъ образомъ, опять открывается широкое поле дѣятельности, и иностранные предприниматели не преминули предложить свои услуги, а русскіе нефтепромышленники — воспользоваться таковыми. Такъ, сдѣлалось извѣстнымъ о продажѣ нѣкоторыхъ русскихъ предпріятій въ Баку (Шибаева, Тагіева, Арафелова и др.) пяти иностраннымъ фирмамъ за сумму 20 милл. рублей и объ учрежденіи для эксплуатаціи бакинскихъ нефтяныхъ земель другихъ семи иностранныхъ обществъ.

IV.

Примѣненіе какой-либо страной иностранныхъ капиталовъ ведетъ къ ускоренію ея промышленнаго развитія, такъ какъ послѣднее обусловливается главнымъ образомъ оборудованіемъ фабрикъ, заводовъ и перевозочныхъ предпріятій, для чего, при современномъ состояніи техники, требуется затрата крупныхъ капиталовъ. Иностранные капиталы примѣнялись у насъ въ послѣднее время, главнымъ образомъ, въ польскомъ и южномъ районахъ; эти районы должны были, поэтому, развиваться быстрѣе, нежели остальная Россія. И дѣйствительно, сравнивая, напр., состояніе въ теченіе 1877—1886 годовъ хлопчатобумажной промышленности въ польскомъ, московскомъ и петербургскомъ районахъ, мы увидимъ, что тогда какъ въ петербургскомъ районѣ число веретенъ на прядильныхъ фабрикахъ возросло—за разсматриваемое время—съ 1.032 до 1.140 тысячъ, или на 10%, а въ московскомъ увеличилось съ 1.489 до 2.160 тыс., или на 45%,—въ царствѣ польскомъ оно поднялось съ 216 до 506 тыс., т.-е. на 132%. Точно также и число ткацкихъ станковъ въ петербургскомъ районѣ

увеличилось за описываемое время съ 8.620 до 10.790, т.-е. на 25%; въ московскомъ—съ 40.260 до 60.520, или на 50%; въ царствѣ же польскомъ число ткацкихъ станковъ, составляя въ 1877 г. 4.420, дошло въ 1886 г. до 10.570, т.-е. поднялось на 140%. Еще рѣзче различіе быстроты металлургической промышленности. Тогда какъ на частныхъ уральскихъ заводахъ выплавка чугуна въ теченіе 1890—1899 гг. возросла съ 24 до 40 милл. пуд., или на 66%,—въ царствѣ польскомъ она поднялась съ 7 до 18 милл. пуд., т.-е. на 160%, а на югѣ Россіи—съ 13 до 80 милл. пудовъ, или на 570%. Производительность желѣза и стали возросла за тотъ же періодъ времени на Уралѣ съ 16 до 26 милл. пуд., или на 60%; въ царствѣ польскомъ—съ 7 до 17 милл. пуд., или на 140%, а въ донецкомъ районѣ—съ 8 до 50 милл. пуд., т.-е. увеличилась въ 6—7 разъ.

Примѣненіе иностранныхъ капиталовъ отражается на промышленности страны еще въ другомъ отношеніи. Расширеніе производства при помощи мѣстныхъ капиталовъ происходитъ, главнымъ образомъ, путемъ введенія усовершенствованій существующихъ уже заведеній; учрежденіе же совершенно новыхъ предпріятій играетъ второстепенную роль. Приливая къ какой-либо отрасли, иностранные капиталы—если они находятся при этомъ въ распоряженіи иностранцевъ же предпринимателей — будутъ стремиться основать совершенно новыя заведенія, оборудуютъ таковыя, конечно, соотвѣтственно современному состоянію техники и создадутъ такимъ образомъ наиболѣе крупныя и сильныя предпріятія. Сказанное особенно приложимо къ тѣмъ случаямъ, когда иностранные капиталы направляются въ новые, еще не оборудованные районы. Въ этихъ случаяхъ и туземные капиталы обращены были бы на устройство новыхъ предпріятій и могли бы создавать, поэтому, болѣе или менѣе совершенные образцы. Но такъ какъ въ странахъ, подобныхъ Россіи, капиталы накопляются медленно, то, при отсутствіи прилива средствъ извнѣ, конкурренція между производителями не носила бы остраго характера, желанными гостями въ новыхъ районахъ были бы крупные и мелкіе капиталы, и средній уровень техническаго совершенства предпріятій не достигъ бы высоты, присущей ему въ тѣхъ случаяхъ, когда новый районъ оборудуется иностранцами, съ ихъ неистощимыми запасами капиталовъ, предпріимчивостью и опытностью иностранныхъ коммерсантовъ. Въ подтвержденіе сказаннаго можно бы привести массу фактовъ изъ исторіи русской промышленности; но мы считаемъ вопросъ яснымъ самъ по себѣ, и переходимъ, поэтому, къ фактическому подтвержденію высказаннаго выше замѣчанія о томъ, что промышленность, оборудованная у насъ иностранцами, технически совершеннѣе той, въ которой заложены по преимуществу мѣстные капиталы.

Къ чести національной нашей промышленности по обработкѣ волокнистыхъ веществъ слѣдуетъ сказать, что она очень мало отстала отъ промышленности, созданной на иностранныя средства. Дѣйствительно, по даннымъ 1897 г., среднее число рабочихъ на одну фабрику въ Польшѣ равняется 153, а въ остальной Россіи—143, или всего десятью меньше; средняя производительность одного заведенія составляла въ царствѣ польскомъ 272 тыс. руб., въ Россіи—201 тыс. руб.; средняя годовая производительность одного рабочаго въ Польшѣ—1.785 руб., въ Россіи—1.405 руб. Своимъ высокимъ состояніемъ данная русская промышленность въ извѣстной степени, впрочемъ, обязана тѣмъ же иностранцамъ, которые организовывали промышленность польскую. Рынокъ для сбыта продуктовъ польской и русской хлопчатобумажной и другихъ промышленностей—одинъ и тотъ же, и потому, когда на этомъ рынкѣ стали обращаться болѣе дешевые товары новыхъ иностранныхъ фабрикъ царства польскаго, старыя фирмы московскаго района подняли-было вопль о непосильности конкурренціи съ этой „чужеядной“ промышленностью и ходатайствовали о возстановленіи таможенной границы между Польшей и остальною Россіей. Это нелѣпое ходатайство, конечно, не было уважено, но московская промышленность отъ этого не погибла. Фабриканты стали лучше слѣдить за успѣхами техники, устарѣвшіе пріемы производства своевременно замѣняли новыми, и достигли того, что продукты ихъ фабрикъ обходятся столь же дешево, какъ и польскіе фабрикаты.

Совершенно въ иномъ положеніи находился въ послѣднее время другой коренной нашъ промышленный районъ—уральскій горнозаводскій. Несмотря на то, что на югѣ Россіи въ это время выросло крупнѣйшее производство металловъ и издѣлій изъ нихъ—уральскіе горнопромышленники даже не почувствовали этого явленія, и продолжали отдаваться спокойному сну, убаюкиваемые высокими таможенными пошлинами и недоступностью района для новыхъ предпринимателей. Объясняется этотъ фактъ тѣмъ, что донецкій металлургическій районъ создался для удовлетворенія требованій строящихся желѣзныхъ дорогъ, уральскій же округъ работалъ, главнымъ образомъ, для нуждъ массы населенія. Два этихъ крупныхъ района, поэтому, пока еще не конкуррируютъ другъ съ другомъ, и уральскимъ заводскимъ магнатамъ не предстояло настоятельной необходимости заботиться объ усовершенствованіи производства. Въ виду этого, производительность южныхъ и уральскихъ заводовъ настолько различна, что ихъ можно, пожалуй, считать принадлежащими къ двумъ различнымъ типамъ. Одна доменная печь, напр., на Уралѣ даетъ въ годъ 300 тыс. пуд. чугуна, а на югѣ—2.000 тыс. пудовъ, или почти въ 7 разъ больше; одинъ рабочій добываетъ на Уралѣ 3 тыс. пуд. руды и 5 тыс. пуд. чугуна, а на югѣ—20 тыс. пуд. руды и 14 тыс. пудовъ чугуна.

При сравненіи этихъ цифръ не слѣдуетъ, однако, забывать, что южный горнопромышленный районъ создался почти вдругъ, въ самое новѣйшее время, и что поэтому, въ техническомъ отношеніи, онъ долженъ превосходить старый уральскій районъ. Это превосходство, однако, далеко не было бы столь значительно, еслибы послѣдній сколько-нибудь проявлялъ стремленіе къ прогрессу. Вѣковой сонъ уральской промышленности, впрочемъ, кажется, приходитъ къ концу. Второй годъ южная металлургическая промышленность испытываетъ тяжелый кризисъ, обусловленный тѣмъ обстоятельствомъ, что создавалась она не по разсчетамъ на обыкновеннаго постояннаго потребителя, а съ цѣлью эксплуатировать временный спросъ, созданный усиленной постройкой желѣзныхъ дорогъ и сооруженіемъ новыхъ фабрикъ и заводовъ, вызванныхъ къ жизни потребностями строящихся же дорогъ. Изъ 35 милл. пудовъ металла и издѣлій, выпущенныхъ южными заводами, напр., въ теченіе первой половины 1899 г.,—не болѣе $3^1/_2$ милл. пудовъ предназначено на нужды обыкновеннаго потребителя, а 90% производства „потребляется казной, желѣзными дорогами и иными крупными постройками, крупными заводами, исполняющими въ значительной мѣрѣ тоже крупные заказы, какъ котлы, мосты, пароходы и т. п.“ [1]). Когда, поэтому, всѣ строившіеся на югѣ заводы были окончены и взятые заказы рельсовъ и т. п. выполнены—оказалось, что желѣзно-дорожная сѣть расширяется не съ такой быстротой, чтобы дать занятіе крупному металлическому району, и дѣйствовавшіе заводы стали сокращать, а то и вовсе пріостанавливать производство, вновь же сооруженные и не начинали таковаго. Этимъ южная металлургическая промышленность показала, что она находится въ сторонѣ отъ общей экономической жизни страны, и очередной задачей, которую предстоитъ ей разрѣшить, является, поэтому, приспособленіе заводовъ къ производству металлическихъ издѣлій обще-народнаго потребленія. Когда она вступитъ на этотъ путь, она столкнется на рынкѣ съ продуктомъ уральскаго производства, станетъ, конечно, понижать его цѣну и заставитъ уральскихъ заводчиковъ проснуться. Тогда приливше на югъ иностранные капиталы сослужатъ дѣйствительную службу Россіи, и можно будетъ сказать, что они слились съ народно-хозяйственнымъ организмомъ во-едино, и не представляютъ чего-то внѣшняго, назначеннаго для эксплуатаціи временной потребности страны.

В. В.

---

[1]) „Русское Богатство“ 1901 г., № 5, отд. II, стр. 31.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 іюня 1902.

Правительственныя сообщенія.—Разобщенность различныхъ классовъ населенія и ея результаты.—Еще о мелкой земской единицѣ.—Рѣчь управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія и комментаріи къ ней въ печати.—Отчетъ по вѣдомству православнаго исповѣданія за 1898-ой годъ.—Церковно-приходскія школы и школы грамоты.—Квартирныя деньги чиновъ полиціи.

26-го минувшаго апрѣля въ с-петербургскомъ военно-окружномъ судѣ разсмотрѣно дѣло о Степанѣ Валеріановѣ Балмашевѣ, преданномъ суду за предумышленное убійство покойнаго министра внутреннихъ дѣлъ егермейстера Сипягина. Военно-окружный судъ, признавъ Балмашева виновнымъ, приговорилъ его, на основаніи ст. 279 кн. XXII воинск. уст. о наказ., по лишеніи всѣхъ правъ состоянія, къ смертной казни чрезъ повѣшеніе. Поданная осужденнымъ кассаціонная жалоба разсмотрѣна Главнымъ Военнымъ Судомъ въ засѣданіи 29-го апрѣля и оставлена безъ послѣдствій.

3-го сего мая приговоръ приведенъ въ исполненіе, въ порядкѣ ст. ст. 963 и 964 уст. уг. суд.

5-го сего мая, въ гор. Вильнѣ, въ 12-мъ часу вечера, на мѣстнаго губернатора, генералъ-лейтенанта фонъ-Валя произведено было нападеніе, изъ побужденій, какъ сообщаетъ „Прав. Вѣстникъ", свойства, очевидно, политическаго. Генералъ легко раненъ двумя выстрѣлами изъ револьвера въ руку и въ ногу.

Злоумышленникъ (назвавшій себя на дознаніи мѣщаниномъ ковенской губ. Гиршемъ Лекертомъ) задержанъ на мѣстѣ преступленія и предается военному суду.

Въ послѣднее время въ полтавской и харьковской губерніяхъ произошли серьезныя нарушенія общественнаго порядка. Сущность

происшедшаго, какъ видно изъ правительственнаго сообщенія, заключается въ слѣдующемъ:

„Около половины минувшаго марта въ смежной съ полтавскимъ уѣздомъ части константиноградскаго уѣзда, полтавской губерніи, въ помѣщичьи экономіи стали являться скопомъ сосѣдніе крестьяне и, ссылаясь на недостатокъ продовольствія, просить о даровой выдачѣ имъ хлѣба и корма для скота. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ той же мѣстности замѣтно возросло количество ночныхъ кражъ хлѣба, картофеля и сѣна. Вскорѣ отъ просьбъ крестьяне перешли къ требованіямъ, сопровождавшимся нерѣдко возгласами: „Все равно, скоро все наше будетъ!", а затѣмъ и къ угрозамъ, что въ случаѣ отказа возьмутъ все силою.

„Всѣ эти явленія наблюдались на сравнительно небольшомъ пространствѣ въ районѣ крупныхъ усадьбъ, близъ селеній константиноградскаго уѣзда: Максимовки, Варваровки, Ѳедоровки и Лисичьяго, изъ коихъ послѣднее, какъ оказывается, было мѣстомъ пребыванія нѣкоторыхъ лицъ изъ числа занимавшихся преступною пропагандой. Возбужденіе среди населенія постепенно усиливалось и, наконецъ, 28 марта, большая толпа крестьянъ деревни Максимовки и отчасти жителей сосѣднихъ деревень прибыла на подводахъ въ одинъ изъ хуторовъ въ имѣніе Его Высочества Герцога Мекленбургъ-Стрелицкаго, Карловку, съ угрозами отняла у управляющаго ключи отъ амбаровъ и вывезла нѣсколько тысячъ пудовъ картофеля.

„Этимъ въ полтавскомъ и константиноградскомъ уѣздахъ начались явныя безчинства. Крестьяне открыто цѣлыми обозами, иногда до 300—400 подводъ, нападали на усадьбы помѣщиковъ и богатыхъ казаковъ, отбивали замки у амбаровъ, сараевъ и кладовыхъ и увозили хлѣбъ, кормъ для скота, сельскохозяйственныя орудія, а иногда угоняли скотъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ при этомъ въ толпѣ грабителей слышались крики: „Берите, вы должны сдѣлать, какъ въ книжкѣ написано, это все наше!.."

„30 марта полтавскій губернаторъ, признавъ необходимымъ для водворенія спокойствія принять чрезвычайныя мѣры, отправился съ 3-мя баталіонами пѣхоты на мѣсто безпорядковъ и 31 приступилъ къ ихъ прекращенію, идя по слѣдамъ грабителей. Появленіе войска, произведя должное впечатлѣніе въ тѣхъ селеніяхъ, которыя оно занимало, не могло сразу возстановить порядокъ въ прочихъ мѣстностяхъ. Въ обоихъ уѣздахъ полтавской губерніи грабежи продолжались, и 31 марта въ числѣ другихъ въ константиноградскомъ уѣздѣ была разграблена крупная экономія купца Волика, откуда увезено около 20.000 пудовъ хлѣба; затѣмъ волненіе стало приближаться къ Полтавѣ.

„1 апрѣля толпа крестьянъ произвела нападеніе на отстоящую верстахъ въ 10 отъ города мельницу владѣльца Трепке, при селѣ Ковалевкѣ. Командированныя туда полтавскимъ вице-губернаторомъ 2 роты пѣхоты прибыли уже на мѣсто въ то время, когда крестьяне возвращались изъ имѣнья Трепке послѣ произведеннаго грабежа. Земскій начальникъ, сопровождавшій воинскую команду, арестовалъ 20 человѣкъ и приступилъ къ производству дознанія. Тѣмъ временемъ вооруженная кольями и вилами толпа стала наступать на команду и на предупрежденіе командовавшаго штабъ-офицера о томъ, что онъ

будетъ вынужденъ стрѣлять, отвѣтила камнями и глумленіемъ. Послѣ этого по толпѣ былъ данъ залпъ, коимъ двое грабителей были убиты и семь ранены (одинъ изъ раненыхъ умеръ, раны прочихъ не опасны). 2 апрѣля безпорядки въ константиноградскомъ уѣздѣ, благодаря передвиженію войскъ, усиленныхъ еще 4-мъ баталіономъ, вызваннымъ изъ Полтавы, стали стихать, хотя нѣсколько усадебъ подъ самою Полтавой были еще разграблены. 3-го апрѣля произошла новая вспышка волненій въ константиноградскомъ уѣздѣ, не имѣвшая особаго значенія, и затѣмъ безпорядки въ полтавской губерніи были окончательно прекращены. Всего въ этой губерніи разграблено 54 усадьбы.

„31 марта волненія перешли въ харьковскую губернію, охвативъ въ ней валковскій уѣздъ и незначительную часть богодуховскаго уѣзда.

„Послѣ трехдневнаго развитія въ полтавской губерніи, перейдя въ харьковскую, безпорядки здѣсь проявились въ еще болѣе разнузданной формѣ: крестьяне, уже не ограничиваясь расхищеніемъ хлѣба, картофеля и сѣна, грабили инвентарь, угоняли скотъ, иногда уносили домашнюю утварь, опустошили нѣсколько усадебъ и 2 изъ нихъ сожгли. Донесенія о появленіи грабителей въ валковскомъ уѣздѣ были получены харьковскимъ губернаторомъ кн. Оболенскимъ, незадолго передъ тѣмъ вступившимъ въ управленіе губерніи, вечеромъ 31 марта. Въ ту же ночь онъ выѣхалъ на мѣсто безпорядковъ, взявъ баталіонъ пѣхоты и сотню казаковъ. Утромъ 1 апрѣля войска застали грабителей въ имѣніи генерала-отъ-инфантеріи Перлика, отбили у нихъ награбленное имущество, наказали виновныхъ и арестовали около 50 человѣкъ.

„Захвативъ затѣмъ крестьянъ на грабежахъ въ 2-хъ сосѣднихъ усадьбахъ полтавской губ., князь Оболенскій узналъ о разграбленіи большого свеклосахарнаго завода купца Молдавскаго, въ селѣ Ново-Ивановскомъ, валковскаго уѣзда, но успѣлъ придти съ воинской командой лишь по окончаніи нападенія. Съ завода этого было расхищено до 30.000 пудовъ сахару и всевозможная утварь, а также разобраны по частямъ и увезены машины, и уведено 150 паръ воловъ. Толпа дошла здѣсь до такого неистовства, что кинулась на заводскую больницу; похитила всѣ медикаменты изъ аптеки, вырывала и уносила тюфяки изъ-подъ больныхъ.

„Въ это время прибылъ губернаторъ съ небольшою горстью казаковъ, задержалъ значительное количество грабителей и, подвергнувъ ихъ наказанію, водворилъ порядокъ. Хотя 1 и 2 апрѣля въ разныхъ мѣстахъ, благодаря высланнымъ изъ Харькова подкрѣпленіямъ, большая часть нападеній была войсками своевременно застигнута и остановлена, тѣмъ не менѣе, предупредить случаи разграбленія вездѣ не удалось. 1-го числа толпа разграбила усадьбу у помѣщицы Гаевской и подожгла ея строенія. Въ тотъ же день подверглась нападенію богатая помѣщичья усадьба Кантакузовка. Въ ней разграблены амбары, уведенъ скотъ, расхищена вся дорогая движимость дома и библіотека. Въ имѣніи землевладѣльца Духовскаго, „Осиновѣ“, крестьяне, расхитивъ всю движимость, разобрали по бревнамъ домъ и увезли ихъ съ собою. Къ вечеру 1 апрѣля толпа грабителей приблизилась къ городу Валкамъ и 2 апрѣля на улицахъ этого города появились передовыя

группы крестьянъ, шедшихъ на грабежъ, но по прибытіи губернатора, вечеромъ 2 числа, порядокъ былъ возстановленъ и безчинствующіе наказаны. На этомъ закончились безпорядки въ валковскомъ уѣздѣ. Всего въ этомъ уѣздѣ разграблено 25 землевладѣльческихъ усадебъ и экономій; приблизительно въ такомъ же количествѣ случаевъ грабежи были предупреждены. Кромѣ того, въ прилегающей къ валковскому уѣзду мѣстности богодуховскаго уѣзда были раграблены 2 усадьбы при селѣ Рябковкѣ и хуторѣ Благодатномъ; хуторъ же Мирный подвергся нападенію, но былъ во-время спасенъ.

„Энергичный образъ дѣйствій харьковскаго губернатора и объявленіе имъ народу, что участь добровольно возвратившихъ награбленное будетъ смягчена, заставили участвовавшихъ въ грабежахъ крестьянъ одуматься и въ послѣдовавшіе за прекращеніемъ безпорядковъ дни крестьяне стали представлять въ волостныя правленія для возвращенія потерпѣвшимъ похищенное имущество и приносить повинныя, составляя по этому предмету общественные приговоры.

„Немедленно по возникновеніи грабежей какъ въ полтавской, такъ равно и въ харьковской губерніяхъ, на мѣсто безпорядковъ прибыли представители судебной власти и приступлено было къ производству предварительныхъ слѣдствій. Одновременно съ тѣмъ были возбуждены дознанія черезъ офицеровъ отдѣльнаго корпуса жандармовъ. Этими разслѣдованіями выяснено, что въ смежныхъ между собою частяхъ полтавскаго и константиноградскаго уѣздовъ, гдѣ хозяйственное положеніе крестьянъ, пережившихъ за послѣдніе годы нѣсколько недородовъ, не вполнѣ удовлетворительно, свила себѣ гнѣздо противоправительственная пропаганда, выразившаяся усиленнымъ распространеніемъ среди крестьянъ преступныхъ брошюръ и изданій на малороссійскомъ языкѣ. Въ этихъ изданіяхъ сельское населеніе призывалось къ возстанію противъ властей и къ завладѣнію имуществомъ помѣщиковъ.

„Къ изложенному необходимо добавить, что распространившіеся въ обществѣ слухи о лицахъ, подвергшихся будто бы насилію со стороны крестьянъ, также какъ и о крестьянахъ, засѣченныхъ по распоряженію властей,—невѣрны. Основаніемъ къ возникновенію послѣдняго рода толковъ послужило, очевидно, то обстоятельство, что для прекращенія грабежей власти были вынуждены примѣнить тѣлесное наказаніе къ вожакамъ возстанія и къ болѣе упорнымъ его участникамъ. Наказанія эти, оказавъ должное воздѣйствіе на крестьянъ, устранили необходимость принятія болѣе крутыхъ мѣръ, подобныхъ тѣмъ, къ которымъ пришлось прибѣгнуть въ селѣ Ковалевкѣ. При подавленіи безпорядковъ лица, руководившія отдѣльными толпами грабителей, и болѣе виновные изъ среды послѣднихъ были задержаны; равнымъ образомъ заключены подъ стражу и нѣкоторыя лица изъ числа участвовавшихъ въ преступной среди крестьянъ пропагандѣ. Въ настоящее время общественное спокойствіе въ полтавской и харьковской губерніяхъ возстановлено. Слѣдуетъ полагать, что принятыя мѣры къ усиленію въ этихъ мѣстностяхъ полицейской охраны обезпечатъ сохраненіе тамъ порядка и впредь“.

11-го мая воспослѣдовалъ нижеслѣдующій Высочайшій указъ Правительствующему Сенату:

„Происходившіе въ послѣднее время въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ полтавской и харьковской губерній безпорядки сопровождались рядомъ нападеній крестьянъ на сосѣднія усадьбы, причинившихъ владѣльцамъ значительные убытки.

„Возлагая отвѣтственность за эти убытки не только на лицъ, непосредственно виновныхъ въ означенныхъ преступныхъ дѣйствіяхъ, но и на тѣ сельскія общества, кои своимъ преступнымъ попустительствомъ способствовали развитію безпорядковъ, Мы повелѣваемъ:

„1) Отпустить изъ государственнаго казначейства, сверхсмѣтнымъ кредитомъ по отдѣлу чрезвычайныхъ расходовъ сего 1902 года, 800.000 рублей на вознагражденіе потерпѣвшихъ землевладѣльцевъ константиноградскаго, полтавскаго, валковскаго и богодуховскаго уѣздовъ, за убытки, непосредственно причиненные имъ означенными безпорядками;

„2) возложить исчисленіе таковыхъ убытковъ и назначеніе лицамъ, заявившимъ о томъ ходатайство, соразмѣрнаго по соображеніи съ указанною суммою вознагражденія на особыя временныя коммиссіи, образуемыя, подъ предсѣдательствомъ полтавскаго и харьковскаго губернаторовъ, при участіи губернскихъ предводителей дворянства и другихъ должностныхъ лицъ мѣстнаго финансоваго и по крестьянскимъ дѣламъ управленія;

„3) предоставить министрамъ внутреннихъ дѣлъ и финансовъ, по взаимному соглашенію, опредѣлить составъ и порядокъ дѣйствій означенныхъ коммиссій и свои по сему предмету предположенія внести на Наше утвержденіе чрезъ комитетъ министровъ, и

„4) для возмѣщенія государственному казначейству указанной въ п. 1 суммы, установить съ сельскихъ обществъ и селеній, крестьяне коихъ принимали участіе въ безпорядкахъ, дополнительный къ существующимъ окладной сборъ, съ тѣмъ, чтобы ежегодный размѣръ онаго и срокъ его взысканія были опредѣлены, для отдѣльныхъ обществъ и селеній, порядкомъ, указаннымъ выше, въ п. 2, и чтобы взиманіе этого сбора, на общемъ съ прочими окладными платежами основаніи, было начато не позднѣе второй половины текущаго года“.

Какъ только было оффиціально оглашено все происшедшее въ губерніяхъ полтавской и харьковской, въ печати былъ поставленъ вопросъ, возникающій самъ собою изъ существа правительственнаго сообщенія. Указавъ на то, что безпорядкамъ, охватившимъ обширное пространство, неизбѣжно должны были предшествовать толки, разговоры, „Новое Время“ (№ 9393) спрашиваетъ себя: „когда объ одномъ и томъ же шепчутся сотни и тысячи людей, какъ могло это остаться въ тайнѣ для всѣхъ тѣхъ, кто къ крестьянской средѣ не принадлежитъ, но причастенъ къ ней въ качествѣ людей, поставленныхъ управлять крестьянами, учить ихъ, разбирать ихъ дѣла, или же въ качествѣ

людей, пользующихся крестьянскимъ трудомъ, имѣющихъ личныя дѣла и сношенія съ крестьянами"? То же самое высказываетъ и „Гражданинъ" (№ 34). „Прежде чѣмъ довести крестьянъ до рѣшимости отправиться цѣлыми обществами за добычею",—читаемъ мы въ „Дневникѣ" кн. Мещерскаго,—„надо было, чтобы толки и слухи гуляли по селамъ въ теченіе извѣстнаго періода времени. Какимъ же образомъ могли не знать объ этомъ заранѣе, и гораздо заранѣе, земскіе начальники"? Невѣдѣніе, продолжавшееся цѣлыя недѣли, становится еще болѣе непонятнымъ, если принять во вниманіе, что волненіе среди населенія усиливалось постепенно и обнаруживалось болѣе или менѣе открыто уже съ половины марта; за просьбами слѣдовали требованія, за требованіями—угрозы, въ концѣ мѣсяца перешедшія въ насильственныя дѣйствія. Остается только предположить, что попытки успокоить и образумить населеніе были сдѣланы, но не привели къ желанной цѣли. Редакторъ „Гражданина" видитъ корень зла въ обремененіи земскихъ начальниковъ письменною, кабинетною работою, лишающею ихъ „возможности быть властью близкою къ народу". Гораздо шире смотритъ на дѣло „Новое Время". По его словамъ, „полтавскіе и харьковскіе крестьянскіе безпорядки ужасающимъ образомъ обнажили, въ какой безпросвѣтной тьмѣ живетъ наше крестьянство въ своемъ обособленіи отъ всего, что есть въ странѣ культурнаго, просвѣщающаго, облагораживающаго, и какими неожиданностями можетъ проявить себя населеніе, отдѣленное отъ остальнаго общества китайской стѣной своихъ особыхъ порядковъ и учрежденій". Совершенно правильно и заключеніе, къ которому приходитъ газета: „съ безпросвѣтной тьмой крестьянскаго правосознанія можно бороться только школой культурной жизни, дѣйствующей не одною грамотностью, но всею совокупностью своихъ порядковъ, законовъ и учрежденій". Для того, чтобы такая борьба была возможна, необходима равноправность народной массы, необходима общая обезпеченность правъ, необходимо общее повышеніе ихъ уровня. Ближайшая очередная задача касается крестьянства: она давно намѣчена и земскими собраніями, и печатью. Съ поднятіемъ матеріальнаго благосостоянія народа должно идти рука объ руку распространеніе просвѣщенія, преобразованіе юридическаго строя, развитіе самоуправленія, сближеніе сословій. Если „люди, пользующіеся крестьянскимъ трудомъ, имѣющіе личныя дѣла и сношенія съ крестьянами", такъ слабо на нихъ вліяютъ, такъ мало могутъ для нихъ сдѣлать, то объясненіе этому слѣдуетъ искать именно въ недостаткѣ точекъ соприкосновенія между различными классами населенія, въ недостаткѣ поприщъ для ихъ совмѣстной работы. Однимъ изъ такихъ поприщъ могла бы быть мелкая земская единица, говорить о которой насъ постоянно застав-

ляютъ требованія жизни. Теперь мы должны возвратиться къ ней, между прочимъ, и потому, что для вопросовъ, къ ней относящихся, наступаетъ, повидимому, новый болѣе благопріятный фазисъ.

Московское губернское земское собраніе, проектировавшее, нѣсколько лѣтъ тому назадъ [1]), учрежденіе попечительствъ для проведенія на мѣстахъ земскихъ мѣропріятій экономическаго характера, возбудило недавно новое ходатайство по этому предмету. Министерство внутреннихъ дѣлъ нашло, что „если смотрѣть на ходатайство земства лишь какъ на предположеніе о нѣкоторомъ увеличеніи числа исполнительныхъ органовъ земства, то едва ли настоитъ необходимость въ его осуществленіи, ибо ст. 105 Пол. о земск. учр., дополненная закономъ 7-го іюня 1899 г., предоставляетъ земству полную возможность призывать къ исполнительной по земскому хозяйству дѣятельности какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и коммиссіи, состоящія изъ лицъ, упомянутыхъ въ приведенной статьѣ земскаго положенія. Поэтому министерство полагаетъ, что ходатайство земства слѣдуетъ понимать шире и что разрѣшеніе учрежденія мѣстныхъ земскихъ органовъ для завѣдыванія экономической частью и общественнымъ призрѣніемъ, съ предоставленіемъ самому земству, какъ того желаетъ московское, права опредѣлять районы дѣйствія означенныхъ органовъ, свелось бы, въ сущности, къ созданію прототипа мелкой земской единицы. Между тѣмъ, послѣдній вопросъ представляется настолько важнымъ и затрогиваетъ столь существенныя стороны мѣстнаго хозяйства, что разрѣшать его въ настоящее время въ томъ или иномъ смыслѣ представлялось бы крайне затруднительнымъ, а при такихъ условіяхъ какое-либо предрѣшеніе его путемъ удовлетворенія ходатайства того или иного отдѣльнаго земства, конечно, не можетъ имѣть мѣста. Въ виду изложенныхъ соображеній, министерство просило начальника губерніи сообщить московскому земству, что, „не отклоняя заявленнаго имъ ходатайства, оно тѣмъ не менѣе не считаетъ возможнымъ дать ему немедленно дальнѣйшее движеніе, въ виду неполноты матеріала, представленнаго земствомъ, и недостаточной его разработки“. Отрицательный по своему непосредственному результату, отвѣтъ министерства внутреннихъ дѣлъ имѣетъ, тѣмъ не менѣе, весьма существенное значеніе. Онъ свидѣтельствуетъ, во-первыхъ, о томъ, что земскія ходатайства, направленныя къ организаціи мелкой земской единицы, не признаются министерствомъ выходящими за предѣлы земской компетенціи. Слѣдуетъ ожидать, поэтому, что тѣ губернаторы и губерн-

---

[1]) См. Внутреннее Обозрѣніе въ № 5 „Вѣстника Европы“ за 1900 г.

скія по земскимъ дѣламъ присутствія, которые держались противоположнаго взгляда [1]), не будутъ болѣе противодѣйствовать возбужденію и разсмотрѣнію земскими собраніями вопроса о мелкой земской единицѣ. Этимъ будетъ положенъ конецъ тому странному порядку вещей, при которомъ дозволенное въ однѣхъ губерніяхъ оказывалось запретнымъ для другихъ и движеніе дѣла, крайне важнаго для мѣстнаго населенія, задерживалось на многіе годы... Второй выводъ, вытекающій изъ вышеприведеннаго отвѣта, заключается въ томъ, что министерство, находя разрѣшеніе вопроса о мелкой земской единицѣ затруднительнымъ *въ настоящее время*, предвидитъ возможность его постановки въ будущемъ, едва ли особенно отдаленномъ, и косвенно приглашаетъ земство къ собранію относящихся сюда матеріаловъ и детальной ихъ разработкѣ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что на это приглашеніе откликнутся какъ тѣ земскія собранія, которыя по собственной иниціативѣ поставили у себя на очередь вопросъ о мелкой земской единицѣ, такъ и многія другія.

Въ печати мелкая земская единица встрѣчаетъ, въ послѣднее время, все болѣе и болѣе защитниковъ [2]). „Освободите крестьянина отъ давящей его административной опеки",—говоритъ, въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ", г. Балабановъ, мнѣніе котораго о народномъ образованіи мы привели въ нашемъ предъидущемъ обозрѣніи,—„сдѣлайте волость учрежденіемъ всесословнымъ, чтобы плательщиками было все мѣстное населеніе, имѣющее землю или какое-либо имущество, безъ различія сословій—и тогда, только тогда, трудолюбивые хозяйственные крестьяне будутъ полезны и своему обществу, такъ какъ только тогда они могутъ поднять производительность своей земли". Въ „Саратовскомъ Листкѣ" г. Тютрюмовъ, возражая противъ опасеній, заявленныхъ на кустарномъ съѣздѣ, указываетъ на то, что неблагопріятныхъ условій, создаваемыхъ зависимостью отъ земскаго начальника, не можетъ быть въ мелкой земской единицѣ, гдѣ на ряду съ крестьянами будутъ люди знающіе законъ и способные охранить его отъ нарушенія. При нынѣшнемъ административномъ строѣ „самоуправляющаяся всесословная общественная единица можетъ только содѣйствовать правосознанію народа и водворенію законности въ деревнѣ... Интеллигентные землевладѣльцы, врачи или педагоги сознаютъ теперь свою полную безпомощность оказать содѣйствіе упорядоченію крестьянскаго хозяйства, такъ какъ нѣтъ ни общей почвы, ни нор-

---

[1]) См. Внутреннее Обозрѣніе въ №№ 1 и 4 „Вѣстн. Европы" за текущій годъ.

[2]) За возможность и желательность ея даже при настоящихъ условіяхъ высказались, кромѣ одного, и всѣ ораторы, говорившіе въ спб. юридическомъ обществѣ, 30-го минувшаго апрѣля, при обсужденіи доклада К. К. Арсеньева о мелкой земской единицѣ.

мальныхъ учрежденій для такого содѣйствія и для совмѣстной дѣятельности съ крестьянскимъ населеніемъ. Мелкая земская единица должна создать такую почву". Въ „Хуторянинѣ" г. Вороной, признавая, что административная дѣятельность земскихъ начальниковъ совершенно не оправдала возлагавшихся на нее ожиданій, высказывается за преобразованіе сельскаго самоуправленія на всесословномъ началѣ и за приведеніе его въ живую, непосредственную связь съ земскими учрежденіями. Весьма интересна, наконецъ, статья „Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей": „Земство и крестьяне" — интересна въ особенности потому, что она появилась на страницахъ оффиціальнаго органа. Главная ея тема—необходимость усилить крестьянское представительство въ земствѣ; но мотивы, приводимые авторомъ, говорятъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и въ пользу мелкой земской единицы. „Земство должно приходить въ тѣсное и непосредственное соприкосновеніе съ народомъ; народъ, съ своей стороны, долженъ принимать активное участіе въ общей земской работѣ. Безъ такого дружескаго взаимодѣйствія, безъ этого тѣснаго единенія значеніе земской дѣятельности если и не сводится къ нулю, то во всякомъ случаѣ значительно умаляется въ своей продуктивности. У насъ почему-то до сихъ поръ принято смотрѣть на отношеніе земства къ народу, какъ на отношеніе опекуна къ опекаемому; земству хотятъ навязать роль няньки". Протестуя противъ такого стремленія, авторъ восклицаетъ: „пора вызвать крестьянъ изъ состоянія пассивнаго бездѣйствія"! Вполнѣ соглашаясь съ этимъ выводомъ, мы недоумѣваемъ, вмѣстѣ съ „С.-Петербургскими Вѣдомостями", кого имѣетъ въ виду харьковская газета, говоря о желаніи установить земскую опеку надъ народомъ? По справедливому замѣчанію „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей", и земскіе дѣятели, и значительная часть печати, и все интеллигентное общество съ самаго момента введенія земскихъ учрежденій твердили и твердятъ о необходимости расширенія крестьянской самодѣятельности. Не къ нимъ, слѣдовательно, относится упрекъ „Харьковскихъ Губ. Вѣдомостей"...

Вступивъ въ управленіе министерствомъ народнаго просвѣщенія, Г. Э. Зенгеръ обратился къ чинамъ министерства съ рѣчью, рисующею ближайшій планъ дѣйствій новаго министра. Мы узнаемъ изъ нея, что всѣ проекты преобразованія средней школы—какъ выработанные при Н. П. Боголѣповѣ, такъ и подготовленные при П. С. Ванновскомъ,—поступятъ на разсмотрѣніе ученаго комитета министерства, а затѣмъ совѣта министра народнаго просвѣщенія; туда же будутъ переданы на заключеніе отзывы педагогическихъ и попечительскихъ совѣтовъ о результатахъ примѣненія, въ истекшемъ учебномъ

году, временныхъ правилъ, выработанныхъ министерствомъ въ іюнѣ 1901-го года. За окончаніемъ срока дѣйствія этихъ правилъ, необходимо теперь же озаботиться правильной постановкой вопроса объ устройствѣ учебной части средней школы на предстоящій учебный годъ. „Строго говоря"—читаемъ мы въ рѣчи Г. Э. Зенгера,—долженъ бы снова вступить въ силу тотъ порядокъ вещей, который указанъ въ законѣ. Но, по соображеніи фактическихъ обстоятельствъ, создавшихся въ школѣ, представляется неизбѣжнымъ установленіе въ ней и на будущій годъ временного устройства. Это временное устройство должно быть осуществлено съ наименьшими для нея потрясеніями, съ возможнымъ соблюденіемъ педагогическихъ требованій и притомъ такъ, чтобы не предрѣшались конечные результаты реформы средней школы. Въ виду того, что министерство не въ правѣ допускать собственною властью отступленій отъ закона, управляющій министерствомъ испросилъ Высочайшее соизволеніе на образованіе особой коммиссіи для обсужденія наиболѣе цѣлесообразныхъ по этому поводу мѣропріятій. Предположенія коммиссіи, по обсужденіи ихъ ученымъ комитетомъ и совѣтомъ министра, будутъ, за невозможностью своевременнаго разсмотрѣнія ихъ въ законодательномъ порядкѣ, повергнуты на благоусмотрѣніе Государя Императора". „Я убѣжденъ"—продолжалъ Г. Э. Зенгеръ,—„что при предстоящемъ намъ изученіи весьма сложныхъ и важныхъ вопросовъ мы съумѣемъ сохранить полное безпристрастіе и тщательно использовать труды нашихъ предшественниковъ. Однимъ изъ важнѣйшихъ залоговъ плодотворной разработки спорныхъ вопросовъ является уваженіе къ чужимъ мнѣніямъ. Чѣмъ меньше притязательности и нетерпимости въ человѣкѣ, тѣмъ болѣе настроеніе его приближается къ тому, при которомъ ищущій истины способенъ воспринять ее. Въ частности разномысліе по школьнымъ вопросамъ не должно приводить къ взаимному отчужденію свѣдущихъ и добросовѣстныхъ людей. Совмѣстная работа роднитъ лицъ, приступившихъ къ ней даже въ то время, когда они стояли на самыхъ различныхъ точкахъ зрѣнія, и это сближеніе особенно облегчается, когда у всѣхъ одна общая цѣль... Да сохранитъ насъ Богъ отъ высокомѣрія и односторонности; да убережетъ онъ насъ также отъ угодливости шумливому задору легкомыслія". По словамъ Г. Э. Зенгера, неослабная работа должна продолжаться и въ областяхъ образованія высшаго, промышленнаго и низшаго. Изъ рѣчи, произнесенной Г. Э. Зенгеромъ, 29-го апрѣля, при посѣщеніи московскаго университета, видно, что коммиссія, учрежденная для разсмотрѣнія отзывовъ о реформѣ высшаго образованія, оканчиваетъ свои занятія; предстоитъ, затѣмъ, „обсужденіе всего дѣла съ участіемъ представителей университетовъ и высшихъ техническихъ заведеній, а также

другихъ вѣдомствъ". Учрежденіе коммиссіи съ этою цѣлью Г. Э. Зенгеръ считаетъ желательнымъ къ самому началу будущаго учебнаго года.

Таковы оффиціальныя сообщенія, ничего, въ сущности, не предрѣшающія, не дающія никакихъ опредѣленныхъ указаній на вѣроятные результаты преобразовательной работы. Не такъ понимаетъ ихъ реакціонная печать, боящаяся, какъ огня, всякой коренной реформы. Въ словахъ Г. Э. Зенгера „Московскія Вѣдомости" видятъ отказъ произвести преобразованія „съ лихорадочною поспѣшностью, подъ давленіемъ чуждыхъ и враждебныхъ наукѣ агитацій и демонстрацій". Приведя восклицаніе министра: „да убережетъ насъ Богъ отъ угодливости шумливому задору легкомыслія", газета продолжаетъ: „тотъ, кто сознательно пережилъ всѣ реформаторскіе ужасы истекшаго года, тотъ пойметъ и безъ дальнѣйшихъ объясненій всю глубину и мѣткость этихъ словъ. То, что вчера легкомысленный фельетонистъ шумливо выкрикивалъ какъ послѣднее слово невѣдомой ему педагогической науки, то сегодня воспринималось съ благоговѣйною угодливостью передъ общественнымъ мнѣніемъ и завтра уже вносилось въ проекты учебныхъ реформъ, вопреки здравому смыслу, историческому опыту и дѣйствительной пользѣ государственной школы". Теперь „реформы подвергнутся серьезному обсужденію вполнѣ компетентныхъ лицъ и учрежденій, которыя несомнѣнно будутъ исключительно заниматься своимъ спеціальнымъ дѣломъ, а не пустою болтовней, столь любезною шумливому задору легкомыслія". Преобразованія будутъ произведены „не кое-какъ, не со скоропалительною поспѣшностью, не съ самоувѣреннымъ дилеттантствомъ, а по зрѣломъ обсужденіи всѣхъ насущныхъ потребностей какъ русскаго государства, такъ и русской науки, интересы которой совершенно были забыты прошлогодними реформаторами, съ ихъ эгалитарно-демократическими идеалами". Трудно рѣшить, что болѣе характерно въ этихъ тирадахъ—проникающая ихъ злоба или полнѣйшее отсутствіе фактическихъ основаній. Можно ли, въ самомъ дѣлѣ, говорить о „лихорадочной" или „скоропалительной поспѣшности", когда между обѣими сессіями коммиссіи, подготовлявшей, при П. С. Ванновскомъ, реформу средней школы, прошло около года, въ продолженіе котораго не прекращалось всестороннее обсужденіе вопроса? Позволительно ли забывать, что эта коммиссія имѣла передъ собою труды своихъ предшественниковъ, во многомъ облегчавшіе ея работу? Допускаетъ ли составъ коммиссіи, соединявшей въ себѣ выдающихся ученыхъ и заслуженныхъ педагоговъ, мысль о „пустой болтовнѣ", о подчиненіи „агитаціямъ" и „демонстраціямъ", о податливости передъ обществен-

нымъ мнѣніемъ, выразившимся въ „выкрикиваніяхъ“ фельетонистовъ? Да и гдѣ, когда происходили „агитаціи“ и „демонстраціи“, предопредѣлившія, будто бы, и направленіе работъ коммиссіи? Радостью, граничившею съ восторгомъ, была, правда, встрѣчена вѣсть о заключеніяхъ, къ которымъ пришла коммиссія—но эта радость не могла повліять на содержаніе заключеній, по той простой причинѣ, что послѣдующимъ не обусловливается предъидущее... Никакими „реформаторскими ужасами“ минувшій годъ ознаменованъ не былъ: онъ былъ только свидѣтелемъ разрыва съ рутиной, слишкомъ долго тяготѣвшей надъ русскимъ педагогическимъ міромъ. Никому не возбраняется провозглашать эту рутину послѣднимъ словомъ педагогической и даже государственной мудрости—но пускай же будетъ признано право гражданства и за мнѣніемъ, иначе понимающимъ „здравый смыслъ, историческій опытъ и дѣйствительную пользу школы“. Обскурантизму, подозрительно относящемуся къ свободному изслѣдованію, не подобаетъ брать на себя охрану „интересовъ науки“, будто бы забытыхъ реформаторами; въ свойственной ему роли онъ остается только тогда, когда приписываетъ своимъ противникамъ „эгалитарно-демократическіе идеалы“... Для насъ не подлежитъ никакому сомнѣнію, что, упоминая объ „угодливости шумливому задору легкомыслія“, Г. Э. Зенгеръ вовсе не имѣлъ въ виду прошлогоднюю работу министерства: иначе онъ не говорилъ бы о необходимости „тщательно использовать ее“, наравнѣ съ болѣе ранними проектами реформы, не говорилъ бы объ „уваженіи къ чужимъ мнѣніямъ“, какъ объ „одномъ изъ важнѣйшихъ залоговъ плодотворной разработки спорныхъ вопросовъ“. Нужно было „все превозмогающее усердіе“ московскихъ псевдоохранителей, чтобы усмотрѣть въ оффиціальной рѣчи подтвержденіе ихъ своеобразныхъ взглядовъ на только-что закончившійся періодъ въ исторіи нашей средней школы.

Изъ рѣчи Г. Э. Зенгера видно, что на разсмотрѣніе ученаго комитета и совѣта министра будутъ внесены отзывы педагогическихъ и попечительскихъ совѣтовъ о результатахъ примѣненія временныхъ правилъ 1901-го года. Въ чемъ заключаются эти отзывы, какъ отнесутся къ нимъ высшія учрежденія министерства—пока еще неизвѣстно; но „Московскія Вѣдомости“ заранѣе рѣшаютъ, что „временная реформа имѣла самые плачевные результаты“, „водворила въ наши школы полный хаосъ какъ въ образовательномъ, такъ и въ воспитательномъ отношеніи“. Съ такою же увѣренностью газета утверждаетъ, что, по прошествіи наступающаго учебнаго года, будетъ возстановленъ „прежній нормальный порядокъ“ и все въ средней школѣ „будетъ существовать на прежнемъ законномъ основаніи“. Ничего подобнаго изъ словъ Г. Э. Зенгера вывести нельзя: если онъ говоритъ

о „временномъ устройствѣ“, которое должно быть дано средней школѣ на будущій учебный годъ, то это объясняется тѣмъ, что къ началу 1903—94-го учебнаго года можетъ уже быть утвержденъ новый законъ, долженствующій замѣнить собою нынѣ дѣйствующіе уставы гимназій и реальныхъ училищъ. Еслибы вся задача министерства, въ глазахъ новаго министра, заключалась въ возвращеніи къ „прежнему нормальному порядку“, то незачѣмъ было бы предпринимать пересмотръ проектовъ, составленныхъ при Н. П. Боголѣповѣ и П. С. Ванновскомъ; достаточно было бы объявить, что черезъ годъ все пойдетъ по старому, съ такими, развѣ, частными поправками, которыя могутъ быть осуществлены властью самого министра. Мы думаемъ, что не къ такимъ результатамъ должна привести серьезная и сложная преобразовательная работа, продолженіе которой обѣщаетъ вступительная рѣчь управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія...

Стараясь нанести еще одинъ ударъ прежнему управленію министерствомъ народнаго просвѣщенія, московская газета утверждаетъ, что всѣ государственныя учрежденія, которымъ предстоитъ, въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ, то или другое преобразованіе, живутъ, въ ожиданіи его, „*на существующемъ законномъ основаніи*“ (курсивъ въ подлинникѣ); другими словами, введеніе временныхъ правилъ 1901-го года было отступленіемъ отъ нормы, нарушеніемъ постоянно соблюдаемаго порядка. Это совершенно невѣрно: изданіе, въ виду намѣченной реформы, временныхъ правилъ—явленіе обычное въ русской государственной жизни. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только вспомнить разныя временныя правила, подъ дѣйствіемъ которыхъ цѣлые годы и даже цѣлыя десятилѣтія живетъ наша печать. Отъ этихъ правилъ переходный порядокъ, установленный, на 1901—92-ой учебный годъ, въ нашей средней школѣ, выгодно отличался своею краткосрочностью: предполагалось, что постоянному закону онъ уступитъ мѣсто не позже осени нынѣшняго года—и это предположеніе не осуществилось лишь по непредвидѣннымъ причинамъ.

Всеподданнѣйшіе отчеты по вѣдомству православнаго исповѣданія, постоянно публикуемые во всеобщее свѣдѣніе, обнимали собою, начиная съ 1888-го года, двухлѣтніе промежутки времени; послѣдній, недавно обнародованный отчетъ, возвращаясь къ прежнему порядку, имѣетъ предметомъ только одинъ годъ—1898-ой,—но онъ не меньше предшествовавшихъ богатъ содержаніемъ и интересомъ. Видное мѣсто занимаютъ въ немъ, по обыкновенію, свѣдѣнія о положеніи дѣлъ на окраинахъ имперіи. Въ холмско-варшавской епархіи, гдѣ, четверть

вѣка тому назадъ, произошло возсоединеніе греко-уніатовъ съ православною церковью, до сихъ поръ имѣется еще немало такъ называемыхъ „упорствующихъ", „коснѣющихъ въ уніатскихъ и католическихъ заблужденіяхъ". Въ 1895 г. ихъ числилось (въ губерніяхъ люблинской, сѣдлецкой и сувалкской) 73.175, въ 1896 г.—около 77 тыс., въ 1897 г.—около 83 тыс.; въ отчетѣ за 1898-ой годъ ихъ показано также 83 тысячи. Прекратилось, такимъ образомъ, увеличеніе ихъ числа, но не началось обратное движеніе. Къ 1898-му году относится изданіе новыхъ правилъ „для руководства при разсмотрѣніи и рѣшеніи вѣроисповѣдныхъ дѣлъ о бывшихъ греко-уніатахъ холмской епархіи". Говоря, въ свое время [1]), объ этихъ правилахъ, мы выразили сомнѣніе въ томъ, чтобы они могли способствовать сближенію „упорствующихъ" съ господствующею церковью. Изъ отчета за 1898 г. видно, что мѣстные агитаторы воспользовались ими даже какъ новымъ средствомъ для возбужденія смуты въ населеніи: появились „особые предприниматели, занятые исключительно подговоромъ бывшихъ греко-уніатовъ къ подачѣ прошеній о признаніи ихъ католиками". Такихъ прошеній, въ теченіе первыхъ трехъ мѣсяцевъ со времени обнародованія правилъ, поступило 663. Между тѣмъ, положеніе „упорствующихъ" и „колеблющихся" (т.-е. не уклоняющихся совершенно отъ православія, но не считающихъ себя православными) представляется весьма печальнымъ. Некрещенныхъ дѣтей числилось въ ихъ средѣ къ 1 января 1898 г. 26.177, незаконныхъ сожительствъ—9699. Къ православію „упорствующіе" относятся съ озлобленіемъ, избѣгая встрѣчъ и бесѣдъ съ православнымъ духовенствомъ. На убѣжденія священниковъ крестить дѣтей, многіе „упорствующіе" отвѣчаютъ: „скорѣе утопимъ, чѣмъ окрестимъ въ православной церкви". Глубоко вѣрующіе люди, лишенные возможности удовлетворять свои религіозныя потребности—лишенные ея не вслѣдствіе непреодолимыхъ препятствій (напр. отсутствія, въ данной мѣстности, церквей и священниковъ даннаго исповѣданія), а вслѣдствіе оффиціальныхъ запрещеній,—должны испытывать чувство, напоминающее муки Тантала. Возлѣ себя они видятъ храмъ, куда стремятся душою, но куда для нихъ закрытъ доступъ,—видятъ духовныхъ лицъ, у которыхъ могли бы найти желанное утѣшеніе, но которыя обязаны отказать имъ въ немъ. А въ глубокой религіозности „упорствующихъ" нельзя сомнѣваться; если бы они были болѣе индифферентны къ вопросамъ вѣры, то, конечно, не задумались бы обезпечить свое спокойствіе исполненіемъ, хотя бы чисто формальнымъ, требованій православной церкви. Отвѣтъ, который даютъ многіе изъ нихъ на убѣжденіе окрестить дѣтей по

[1]) См. Внутр. Обозрѣніе въ № 9 „Вѣстн. Европы", за 1898 г.

православному обряду, внушенъ глубокимъ фанатизмомъ—фанатизмомъ, конечно, весьма прискорбнымъ, но не поддающимся никакому внѣшнему давленію. Еслибы „упорствующимъ“ было предоставлено примкнуть, оффиціально и открыто, къ той церкви, къ которой они принадлежатъ душой и сердцемъ, отношеніе ихъ къ православію неминуемо измѣнилось бы къ лучшему: не было бы больше поводовъ для систематическаго уклоненія отъ встрѣчъ и бесѣдъ съ православнымъ духовенствомъ, и самое воздѣйствіе послѣдняго на бывшихъ уніатовъ стало бы, такимъ образомъ, гораздо болѣе осуществимымъ. Средствъ для такого воздѣйствія въ распоряженіи духовенства имѣется немало: таковы, по удостовѣренію отчета, торжественность богослуженія, общее пѣніе молящихся, паломничество, церковно-приходскія школы.

Великое препятствіе въ дѣлѣ духовно-нравственнаго воздѣйствія на расколъ представляютъ, по словамъ отчета, раскольническія моленныя. „Замѣчается, что раскольники, довольствующіеся домашнею молитвою, менѣе фанатичны, податливѣе на убѣжденіе и скорѣе присоединяются къ православной церкви. Наоборотъ, въ мѣстахъ, гдѣ раскольники имѣютъ моленныя, расколъ отличается особенною дерзостью и упорствомъ. Однако число раскольническихъ моленныхъ не только не уменьшается, но все увеличивается. Такъ напр., число моленныхъ въ нижегородской епархіи достигло въ 1898 г. 184, изъ коихъ только 12 разрѣшены подлежащимъ начальствомъ. Въ вятской епархіи разрѣшенныхъ моленныхъ 5, а не разрѣшенныхъ—до 60 (въ 1897 г. ихъ было 53). При незначительномъ, сравнительно, количествѣ раскольниковъ въ вологодской губерніи (7.841 чел.) имѣются 23 раскольническія моленныя, всѣ безъ разрѣшенія правительства, и кромѣ того въ 19 домахъ бываютъ для общественной молитвы собранія раскольниковъ. Число раскольническихъ моленныхъ стало увеличиваться особенно послѣ рѣшенія уголовнаго кассаціоннаго департамента Прав. Сената (по дѣлу Сорокина) о томъ, что на устройство общественнаго богомоленія въ частномъ домѣ разрѣшенія не требуется. Съ того времени раскольники не только усердно поддерживаютъ существующія молельни, но начали въ нѣкоторыхъ мѣстахъ открывать домашнія моленныя, имѣющія связь съ жилыми избами, цѣлыми десятками“. Въ увеличеніи числа моленныхъ едва ли можно видѣть что-либо иное, кромѣ свойственнаго всѣмъ вѣрующимъ, безъ различія исповѣданій, стремленія къ молитвенному общенію въ мѣстахъ, спеціально для того назначенныхъ и приспособленныхъ. Съ непреодолимой силой это стремленіе проявлялось, въ средѣ раскольниковъ, и до изданія закона 3 мая 1883 года, когда устройство раскольническихъ моленныхъ было безусловно воспрещено, подъ страхомъ уголовной кары. Несмотря на преслѣдованія и наказанія, молен-

ныя существовали почти вездѣ, гдѣ имѣлось сколько-нибудь значительное раскольническое населеніе. Понятно, что ихъ много и въ настоящее время, при господствѣ нѣсколько болѣе снисходительнаго взгляда на расколъ. Фактъ существованія въ вятской епархіи 60 неразрѣшенныхъ моленныхъ и только пяти дозволенныхъ, въ нижегородской—172 неразрѣшенныхъ и 12 дозволенныхъ кажется намъ прискорбнымъ не потому, чтобы онъ знаменовалъ собою особое упорство раскольниковъ, а потому, что онъ указываетъ на недостаточное примѣненіе закона 3-го мая. Въ основаніи этого закона лежала мысль, что раскольники не должны быть стѣсняемы въ отправленіи богослуженія по обрядамъ своего ученія, лишь бы только при этомъ не было „оказательства", разсматриваемаго какъ соблазнъ для православныхъ. Если устройство новыхъ моленныхъ, при соблюденіи извѣстныхъ условій, не было дозволено однажды навсегда, а было поставлено въ зависимость отъ особаго, каждый разъ, разрѣшенія, то этимъ, по всей вѣроятности, имѣлось въ виду предупредить толкованіе закона въ смыслѣ уравненія раскола съ другими вѣроисповѣданіями, издавна признанными государствомъ. Соотвѣтствуетъ ли, затѣмъ, духу закона такая явная непропорціональность между числомъ раскольниковъ и числомъ разрѣшенныхъ моленныхъ, какую, судя по вышеприведеннымъ цифрамъ, представляютъ епархіи нижегородская и вятская? Что такое пять моленныхъ для населенія, оффиціально опредѣляемаго почти въ сто тысячъ, а на самомъ дѣлѣ, конечно, еще гораздо болѣе многочисленнаго и, въ добавокъ, разбросаннаго на огромномъ пространствѣ? Что такое двѣнадцать моленныхъ для семидесяти-пяти тысячъ раскольниковъ нижегородской епархіи? Не ясно ли, что для громаднаго большинства нижегородскихъ и вятскихъ раскольниковъ разрѣшеніе столь незначительнаго числа моленныхъ равносильно полному ихъ запрещенію, т.-е. возвращенію къ положенію дѣлъ, существовавшему до закона 3-го мая? Съ еще бо́льшимъ правомъ это можно сказать о раскольникахъ вологодской епархіи, гдѣ разрѣшенной моленной нѣтъ *ни одной*. Не таково было, очевидно, первоначальное намѣреніе законодателя; не для того былъ изданъ законъ, чтобы оставаться почти вовсе безъ примѣненія. Прежде, во времена суроваго преслѣдованія раскола, привязанность раскольниковъ къ мѣстамъ, гдѣ они, скрываясь и трепеща, сходились для молитвы, была тѣмъ глубже, чѣмъ сильнѣе грозила опасность полицейскаго разгрома и судебной волокиты. Едва ли мы ошибемся, если скажемъ, что и теперь самовольно открытою моленною раскольники дорожатъ больше, чѣмъ оффиціально разрѣшенною, именно потому, что существованіе первой постоянно виситъ на волоскѣ и его нужно хранить въ тайнѣ... Законъ 3-го мая изложенъ, къ сожалѣнію, такъ, что легко можетъ

обратиться въ мертвую букву: все зависитъ отъ дискреціонной власти, т.-е. отъ усмотрѣнія администраціи. Нельзя не пожелать, чтобы пересмотръ этого закона, если онъ будетъ поставленъ на очередь, былъ направленъ не къ ограниченію, а къ расширенію круга его дѣйствій, путемъ точнаго опредѣленія условій, при соблюденіи которыхъ раскольники имѣли бы *право* капитальнаго ремонта существующихъ и постройки новыхъ молитвенныхъ зданій. Фактически отъ этого ничего бы не измѣнилось. Если число моленныхъ, открываемыхъ безъ разрѣшенія, непрерывно растетъ, если администрація воздерживается отъ возбужденія процессовъ, самая многочисленность которыхъ не могла бы не произвести тяжелаго впечатлѣнія, то не лучше ли было бы прямо и открыто даровать юридическую санкцію тому, что существуетъ на самомъ дѣлѣ? Уравненіемъ раскола съ другими исповѣданіями это не было бы уже потому, что зданія раскольническихъ моленныхъ продолжали бы отличаться не только отъ церквей—православныхъ, католическихъ, лютеранскихъ,—но даже отъ синагогъ и мечетей, назначеніе которыхъ ясно отражается въ ихъ наружномъ видѣ.

Чѣмъ больше затрудненія, съ которыми сопряжено, на практикѣ, открытіе настоящей молельни—т.-е. зданія, оффиціально и исключительно предназначеннаго для общественнаго богослуженія, — тѣмъ естественнѣе увеличеніе числа „домашнихъ моленныхъ", т.-е. помѣщеній, не отдѣленныхъ отъ жилыхъ построекъ и только по временамъ обращаемыхъ въ мѣста молитвенныхъ собраній. Что для устройства такой моленной нѣтъ надобности въ административномъ разрѣшеніи—это вытекаетъ съ полною очевидностью какъ изъ буквы закона 3-го мая 1883-го г. (т. XIV Уст. о пред. и прес. прест., изд. 1890 г., ст. 48), безъ всякихъ ограниченій разрѣшившаго раскольникамъ творить общественную молитву въ частныхъ домахъ и установившаго стѣснительныя правила лишь относительно часовень и другихъ *молитвенныхъ зданій*,—такъ и изъ положенія комитета министровъ 4-го іюля 1894-го года, воспретившаго общественныя молитвенныя собранія только однимъ штундистамъ и, слѣдовательно, сохранившаго ихъ свободу для всѣхъ остальныхъ раскольниковъ и сектантовъ. Ни къ какому другому выводу не могъ придти кассаціонный сенатъ, стоящій на стражѣ закона; никакого другого вывода не допускаютъ и указанія жизни. Опытъ нѣсколькихъ вѣковъ съ достаточною ясностью свидѣтельствуетъ о томъ, что преслѣдованія, даже самыя настойчивыя и строгія, безсильны противъ религіозныхъ вѣрованій, уступающихъ только медленному дѣйствію убѣжденія. Подтвержденіе этому мы находимъ, впрочемъ, и въ разсматриваемомъ нами отчетѣ. По словамъ оберъ-прокурова св. синода, „не подлежитъ никакому сомнѣнію всеобщее ослабленіе и постепенное разложеніе старообрядческаго рас-

кола въ Россіи. Такъ и должно быть, ибо главная причина поддержанія и усиленія раскола есть невѣжество и недостатокъ просвѣщенія. Въ этомъ отношеніи въ теченіе минувшей четверти вѣка произошли перемѣны ощутительныя, съ умноженіемъ просвѣтительныхъ средствъ и съ оживленіемъ учительной и миссіонерской дѣятельности духовенства, возрастающей *по мѣрѣ того какъ ослабляется исключительная, въ прежнее время, дѣятельность гражданскихъ властей въ преслѣдованіи раскола*". Все клонящееся къ смягченію законодательства о расколѣ, къ ограниченію административныхъ стѣсненій, налагаемыхъ на раскольниковъ, способствуетъ, такимъ образомъ, усиленію тѣхъ средствъ борьбы, которыя одни только могутъ быть признаны дѣйствительными и цѣлесообразными.

Отдѣлъ отчета, касающійся раціоналистическаго сектантства, указываетъ двѣ категоріи условій, изъ которыхъ одна благопріятствуетъ, другая противодѣйствуетъ борьбѣ съ сектантствомъ. Къ первой категоріи отнесены правила 4 іюля 1894 г., запретившія общественныя молитвенныя собранія штундистовъ. По словамъ отчета, „православные, смущенные широкимъ распространеніемъ изъ года въ годъ штундоваго лжеученія и открытаго на собраніяхъ секты оскорбленія религіозныхъ чувствъ православнаго народа, теперь успокоились, увидѣвъ, что не только духовенство, но и само правительство оберегаетъ ихъ отъ пропаганды вреднаго сектантскаго лжеученія". Исчезло довѣріе къ ложнымъ слухамъ о сочувствіи правительства къ сектантамъ, да и сами штундисты, прекративъ устройство общественныхъ молитвенныхъ собраній, начали терять свой прежній фанатизмъ. Все это, однако, измѣнилось съ тѣхъ поръ, какъ штундисты, привлекаемые къ судебной отвѣтственности, стали именовать себя баптистами, а введенные ими въ заблужденіе суды—произносить по отношенію къ нимъ оправдательные приговоры. Подобныя оправданія, сначала единичныя, встрѣчаются съ 1897 г. все чаще и чаще, особенно подъ вліяніемъ двухъ кассаціонныхъ рѣшеній (по дѣламъ Оберемка и Александрова и Крючкова).—Говоря недавно о книгѣ А. М. Бобрищева-Пушкина: „Судъ и раскольники-сектанты" [1]), мы имѣли случай замѣтить, что оправдательныя рѣшенія по дѣламъ о молитвенныхъ собраніяхъ штундистовъ основываются, большею частью, на невозможности доказать принадлежность обвиняемыхъ къ сектѣ штундистовъ, т.-е. соединеніе въ ихъ ученіи всѣхъ признаковъ штундизма, перечисленныхъ въ оффиціальномъ разъясненіи правилъ 1894-го года. Судебной ошибки въ такихъ рѣшеніяхъ усмотрѣть нельзя; наоборотъ, они вполнѣ согласны съ кореннымъ началомъ уголовнаго процесса, въ силу котораго ви-

[1]) См. Литературное Обозрѣніе въ № 4 „Вѣстника Европы" за текущій годъ.

новность не предполагается, а доказывается, и бремя доказательства лежитъ на обвинителѣ. Важно не то, какъ именуютъ себя подсудимые: важно то, подтверждена ли фактическими данными правильность наименованія, которое даетъ имъ обвиненіе. Съ другой стороны, *пропаганда* штундизма, какъ и всякаго другого сектантскаго ученія, преслѣдовалась одинаково строго и до, и послѣ изданія правилъ 1894-го года, чѣмъ устранялась всякая мысль о „сочувствіи" или хотя бы о снисхожденіи правительства къ штундистамъ. Общественныя собранія, участники которыхъ привлекались къ отвѣтственности на основаніи правилъ 1894-го года, состояли, очевидно, изъ однихъ только сектантовъ; иначе обвиненіе было бы поставлено не по ст. 29 Уст. о наказ., налаг. мир. суд., а по ст. 189 или 196 Улож. о наказ. Необходимо, наконецъ, имѣть въ виду, что привлеченіе къ суду, даже оканчивающееся оправданіемъ, крайне тягостно для обвиняемыхъ; ему предшествуетъ, обыкновенно, принудительное увѣщаніе, сопряженное, по выраженію г. Бобрищева-Пушкина, съ „странствованіемъ, иногда многонедѣльнымъ, по безконечнымъ этапамъ". Иногда, въ добавокъ, собравшіеся сектанты подвергаются нападеніямъ толпы, производящей надъ ними жестокую расправу. Если, тѣмъ не менѣе, собранія сектантовъ не прекращаются совершенно, то объясненіе этому слѣдуетъ искать не въ оправдательныхъ судебныхъ приговорахъ, а въ неотразимой привлекательности, какую имѣетъ для вѣрующихъ—во что̀ бы и какъ бы они ни вѣровали — общественная молитва, хотя бы она была запрещена, или даже именно потому, что она запрещена.

Къ числу причинъ, усиливающихъ сектантство, отчетъ, на основаніи миссіонерскихъ донесеній, относитъ „агитацію въ пользу мнимо угнетенныхъ сектантовъ со стороны нѣкоторой, именующей себя либеральною, части нашего общества, въ послѣднее время особенно покровительствующей сектантамъ, поддерживающей съ ними и личныя, и письменныя сношенія и тѣмъ самымъ сильно питающей въ нихъ увѣренность въ дарованіи будто бы полной свободы ихъ лжеученію. Эта агитація перешла и въ печать, въ которой въ 1898 г. появилось множество статей въ поддержаніе раскола и сектъ и въ порицаніе нашихъ миссій... Почти всѣ эти статьи, однако, принадлежатъ авторамъ не серьезнымъ, не имѣющимъ яснаго понятія ни о церкви, ни о существѣ сектантскихъ вѣрованій". *Покровительство* предполагаетъ наличность нѣкоторой силы, возможность нѣкотораго содѣйствія—а этими условіями часть русскаго общества, „именующая себя либеральною", ни въ какой мѣрѣ не обладаетъ. Не имѣетъ она и *увѣренности* въ скоромъ дарованіи свободы совѣсти, не имѣетъ даже на то надежды—а того, чего у нея нѣтъ, она, очевидно, не могла и не можетъ передать другимъ. Статей, написанныхъ *въ поддержаніе* раскола

и сектъ—т.-е. заключающихъ въ себѣ ихъ защиту или оправданіе, становящихся на сторону ихъ доктрины,—мы не припомнимъ ни за 1898-й годъ, ни за время предъидущее и послѣдующее; едва-ли онѣ были бы и возможны при дѣйствующихъ законахъ о печати. Что религіозная свобода принадлежитъ къ числу благъ, наиболѣе цѣнныхъ въ глазахъ „либеральной" части общества и печати—это безспорно; но вѣроятнымъ результатомъ такой свободы было бы не „поддержаніе", а, наоборотъ, ослабленіе раскола и сектантства...

Въ отдѣлѣ отчета, посвященномъ церковно-приходскимъ школамъ и школамъ грамоты, незамѣтно, на этотъ разъ, стремленія вознести ихъ надъ свѣтскими начальными школами и представить ихъ имѣющими преимущественное право на сочувствіе народа. Число церковно-приходскихъ школъ и школъ грамоты постоянно растетъ—и это вполнѣ понятно, въ виду постояннаго увеличенія суммъ, получаемыхъ ими отъ государственнаго казначейства. Вмѣстѣ съ ассигновками изъ губернскаго земскаго сбора въ губерніяхъ не-земскихъ, эти суммы составили въ 1898 г. 5.557.620 рублей, т.-е. нѣсколько больше, чѣмъ было получено изъ мѣстныхъ средствъ и благотворительныхъ капиталовъ (5.419.074 руб.). Церковно-приходскихъ школъ къ 1 января 1896 г. было 12.970, къ 1 января 1899 г.—18.341; школъ грамоты—къ 1 января 1896 г. 18.865, къ 1 января 1899 г. 21.501. Число учащихся въ церковно-приходскихъ школахъ возрасло, за тотъ же періодъ времени, съ 786.116 (въ томъ числѣ 172.608 дѣвочекъ) до 882.095 (въ томъ числѣ 214.898 дѣвочекъ); число учащихся въ школахъ грамоты — съ 552.482 (въ томъ числѣ 107.239 дѣвочекъ) до 571.624 (въ томъ числѣ 121.853 дѣвочки). Среднимъ числомъ въ церковно-приходской школѣ обучаются 48, въ школѣ грамоты—26 дѣтей. Составъ учащихъ въ церковно-приходскихъ школахъ къ концу 1898 г. былъ слѣдующій (не считая законоучителей): священниковъ 544, діаконовъ 2.871, псаломщиковъ 2.062, свѣтскихъ учителей 7.937, учительницъ 8.406. Между учащими въ школахъ грамоты было 414 священниковъ, 1.329 діаконовъ, 2.081 псаломщикъ, свѣтскихъ учителей 14.281, учительницъ 3.695. Замѣчательно, что число преподавателей-священниковъ въ церковно-приходскихъ школахъ не повышается, а понижается, не только относительно, но и абсолютно: въ 1897 г. ихъ было 561, въ 1898-мъ г., при значительно бо́льшемъ числѣ школъ, только 544. Интересно было бы знать, чѣмъ объясняется этотъ фактъ, идущій прямо въ разрѣзъ съ предположеніями, бывшими въ ходу въ первое время послѣ изданія правилъ 1884-го года. Понижается также число священниковъ, учащихъ въ школахъ грамоты (съ 642 до 414),

но это совершенно естественно; если священникъ имѣетъ, вообще, возможность принять на себя учительство, нелегко представить себѣ, что̀ можетъ помѣшать ему возвести школу грамоты на степень церковно-приходской школы. То же самое можно сказать и о діаконахъ— а между тѣмъ число этихъ священнослужителей, учащихъ въ школахъ грамоты, все еще очень велико (въ 1898-мъ году—даже нѣсколько больше, чѣмъ въ 1897-мъ: 1.329 вмѣсто 1.245). Весьма прискорбно небольшое число учительницъ въ школахъ грамоты, почти въ четыре раза уступающее числу свѣтскихъ учителей—прискорбно потому, что умственный и нравственный уровень послѣднихъ въ школахъ грамоты, бо̀льшею частью, весьма невысокъ, тогда какъ учительницы и здѣсь отличаются сравнительно бо̀льшимъ развитіемъ и образованіемъ. Между свѣтскими учителями въ школахъ грамоты окончившихъ курсъ въ среднемъ учебномъ заведеніи было 289 (2%), учившихся въ немъ, не окончившихъ курса — 502 ($3^1/_2$%), окончившихъ курсъ въ низшемъ учебномъ заведеніи (кромѣ начальной школы)—3.363 ($23^1/_2$%), учившихся въ начальной школѣ или дома—10.127 (71%); для учительницъ школъ грамоты соотвѣтствующія цифры—776 (21%), 267 (7%), 1.281 (35%) и 1.371 (37%). Весьма значителенъ процентъ учащихъ, не получившихъ ни средняго, ни спеціальнаго образованія, и въ церковно-приходскихъ школахъ; учителей двухъ низшихъ категорій насчитывается здѣсь 4.166 ($52^1/_2$%), учительницъ—2.710 ($32^1/_2$%). Преимущество образованія и здѣсь оказывается, такимъ образомъ, на сторонѣ учительницъ, и нельзя не пожалѣть, что ихъ въ церковно-приходскихъ школахъ сравнительно меньше, чѣмъ въ земскихъ. Весьма скудно оплачивается трудъ большинства учащихъ не только въ школахъ грамоты, но и въ церковно-приходскихъ школахъ. Въ школахъ грамоты менѣе 100 руб. въ годъ получали 15.024 учащихъ (изъ 17.300), отъ 100 руб. — 1.588, отъ 150 руб. — 413, отъ 200 руб. и выше—275; въ церковно-приходскихъ школахъ менѣе 100 руб. получали 4.052 учащихъ (изъ 16.011), отъ 100 руб.—3.633, отъ 150 руб.— 4.012, отъ 200 руб. и выше—4.314. Двѣсти рублей—это, въ настоящее время (за самыми немногими исключеніями), минимумъ вознагражденія учащаго въ земской школѣ; въ церковно-приходскихъ школахъ до этого минимума не доходило, въ 1898 г., содержаніе 11.707 учащихъ, т.-е. почти $^3/_4$ общаго ихъ числа.

„Странными"—читаемъ мы въ отчетѣ—„представляются возникающія въ обществѣ, незнакомомъ съ сельскимъ бытомъ нашего населенія, толки о введеніи *обязательнаго* школьнаго обученія. При непреодолимыхъ затрудненіяхъ отъ непогоды, отъ бездорожья, отъ бѣдности—съ одной стороны, и при всеобщемъ, съ другой стороны, стремленіи дѣтей къ школѣ, наконецъ, при очевидной невозможности устраивать школы во всѣхъ многочисленныхъ большихъ и малыхъ

поселкахъ Россіи, какая можетъ быть рѣчь объ обязаніи родителей, еще подъ угрозою взысканія, посылать дѣтей своихъ въ школу"? Странною была бы, безспорно, мысль о *немедленномъ* введеніи обязательнаго обученія—но она никѣмъ, сколько намъ извѣстно, и не высказывается. Самые пламенные сторонники народнаго образованія очень хорошо понимаютъ, что обязательности обученія должна предшествовать его *всеобщность*, т.-е. такое приближеніе школы къ населенію, при которомъ ее безъ особыхъ затрудненій могли бы посѣщать *всѣ* дѣти школьнаго возраста. Къ этой цѣли направлены усилія земствъ, наиболѣе заботящихся о начальномъ обученіи,—и есть мѣстности, гдѣ она уже достигнута или близка къ достиженію. Нѣтъ надобности, для этого, открывать школу въ *каждомъ* поселкѣ, какъ бы онъ ни былъ малъ, какъ бы невелико ни было разстояніе между нимъ и сосѣдней школой; вполнѣ достаточно, чтобы радіусъ, исходящій изъ школы, какъ изъ центра, былъ не болѣе 4 верстъ (при отсутствіи препятствій, черезчуръ затрудняющихъ сообщеніе),—а осуществимость этого условія доказана планами школьной сѣти, составленіемъ которыхъ занимались въ послѣднее время многія земскія собранія. Все дѣло въ средствахъ, которыми земства, за рѣдкими исключеніями, не располагаютъ, особенно со времени фиксаціи земскихъ смѣтъ. Когда начальное обученіе, благодаря содѣйствію государства, сдѣлается всеобщимъ, тогда пора будетъ подумать и о его обязательности. Снабдить бѣднѣйшихъ учениковъ одеждою и обувью, которыя позволяли бы имъ посѣщать школу въ холодное и ненастное время, сравнительно нетрудно; по мѣрѣ увеличенія числа школъ неизбѣжно увеличатся и средства помощи школьникамъ, и теперь уже служащей предметомъ заботливости земствъ, духовнаго вѣдомства и благотворительныхъ обществъ. Что дѣти, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, стремятся въ школу, посѣщаютъ ее безъ всякаго понужденія—это несомнѣнно; но не всегда еще стремленіе ихъ находитъ достаточную поддержку со стороны родителей, часто удерживающихъ ихъ дома для спѣшной работы или вовсе берущихъ ихъ изъ школы раньше окончанія курса. Положить рѣшительный предѣлъ подобному отношенію къ школѣ можетъ только обязательность обученія; но, повторяемъ еще разъ, это—дѣло будущаго, далеко не близкаго. Всего правильнѣе было бы ввести обязательность не сразу для всей Россіи, а постепенно, по мѣрѣ того, какъ въ каждой отдѣльной мѣстности станетъ фактически общедоступной нормально организованная начальная школа [1]).

---

[1]) Подъ это понятіе не подходитъ школа грамоты, совершенно правильно игнорируемая земствами при составленіи плановъ школьной сѣти.

Въ газетахъ появилось недавно извѣстіе изъ Нижняго-Новгорода, требующее, какъ намъ кажется, нѣкотораго разъясненія. Бывшій нижегородскій полиціймейстеръ получалъ отъ города квартирныя деньги въ размѣрѣ 1.800 руб. въ годъ. Когда онъ былъ замѣненъ другимъ лицомъ, городская финансовая коммиссія пришла къ заключенію, что квартирныя деньги должны быть уменьшены до законной нормы, составляющей 600 руб. Узнавъ объ этомъ, новый полиціймейстеръ обратился къ городскому головѣ съ письмомъ, въ которомъ, ссылаясь на свою прежнюю службу въ Екатеринбургѣ (гдѣ, при самомъ скудномъ городскомъ бюджетѣ, ему не уменьшали, а увеличивали субсидію отъ города), выразилъ убѣжденіе, что гласные нижегородской думы не имѣютъ и не будутъ имѣть основаній быть имъ недовольными, а городской голова не дасть его въ обиду. Послѣ горячихъ споровъ дума назначила полиціймейстеру квартирныя деньги въ размѣрѣ 1.200 рублей. По этому поводу мы вспомнили о законѣ 4-го мая 1889-го года, опредѣлившемъ для чиновъ полиціи точныя нормы квартирныхъ денегъ [1]). Для полиціймейстера (или исправника) эти деньги должны составлять отъ 300 до 700 рублей, смотря по тому, къ какой изъ пяти категорій причисленъ городъ, гдѣ онъ служитъ. Всякія выдачи, не установленныя закономъ, признаны неправильными, и губернаторамъ вмѣнено въ обязанность протестовать противъ постановленій земскихъ и городскихъ учрежденій, назначающихъ такія выдачи. При дѣйствіи этого закона—сколько намъ извѣстно, не отмѣненнаго и не измѣненнаго,—для эпизодовъ въ родѣ нижегородскаго не должно бы оставаться мѣста. До его изданія домогательства о прибавкѣ, несовмѣстныя съ служебнымъ положеніемъ полицейскихъ чиновниковъ, ставили въ неловкое положеніе и другую сторону, обязанную не допускать излишнихъ расходовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ хорошо понимавшую, что отъ усердія полиціи зависитъ, въ значительной степени, успѣшность поступленія земскихъ или городскихъ сборовъ. Уступчивость города или земства часто, поэтому, оказывалась въ прямомъ соотношеніи съ настойчивостью полиціи. Бывали и такіе случаи, когда городскія думы награждали повышеніемъ квартирныхъ денегъ полиціймейстера, понравившагося городскимъ воротиламъ—и наоборотъ. Всему этому долженъ былъ положить конецъ законъ 4-го мая 1889-го года—и нельзя не пожалѣть, что на практикѣ цѣль его оказывается достигнутою не вполнѣ.

---

[1]) См. Внутр. Обозр. въ № 9 „Вѣстника Европы“ за 1889 г.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 іюня 1902.

Поѣздка президента Лубе въ Россію.—Оффиціальные тосты.—„Франко-русскія“ манифестаціи и „патріотическая“ печать.—Внутреннія дѣла во Франціи.—Дѣло Эмберъ.—Отмѣна закона объ охранѣ въ Эльзасѣ-Лотарингіи.—Рѣчь графа Голуховскаго и русско-австрійское соглашеніе.

„Франко-русскія“ празднества, происходившія въ Петербургѣ и Кронштадтѣ 7—10 мая по случаю пріѣзда президента французской республики, Эмиля Лубе, сопровождались обычными манифестаціями, выраженіями взаимныхъ чувствъ, но не прибавили ничего новаго къ тому, что уже извѣстно о характерѣ и значеніи двойственнаго союза. Порожденный особыми условіями международнаго положенія, этотъ союзъ занимаетъ уже свое опредѣленное мѣсто въ міровой политикѣ и признается однимъ изъ существенныхъ элементовъ современнаго „европейскаго равновѣсія“; онъ настолько вошелъ въ общее сознаніе, что не нуждается уже въ оффиціальныхъ подтвержденіяхъ и разъясненіяхъ. Одинаково выгодный и удобный для обѣихъ участвующихъ сторонъ, онъ пересталъ возбуждать безпокойство въ постороннихъ державахъ, которыя, напротивъ, привыкаютъ смотрѣть на него, какъ на гарантію мира,—и по понятнымъ причинамъ. Еслибы французы обнаружили готовность увлечься какими-нибудь воинственными планами, то ихъ порывы охлаждались бы необходимостью предварительнаго соглашенія съ Россіею; самые предпріимчивые изъ нашихъ патріотовъ не могли бы соблазниться французскими мечтаніями объ Эльзасѣ-Лотарингіи, точно также какъ и наоборотъ, французы первые удерживали бы насъ отъ рискованныхъ предпріятій на Балканскомъ полуостровѣ или на Дальнемъ Востокѣ, еслибы мы проявляли склонность отдаваться внушеніямъ шовинизма. Предметы возможныхъ увлеченій совершенно различны для Франціи и Россіи, и онѣ могутъ быть солидарны только на почвѣ мирной дипломатической дѣятельности, съ устраненіемъ всякихъ щекотливыхъ одностороннихъ замысловъ и проектовъ. Союзники какъ бы нейтрализуютъ себя взаимно, и это естественное соображеніе должно успокоительно дѣйствовать на недовѣрчивые умы. Мы видимъ, что и тройственный союзъ, организованный Германіею послѣ блестящихъ военныхъ побѣдъ, превратился на дѣлѣ въ довольно невинную комбинацію, несмотря на всеобщія опасенія, которыя отчасти оправдывались личными качествами князя Бисмарка

и затѣмъ Вильгельма II. Заключивъ союзный договоръ съ Австро-Венгріею и Италіею, берлинскій кабинетъ все-таки связалъ или ограничилъ свою свободу дѣйствій: втроемъ предпринять что-нибудь положительное чрезвычайно трудно, а иногда и невозможно, благодаря различію интересовъ и точекъ зрѣнія между союзниками. Теперь принято уже ставить рядомъ оба союза—двойственный и тройственный, какъ дополняющіе другъ друга и равно полезные для общаго мира.

Президентъ Лубе прибылъ въ Россію моремъ, изъ Бреста, минуя Германію, съ небольшою эскадрою, въ сопровожденіи министра иностранныхъ дѣлъ Делькассé. Подробности его встрѣчи въ Кронштадтѣ и Петергофѣ, а также пребыванія въ Царскомъ Селѣ, извѣстны читателямъ изъ газетъ. На парадномъ обѣдѣ въ Большомъ царскосельскомъ дворцѣ, 7 мая, Государь Императоръ, поднявъ бокалъ, сказалъ:

„En Vous souhaitant de tout coeur la bienvenue, Monsieur le Président, J'aime à espérer que Vorte séjour parmi Nous Vous offrira les meilleurs témoignages des sentiments qui unissent la France et la Russie. Puissiez-Vous en garder un souvenir semblable à celui que Nous conservons à jamais, l'Impératrice et Moi, des quelques jours si agréablement passés en France l'année dernière. Je lève Mon verre en Votre honneur, Monsieur le Président, à la grandeur et à la prospérité du beau pays ami et allié".

Послѣ этого тоста Государя была придворнымъ оркестромъ исполнена марсельеза.

Президентъ французской республики отвѣтилъ слѣдующимъ тостомъ:

„En répondant, Sire, à Votre invitation, il m'a été particulièrement agréable de Vous porter les voeux de la France, qui nourrit toujours pour Votre Majesté les sentiments dont Vous avez pu naguère recueillir l'expression. Quelques heures m'ont suffi pour constater á mon tour, combien le coeur de la Russie bat à l'unisson du coeur de mon pays. La France sera aussi heureuse de cette parfaite harmonie que touchée du souvenir que Votre Majesté et Sa Majesté l'Impératrice veulent bien me dire qu'Elles lui ont gardé. Très reconnaissant de l'accueil que je reçois, je lève mon verre en l'honneur de Votre Majesté, de Sa Majesté l'Impératrice, de Sa Majesté l'Impératrice Marie, de toute la Famille Impériale; et je bois à la prospérité et à la grandeur de la Russie, amie sincère et fidèle alliée de la France".

Послѣ Высочайшаго смотра войскамъ въ Красномъ Селѣ, 8 мая, за завтракомъ, Государь Императоръ произнесъ слѣдующій тостъ:

„Mes troupes dont Vous venez de voir le défilé sont heureuses d'avoir pu rendre les honneurs au chef hautement estimé de l'Etat ami et allié. Les vives sympathies qui animent l'armée russe à l'égard de la belle armée française Vous sont connues: elles constituent une réelle fraternité d'armes que nous pouvons constater avec d'autant plus de satisfaction qne cette force imposante n'est point destinée à appuyer des visées agressives, mais bien au contraire à affermir le maintien de la paix générale et à sauvegarder le respect des principes élevés qui assurent le bien-être et favorisent le progrès des nations. Je lève Mon verre à la prospérité et à la gloire de la brave armée française".

Музыка играла марсельезу. Президентъ отвѣчалъ слѣдующей рѣчью:

„Je remercie Votre Majesté de m'avoir procurer le très vif plaisir d'admirer ces belles troupes dont la fière contenance, la démarche martiale, les mouvements précis attestent que l'armée russe, par d'incessants progrès, soutient vaillament sa haute renommée.

„De même que des sympathies communes et des intérêts supérieurs ont uni les deux peuples, de même la noble fraternité des armes et une estime reciproque lient étroitement les deux armées. Cette force imposante n'est une menace pour personne, mais il est permis à la Russie et à la France d'y voir, en même temps qu'une garantie pour l'exercice de leurs droits, un abri sous lequel elles peuvent en toute tranquillité poursuivre le labeur fécond qui, les rendant plus prospères, augmentera leur puissance et leur légitime influence. Au nom de l'armée française, qui n'a pas oublié l'honneur que lui a fait Votre Majesté en assistant à ses manoeuvres, je bois à la prospérité et à la gloire de la brave armée russe".

Наконецъ, 10 мая, на броненосцѣ „Montcalm" состоялся прощальный обмѣнъ любезностей и пожеланій. Президентъ Лубѐ сказалъ:

„Sire. En venant à bord du „Montcalm" avec Sa Majesté l'Impératrice, Vous avez fait à la marine française un hommage qu'elle ressentira profondément.

„Les sentiments de nos marins pous leurs braves camarades de la marine russe ne laissent passer aucune occasion de se manifester: c'était avant-hier dans les mers de l'Extrême-Orient; c'était hier dans la Méditerranée. Et partout leur accord est comme le témoignage de l'union de leurs pays.

„J'emporterai de mon séjour dans cet Empire hospitalier un chaud et impérissable souvenir.

„Et la France, qui a appris avec joie l'accueil fait à son réprésentant, restera attachée à l'alliance dont la Russie apprécie, comme elle, l'action bienfaisante.

„Je bois aux succès et à la gloire de la vaillante marine russe"

Государь Императоръ отвѣчалъ слѣдующимъ тостомъ:

„Il Nous est infiniment agréable à l'Impératrice et à Moi de Nous retrouver au milieu de braves marins français, et c'est avec un plaisir tout particulier que Nous Nous sentons en France à bord de ce beau bâtiment. Nous Vous remercions cordialement de Votre visite, Monsieur le Président, et Vous prions de transmettre Nos messages les plus sympathiques ainsi que Nos meillieurs souhaits à la France—amie, fidèle et invariable alliée de la Russie.

„Je lève Mon verre à la prospérité de la glorieuse marine française".

Общій тонъ этихъ рѣчей произвелъ видимо благопріятное впечатлѣніе за границей и вызывалъ сочувственные отзывы почти во всей иностранной печати. Всѣми замѣчены были слова о томъ, что внушительная военная сила союзныхъ державъ „предназначена вовсе не для поддержанія агрессивныхъ замысловъ, а напротивъ, для укрѣпленія общаго мира и для охраны возвышенныхъ принциповъ, обезпечивающихъ благосостояніе и способствующихъ прогрессу націй". Союзныя арміи, какъ подтвердилъ президентъ Лубè, „ни для кого не представляютъ угрозы, а только обезпечиваютъ для Россіи и Франціи свободное пользованіе своими правами, давая обѣимъ націямъ возможность въ полномъ спокойствіи предаваться плодотворному труду, который вмѣстѣ съ возвышеніемъ ихъ благосостоянія увеличитъ ихъ могущество и законное вліяніе". Въ заключительномъ тостѣ Франція названа была „вѣрною и неизмѣнною союзницею Россіи", что̀ также отмѣчено заграничными комментаторами: очевидно, усилившаяся увѣренность въ прочности союза основывается на сознаніи, что нѣтъ и не можетъ быть поводовъ къ разногласіямъ относительно преимуществъ обезпеченнаго спокойствія и мирной охраны обоюдныхъ интересовъ. Внѣшняя политика Франціи, какъ доказано опытомъ, не зависитъ отъ ея внутреннихъ партій и даже отъ ея республиканскаго строя; она остается неизмѣнною при всѣхъ перемѣнахъ въ составѣ французскаго правительства, въ теченіе послѣдняго десятилѣтія. Въ этомъ отношеніи президентъ Лубè идетъ лишь по стопамъ Фора и Карно, а министръ Делькассè ни въ чемъ не отступаетъ отъ традицій Ганото̀. Въ международныхъ дѣлахъ безраздѣльно господствуетъ оппортунизмъ въ государственномъ или національномъ смыслѣ этого

слова, и никакія различія въ руководящихъ идеяхъ не мѣшаютъ совмѣстно стремиться къ сохраненію и пріобрѣтенію внѣшнихъ политическихъ выгодъ безъ ущерба для общаго мира.

Общественныя или такъ называемыя народныя проявленія франко-русской дружбы сопутствовали оффиціальнымъ празднествамъ, по установившейся уже для подобныхъ случаевъ программѣ. Обывателямъ предоставлено было, въ видѣ исключенія, громко высказывать свои симпатіи, произносить публичныя рѣчи, пѣть марсельезу и вообще нарушать общественную тишину непривычными уличными возгласами и демонстраціями. Публика охотно пользовалась этой возможностью, и многіе, быть можетъ, испытывали даже радость, о которой свидѣтельствуетъ фельетонистъ „Новаго Времени", г. Сигма. Представители извѣстной части печати устроивали рауты и банкеты, говорили смѣлые застольные спичи и старались показать французскимъ друзьямъ, что и наша пресса занимаетъ положеніе, позволяющее сравнивать ее съ самостоятельною „великою державою". На банкетѣ „петербургской печати" издатель „Новаго Времени" объяснилъ французамъ, что „мы сдѣлали большіе успѣхи, мы развили нашу цивилизацію, мы сильны, и потому что мы сильны, мы крѣпко и отъ всего сердца обнимаемъ сильную Францію",—въ доказательство чего онъ „изъ глубины взволнованнаго сердца" провозгласилъ тостъ въ честь президента Лубе, о которомъ его газета еще недавно отзывалась въ оскорбительномъ тонѣ, за-одно съ французскими націоналистами. Указаніе на нашу силу, какъ на причину, побуждающую насъ „обнимать Францію", было вѣроятно не совсѣмъ вразумительно для французовъ; но послѣдніе были, конечно, очень рады узнать, что мы сдѣлали большіе успѣхи и развили свою цивилизацію. Другой ораторъ совѣтовалъ французамъ быстрѣе плодиться, для того чтобы уменьшилась разница въ численности французскихъ и русскихъ сердецъ, бьющихся въ униссонъ,—такъ какъ въ настоящее время французы въ этомъ отношеніи остаются предъ нами въ неоплатномъ долгу; разумѣется, упоминаніе о неоплатномъ долгѣ и о необходимости „имѣть такія богатыя дѣтьми семьи, какъ у насъ"—сдѣлано было безъ намѣренія обидѣть гостей или сказать имъ непріятность, хотя каждый понималъ нелогичность самой мысли о численномъ приближеніи сорокамилліоннаго народа къ 140-милліонному, путемъ равномѣрнаго ихъ размноженія. Третій ораторъ, назвавшій французскихъ журналистовъ—не въ видѣ ироніи—„истинными изслѣдователями Россіи", говорилъ о какихъ-то маленькихъ „бебе", имѣющихъ родиться отъ франко-русскаго союза, и предложилъ выпить за здоровье этихъ будущихъ дѣтокъ, чѣмъ привелъ

вѣроятно въ немалое смущеніе присутствовавшихъ дамъ; а что онъ собственно хотѣлъ выразить своей неловкою аллегоріею—этого такъ и не узнали слушатели. Читались также французскіе стихи, сочиненные однимъ редакторомъ-поэтомъ, и въ нихъ между прочимъ давалось понять, что въ оффиціальный девизъ Россіи входитъ и формула „amour et liberté". Словомъ, рѣчи были, какъ слѣдуетъ,—одна умнѣе другой, и всѣ онѣ напечатаны въ газетахъ вдвойнѣ, по-французски и по-русски, такъ что читатели могли быть вполнѣ довольны. Часть московской печати также приняла участіе въ чествованіи французскихъ корреспондентовъ, пригласивъ ихъ делегатовъ въ Москву, чтобы въ ихъ лицѣ выразить свое почтеніе „жрецамъ величайшаго дара боговъ—свободнаго слова", и главнымъ выразителемъ этого почтенія къ „свободному слову" явился на московскомъ банкетѣ редакторъ „Московскихъ Вѣдомостей", неутомимый обличитель всякаго явнаго и скрытаго вольнодумства въ отечественной печати, г. Грингмутъ... Франко-русскія торжества прошли, и жизнь тотчасъ вошла въ обычную колею.

Президентъ Лубѐ и его министръ иностранныхъ дѣлъ посѣтили еще на обратномъ пути Копенгагенъ, гдѣ были сердечно приняты престарѣлымъ датскимъ королемъ, какъ и населеніемъ; но, несмотря на эти праздничныя встрѣчи, они возвращались на родину далеко не въ радостномъ настроеніи. Незадолго до отплытія президентской эскадры въ Россію, произошло ужасное стихійное бѣдствіе на одномъ изъ французскихъ острововъ Вестъ-Индіи, въ Америкѣ, причемъ мгновенно погибъ цѣлый городъ съ 35 тысячами жителей. Мартиника, принадлежащая къ группѣ Малыхъ Антильскихъ острововъ, подверглась опустошенію въ значительной своей части, подъ вліяніемъ вулканическихъ силъ, нашедшихъ себѣ выходъ въ колоссальномъ взрывѣ 8 мая (нов. ст.); вулканъ Пелѐ, считавшійся почти потухшимъ съ 1851 года, ознаменовалъ свое пробужденіе катастрофою, какой не запомнятъ люди. Цвѣтущій городъ Сенъ-Пьеръ исчезъ съ лица земли; губернаторъ Муттѐ, который наканунѣ еще обнародовалъ успокоительное воззваніе къ населенію, похороненъ вмѣстѣ съ тѣми, которыхъ онъ успокоивалъ; погибли и парламентскіе соперники, готовившіеся къ депутатскимъ выборамъ 11 мая,—за-одно съ избирателями. Вулканъ съ своей стороны какъ бы заранѣе предупреждалъ жителей объ ожидающей ихъ участи, обнаруживъ необыкновенную дѣятельность еще за нѣсколько дней до послѣдняго грознаго изверженія; но люди привыкли съ довѣріемъ относиться къ природѣ и надѣялись, что послѣ отдѣльныхъ разрушительныхъ вспышекъ подземныя силы улягутся и перестанутъ тревожить мирныхъ обывателей. Впрочемъ, при всемъ

желаніи удалиться отъ опаснаго сосѣдства, населеніе не могло бы заблаговременно покинуть городъ, потому что въ сущности некуда было бѣжать; окрестности были также не безопасны и не представляли бы надежнаго пріюта для массы семействъ, а моремъ нельзя было спастись, за отсутствіемъ необходимаго количества кораблей. Неизбѣжная покорность судьбѣ вытекала и изъ религіозныхъ чувствъ, которыя никогда не покидаютъ человѣка, особенно въ тревожные моменты существованія. Почти одновременно съ вулканомъ Пелѐ, или Лысой горой, дѣйствовали столь же энергично и другіе вулканы, на сосѣднихъ и отдаленныхъ островахъ; такъ, на островѣ св. Винцента изверженіемъ Суфріера уничтожено свыше двухъ тысячъ человѣкъ. Подобныя катастрофы слишкомъ наглядно напоминаютъ людямъ о дѣйствительномъ положеніи ихъ въ мірѣ, о суетности международнаго и иного соперничества, и сразу снимаютъ искусственныя перегородки между представителями разныхъ національностей, партій и вѣроисповѣданій. Изъ всѣхъ странъ предложена щедрая помощь бѣдствующимъ жителямъ Мартиники и св. Винцента; сѣверо-американскій конгрессъ пожертвовалъ двѣсти тысячъ долларовъ, германскій императоръ прислалъ десять тысячъ марокъ съ сочувственною телеграммою на имя Лубѐ, англійскій король прислалъ тысячу фунтовъ стерлинговъ, столько же—итальянскій король, и наконецъ наше правительство, послѣ отъѣзда французской эскадры, телеграфировало въ Парижъ о пожертвованіи двухсотъ пятидесяти тысячъ франковъ. Утѣшительные симптомы общечеловѣческаго сочувствія не умаляютъ, однако, значенія стихійнаго удара, постигшаго одну изъ старыхъ и цѣнныхъ французскихъ колоній.

Другого рода заботы связаны съ министерскимъ кризисомъ, о которомъ извѣстно было президенту Лубѐ еще до отъѣзда его изъ Бреста. Глава кабинета, Вальдекъ-Руссо, сообщилъ о своемъ рѣшеніи выйти въ отставку, не дожидаясь открытія новый парламентской сессіи. Выборы доставили несомнѣнную побѣду республиканскимъ группамъ, поддерживавшимъ нынѣшнее министерство. Изъ числа 589 окончательно выбранныхъ депутатовъ (всѣхъ въ палатѣ—591) оказывается, по приблизительному разсчету, не менѣе 337 сторонниковъ правительства Вальдека-Руссо; слѣдовательно, большинство въ пользу послѣдняго—около 85 голосовъ, тогда какъ при прежнемъ составѣ палаты оно не превышало 45 при серьезныхъ голосованіяхъ. При такихъ условіяхъ Вальдекъ-Руссо имѣлъ бы полную возможность сохранить за собою власть; но онъ предпочитаетъ добровольно отказаться отъ почетнаго и высокаго оффиціальнаго положенія, ссылаясь на то, что возвѣщенная имъ программа

защиты республики отъ ея враговъ достигла своей цѣли и можетъ считаться исполненною. Періодъ борьбы, начавшійся пресловутымъ дѣломъ Дрейфуса и характеризуемый позднѣе шумною агитаціею націоналистовъ, закончился торжествомъ республиканцевъ, и политическая жизнь должна принять нормальное, мирное теченіе, подъ руководствомъ новыхъ дѣятелей. Вальдекъ-Руссо удаляется, такъ сказать, по чувству добросовѣстности, чтобы очистить мѣсто болѣе свѣжимъ силамъ; его удаленіе влечетъ за собою и отставку всѣхъ министровъ, въ томъ числѣ Делькассѐ. Послѣдній имѣетъ шансы войти въ составъ будущаго кабинета, но онъ можетъ и остаться въ сторонѣ при новой министерской комбинаціи. Во время своего пребыванія въ Россіи Делькассѐ уже зналъ о рѣшеніи Вальдека-Руссо и о шаткости своей собственной министерской роли. Нѣтъ сомнѣнія, что глава кабинета задумалъ предположенный шагъ не единолично, а съ вѣдома и согласія своихъ коллегъ. Съ точки зрѣнія господствующихъ взглядовъ, все это представляется страннымъ и даже неправдоподобнымъ. Цѣлый рядъ видныхъ сановниковъ отрекается отъ выгодъ блестящаго и властнаго званія, при отсутствіи всякихъ реальныхъ къ тому поводовъ, единственно лишь изъ соображеній политической щепетильности. Примѣры такого самоотреченія встрѣчаются, кажется, только во Франціи и въ Англіи, благодаря тѣмъ особенностямъ публичной парламентской жизни, которыя иногда признаются недостатками. Президенту Лубѐ предстоитъ теперь разрѣшить весьма сложную и трудную задачу, имѣя въ виду неясное еще настроеніе партій и группъ въ новой палатѣ депутатовъ.

Министерскій кризисъ открылся при обстоятельствахъ, дающихъ матеріалъ для ядовитой газетной кампаніи многочисленныхъ противниковъ существующаго во Франціи государственнаго строя. Газеты переполнены разоблаченіями по интереснѣйшему дѣлу, не касающемуся министровъ ни прямо, ни косвенно, но ярко освѣщающему нравы высшей французской буржуазіи и отчасти магистратуры. Тереза Эмберъ (Humbert), блиставшая въ парижскомъ обществѣ въ качествѣ обладательницы огромнаго состоянія, долго вела въ судебныхъ мѣстахъ процессы съ племянниками американца Крауфорда по поводу оставленнаго ей наслѣдства въ сто милліоновъ франковъ. Самый капиталъ въ процентныхъ бумагахъ находился въ рукахъ Эмберъ, но долженъ былъ сохраняться въ неприкосновенности, въ запертомъ желѣзномъ шкапѣ, по особому предварительному соглашенію съ противниками, которые только подъ этимъ условіемъ допускали возможность мировой сдѣлки, желательной для г-жи Эмберъ. Наслѣдники Крауфорда нѣ-

сколько разъ соглашались на сдѣлку, съ выдѣленіемъ въ свою пользу только шести или семи милліоновъ, но затѣмъ опять возобновляли процессъ, не отказываясь въ принципѣ и отъ проектовъ мирового соглашенія. Дѣло тянулось такимъ образомъ въ теченіе многихъ лѣтъ, безъ окончательной развязки, хотя судебно-юридическія данныя были по существу вполнѣ благопріятны для Эмберъ. Не считая себя все-таки въ правѣ открыть завѣтный шкапъ и взять хранившіеся въ немъ милліоны ранѣе формальнаго окончанія спора, г-жа Эмберъ временно доставала милліонныя суммы отъ частныхъ лицъ и банковъ, при содѣйствіи нотаріусовъ и адвокатовъ, для которыхъ судебные документы по дѣлу съ Крауфордами служили неопровержимыми доказательствами принадлежности спорныхъ ста милліоновъ отвѣтчицѣ. Подъ эту сотню милліоновъ г-жа Эмберъ въ разное время получила взаймы около 55 милліоновъ, которые обязывалась возвратить тотчасъ послѣ разрѣшенія процесса въ послѣдней инстанціи или послѣ заключенія мировой сдѣлки. Условія этихъ займовъ казались настолько надежными и выгодными, что капиталы сами притекали къ г-жѣ Эмберъ, въ ожиданіи открытія завѣтнаго желѣзнаго шкапа. Даже богатыя имѣнія, замки и дома пріобрѣтались ею въ собственность, съ обязательствомъ позднѣйшей уплаты изъ тѣхъ же милліоновъ Крауфорда. Г-жа Эмберъ основала еще особое акціонерное общество „пожизненной ренты", для постояннаго привлеченія капиталовъ помимо дѣла о наслѣдствѣ; въ этомъ обществѣ она предоставила распоряжаться своимъ братьямъ, Дориньякамъ, при номинальномъ участіи разныхъ общественныхъ дѣятелей, но кассу она держала у себя въ домѣ. Болѣе двадцати лѣтъ г-жа Эмберъ вела жизнь роскошную, поражая общество великолѣпіемъ своихъ баловъ, блескомъ и утонченнымъ вкусомъ своей обстановки, богатствомъ своихъ художественныхъ коллекцій и картинъ; а частыя затрудненія съ нетерпѣливыми кредиторами и возникавшія судебныя дѣла она улаживала чрезвычайно легко, при помощи своей исключительной находчивости и своихъ разнообразныхъ общественныхъ связей. Всѣ были къ услугамъ блестящей милліонерши: повѣреннымъ ея въ судебныхъ мѣстахъ былъ знаменитый адвокатъ Бюи, бывшій старшиною адвокатской корпораціи въ Парижѣ, націоналистъ и патріотъ по убѣжденіямъ; въ ея парижскомъ отелѣ или дворцѣ, пріобрѣтенномъ почти безденежно отъ графовъ Браницкихъ, бывали выдающіеся депутаты, сенаторы, аристократы и крупные дѣльцы; мужъ ея, Фредерикъ Эмберъ, внушалъ къ себѣ довѣріе, какъ сынъ бывшаго министра юстиціи, нынѣ уже покойнаго. Заключительный фазисъ дѣла сводится къ тому, что судъ постановилъ вскрыть завѣтный шкапъ въ присутствіи оффиціальныхъ лицъ, и г-жа Эмберъ съ видимою радостью узнала отъ адвоката Бюи объ этомъ рѣшеніи, которое должно

было привести къ ея торжеству надъ недоброжелательными скептиками. Въ назначенный день желѣзный шкапъ былъ торжественно вскрытъ, и въ немъ никакихъ цѣнностей не оказалось. Г-жа Эмберъ, которую еще наканунѣ вечеромъ видѣли въ ея ложѣ въ оперѣ, исчезла съ мужемъ и дочерью неизвѣстно куда. Крауфорды, отъ имени которыхъ выступали въ судѣ солидные адвокаты и которые такъ долго и безплодно вели тяжбу о милліонахъ своего дяди, вовсе не существовали въ дѣйствительности, и ихъ роли исполнялись по мѣрѣ надобности подставными лицами, появлявшимися въ видѣ знатныхъ иностранцевъ въ первоклассныхъ гостинницахъ Біаррица, Байонны или Парижа. Отъ нихъ получались черезъ посредство нотаріусовъ надлежащія довѣренности и заявленія, а также деньги для уплаты адвокатамъ. Одинъ изъ двухъ братьевъ Крауфордъ, которые оба были, какъ будто, милліонерами, показывался иногда и въ салонахъ г-жи Эмберъ, какъ предполагаемый кандидатъ на руку и сердце ея младшей сестры, дѣвицы Дориньякъ; онъ, будто бы, жаждалъ этого брака и хотѣлъ отказаться отъ своихъ притязаній на наслѣдство тотчасъ по полученіи согласія невѣсты на свое предложеніе, и этотъ проектъ вновь усилилъ надежды кредиторовъ на скорое окончаніе дѣла; но дѣвица Дориньякъ неоднократно отвѣчала упорнымъ отказомъ, къ великому неудовольствію заинтересованныхъ лицъ. Большинство кредиторовъ до конца твердо вѣрило въ существованіе ста милліоновъ г-жи Эмберъ; ихъ тяготили только чрезмѣрныя проволочки процесса, постоянно отодвигавшія желанный моментъ разсчета. Кто позволялъ себѣ сомнѣваться въ справедливости утвержденій Эмберъ, тотъ вскорѣ убѣждался и дѣлался ея вѣрнымъ союзникомъ: одному она по секрету показывала объемистую пачку купоновъ государственной ренты на сумму, соотвѣтствующую срочному доходу съ капитала въ 90 милліоновъ; другому она на минутку, подъ условіемъ строгой тайны, открывала запретный желѣзный шкапъ, и онъ видѣлъ тамъ мелькомъ цѣнныя бумаги на десятки милліоновъ; эти показанія очевидцевъ переходили изъ устъ въ уста, укрѣпляя довѣріе колеблющихся и облегчая устройство новыхъ заемныхъ операцій. Говорятъ, что еще незадолго до краха г-жа Эмберъ успѣла заручиться обѣщаніемъ нѣкоторыхъ банковъ или капиталистовъ ссудить ей сто милліоновъ на кратковременное подержаніе, въ теченіе только 48 часовъ, чтобы открыть кассу въ присутствіи нотаріуса, показать процентныя бумаги и затѣмъ возвратить ихъ по принадлежности; но въ послѣдній моментъ банкиры взяли назадъ свое согласіе, въ виду возбужденнаго однимъ изъ кредиторовъ противъ г-жи Эмберъ уголовнаго обвиненія, которое могло имѣть своимъ результатомъ наложеніе ареста на переданныя ей цѣнности. Довѣріе къ ней было настолько сильно, что самыя непріятныя дѣла,

возникавшія противъ нея въ судахъ, приписывались попыткамъ недобросовѣстнаго вымогательства, а отдѣльныя газетныя разоблаченія влекли за собою обвинительные приговоры за диффамацію. Даже новѣйшая систематическая кампанія, начатая газетою „Matin", объяснялась мотивами шантажа и потому не обращала на себя серьезнаго вниманія публики. Нѣкоторые изъ вліятельныхъ судебныхъ дѣятелей открыто заступались за г-жу Эмберъ и оказывали ей свою поддержку. Первымъ обличителемъ ея предъ судомъ былъ нынѣшній глава министерства, Вальдекъ-Руссо, бывшій нѣсколько лѣтъ тому назадъ адвокатомъ одного изъ кредиторовъ г-жи Эмберъ; онъ сказалъ тогда прямо, что Крауфорды, съ которыми она судится, должны быть признаны порожденіями ея фантазіи, и что все дѣло о стомилліонномъ наслѣдствѣ, доставшемся ей по завѣщанію, есть „величайшее мошенничество XIX вѣка". Этотъ предостерегающій голосъ никѣмъ не былъ выслушанъ и вскорѣ былъ совершенно забытъ; очевидно, г-жа Эмберъ умѣла неотразимо вліять на людей, съ которыми входила въ дѣловыя сношенія, и артистически исполняла взятую на себя роль обладательницы милліоновъ, вынужденной постоянно охранять свои интересы отъ несправедливыхъ притязаній.

Въ дѣло Эмберъ замѣшано множество лицъ изъ высшихъ и среднихъ классовъ общества; въ числѣ пострадавшихъ фигурируютъ не только крупные капиталисты, землевладѣльцы и аферисты, но и мелкіе рантье, разные служащіе и ремесленники, вносившіе свои сбереженія въ кассу „пожизненной ренты". Это своеобразное акціонерное общество брало деньги на текущій счетъ и пріобрѣтало недвижимыя имущества, съ уплатою за нихъ пожизненной ежегодной ренты; въ кассу поступало около двухсотъ тысячъ франковъ въ мѣсяцъ, или до двухъ съ половиною милліоновъ въ годъ, и эти деньги находились въ распоряженіи г-жи Эмберъ. Враги правительства намекаютъ на то, что нѣкоторая часть этихъ милліоновъ употреблялась на подкупы, которыми только и можно, будто бы, объяснить двадцатилѣтнюю безнаказанную дѣятельность смѣлой мошеннической шайки подъ фирмою Эмберъ. Извѣстный литературный критикъ, ставшій грубѣйшимъ политиканомъ партіи націоналистовъ,—Жюль Лемэтръ, печатно напалъ на Вальдека-Руссо и его коллегъ за незаконное бездѣйствіе власти, вытекавшее, будто бы, изъ корыстныхъ партійныхъ видовъ. Вальдекъ-Руссо, по словамъ Лемэтра, отлично зналъ, что въ основѣ милліоновъ г-жи Эмберъ лежитъ простое мошенничество, такъ какъ онъ самъ же первый заявилъ объ этомъ публично четыре года тому назадъ; почему же онъ молчалъ впослѣдствіи и не принялъ никакихъ мѣръ для прекращенія зловредныхъ мошенническихъ предпріятій, когда сдѣлался главою министерства? Почему министру юстиціи не было

поручено привлечь къ суду г-жу Эмберъ и ея сообщниковъ по тѣмъ основаніямъ, которыя давно извѣстны были Вальдеку-Руссо? Лемэтръ безцеремонно высказываетъ предположеніе, что милліоны г-жи Эмберъ вѣроятно были нужны для избирательныхъ цѣлей, для поддержанія правительственныхъ кандидатовъ и для борьбы съ оппозиціею. Насколько знаніе или мнѣніе Вальдека-Руссо о преступности г-жи Эмберъ было недостаточно для суда и для юристовъ—это видно уже на примѣрѣ адвоката Бюи, который, при всей своей юридической опытности, считалъ возможнымъ дѣйствовать до конца въ качествѣ повѣреннаго явной мошенницы. Съ гораздо бо̀льшимъ правомъ, чѣмъ къ Вальдеку-Руссо, Жюль Лемэтръ могъ бы обратиться съ грозными вопросами къ своему соратнику по націонализму и патріотизму — къ Бюи. Почему этотъ свѣдущій и авторитетный адвокатъ не обратилъ вниманія на предостереженіе Вальдека-Руссо и взялся служить своими знаніями и авторитетомъ преступнымъ спекуляціямъ г-жи Эмберъ? Какимъ образомъ патріотъ-націоналистъ Бюи совмѣщалъ съ своими понятіями о чести полученіе денежныхъ суммъ, въ видѣ гонорара, изъ этого темнаго и грязнаго источника? Если же Бюи не имѣлъ свѣдѣній о продѣлкахъ г-жи Эмберъ, то почему онъ по крайней мѣрѣ не провѣрилъ категорическаго указанія Вальдека-Руссо?

Дѣйствительно, непонятнымъ кажется тотъ фактъ, что цѣлые десятки лѣтъ совершаются неслыханныя мошенничества почти на глазахъ публики въ такомъ культурномъ центрѣ, какъ Парижъ, и правосудіе не только безмолвствуетъ и бездѣйствуетъ, но еще отдаетъ къ услугамъ мошенниковъ лучшія адвокатскія силы и разныя судебныя инстанціи. Но, къ несчастію, это зло не зависитъ отъ министровъ и не находится въ связи ни съ республиканскими, ни съ какими-либо иными государственными учрежденіями; оно создается всецѣло формализмомъ гражданскаго суда, поставленнаго въ крайне узкія рамки при разбирательствѣ и рѣшеніи дѣлъ. Руководствуясь началами такъ называемаго состязательнаго процесса, судъ пассивно принимаетъ и выслушиваетъ заявленія спорящихъ сторонъ, присутствуетъ при ихъ состязаніи и довольствуется разсмотрѣніемъ представленнаго ими матеріала, не позволяя себѣ ни малѣйшей иниціативы и никакого самостоятельнаго вмѣшательства. Разбирая гражданскій споръ, судъ можетъ ясно видѣть, что ловкій мазурикъ грабитъ честнаго человѣка подъ прикрытіемъ строгой законности, что дѣльный юристъ пользуется слабостью или невѣжествомъ противника для выигрыша неправаго дѣла, — и судъ не въ правѣ помочь честному человѣку въ его способахъ возраженій и доказательствъ противъ мазурика, не въ правѣ поддержать слабаго или невѣжественнаго противъ ловкаго и знающаго юриста. Гражданскому суду приходится поэтому сплошь и ря-

домъ, на точномъ основаніи законовъ, постановлять рѣшенія въ пользу завѣдомыхъ мошенниковъ и отказывать честнымъ людямъ въ ихъ требованіяхъ, несомнѣнно справедливыхъ по существу, но ошибочно заявленныхъ или не обставленныхъ надлежащимъ образомъ съ формальной стороны. Судъ самъ по себѣ не беретъ на себя защиты или охраны чьихъ-либо имущественныхъ правъ; онъ не можетъ возбуждать вопросъ о мошенничествѣ или обманѣ, пока не получитъ соотвѣтственной жалобы отъ кого-либо изъ потерпѣвшихъ. Такимъ образомъ французскіе суды могли въ теченіе многихъ лѣтъ безучастно разрѣшать спорныя дѣла г-жи Эмберъ и не имѣть за все это время ни одного подходящаго случая для выясненія ихъ мошенническаго характера, хотя бы послѣдній былъ вполнѣ ясенъ судьямъ. Никто до послѣдняго времени не обращался въ судъ съ прямымъ обвиненіемъ г-жи Эмберъ въ мошенничествѣ, и за это отсутствіе жалобъ не отвѣчаютъ, конечно, ни министры, ни судебныя учрежденія. Когда обманутые и недовольные кредиторы начинали процессъ, то дѣло шло о неисполненіи извѣстныхъ имущественныхъ обязательствъ, принятыхъ на себя г-жею Эмберъ, и, слѣдовательно, разбирался лишь обыкновенный гражданскій споръ; а если предъявляются обвиненія въ обманѣ, то ихъ нужно еще доказать предъ судомъ, для чего требуются различныя трудно-осуществимыя условія. Нерѣдко судъ вынужденъ даже ограждать мошенника отъ добросовѣстныхъ разоблаченій, согласно законамъ о диффамаціи. Вотъ почему ни правительство, ни суды, не въ состояніи были препятствовать многолѣтней мошеннической карьерѣ г-жи Эмберъ и ея союзниковъ; а сами потерпѣвшіе считали себя только жертвами непредвидѣнныхъ судебныхъ и иныхъ случайностей, въ силу которыхъ дѣло о наслѣдствѣ Крауфорда не приходило къ скорой и неизбѣжной развязкѣ.

Особенно беззащитными являются злополучные кліенты такихъ акціонерныхъ компаній, какъ общество „пожизненной ренты". Довѣряя газетнымъ рекламамъ и почтеннымъ фамиліямъ учредителей, къ числу которыхъ принадлежалъ и знаменитый адвокатъ Бюи, наивные вкладчики и кредиторы мирились съ неисправностью въ полученіи условленныхъ платежей, довольствовались даваемыми имъ обѣщаніями будущихъ выгодъ и рѣдко доводили дѣло до суда; а судебные иски опять-таки разсматривались обычнымъ гражданскимъ порядкомъ, или же, въ виду ихъ крайней немногочисленности, тотчасъ добровольно удовлетворялись, для поддержанія кредита. На подобныхъ началахъ велось дѣло, совершенно безнадежное для кліентовъ, но собиравшее съ нихъ обильную дань; а когда, послѣ бѣгства г-жи Эмберъ, явились судебные чиновники въ помѣщеніе компаніи, въ кассѣ нашли лишь

нѣсколько серебряныхъ монетъ. Законы внимательно охраняютъ интересы акціонеровъ, но слишкомъ мало заботятся объ интересахъ публики, для обработки которыхъ учреждаются и существуютъ акціонерныя общества. Въ данномъ случаѣ акціонерами были сама г-жа Эмберъ, два брата ея и нѣкоторыя почетныя подставныя лица, а доходы должны были доставляться довѣрчивыми и усердными обывателями, къ которымъ законодательство относится вообще пренебрежительно. Недостатки судебныхъ и прочихъ законовъ даютъ себя чувствовать не въ одной Франціи, но и въ другихъ странахъ, гдѣ французскій судебный формализмъ введенъ искусственно, какъ образецъ, достойный повсемѣстнаго подражанія и примѣненія...

По мѣрѣ того какъ прежнія французскія надежды относительно Эльзаса-Лотарингіи все болѣе переходятъ въ область неопредѣленныхъ мечтаній, германская власть фактически неустанно укрѣпляетъ свое положеніе въ пріобрѣтенныхъ отъ Франціи провинціяхъ, прибѣгая для этого къ глубоко-культурнымъ и потому наиболѣе прочнымъ мѣрамъ. Устроивъ въ Страсбургѣ одинъ изъ лучшихъ университетовъ Германіи, правительство создало въ краѣ вѣрнѣйшій оплотъ нѣмецкой національности въ настоящемъ и залогъ непрерывнаго развитія и усиленія ея вліянія въ будущемъ. А нынѣ императоръ Вильгельмъ II по собственной иниціативѣ принялъ рѣшеніе, которое должно еще болѣе сблизить новыя имперскія земли съ остальною Германіею. Указомъ на имя намѣстника Эльзаса-Лотарингіи отъ 9 мая (нов. ст.), онъ возвѣстилъ отмѣну такъ называемаго „параграфа о диктатурѣ", или закона объ охранѣ, который служилъ для населенія послѣднимъ напоминаніемъ объ исключительныхъ условіяхъ и порядкахъ, унаслѣдованныхъ отъ завоевательной эпохи.

Десятый параграфъ закона 30 декабря 1871 года объ устройствѣ управленія для Эльзаса-Лотарингіи уполномочивалъ высшую мѣстную власть—сначала оберъ-президента, а съ 1879 года намѣстника—„для охраны общественной безопасности немедленно принимать всѣ мѣры, какія будутъ признаны нужными для устраненія опасности". Въ силу этого уполномочія намѣстникъ могъ по своему усмотрѣнію пріостанавливать дѣйствіе общихъ законовъ, ограничивать политическія и общественныя права обывателей, высылать подозрительныхъ или безпокойныхъ людей, запрещать публичныя собранія и союзы, закрывать газеты и другія изданія. По свойственной нѣмецкимъ должностнымъ лицамъ корректности, эти исключительныя полномочія примѣнялись дѣйствительно только въ случаяхъ и предѣлахъ точно

установленной опасности какого-либо нарушенія общественнаго спокойствія, и никогда не подвергались распространительному толкованію, которое вообще не допускается относительно спеціальныхъ законовъ. Въ послѣдніе годы этотъ законъ объ охранѣ примѣнялся уже довольно рѣдко и съ большою осторожностью; но самое существованіе его оставалось всегдашнею угрозою и вмѣстѣ съ тѣмъ обидою для жителей, не давая имъ спокойно пользоваться правами, принадлежащими германскимъ подданнымъ во всѣхъ другихъ частяхъ имперіи. Обыватели Эльзаса-Лотарингіи не могли чувствовать себя полноправными гражданами и часто выражали неудовольствіе по поводу своего ненормальнаго положенія, въ качествѣ какъ бы „нѣмцевъ второго разряда"; но администрація, по обыкновенію, не рѣшалась выпустить изъ своихъ рукъ оружіе, которое расширяло ея власть по крайней мѣрѣ въ принципѣ и могло бы облегчить ея отвѣтственность при какихъ-нибудь непредвидѣнныхъ обстоятельствахъ. Личный починъ Вильгельма II покончилъ на этотъ разъ съ практическими затрудненіями и возраженіями, которыя до сихъ поръ неизмѣнно выставлялись заинтересованными чиновниками противъ необходимаго и въ высшей степени цѣлесообразнаго акта общей политики.

Въ бюджетной коммиссіи австрійской делегаціи, открывшей свои засѣданія въ Будапештѣ, австро-венгерскій министръ иностранныхъ дѣлъ, графъ Голуховскій, прочиталъ 7 мая свой обычный ежегодный отчетъ или дипломатическую лекцію о внѣшней политикѣ имперіи. Указавъ на довѣрчивыя дружественныя отношенія Австро-Венгріи „со всѣми государствами безъ различія", онъ сообщилъ, что тройственный союзъ, дѣйствіе котораго кончается въ маѣ 1903 года, будетъ возобновленъ въ полной силѣ, какъ незамѣнимая основа общаго мира, и что, впрочемъ, средне-европейскія охранительныя державы относятся вполнѣ благосклонно и къ параллельно дѣйствующему двойственному союзу, неоднократно проявлявшему весьма похвальныя миролюбивыя стремленія и намѣренія. Какъ представитель мудрѣйшаго изъ кабинетовъ, графъ Голуховскій вновь объясняетъ глубокій смыслъ и всеобщую обязательную силу знаменитаго принципа status quo, изобрѣтеннаго въ Вѣнѣ въ періодъ высшаго процвѣтанія и господства австрійской дипломатіи. Въ балканскихъ областяхъ, гдѣ владычество принадлежитъ туркамъ, особенно необходимо, будто бы, сохраненіе status quo, ибо тамъ усердно работаютъ и агитируютъ революціонные комитеты, старающіеся поднять христіанское населеніе противъ турецкихъ властей; но „военная готовность къ расправѣ съ возможнымъ возста-

ніемъ должна отчасти охладить пылъ устроителей безпорядковъ", такъ какъ „нельзя отказывать Турціи въ правѣ противиться революціоннымъ замысламъ всѣми силами и средствами государства". Турецкое правительство, разумѣется, понимаетъ, что „жестокости и насилія, употребляемыя противъ виновныхъ и невинныхъ безъ различія, могли бы только ухудшить положеніе и облегчить задачу тѣхъ скрытыхъ зачинщиковъ, которые стремятся вызвать кровавыя насилія и избіенія со стороны турокъ съ цѣлью побудить населеніе сосѣднихъ земель къ какимъ-нибудь необдуманнымъ шагамъ". Поэтому нужно прежде всего направить свои заботы къ успокоенію людей и государствъ, способныхъ волноваться по поводу турецкихъ избіеній и насилій, которыя съ давнихъ поръ входятъ уже въ обычную систему status quo. Нужно заставить Болгарію „держать въ уздѣ безпокойные элементы, чтобы небрежное или вялое примѣненіе контроля не вызывало подозрѣнія въ преступномъ соучастіи". Патріоты болгарскаго княжества виновны въ преступленіи, если они сочувствуютъ бѣдствіямъ своихъ соплеменниковъ въ предѣлахъ турецкой территоріи, а само правительство Болгаріи навлекаетъ на себя отвѣтственность въ „преступномъ соучастіи", если не обнаружитъ достаточнаго усердія въ охранѣ пограничныхъ турецкихъ земель отъ замѣшательствъ!

Австрійскій министръ говоритъ о Болгаріи въ такомъ тонѣ, какъ будто она всецѣло подвластна вѣнскимъ дипломатическимъ чиновникамъ и какъ будто по отношенію къ ней необязательны даже правила элементарной международной вѣжливости. О сербахъ онъ не упоминаетъ, но до сихъ поръ онъ всегда выражался о Сербіи въ высокопарномъ дружественномъ тонѣ, какъ о настоящей и вполнѣ достойной державѣ. Прежде онъ меньше касался Болгаріи, которая естественно предполагалась подчиненною русскому вліянію; теперь, очевидно, и тамъ русское вліяніе замѣнено суровою и придирчивою австрійскою опекою. По увѣренію графа Голуховскаго, эта крупная политическая перемѣна на Балканскомъ полуостровѣ есть результатъ благодѣтельнаго австро-русскаго соглашенія 1897 года, которое и впредь должно сохранить свою силу. Смыслъ этого соглашенія, предоставившаго Австро-Венгріи руководящую роль во всѣхъ балканскихъ дѣлахъ, совершенно непонятенъ съ нашей точки зрѣнія. Притомъ во внѣшней политикѣ мы все-таки связаны съ Франціею, и намъ несравненно выгоднѣе и удобнѣе охранять балканское status-quo заодно съ французскою дипломатіею, чѣмъ дѣйствовать солидарно съ австрійскими обличителями „преступныхъ" болгаръ и македонцевъ, недовольныхъ турецкими порядками и насиліями. Вѣроятно, и французы имѣютъ основаніе удивляться и отчасти даже раздражаться по

поводу австро-русской сдѣлки, фактически исключающей законное вліяніе Франціи въ предѣлахъ балканскихъ земель. Французскіе взгляды по этому предмету выразились съ достаточною ясностью въ поучительной статьѣ г. Шарля Луазо, напечатанной въ апрѣльской книжкѣ парижскаго журнала „Minerva“;—на эту статью слѣдуетъ обратить вниманіе тѣмъ, кто интересуется серьезными вопросами текущей международной политики.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 іюня 1902.

— Арс. Кадлубовскій. Очерки по исторіи древне-русской литературы житій святыхъ. 1—5. Варшава. 1902.

Трудъ г. Кадлубовскаго принадлежитъ къ числу наиболѣе замѣчательныхъ работъ, какія посвящены были въ послѣднее время древней русской литературѣ. Отдѣльныя главы его появлялись въ книжкахъ издаваемаго въ Варшавѣ „Русскаго Филологическаго Вѣстника“ и собраны теперь въ одномъ, большомъ, томѣ.

Литература древнихъ русскихъ житій еще не изслѣдована сполна, и самое изслѣдованіе началось только недавно. Въ прежнія времена эта литература, вѣроятно, была бы совсѣмъ недоступна критикѣ: можно было повторять ея содержаніе,—но едва ли было бы возможно коснуться ея существа, подвергнуть его историческому разбору. Но „житія“ занимали такое обширное мѣсто въ древней письменности, т.-е. представляли собой такое распространенное чтеніе, что необходимо требовали вниманія историковъ, и въ послѣднее время онѣ вызвали не мало любопытныхъ изслѣдованій. Первымъ и главнымъ изъ нихъ была книга В. О. Ключевскаго („Древне-русскія житія святыхъ, какъ историческій источникъ“. М. 1871); затѣмъ, сдѣлано было много изданій и отдѣльныхъ изслѣдованій. Г. Ключевскій пересмотрѣлъ и изучилъ массу этихъ памятниковъ старой литературы, печатныхъ и рукописныхъ, и хотя въ результатѣ онъ не нашелъ въ нихъ того, чего искалъ, именно данныхъ для выясненія процесса колонизаціи сѣверо-русскихъ областей, онъ пріобрѣлъ чрезвычайно важный историческій результатъ въ томъ, что опредѣлилъ историческую цѣнность каждаго отдѣльнаго житія и общіе пріемы составленія житій. Но при всѣхъ достоинствахъ книги, она, по словамъ г. Кадлубовскаго, имѣла въ этой области изученія особую роль: „послѣ ея появленія житія стали пользоваться меньшимъ вниманіемъ, научная разработка мате-

ріала, представляемаго ими, чрезвычайно ослабѣла. Причина этого явленія заключалась уже въ богатствѣ содержанія и въ объемѣ работы почтеннаго изслѣдователя... Впечатлѣніе получалось такое, что названный трудъ заканчиваетъ научную разработку предмета; но еще въ большей степени причина этого заключалась въ выводахъ изслѣдователя, въ силу которыхъ дальнѣйшее изслѣдованіе предмета казалось и ненужнымъ: древне-русскія житія были дискредитированы авторомъ въ смыслѣ историческаго источника не только для вопроса о колонизаціи, интересовавшаго его, но и для другихъ вопросовъ по исторіи древне-русской жизни: имъ указана слабая степень, часто полное отсутствіе оригинальности, господство подражательныхъ пріемовъ въ нихъ; указана скудость историческихъ, реальныхъ чертъ, вводимыхъ біографами въ свой разсказъ, замѣна ихъ общими фразами, шаблонными характеристиками добродѣтелей святого, пріуроченными лишь къ тому или другому имени... Отсюда безжизненность, крайнее однообразіе, господство условно-риторическаго стиля — характерныя особенности житій изучавшагося г. Ключевскимъ цикла, т.-е. сѣверно-русскаго"...

Авторъ думаетъ однако, что „послѣднее слово въ изслѣдованіи житій еще не сказано, если смотрѣть на житіе не какъ на *историческій источникъ*, а какъ на *литературный памятникъ*". Слова не совсѣмъ точны: изслѣдованіе „литературнаго памятника" такъ же получитъ въ концѣ концовъ историческую цѣнность; но вѣрно то, что изученіе житій должно быть направлено еще въ другую сторону: если онѣ даютъ мало прямыхъ фактическихъ свѣдѣній о лицахъ, которыя поставлены цѣлью жизнеописанія, то остается важно изслѣдовать ближе литературные источники памятниковъ и пріемы изложенія, а затѣмъ изучить въ нихъ различныя религіозныя настроенія, которыя могли въ нихъ отражаться. Эту цѣль и поставилъ себѣ авторъ настоящей книги.

И дѣйствительно, подвергнувъ изслѣдованію часть огромнаго матеріала житій, онъ пришелъ къ очень любопытнымъ и иногда совсѣмъ неожиданнымъ результатамъ. Напримѣръ, остановившись на житіи св. Авраамія Ростовскаго, которое не однажды привлекало уже вниманіе историковъ, какъ одинъ изъ любопытныхъ памятниковъ литературы житій (древность лица, подвиги по водворенію христіанства между язычниками), авторъ встрѣтился съ противорѣчіями относительно времени, когда могъ жить Авраамій; противорѣчій не разрѣшали и разныя мнѣнія ученыхъ историковъ (дававшихъ ему мѣсто отъ XI до XIV столѣтія), — поэтому авторъ нашелъ необходимымъ перенести вопросъ на другую почву. А именно: „въ виду легендарнаго характера житія и всѣми раздѣляемаго сомнѣнія въ его истори-

ческія достовѣрности, его слѣдуетъ разсматривать преимущественно какъ литературный памятникъ и перенести вопросъ на почву сравнительнаго изученія литературы, особенно же разсматривать наше житіе въ связи съ другими родственными ему по содержанію, т.-е. агіографическими произведеніями, не ограничиваясь притомъ памятниками русскаго происхожденія". Правильность заключенія совершенно оправдалась: въ житіи Авраамія Ростовскаго авторъ нашелъ несомнѣнное и очень близкое сходство съ житіемъ греческаго подвижника Авраамія Затворника въ VI-мъ вѣкѣ. Совпаденіе именъ, совпаденіе легендарнаго разсказа о сокрушеніи языческихъ идоловъ, повидимому, полное отсутствіе какихъ-либо точныхъ данныхъ о жизни Авраамія Ростовскаго, и дали, вѣроятно, мысль жизнеописателю русскаго святого воспользоваться, какъ образцомъ, житіемъ святого греческаго. Обстоятельства этому благопріятствовали: житіе Авраамія Затворника, между прочимъ, написано было знаменитымъ отцомъ церкви, Ефремомъ Сириномъ, творенія котораго существовали въ славянскомъ переводѣ и издавна знакомы были въ русской письменности. Въ подтвержденіе своей гипотезы объ этомъ прямомъ заимствованіи житія, авторъ приводитъ еще любопытный примѣръ. Въ томъ же житіи Авраамія Затворника находится разсказъ о борьбѣ этого подвижника съ бѣсами, которыхъ онъ и побѣдилъ (бѣсы обвязали его келію, т.-е. небольшую хижину, веревками и хотѣли утащить ее въ озеро): этотъ разсказъ цѣликомъ повторенъ въ русскомъ житіи Нила Столобенскаго. Подобнымъ образомъ для житія мученика Меркурія Смоленскаго нашелся образецъ въ греческомъ житіи великомученика Меркурія Кесарійскаго, для святого Никиты, столпника Переяславскаго—въ греческомъ житіи великомученика Никиты.

Указаніе этихъ параллелей доставляетъ чрезвычайно любопытную черту старыхъ житій: степень ихъ пригодности, какъ матеріала чисто-историческаго, еще уменьшается; но становится еще яснѣе литературный характеръ всего этого отдѣла старой письменности. Чтобы составить житіе подвижника, имѣвшаго славу святости и канонизованнаго, но о которомъ не имѣлось никакихъ точныхъ фактическихъ свѣдѣній, чтобы составить такое житіе почти довольно было одного имени: жизнеописаніе составлялось изъ обычныхъ, шаблонныхъ подробностей благочестиваго воспитанія и житія, монашескихъ подвиговъ, подыскивалась біографія одноименнаго греческаго святого, и по аналогіи составлялась новая біографія; иногда буквально повторялись цѣлые, болѣе или менѣе характерные эпизоды, тѣми же словами. Цѣль была не въ исторіи, а въ назиданіи; нетребовательный читатель и даже іерархи, просматривавшіе житіе, не думали о кри-

тикѣ и исторической справкѣ. Надо думать, что такихъ буквальныхъ повтореній было немного, но и это немногое очень характерно.

Затѣмъ, авторъ остановился на другой сторонѣ этой литературы, именно, предпринялъ прослѣдить въ житіяхъ XV—XVII вѣка отраженія современныхъ имъ направленій русской религіозной мысли, и здѣсь авторъ сдѣлалъ немало любопытныхъ и довольно важныхъ наблюденій. Книга заканчивается общими выводами относительно древнихъ житій.

Повторяемъ, что трудъ г. Кадлубовскаго есть чрезвычайно цѣнный вкладъ въ разработку старой русской литературы.

— М. Бородкинъ. Славянофильство Тютчева и Герцена. (Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ собраніи Спб. Славянскаго Благотворительнаго Общества 11 мая 1901 г.). Спб. 1902.

— Мэтью Арнольдъ. Задачи современной критики. Переводъ съ англійскаго. Москва. 1902.

Книжка г. Бородкина должна служить къ особенному возвеличенію славянофильства. Тема такова: къ славянофильскому ученію очень близко подходилъ или даже вполнѣ его раздѣлялъ знаменитый поэтъ Ѳ. И. Тютчевъ, несмотря на то, что почти всю жизнь прожилъ за границей и не имѣлъ никакихъ отношеній съ московскимъ кружкомъ; съ другой стороны, умный и талантливый Герценъ, рѣзкій и упрямый западникъ и поклонникъ Европы, переселившись за границу, попавши въ самый разгаръ европейской политической жизни, кончилъ тѣмъ, что усомнился въ Европѣ и измѣнилъ своимъ старымъ предразсудкамъ; онъ обращается къ мысли о народѣ, возлагаетъ надежды на бытовую мудрость русскаго народа, которой, пожалуй, придется спасать европейское человѣчество отъ его гражданскаго упадка; наконецъ примиряется съ вѣрой, которую прежде отрицалъ, и т. д., словомъ, по мнѣнію автора, вступаетъ въ настоящее лоно славянофильства. Отсюда г. Бородкинъ извлекаетъ лишнее доказательство истинности славянофильскихъ идей и лишнее поученіе. Трактатъ о Ѳ. И. Тютчевѣ построенъ на извѣстной біографіи, написанной Иваномъ Аксаковымъ; изображеніе взглядовъ Герцена частью извлечено изъ его сочиненій, а также изъ напечатанныхъ впослѣдствіи отрывковъ его переписки и разныхъ анекдотическихъ сообщеній. Такимъ образомъ новыхъ фактическихъ данныхъ здѣсь нѣтъ и главное заключается въ новѣйшемъ толкованіи.

Но это толкованіе далеко не убѣдительно въ томъ смыслѣ, какъ его ставитъ авторъ. Не будемъ останавливаться на Тютчевѣ. Мы не думаемъ, чтобы содержаніе его взглядовъ было извѣстно достаточно,

чтобы сполна причислить его къ славянофильской школѣ, а также представлять ихъ рѣшающими вопросъ о славянофильской системѣ, о свойствахъ русскаго народа, его культурномъ будущемъ и т. п. Тютчевъ былъ человѣкъ романтической эпохи, затронутъ былъ философскимъ движеніемъ тридцатыхъ годовъ, когда была наклонность теоретически рѣшать чрезвычайно мудреные вопросы исторической жизни народа; въ томъ числѣ рѣшалась судьба русскаго народа, когда между прочимъ едва дѣлались первые приступы къ настоящему научному изслѣдованію его исторіи, когда предпринимались первыя работы по изученію его быта и т. д. Тогдашняя (т.-е. въ тридцатыхъ годахъ) „философія исторіи" была чрезвычайно привлекательна для ея адептовъ: принявъ на вѣру нѣсколько положеній о путяхъ историческаго развитія народовъ (хотя въ дѣйствительности они далеко еще не были установлены), „философы исторіи" легко рѣшали вопросы, къ которымъ послѣдующая, болѣе осторожная наука приступала съ большими опасеніями, потому что раньше такихъ общихъ выводовъ считала необходимымъ множество предварительныхъ изслѣдованій, которыхъ пока совсѣмъ еще не было. Философско-историческія рѣшенія обходились безъ этихъ деталей; онѣ имѣли дѣло съ идеями, и трудъ философа заключался главнымъ образомъ въ болѣе или менѣе тонкой діалектикѣ. Это былъ чрезвычайно заманчивый спортъ.

Кромѣ того, Тютчевъ былъ поэтъ. Онъ былъ истинный поэтъ въ лирикѣ; но поэзія не разрѣшала трудныхъ политическихъ и національныхъ вопросовъ. Авторъ книжки между прочимъ цитируетъ, какъ явленіе „поразительное", посланіе Тютчева къ Ганкѣ 1841 года, гдѣ Тютчевъ, по мнѣнію автора, очень „глубоко и самостоятельно" оцѣнилъ значеніе между-славянскихъ отношеній. Въ этомъ посланіи говорилось:

„Вѣковать ли намъ въ разлукѣ,
Не пора-ль очнуться намъ?
И подать другъ другу руки
Нашимъ кровнымъ и друзьямъ?
Вѣки мы слѣпцами были,
И, какъ жалкіе слѣпцы,
Мы блуждали, мы бродили,
Разбрелись во всѣ концы.
А случалось ли, порою,
Намъ столкнуться какъ-нибудь,
Кровь не разъ лилась рѣкою,
Мечъ терзалъ родную грудь.
И вражды безумной сѣмя
Плодъ сторичный принесло:
Не одно погибло племя,
Иль въ чужбину отошло".

„Впослѣдствіи,—говоритъ авторъ,—Тютчевъ сдѣлался еще болѣе горячимъ приверженцемъ идеи славянскаго единства",—а именно въ 1867 г., когда состоялся извѣстный пріѣздъ славянскихъ гостей въ Петербургъ и Москву, Тютчевъ написалъ слѣдующее стихотвореніе:

...„Опально-міровое племя!
Когда же будешь ты народъ?
Когда же упразднится время
Твоей и розни, и невзгодъ,
И грянетъ кликъ къ объединенью,
И рухнетъ то, что̀ дѣлить насъ!
Мы ждемъ и вѣримъ Провидѣнью:
Ему извѣстны день и часъ"...

Эти призывы къ единенію, скорбь о вынесенныхъ бѣдствіяхъ могутъ быть очень сочувственны, но въ самой идеѣ этихъ стихотвореній не было ничего ни особенно глубокаго, ни самостоятельнаго. Идея славянскаго единства и въ русской литературѣ, и въ само̀мъ западномъ и южномъ славянствѣ была довольно старая, и въ славянскомъ возрожденіи конца XVIII столѣтія и начала XIX-го она ревностно пропагандировалась славянскими патріотами, отъ которыхъ передавалась и къ намъ. Давно поэтическимъ проповѣдникомъ ея выступалъ знаменитый Колларъ въ „Дочери Славы" и за нимъ другіе славянскіе стихотворцы; среди русскаго общества эта идея также давно имѣла своихъ горячихъ приверженцевъ; Пушкинъ уже задавалъ вопросъ о томъ, сольются ли славянскіе ручьи въ русскомъ морѣ, а у Погодина еще въ тридцатыхъ годахъ былъ готовъ планъ цѣлой славянской имперіи съ Россіей во главѣ; давно и Хомяковъ воспѣвалъ орла полночи, разбивающаго оковы славянскихъ народовъ. Тютчевъ повторялъ уже извѣстную тему, и повторялъ въ изліяніяхъ лирическаго чувства, которыя могли питать настроеніе, но ничего не прибавили къ разъясненію самаго дѣла.

Мы говорили въ прошломъ литературномъ обозрѣніи о вышедшей недавно большой книгѣ, представляющей панегирикъ Хомякову. Въ настоящей брошюрѣ повторяются отчасти тѣ же странные пріемы панегирика. Славянофилы являются какъ бы исключительными собственниками извѣстныхъ идеалистическихъ представленій о русскомъ народѣ, собственниками религіознаго идеализма и т. п. Если писатель другой школы начиналъ говорить о тѣхъ же предметахъ, панегиристамъ кажется, что этотъ писатель занялъ свои мысли у славянофиловъ; противники славянофильства изображаются обыкновенно отпѣтыми „отрицателями", слѣпыми поклонниками „Запада" и т. п., и въ этомъ отношеніи имъ приписываются даже совершенныя нелѣпости. Дѣлается это довольно просто: берется какая-нибудь фраза изъ цѣлаго

текста или наскоро писаннаго письма, и критикъ, приводя какую-нибудь отдѣльную мысль безъ связи съ цѣлымъ взглядомъ писателя, строго осуждаетъ ее, какъ ересь, тогда какъ въ дѣйствительности эта мысль сопровождается рядомъ доказательствъ и объясненій, отъ которыхъ она и не можетъ быть отдѣляема. Такимъ образомъ, когда Герценъ, покинувъ Россію, говорилъ о политическомъ положеніи европейскаго общества, къ которому относился очень отрицательно, критикъ (панегиристъ славянофильства) тотчасъ рѣшаетъ, что Герценъ отрекся отъ поклоненія Западу и перешелъ въ славянофильское исповѣданіе. Въ дѣйствительности, Герценъ впервые могъ ближе наблюдать эту европейскую жизнь, и если сурово осуждалъ извѣстныя явленія этой жизни, это показывало уже, что у него не было къ ней особеннаго „поклоненія",—отношеніе было свободное; и затѣмъ, осуждая общественно-политическія формы, онъ вовсе не думалъ отрицать тѣхъ условій и явленій Запада, которыя въ то время, да и послѣ, были совершенно неизвѣстны Востоку: онъ никогда не отвергалъ великаго значенія выработанной Западомъ науки и свободнаго изслѣдованія. Подобнымъ образомъ, когда Герценъ съ великими сочувствіями и съ великими надеждами говорилъ о русской сельской общинѣ, тотъ же критикъ провозглашаетъ опять, что Герценъ принялъ славянофильское исповѣданіе, но это рѣшеніе было бы преждевременно. Герценъ интересовался общиной съ чисто-соціальной, или соціалистической, точки зрѣнія. Его издавна интересовалъ западный соціализмъ; въ то время онъ только-что выступалъ изъ чисто-теоретическихъ, даже фантастическихъ построеній на почву практическихъ примѣненій; первые опыты бывали неудачны, и Герцену казалось, что русская община, какъ соціальная и экономическая форма, можетъ рѣшить извѣстные вопросы, служить образцомъ или примѣромъ. Онъ, быть можетъ, не удержался отъ преувеличеній, потому что и онъ также бывалъ „философомъ исторіи" и романтикомъ; но во всякомъ случаѣ онъ не былъ здѣсь ученикомъ славянофиловъ: идеализируя общину, онъ во всякомъ случаѣ считалъ ее формой, требующей дальнѣйшаго развитія, и далеко не раздѣлялъ тѣхъ толкованій, какими сопровождали общину славянофилы. Нашему автору кажется, что подъ конецъ жизни, отрекшись отъ своихъ заблужденій, Герценъ сталъ единомышленникомъ славянофиловъ,—большая ошибка: извѣстное совпаденіе по этому предмету вовсе не объединяло его съ славянофилами, и на множествѣ другихъ вопросовъ онъ остался бы по прежнему ихъ рѣшительнымъ противникомъ.

Рядомъ съ этимъ панегирикомъ славянофильства мы поставили переводъ сочиненія Мэтью Арнольда не случайно, хотя случайно они вышли почти одновременно. Брошюра „Задачи современной критики"

Мэтью Арнольда переведена и издана „Посредникомъ“ безъ сомнѣнія потому, что на эту статью знаменитаго англійскаго поэта и критика указалъ недавно Л. Н. Толстой въ своемъ предисловіи къ переводу нѣмецкаго романа „Крестьянинъ“. Л. Н. Толстой рекомендовалъ въ статьѣ Арнольда здравое пониманіе обязанностей критики и особенно, быть можетъ, критики современной,—потому что современная литература представляетъ рѣдко когда-нибудь бывавшее броженіе и борьбу всевозможныхъ направленій въ области философіи, нравственности, общественной жизни, политики, наконецъ самаго искусства и понятій эстетическихъ. Мэтью Арнольдъ—писатель старой школы, широкопросвѣщенный, сохранившій преданія гуманнаго искусства и—здраваго смысла. Не будемъ останавливаться на его указаніяхъ о томъ, какъ должна исполнять свое дѣло собственно литературно-эстетическая критика; эти указанія были отмѣчены Л. Н. Толстымъ; но въ книжкѣ Арнольда вопросъ критики поставленъ еще болѣе широко и касается самыхъ существенныхъ вопросовъ цѣлаго состава литературы. Арнольдъ ставитъ литературѣ очень высокія требованія; литература является, или должна являться, представительницей цѣлой національной жизни; ея достоинства и недостатки отражаютъ въ себѣ достоинства и недостатки самой націи; для того, чтобы она заслуженно занимала высокое положеніе, нужно, чтобы само общество, въ средѣ котораго воспитываются дѣятели литературы, выработывало въ своей жизни стремленіе и способность къ возвышенному мышленію и идеалу. Въ этомъ смыслѣ Арнольдъ строго относится къ самой англійской литературѣ, т.-е. къ тому обществу, которое, отдаваясь меркантильнымъ интересамъ и мелкой борьбѣ партій, потеряло способность воспринимать возвышенные, гуманные интересы.

Вообще, для достойнаго художественнаго творчества въ настоящее время, по мнѣнію Арнольда, требуется обширная подготовка.

„Необходимо ознакомиться съ жизнью и людьми, прежде чѣмъ изображать ихъ въ поэзіи, а такъ какъ современная намъ жизнь и общество отличаются весьма сложнымъ характеромъ, то твореніе современнаго таланта требуетъ громадной критической подготовки, безъ которой оно должно оказаться сравнительно посредственнымъ, безсодержательнымъ и недолговѣчнымъ“.

И затѣмъ, обращаясь къ прошлому англійской литературы, онъ говоритъ:

„Мнѣ всегда казалось, что тотъ блестящій подъемъ творческой дѣятельности въ нашей, англійской, литературѣ, который ознаменовалъ первую четверть нынѣшняго столѣтія, въ сущности имѣлъ въ себѣ нѣчто преждевременное, и что поэтому большая часть произведеній этой эпохи, несмотря на горячія упованія, которыя на нихъ

возлагались тогда и возлагаются еще нынѣ, обречены на существованіе едва ли болѣе прочное, чѣмъ произведенія другихъ, менѣе яркихъ, эпохъ. Эта „преждевременность“ произошла оттого, что литература той эпохи не имѣла въ своемъ распоряженіи достаточно данныхъ, достаточно матеріала. Говоря другими словами, англійская поэзія первой четверти нынѣшняго столѣтія, обладая въ полной мѣрѣ энергіей и творческою способностью, не обладала *достаточнымъ знаніемъ*. Нашимъ поэтамъ той эпохи недоставало не книгъ и не начитанности: Шелли читалъ очень много, Кольриджъ обладалъ громадною начитанностью. Пиндаръ и Софоклъ имѣли немного книгъ въ своемъ распоряженіи. Шекспиръ не отличался большою начитанностью. Но въ Греціи временъ Пиндара и Софокла и въ Англіи временъ Шекспира поэтъ жилъ въ круговоротѣ идей, оказывавшихъ въ высшей степени живительное и плодотворное вліяніе на его творческую способность. Общество было въ полной мѣрѣ проникнуто свѣжими мыслями, въ немъ кипѣла умственная жизнь. А такое положеніе вещей есть истинное условіе для проявленія творческой способности; въ немъ она находитъ необходимыя для нея данныя, необходимый матеріалъ“.

Далѣе опять строгое осужденіе самаго характера общества, который создался подъ вліяніемъ узкихъ, личныхъ и партійныхъ интересовъ.

„Непреодолимая склонность искать немедленнаго политическаго и практическаго приложенія всѣмъ высокимъ идеямъ разума пагубна. А между тѣмъ именно здѣсь англичанинъ попадаетъ въ свою стихію. Англичанинъ вообще похожъ на лорда Оуклэнда, современника Борка, который въ запискѣ о французской революціи толкуетъ о „нѣкоихъ негодяяхъ, присвоившихъ себѣ названіе философовъ, которые вообразили себя способными перестроить общество по новой системѣ“. Англичанинъ прозванъ политическимъ животнымъ, и онъ такъ высоко цѣнитъ все, что носитъ политическій и практическій характеръ, что неудивительно, если идеи дѣлаются для него предметомъ антипатіи, а мыслители являются въ его глазахъ „негодяями“, такъ какъ идеи и мыслители иногда дерзко вмѣшиваются въ его политику и житейскій обиходъ. Бѣда была бы невелика, если бы антипатія и пренебреженіе относились только къ идеямъ, необдуманно перенесеннымъ изъ свойственной имъ сферы и преждевременно примѣшаннымъ къ практической жизни. Но дѣло въ томъ, что у англичанъ эти чувства неизбѣжно распространяются на идеи вообще и на всю духовную жизнь. Практика для нихъ—все, свободное движеніе мысли—ничто.

„Что свободная дѣятельность мысли, направленная на всѣ явленія

жизни, можетъ быть желательна, составляетъ сама по себѣ наслажденіе, что изъ нея получается существенный запасъ тѣхъ элементовъ, безъ которыхъ духъ народа, чѣмъ бы онъ ни старался ихъ замѣнить, долженъ съ теченіемъ времени заглохнуть отъ недостатка питанія,—такое понятіе съ трудомъ усвоивается англійскимъ умомъ".

Такъ размышляетъ просвѣщенный писатель той самой Англіи, которая такъ гордится своими учрежденіями, своей политической свободой и такъ исполнена національнаго самодовольства.

Далѣе Арнольдъ даетъ урокъ и англійской литературной критикѣ:

„Критика въ нашей странѣ такъ мало трудилась въ чисто умственной сферѣ, такъ недалеко ушла отъ повседневныхъ интересовъ жизни, отличалась такимъ исключительно полемическимъ характеромъ, что не мудрено, если она такъ плохо исполнила свою главную духовную задачу.

„Задача эта состоитъ въ томъ, чтобы удерживать людей отъ опошляющаго и притупляющаго самодовольства, чтобы вести ихъ по пути къ совершенствованію, обращать ихъ вниманіе на то, что цѣнно само по себѣ,—на безусловную красоту и гармонію".

Такимъ же образомъ и въ цѣлой національной жизни должно идти по „пути къ совершенствованію", и главнымъ средствомъ для этого является пріобрѣтеніе знаній, наблюденія жизни своего и другихъ народовъ, анализъ фактовъ,—только это и можетъ повести къ широкому горизонту мысли, къ выработкѣ разумнаго и достойнаго идеала. Это какъ будто отвѣтъ на разсужденія нашего критика, который именно питается самодовольствомъ и старается ограничить свой горизонтъ одною партіей; по его мнѣнію, эта партія уже владѣетъ всею истиною. Такъ и разсуждаютъ обыкновенно люди партіи, которые теряютъ способность понимать и даже видѣть что-либо внѣ заученныхъ формулъ тѣснаго кружка. Нашему автору достаточно, напримѣръ, что Герценъ сказалъ что-то противорѣчащее его прежнимъ взглядамъ, чтобы вывести изъ этого, что онъ переходилъ въ славянофильство. Автору не приходитъ въ голову вникнуть въ то, возможно ли было Герцену, при всемъ складѣ его ума, при всемъ опытѣ его жизни, стать на точку зрѣнія, напримѣръ, Хомякова. Онъ могъ быть разочарованъ въ ходѣ политической жизни Европы,—но это все-таки было совершенно непохоже на славянофильскія отрицанія „Запада". Онъ могъ идеализировать общину; но это вовсе не было бы похоже на идеализацію, какая дѣлалась славянофилами. Относясь отрицательно къ европейской политической дѣйствительности, Герценъ вовсе не становился славянофиломъ; онъ все-таки оставался на западной точкѣ зрѣнія; онъ только примыкалъ къ тѣмъ лучшимъ умамъ европейскаго общества, которые точно также умѣли относиться критически къ современнымъ

явленіямъ своей жизни. Образчикъ этого послѣдняго мы находимъ въ той же книжкѣ Мэтью Арнольда. Онъ говоритъ объ *англійскихъ* учрежденіяхъ:

„Гдѣ намъ найти выраженія достаточно безобидныя, какъ намъ достаточно очевидно доказать чистоту нашихъ намѣреній, чтобы рѣшиться сказать англійскому политику, что сама британская конституція, которая съ точки зрѣнія практической представляется такимъ величественнымъ орудіемъ прогресса и добродѣтели, разсматриваемая съ точки зрѣнія теоретической, со всѣми ея компромиссами, пристрастіемъ къ фактамъ и ненавистью къ теоріямъ, съ ея старательнымъ избѣганіемъ ясно формулированныхъ мыслей,—что, разсматриваемая съ этой точки зрѣнія, наша державная конституція по временамъ смахиваетъ (да проститъ меня тѣнь лорда Сомерса!) на громадную машину для фабрикаціи „филистеровъ"? Какъ можетъ, напримѣръ, сказать это Коббетъ, не подвергаясь ложнымъ толкованіямъ, когда онъ уже и такъ очерненъ дымомъ тѣхъ стычекъ, которыя онъ въ продолженіе всей жизни имѣлъ на поприщѣ политическомъ? Какъ можетъ это сказать Карлейль, не подвергаясь ложнымъ толкованіямъ послѣ своего яростнаго вторженія въ это поприще со своимъ „Latter Day Pamphlets"? или Рёскинъ—послѣ своей задорной политической экономіи?"

Это говоритъ мужественный человѣкъ, который дорожитъ общественной—и обыкновенной—правдой. Для критика, т.-е. для общественнаго дѣятеля, по его мнѣнію необходимо держаться внѣ ближайшей практической дѣйствительности (т.-е. внѣ частныхъ и мелкихъ интересовъ данной минуты или данной партіи), если онъ хочетъ „положить начало тому болѣе свободному отвлеченному отношенію къ предмету, благотворное дѣйствіе котораго современемъ можетъ отозваться и на практической жизни, но уже вполнѣ естественнымъ и, слѣдовательно, неотразимымъ образомъ". Рѣчь идетъ, конечно, о свободной критической мысли и о возвышенномъ общественномъ идеалѣ.

Затѣмъ, онъ опять обращается къ англійской жизни:

„Какъ бы онъ ни дѣйствовалъ, критикъ, однако, все-же будетъ часто подвергаться ложнымъ толкованіямъ, и нигдѣ въ такой мѣрѣ, *какъ у насъ*. Ибо *у насъ* публика не расположена понять, что внѣ этого свободнаго, безпристрастнаго отношенія къ предметамъ нѣтъ мѣста истинѣ и высшей культурѣ. Она такъ погружена въ практическую жизнь, такъ привыкла почерпать всѣ свои понятія изъ этой жизни и ея рутины, что способна воображать, что даже истина и культура могутъ быть достигнуты при помощи этой рутины, и что желаніе достигнуть ихъ инымъ путемъ является дерзкой причудой".—А. П.

— Михаилъ Николаевичъ Капустинъ и его письма къ А. А. Борзенко. Спб. 1902.

Собраніе писемъ М. Н. Капустина (р. 1828 г., ск. 1899 г.) не велико, но, тѣмъ не менѣе, представляетъ значительный интересъ въ виду близкихъ отношеній дѣятельности ихъ автора къ современной исторіи нашего просвѣщенія. Особенно въ Петербургѣ онъ оставилъ по себѣ добрую память, какъ попечитель здѣшняго учебнаго округа; за его почти десятилѣтнее (1890—1899 г.) управленіе округомъ, число „городскихъ училищъ", четырехклассныхъ, удвоилось, благодаря его иниціативѣ и энергіи въ исполненіи дѣла. Послѣдніе года два М. Н. началъ часто болѣть, и незадолго до смерти, въ 1898 г., онъ такъ писалъ своему корреспонденту въ Одессу, въ отвѣтъ на его приглашеніе лѣтомъ отдохнуть на югѣ:

„Отъ души благодарю васъ за ваше любезное дружеское приглашеніе провести лѣто съ вами въ Одессѣ. Не нужно никакого усилія воображенія, чтобы представить себѣ то удовольствіе, которое доставило бы мнѣ лѣтнее пребываніе у васъ. Но увы! я дошелъ до такой степени физическаго разрушенія, что обязанъ везти свое бренное тѣло куда-нибудь въ починку. Думаю направиться въ Nauheim, не найду ли тамъ Силоамскую купель для своихъ недуговъ?

„Вы не повѣрите, какую усталость чувствую я постоянно; кажется, я былъ бы способенъ цѣлый день лежать на диванѣ. Слава Богу, остается не болѣе двухъ недѣль моей службы въ должности попечителя,—и я съ нетерпѣніемъ жду того дня, когда покину Петербургъ и забуду о гимназистахъ и объ экзаменахъ. Думаю, что слово „маяться" сочинено учащимися и происходитъ отъ „май", когда бываютъ экзамены...

„Вѣроятно, скоро прійдется прекратить лекціи и въ училищѣ Правовѣдѣнія, и я на старости останусь только съ институтками.

„На наши дѣла по народному просвѣщенію я смотрю уже почти только въ качествѣ наблюдателя. Трудныя задачи предстоятъ новому министру. Все такъ связано одно съ другимъ, что частичныя поправки не помогутъ, а надо, благословясь, ломать все разомъ и строить по новымъ чертежамъ".

Таково было мнѣніе опытнѣйшаго педагога и училищнаго администратора о предметѣ, который не перестаетъ насъ занимать и до настоящей минуты.—Z.

Въ маѣ мѣсяцѣ поступили въ Редакцію нижеслѣдующія новыя книги и брошюры.

Баженовъ, Н., и *Колюбакинъ*, В.—Въ какомъ направленіи долженъ быть сдѣланъ слѣдующій шагъ въ дѣлѣ организаціи призрѣнія душевно-больныхъ? М. 902.

Барсуковъ, Александръ.—Списки городовыхъ воеводъ и другихъ лицъ воеводскаго управленія XVII столѣтія, отпечатаннымъ правительственнымъ актомъ. Спб. 902.

Битнеръ, В. Р.—На рубежѣ столѣтій. Т. I: 1. Исповѣдь земли. Очеркъ успѣховъ геологіи и палеонтологіи. 2. Сѣдая древность человѣчества. Очеркъ успѣховъ археологіи. Съ 24 карт. и табл., 2 хромолитогр. и 453 рис. Спб. 902.

Богдановичъ, Л. А.—Двадцатипятилѣтіе Великой Освободительной войны. 1877—1892. Чистый доходъ поступитъ въ пользу учащихся въ Москвѣ славянъ. М. 902. Ц. 50 к.

Бондыревъ, А. П.—Матеріалы къ измѣренію роста и отдѣльныхъ частей тѣла у дѣтей. Диссерт. на ст. д-ра мед. Спб. 902.

Брандесъ, Георгъ.—Собраніе сочиненій, въ 12 томахъ. Съ портретомъ автора и вступительной статьей. Съ датскаго, п. р. М. В. Лучицкой. Т. I: Скандинавская литература. Норвежскіе писатели. Т. II: Шведскіе и датскіе писатели. Т. III: Главныя теченія въ литературѣ XIX вѣка. Литература эмигрантовъ. Т. IV: Романтическая школа въ Германіи. Спб. 902. Ц. за 12 т.—5 руб.

Бродовскій, И.—Еврейская нищета въ Одессѣ. Од. 902. Ц. 30 к.

Будринъ, П. В.—Частное земледѣліе. Ч. I, вып. 1: I. Зерновые хлѣба. II. Бобовыя зерновыя растенія. Варш. 902. Ц. 1 р. 80 к.

Ванъ-деръ-Боргъ, Р.—Торговля и торговая политика. Съ нѣм. п. р. Е. И. Рагозина. Спб. 902. Ц. 3 р.

Вундтъ, В.—Система философіи. Перев. съ нѣм. А. Ведене. Спб. 902. Ц. 3 руб.

Гейсманъ, П. А.—Славянскій крестовый походъ. По случаю 25-лѣтія со времени начала войны 1977—1878 гг. Спб. 902.

Гиппіусъ, З. (Мережковская).—Третья книга разсказовъ: Сумерки духа—Кабанъ—Комета—Слишкомъ ранніе—Святая плоть—Святая кровь. Спб. 902. Ц. 2 руб.

Гнѣдичъ, П. П.—Антиподъ и другіе разсказы. Спб. 902. Ц. 1 р. 50 к.

Головинъ, К. (К. Орловскій).—Полное собраніе сочиненій. Т. III: Внѣ колеи. Ром. Ч. 1, 2 и 3. Спб. 902. Ц. 1 р. 25 к.

Грабина, А. Т.—Прежде-погибшіе. Романъ босяка—Тріо—Раклы—Пріятели. Спб. 902. Ц. 50 к.

Гюго, Викторъ.—„Несчастные" (Misérables). Спб. 902. Ц. 3 р.

Денъ, В. Э.—Населеніе Россіи по пятой ревизіи. Подушная подать въ XVIII в. и статистика населенія въ концѣ XVIII вѣка. Т. I и II, ч. 2. М. 902.

Дживелеговъ, А. К.—Средневѣковые города въ западной Европѣ. Спб. 902. Ц. 1 руб.

Дю-Планти.—Тетушка Пико. Разсказъ для дѣтей. Съ франц. Съ рис. Спб. 902.

Занвилль, П.—Трагедіи гетто, съ англ. Изд. редакціи „Восхода". Спб. 902. Ц. 1 р. 25 к.

Замотинъ, И. И.—Три романтическихъ мотива въ произведеніяхъ Гоголя. Варш. 902.

Зотовъ, А.—Соглашеніе и третейскій судъ между предпринимателями и рабочими въ англійской крупной промышленности. Спб. 902. Ц. 2 р. 50 к.

Каллашъ, В. В.—Матеріалы и замѣтки по исторіи русской литературы. I—IV. Спб. 901.

——— Поэтическій дядька чертей и вѣдьмъ нѣмецкихъ и англійскихъ. Памяти В. А. Жуковскаго. М. 902.

Камышевъ, В. А.—Къ 25-лѣтію сооруженія въ С.-Петербургѣ, въ память въ Бозѣ почившаго Цесаревича Николая Александровича, храмъ во имя св. Николая чудотворца (1874—1896 г.) и учрежденнаго при немъ Николаевскаго православнаго братства (1876—1901 г.). Спб. 902.

Канскій, Е. I.—Къ ученію о защитномъ значеніи легкихъ. Спб. 902.

Капустинъ, Мих. Ник.—Его письма къ А. А. Борзенко. 1885—1898 г.

Карлейль, Томасъ.—Sartor Resartus. Жизнь и мысли герръ Тейфельсдрека. Въ 3-хъ книгахъ. Съ англ. Н. Горбовъ. М. 902. Ц. 2 р. 50 к.

——— Рѣчь, произнесенная при вступленіи въ должность лорда-ректора Эдинбургскаго университета. Съ англ. Н. Горбовъ. М. 902. Ц. 25 к.

Келлеръ, проф. А.—Жизнь въ морѣ. Въ 2-хъ частяхъ. Съ 31 и 22 рис. 2-е изд. Ц. по 1 р. („Полезная Библіотека").

Кислинскій, Н. А.—Къ столѣтію Комитета министровъ (1802—1902 гг.). Наша желѣзнодорожная политика, по документамъ Архива Комитета министровъ. Составл. подъ главною редакціею статсъ-секретаря Куломзина. Т. I. Спб. 902.

Карабчевскій, Н. П.—Рѣчи. 2-е изд., дополненное, 1882—1902. Спб. 902. Ц. 3 р. 50 к.

Краснопольскій, А.—Елецкій уѣздъ въ геологическомъ отношеніи. Съ геологическою картою. Спб. 902. Ц. 1 р. 80 к.

Кузнецовъ, Н. И.—Систематическій сводъ указовъ Правит. Сената, послѣдовавшихъ по земскимъ дѣламъ. 1866-1900 г. Спб. 902. Ц. 4 р.

Лендеръ. Н. Н. Разсказы путника. Спб. 902. Ц. 1 р.

Линдеманъ, Н. Э.—Общія основы энтомологіи. Съ 1080 фиг. на 323 рис. Спб. 902. Ц. 4 р.

Липскій.—Цѣны на рабочіи руки при заблаговременномъ наймѣ на сельскохозяйственныя работы. Спб. 902. Ц. 80 к.

Личковъ, Л. С.—Къ вопросу о реформѣ оффиціальной статистики. Кіевъ. 1902 г.

Луговой, А.—Pollice verso—„Добей его"! Спб. 902. Ц. 60 к.

Любовичъ, Н. Н.—Люблинскіе вольнодумцы XVI вѣка: Антитринитаріи и Анабаптисты. Варш. 902.

Майковъ, В. Н.—Сочиненія, въ двухъ томахъ. Съ портр. автора и вступительной статьей Г. Александровскаго. Т. I: Критическія статьи. Т. II: Научныя статьи и библіографія. 2-е изд.—Кіевъ, 902. Ц. за оба тома 1 р.

Мендельсонъ, В. П.—Къ вопросу о колебаніяхъ въ содержаніи эритрацитовъ различной величины. Диссерт. на ст. д-ра мед. Спб. 902.

Метерлинкъ, Морисъ.—Жизнь пчелъ. Съ франц. К. Зиновьевой и З. Яковлевой. Спб. 902. Ц. 80 к.

Молоствовъ, Н. Г.—Борецъ за идеализмъ. Слово правды о А. Л. Волынскомъ. Съ приложеніемъ лекціи Волынскаго, читанной въ Москвѣ и Ригѣ: „Современная русская беллетристика и журналистика"; и „Современная русская поэзія и старый и новый репертуаръ". Рига. 902. Ц. 1 р.

Мочульскій, Н. Н.—Малороссійскія и петербургскія повѣсти Н. В. Гоголя. Къ исторіи художественнаго творчества. Од. 902.

Мякотинъ, В. А.—Изъ исторіи русскаго общества. Этюды и очерки. Спб. 902. Ц. 2 р.

Немировичъ-Данченко, В. И.—Сластеновскіе милліоны. Изд. 4-е. Спб. 902. Ц. 1 р. 50 к.

Норвенъ, А., де.—Американскіе милліардеры. Съ 16 портрет. и съ приложен. статьи Андрью Карнеги: „Предубѣжденія противъ трёстовъ". Съ франц., п. р. А. Яновскаго. Спб. 902. Ц. 1 р. 50 к.

Нордау, Максъ.—Собраніе сочиненій. Т. I: Парадоксы. Т. II, III и IV: Вырожденіе. Съ нѣм., п. р. В. Н. Михайлова. Кіевъ, 902. Ц. за 12 т.—5 руб.

Ожешко, Элиза.—Собраніе сочиненій. Перев. съ польск. п. р. С. Зелинскаго. Т. I и II: Надъ Нѣманомъ. Т. III: Меиръ Эзофовичъ, ч. 1. Кіевъ. 902. Ц. за 12 т. 4 р.

Озеровъ, К. А.—Фабричные Комитеты и коллективный договоръ. М. 902.

Паульсонъ, I.—Первая учебная книжка. Классное пособіе при обученіи письму, чтенію и началамъ родного языка. Новое, исправленное стереотипное изданіе. Спб. 900. Ц. 20 к. Одобрено для начальныхъ народныхъ училищъ и церковно-приходскихъ школъ.

Разумовскій, В. К.—Медицина и хирургія въ XIX-мъ столѣтіи. М. 902.

Ренанъ, Эрнестъ.—Собраніе сочиненій въ 12 томахъ. Съ портретомъ автора и очеркомъ его жизни и дѣятельности. Съ франц. п. р. В. Н. Михайлова. Т. I и II. Будущая наука. Мысли 1848 года. Ч. I и II. Кіевъ. 902. Цѣна за всѣ 12 т.—5 руб.

Роско-Шарлеммеръ,—Краткій учебникъ химіи. Составъ по нов. научн. даннымъ проф. Е. Роско и А. Классенъ. Перев. Г. А. Чарусскаго, п. р. проф. С. Залѣсскаго. Съ 73 политип. и таблиц. спектровъ. Спб. 902.

Рубиновскій, А. Л.—Объ „условномъ осужденіи". Кам.-Подол., 902. Ц. 25 к.

Спасовичъ, В. Д.—Замѣтки о проектѣ земскаго управленія для 13 не-земскихъ губерній. Спб. 902.

Спасовичъ, В., и *Пильцъ*, Э.—Очередные вопросы въ царствѣ польскомъ. Этюды и изслѣдованія. Т. I. Спб. 902. Ц. 1 р.

Струве, П.—На разныя темы (1893—1901 гг.). Сборникъ статей. Спб. 902. Ц. 3 руб.

Тарановскій, Ѳ. В.—Феодализмъ въ Россіи. Критическій очеркъ. Варш. 902. Ц. 40 к.

Тардъ, Г.—Общественное мнѣніе и толпа. Съ франц., п. р. П. С. Когана. М. 902. Ц. 1 р.

Теръ-Арутинянцъ, А.—Патолого-анатомическія измѣненія въ легкихъ, печени и почкахъ у животныхъ, при длительномъ употребленіи дустала. Диссерт. на ст. д. мед. Спб. 902.

Тотоміанцъ, В.—Муниципализація промышленныхъ предпріятій. М. 902. Ц. 1 р. 20 к.

Тураевъ, Б.—Житіе абиссинскихъ подвижниковъ; Евстаѳія и Филиппа Дабра-Ливаносскаго. Перев. съ эѳіоп. рук. Британ. Музея. Б. Тургаевъ. Спб. 902.

Фаресовъ, А. И.—Мой отвѣтъ. Изъ литературной полемики. Спб. 902. Ц. 40 коп.

—— Земледѣльческія и ремесленныя коопераціи въ Россіи. Спб. 902.

Шеньобосъ, Ш.—Историческій методъ въ примѣненіи къ соціальнымъ наукамъ. Съ франц., п, р. П. Когана. М. 902. Ц. 1 р.

Шестаковъ, Д. П.—Памяти Т. Г. Шевченка. 1861—1901 г. Каз. 902.

——— В. И. Даль. Каз. 901.

Шиповъ, П., капитанъ.—Русская одежда. Спб. 901.

Шостьинъ, А.—Зачѣмъ блуждать? Размышленія по поводу предполагаемой реформы нашей средней школы. Св.-Троицко-Сергіева лавра. 902. Ц. 25 к.

Эрастовъ, І.—Открытое письмо Максиму Горькому. Спб. 902. Ц. 15 к.

Эйхталь, Е. д'.—Алексисъ Токвиль и либеральная демократія. Перев. М. Васильевскаго, п. р. и съ предисловіемъ Н. И. Карѣева. Съ портретомъ Токвиля. Спб. 902. Ц. 1 р.

Carlberg, N.—Der Stadt Riga, Verwaltung und Haushalt in den Jahren 1878—1900. In Veranlassung des 700-jährigen Bestehens Rigas. Ein Plan von Riga und Umgebungen. Riga. 901.

Samson-Himmelstjerna, H., von. — Die Gelbe Gefahr als Moralproblem. Berl. 902.

Schrenck, B. v.—Zur Frage den Einführung einer communalen Einkommensteuer in Riga. Riga. 902.

— Вопросы воспитанія и обученія. Труды педагогическаго общества, при Имп. Москов. унив. I. М. 901. Ц. 1 р. 25 к.

— Деревенскіе лѣтніе Ясли-пріюты въ Воронежской губерніи, лѣтомъ 1901 г. Ворон. 902.

— Дешевая Библіотека.—№ 31: А. Марлинскій (А. А. Бестужевъ). „Замокъ Нейгаузенъ"—„Кровь за кровь". Съ біографіей автора. Спб. 902. Ц. 15 к.

— Кустарные промыслы Спб. губерніи. Изд. Спб. губерн. земства. Спб. 902.

— Матеріалы по оцѣнкѣ недвижимыхъ имуществъ. Вяземскій уѣздъ; оцѣнка фабрикъ, заводовъ и мелкихъ промышленныхъ заведеній. По изслѣдованію 1901 года. Составленъ инж. Е. Богатыревымъ, П. Козляковскимъ и И. Чернышевымъ. Изд. Смоленск. Губерн. Управы. Смоленскъ. 902.

— Народный Университетъ. Сборникъ общедоступныхъ статей по самообразованію, п. р. В. В. Битнера. „Прогулка по небу". Съ 30 рис., картою луны и одною хромолитографіею. Спб. 902. Ц. 50 к.

— Страна чудесъ Новаго Свѣта, съ 25 рис и 2 картин. Изд. П. Сойкина, п. р. В. Битнера. Ц. 50 к.

— Начальное народное образованіе въ Россіи. П. р. членовъ Совѣта бывшаго Спб. Комитета грамотности Г. Фальборка и В. Чарнолускаго. Т. IV: Комбинаціонныя таблицы по губерніямъ и районамъ Имперіи. Спб. 902.

— Обзоръ сельскаго хозяйства въ Полтавской губерніи за 1899 г. По сообщеніямъ корреспондентовъ. Полт. 1899 годъ.

——— За 1900 годъ.

— Отчетъ по выкупной операціи за 1900 годъ. (Мин. Финансовъ, деп. Окладныхъ сборовъ). Спб. 902.

— Отчетъ о состояніи городскихъ начальныхъ училищъ, учрежденныхъ московскою городскою Думою за 1900—1901 годъ. М. 901.

— Погледъ върху дѣятелностьта на българската екзархия. 1877—1902 г. Leipzig. 902.

— Попечительство о народной трезвости за 1899 г. (Главн. Управл. Неокладн. сбор. и казенная продажа питей). Спб. 902.

— Протоколы коммиссіи преподавателей исторіи и русскаго языка среднихъ учебныхъ заведеній г. Тифлиса. Тифл. 902.

— Путеводитель по окрестностямъ С.-Петербурга для школьныхъ прогулокъ съ образовательною цѣлью. Составленъ кружкомъ учащихъ въ Спб. начальныхъ народныхъ училищахъ. Географическій матеріалъ редактированъ преподавателемъ И. Н. Михайловымъ, съ планами и иллюстраціями въ текстѣ. Изданіе Коммиссіи по народному образованію. Спб. 902. Ц. 70 коп.

— Разсказы изъ русской исторіи, составленные Коммиссіей преподающихъ исторію въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ г. Тифлиса. Курсъ I и II классовъ средне-учебн. завед. Тифл. 902.

— Сборникъ статей по вопросамъ городской жизни въ Россіи и заграницей. Вып. II и III. М. 901.

— Статистика по казенной продажѣ питей за 1899 г. (Главн. Управл. неокладн. сборовъ и казен. продажа питей). Спб. 902.

— Статистическій Ежегодникъ Полтавскаго губернскаго земства. Полт. 901.

— Три царска меморандума. Босанско-Херцеговочки Зберник. Нови-Садъ. 902. Ц. 1 крона.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

Wilhelm Jensen. Wilhelm Raabe (Moderne Essays). Berlin, 1902.

Осенью минувшаго года Германія торжественно праздновала семидесятилѣтіе одного изъ своихъ замѣчательныхъ писателей—Вильгельма Раабе—романиста, мало извѣстнаго за предѣлами своей родины. Сравнительно небольшая популярность Раабе объясняется, главнымъ образомъ, внѣшнею недоступностью его произведеній, т.-е. ихъ чрезмѣрною растянутостью. Его лучшіе романы: „Der Hungerpastor", „Abu Telfan" „Shüdderrump", состоятъ каждый изъ трехъ томовъ, и всѣ вмѣстѣ составляютъ трилогію. Очевидно, что и соотечественникамъ романиста трудно ознакомиться съ писателемъ, требующимъ такъ много доброй воли отъ читателя, а тѣмъ болѣе трудно предположить, чтобы произведенія такого объема переводились на другіе языки, если они, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, все-таки не принадлежатъ къ числу классическихъ шедёвровъ. Раабе—въ высшей степени плодовитый писатель. Кромѣ трилогіи, у него есть много другихъ, тоже очень объемистыхъ романовъ и множество короткихъ повѣстей и разсказовъ, составляющихъ отдѣльные сборники. Весь этотъ обширный матеріалъ представляетъ большой литературный интересъ, и по поводу юбилея стараго писателя нѣмецкіе критики много писали о неувядаемомъ значеніи и объ особенностяхъ художественнаго творчества Раабе. Отголоскомъ юбилейныхъ торжествъ является и очеркъ Вильгельма Іенсена, стараго друга Раабе, напечатанный въ предпринятой недавно д-ромъ Гансомъ Ландсбергомъ серіи „Moderne Essays". Серія эта составляется изъ очень интересныхъ отдѣльныхъ очерковъ о выдающихся явленіяхъ современной литературы и искусства. Уже вышли очерки о Ницше, Беклинѣ, Анунціо, Зудерманѣ, Мультатули и др., и объявлены книжки о Лиліенкронѣ, Бьернсонѣ, Метерлинкѣ, Рихардѣ Мутерѣ и т. д.

Въ краткомъ очеркѣ Іенсена нѣтъ, конечно, полной и всесторонней характеристики Раабе. Въ немъ намѣчается только значеніе романиста и говорится о томъ, какъ онъ постепенно завоевывалъ симпатіи читающей публики. Интересъ книжки еще въ томъ, что авторъ помѣстилъ въ ней свои статьи, относящіяся ко времени появленія

каждаго изъ главныхъ произведеній Раабе; по этимъ статьямъ видно, сколько новизны было въ свѣжемъ юморѣ и въ борьбѣ противъ пошлости, начатой Раабе, для поколѣнія, среди котораго онъ впервые выступилъ въ литературѣ.

Раабе родился въ 1831 г., былъ книгопродавцемъ, а потомъ, тяготясь своимъ дѣломъ, поступилъ въ университетъ, гдѣ занимался преимущественно философіей. Начало его литературной дѣятельности относится къ 1857-му году, когда вышла его „Chronik der Sperlinggasse", подъ прозрачнымъ псевдонимомъ „Яковъ Корвинусъ"; съ тѣхъ поръ, отбросивъ вскорѣ псевдонимъ и выступивъ подъ собственнымъ именемъ, Раабе неустанно работалъ вплоть до нынѣшняго времени. Чтобы вполнѣ оцѣнить Раабе, нужно стать на историческую точку зрѣнія: онъ принадлежитъ къ отжившему теперь поколѣнію. Есть въ современной литературѣ сверстники Раабе, которые идутъ во главѣ всего современнаго и за которыми не поспѣваютъ молодые;—и Ибсенъ, и Левъ Толстой, даже старше Раабе, но они составляютъ центръ и гордость всей современной литературы. Раабе—въ противоположность имъ—весь въ прошломъ. Онъ принадлежитъ къ тому поколѣнію, которое современная Германія, гордая быстрымъ ростомъ культуры въ послѣднія десятилѣтія, заклеймила прозвищемъ „эпигоновъ". Іенсенъ въ своемъ очеркѣ сильно протестуетъ противъ этого опредѣленія, не только примѣнительно къ Раабе, но и къ другимъ писателямъ его времени. Онъ говоритъ, что названіе это вызвано слишкомъ раболѣпнымъ отношеніемъ къ классикамъ, заставляющимъ предпочитать плохое стихотвореніе Гёте хорошимъ стихамъ Гейбеля, плохіе гекзаметры Клейста прекраснымъ гекзаметрамъ Гроссе. Іенсенъ правъ, нападая на присущее всѣмъ временамъ предубѣжденіе противъ всего новаго во имя установленнаго стараго, и то, что онъ говорилъ, отстаивая „молодого" Раабе (разсужденія объ эпигонствѣ находятся въ воспроизведенной въ книжкѣ Іенсена статьѣ, 1868 года), примѣнимо къ осужденію многими современными критиками новыхъ литературныхъ явленій нашего времени. Но теперь, когда Раабе не приходится отстаивать, когда онъ пользуется величайшимъ почетомъ въ Германіи, нельзя не признать, что онъ именно принадлежитъ къ эпигонамъ—не классическаго, а романтическаго періода. По прежнему опредѣленію, эпигонство обозначало безсиліе;—считалось, что классики надолго исчерпали запасъ творческихъ силъ своей націи, и что ихъ преемники осуждены на безсильное подражаніе. Въ этомъ смыслѣ Раабе не эпигонъ,—въ немъ есть большая сила творчества и большая свѣжесть. Благодаря своей исключительно тонкой наблюдательности, стихійному юмору и трезвому пониманію жизни, онъ внесъ свѣжую струю реализма въ литературу. Но Раабе — эпигонъ отчасти по сво-

имъ техническимъ пріемамъ, а главное, по своему міросозерцанію. Всѣ излюбленные пріемы романтиковъ, ихъ любовь къ живописнымъ развалинамъ, къ дикимъ мѣстностямъ, къ разрушеннымъ мельницамъ, около которыхъ непремѣнно когда-то происходили жизненныя драмы,—все то, что теперь кажется фальшиво-сентиментальнымъ на картинахъ дюссельдорфской школы,—все это переполняетъ романы и повѣсти Раабе. Романтическихъ аксессуаровъ въ его произведеніяхъ такъ же много, какъ и разнаго рода чисто романтическихъ эффектовъ, катастрофъ, вызванныхъ неожиданными случайностями, разрушающими мирныя идилліи. Столь же устарѣлымъ и чисто внѣшнимъ является его пристрастіе къ выдумыванію символическихъ именъ, выражающихъ или ироническое отношеніе къ данному лицу, или, напротивъ того, служащихъ предзнаменованіемъ трагической судьбы. Къ устарѣлости техники относится и растянутость произведеній Раабе—въ сущности, иногда совершенно искусственная. У него масса эпизодическихъ лицъ и преимущественно такихъ, въ уста которыхъ удобно вкладывать разсужденія на всевозможныя темы; въ числѣ дѣйствующихъ лицъ въ его романахъ и повѣстяхъ слишкомъ часто встрѣчаются пасторы, школьные учителя, врачи или разговорчивые люди—„изъ народа"; они пускаются въ длинныя бесѣды, свидѣтельствуя о юморѣ или глубокомысліи автора. Эти пріемы Раабе указываютъ на близость его къ романтикамъ, въ особенности къ Жану-Полю Рихтеру, его непосредственному учителю, родоначальнику столь излюбленнаго въ свое время діалектическаго юмора. Раабе иногда сравниваютъ съ Диккенсомъ, но это сопоставленіе менѣе удачно, потому что юморъ Диккенса чисто реалистическій, въ то время какъ Раабе, напротивъ того, романтикъ по своимъ пріемамъ.

По своему міросозерцанію Раабе тоже примыкаетъ къ романтикамъ. Это выражается въ его пессимизмѣ, связанномъ съ влеченіемъ въ облачныя дали, къ смутному, неосуществимому идеалу добра. Жизнь ему представляется царствомъ злыхъ, въ которомъ добрые всегда побѣждены, всегда жертвы. Жизнь—врагъ, это одно изъ его основныхъ положеній. Онъ изображаетъ по преимуществу людей, лучшія побужденія которыхъ постоянно въ противорѣчіи съ условіями преуспѣванія въ жизни. Благородные люди въ его романахъ никогда не бываютъ людьми сильными въ житейскомъ смыслѣ—напротивъ того, это большею частью слабые, уставшіе люди, неспособные справиться съ житейскими бурями; отъ отчаянія ихъ спасаетъ только доброе сердце и смиреніе. Въ связи съ этимъ пониманіемъ жизни находится и нравственный идеалъ Раабе—его проповѣдь любви и самоотреченія, безконечной преданности страждущимъ. Только путемъ побѣды надъ себялюбіемъ и посвященія всей жизни нуждамъ ближнихъ, т.-е. пол-

нымъ альтруизмомъ достигается нравственное совершенство. Этотъ идеалъ идетъ въ разрѣзъ со всѣмъ житейскимъ, но внутреннее удовлетвореніе и стремленіе къ душевному совершенствованію авторъ ставитъ выше житейскихъ благъ и старается идеализировать побѣжденныхъ жизнью людей. Пессимизмъ Раабе приводитъ его, въ сущности, къ очень гордой морали,—къ презрѣнію жизни во имя внутренняго идеала. Проповѣдуя смиреніе, онъ отдаляетъ человѣка отъ жизни, доказывая несовмѣстимость врожденныхъ человѣку стремленій къ добру съ счастьемъ въ жизни. Таковъ идеализмъ всѣхъ романтиковъ, съ ихъ разочарованностью, съ ихъ любовью къ контрастамъ, самое яркое проявленіе которыхъ они видятъ въ несовмѣстимости нравственныхъ идеаловъ съ условіями жизни. Для людей нашего времени, такое міросозерцаніе представляется устарѣлымъ, наивнымъ въ своемъ исканіи поэзіи внѣ жизни, и, главное, не объясняющимъ смысла жизни. Мы стремимся къ объединенію, къ непремѣнному проявленію нравственныхъ побужденій въ самой жизни, и вовсе не думаемъ, что благородство должно быть побѣждено, и что человѣку съ добрыми стремленіями нужно съ презрѣніемъ отойти отъ всего житейскаго и предоставить міру идти путемъ зла. Романтическій пессимизмъ Раабе—нѣчто совершенно отжившее, интересное исторически, какъ памятникъ уже пройденной ступени въ развитіи нравственныхъ идей. Пессимизмъ этотъ объясняется также историческими причинами. Раабе началъ писать въ очень тяжелое для Германіи время реакціи, наступившей послѣ возбужденія 1848 года. Умственная жизнь и въ особенности литература были въ упадкѣ, общее настроеніе было подавлено, всякая дѣятельность казалась невозможной и безнадежной. Раабе говорилъ въ тонъ общему настроенію, проповѣдуя презрѣніе къ жизни, побѣдить которую, все равно, не было силъ. Когда Германія воспрянула и сдѣлалась очень активной во всѣхъ отношеніяхъ, начиная съ 70-хъ годовъ, эта проповѣдь смиренія не находила болѣе отклика въ настроеніи общества, и потому Раабе, при всемъ своемъ талантѣ, оставался въ сторонѣ отъ широкаго литературнаго движенія, охватившаго Германію. Пессимизмъ его отъ этого еще болѣе усилился, и въ своихъ позднѣйшихъ произведеніяхъ онъ все ожесточеннѣе иронизировалъ надъ жизненными удачниками, все съ большей горестью говорилъ о побѣжденныхъ „идеалистахъ". Теперь, по случаю юбилея, въ Германіи вспомнили о художникѣ, которымъ нація можетъ гордиться, хотя его жизненная философія и не представляетъ интереса для современнаго поколѣнія съ его сложными, широкими, чисто активными задачами.

Вильгельмъ Іенсенъ говоритъ въ своей книгѣ главнымъ образомъ о

трехъ крупнѣйшихъ произведеніяхъ Раабе, объ его трилогіи: „Der Hungerpastor“, „Abu Telfan“ и „Der Schüdderrump“.

Въ этой трилогіи есть несомнѣнное единство. Всѣ три романа изображаютъ борьбу идеализма, жажды высшихъ идеаловъ съ разочарованіями жизни, и основной тонъ ихъ опредѣляется изреченіемъ Магомета, приведеннымъ въ „Абу Тельфанѣ“: „Если бы вы знали то, что я знаю, вы бы много плакали и мало смѣялись“. Въ „Hungerpastor“ представленъ юноша, который вступаетъ въ борьбу съ жизнью съ богатымъ запасомъ идеальныхъ стремленій; въ „Abu Telfan“ возмужалый человѣкъ тщетно борется съ окружающей пошлостью и погрязаетъ въ тинѣ житейскихъ трудностей; въ „Schüdderrump“ потерпѣвшій крушеніе старикъ печально возвращается въ гавань. Въ художественномъ отношеніи первый изъ трехъ романовъ—наиболѣе выдержанный; это полу-юмористическая, полу-трагическая повѣсть, въ которой ясно просвѣчиваетъ разочарованность автора, лекарство противъ которой онъ находитъ только въ идеализаціи побѣжденныхъ жизнью мечтателей. Наиболѣе значителенъ и содержателенъ второй романъ—„Абу Тельфанъ“. Это исторія человѣка, который провелъ десять лѣтъ въ Абу Тельфанѣ въ Тумиркіи, у подошвы Лунныхъ горъ, въ плѣну у злого негритянскаго племени, и возвращается въ свой родной городъ Ниппенбургъ. Фантастична въ романѣ только сама завязка, напоминающая пріемы Жана-Поля Рихтера, но такъ какъ дѣйствіе начинается съ момента прибытія путешественника въ свой родной городъ, то сказочный замыселъ превращается въ печальную сатиру жизни, разочаровывающей мечтателя, „жившаго въ Лунныхъ горахъ“. Тоскуя о родинѣ въ Лунныхъ горахъ, герой романа представлялъ ее себѣ въ радужномъ свѣтѣ, въ томъ видѣ, какъ она сохранилась въ воспоминаніяхъ дѣтства. Но когда онъ приближается къ родному городу, то видитъ, что густые туманы окутали узкую долину тяжелымъ покровомъ, что тамъ тяжело дышется. Въ Ниппенбургѣ ему становится душно, и его опять влечетъ къ борьбѣ, къ исканіямъ—или въ тихое уединеніе, гдѣ однообразно текутъ воды подъ шумъ мельничныхъ колесъ (обычная декорація романтическихъ уединеній). Ниппенбургъ—очень удачная сатира на нѣмецкую филистерскую обстановку. Тамъ есть неизбѣжная бронзовая статуя Landesvater'а, главы маленькаго герцогства, есть „избранное общество“, въ которомъ царитъ хорошій тонъ; тамъ выростаютъ и смѣняются поколѣнія, благоденствуютъ люди съ мелкими чувствами и мыслями лавочниковъ; всѣ они живутъ, заживо похороненные въ стѣнахъ своего города, т.-е. въ своемъ узкомъ кругозорѣ. Мечтателю съ высокой душой тамъ тѣсно—его тянетъ обратно въ страну Лунныхъ горъ, въ страну грёзъ,—„гдѣ много плачутъ и мало смѣются“. Побѣдить Ниппенбургъ они не могутъ—стѣны

города слишкомъ крѣпки, и потому ихъ единственное спасеніе—одиночество,—конечно, въ романтической, живописной обстановкѣ. Чувствуется, конечно, большая сентиментальность въ этой идеализаціи безплодной по существу мечтательности, но сатира на пошлость—очень художественная и сильная. Трилогія заканчивается очень мрачнымъ романомъ подъ страннымъ заглавіемъ: „Schüdderrump". Счастье—суетно, потому что болѣе высокое его пониманіе разбивается о тупость и мелочность жизни—такова идея этого романа, какъ и двухъ предъидущихъ. Здѣсь она символизируется названіемъ, которое авторъ разъясняетъ въ самомъ началѣ книги. Онъ разсказываетъ о видѣнномъ имъ въ маленькомъ нѣмецкомъ городкѣ приспособленіи для перевозки чумныхъ труповъ. Веселый кладбищенскій сторожъ предлагаетъ ему осмотрѣть въ качествѣ достопримѣчательности города единственную сохранившуюся въ Германіи старинную повозку, въ которую во время чумы сваливались трупы; стоило только отпереть засовъ, какъ весь грузъ труповъ, собранныхъ въ закрытомъ возкѣ, опрокидывался въ приготовленную на кладбищѣ общую яму. „Schüdderrump" (т.-е. вываливающая трупы повозка)—это, по замыслу Раабе, воображаемая повозка, которая проѣзжаетъ вездѣ, гдѣ живутъ люди; они сваливаютъ въ нее свои чумные трупы: надежды, стремленія, любовь и грёзы, а потомъ засовъ отодвигается, и весь грузъ опрокидывается въ огромную черную холодную могилу, гдѣ покоятся похороненныя съ начала вѣковъ надежды, любовь и грёзы человѣчества и гдѣ „нѣтъ различія между людьми". Грохотъ этой погребальной повозки онъ слышитъ явственно среди самыхъ оживленныхъ и радостныхъ моментовъ жизни—и рисуетъ мрачными красками всѣ разбитыя надежды лучшихъ людей среди грязи, уродства и пошлости жизни.

Кромѣ этой трилогіи, въ которой вполнѣ выясняются и всѣ качества Раабе, его чутье къ благороднымъ побужденіямъ человѣческой души, его горячая ненависть къ тупому филистерству, а также его недостатки—чрезмѣрная сентиментальность и нѣсколько туманный идеализмъ,—къ числу его наиболѣе выдающихся произведеній принадлежитъ его первая вещь—„Chronik der Sperlinggasse". Это чистѣйшая проповѣдь альтруизма, идиллія тихаго счастья благородныхъ, самоотверженныхъ натуръ съ примѣсью глубокой, неистребимой грусти. Человѣческая жизнь изображена внѣ обстоятельствъ времени; задѣты только вѣчные мотивы, повторяющіеся при всякой обстановкѣ, во всѣхъ общественныхъ условіяхъ. Проповѣдь автора сводится къ тому, что человѣкъ можетъ обрѣсти счастіе только въ себѣ самомъ, и что внѣшнія обстоятельства не имѣютъ рѣшающаго значенія для души, стремящейся исполнить свое назначеніе, т.-е. совершить дѣло любви и состраданія къ людямъ. Проповѣдь—нѣсколько наивная, но

проведенная съ такимъ огнемъ, что сразу выдвинула молодого автора въ первые ряды нѣмецкихъ писателей XIX вѣка. Юморъ Раабе въ этомъ первомъ произведеніи—удивительно свѣжій и яркій. Изъ остальныхъ многочисленныхъ романовъ и повѣстей Раабе наиболѣе выдающіеся—романъ „Drei Federn", составляющій какъ бы введеніе въ трилогію, а изъ позднѣйшихъ—„Gutmanns Reisen", „Horn von Wanza", „Alte Nester" и др.

II.

Brieux, La Petite amie. Pièce en quatre actes, en prose. Paris, 1902.

Бріё—одинъ изъ самыхъ видныхъ французскихъ драматурговъ нашего времени; лучшая его драма, „Красная тога" (Robe Rouge) имѣла большой успѣхъ и во Франціи, и за ея предѣлами,—ставилась она и въ Россіи. Примыкая непосредственно къ школѣ Дюма, Бріё задается преимущественно общественными вопросами, въ противоположность большинству современныхъ французскихъ драматурговъ, съ ихъ пристрастіемъ къ драмамъ, основаннымъ на супружескихъ измѣнахъ. Въ „Красной тогѣ" представлены язвы современнаго французскаго судопроизводства, ужасъ карьеризма, стоящаго, въ буквальномъ смыслѣ слова, жизни людямъ иногда совершенно невиннымъ,—такъ какъ, для достиженія „красной тоги" предсѣдателя суда, кандидатъ на эту должность принужденъ добиваться какъ можно большаго числа смертныхъ приговоровъ. Совѣстливый человѣкъ, каковъ герой пьесы, колеблется въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, и тѣмъ самымъ портитъ свою карьеру; а такъ какъ передъ его глазами множество примѣровъ болѣе удачныхъ карьеръ, чѣмъ его собственная,—то отсюда ясно, какія ужасныя злоупотребленія возможны при настоящемъ положеніи дѣлъ. Бріё съ полной безпощадностью рисуетъ яркую картину французской судейской практики, показываетъ изощренность пріемовъ, которыми ловкіе, думающіе только о повышеніи по службѣ слѣдователи способны довести до нужнаго имъ сознанія даже невиннаго человѣка. Бріё показываетъ, въ какой безъисходный кругъ превращается жизнь людей, служащихъ яко-бы правосудію и принужденныхъ въ то же время заботиться о своихъ интересахъ, идущихъ прямо въ разрѣзъ съ правосудіемъ. „Красная тога"—яркая сатира нравовъ, и въ основѣ ея лежитъ чисто практическая цѣль; авторъ хочетъ повліять на измѣненіе условій, совершенно нестерпимыхъ, съ точки зрѣнія нравственности. Но, помимо общественнаго интереса, пьеса Бріё представляетъ и обще-человѣческій, чисто психологическій. Драма, происходящая въ душѣ честнаго, серьезно относящагося къ сво-

ему дѣлу судьи, а также страданіе невинно заподозрѣннаго въ убійствѣ человѣка, злоба, которая накипаетъ въ немъ, когда его опутываютъ сѣти тяжелыхъ обвиненій—все это имѣетъ значеніе и помимо обличенія французскихъ судейскихъ нравовъ.

Новая драма Бріё, недавно представленная съ большимъ успѣхомъ на сценѣ „Comédie Française" и вышедшая только-что въ печати, носитъ названіе „La Petite amie". Авторъ опять задѣваетъ вопросъ, имѣющій общественное значеніе. Жизненная драма, составляющая сюжетъ пьесы, вызвана и жестокостью нравовъ, и недостатками законодательства, которое даетъ сильнымъ оружіе въ руки противъ слабыхъ. Но на этотъ разъ моралистъ оказался далеко не на высотѣ своего положенія, и пьеса его внѣ Франціи едва ли можетъ имѣть успѣхъ. Она интересна—но только симптоматически, своимъ чисто французскимъ характеромъ и тѣмъ, что въ ней очень ясно сказались нѣкоторыя особенности французскаго драматическаго творчества. Нигдѣ литература и въ особенности драма не связаны такъ тѣсно съ строго практическими требованіями дѣйствительности, какъ во Франціи, и это обусловливается двумя причинами. Въ другихъ странахъ, а въ частности у насъ, литература примыкаетъ къ тому, что̀ выработано сознаніемъ общества, и ей не приходится доказывать несостоятельность многаго, что̀ на практикѣ еще существуетъ. Она избавлена, такъ сказать, отъ наивной морали. Такъ напр., никто бы не сталъ въ настоящее время ломать копья за равноправіе женщинъ, за ихъ права на все, что̀ онѣ въ силахъ дѣлать, никто не станетъ доказывать въ литературѣ несостоятельность предразсудковъ, вызванныхъ положеніемъ женщины въ прежнія времена—хотя въ жизни предразсудки эти еще очень сильны, и противъ нихъ приходится бороться. Но принципіально такъ называемаго „женскаго вопроса" въ Россіи не существуетъ, и говорить о немъ въ литературѣ, проповѣдывать его со сцены, было бы ничѣмъ не интереснымъ повтореніемъ общихъ мѣстъ морали. Литература идетъ впередъ, ставитъ вопросы новые по существу, предоставляя практической дѣятельности бороться за прочно установившіеся въ сознаніи, но не осуществленные въ жизни принципы. Мы говоримъ о женскомъ вопросѣ, какъ объ одномъ изъ наиболѣе яркихъ примѣровъ того, что у насъ сознаніе общества, а вмѣстѣ съ тѣмъ и литература идутъ впереди жизни; это и спасаетъ лучшую часть литературы отъ наивности и пошлости. Во Франціи дѣло обстоитъ иначе, и въ этомъ заключается первая изъ приведенныхъ нами причинъ тѣсной связи французской литературы съ жизнью. Тамъ общественное сознаніе и жизнь сходятся. Если существуетъ извѣстное зло, то оно существуетъ не какъ переживаніе, поддерживаемое независящими отъ общественнаго сознанія причинами, а именно

потому, что оно глубоко связано съ господствующими понятіями. Если, напримѣръ, говоря о томъ же женскомъ вопросѣ, женщина во Франціи абсолютно не свободна, то это зависитъ отъ непризнанія обществомъ правъ ея на свободу, и оттого, что сами французскія женщины не освободились внутренно. Сознаніе французскаго общества не предвосхищаетъ дѣйствительныхъ условій жизни—и вотъ почему французская литература, идущая въ ногу съ жизнью, часто поражаетъ своей наивностью, своей, такъ сказать, дешевой моралью. Это въ особенности вѣрно относительно драматической литературы. Если поэты и нѣкоторые психологи-романисты и обособляются отъ жизни по своей эстетической утонченности, то драматурги хотятъ только вліять на толпу, и потому отражаютъ главнымъ образомъ нравственныя понятія и запросы общества. Отсюда наивная мораль даже лучшихъ современныхъ драматурговъ, въ особенности Дюма, который, при всемъ своемъ большомъ талантѣ и несомнѣнныхъ художественныхъ достоинствахъ, проповѣдывалъ чисто азбучную мораль. Бріё въ этомъ смыслѣ—прямой ученикъ Дюма, и яркимъ образчикомъ такого, такъ сказать, приниженія литературы до жизни является новая пьеса Бріё: „La petite amie". Въ ней есть ярко выраженная нравоучительная мысль—но къ чему она сводится? Къ тому, что въ любви и бракѣ денежные разсчеты не должны были бы играть роль; къ тому, что родительскій авторитетъ можетъ имѣть пагубныя послѣдствія, если родители навязываютъ свои буржуазныя понятія дѣтямъ, насилуя ихъ чувства и благородныя побужденія; къ тому, что любовь между сыномъ богатаго коммерсанта и бѣдной работницей можетъ быть очень возвышенна, и наконецъ,—а это въ пьесѣ Бріё самое главное—къ осужденію законодательства, которое даетъ возможность родителямъ воспрепятствовать счастью дѣтей. Казалось бы, что все это не подлежитъ даже обсужденію и понятно само собой, но Бріё очень горячо отстаивалъ свои положенія, очевидно не чувствуя, что онъ ломится въ открытую дверь—но во Франціи это въ самомъ дѣлѣ не значитъ ломиться въ открытую дверь. Стоитъ обществу проникнуться тѣмъ, что намъ кажется азбучными истинами, и условія, обрекающія на самоубійство героевъ Бріё, не будутъ существовать. „La petite amie" въ значительной степени напоминаетъ „Даму съ камеліями" Дюма. Какъ тамъ за женщиной полусвѣта никто не признаетъ права на искреннюю глубокую любовь и на нравственное перерожденіе, такъ и здѣсь бѣдной дѣвушкѣ-модисткѣ отказываютъ въ правѣ на честную любовь, считая ея удѣлъ предопредѣленнымъ: никто, а въ особенности родители молодого буржуа, ничего не имѣютъ противъ того, чтобы она была „petite amie" ихъ сына, но бракъ его на ней кажется имъ величайшимъ позоромъ. Также какъ отецъ Армана

уговариваетъ Маргариту Готье отказаться отъ его сына во имя ея любви къ нему, такъ и здѣсь родители Андрэ приходятъ къ Маргаритѣ (совпаденіе именъ очень характерно) и, надѣясь на ея благородство, требуютъ, чтобы она ушла отъ ихъ сына и не разбивала его жизни. Чрезвычайно любопытно именно то, что Бріё повторяетъ до нѣкоторой степени драму Дюма, только измѣняя ее соотвѣтственно условіямъ современной жизни, превращая даму полусвѣта въ честную модистку, и задѣвая, такимъ образомъ, одну изъ новыхъ экономическихъ язвъ Франціи, положеніе работницы, которую все толкаетъ на путь порока. Очевидно, Дюма не вполнѣ убѣдилъ французовъ своей знаменитой драмой, и тѣ же предразсудки, та же буржуазная мораль царитъ и въ настоящее время. Драма Бріё интересна, какъ показатель нравственныхъ понятій общества. Бріё—одинъ изъ самыхъ талантливыхъ современныхъ драматурговъ во Франціи, и если онъ берется за разработку наивно сентиментальнаго на нашъ взглядъ сюжета, то это только доказываетъ, что французское общество не переросло эти понятія. Если сравнить сюжетъ драмы Бріё съ тѣми задачами, которыя ставитъ себѣ Ибсенъ въ своихъ общественныхъ драмахъ, то легко убѣдиться въ преимуществѣ литературы, идущей впереди жизни, создающей идеалы надолго впередъ, надъ той, которая, задаваясь непосредственно практическими задачами, слишкомъ считается съ установившейся моралью, старается побѣдить какую-нибудь частность цѣлаго строя, вмѣсто того, чтобы вести сознаніе общества на совершенно новые пути.

Но мы говорили о двухъ причинахъ, обусловливающихъ характеръ современной французской драмы. Вторая изъ этихъ причинъ составляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и соблазнъ для французскихъ драматурговъ; она объясняетъ и до нѣкоторой степени оправдываетъ узкость тѣхъ задачъ, которыя они берутъ на себя. Дѣло въ томъ, что во Франціи дѣятельность драматурга до нѣкоторой степени близка къ политической дѣятельности—драматургъ можетъ вліять на законодательство, говорить со сцены такъ, какъ бы онъ говорилъ въ палатѣ, и добиваться, подготовляя общественное мнѣніе, извѣстныхъ реформъ, т.-е. видимыхъ результатовъ своихъ словъ. Въ другихъ странахъ писатель и въ частности драматургъ можетъ развивать общество, содѣйствовать нарожденію въ немъ болѣе высокихъ идеаловъ нравственности, но осуществлять практическія цѣли ему не дано. Французскій драматургъ находится въ болѣе привилегированномъ положеніи, и этимъ объясняется тяготѣніе всей школы Дюма къ проповѣди законодательныхъ реформъ. Дюма фактически повліялъ на положеніе вопроса объ узаконеніи незаконнорожденныхъ дѣтей. Точно также пьесы, касающіяся вопросовъ о бракѣ и разводѣ, имѣютъ непосредственно практическую

Контора: Мясницкая, противъ Мясницкой больницы, с. Петушковой, № 55.

цѣль. Пьеса Бріё тоже принадлежитъ къ числу практическихъ. Она направлена противъ одной статьи французскаго гражданскаго кодекса, дающей право отцу не допускать брака сына прежде, чѣмъ ему исполнится двадцать-пять лѣтъ, причемъ право это принадлежитъ именно отцу, а не матери. Бріё возмущается жестокостью и несправедливостью этой статьи и показываетъ, къ какимъ она приводитъ пагубнымъ послѣдствіямъ. Андрэ не сдается на убѣжденія отца и хочетъ жениться на Маргаритѣ, считая это тѣмъ болѣе своимъ долгомъ, что Маргарита готовится стать матерью. Отецъ, въ свою очередь, непреклоненъ. Онъ готовъ хорошо обезпечить Маргариту и ея ребенка, лишь бы его единственный сынъ не унизилъ себя этимъ бракомъ, а женился на выбранной отцомъ невѣстѣ. Андрэ не соглашается, уходитъ изъ дому и поселяется съ Маргаритой въ окрестностяхъ Парижа, надѣясь, что съумѣетъ жить, хотя бы и очень скромно, собственнымъ трудомъ. Но тутъ отецъ проявляетъ свою власть—и законъ на его сторонѣ. Онъ не даетъ разрѣшенія на бракъ, и до двадцати-пяти лѣтъ Андрэ не имѣетъ права обойтись безъ этого разрѣшенія. Въ довершеніе жестокости закона, мать Андрэ, въ которой материнская любовь одерживаетъ верхъ надъ буржуазными принципами, не можетъ помочь сыну;—ея разрѣшеніе не дѣйствительно. Живя въ незаконномъ бракѣ, Андрэ лишается возможности получить мѣсто, такъ какъ отецъ его всюду заявляетъ о его безнравственномъ образѣ жизни, и всѣ надежды пристроиться, благодаря этому, разрушаются. Маргарита великодушно предлагаетъ разстаться, но Андрэ этого исхода не допускаетъ, и любящіе рѣшаются умереть вмѣстѣ. Пьеса заканчивается на томъ, какъ они, обнявшись, направляются вмѣстѣ къ рѣкѣ. Мораль, какъ мы видимъ,—самая наивная въ этой исторіи о томъ, какъ погибаютъ благородныя дѣти отъ жестокосердія родителей; но авторъ какъ бы не замѣчаетъ своей сентиментальности, загипнотизированный совершенно опредѣленной практической цѣлью—вызвать негодованіе къ несостоятельной статьѣ закона. Можно пожелать ему и его соотечественникамъ, чтобы желаемый практическій результатъ былъ достигнутъ и статья уничтожена.

Но это тяготѣніе къ политической пропагандѣ въ произведеніяхъ искусства очень опасно; оно удаляетъ литературу отъ ея самыхъ священныхъ задачъ—отъ воздѣйствія на идейное развитіе общества проповѣдью нравственныхъ идеаловъ, а не практическихъ осуществленій уже установившихся понятій. Недостатки драмы Бріё обусловливаются вовсе не отсутствіемъ таланта у автора, не слабостью его какъ художника и моралиста, а именно свойственной французамъ крайней практичностью, несовмѣстимой съ задачами искусства. Въ

Контора: Мясницкая, противъ Мясницкой больницы, д. Лѣтошневой, № 55.

драмѣ „La petite amie“ слаба только идейная основа. Написана же драма прекрасно. Бріё—мастеръ своего дѣла. Драма очень сценична, діалогъ сильный и живой, характеристика среды яркая, и въ отдѣльныхъ подробностяхъ много драматизма и—главное—жизненной правды. Магазинъ шляпъ старика Ложере представленъ очень живо—и вся гнилость торжествующаго буржуазнаго духа проглядываетъ въ каждой подробности. Старикъ Ложере, который мнитъ себя артистомъ, посвятивъ свой талантъ на выгодное ремесло—изготовленіе дамскихъ шляпъ, тонкая система надувательства заказчицъ, проводимая имъ съ пониманіемъ женской психологіи и сознаніемъ своей добропорядочности и даже нравственной высоты, его мелкія интриги съ молоденькими работницами, комическое положеніе, въ которое онъ себя ставитъ своими приставаніями — все это производитъ удручающее впечатлѣніе и дышетъ правдой. Чувствуется какая-то непоколебимая сила въ этомъ пошломъ человѣкѣ, который, по своему, всегда правъ. Онъ собственнымъ трудомъ создалъ себѣ большое состояніе, отказывалъ себѣ во всемъ въ молодости, и считаетъ своимъ долгомъ отстаивать капитализмъ въ принципѣ, потрудившись для пріобрѣтенія своего состоянія. На воспитаніе сына онъ положилъ столько заботъ, что считаетъ себя вправѣ распорядиться его судьбой, т.-е. составить его счастье по своему пониманію. И съ той же послѣдовательностью убѣжденнаго буржуа онъ мститъ сыну, когда тотъ разрушаетъ всѣ планы относительно своего будущаго. Вся фигура Ложере—чрезвычайно выдержанная и стильная; въ немъ чувствуется та сила безнадежной убѣжденности, которая не будетъ сокрушена даже трагической смертью сына, пошедшаго противъ его воли. Очень хороша его жена, которая, по какому-то расовому инстинкту, тоже отстаиваетъ буржуазные принципы, хотя она сама отчасти ихъ жертва. Ея молодость прошла въ вѣчномъ урѣзываніи своихъ потребностей во имя будущей обезпеченности и богатства, которое дается ей уже тогда, когда ея жизнь уже кончена. Она знаетъ о любовныхъ интригахъ мужа и терпитъ ихъ, защищаясь только, какъ можетъ, женскимъ орудіемъ хитрости. Все это дѣлается во имя какого-то врожденнаго инстинкта смиренія передъ законами буржуазной жизни. Но въ ней непреклонность буржуазности смягчается женственностью, материнствомъ. Она во всемъ согласна съ мужемъ, помогаетъ ему хитрить и слегка мошенничать въ дѣлѣ,—такъ дѣлаютъ всѣ,—сноситъ униженія отъ фаворитокъ мужа—и остается невозмутимой. Но когда сынъ ея оказывается жертвой тѣхъ принциповъ, которые она защищала цѣной собственнаго счастья, въ ней просыпается духъ протеста, и она всячески пытается защитить сына. Но она безсильна и передъ закономъ, и передъ волей мужа, она тоже—одна изъ жертвъ властнаго

буржуазнаго строя. Менѣе удачны самые герои драмы—Андрэ, слабохарактерный, испорченный буржуазнымъ воспитаніемъ юноша, и его подруга Маргарита, типичная добродѣтельная гризетка стараго типа. Непонятно, почему Андрэ кончаетъ жизнь самоубійствомъ изъ-за разрыва съ отцомъ, почему его жизнь зависитъ отъ средствъ, получаемыхъ отъ отца. Есть много юношей, не имѣющихъ богатыхъ отцовъ, и зарабатывающихъ средства къ жизни безъ ущерба для своихъ университетскихъ занятій. Связь съ работницей тоже не могла его лишить возможности получить занятія, такъ какъ отецъ его не могъ интриговать противъ него по всему Парижу. Все это очень искусственно придумано для накопленія трагическихъ мотивовъ. Остается только препятствіе къ законному браку съ Маргаритой—но очевидно, что необходимость промедленія свадьбы на два года не могла привести Андрэ и Маргариту къ самоубійству. Бріё хотѣлъ представить произволъ, лежащій въ основѣ буржуазной семьи, но примѣры, которые онъ приводитъ, не убѣдительны, и конецъ пьесы—самоубійство—недостаточно мотивированъ. Авторъ какъ бы нарочно сгущаетъ краски для того, чтобы убѣдить въ необходимости отмѣнить возмущающій его законъ; но тенденціозность его драмы слишкомъ наивная, чтобы быть убѣдительной. Остается пожелать, чтобы несомнѣнный художественный талантъ Бріё и его мастерское знаніе условій сцены нашли примѣненіе въ болѣе достойномъ и, главное, болѣе широкомъ вопросѣ, чѣмъ походъ противъ несправедливой отдѣльной статьи закона.—З. В.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 іюня 1902.

Новый фазисъ въ исторіи одного изъ старѣйшихъ русскихъ журналовъ. — „Русскія рѣчи“ обновленнаго „Русскаго Вѣстника“ какъ вкладъ въ сокровищницу реакціонной печати.— Нѣчто о „сердечности“ и „твердости“.—Судьба трехъ земскихъ ходатайствъ.—Новыя назначенія.—С. А. Рачинскій †.

Болѣе тридцати лѣтъ сряду „Русскій Вѣстникъ“, появившійся въ свѣтъ на зарѣ нашего обновленія (въ 1856 г.), оставался органомъ своего основателя—М. Н. Каткова. Въ этотъ періодъ времени онъ пережилъ, однако, два существенно различныхъ фазиса. До начала шестидесятыхъ годовъ это былъ настоящій политическій журналъ, съ опредѣленной, яркой окраской, медленно измѣнявшейся въ направленіи слѣва направо. Когда, въ 1863 г., боевая дѣятельность Каткова, рѣзко повернувъ въ другую сторону, сосредоточилась въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, „Русскій Вѣстникъ“ сдѣлался мало-помалу сборникомъ статей, слабо связанныхъ между собою и, за немногими исключеніями, лишенныхъ журнальнаго характера. Помѣщались въ немъ, иногда, беллетристическія произведенія и критическіе очерки на тѣ же темы, которыя проповѣдывались въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“; но, вообще говоря, не въ немъ выражалась главная суть воззрѣній Каткова, и, еще при жизни послѣдняго, его журналъ обратился въ мало замѣтный придатокъ къ его газетѣ. Безплодными оказались всѣ попытки оживить „Русскій Вѣстникъ“, сдѣланныя послѣ смерти Каткова. Онъ переходилъ изъ Москвы въ Петербургъ, изъ Петербурга обратно въ Москву, мѣнялъ редакторовъ и издателей, но мало привлекалъ вниманіе публики и все болѣе и болѣе клонился къ упадку. Въ то же самое время угасалъ, послѣ кратковременныхъ вспышекъ жизни, его соратникъ—„Русское Обозрѣніе“, угасалъ несмотря на сильную поддержку, исторію которой разсказалъ послѣдній его редакторъ. Теперь мы присутствуемъ еще разъ при обновленіи „Русскаго Вѣстника“, опять переселившагося въ Петербургъ и перешедшаго подъ редакцію гг. Комарова и Величко. Удастся ли ему смягчить судьбу, не благопріятствовавшую до сихъ поръ консервативнымъ „толстымъ“ журналамъ (припомнимъ, что еще раньше „отцвѣли, не успѣвши расцвѣсть“, „Заря“ г. Кашпирева и „Русская Рѣчь“ г. Навроцкаго)—покажетъ время. Мы можемъ только пожелать утвердительнаго разрѣшенія этого вопроса: чѣмъ полнѣе представлены, во всѣхъ отдѣлахъ журналистики, всѣ направленія, существующія въ обществѣ, тѣмъ шире просторъ для полемики, тѣмъ больше, слѣдовательно, шансовъ выясненія истины.

Консерватизмъ—понятіе эластичное и не вполнѣ опредѣленное, обнимающее собою весьма различные оттѣнки мнѣній, отъ черты пограничной съ умѣреннѣйшимъ либерализмомъ до самаго крайняго ретроградства. Какого изъ этихъ оттѣнковъ будетъ держаться новая редакція „Русскаго Вѣстника"? Она желаетъ, повидимому, подчеркнуть свое несходство съ тѣми періодическими изданіями, которыя до сихъ поръ давали тонъ такъ называемой охранительной печати. Въ статьѣ: „Русскія рѣчи", подписанной однимъ изъ редакторовъ журнала и всего яснѣе формулирующей его программу, осуждается „бѣлый нигилизмъ", обусловливаемый „игнорированьемъ жизни" и „приверженностью къ устарѣлымъ аргументамъ"; оплакиваются „крайнія и не всегда искреннія проявленія русскаго націонализма, напоминающаго въ такихъ случаяхъ прусское юнкерство"; высказывается сожалѣніе о томъ, что, „при полной искренности и благородствѣ побужденій", консервативный націонализмъ *иногда* „выражается въ примѣси узко-сословныхъ или узко-полицейскихъ воззрѣній на нашу государственность"; борцамъ „съ заблужденіями отживающаго либерализма" рекомендуется „отказаться отъ нѣкоторыхъ крайностей, дающихъ силу только ихъ противникамъ". Несмотря, однако, на всѣ эти полу-упреки, разбавленные комплиментами, новые „борцы" оказываются, на самомъ дѣлѣ, недалеко ушедшими отъ старыхъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно присмотрѣться поближе къ ихъ взглядамъ на ближайшее прошлое и на переживаемый нами историческій моментъ—взглядамъ, въ значительной степени предрѣшающимъ ожиданія и пожеланія отъ будущаго.

„Бывали времена болѣе яркія, чѣмъ настоящее, но давно не было времени болѣе интереснаго"... Съ этого афоризма начинаются „Русскія рѣчи". Мотивируется онъ сравненіемъ нашей эпохи съ эпохой великихъ реформъ. Послѣдняя ознаменована больше всего *ломкой*—а „въ ломкѣ для культурнаго человѣка ничего особенно интереснаго нѣтъ. При торопливой ломкѣ вреднаго и отжившаго всегда разрушается что-нибудь полезное и жизнеспособное. Ломающіе всегда хотятъ отличиться, изъ побужденій прямолинейно-принципіальныхъ, а также и неизбѣжныхъ соображеній личной выгоды или тщеславія... Такъ называемыя *великія* или коренныя реформы, рѣзко мѣняющія жизненный складъ, суть мѣры противо-соціальныя и опасныя, подобно тѣмъ *лошадинымъ* средствамъ, отъ которыхъ умираютъ отдѣльные люди, попадая въ руки слишкомъ рѣшительныхъ эскулаповъ"... Творчество реформаторовъ шестидесятыхъ годовъ „порою носило характеръ отчасти переводный или компилятивный: одни подчинялись западнымъ теоріямъ, другіе—классовымъ инстинктамъ, третьи—желанію отличиться передъ начальствомъ и печатью домашней и зарубежной... Поѣздъ съ этими господами сталъ на рельсы—и дѣло двинулось по

намѣченнымъ шаблонамъ". Смыслъ этой характеристики не измѣняется отъ того, что часть сдѣланнаго въ шестидесятыхъ годахъ признается „цѣннымъ наслѣдіемъ, которое долго еще будетъ благомъ для родины". Важно то, что великія реформы провозглашаются „лошадиными" средствами, реформаторы—людьми, желавшими отличиться, исполненіе реформъ—шаблоннымъ, часть разрушеннаго ими—полезнымъ и жизнеспособнымъ. Все это мы слышали много разъ, все это наскучило до пресыщенія—и не становится новымъ и оригинальнымъ отъ того, что къ бочкѣ дегтя прибавляется ложка меду, въ видѣ мягкаго тона и нѣсколькихъ робкихъ оговорокъ. Возражать на такія „рѣчи" было бы совершенно излишне; пьедесталъ, на которомъ стоятъ реформы шестидесятыхъ годовъ, не поколеблется отъ того, что еще разъ сдѣлается мишенью для снарядовъ такого жалкаго калибра.

Менѣе избито, но не болѣе сильно добавочное обвиненіе, возводимое авторомъ „Русскихъ рѣчей" на эпоху великихъ реформъ: „при многихъ проектахъ, мечтаніяхъ и даже мѣрахъ того времени имѣлся въ виду несуществующій *отвлеченный человѣкъ*, искусственно выдвинутый и водворившійся въ умахъ нѣсколькихъ поколѣній", а теперь безповоротно „сданный въ архивъ". Безспорно, былъ періодъ вѣры въ „отвлеченнаго человѣка", всегда равнаго самому себѣ, не измѣняющагося ни во времени, ни въ пространствѣ: но этотъ періодъ прошелъ задолго до наступленія нашей освободительной эпохи—прошелъ тогда, когда смѣлой философской мысли XVIII-го вѣка, парившей надъ фактами, новѣйшая наука противопоставила изученіе дѣйствительности. Фикція „отвлеченнаго человѣка" не пережила великой французской революціи, наполеоновскихъ войнъ, романтизма, возрожденія національныхъ стремленій, господства нѣмецкой исторической школы и повсемѣстной побѣды точнаго изслѣдованія. Ко второй половинѣ XIX-го столѣтія она, можно сказать, не существовала—и меньше всего ея вліяніе чувствуется въ русскихъ законодательныхъ „мѣрахъ" того времени. Преобразованія императора Александра II-го глубоко коренились въ русской почвѣ; они всѣ имѣли въ виду не „отвлеченнаго человѣка", а тогдашнихъ русскихъ людей—и именно этимъ объясняется значительный ихъ успѣхъ, несмотря на множество крайне неблагопріятныхъ обстоятельствъ. Не говоримъ уже о крестьянской реформѣ, приспособленной не только къ русскому сельскому населенію вообще, но и къ различнымъ мѣстнымъ его группамъ; не говоримъ о земской реформѣ, готоваго образца для которой нельзя было найти ни въ одномъ изъ западно-европейскихъ государствъ—даже въ судебной реформѣ, больше другихъ, повидимому, заимствованной извнѣ, были такія своеобразныя составныя части, какъ учрежденіе мировыхъ судей... Нетрудно было бы, въ случаѣ надобности, показать,

что самыя фантастическія „мечтанія“ того времени имѣли точки соприкосновенія съ русскою жизнью.

Эпоха великихъ реформъ стоитъ одинокой въ нашей исторіи; связана съ нею, до извѣстной степени, только быстро промелькнувшая эпоха „новыхъ вѣяній“, когда была сдѣлана или, лучше сказать, задумана попытка возвращенія къ оборванной традиціи конца пятидесятыхъ и начала шестидесятыхъ годовъ. Въ „Русскихъ рѣчахъ“ объ этой послѣдней эпохѣ не говорится вовсе—но отношеніе къ ней новой редакціи „Русскаго Вѣстника“ обрисовывается съ достаточною ясностью нѣсколькими словами, сказанными въ другомъ мѣстѣ той же книжки. Утверждая, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ „истинная сердечность должна заключаться въ благожелательной твердости“, внутренній обозрѣватель журнала прибавляетъ: „достаточно вспомнить, къ чему привела въ свое время пресловутая диктатура сердца графа М. Т. Лорисъ-Меликова“. И на этомъ пунктѣ, слѣдовательно, обновленный журналъ подаетъ руку своимъ „охранительнымъ“ собратьямъ. Повторяется еще разъ, безъ всякихъ варіацій, старое клише, лишенное, въ сущности, всякаго серьезнаго смысла. Въ самомъ дѣлѣ, что̀ понимается здѣсь подъ именемъ результатовъ „диктатуры сердца“? Катастрофа 1-го марта? Но кому же неизвѣстно, что гр. Лорисъ-Меликовъ сдѣлалъ все отъ него зависѣвшее для ея предотвращенія; что розыскъ заговорщиковъ не прекращался и не ослабѣвалъ ни на одну минуту; что не дальше, какъ 28-го февраля, былъ арестованъ Желябовъ? До назначенія гр. Лорисъ-Меликова ни о чемъ похожемъ на диктатуру сердца не было и рѣчи—но это не помѣшало ни желѣзно-дорожнымъ подкопамъ въ ноябрѣ 1879-го года, ни взрыву въ Зимнемъ дворцѣ въ февралѣ 1880-го года; почему же къ „диктатору“ прилагаются другія требованія, чѣмъ къ его предшественникамъ? Почему упускается изъ виду, что вся первая половина восьмидесятыхъ годовъ отмѣчена осуществленіемъ проектовъ, авторское право на которые принадлежитъ „диктатурѣ сердца“?.. Отрицательно отнесясь къ обоимъ періодамъ русской жизни, носящимъ болѣе или мѣнѣе прогрессивный характеръ, „Русскій Вѣстникъ“ гг. Комарова и Величко намѣтилъ свое мѣсто въ нашей періодической прессѣ рядомъ съ „Московскими Вѣдомостями“ и „Гражданиномъ“. Ему хотѣлось бы установить свое родство съ славянофилами, „тріединое исповѣданіе“ которыхъ онъ вписываетъ въ свою программу; но вѣдь это исповѣданіе считаютъ своимъ и наши обскуранты, руками которыхъ совершено превращеніе „идеаловъ“ въ „идолы“, съ такимъ неподражаемымъ блескомъ изображенное Владиміромъ Соловьевымъ. Не достигнуть „Русскому Вѣстнику“ желаннаго общенія съ славянофильствомъ и путемъ повторенія, въ слегка подновленной формѣ, стараго приговора надъ Западомъ, „изнемогающимъ подъ бременемъ формальнаго народоправства, отвлеченныхъ теорій

и сомнѣній пресыщеннаго ума, не увлажняемаго (!) болѣе вѣрой". Этими „страшными словами" теперь никого не запугаешь. Процессъ нарожденія новыхъ соціальныхъ формъ, какъ бы болѣзненны ни были его симптомы, не имѣетъ, очевидно, ничего общаго съ смертельнымъ недугомъ,—и подъ мнимымъ „изнеможеніемъ" Запада таится еще неисчерпаемый запасъ живой силы.

Давно знакомыя ноты звучатъ и въ полемикѣ „Русскаго Вѣстника" противъ несимпатичныхъ ему современныхъ настроеній. Что „мнимый либерализмъ" „никого не удовлетворяетъ, топчется на мѣстѣ, все болѣе отстаетъ отъ жизни", что „мнимая забота о народѣ" прикрываетъ собою „стремленіе подорвать государственную силу", что люди, „казавшіеся еще сравнительно недавно апостолами правды и народнаго блага, нынѣ иначе не могутъ быть названы, какъ ослѣпшими фанатиками или ханжами омертвѣлаго культа",—все это слишкомъ старо, чтобы заслуживать вниманія или требовать опроверженія. Лично автору „Русскихъ рѣчей" принадлежитъ только усиленное подчеркиванье одной черты, указываемой и другими обличителями либерализма, но не такъ усердно выдвигаемой ими на первый планъ. Эта черта—повиновеніе „зарубежнымъ приказаніямъ", служеніе, „не всегда безкорыстное", „инородческой буржуазіи". Дѣло въ томъ, что г. Величко, по его собственнымъ словамъ, „испыталъ радикальный переворотъ подъ вліяніемъ вопіющихъ фактовъ", доказавшихъ ему „несостоятельность и безнравственность главнаго пункта буржуазно-либеральной программы—подчиненія русскихъ племенныхъ интересовъ и національнаго достоинства аппетитамъ западныхъ капиталистовъ и стремленіямъ враждебно обособляющихся россійскихъ инородцевъ". Подробности „переворота", пережитаго г. Величко, намъ неизвѣстны; очевидно для насъ лишь одно—что онѣ мѣшаютъ ему видѣть вещи въ ихъ настоящемъ свѣтѣ и судить о нихъ спокойно и безпристрастно. Только этимъ можно объяснить, что онъ говоритъ о вовсе не существующей у насъ „буржуазно-либеральной программѣ" и усматриваетъ въ ней то, чего нѣтъ ни въ одной программѣ. Если въ тѣхъ или другихъ періодическихъ изданіяхъ, въ тѣхъ или другихъ коллективныхъ заявленіяхъ проводилась мысль о желательности привлеченія въ Россію иностранныхъ капиталовъ, то отсюда еще очень далеко до включенія ея въ программу, выражающую собою настроеніе цѣлой общественной группы—и еще дальше до проповѣди подчиненія кому бы то ни было *племенныхъ* и *національныхъ* русскихъ интересовъ. Если въ послѣднее время раздавались голоса въ защиту капитализма, то побужденія, изъ которыхъ исходила такая защита, меньше всего могли считаться „буржуазными". Если правоограниченія инородцевъ встрѣчаютъ противниковъ преимущественно въ тѣхъ кругахъ, которые принято называть либеральными, то путемъ какого логическаго скачка можно вывести отсюда обвиненіе

въ „служеніи инородческой буржуазіи“? Что общаго между простою справедливостью по отношенію къ меньшинству—и готовностью отдать народную массу въ зависимость отъ небольшой части этого меньшинства? Если инородцы, несмотря на свою неполноправность, находятъ, иногда, возможность эксплуатировать окружающее населеніе, то не ясно ли, что здѣсь дѣйствуютъ причины чисто экономическаго характера, очень мало связанныя съ національностью? Всегда ли, затѣмъ, эксплуатирующіе и эксплуатируемые принадлежатъ къ различнымъ группамъ населенія?.. Пускай г. Величко разскажетъ намъ „вопіющіе факты“, которые вызвали въ немъ „радикальный переворотъ“: тогда можно будетъ опредѣлить, какая ихъ доля должна быть отнесена на счетъ племенныхъ свойствъ окраиннаго населенія, какая—на счетъ условій совсѣмъ другого рода. Сообразно съ характеромъ зла можно установить и способы борьбы, всего скорѣе и легче ведущіе къ цѣли. Едва ли между ними займетъ видное мѣсто обостреніе или распространеніе стѣсненій, тяготѣющихъ надъ инородцами.

Списокъ прегрѣшеній, приписываемыхъ „либераламъ“, не исчерпывается, у автора „Русскихъ рѣчей“, измѣной русскимъ интересамъ и работой на пользу иностранцевъ и инородцевъ. „Цензура этихъ ревнителей свободы“—восклицаетъ г. Величко—„далеко оставляетъ за собою недомысліе тѣхъ временъ, когда у насъ воспрещались въ поваренной книгѣ цыплята на вольномъ духу; она превосходитъ жестокость темныхъ дней, когда въ романскихъ странахъ людей науки инквизиторы сажали въ подземелья. Въ программу этой не только оборонительной, но и наступательной цензуры входятъ и заговоръ молчанія, и недостойныя клеветы противъ личности людей, дерзающихъ мыслить самостоятельно, и втаптыванье въ грязь нѣкоторыхъ такихъ созидательныхъ понятій, какъ національная идея, приверженность къ исторически-сложившемуся государственному строю, религіозное міросозерцаніе“. Вся эта тирада падаетъ подъ бременемъ своей собственной тяжести: слишкомъ уже много всякихъ ужасовъ вложилъ въ нее усердный не по разуму обличитель либерализма. Сравненіе съ дореформенными цензорами просто смѣшно, сравненіе съ инквизиторами смѣшно сугубо: слишкомъ велика несообразность сопоставленія безграничной власти съ полнѣйшимъ безвластіемъ. Къ этой несообразности присоединяется еще другая: негодующій противникъ литературной „цензуры“ прибѣгаетъ къ ней самъ, и притомъ въ худшей ея формѣ, обвиняя „цензоровъ“ не только въ угнетеніи цензируемыхъ, но и въ посягательствѣ на „созидательныя понятія“, далеко выходящемъ за предѣлы „цензуры“. И это еще не все. Допустимъ, что кто-нибудь изъ литературныхъ противниковъ г. Величко ввелъ въ свою политику личный элементъ, ввелъ его съ явнымъ нарушеніемъ литературной этики. Это, конечно, весьма при-

скорбно; но развѣ не то же самое дѣлаетъ г. Величко, говоря о *не всегда безкорыстномъ* служеніи инородческой буржуазіи, о побужденіяхъ *гораздо менѣе извинительныхъ*, чѣмъ ложное самолюбіе и слѣпое партійное буквоѣдство? Правда, въ послѣднюю фразу вставлена оговорка: *въ единичныхъ случаяхъ*; но такъ какъ точнаго указанія на эти случаи нѣтъ, то заподозрѣннымъ, безъ тѣни доказательствъ, оказывается цѣлый взглядъ, ненавистный автору „Русскихъ рѣчей". Какое названіе было бы дано этому полемическому пріему, еслибы онъ былъ пущенъ въ ходъ противъ самого г. Величко или его единомышленниковъ?..

Чтобы окончательно доказать ближайшее духовное родство между обновленнымъ „Русскимъ Вѣстникомъ" и старыми органами реакціонной печати, приведемъ еще два отрывка изъ „Русскихъ рѣчей". „Крестьянинъ, кормилецъ земли русской, сталъ полноправнымъ гражданиномъ... Свои права народъ созналъ довольно быстро, подъ вліяніемъ самозванныхъ учителей и собственнаго инстинкта; но такъ ли быстро и глубоко созналъ онъ отвѣчающія имъ обязанности, являющіяся единственнымъ серьезнымъ признакомъ истиннаго гражданскаго роста"? Кто не смотритъ на все окружающее черезъ своеобразную призму, выработанную нашими своеобразными „охранителями", тотъ не можетъ не знать, что у насъ въ Россіи „полноправныхъ гражданъ" нѣтъ вовсе и что меньше всего этимъ именемъ могутъ быть названы крестьяне, юридическое положеніе которыхъ, рѣзко отличаясь отъ положенія другихъ сословій, носитъ на себѣ всѣ признаки неполноправности. *Сознаніе правъ* не могло развиться въ народной массѣ уже потому, что слишкомъ ограниченны и въ значительной степени номинальны самыя ея права—а затѣмъ не могло развиться въ достаточной мѣрѣ и сознаніе обязанностей, составляющихъ какъ бы оборотную сторону права. Характерно и то, что авторъ „Русскихъ рѣчей" усматриваетъ только два способа ознакомленія народа съ его правами: инстинктъ и самозванное учительство. А *знаніе*, сообщаемое учительствомъ не *самозваннымъ*? Если его нѣтъ на лицо, то можетъ ли быть рѣчь о настоящемъ сознаніи права? Кого, притомъ, разумѣетъ г. Величко подъ именемъ „самозванныхъ учителей"? Соединяетъ ли онъ съ этимъ словомъ понятіе о противоправительственной пропагандѣ или примѣняетъ его ко всему тому, на что не наложено оффиціальной печати? Въ первомъ случаѣ невольно возникаетъ вопросъ, какимъ образомъ содержаніемъ пропаганды можетъ служить разъясненіе дѣйствительно существующаго права; во второмъ случаѣ остается только пожалѣть о сбивчивости представленій, въ силу которой все не получившее разрѣшенія прямо относится къ категоріи противозаконнаго. Что не запрещено, то дозволено—таковъ элементарный принципъ, давно стоящій внѣ всякаго спора.

Призывая къ „переоцѣнкѣ цѣнностей“, „Русскій Вѣстникъ“ отказывается начертать ея формулу, какъ находящуюся еще „въ періодѣ зачатія для бо̀льшей части нашего образованнаго общества“. Несомнѣнно, для автора „Русскихъ рѣчей“, только одно: что „органически-составною, созидающею частью этой формулы должна быть и будетъ струя русской самобытности, стремленіе къ упроченію и развитію нашихъ исконныхъ творческихъ началъ“. Начинающаяся „національзація русской мысли и жизни“ признается такимъ же шагомъ впередъ, какъ... преобразованія Петра Великаго! Этотъ размахъ фантазіи напоминаетъ намъ извѣстный французскій стихъ: „quand on prend du galon, on n'en saurait trop prendre“—а также не менѣе извѣстное русское изреченіе объ амбиціи и аммуниціи. Въ самомъ дѣлѣ, ничего новаго попытки „національзаціи русской мысли и жизни“ не представляютъ; со времени появленія на свѣтъ славянофильства мы видѣли ихъ немало, и далеко не всегда онѣ замыкались въ одной лишь области литературы. Комическое впечатлѣніе, производимое претензіями „Русскаго Вѣстника“, усиливается перечисленіемъ фактовъ, въ которыхъ онъ видитъ предвѣстія близкой побѣды. Вотъ они: учрежденіе общества ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія—открытіе въ Петербургѣ „Русскаго Собранія“—основаніе въ Харьковѣ, по почину профессора Вязигина, журнала „Мирный Трудъ“—и возникновеніе въ Москвѣ кружка націоналистовъ, съ г. Герасимовымъ во главѣ, „издающаго весьма интересные сборники, дышащіе любовью къ русскому дѣлу“. Прибавимъ къ этому переходъ „Русскаго Вѣстника“ къ гг. Комарову и Величко—и мы получимъ полную картину движенія, которому предстоитъ, по словамъ его провозвѣстниковъ, разростись въ мощный, всепобѣждающій потокъ и сдѣлаться миѳологическимъ Антеемъ, черпающимъ силу изъ прикосновенія къ родной почвѣ... Редакторамъ „Русскаго Вѣстника“ не мѣшало бы вспомнить, что претензія, бьющая черезъ край, часто бываетъ лучшимъ доказательствомъ безсилія.

Мы упомянули, мимоходомъ, о взглядѣ „Русскаго Вѣстника“ на „истинную сердечность“ и на отношеніе ея къ „благожелательной твердости“. Поводомъ къ разсужденіямъ на эту тему послужило увольненіе П. С. Ванновскаго отъ должности министра народнаго просвѣщенія. Хотѣлъ ли журналъ указать на то, что въ теченіе минувшаго учебнаго года „сердечность“, въ дѣлахъ школьныхъ, черезчуръ преобладала надъ „твердостью“—рѣшить трудно; неопредѣленность аргументаціи даетъ возможность понять ее и въ смыслѣ общихъ соображеній, непримѣнимыхъ, непосредственно, къ тѣмъ или другимъ конкретнымъ фактамъ. Допустимъ, однако, что П. С. Ванновскому сдѣланъ упрекъ въ излишнемъ добродушіи, въ чрезмѣрной мягкости.

Справедливымъ этотъ упрекъ признать нельзя, но понять можно: о сердечности дѣйствительно шла рѣчь въ циркулярахъ бывшаго министра. Совершенно непонятнымъ, наоборотъ, является другое, противоположное обвиненіе, довольно ясно, хотя и не прямо высказанное „Московскими Вѣдомостями". „Въ наши среднія и высшія школы",— восклицаетъ эта газета,—„снова вернется духъ добраго порядка и строгой законности, *духъ истинной любви* къ юношамъ и дѣтямъ, которыхъ не будутъ уже подвергать на авось разнымъ легкомысленнымъ экспериментамъ". Итакъ, *истинную любовь* къ учащимся слѣдуетъ искать именно въ томъ прошломъ, гдѣ о ней не было и помину, гдѣ она считалась излишней и несовмѣстной съ требованіями дисциплины? Если попытка реформы, глубоко обдуманная и согласованная съ указаніями опыта, и можетъ быть названа „экспериментомъ", то во всякомъ случаѣ этотъ экспериментъ былъ внушенъ хорошимъ чувствомъ, искреннимъ желаніемъ сблизить разобщенные элементы и соединить ихъ узами взаимнаго довѣрія. Въ школѣ, которую хотѣлъ преобразовать П. С. Ванновскій, господствовалъ порядокъ—но порядокъ, меньше всего заслуживавшій названіе *добраго*. О *строгой законности* здѣсь не могло быть и рѣчи со времени министерскихъ циркуляровъ 1887-го года, затруднившихъ для дѣтей изъ среды низшихъ сословій, вопреки буквальному смыслу устава, доступъ въ гимназіи и прогимназіи. Такое извращеніе истины, какое допущено въ вышеприведенныхъ словахъ московской газеты, превосходитъ даже ту мѣру, къ которой насъ пріучила реакціонная печать... Только привычкой объясняется равнодушіе, съ которымъ встрѣчаются не прекращающіяся выходки этой печати противъ „либераловъ", „интеллигентовъ" или „либеральныхъ интеллигентовъ". А между тѣмъ, нѣкоторыя изъ нихъ заслуживаютъ если не опроверженія, то воспроизведенія, какъ свидѣтельства о томъ, до чего можетъ дойти торжествующая безцеремонность. Ограничимся двумя примѣрами. Говоря о безпорядкахъ въ полтавской и харьковской губерніяхъ, „Московскія Вѣдомости" (№ 118) восклицаютъ: „роковая гибельная тѣнь тумана окутываетъ головы *просвѣщенныхъ либеральныхъ людей*, мѣшая имъ видѣть, что эта дикая грабительская разнузданность, эта бунтовская дерзость—результаты ихъ же собственнаго попустительства всякой нелѣпѣйшей пропагандѣ, всѣмъ недозволительнѣйшимъ увлеченіямъ юношества, разнузданнѣйшимъ идеямъ, разносимымъ нелѣпыми ученіями, которымъ либеральное общество рукоплещетъ до тѣхъ поръ, пока пламя пожара не охватываетъ его собственныхъ жилищъ и пока руки грабителя еще не выхватываютъ кошелька изъ его кармана". Нѣсколько дней спустя одинъ изъ постоянныхъ сотрудниковъ той же газеты (№ 132) разсуждаетъ такъ: „если кто-либо въ Россіи задерживаетъ ходъ настоящаго прогресса—это

только наши либеральные интеллигенты. Еслибы не ихъ безсмысленныя идеи, мы, быть можетъ, давно бы дожили до отмѣны тѣлесныхъ наказаній, за установившимся у насъ прочнымъ порядкомъ. Они своими дѣйствіями только отдаляютъ насъ отъ того времени, когда народъ, воспитавшій въ себѣ путемъ строгихъ узаконеній чувства долга, чести и законности, могъ бы обходиться безъ строгой кары и суровыхъ наказаній, примѣненіе которыхъ вызывается теперь совершенною необходимостью. Злѣйшій врагъ народа въ Россіи—это нашъ интеллигентъ, ибо онъ не любитъ народа, хотя и выставляетъ себя его другомъ и защитникомъ. Если спросить интеллигента, который изъ двухъ способовъ гуманнѣе при прекращеніи безпорядковъ—примѣненіе ли оружія, съ неизбѣжными его послѣдствіями (убитыми и ранеными), или примѣненіе тѣлесныхъ наказаній, онъ вамъ отвѣтитъ, что первое—гуманнѣе и, слѣдовательно, съ его точки зрѣнія, предпочтительнѣе. Русскій патріотъ, любящій Россію и народъ, конечно сказалъ бы обратное". Автору этого удивительнаго разсужденія не мѣшало бы вспомнить, что постановка вопроса въ такой формѣ не имѣетъ никакого смысла: тѣлесное наказаніе—вовсе не способъ *прекращенія* безпорядковъ, по той простой причинѣ, что примѣненіе его становится возможнымъ только *послѣ* ихъ прекращенія. Лица, подвергаемыя тѣлесному наказанію, находятся уже въ рукахъ власти, отъ которой зависитъ сдѣлать ихъ безвредными, лишивъ ихъ свободы. Тѣлесное наказаніе въ такихъ случаяхъ—не мѣра предосторожности или предупрежденія, а административная кара.

Выше, во „Внутреннемъ Обозрѣніи", сообщены свѣдѣнія объ одномъ земскомъ ходатайствѣ, получившемъ неожиданно благопріятное направленіе [1]). На одно извѣстіе этого рода приходится, къ сожалѣнію, немало другихъ, прямо противоположныхъ. Шесть лѣтъ тому назадъ засѣданіе галичскаго (костромской губерніи) уѣзднаго земскаго собранія не могло состояться вслѣдствіе отсутствія одного изъ гласныхъ—волостного старшины, уведеннаго изъ собранія для исполненія административнаго распоряженія, которымъ онъ былъ подвергнутъ аресту. Костромское губернское земское собраніе, въ виду этого факта, постановило ходатайствовать объ освобожденіи гласныхъ-крестьянъ отъ ареста въ силу дискреціонной власти исправника и земскаго начальника. Комитетъ министровъ, 26-го минувшаго марта, предоставилъ министру внутреннихъ дѣлъ отклонить это ходатайство. Та же судьба постигла ходатайство московскаго губернскаго земства объ увеличеніи

---

[1]) Рѣчь идетъ о мѣстныхъ попечительствахъ, признанныхъ прототипомъ мелкой земской единицы.

числа земскихъ представителей въ губернскомъ по земскимъ дѣламъ присутствіи, хотя къ представителямъ администраціи присоединенъ недавно непремѣнный членъ присутствія. И прежде вѣсы почти всегда склонялись на эту сторону, такъ какъ къ губернатору примыкали обыкновенно вице-губернаторъ, управляющій казенной палатой и лицо прокурорскаго надзора, образуя, въ спорныхъ вопросахъ, большинство противъ губ. предводителя дворянства, предсѣдателя губ. земской управы и члена отъ губ. земскаго собранія; теперь голосъ непремѣннаго члена можетъ дать перевѣсъ мнѣнію губернатора даже тогда, когда съ выборными членами присутствія согласится прокуроръ или управляющій казенной палатой. Отклонено и другое ходатайство московскаго губ. земства—о разрѣшеніи московской губ. земской управѣ издавать, съ участіемъ другихъ земствъ, періодическій органъ печати подъ названіемъ: „Земскій Вѣстникъ". Министерство внутреннихъ дѣлъ нашло, что, на основаніи ст. 3-й Полож. о земск. учр., кругъ дѣйствій земскихъ учрежденій ограничивается предѣлами губерніи или уѣзда, каждому изъ этихъ учрежденій подвѣдомственныхъ: между тѣмъ изданіемъ при московской губернской земской управѣ, при участіи другихъ земствъ, общеземскаго печатнаго органа преслѣдуется цѣль объединенія дѣятельности всѣхъ земствъ имперіи, причемъ такую объединяющую роль предполагается придать московской губернской земской управѣ. Принимая во вниманіе, что объединеніе дѣятельности земскихъ учрежденій и установленіе общихъ руководящихъ началъ этой дѣятельности можетъ принадлежать исключительно центральному правительству, а ни въ какомъ случаѣ не земству одной какой-либо губерніи, министерство полагало ходатайство московскаго земства отклонить, съ чѣмъ согласился и комитетъ министровъ. Намъ кажется, что изданіе, хотя бы и за счетъ нѣсколькихъ или многихъ земствъ, общеземскаго журнала отнюдь не было бы равносильно „объединенію *дѣятельности* земскихъ учрежденій". Каждое земство продолжало бы дѣйствовать на свой ладъ, совершенно независимо отъ остальныхъ, и, узнавая изъ журнала о предпринимаемомъ и сдѣланномъ другими, пользовалось бы этими свѣдѣніями лишь настолько, насколько признавало бы нужнымъ и цѣлесообразнымъ. Задача общеземскаго журнала была бы однородна съ тою, которую исполняетъ теперь, для своей губерніи, каждый изъ отдѣльныхъ земскихъ органовъ (новгородскій, псковской, херсонскій, саратовскій и др.). Вмѣсто того, чтобы справляться съ грудами печатныхъ листовъ—и все-таки оставаться въ неизвѣстности насчетъ положенія земскаго дѣла въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ нѣтъ земской газеты,—каждое земство, благодаря общеземскому журналу, во всякую данную минуту располагало бы всѣмъ нужнымъ для него матеріаломъ. Нужно надѣяться, что въ близкомъ будущемъ исчезнутъ опасенія, помѣшавшія успѣху ходатай-

ства московскаго губернскаго земства, и давно назрѣвшая потребность получитъ, наконецъ, желанное удовлетвореніе.

Какъ ни мало получалось въ нынѣшнемъ году извѣстій изъ губерній, пораженныхъ неурожаемъ, едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что положеніе населенія во многихъ мѣстахъ должно быть названо крайне тяжелымъ. Особенно характернымъ, съ этой точки зрѣнія, является письмо изъ вятской губерніи, напечатанное въ № 18 „Новаго Дѣла" подъ заглавіемъ: „Все обстоитъ благополучно". „Вотъ"—говоритъ авторъ—„картина пострадавшихъ мѣстностей губерніи (значительная часть уѣздовъ глазовскаго, сарапульскаго и нолинскаго, нѣкоторые районы уѣздовъ котельническаго и слободскаго): страшный недостатокъ, а потому и дороговизна скота, а также отчасти и соломы, нехватка въ хлѣбѣ, падежъ мелкаго скота (овецъ), чуть не скелеты рогатаго скота, негоднаго уже ни въ какую (нормальную) продажу, обезсилѣвшія лошади и, въ заключеніе, появленіе цынги среди населенія. Наблюдается также мѣстами обычное явленіе голодовокъ—раскрытыя крыши, пожертвовавшія свое ветхое покрывало голодному скоту. Картина будущаго — могущій случиться новый недородъ ржи (судя по уходу озимей подъ снѣгъ осенью 1901-го года), сокращеніе крестьянскаго скотоводства, а также всякіе сборы за помощь, оказанную населенію въ 1902 году. Правда, на судьбу пострадавшихъ мѣстностей вятской губерніи можно смотрѣть съ двухъ точекъ зрѣнія:1) съ точки зрѣнія людей знающихъ и понимающихъ нужду —т.-е. согласной съ дѣйствительнымъ положеніемъ вещей, и 2) съ точки зрѣнія уѣздныхъ съѣздовъ (т.-е. согласно различныхъ выкладокъ, формулъ и соображеній многочисленныхъ циркуляровъ), которые ни голодъ, ни падежъ скота, ни недоѣданіе населенія, ни цынгу не признаютъ за признакъ бѣдственнаго положенія населенія, а руководствуются, при опредѣленіи этого положенія, лишь аптекарской мѣркой—„менѣе $^1/_3$ уѣзда", благодаря которой любой уѣздъ при извѣстной умѣлой комбинаціи можетъ быть представленъ чуть-ли не въ цвѣтущемъ состояніи. Поэтому наши новые руководители продовольственнымъ дѣломъ и заявляютъ, гдѣ возможно, съ рѣдкимъ и ни на чемъ не основаннымъ авторитетомъ, что никакого бѣдствія нѣтъ, что это—заблужденіе, сгущеніе мрачныхъ красокъ, что кое-гдѣ въ губерніи положеніе населенія дѣйствительно не особенно блестяще, но въ этомъ случаѣ громадную помощь и солидный заработокъ могли оказать работы) въ казенныхъ лѣсныхъ дачахъ и проч.). Къ сожалѣнію, „лѣнтяй мужикъ" (боясь купанья въ 4-хъ-аршинной толщины снѣгу и слѣдующихъ за этимъ простуды и смерти) почему-то не удовлетворяется отработками за недоимки (когда нѣтъ хлѣба) и незначительной заработной платой (не окупающей даже починку изношеннаго въ работѣ платья)... но это уже его вина, и разные уѣздные чины (имя

имъ легіонъ) признаютъ, что въ губерніи все обстоитъ благополучно". Нѣкоторымъ подтвержденіемъ этихъ словъ служитъ корреспонденція изъ глазовскаго уѣзда, появившаяся въ „Уральской Жизни" и перепечатанная въ „С. Петербургскихъ Вѣдомостяхъ" (№ 120). „Осенью 1901-го года"—читаемъ мы здѣсь,—„г. г. земскіе начальники признали уѣздъ не требующимъ исключительныхъ мѣропріятій; поэтому продовольственныя ссуды сокращались до минимума, хотя земская статистика цифрами указала совершенно противоположное. Грозные вѣстники исключительнаго недорода скоро начали сказываться: тифъ пожиралъ свои жертвы, а въ срединѣ зимы появилась цынга. Въ мартовскомъ засѣданіи земско-медицинскій совѣтъ единогласно призналъ причиной появленія цынги (70 случаевъ) недостаточное питаніе населенія и тогда же высказался за скорѣйшую организацію столовыхъ; но лица, которымъ поручено продовольственное дѣло, мнѣніе медицинскаго совѣта не сочли правильнымъ, цынгу считали исключительнымъ явленіемъ, а причину ея видѣли только въ недостаткѣ овощей. На-дняхъ поступило оффиціальное сообщеніе въ земскую управу отъ врача уканскаго земскаго уч., что у него лечится 600 чел. цынготныхъ и очень много еще незарегистрированныхъ. Отъ Краснаго Креста пока поступило на уѣздъ 1.500 руб. Въ виду того, что гг. земскіе начальники видятъ причину появленія цынги только въ недостаткѣ овощей, а не хлѣба, и такое мнѣніе поддерживаетъ врачъ г. Тиховъ, вопреки постановленію медицинскаго совѣта, на которомъ былъ и самъ, — забота о питаніи возложена на земскихъ врачей: имъ выдаются деньги изъ отдѣленія Краснаго Креста для устройства столовыхъ. Но при массѣ работъ по леченію тысячъ больныхъ эта работа является для нихъ совершенно непосильной. И эта непосильная работа можетъ вызвать уходъ нѣкоторыхъ изъ нихъ: одинъ изъ врачей уже отказался отъ завѣдыванія столовыми. Земство, несмотря на всѣ старанія, не можетъ найти достаточнаго количества медицинскаго персонала; одинъ врачебный участокъ совсѣмъ безъ врача. Въ обществѣ тишина: нѣтъ людей пойти на помощь больнымъ и голоднымъ". Едва ли нужны еще другія доказательства тому, что къ настоящему положенію неурожайныхъ мѣстностей рѣшительно непримѣнимъ афоризмъ: „pas de nouvelles—bonnes nouvelles".

Назначеніе членомъ государственнаго совѣта, несмотря на всю важность этого поста, рѣдко обращаетъ на себя общественное вниманіе, потому что упадаетъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, на должностныхъ лицъ, постепенно приближавшихся къ кульминаціонному пункту служебной карьеры. Таковы товарищи министра, генералъ-губернаторы, почетные опекуны, сенаторы; званіе члена государственнаго совѣта

является для нихъ послѣдней ступенью лѣстницы, неразрывно связанною со всѣми остальными. Отступленіемъ отъ обычая одно изъ двухъ назначеній, состоявшихся 6-го мая, признать, поэтому, нельзя: С. Ѳ. Платоновъ былъ сенаторомъ, т.-е. входилъ въ составъ одной изъ тѣхъ категорій, изъ которыхъ пополняется, по общему правилу, высшее законосовѣщательное учрежденіе. Между сенаторами, конечно, есть группы, въ средѣ которыхъ общественное мнѣніе привыкло искать кандидатовъ въ члены государственнаго совѣта. Сюда относятся, прежде всего, первоприсутствующіе въ департаментахъ, которые почти всѣ переходятъ, рано или поздно, въ государственный совѣтъ: назовемъ, для примѣра, П. А. Зубова, Н. И. Стояновскаго, М. Е. Ковалевскаго, Н. Н. Селифонтова, П. И. Саломона, И. И. Розинга, П. А. Маркова, А. А. Сабурова, Н. Н. Герарда. Другую группу составляютъ сенаторы, пріобрѣвшіе болѣе или менѣе громкую извѣстность на другихъ поприщахъ (напр. К. П. Побѣдоносцевъ, И. Я. Голубевъ, Д. Г. фонъ-Дервизъ, Н. С. Абаза, И. И. Шамшинъ, П. А. Сабуровъ, А. А. Книримъ, В. В. Калачевъ). С. Ѳ. Платоновъ не принадлежалъ ни къ той, ни къ другой группѣ; а потому „Московскія Вѣдомости", привѣтствуя его назначеніе, могли указать только на участіе его, въ качествѣ старшаго чиновника, въ одной изъ сенаторскихъ ревизій 1880-1881 г. Единственный аналогичный прецедентъ, который мы теперь можемъ припомнить—это призывъ въ государственный совѣтъ, около десяти лѣтъ тому назадъ, А. А. Татищева (одновременно съ бывшимъ черниговскимъ губернаторомъ Анастасьевымъ)... Другой новый членъ государственнаго совѣта, П. А. Кривскій, дошелъ до него не обычной дорогой: онъ былъ губернскимъ предводителемъ дворянства (саратовскимъ), т.-е. занималъ такой постъ, съ котораго до сихъ поръ перешли въ государственный совѣтъ, если мы не ошибаемся, только три лица: Г. П. Галаганъ, гр. А. В. Бобринскій и гр. С. Д. Шереметевъ... „Во время разгара либерализма"—говорятъ, по поводу назначенія П. А. Кривскаго, „Московскія Вѣдомости",—„изъ провинціальной глуши раздавались бодрые голоса, указывавшіе на истинныя, дѣйствительныя, а не мнимыя, выдуманныя язвы нашей народной жизни, и призывавшіе къ ихъ врачеванію,—голоса, показывавшіе, что не все еще погибло, что не всѣ еще окончательно сбиты съ толку зловредными политическими бреднями. И однимъ изъ самыхъ выдающихся и убѣдительныхъ такихъ голосовъ былъ голосъ саратовскаго губернскаго предводителя дворянства. Принятіе, въ послѣднія десятилѣтія, нѣкоторыхъ мѣръ для упорядоченія нашей сельской жизни и внесенія въ нее законности, несомнѣнно, было сдѣлано не безъ вліянія мнѣній такихъ выдающихся мѣстныхъ дѣятелей, какъ П. А. Кривскій, А. А. Арсеньевъ (тульскій губ. предводитель) и покойный рязанскій губернскій предво-

дитель Муромцевъ. Вопросъ объ упорядоченіи нашего земледѣльческаго вольнонаемнаго труда обязанъ П. А. Кривскому особенно полнымъ, безпристрастнымъ и вѣрнымъ освѣщеніемъ"... Въ свое время проектъ правилъ о наймѣ сельскихъ рабочихъ, составленный П. А. Кривскимъ, уже былъ подробно разсмотрѣнъ въ нашемъ журналѣ [1]).

Скончавшійся 2-го мая С. А. Рачинскій принадлежалъ, безспорно, къ числу наиболѣе выдающихся общественныхъ дѣятелей нашего времени. Всѣмъ извѣстна его многолѣтняя, самоотверженная дѣятельность въ с. Татевѣ (бѣльскаго уѣзда, смоленской губерніи), гдѣ онъ построилъ образцовую школу и, перейдя изъ профессоровъ университета въ начальные учителя, неусыпно трудился надъ образованіемъ народа. Намъ приходилось нерѣдко возражать противъ мнѣній, которыя онъ высказывалъ въ печати, но мы всегда относились съ глубокимъ уваженіемъ къ человѣку, у котораго дѣло не расходилось съ словомъ. Вмѣстѣ съ „Русскими Вѣдомостями" мы чтимъ въ покойномъ „убѣжденнаго идеалиста, съ неутомимою энергіею проводившаго въ избранномъ имъ призваніи тѣ начала, которыя онъ считалъ необходимыми и наилучшими для народа"...

Журнальный фонд
Моск. вокз. об... библиотеки

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

---

[1]) См. Внутр. Обозрѣніе въ № 9 „Вѣстн. Европы" за 1886 г.; ср. „Обществен. Хрон.", № 1, за 1891 г.

СОДЕРЖАНІЕ
ТРЕТЬЯГО ТОМА

Май. — Іюнь. 1902.

Книга пятая. — Май.

стр.

Портретъ В. А. Жуковскаго и его факсимиле.
Письмо изъ уѣзда къ издателю.—„Вѣстникъ Европы", Январь, 1808 г., № 1.— В. А. ЖУКОВСКАГО III
Примѣчаніе къ портрету Жуковскаго.—М. С. VIII

Россія и вселенская патріархія, послѣ крымской войны..—1856—1860 гг.— По неизданнымъ матеріаламъ.—IV-VII.—КН. Г. Т. 5
Бабушкина внучка.—Повѣсть.—VII-XVII.—Н. П. АННЕНКОВОЙ-БЕРНАРЪ. 52
Среди крестьянскихъ дѣлъ.—Сцены съ натуры.—I-XII.—Н. ДРУЖИНИНА . . 120
„Всеобщее голосованіе во Франціи".—Итоги перваго пятидесятилѣтія.—1848-1898 гг.—Р. М. БЛАНКА 154
Культурное болото.—Повѣсть.—I-II.—Н. ПОКРОВСКАГО 183
Сельскій кредитъ и крестьянское хозяйство.—I-III.—Н. М. КАТАЕВА . . . 205
Волостной писарь и волость.—По личнымъ воспоминаніямъ и наблюденіямъ.— I-V.—Ѳ. МАРИЧЕВА 240
Жизнь Томаса Трука.—Романъ Ф. Голлендера.—Часть четвертая. — Окончаніе.—Съ нѣм. П—НЫ С—ВОЙ 273
На берегахъ рѣки Оки.—Санитарно-статистическій очеркъ.—А. ПАНКРАТОВА. 339
Хроника.—Обвиненія и оправданіе земства.—Письмо въ Редакцію.—КН. ДМИТРІЯ ДРУЦКОГО-СОКОЛЬНИНСКАГО. 351
Внутреннее Обозрѣніе. — Кончина Д. С. Сипягина. — Рѣчь новаго министра внутреннихъ дѣлъ.—Перемѣна въ управленіи министерствомъ народнаго просвѣщенія.—Задачи совѣщанія о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности.—Проектируемые совѣщаніемъ губернскіе комитеты.—Вопросъ о мелкой земской единицѣ на кустарномъ съѣздѣ. — Угличское земство и начальная школа.—Земскія оцѣночныя работы 365
Иностранное Обозрѣніе. — Правительственное сообщеніе о манчжурской конвенціи.—Спорные вопросы и затрудненія на Дальнемъ Востокѣ. — Парламентскіе выборы во Франціи.—Политическія волненія въ Бельгіи.— „Избранная раса" и военные обычаи 390
Литературное Обозрѣніе. — В. Д. Завитневичъ, Алексѣй Степановичъ Хомяковъ, т. I-ый, кн. 1 и 2.—Д.—Маркъ Басанинъ, Записки эмигранта въ Южной Америкѣ.—П. Н. Ардашевъ, Абсолютная монархія на Западѣ. —Л. С.—Данте Алигіери, Божественная Комедія. „Адъ". Перев. Д. Минъ. —А.—Е. Д. Максимовъ. Происхожденіе нищенства и мѣры борьбы съ нимъ.—Н. И. Тезяковъ, Рынки найма сельско-хозяйственныхъ рабочихъ на югѣ Россіи въ санитарномъ отношеніи.—**В. В.**—Новыя книги и брошюры 404
Новости Иностранной Литературы.—I. Hermann Bahr, Der Apostel.—II. Edouard Estaunié, L'Epave.—III. André Beaunier, La poésie nouvelle.—**З. В.** 428
Некрологъ.—Николай Карловичъ Шильдеръ †.—А. Н. ПЫПИНА . . . 446
Изъ Общественной Хроники.—Пятидесятилѣтіе со дня смерти В. А. Жуковскаго.—Планъ „раціональнаго устроенія" русской жизни.—„Гражданинъ" и свобода печати. — Рѣчь и письмо чернскаго уѣзднаго предводителя дворянства.—Два рѣшенія Сената. — Г. И. Успенскій, В. П. Острогорскій и Д. Д. Семеновъ † 450
Извѣщенія.—I. Отъ Спб. Городской Коммиссіи по народному образованію.—II. Изъ Устава С.-Петербургскаго Общества Взаимнаго Вспоможенія 466
Библіографическій Листокъ.—Изданіе Спб. Городской Думы: Ч. I—В. А. Жуковскій; ч. II: Н. В. Гоголь.—М. П. Розенгеймъ, Стихотворенія. М. Винаверъ, Очерки объ адвокатурѣ. — Головачевъ, П., Сибирь: Природа, Люди, Жизнь.—Фришмутъ, Марія, Критическіе очерки и статьи.
Объявленія.—I-IV; I-XII стр.

Книга шестая. — Іюнь.

стр.

Россія и вселенская патріархія, послѣ крымской войны.—1856-1860 гг.—По неизданнымъ матеріаламъ. — VIII-IX.—Окончаніе.—КН. Г. Т. . . . 469
Культурное болото.—Повѣсть.—III-VIII.—Окончаніе.—Н. ПОКРОВСКАГО . . 508
Эразмъ Монтанусъ. — Комедія Людвига Гольберга. — Съ датск. А. и П. ГАНЗЕНЪ 555
Мой романъ.—Часть первая.—СОФЬИ ВИТТЕ 604
Стихотворенія. - Е. ГН. 672
Городское управленіе въ губерніяхъ царства польскаго. — I-VI.—А. СУЛИГОВСКАГО 675
Стихотворенія.—I. Изъ Виктора Гюго: „Презрѣніе". — II. Изъ Ж. Роденбаха: 1. Идеалъ. 2. Одиночество. 3. На стражѣ.—О. МИХАЙЛОВОЙ . . . 698
Бабушкина внучка.—Повѣсть.—XVIII-XXVII.—Окончаніе.—Н. П. АННЕНКОВОЙ-БЕРНАРЪ 702
Кимъ.—Романъ.—Kim, by R. Kiepling.—I-III.—Съ англ. П—НА С—ВА . . 746
Сонеты:—I. Въ паркѣ Медичи.—II. Виночерпій.—III. Баллада. — А. РОТШТЕЙНЪ 801
Старый капитанъ.—Разсказъ.—Н. СѢВЕРОВА 803
Хроника.—Иностранные капиталы въ Россіи.—Б. Ф. Брандтъ, Иностранные капиталы и ихъ вліяніе на экономическое развитіе страны.—В. В. 817
Внутреннее Обозрѣніе. — Правительственныя сообщенія. — Разобщенность различныхъ классовъ населенія и ея результаты. — Еще о мелкой земской единицѣ.—Рѣчь управляющаго мин. нар. просвѣщенія и комментаріи къ ней въ печати. — Отчетъ по вѣдомству православнаго исповѣданія за 1898-й годъ.—Церковно-приходскія школы и школы грамоты. — Квартирныя деньги чиновъ полиціи 834
Иностранное Обозрѣніе.—Поѣздка президента Лубе въ Россію.—Оффиціальные тосты. — „Франко-русскія" манифестаціи и „патріотическая" печать.—Внутреннія дѣла во Франціи.—Дѣло Эмберъ.—Отмѣна закона объ охранѣ въ Эльзасѣ-Лотарингіи.—Рѣчь графа Голуховскаго и русско-австрійское соглашеніе 857
Литературное Обозрѣніе. — Арс. Кадлубовскій, Очерки по исторіи древне-русской литературы—житія святыхъ.—М. Бородкинъ, Славянофильство Тютчева и Герцена. — Мэтью Арнольдъ, Задачи современной критики.—А. П.—М. Н. Капустинъ и его переписка съ А. А. Борзенко.—Z.—Новыя книги и брошюры 874
Новости Иностранной Литературы.—I. W. Jensen, Wilhelm Raabe.—II. Brieux, La petite amie. - З. В. 891
Изъ Общественной Хроники.—Новый фазисъ въ исторіи одного изъ старѣйшихъ русскихъ журналовъ. — „Русскія рѣчи" обновленнаго „Русскаго Вѣстника" какъ вкладъ въ сокровищницу реаціонной печати.—Нѣчто о „сердечности" и „твердости".—Судьба трехъ земскихъ ходатайствъ.—Новыя назначенія.—С. А. Рачинскій † 904
Библіографическій Листокъ.—В. Д. Спасовичъ, Замѣтки о проектѣ земскаго управленія для 13 не-земскихъ губерній.—П. Таннери, Первые шаги древне-греческой науки, перев. Э. Радлова и Г. Церетели, съ предисл. А. И. Введенскаго.—Шиповъ, П., капитанъ, Русская одежда.—Н. Азбелевъ, Единство въ устройствѣ вселенной. — И. И. Игнатовичъ, Помѣщичьи крестьяне наканунѣ освобожденія.—Русскій Біографическій Словарь: Павелъ преподобный.—Петръ (Илейка).
Объявленія. — I-IV; I-XII стр.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

В. Д. Спасовичъ.—Замѣтки о проектѣ земскаго управленія для 13 не-земскихъ губерній. Спб. 902.

Авторъ, приведя въ началѣ своихъ замѣтокъ краткій историческій очеркъ самаго вопроса, обращается затѣмъ къ подробному разсмотрѣнію новаго проекта земскаго управленія въ 13 губерніяхъ, который обходится совсѣмъ безъ выборовъ и потому является вполнѣ бюрократическимъ. Съ одной стороны, авторомъ приводятся общія для всѣхъ русскихъ губерній возраженія, преимущественно юридическаго свойства, а съ другой - особыя возраженія противъ проекта по національному вопросу, политически затрудняющему постановку земскаго хозяйства спеціально въ девяти губерніяхъ западной окраины, и въ заключеніе даетъ отвѣтъ „Кіевлянину" на его передовыя статьи, направленныя противъ автора. Такъ какъ во всѣхъ западныхъ губерніяхъ существуютъ и дѣйствуютъ съ успѣхомъ сельско-хозяйственныя общества, съ утвержденными правительствомъ уставами, то, по мнѣнію автора, было бы уже лучше, еслибы губернаторы были обязаны по крайней мѣрѣ спрашивать мнѣніе правленій этихъ обществъ о кандидатахъ на должность гласныхъ предварительно ея замѣщенія. Авторъ не считаетъ, впрочемъ, этого способа пріисканія гласныхъ наилучшимъ, но - пока не находятъ возможнымъ правильное разрѣшеніе вопроса,—этотъ способъ,—полагаетъ авторъ,—былъ бы все-таки лучше, нежели назначеніе гласныхъ министромъ изъ кандидатовъ, избираемыхъ по своему усмотрѣнію начальникомъ губерніи, какъ то предполагается по послѣднимъ проектамъ.

П. Таннери.—Первые шаги древне-греческой науки. Перев. проф. Э. Радлова и Б. Церетели, съ предисловіемъ проф. А. И. Введенскаго. Спб. 902. Ц. 2 р.

Настоящій трудъ посвященъ древнѣйшему періоду греческой философіи, который продолжался цѣлыхъ два столѣтія и служилъ, такъ сказать, подготовленіемъ къ ея полному расцвѣту, начиная съ половины V-го вѣка до Р. Х., когда, подъ вліяніемъ ученія Сократа, впервые явилось и самое названіе философіи, какъ новый терминъ, въ произведеніяхъ Платона и Аристотеля. Только съ того времени начался процессъ выдѣленія изъ этой „науки всѣхъ наукъ", всеобъемлющей науки, различныя спеціализаціи, какъ геометрія, физика, математика. Всестороннее изученіе этого первичнаго періода греческой философіи, отъ Ѳалеса до Сократа и современныхъ ему софистовъ,—чему именно и посвящена книга Таннери,—даетъ обстоятельную картину самыхъ первыхъ шаговъ древне-греческой науки, а потому можетъ представлять интересъ не только для спеціалистовъ, но и для всякаго желающаго ознакомиться съ началомъ исторіи человѣческаго знанія.

Шиповъ, П., капитанъ.—Русская одежда. Ex Oriente lux. Спб. 901.

По мнѣнію автора, распространеніе русской одежды „среди культурныхъ классовъ русскаго народа несомнѣнно будетъ имѣть огромное значеніе не только въ смыслѣ эстетическомъ, но особенно въ государственномъ (!?) и патріотическомъ". Для убѣжденія въ эстетическомъ значеніи русской одежды авторъ прибѣгаетъ къ изображенію въ каррикатурѣ современной общеевропейской мужской одежды, а для доказательства другихъ преимуществъ русской одежды, какъ-то, государственности и патріотизма, ссылается на французскія поговорки: „L'habit est une partie intégrante de l'homme; il agit sur nos sens et détermine (!) notre jugement. L'habit fait l'homme". По автору слѣдовало бы вспомнить и другія также французскія изреченія, какъ напр.: „L'habit ne fait pas le moine". Да наконецъ и русская пословица говоритъ: „По платью встрѣчаютъ, а по уму провожаютъ". Едва ли бы кто рѣшился, во Франціи, Германіи или Англіи, серьезно предложить, для усиленія патріотизма, переодѣть культурные классы въ средневѣковой костюмъ.

Азбелевъ, Н. П. — Единство въ устройствѣ Вселенной. Общедоступныя лекціи. Съ 21 табл.-рис. Спб. 902. Ц. 3 руб.

Настоящее изданіе представляетъ собою результатъ двадцатилѣтнихъ научныхъ занятій астрономіею и тѣсно связанною съ нею космогоніею. Первыя три лекціи имѣютъ своимъ предметомъ происхожденіе и исторію развитія тѣлъ солнечной системы, изслѣдованіе основаній спектральнаго анализа и сущность ученія о природѣ электрическихъ явленій. Послѣднія три лекціи посвящены кометамъ, падающимъ звѣздамъ, звѣзднымъ туманностямъ и основнымъ началамъ космогоніи. Изданіе богато снабжено тщательно выполненными иллюстраціями, что увеличиваетъ общедоступность текста.

И. И. Игнатовичъ. Помѣщичьи крестьяне наканунѣ освобожденія. Спб. 1902 г. Изд. Л. Ф. Пантелѣева. Стр. 216. Ц. 1 р.

Книга г-жи И. Игнатовичъ содержитъ въ себѣ добросовѣстный, сжатый обзоръ фактическихъ условій, порядковъ и законовъ, опредѣлявшихъ положеніе помѣщичьихъ крестьянъ до реформы 19-го февраля 1861 года. Обширный матеріалъ, собранный авторомъ, разработанъ весьма умѣло, и книга читается съ большимъ интересомъ. Въ концѣ приложено нѣсколько статистическихъ таблицъ.

Русскій Біографическій Словарь.—Павелъ Преподобный—Петръ (Илейка). Спб. 902. Изданъ подъ наблюденіемъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества.

Новый выпускъ, какъ и прежніе, не слѣдуя общему алфавитному порядку изданія, составляетъ обширный сборникъ, въ 700 слишкомъ страницъ, жизнеописаній цѣлой массы лицъ, дѣйствовавшихъ на различныхъ поприщахъ государственной, общественной, церковной и литературной дѣятельности въ исторіи Россіи какъ древнихъ, такъ и новѣйшихъ вѣковъ. Въ настоящемъ выпускѣ встрѣчаются и довольно обширныя статьи, какъ, напримѣръ, біографія имп. Павла I (64 стр. въ 2 столбца); здѣсь же можно найти обстоятельные очерки жизни такихъ лицъ, какъ Павскій, законоучитель покойнаго императора Александра II, гр. Петръ Паленъ, Палласъ, гр. Викторъ Панинъ, Парротъ, гр. Паскевичъ Эриванскій, Паткуль, д-ръ Пеликанъ, гр. Перовскіе, Пестель, Петрашевскій-Буташевичъ, и мн. др.

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ

ВЪ 1902 Г.

(Тридцать-седьмой годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ"

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ,

выходитъ въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца, 12 книгъ въ годъ, отъ 28 до 30 листовъ обыкновеннаго журнальнаго формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

	На годъ:	По полугодіямъ:		По четвертямъ года:			
		Январь	Іюль	Январь	Апрѣль	Іюль	Октябрь
Безъ доставки, въ Конторѣ журнала	15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 80 к.
Въ Петербургѣ, съ доставкою	16 „ — „	8 „ — „	8 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
Въ Москвѣ и друг. городахъ, съ перес. .	17 „ — „	9 „ — „	8 „ — „	5 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
За границей, въ госуд. почтов. союза . . .	19 „ — „	10 „ — „	9 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	4 „ — „

Отдѣльная книга журнала, съ доставкою и пересылкою — 1 р. 50 к.

Примѣчаніе. — Вмѣсто разсрочки годовой подписки на журналъ, подписка по полугодіямъ: въ январѣ и іюлѣ, и по четвертямъ года: въ январѣ, апрѣлѣ, іюлѣ и октябрѣ, принимается—**безъ повышенія годовой цѣны подписки.**

Книжные магазины, при годовой и полугодовой подпискѣ, пользуются обычною уступкою.

ПОДПИСКА

принимается на второе полугодіе и третью четверть года:

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ:

— въ Конторѣ журнала, В. О., 5 л., 28;
— въ отдѣленіяхъ Конторы: при книжныхъ магазинахъ К. Риккера, Невск. просп., 14; А. Ф. Цинзерлинга, Невскій пр., 20.

ВЪ МОСКВѢ:

— въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, на Моховой, и въ Конторѣ Н. Печковской, въ Петровскихъ линіяхъ.

ВЪ КІЕВѢ:

— въ книжн. магаз. Н. Я. Оглоблина, Крещатикъ, 33.

ВЪ ОДЕССѢ:

— въ книжн. магаз. „Образованіе", Ришельевская, 12.

ВЪ ВАРШАВѢ:

— въ книжн. магаз. „С.-Петербургскій Книжн. Складъ" Н. П. Карбасникова.

Примѣчаніе.—1) *Почтовый адресъ* долженъ заключать въ себѣ: имя, отчество, фамилію, съ точнымъ обозначеніемъ губерніи, уѣзда и мѣстожительства, и съ названіемъ ближайшаго къ нему почтоваго учрежденія, гдѣ (NB) *допускается* выдача журналовъ, если нѣтъ такого учрежденія въ самомъ мѣстожительствѣ подписчика.—2) *Перемѣна адреса* должна быть сообщена Конторѣ журнала своевременно, съ указаніемъ прежняго адреса, при чемъ городскіе подписчики, переходя въ иногородные, доплачиваютъ 1 руб., и иногородные, переходя въ городскіе—40 коп. — 3) *Жалобы* на неисправность доставки доставляются исключительно въ Редакцію журнала, если подписка была сдѣлана въ вышепоименованныхъ мѣстахъ, и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, *не позже* какъ по полученіи слѣдующей книги журнала. — 4) *Билеты* на полученіе журнала высылаются Конторою только тѣмъ изъ иногородныхъ или иностранныхъ подписчиковъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ **М. М. Стасюлевичъ.**

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ":
Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., 5 л., 28.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., Академич. пер., 7.